

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

6/2011

Журнал
«Семь искусств»

Июнь 2011

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2011

Журнал

«Семь искусств»

Июнь 2011

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер

Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Василий Демидович	
Михаил Ильич Зеликин	5
Габриэль Меерзон	
Виталий Лазаревич Гинзбург	18
Симон Шноль	
Л.А. Блюменфельд: Биофизика и Поэзия	27
Андрей Масевич	
Генделев	61
Эдуард Бормашенко	
Чехов	154
Исанна Лихтенштейн	
Антон Павлович Чехов	163
Игорь Фунт	
Чёрное платье символ эпохи	203
Игорь Ефимов	
Убийство президента	235
Александр Зелинский	
Украина – родина мамонтов!	252
Борис Тененбаум	
Крах Великой Армии	267
Илья Куксин	
«Жаннетта»	286
Виктор Юзефович	
«Если в Ваш лавровый суп подсыпать немного перца...» ..	294
Моисей Борода	
Концерт Моцарта	362
Василий Когаловский	
«Баба» против «Неги»	391
Лев Мадорский, Анатолий Зак	
Пять удивительных историй о музыке	400
Владимир Дембо	
Как поддержать интерес ребёнка во время занятий	418
Соломон Воложин	
Вон, Триер!	430
Злата Зарецкая	
На Баррикадах Культуры	435
Лариса Миллер	

«Стихи гуськом»	454
Марк Азов	
Ковчег «Ной»-2	464
Александр Каневский	
Дед Мороз. Три рассказа	473
Александр Матлин	
По следам святого Наума	485
Елена Матусевич	
Лето в раю. Рассказы	496
Елена Крюкова	
Елена Тайчер-Минкина: жизнь прежде всего	507
Нелли Портнова	
Стихи и проза Константина Кикоина	511
Михаил Юдсон	
Окна Кикоина	521
Борис Э. Альтшулер	
Поездка в рай	531
Михаил Зеликин	
Путевые и непутевые заметки с атомной начинкой	563
Об авторах	611

Василий Демидович Михаил Ильич Зеликин

Профессор кафедры общих проблем управления Михаил Ильич Зеликин, к которому я обратился за интервью вслед за беседой с В.М. Тихомировым, выразил желание ответить на мои вопросы письменно. И на переданный ему «сценарий» интервью со мной я, где-то через неделю, получил от него ответ в виде своеобразного эссе.

Михаил Ильич Зеликин

Ниже приводятся мои заготовленные вопросы интервью и ответный текст Михаила Ильича. Кроме того я получил у Михаила Ильича согласие опубликовать, в качестве приложения к нашей «беседе», написанный им несколько лет тому назад очерк (так и оставшийся тогда не напечатанным) о его автомобильном путешествии по математическим центрам ряда европейских стран, содержащий не только интересные туристические наблюдения, но и общественно-значимые размышления, отражающие его бескомпромиссные гражданские позиции.

(Публикуется в виде отдельной статьи в настоящем номере журнала – ред.).

I. Вопросы к М.И. Зеликину

Дорогой Михаил Ильич! Мы давно уже «на ты», поэтому, если нет возражений, с таким обращением и проведём нашу «беседу».

Я всегда относился к тебе как к «мудрому старшему брату» – да ты и на самом деле учился на Мехмате МГУ с моим старшим братом. И кое в чём о вашем «мехматском поколении» я осведомлён. Тем не менее мне будет интересно узнать поподробнее о поре твоей юности.

Разумеется, если какие-нибудь из моих вопросов покажутся тебе «неудобными», то ты их пропусти «без комментариев». А вопросы мои таковы:

1. Сначала я всех интервьюируемых прошу предварительно рассказать немного о себе и своей семье. А именно ответь, пожалуйста, на следующее:

а) когда и где ты родился,

б) как звали твоих родителей и чем они занимались, в частности, был ли кто-нибудь из них «связан с математикой»,

в) были ли у тебя братья и сёстры и если «да», то кем они стали по профессии,

г) рано ли у тебя пробудился интерес к математике, участвовал ли ты в математических кружках и олимпиадах?

2. На Мехмат МГУ ты поступил, как я понимаю, сразу после школы. И было это в 1953 году – тогда же поступил и мой старший брат. Как происходило это поступление для тебя лично:

а) Если у тебя была медаль, то ты должен был пройти лишь одно собеседование – не так ли? Помнишь ли ты, кто, в этом случае, проводил с тобой такое собеседование?

И было ли оно для тебя тогда лёгким испытанием, или же какой-нибудь вопрос вызвал у тебя затруднение?

б) Если же медали у тебя не было, то ты вынужден был сдавать «кучу» вступительных экзаменов – помимо письменного и устного экзамена по математике (кстати, устный экзамен тогда был «единым» или он ещё

подразделялся на отдельные экзамены по алгебре, геометрии, тригонометрии?) нужно было сдавать и физику, и химию, и русский язык, и иностранный язык и ещё что-то. Помнишь ли ты, как всё это происходило в этом случае с тобой? В частности, кто тогда принимал у тебя устный экзамен по математике и трудным ли он тебе показался?

3. Ваш курс был первым, который сразу стал обучаться в «новом здании МГУ» на Ленинских горах. Напомни, пожалуйста, кто у вас на I курсе были лектора:

а) по Математическому анализу,

б) по Алгебре,

в) по Аналитической геометрии?

4. Быстро ли у тебя установились дружеские отношения с однокурсниками?

5. Ты старался подробно «записывать» лекции или предпочитал прежде всего внимательно в них «вслушаться»? Я, например, часто записывал лекции «механически», не всегда понимая материал – и лишь потом его «расшифровывал». И завидовал однокурсникам, которые, наоборот, почти не записывая, лишь сосредоточенно слушали лектора – и при этом потом отлично сдавали экзамены. А у тебя как было?

6. Легко ли ты сдал свою первую сессию? «Срывов» не было?

7. Спецсеминары и спецкурсы ты стал посещать с первого курса? Не вспомнишь ли ты, как ты выбрал свой первый спецсеминар – кто его вёл и как ты на нём оказался?

8. Курсовые работы тогда писались, начиная со второго курса. Кто был руководителем твоей первой курсовой работы – Евгений Фролович Мищенко?

9. Я слышал, что студенты тогда кафедру «сами не выбирали». А как у тебя произошла «кафедральная специализация» – просто по тому, на какой кафедре работал научный руководитель?

10. Лектором по ОДУ на вашем курсе (как и на нашем курсе) был Лев Семёнович Понтрягин. А кто ассистировал ему у доски (в моё время это блестяще делал Николай Христович Розов)? И каково было твоё впечатление от этого курса?

Для меня он был «трудным», в частности, из-за того, что каждая фраза Льва Семёновича содержала «строго выверенную информацию», сообщаемую без каких-нибудь «лирических отступлений». А тебя это «не напрягало»?

11. Когда ты лично познакомился со Львом Семёновичем? И как у вас происходило общение – не было ли у тебя перед ним чувства «робости» и «страха» или, наоборот, всё у вас сразу же стало протекать «просто» и «дружелюбно»? Ведь известно, что Лев Семёнович был человеком резким, мог на своего ученика разозлиться и «прогнать от себя».

12. Свой первый научный результат, рекомендованный «к печати», ты получил ещё будучи студентом?

13. Общение с какими ещё математиками Мехмата МГУ произвело на тебя особенное впечатление? Расскажи немного о них.

14. После окончания Мехмата МГУ в 1958 году ты поступил в факультетскую аспирантуру по кафедре дифференциальных уравнений. И твоим непосредственным научным руководителем стал уже Лев Семёнович?

15. Кстати я у всех спрашиваю, легко ли было получить тогда рекомендацию в аспирантуру? Ведь кроме учебных и научных успехов нужно было получить ещё «добро» от комсомольской и партийной факультетской организации. Не было ли у тебя с этим трудностей? И какой общественной работой ты занимался в студенческую пору? В частности, не участвовал ли ты в самодеятельном мехматском хоре – я знаю, что у тебя хороший музыкальный слух и ты неплохо умеешь петь.

16. А кто принимал у тебя вступительный экзамен по математике в аспирантуру? Трудно ли было его сдавать?

17. С Игорем Ростиславовичем Шафаревичем ты познакомился в аспирантскую пору? Расскажи, пожалуйста, как это произошло. И легко ли ты нашёл с ним «общий язык»?

18. С написанием кандидатской диссертации ты «уложился в срок»? Каково было её название?

19. Кто был у тебя оппонентом по кандидатской диссертации? Защита была на Мехмате МГУ или в МИАН СССР?

20. После окончания аспирантуры ты был зачислен на факультетскую кафедру математического анализа. Заведующим кафедрой был тогда Николай Владимирович Ефимов. Он знал тебя до твоего прихода на кафедру?

21. Ты сразу стал вести семинарские занятия на Мехмате МГУ или сначала тебя «бросили» на какой-нибудь другой факультет?

22. Я знаю, что ты всегда был требовательным, но благожелательным преподавателем, и проверяешь на экзаменах не «заученность» формулировок, а их «понимание».

Как-то (было это ещё в начале 1960 годов) ты принимал на Мехмате устный вступительный экзамен (вместе с каким то аспирантом) у одного из выпускников 2-й матшколы, а мой отец, в своей паре, принимал этот же экзамен поблизости, и невольно слышал, как ты экзаменовал, о чём мне потом и рассказал. Так вот в ходе беседы с абитуриентом у тебя возник вопрос, как он определяет операции с комплексными числами и каковы свойства этих операций? «Твой» абитуриент, не желая ограничиться обычным «школьным» определением этих операций, и указать, что для них справедливы известные законы «перестановочности, сочетательности и распределительности» (тогда так надо было говорить!), решил «учённость свою показать» и с апломбом заговорил «о поле комплексных чисел, о его алгебраической замкнутости и о том, что оно является единственным минимальным расширением поля действительных чисел». Твой аспирант-напарник благодушно всё это слушал.

Но ты, несколько не поддавшись на «выказанную учёность», с хитрецей спросил у абитуриента, точно ли он уверен в пресловутой «единственности»? Не получив от уже стушевавшегося абитуриента вразумительного ответа (думаю, что даже после уточнения «единственность с точностью до изоморфизма» ты бы не отстал от него, а начал бы «расспрашивать про изоморфизм»), ты оставил эту

тему беседы, и попросил решить какую то конкретную задачку. Не сразу, но с задачкой абитуриент, всё же, справился. В общем, ты ему поставил «четвёрку», посоветовав на будущее «не жонглировать» высокопарными утверждениями, не до конца их осмыслив. И отец удовлетворённо тогда мне сказал: «Миша Зеликин – хорошее приобретение для нашей кафедры, его на мякине не проведёшь!».

А с накоплением педагогического и жизненного опыта ты не изменил свой стиль приёма экзаменов? И нужно ли, по твоему мнению, в нынешней «не простой» ситуации «учитывать», что многие студенты вынуждены «подрабатывать для выживания» (ведь на одну стипендию теперь прожить нельзя!), конечно же, в ущерб учёбе?

23. В 1971 году ты с кафедры математического анализа перешёл к нам на кафедру ОПУ. И лишь тогда появился на факультете твой собственный спецсеминар (кажется, под названием «Дифференциальные игры») или собственный спецсеминар у тебя был и раньше?

24. На кафедре ОПУ в 1970 годы было очень много студентов – в один из этих годов на неё подали заявления около 90 второкурсников (и на третьем курсе тогда стало четыре «полностью опушных» мехматских групп!). А твой спецсеминар пользовался популярностью. Как же ты с этим обилием учеников «справлялся» и помнишь ли ты своего 1-го аспиранта?

25. Кто были оппоненты по твоей докторской диссертации, блестяще защищённой в 1988 году?

26. Я знаю, что твою докторскую диссертацию очень высоко оценил Николай Николаевич Красовский. Расскажи, что знаешь, об этом замечательном учёном из Свердловска. В частности, поддерживал ли он тебя (и твоих единомышленников) в борьбе против переброски на юг стока северных и сибирских рек и против ввоза в Россию отработанного ядерного материала?

27. С 1992 года ты являешься профессором нашей кафедры. И ты начал регулярно читать для четверокурсников Мехмата МГУ основной кафедральный курс «Вариационное исчисление и оптимальное

управление». Не считаешь ли ты, что этот курс, усилиями ведущих профессоров кафедры ОПУ становившийся с годами всё более многогранным и многоплановым, а в итоге своим содержанием завоевавший (говорю без ложной скромности за нашу кафедру) самые передовые позиции в математическом мире, в то же время стал «уже не подъёмным» для среднего студента-мехматянина? Может пора перейти к «упрощению» курса или даже мысль о таком переходе «стратегически губительна» для Мехмата МГУ?

28. И последний, опять же традиционный для меня, вопрос: доволен ли ты как сложилась у тебя судьба и ни о чём ли ты не жалеешь? Я вполне удовлетворюсь любым твоим самым кратким ответом на этот, в общем-то, интимный, вопрос.

В заключение этого списка вопросов я от души пожелал Михаилу Ильичу доброго здоровья и исполнения всех его творческих и житейских планов.

II. Ответ М.И. Зеликина

Дорогой Вася! Я отвечу тебе не в форме интервью, а, скорее, в форме монолога, или, если хочешь, в виде потока воспоминаний, где твои вопросы будут всего лишь путеводной ниточкой.

Родился я в Москве 11 февраля 1936 г. Отец – главный энергетик завода им. Калинина, мать работала в Отделе Технического Контроля литейного цеха завода им. Владимира Ильича, старший брат – инженер-строитель.

Математика мне всегда давалась легко, но в кружках и олимпиадах я никогда не участвовал, мечтая по примеру старшего брата стать архитектором, хотя по настоящему я полюбил архитектуру лишь в зрелом возрасте, побывав в Италии. Во всяком случае о профессии математика я серьёзно не думал. Мои друзья одноклассники говорили: «В математике все известно, разве там возможна творческая работа?» Правда, в восьмом классе мне неведомо как попала в руки книжка Куранта и Роббинса «Что такое математика», откуда я узнал про дифференцирование и интегрирование (в школьную программу это в наше время не входило).

В учебнике физики я тогда прочитал написанный мелким шрифтом текст, где говорилось, как надо

скомбинировать проводники с различным сопротивлением, чтобы общее сопротивление цепи было минимальным. Далее говорилось, что с помощью высшей математики можно доказать, что... (следовал ответ). Поскольку я только что узнал, как находить минимум с помощью дифференцирования, я формализовал для себя соответствующую задачу, продифференцировал и... Когда я обнаружил, что полученный результат совпадает с ответом в учебнике, я почувствовал восторг, превосходящий даже те чувства, которые впоследствии во мне возникали при получении совершенно новых красивых математических результатов. Этот восторг открытия и решил мою судьбу. Правда, закончив школу с золотой медалью, я по инерции пошел сдавать документы в архитектурный институт. Но в приемной комиссии меня «обрадовали»: «Вас не пропустит медкомиссия, т. к. у нас очень много черчения». Дело в том, что у меня одна рука; в десять лет я потерял левую руку, упав с турника. Не слишком огорчившись, я пошел на мехмат.

Собеседование я проходил еще на Моховой, а с 1 сентября 1953 г. пришел в только что открытое новое здание университета на Ленинских горах. Поэтому я считаю себя его ровесником.

Время моего обучения на мехмате было золотым веком московской математической школы. Созвездие возглавлявших ее математиков вполне сопоставимо с коллективами любых французских, немецких и прочих математических школ в лучшие периоды их расцвета. На первом курсе запомнились лекции А.Г. Куроша по алгебре и Б.Н. Делоне по аналитической геометрии. Мне посчастливилось слушать на втором курсе лекции И.Р. Шафаревича по алгебре, лекции А.Я. Хинчина по математическому анализу, лекции П.К. Рашевского по геометрии; Л.С. Понтрягин читал лекции по обыкновенным дифференциальным уравнениям. На третьем курсе были лекции А.О. Гельфонда по теории функций комплексного переменного, С.Л. Соболева по уравнениям в частных производных... это не говоря уже об эпизодических лекциях других наших замечательных ученых.

Каждый из лекторов был по-своему артистичен. Например, Александр Геннадьевич Курош в критических пунктах доказательства, типа: «Мы доказали, что этот определитель НЕ РАВЕН НУЛЮ!» поднимал свой голос до столь огненного пафоса, что уснувшие просыпались, а старательные девочки вздрагивали, напрочь теряя нить предшествовавших рассуждений. Подобные нагрузки на голосовые связки требовали свободного дыхания, и Александр Геннадьевич ухитрялся превращать процедуру освобождения своего носа в священнодействие. Нимало не смущаясь, он запрокидывал голову, накладывал на лицо платок, брался поверх него за нос, и... Аудиторию 16-10 и, наверное, ряд смежных этажей потрясал трубный звук, подобный реву марала в весеннем лесу. Борис Николаевич Делоне в процессе лекции развлекал аудиторию и самого себя байками и анекдотическими рассказами про математиков. Запомнилась легкость и чистота лекций А.Я. Хинчина, глубина И.Р. Шафаревича, аккуратность почти до педантизма П.К. Рашевского. С.Л. Соболев меня поразил. Однажды на лекции он сказал: «Рассмотрим характеристики этого уравнения». Заметив на лицах студентов недоумение, он спросил: «Разве вам не читали в курсе обыкновенных дифференциальных уравнений про характеристики уравнений в частных производных первого порядка? Ну тогда я это сейчас быстренько расскажу». И в течение примерно получаса он аккуратно, со всеми необходимыми определениями и довольно серьезными выкладками изложил нам эту теорию. Я был потрясен тем, что он без подготовки прочел почти целую лекцию и лекцию не простую. Потом закралось подозрение, что этот экспромт был заранее запланирован. Впоследствии я на своих лекциях пару раз воспользовался этим приемом, когда мне хотелось рассказать ребятам какое-нибудь яркое доказательство, лежащее несколько в стороне от основной темы лекции.

На первом курсе семинары по аналитической геометрии вел в нашей группе Е.Ф. Мищенко. Наверное, мои выступления на семинарах ему понравились, и однажды он мне сказал: «Миша, разумно учиться у Понтрягина.

Курсовую на втором курсе будешь писать у меня». Таким образом вопрос о выборе кафедры и руководителя решился сам собой. На третьем курсе Евгений Фролович передал меня Понтрягину.

Расскажу про свой первый визит к Льву Семеновичу. Мне было назначено время – 15 часов. Я очень волновался, боялся опоздать или прийти слишком рано. Я погулял перед домом, поднялся на лифте и, взглянув на часы, увидел, что было без двух минут три. Я выждал эти две минуты и ровно в 15-00 нажал на кнопку звонка. Лев Семенович открыл дверь и спросил: «Это Вы поднимались на лифте?» Напомню, что Понтрягин был абсолютно слеп, и он конечно слышал звук поднимавшегося лифта. Я подтвердил. «Что же Вы не позвонили сразу?» И они с мамой весело посмеялись над моей излишней педантичностью. Потом Лев Семенович объяснил мне задачу, над которой он думает, и предложил: «Давайте думать вместе». И я впервые увидел, как работает настоящий (и притом гениальный) математик. Он обдумывал и диктовал мне доказательство с нетривиальными ходами мысли и с длинными формулами. Казалось, что он читает текст, открытый перед его мысленным взором. В какой-то момент он задумался и потом сказал: «Кажется аналогичная ситуация встречалась у Осгуда. Посмотрите на пятой полке четвертую книгу справа и прочтите из такой-то главы, как он с этим справился». Книга была слава Богу на немецком. «Этот приём нам пригодится» – сказал, выслушав, Лев Семенович: «Но мы с Вами сделаем попроще и посовременнее».

Лев Семенович дал мне следующую задачу. В книге Н.М. Крылова и Н.Н. Боголюбова в связи с вопросами усреднения была опубликована теорема об отображениях близких к тождественным. Если есть однопараметрическое семейство отображений евклидова пространства на себя, которое превращается в тождественное при параметре равном нулю, и если главная линейная часть этого семейства определяет векторное поле с невырожденным предельным циклом, то при достаточно малом параметре в окрестности цикла существует кривая, отображающаяся на себя. Доказательство этой теоремы, приведенное в книге,

содержало существенную ошибку. А именно, доказательство проводилось в системе координат, которая существует только в случае ориентируемых усов цикла. Лев Семенович предложил мне найти доказательство, которое проходило бы и в неориентируемом случае. Я придумал комплексифицировать рассматриваемую систему (комплексные многообразия всегда ориентируемы), доказал существование неподвижной кривой, а затем доказал, что эта кривая действительна. Это была моя первая печатная работа, опубликованная, когда я учился на 4-м курсе.

Однажды мы с Львом Семеновичем шли по коридору Стекловского института и нам встретился Николай Николаевич Боголюбов. Поздоровавшись с ним Лев Семенович с самым невинным видом сказал, указывая на меня: «Вот он доказал Вашу теорему». Вряд ли это было приятно услышать Николаю Николаевичу. Кому понравится напоминание о своей опубликованной и неисправленной ошибке. Но ещё большее неудобство почувствовал я. Моим результатом попрекнули совершенно замечательного математика.

После защиты диплома Лев Семенович торжественно сказал: «Теперь я должен называть Вас Михаил Ильич!» Но тем не менее всю жизнь звал меня Миша.

На приемных экзаменах в аспирантуру С.П. Фиников, который почему-то оказался в комиссии, спросил меня об условиях второго порядка для геодезических. Это нам не читали, но я знал. С тех пор это любимая тема моих лекций.

В качестве одного из отчетов кандидатского минимума Л.С. Понтрягин предложил мне разобрать недавно вышедшую работу И.Г. Петровского и Е.М. Ландиса о числе предельных циклов полиномиальных векторных полей на плоскости. Это было мое первое математическое фиаско! Промучившись довольно долго, я вынужден был признаться Льву Семеновичу, что не могу доказать некоторые факты, сформулированные в работе. У меня не хватило математической смелости решить, что мои сомнения имеют объективную основу. Я спасовал перед

высоким авторитетом Ивана Георгиевича Петровского, подкрепленным Сталинской премией, присужденной за эту работу. Вскоре выяснилось, что эти дыры никому не удастся заштопать, а лет через восемь Петровский и Ландис отозвали свое доказательство. Проблема не решена до сих пор.

Я всегда старался, по возможности, уклоняться от общественной работы. Л.А. Тумаркин, парторг кафедры математического анализа, вызвал меня и предложил вступить в партию. Я ответил, что не готов. Но от меня не сразу отвязались. Почему-то меня назначили председателем комиссии партгосконтроля по проверке работы заочного отделения мехмата. Ситуация была непростая. В дни экзамена на заочном отделении вся кафедра матанализа (а это человек 30) мобилизовалась в ружье. Я помню аудиторию 14-08 битком набитую престарелыми (как мне тогда казалось) студентами заочного отделения, желающими сдать экзамен. Вот кончается время, отведенное для подготовки ответа, Женя Майков поднимается на возвышение и прекрасно поставленным баритоном на всю огромную аудиторию гласом архангела, возвещающего о конце света, провозглашает: «Время кончилось!» И мы с утра до вечера экзаменуем и без усталости ставим одну двойку за другой.

Для того чтобы выполнить возложенную на меня обязанность председателя комиссии партгосконтроля я собрал статистику: сколько студентов поступало на заочное отделение, сколько рабочего времени было на них потрачено, и сколько студентов успешно заканчивало обучение. Цифры оказались настолько красноречивыми (поступали сотни, кончали единицы), что было принято решение о закрытии заочного отделения мехмата. Я до сих пор не знаю, хорошо ли я поступил. Дело в том, что в то время существовал план выпуска специалистов. Мы свободно ставили двойки на дневном отделении, т. к. в случае отчисления большого числа студентов, можно было перевести лучших студентов заочного отделения на дневное, и, тем самым, не сорвать план выпуска. После ликвидации заочного отделения буфера не стало, и усилилось давление

со стороны деканата на преподавателей, с целью понизить требовательность, чтобы сохранить побольше студентов. В результате уровень подготовки студентов понижался. Сейчас он гораздо ниже, чем в мое время. Надеюсь, что это происходит не из-за меня.

В первые годы моего преподавания у меня была слава доброго экзаменатора. Многие преподаватели сердятся и ставят двойки, если студент чего-то НЕ ЗНАЕТ. Я же всегда старался выяснить, что студент ЗНАЕТ, и в случае удачного поиска ставил положительную оценку, не забывая объяснить пункты, которые он недоработал. Но недавно я узнал, что считаюсь «зверем». Мой аспирант Лёва Локуциевский по просьбе своих товарищей скрыл от меня день сдачи кандидатского экзамена по дифурам. Они, оказывается, боялись моих вопросов.

В настоящее время мой метод приема экзаменов можно было бы назвать лингвистическим. При должном опыте по стилю ответа студента, доказывающего теорему, нетрудно понять, насколько глубоко он осознает то, что говорит. В случае сомнения поможет уточняющий вопрос. Именно поэтому я не люблю письменных экзаменов. Написанный текст ничего не говорит об авторе ответа. К тому же жалко лишать студентов разговора с настоящими профессиональными математиками.

Дорогой Вася! Что касается твоего последнего вопроса, то я отвечу на него цитатой из Гиппократы: «Жизнь коротка, путь искусства долог, опыт обманчив, случай мимолетен, суждение трудно». Жалеть о прошлом неконструктивно. Надо стараться извлечь из обманчивого опыта нетривиальные суждения и уметь достойно встречать те случаи, которые Бог посылает на нашем пути...

Май 2007 года

Габриэль Меерзон

Виталий Лазаревич Гинзбург

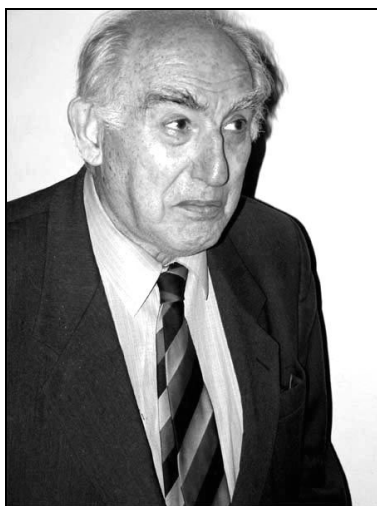
Учёный, гражданин, человек

Виталий Лазаревич Гинзбург принадлежал к той замечательной плеяде отечественных учёных-физиков, на чьи плечи легло решение двух исторических задач. Эти учёные внесли достойный вклад в становление физической науки двадцатого века, которая в то время совершала «фазовый» переход от классической физики к физике квантовой и релятивистской. Помимо того, многим из них пришлось в составе больших коллективов участвовать в крупномасштабных проектах по созданию сложных физико-технических систем и устройств, основанных на новейших научных принципах. Сказанное сполна относится к старшему поколению учёных Физического института им. П.Н. Лебедева Академии наук (ФИАН), в созвездии которых В.Л. Гинзбург, безусловно, был звездой первой величины.

В 1952 г., когда началась моя исследовательская деятельность в стенах ФИАН, наша маленькая экспериментальная лаборатория занималась изучением состава космических лучей на высотах гор. В Москве мы готовили научную аппаратуру, а измерения проводили в Армении на высокогорной научной станции «Арагац». Длительные отлучки не позволяли мне стать завсегдатаем семинара Теоретического отдела ФИАН, к которому принадлежал В.Л. Гинзбург, так что я познакомился с ним только в середине 1950 годов. В то время он вместе с И.Е. Таммом, А.Д. Сахаровым и рядом других физиков ФИАН работал по проблеме создания водородной бомбы и не всегда бывал в институте.

Теоретический отдел ФИАН тогда насчитывал не более 20 сотрудников. Руководил им И.Е. Тамм, чьё имя было мне знакомо еще со студенческих лет. Он вёл также еженедельный теоретический семинар, который пользовался огромным авторитетом и привлекал к себе внимание физиков из других московских, да и не только московских, институтов. На этом семинаре обсуждались последние научные новости, связанные, помимо чистой теории, с физикой атомного ядра, элементарных частиц и космических лучей. Эти вопросы входили в круг научных интересов Игоря Евгеньевича, и он обсуждал их на семинарах с горячностью, присущей его холерическому темпераменту. Там часто возникали споры, скрещивались противоположные мнения. Но победа всегда оставалась за Истиной.

Виталий Лазаревич Гинзбург

ФИАН во все времена был (и, к счастью, остаётся) «храмом науки», собравшим под своими сводами многих известных учёных. Я уже не застал в нём С.И. Вавилова, но хорошо помню С.З. Беленького, В.И. Векслера, С.Н. Вернова, Б.М. Вула, Г.С. Ландсберга, С.Л. Мандельштама, М.А. Маркова, С.М. Рытова, Д.В. Скобельцына, С.И. Сыроватского, Е.Л. Фейнберга,

И.М. Франка, П.А. Черенкова и многих других. Виталий Лазаревич Гинзбург, удостоенный впоследствии за свои блестящие работы Нобелевской премии 2003 г., выделялся даже на фоне этих выдающихся учёных. Ровесники звали его Витей, Виталием, но молодежь Теоретического отдела присвоила ему имя В.Л. Интересно, что ещё лишь один физик ФИАН удостоился подобной чести: Я имею в виду Андрея Дмитриевича Сахарова, которого в Теоретическом отделе за глаза звали А.Д. В этих сокращениях видится любовь и безоговорочное признание заслуг этих учёных. Мне известны ещё только два подобных примера (уже вне ФИАН), когда Л.Д. Ландау и И.Я. Померанчука ласково называли Дау и Чук.

В 1950-1960 годы большую популярность приобрел также Методологический семинар ФИАН, где обсуждались самые жгучие философские проблемы современной физики. На одном из них с докладом «Парадокс близнецов в теории относительности» выступил тогдашний директор ФИАН академик Д.В. Скобельцын. Сейчас толкование этого явления не вызывает недоразумений и вошло в школьные учебники. Тогда же Дмитрий Владимирович потратил на его объяснение около полутора часов и... окончательно запутал аудиторию. Не успела начаться дискуссия, как он взглянул на часы и со словами: – «Я опаздываю на важное совещание и вынужден уйти» – вышел из зала. Возникло легкое замешательство. Тут поднялся В.Л. и произнёс: – «Не знаю, этично ли высказываться по докладу в отсутствие докладчика, но я отважусь». После таких слов он в течение 5-10 минут чётко и доходчиво объяснил суть явления, так что слушатели разошлись вполне удовлетворёнными.

В другой раз на семинаре обсуждался принцип неопределённости Гейзенберга. (Этот принцип накладывает ограничения на точность одновременных измерений импульсов и координат элементарных частиц.) Некоторые (нефиановские) докладчики выступали против его классической боровской («копенгагенской») трактовки как противоречащей диалектическому материализму. Другие, в том числе и ряд ученых ФИАН, высказывались именно в духе копенгагенской школы. Их попытался примирить

академик Б.М. Вул. «О чем мы спорим, – заявил он, – ведь в практических измерениях нам никогда и не требуется одновременно измерять импульс и координату с высокой точностью!» Это высказывание вызвало резкий протест В.Л., который под хохот присутствующих спросил Б.М. Вула: – «Речь ведь идет о принципиальных, а не о практических соображениях. По-вашему выходит, что если Вы получите правительственное задание, то сумеете одновременно измерить импульс и координату с точностью, лучшей, чем $h/2\pi$ »? В этих и подобных эпизодах проявлялись принципиальность и бескомпромиссность В.Л. во всём, что касалось чистоты науки.

Хотелось бы рассказать и о гражданской позиции В.Л. по отношению к некоторым общественным процессам в нашей стране. Здесь, как и большинство других учёных, он предпочитал не вступать в открытую конфронтацию с советской властью, а действовал более тонко и осмотрительно. Он никогда не подписывал протестные письма в адрес властей предрежущих, но решительно отказывался осуждать правозащитников и диссидентов. В частности, не всегда соглашаясь с действиями А.Д. Сахарова, В.Л. не унился до его публичной критики, что сделали некоторые известные учёные ФИАН, в том числе, академики, лауреаты Нобелевской премии, кому, казалось бы, не приходилось опасаться за свою судьбу. В период ссылки Андрея Дмитриевича В.Л. делал максимум возможного, чтобы живая связь опального учёного с Теоретическим отделом ФИАН сохранялась и поддерживалась.

Осенью 1973 г. мой давний коллега физик-диссидент Юрий Орлов, передал мне для ознакомления копию своего письма генсеку ЦК КПСС Л.И. Брежневу. В письме утверждалось: технологическое отставание СССР от западных стран невозможно преодолеть без демократизации советской системы, что перекликалось со взглядами А.Д. Сахарова. Вскоре Ю. Орлов попросил меня передать аналогичное письмо и В.Л.. В письме выражалась также просьба к В.Л. возвысить голос в защиту арестованных правозащитников и других узников совести. «Гинзбург

ничем не рискует, – добавил Ю. Орлов, – его заслуги и авторитет столь велики, что отнять их невозможно!»!

Увидев В.Л. на одном из семинаров, я рассказал ему об этом письме и попросил разрешения его передать. Разрешение было немедленно получено, но к моему изумлению, после этого В.Л. перестал меня замечать и здороваться. При встречах он отворачивался и старался не смотреть в мою сторону. Так продолжалось довольно долго: год или полтора. Не скрою, мне было обидно, и я терялся в догадках, пытаюсь объяснить себе метаморфозу в поведении всегда демократичного В.Л. На мой взгляд, причина состояла в том же, почему в древности гонцу, принесшему дурную весть, отрубали голову. В.Л. опасался, конечно, не за себя, а за судьбу Теоретического отдела, который власти могли бы разогнать в случае опрометчивых действий его руководства. Поэтому В.Л. не посчитал возможным последовать призыву Ю. Орлова. Однако, вспоминать об этом ему было неприятно. Слаб человек, даже великий! Психологически для В.Л. оказалось проще рассердиться не на власть, не на себя, а на меня.

В.Л. Гинзбург в горах Кавказа, 1953 г. (фото А.М. Леонтовича)

Со временем, эта история забылась, и наши добрые отношения с В.Л. восстановились. Однажды, зайдя в его тесный кабинет, я спросил: «Виталий Лазаревич, в 1946 г. Вы вместе с И.М. Франком «на кончике пера» открыли переходное излучение заряженных частиц, пересекающих границу разнородных сред. В 1969 г. Г.М. Гарибян доказал,

что подавляющая доля энергии переходного излучения релятивистских частиц лежит в рентгеновской области. Как же относиться к утверждению И.М. Франка в его Нобелевской лекции 1958 г., что переходное излучение имеет место только в оптическом диапазоне частот?»

На этот вопрос В.Л. ответил без каких-либо экивоков столь же кратко, сколь и просто: «Мы тогда ещё плохо понимали, что мы сделали!»

После болезни и кончины И.Е. Тамма Теоретический семинар ФИАН возглавил В.Л.. Семинар собирался утром по средам и считался общемосковским физическим семинаром. Его научный уровень, как и ранее, был необычайно высок, и семинар оставался уникальным явлением в жизни российского физического сообщества. Конечно, своей широкой популярностью семинары Теоретического отдела были обязаны тому, что их возглавляли такие выдающиеся ученые как И.Е. Тамм и В.Л. Гинзбург. Думаю, что успех любого семинара зависит от личности его руководителя (вспомним знаменитые биологические «Павловские среды» академика И.П. Павлова в 30-е годы прошлого века, замечательные семинары Л.Д. Ландау и П.Л. Капицы в Институте физических проблем Академии наук.

В 1970-1990 годы выбор обсуждаемых на семинаре тем сместился в сторону астрофизики и физики твердого тела, в частности, проблемы высокотемпературной сверхпроводимости: двух научных направлений, которые более всего привлекали В.Л.. Он появлялся всегда точно к началу семинара с толстой пачкой свежих журналов в руках и не любил, когда слушатели опаздывали. В подобных случаях о не стеснялся резко протестовать, порой прерывая начавшееся выступление докладчика. Семинары под руководством В.Л. нередко собирали полный Конференц-зал ФИАН, т. е. до 600 участников. Однако я помню случаи, когда мест для всех желающих не хватало, и слушатели теснились у стен и в проходах. Обычно семинар начинался с обзоров последних статей в зарубежных журналах: *Nature*, *Physical Review*, *Science*, *Astrophysical Journal*, *Astroparticle Journal*, *Review of Modern Physics*, а также в отечественных:

Журнале Экспериментальной и Теоретической Физики, Физика Твёрдого Тела и Успехи Физических Наук. В ходе спонтанного критического разбора В.Л. обсуждал содержание наиболее интересных публикаций, рассказывал сам и задавал вопросы слушателям, никогда не стеснясь обнаружить свое непонимание. Его комментарии отличались свежестью подхода, глубиной, полемическим задором и крайне оживляли ход семинара. В процессе горячего и заинтересованного обсуждения В.Л. поручал подготовку очередного доклада добровольцам из числа сотрудников Теоретического отдела или назначал будущих докладчиков волевым решением.

И.Л. Фабелинский, В.Л. Гинзбург и Н.И. Гинзбург на привале в горах Кавказа, 1953 г (фото А.М. Леонтовича)

Осенью 1992 г. в газете «Известия» появилось краткое сообщение о присуждении Нобелевской премии по физике французскому учёному Жоржу Шарпаку «за разработку детекторов, которые электронным методом прослеживают движение мельчайших заряженных частиц». ...«Это открытие, – говорилось в сообщении, – было сделано ещё в 1968 г., но только сейчас получило практическое применение...». В.Л. оказал мне честь, пригласив выступить на семинаре и рассказать о работах Ж. Шарпака.

Нобелевская премия – событие, безусловно, достойное обсуждения на научном семинаре, тем более что имя и достижения Ж. Шарпака не были известны не только широкой научной общественности, но и большинству физиков. Мне же посчастливилось несколько раз встречаться с будущим лауреатом, я знал его работы и потому попытался убедить участников семинара, что личность, плодотворная деятельность и прогрессивные взгляды этого ученого заслуживают подробного рассказа. Моей задачей было также обосновать решение Нобелевского комитета.

Непреходящий вклад Шарпака в физику элементарных частиц заключается в разработке им новых газоразрядных координатных детекторов с пространственным разрешением около 0,1 мм. Эти детекторы были названы пропорциональными и дрейфовыми камерами, поскольку в первых амплитуда сигнала пропорциональна ионизирующей способности частицы, а в последних координаты траектории частицы определяются по времени дрейфа в газе электронов ионизации к аноду. Эти детекторы по многим параметрам превосходят классические трековые детекторы: ядерные фотоэмульсии, камеры Вильсона, пузырьковые и искровые камеры. Таким образом, предложенные Ж. Шарпаком новые экспериментальные методы и приборы неузнаваемо изменили и обогатили инструментарий физики высоких энергий, что предопределило ее бурное развитие в последней четверти прошлого столетия. Здесь уместно сравнить Ж. Шарпака с основоположником научной микроскопии Антони ванн Левенгуком, который, доведя до совершенства методы шлифования линз, создал первый микроскоп, что радикально изменило лицо биологической науки. С этой точки зрения следует говорить, скорее, не об открытии, а об изобретении Ж. Шарпака, который, применив известные принципы и методы, разработал значительно более совершенные и качественно новые приборы, способствовавшие дальнейшему ускоренному развитию физики. Поэтому награждение его столь почётной премией было вполне закономерно.

В октябре 2003 г. услышав, что очередная Нобелевская премия по физике присуждена Виталию Лазаревичу, мы прибежали в его крохотный кабинет, чтобы поздравить с признанием его выдающихся научных заслуг. Мы искренне радовались этому событию. Частично, это была и «наша» награда, награда всего ФИАН! Мы ощущали сопричастность к деятельности этого замечательного учёного, физика «Божьей милостью» и, одновременно, простого, доступного и искреннего человека. Его присутствие среди нас, сделанные им открытия, работа возглавляемого им Теоретического отдела, руководство научным семинаром и журналом «Успехи физических наук», колорит его яркой неповторимой личности оказали благотворное влияние на весь научный климат ФИАН.

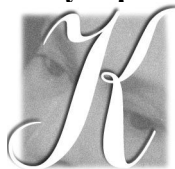
Симон Шноль

**Л.А. Блюменфельд:
Биофизика и Поэзия**

**К 50-и летию кафедры Биофизики
Физического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова**

(продолжение. Начало в №4/2011)

**Два направления в образовании биофизиков –
молекулярное и физиологическое. Неудача.**

Кафедра Университета, по самому смыслу понятия «Университет», должна давать студентам возможность работы во всех этих направлениях возрождающейся науки. Мы стремились приглашать представителей основных научных направлений в качестве докладчиков и лекторов на кафедру.

С самого начала интересы наших студентов соответствовали двум подходам к анализу биологических явлений – выяснению преимущественно физических «механизмов» биохимических, молекулярно-биологических, генетических, физиологических процессов, и выяснению преимущественно математических, информационно-кибернетических закономерностей работы мозга, природы сознания, памяти, распознавания образов, процессов эволюции, закономерностей динамики численности популяций.

Преобладал, в силу понятных причин, первый подход. Развитию на кафедре второго – математического, кибернетического анализа биологических процессов – способствовали семинары и общение с А.А. Ляпуновым, И.А. Полетаевым. А.М. Молчановым. Особая роль

принадлежала здесь семинарам, проводимым для наших студентов М.М. Бонгардом.

Мы с Л.А. задумали придать этому двойному направлению организационное оформление. Сделать два «учебных плана» – разные лекционные курсы и семинары для этих двух направлений. Расширить для второго направления лекции по физиологии высшей нервной деятельности и работам рецепторов, сделать специальные семинары по математическому моделированию биологических процессов и по распознаванию образов.

К этому времени в Москве сложился замечательный «неформальный коллектив», объединяющий математиков, физиков и физиологов. В него входили: А.Л. Бызов, Л.М. Чайлахян, О.А. Орлов, М.Л. Шик, М.С. Смирнов, М.М. Бонгард и другие.

Выделялся в этом собрании замечательных людей М.М. Бонгард – называемый всеми «Мика Бонгард». Он был очень импозантен. Он очень годился бы в кинофильме на роль прогрессивного молодого ученого. Четкая логика, прекрасная речь. Энергия и уверенность в себе. Он был, в сущности, в нашей стране родоначальником бурно развившихся впоследствии исследований «распознавания образов» Его облику очень соответствовало то, что, ко всему этому, он был еще и выдающимся альпинистом. О нем создавали легенды. Говорили «железный Мика Бонгард». «Железный» настолько, что даже прямое попадание молнии, когда он стоял на краю пропасти, ничего с ним не сделало! («На самом деле» молния ударила рядом и от ее удара разлетелись камни. Один из них поранил ухо Мике, но он устоял!). Его семинары собирали большую аудиторию.

Нераздельный от Мики, Михаил Сергеевич Смирнов – называемый всеми «Мишка Смирнов» – не скрывал восхищения своим другом и они вместе очень продуктивно работали.

И вот было решено просить всю эту компанию создать второе отделение кафедры Биофизики Физического факультета. Предварительные переговоры прошли успешно.

Но в январе 1969 года Л.А. «сразил» инфаркт. Л.А. медленно возвращался к интенсивной деятельности. Это

было трудное время для Л.А. Ему были запрещены отрицательные эмоции и рекомендованы эмоции положительные.

Лишь в январе 1971 года мы вернулись к этой идее. Мы, вся компания физиологов и математиков и все сотрудники кафедры, – собрались в аудитории, и Л.А. кратко рассказал о плане создания второго отделения. Развернулось оживленное обсуждение. Предлагали варианты лекций, семинаров, практикумов, темы задач и курсовых работ. Доминировал Мика Бонгард. Л.А. очень увлекся. Он все время радостно улыбался – как все интересно и хорошо получается. Прошло около двух часов. Вдруг М. Смирнов встал и сказал: «Нет! Мика! Ты не должен тратить себя на преподавание! Ты должен сохранить себя для науки! Пусть занимаются преподаванием те, кто не могут работать в науке!»

Мы все оцепенели. Улыбка застыла на лице Л.А.

А Мика, театральным голосом героя Театра юного зрителя сказал: «Да, Мишка прав! Я не должен тратить себя на преподавание. Я должен сохранить себя для науки! Мы не будем этим заниматься». Общее оцепенение усилилось.

Во мне проснулась ярость моих древних предков. Я «взорвался»: «Как же вы можете говорить это нам в лицо! Говорить, что мы не можем заниматься наукой. Вы бы хоть в коридор вышли. А ты, Мика, долго собираешься жить? Не стоит ли подумать об учениках!?»

В смущении разошлось наше собрание. Л.А. был мрачен.

Нельзя мне было говорить такие слова! Но я их не контролировал... Они произнеслись сами... В августе этого года железный Мика Бонгард погиб в горах. В связке со своим физфаковским товарищем Олегом Куликовым. Огромный камень скатился сверху, ударил в веревку, связывающую двух альпинистов, и увлек их в пропасть...

Нам не удалось организационно оформить второе направление кафедры Биофизики.

Конкурсные собеседования...

Как ясно, первая группа студентов (ставшая потом нашим 1-м выпуском) «образовалась сама». В нее вошли

инициаторы создания на Физическом факультете новой специализации. При поддержке ректора, декан В.С. Фурсов издал приказ о создании специализации «Биофизика» на Физическом факультете.

Активно способствовала этому решению **Наталья Сергеевна Андреева**, пламенно пропагандируя перспективы и мощь рентгеноструктурного анализа белков. Вторую группу (2-й выпуск) – комплектовал, при участии Н.С. Андреевой, деканат – отбор желающих был произведен по личным делам. Осенью 1959 года нам впервые предстояло самим провести конкурсный отбор – число заявлений почти в три раза превышало число отведенных деканатом мест. Мы были смущены. Вовсе было не ясно, как нужно проводить такой отбор. По «успеваемости»? По «общей интеллигентности и знанию физики»? По «склонности к биологии»? Мы с Л.А. понимали трудность и возможную несправедливость такого отбора. Нервное напряжение, смущение, нечеткость критериев... Мы обсуждали наши проблемы со студентами-основателями («1-й курс»). Они сказали, что покажут нам, как это делается. И показали.

Наверное, это был самый жесткий отбор за все последующие годы... Между ними и отбираемыми третьекурсниками не было возрастного барьера. Они задавали очень трудные вопросы из физики, математики, биологии, без скидок на возможное смущение и волнение испытуемых. Дискуссии были очень эмоциональны и умозаключения «годен–негоден» очень решительны. Мы присутствовали и высказывали свои впечатления в основном как болельщики. Но эти робеспьеры доминировали. В результате был отобран будущий третий выпуск («3-й курс»), занявший в наших биографиях особое место. Теперь, почти 50 лет спустя, можно было бы, наконец, сделать некоторые выводы из этого «опыта на людях».

Вообще, прошедшие 50 лет дают уникальный материал для «людоведенья». 50 – это очень много. За это время прошли «земную жизнь до половины» а некоторые и до конца – многие наши студенты. Теперь можно бы сравнить прогнозы и результаты. Можно бы... можно бы,

если бы сами экспериментаторы и через 50 лет были бы все еще способны подводить эти итоги...

Из 12-и человек «отобранных» на том, первом собеседовании – 5 докторов наук (А. Букатина, М. Куханова, И. Лисовская, В. Леднев, Н. Бибииков). А, «на самом деле», должно было быть 9 – самые талантливые С. Цуцков, В. Дещеревский, М. Георгадзе – рано, по разным причинам, умерли. Талантливая Е. Модянова многие годы на инвалидности – тяжелая хроническая болезнь.

Слава Цуцков

Однако, наиболее трагичной была судьба Славы Цуцкова. Он был одним из самых талантливых студентов физфака. Он имел склонность к математике – был участником семинара молодого тогда В.И. Арнольда – и был признан первым на отборочном собеседовании со студентами, желающими специализироваться по биофизике. Однако, вопреки мнению кафедры, деканат не зачислил его в нашу группу – у него были нарушения учебной дисциплины – он опаздывал на занятия (поскольку по ночам работал на стройке каменщиком!) и не сдал должное число прочитанных страниц английского текста. Мы были не готовы к такому произволу и неуважению нашего мнения. В деканате против Цуцкова была резко настроена инспектриса, ранее работавшая воспитательницей в детском саду, и, возможно, поэтому не вполне понимающая студентов. Ее поддерживал всесильный зам. декана И.И. Ольховский. Нас явно хотели сразу приучить к дисциплине. Мы растерялись и сначала лишь «роптали» на наших собраниях по пятницам. А Слава Цуцков, насильственно распределенный на другую кафедру, пытался одновременно посещать и все наши занятия и практикумы. И это при работе на стройке, так как кормил себя сам – не хотел (не мог?) получать помощь от отца. Это была для него невыносимая нервная и физическая перегрузка. Он не вынес напряжения и застрелился 3 мая 1961 года.

Мы были потрясены. Л.А. направил декану В.С. Фурсову письмо об ответственности деканата в этом ужасном происшествии. Сам Л.А. был в очень тяжелом настроении. Как раз в эти дни развертывалась кампания по

«разоблачению» артефактов в «широких линиях» в препаратах ДНК (см. дальше...). Гибель Цуцкова и последовавшие события сделали горизонт очень мрачным.

Письмо Л.А. возмутило Физический факультет. Признать себя виновным в доведении студента до самоубийства факультет не мог. Новая кафедра, новые сотрудники факультета явно не соответствовали требованиям. Речь шла о самом существовании новой кафедры (тогда все еще называемой «лаборатория») в ее тогдашнем составе.

Нужно напомнить, что это был 1961 год. Студенты вызвали настороженное внимание партийных инстанций и «силовых структур». После XX съезда в 1956 году и особенно после «венгерских событий» – (восстания в Будапеште подавленного нашими войсками, гибели при этом подавлении множества людей с двух сторон), студенты во многих городах, впервые за многие десятилетия, проявили непривычную политическую активность. Возникли «антисоветские» настроения. Говорили о необходимости роспуска ВЛКСМ. Опасность этих настроений вполне сознавали «ведомства» и «инстанции». В ВУЗах был усилен контроль за студентами со стороны КГБ. Наиболее «активные» под разными предлогами исключались из университетов. Некоторые были арестованы. Среди «первого курса» биофизиков как раз были те, кто принадлежал к «подозрительному контингенту». Гибель Цуцкова, как следствие противостояния администрации и студентов, приобретала поэтому дополнительный смысл.

В мае-июне (1961) мы с группой студентов (в том числе – однокурсников Цуцкова) были в Миассово на биостанции Н.В. Тимофеева-Ресовского, когда туда пришла телеграмма, требующая нашего присутствия на заседании Парткома Физического факультета, посвященном обстоятельствам гибели студента Цуцкова. Непосредственным поводом для экстренного заседания Парткома была статья «Плохой студент» Ф. Вигдоровой в «Известиях» (28.06.1961 г.). Статья о событиях и обстановке на Физическом факультете в центральной газете! Наша

причастность к этой публикации была очевидна. Статья эта была очень хорошо написана. В ней отражена обстановка тех лет. И я привожу ее текст (мне помогли получить этот текст из архива «Известий А.А. Замятнин и А.Б. Болховитинов).

Плохой студент

(Статья Ф.А. Вигдоровой в газете «Известия», 27 июня 1961 г.)

На третьем курсе физического факультета Московского университета каждый год проходит распределение студентов по различным специальностям: одни идут на кафедру физики твердого тела, другие на кафедру теоретической физики, третьи решают посвятить себя геофизике – на физическом факультете около двадцати кафедр. ...На кафедру биофизики принимали всего десять студентов, а желающих было около восьмидесяти. Пришлось устроить конкурс. Собеседование было трудным: при таком наплыве желающих можно было выбрать самых подготовленных. И первым прошел Слава Цуцков. По единодушному мнению сотрудников лаборатории, он обнаружил блестящие математические способности, глубокое знание биологии, физики, химии, способность творчески мыслить.

В списке, который подала в учебную часть лаборатория биофизики, Слава был на первом месте. Деканат утвердил всех. Всех, кроме Славы Цуцкова. Почему?

– Он плохой студент, последовал ответ. – Он пропускал занятия, он опаздывал на лекции, у него есть выговоры, он не ведет общественной, работы.

– Как не ведет? Он руководит математическим кружком для школьников на мехмате!

– Но он это любит!

ДВАЖДЫ ходил руководитель лаборатории профессор Лев Александрович Блюменфельд к заместителю декана Игорю Ивановичу Ольховскому. Оба раза Игорь Иванович, ссылаясь на авторитетное мнение инспектора курса В.А. Михайловой, отказывал Льву Александровичу в его просьбе.

Слава Цуцков молчал. Он не умел хлопотать за себя, не умел просить и настаивать.

– У тебя что, постановление такое – всегда молчать? – спросила его одна девушка.

– Почему? Когда мне есть что сказать, я говорю, – ответил Слава.

А тут ему нечего было сказать. Трудно обивать пороги и говорить о себе: я способный. Меня отметила комиссия. Я хочу быть ученым. У меня есть для этого все данные. Но об одном он все-таки попросил: он попросил у Льва Александровича разрешения посещать лабораторию биофизики.

Полтора года Слава был, в сущности, при двух кафедрах: на кафедре физики твердого тела – по закону, по обязанности, потому что его туда зачислил деканат. В лаборатории биофизики – по любви, по неодолимому желанию, потому, что избрал биофизику целью своей жизни.

В этом учебном году перед зимней сессией к Игорю Ивановичу Ольховскому пришла сотрудница лаборатории биофизики Галина Николаевна Зацепина. Она сказала, что Цуцков блестяще работает в лаборатории. Что, по существу, он выполняет небольшие научные исследования. Что у него замечательные способности и редкое соединение математического оклада ума с глубоким увлечением биологией, наукой описательной. Но заниматься при двух кафедрах – нагрузка непосильная. Лаборатория снова просит перевести Цуцкова к ним.

Галина Николаевна ушла из деканата, заручившись обещанием Игоря Ивановича: если Слава хорошо сдаст зимнюю сессию и добьется того, что с него снимут выговоры, он будет переведен на кафедру биофизики.

Подошла сессия. Слава хорошо сдал все экзамены и тотчас стал ходить только в лабораторию биофизики: наконец-то сбылась двухлетняя мечта! Но оказалось, что он поспешил. Выяснилось, что он не подал заявления о снятии выговоров. Выяснилось, были случаи, когда он пропускал занятия на кафедре физики твердого тела (ведь иногда часы занятий на двух кафедрах совпадали). Следовательно,

должен понести наказание: нельзя переводить его в лабораторию биофизики.

И опять начались хлопоты. Теперь за Славу хлопотали уже обе кафедры. Преподаватели кафедры физики твердого тела ценили в Славе способного студента, однако понимали, что он должен быть там, где его интересы, его увлечение, его любовь. После длительных споров Славе разрешили, оставшись на кафедре физики твердого тела, заниматься по индивидуальному плану, включающему и предметы, которые должен изучать биофизик. Однако разрешения перевестись в лабораторию биофизики Слава так и не получил...

СЛУЧАЛОСЬ ли вам составить представление о человеке, которого вы никогда не видели? По письмам, по рассказам друзей? Наверное, случалось. Ну, а если вместо писем – аттестат зрелости и личное дело, точно такое же, как заведено на всех студентов университета, а вместо рассказов друзей – выписки из приказов о выговорах?

Аттестат зрелости рассказывает о юноше, который был кандидатом на медаль: только две четверки. Экзаменационный листок скупко сообщает, что юноша принят на физический факультет университета. Никому не пришлось хлопотать за него: он с честью прошел по конкурсу. Ну, а если бы сам за себя не постоял, никто бы, пожалуй, и не помог. Слава Цуцков – сирота. Мать умерла, когда ему было девять лет. Отец снова женился, и мальчик жил с бабушкой-пенсионеркой.

Вот обо всем этом сказано в короткой автобиографии, написанной отчетливым детским почерком: Вячеслав Сергеевич Цуцков, русский, год рождения - сороковой. В 54-м вступил в комсомол. Летом 57-го года кончил школу, осенью поступил в университет.

Личное дело рассказывает, что юноша хорошо учился в первом семестре и гораздо хуже – во втором. На третьем курсе – пестрые отметки, а на четвертом – только хорошие и отличные.

Почему он стал учиться хуже? Почему стал получать выговоры? Личное дело этого не рассказывает. Оно немного может, в его распоряжении только факты и цифры, этим

человека не исчерпашь. Люди – вот люди могут рассказать больше. А самого Славу Цуцкова уже ни о чем не спросишь: третьего мая он покончил с собой.

КОГДА человек кончает с собой, оставшимся в живых не легко назвать настоящую причину, то единственное обстоятельство, которое заставило его это сделать. Даже когда человек в предсмертной записке называет того, кого он считает виновным в своей смерти, Даже тогда. Потому что поступок этот безумен, потому что только в слепом, нечеловеческом отчаянии можно оборвать свою жизнь. Но одно бесспорно: принимая это безумное решение, человек или на самом деле одинок, или кажется себе непоправимо одиноким, и в ту последнюю, черную минуту, не находит ни в ком опоры, не видит просвета. Слава в своей смерти никого не винит. Но мы обязаны сделать попытку понять, разобраться в том, что случилось. Тем более что, бывая в эти дни в университете, мы столкнулись с вопросами, которые выходят за пределы этого трагического случая.

Он был плохой студент, – говорит инспектор курса В.А. Михайлова. – Не признавал никакой регламентации. Поверите ли, никакого проблеска.

Профессор Блюменфельд дает такую характеристику: «Мощные способности, незаурядное дарование».

Деканат заявляет: «Недисциплинированный студент».

Аспирант мехмата (это аспирант А.Н. Колмогорова В.И. Арнольд! – примечание С.Ш.) , который знал Славу еще школьником, вспоминает: «Я гордился тем, что у меня в кружке такой мальчик».

Я была на заседании комиссии, которой было поручено разобраться, что же произошло со Славой Цуцковым и почему он покончил с собой? По одну сторону длинного стола сидели студенты той группы, где учился юноша. По другую сторону – члены комиссии – доцент Бендриков, профессор Телеснин, старший научный сотрудник Пивоваров.

Студенты не очень хорошо знают Славу – они ведь при кафедре физики твердого тела, а Слава все время пропадал в лаборатории биофизики. Нет, он не был замкнутым, – говорят они. – Он был просто немногословным. Нет, он не был недисциплинированным – он, правда, пропускал занятия, но ведь он работал, на стройке. И, кроме того, он учился, в сущности, сразу при двух кафедрах. А это очень трудно...

– А почему он получил выговор за неявку на самообслуживание? – спрашивает доцент Бендриков и добавляет, не дождавшись ответа: – Всех вас избаловали мамушки и нянюшки. А что до кафедры биофизики, то ведь это, главным образом, вопрос моды...

Ни один из членов комиссии никогда не видел Славу. Доцент Бендриков считает, что у деканата были все основания не зачислять Славу на кафедру биофизики – «потому, что деканату надо выполнять план, и потому, что разгильдяев и бездельников надо воспитывать». И все время доцент Бендриков возвращается к своей главной мысли: «А почему это – конец света, если Цуцкова не зачислили на кафедру биофизики?». Вот и заместитель декана И.И. Ольховский говорит: «Любовь Цуцкова к биофизике переходила все границы здравого смысла!».

И это говорят физики, это говорят ученые! Да что было бы с наукой, если бы любовь к ней всегда находилась в пределах здравого смысла? А какое чувство вело мальчишку из Архангельской губернии пешком в Москву? С точки зрения здравого смысла многие поступки Ломоносова, Эдисона, Павлова были просто нелепы. Когда человек избирает в любимые какую-то область науки, то это тем сильнее, тем глубже, что здесь в избрании, в предпочтении участвует разум. А преданность, верность – безрассудны. И все слова о том, что другие области физики не менее прекрасны, почтенны, необходимы, не доходили до Славы. Скажем прямо: он избрал не самый легкий путь. Выбирая кафедру биофизики, он, по существу, выбирал вторую специальность. Оставаясь физиком, он должен был пройти сложный курс другой трудной науки и стать хозяином в биологии. Мода? Нужно ли называть это модой?

Но, может быть, деканат факультета и инспектор курса правы в другом, в том, что Слава был человеком антиобщественным?

Думается, человек, так преданный науке, уже не может быть назван антиобщественным. И неужели его горячая любовь к кружку школьников дает право считать, что он не вел общественной работы?

Студенты рассказывают, что Слава охотно помогал товарищам:

– Он знал больше нас, но мы не стеснялись спрашивать его. Он никогда не относился свысока к самым примитивным вопросам.

– Когда мы работали в совхозе, все очень не любил мыть бидоны из-под молока. И мальчишки обычно сваливали это на девушек. И Слава один из всех мальчиков всегда помогал им.

Пустяк? Конечно. Но этот пустяк говорит о том, что юноша не был белоручкой и не по барству не явился однажды на самообслуживание. И стыдно было слышать от члена комиссии: «Вас мамушки и нянюшки испортили» – нельзя так говорить о человеке, который рос сиротой.

Да, когда человек кончает с собой, не всегда мы можем уверенно назвать ту единственную причину, которая заставила его совершить этот страшный и непростимый поступок. И здесь мы не знаем всего... Но одно мы знаем твердо: многое, многое в последние два года нелепо и бессмысленно осложняло Слаvinу жизнь. Препятствия, которые приходилось ему преодолевать, были искусственными и нелепыми, созданными чьей-то злой и неумной волей. Тратить на них силы было горько и трудно.

По свойству своего характера, целеустремленного, сдержанного, по образу жизни – трудному, сложному, по своей незаурядной одаренности он заслуживал самого пристального внимания, самого доброго попечения. А вместо этого придумали схему отвлеченного хорошего студента без плоти, без крови, без единого проступка и в прокрустово ложе этой схемы уложили, живого человека. Зачем? Кому от этого стало лучше? Науке? Педагогике?

В университете создан институт инспекторов, они ведут курс с первого до последнего. По-видимому, инспектор призван бережно воспитывать студентов, помогать профессуре найти в человеке то главное, что определит его деятельность в будущем. Говоря со мной о Цуцкове, инспектор В.А. Михайлова, окончившая педагогический институт по специальности «дошкольное воспитание», сказала: «У меня их пятьсот, трудно знать каждого».

Да, трудно. Но тогда почему было не поверить тем, кто знает студентов, кто жизнь посвятил их воспитанию?

Неужели, в учреждении, призванном растить таланты, в университете, который носит имя одержимого наукой Ломоносова, в университете, нашей славе и гордости, возможно, чтоб судьбу студента решал не ученый – будь то Шальников, Блюменфельд или Калашников, – а люди, к науке отношения не имеющие?

В эти дни мне не раз пришлось слышать в университете:

– Стоит ли об этом говорить? Мальчика все равно не воскресишь.

Да, не воскресишь. А говорить, а писать – надо, необходимо. Чтоб беречь живых, чтоб растить их для жизни, для науки...

Ф. Вигдорова

Ауто-да-фэ

Был поздний летний вечер первых дней июля. Наползла черная грозовая туча. Занавеску открытого окна парткома рвал предгрозовой ветер. В торце большого стола, рядом с секретарем парткома Л.В. Левшиным сидел декан В.С. Фурсов. Вокруг были незнакомые нам люди. Настроены они были резко недоброжелательно. Среди сотрудников кафедры был только один член партии – Г.Н. Берестовский. Его упрекали, что он потерял бдительность и не оправдал надежд. Про остальных говорили как о преступниках и обсуждали возможные меры наказания. Для вящей театральности – за окном началась настоящая гроза – сверкали молнии, гремел гром. Л.А. принял бой и настаивал на формулировках письма декану.

В.С. Фурсов был в большом напряжении. Он сидел, наклонившись к столу. Сквозь коротко остриженные седые волосы краснела кожа головы. Он сказал, что в случившемся прежде всего виновата кафедра. Кафедра должна защищать своих студентов, а не ссылаться на неправильное поведение инспектрисы. Он спросил, почему мы ни разу не обратились в этой острой ситуации лично к нему – ведь именно декан несет ответственность за все происходящее на факультете. Л.А. пытался возразить. Он и Г.Н. Зацепина обращалась к И.И. Ольховскому – он обещал перевести Цуцкова к нам. Но это не было сделано.

Возмущенные члены парткома требовали решительно прекратить нашу подрывную деятельность. Они обсуждали возможные кары.

Я почувствовал чрезвычайную остроту этого момента и попросил слова. Я сказал, что декан прав. Мы виноваты. Мы должны были защищать Цуцкова на всех уровнях. Мы это не сделали. Л.А. обиженно отреагировал на мое предательство. Но я был искренен. Тон заседания изменился. Была принята не самая плохая резолюция.

После заседания мы шли к метро по тополиной аллее в полной темноте. Дождь прошел. Л.А. молчал. Прощаясь, он сказал: «Может быть, Вы правы...». Так этот «железный Блюм» кроме «да» и «нет» осваивал формулировку «может быть»... Но облегчения мы не испытывали. Мы в самом деле чувствовали терзания совести и видели перед собой лицо Славы Цуцкова...

Эта трагическая история еще длительное время отражалась на нашем положении на факультете. «На самом деле», то, что нас «не закрыли» – заслуга И.Г. Петровского. Но подробности его вмешательства я не знаю.

«Скорая психиатрическая помощь»

В сущности, сама инициатива студентов в создании кафедры Биофизики на Физическом факультете была проявлением политической активности послесталинской Оттепели. Естественно, эти инициаторы были под пристальным зловещим контролем «недреманного ока». Валерий Иванов – как и большинство инициаторов «1-го выпуска» – человек незаурядный. Он – сын дипломата

высокого ранга (посла) – сочетал высокий научный и общекультурный уровень с изысканной вежливостью, свободолобием, независимостью суждений и многими, в том числе артистическими талантами.

В конце лета 1960 года ректор И.Г.Петровский, завершив кампанию по приему новых студентов, ушел в отпуск. Временно исполнять обязанности ректора был назначен профессор Физического факультета В.Г.Зубов. А в начале сентября, «в целях упорядочения», общежитие в высотном здании было разделено на мужскую и женскую зоны. При этом (с той же целью), «лицам противоположного пола» было запрещено находиться в не своей зоне после 23 часов. Контроль за исполнением этого, как и других аналогичных постановлений был поручен символу того времени – студенческому оперативному отряду. Этот отряд – опора администрации – играл в те годы заметную роль.

Вскоре после издания новых правил, В. Иванов с товарищами, не имея, в сущности, личных оснований, нарушили постановление. Они были замечены после 23 часов в запретной зоне. Этажи этого общежития связаны между собой системой лестничных переходов и коридоров. Нарушители с большим воодушевлением устроили ускользание от опер-отряда. Они бегали по лестничным переходам, появляясь в коридорах разных этажей. За ними бегали опер-отрядовцы. Это было увлекательно. В. Иванов дал возможность своим товарищам скрыться и увлек за собой опер-отряд. Он дал себя догнать только уже на площади перед Главным зданием Университета.

На требование дать письменное объяснение и перечислить «соучастников», он написал (примерно) следующее «...числа сентября 1960 я оказался на... этаже ГЗ. Со мной было *около трех человек*, после чего я оказался на площади перед Главным зданием».

Это объяснение возмутило начальство. И его, выдающегося студента 6-го (!) выпускного курса исключили из университета...

Наше сообщество было крайне встревожено. Было ясно, что речь идет об искоренении свободомыслия. Это был повод для устрашения. В.А.Энгельгардт тут же издал

приказ о зачислении В. Иванова ст. лаборантом в руководимый им Институт Физико-химической биологии (впоследствии ставший Институтом Молекулярной биологии). Однако этого было недостаточно. Компетентные органы потребовали исключения Иванова из комсомола. Это сделало бы В. Иванова «политически неблагонадежным» с весьма мрачными последствиями. Мы с Л.А. были в растерянности.

В.И. Иванов и Н.В. Тимофеев-Ресовский. 8 сентября 1980 г.
Обнинск

Поздним осенним вечером два друга – однокурсника В. Иванова – В. Борисов («Хеопс») и Г. Гурский («Джо») вызвали меня для конфиденциального разговора на улице. У них был замечательный план: нужно объявить В. Иванова психически травмируемым – чтобы было официальное заключение врача психиатра, запрещающее наносить его подопечному какие-либо психические травмы, подвергать его сильным эмоциональным нагрузкам, могущим привести к тяжелым последствиям.

«Вы, сказали мне друзья, бывший доцент ЦИУ – наверное, у Вас в ЦИУ есть знакомые психиатры, могущие дать такую «охранную грамоту» и факультетское комсомольское собрание не сможет исключить В. Иванова из комсомола»...

Я обратился за конфиденциальной консультацией к такому знакомому. Он отнесся к моему вопросу крайне серьезно. В то время еще не развернулась «карательная

психиатрия» с насильственным заключением в специальные психиатрические клиники «диссидентов». Но грань между «охранительной» и «карательной» психиатрией была не очень четкой. Ну-ка будет диагноз о нарушениях психики, представляющие опасность для окружающих...

Через некоторое время был выработан четкий сценарий. В определенный день по телефону кафедры нужно позвонить в «Скорую психиатрическую помощь» и вызвать врача, ввиду некоторых странностей в поведении студента Иванова. Звонить должен совершенно нейтральный человек – преподаватель факультета. Дежурный врач будет заранее ознакомлен с ситуацией. Я ни в коем случае не должен быть в это время на факультете.

И.А. Корниенко очень напрягся в ответ на просьбу быть этим нейтральным человеком. Напрягся, но согласился. Он так волновался, что его сбивчивое обращение по телефону в «Скорую психиатрическую помощь» было воспринято вполне серьезно. Ему велели встречать врача на ступеньках факультета. Вскоре подъехала специальная санитарная машина. Из нее вышла миниатюрная женщина-врач и два мощных «санитара» в белых халатах с засученными рукавами. Санитары встали по бокам И.А. и странная процессия двинулась по коридорам факультета. В. Иванов сидел за партой в маленькой аудитории. Вход в аудиторию охраняли два упомянутых друга. Врач вошла в аудиторию. Гайдуки-санитары оттеснили друзей и стали по обе стороны двери. Все было тихо. Прошло почти 1,5 часа, когда из аудитории вышла врач и сказала И.А.: «Я сначала усомнилась в серьезности вызова. Но теперь мне ясно – случай бесспорный. Забирать его сейчас мы не будем, но вот предписание, запрещающее подвергать больного сильным эмоциональным воздействиям» и она отдала И.А. официальное письмо с гербом и печатью. Вопрос об исключении из комсомола В. Иванова из повестки комсомольского собрания был снят.

На следующий день Валерий рассказал, как шло это психиатрическое освидетельствование. Он вполне продемонстрировал странности поведения. Он сидел неподвижно и смотрел в одну точку. Она спрашивала его о

разных вещах. Он отвечал очень серьезно. И она все записывала в специальный журнал. Особенно ее интересовали пристрастия и привычки испытуемого. Есть ли у него какие-то твердые принципы? «Есть!» – сказал Валерий, «В зоне всегда становлюсь в правую очередь». Она внимательно на него посмотрела, но не стала спрашивать, что это значит, что за зона (это крыло в Главном здании), почему в зоне (в столовой) очередь. А спросила осторожно «Почему?». «Так!» ответил Валерий и замолчал. Она осторожно спросила, чем он увлекается? Какие у него любимые занятия? – «Собираю объявления!» – с пафосом сообщил Валерий. Какое самое ценное? – «Требуйте долива после отпива!» сказал Валерий (не объясняя смысла – отпива чего и чего долива). Она тщательно записала эти слова. Он продолжал неподвижно смотреть перед собой. И так беседа эта продолжалась десятки минут. Все сказанное им было правдой. Впечатление у нее было вполне определенное – и она подписала официальное предписание.

Из комсомола его не исключили. Защищать дипломную работу ему пришлось на полгода позже своих товарищей. Мы с Л.А. получили большое удовольствие от успеха этой операции и благодарили И.А. Корниенко за перенесенные волнения.

А тем временем в научных занятиях...

В моем повествовании – это осень 1960 года. Университетские события этих дней накладываются на события научной жизни. Для Л.А. – это самые драматичные дни – возможно, самые остроэмоциональные положительные переживания.

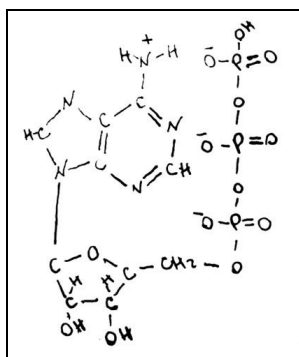
Все вновь, все впервые! Впервые – биология для физиков. Впервые спектры ЭПР. Впервые термодинамический анализ процессов передачи информации. А кругом – какие потрясающие события! Двойная спираль ДНК. Открытие рибосом и мРНК. Синтез АТФ в митохондриях. Идеи конформационной подвижности молекул белка. Аналогия белок-машина. Доминантный Тимофеев-Ресовский. Лекция И.Е. Тамма о ДНК. Семинары П.Л. Капицы и Л.Д. Ландау в «Физ.проблемах». Спектры ЭПР. Химическая колебательная реакция. Светящиеся

бактерии! Какая концентрация ежедневных новостей! Спешим на лекции. Спешим в лаборатории. Спорим на семинарах. Мир и дружелюбие в лабораториях и на кафедре... Полное счастье.

В это время в лаборатории в Институте ХимФизики были сделаны удивительные открытия – открыты «магнитные свойства ДНК»... Чтобы рассказать о них, нужно вернуться на несколько лет назад...

**Нарушение «резонанса» – ароматичности – при
восстановлении кольца аденина в АТФ, как
возможный механизм окислительного
фосфорилирования**

Я (студент Биофака) не пошел на кафедру Зоологии беспозвоночных, потому, что в 1948 году, на 2-м курсе услышал лекцию Сергея Евгеньевича Северина об удивительном веществе – АТФ – Аденозинтрифосфорной кислоте.

Молекула АТФ в форме «скорпиона»

Сейчас многим кажется, что про нее все известно. Ее знают даже школьники. Но это иллюзия. Поразительная молекула! АТФ синтезируется или гидролизуется всюду, где нужно сохранить или использовать энергию в удобной для непосредственного использования форме. Всюду, у бактерий и у человека, у растений и животных. Самым большим событием XX века (если разобраться...) было создание Фрицем Липманном (и отчасти Г. Калькаром) концепции «макроэнергичности» – общей картины

преобразований энергии в биологических системах (в организмах) с участием особых «макроэргических» соединений. Главное из этих соединений – АТФ. Липманн ввел понятие «макроэргические связи» между атомами и предложил изображать их не прямой черточкой, а волнистой «тильдой» ~.

Мы же хотели понять, в силу каких свойств эти соединения выполняют такие функции. Что в них особенного. Макроэргические – это такие соединения, гидролиз которых сопровождается значительным (порядка 10 ккал/моль) уменьшением («выделением») свободной энергии, т. е. энергии, могущей быть преобразованной в полезную работу. Эти слова – «термодинамические» – они описывают свойства, не объясняя их происхождение. Термодинамика (равновесная) – одна из самых завершенных глав курса физики. И я очень усердно постигал эту науку. Но нужно было понять, почему, например, связь **P–O** при соединении фосфата с гидроксидом спиртовым не-макроэргична, а «такая же» связь с карбоксидом макроэргична, т. е. она **P~O**. И почему макроэргична связь **N~P** в креатин-фосфате и **C~S** в Ко-А?

Эти вопросы – предмет моих лекций в курсе Биохимии на протяжении многих последующих лет. Вроде бы теперь мы знаем на них ответы. Но когда мы познакомились с Л.А., ответы были вовсе не окончательными. Была надежда, что квантово-механические расчеты позволят все понять. Л.А. в этом не сомневался. Я сомневался.

Так или иначе, вопрос «почему эти связи макроэргичны?» с годами «затушеввался». Возникла иллюзия понимания. Т. е. кажется, мы знаем, почему макроэргичны связи между некоторыми атомами: Не потому, что в них накоплен избыток энергии, а потому, что при их гидролизе образуются более термодинамически стабильные молекулы... Оставим для лекций анализ этих тонкостей. Сделаем вид, что мы все понимаем... Но в макроэргических соединениях много других атомов и связей между ними. Они-то зачем? Зачем в молекуле АТФ рибоза? Зачем аденин? Эти части молекулы АТФ на макроэргичность

связей P~O не влияют. Термодинамика тут не при чем. Что в этих частях такого, что они одинаковы у всех живых существ?

«На самом деле» то, что написаны выше – это осовремененное изложение, 50 лет спустя, через 50 лет после нашего разговора с Л.А., когда мы общались, будучи сотрудниками ЦИУ. Я показал ему курсовую работу на эти темы, выполненную мною еще на 4-м курсе университета. Прошло довольно много времени, Л.А. позвонил мне. Дома у Л.А., за чайным столом, они обсуждали с М.И. Темкиным природу макроэргичности и роль аденина в молекуле АТФ.

Мысль была замечательной. Аминогруппа в 6-м положении пуринового кольца абсолютно необходима для функций АТФ. Не потому ли, что ее способность к диссоциации – (ионизации), присоединении протона и образовании «четвертичного» азота – резко изменяется при нарушении сопряжения в пуриновом кольце? В полностью сопряженной структуре – это слабо ионизирующаяся аминогруппа (амин в ароматических структурах). При нарушении сопряжения эта группа становится алифатическим, сильнощелочным амином. Изменение константы диссоциации как раз соответствует изменению свободной энергии, необходимой для синтеза макроэргической связи P~O! Обратимое нарушение и восстановление сопряжения в пуриновом кольце могло бы быть механизмом образования и распада макроэргических связей!

Мысль эта имела весьма общий смысл – она относилась к большой проблеме связи окислительно-восстановительных и ионных реакций.

Итак, нужно, чтобы в результате окислительно-восстановительных реакций – при восстановлении кольца пурина, нарушалось сопряжение одиночных и двойных связей – (это же преследуемая партийными идеологами «теория «резонанса»!). Возникновение алифатической аминогруппы, вместо ароматической, должно влиять на образование пирогосфатной связи – образовании АТФ из АДФ и фосфата. Для этого структура молекулы АТФ должна быть подобна скорпиону (рис). А после образования

пирофосфатной связи, в результате окислительной реакции, восстанавливается полное сопряжение в пуриновом кольце, скорпион распрямляется и молекула АТФ «готова к употреблению».

При восстановлении аденина можно было ожидать промежуточное образование свободных радикалов. Можно было надеяться обнаружить их методами ЭПР. Соответственно, можно было ожидать образование свободных радикалов как при синтезе, так и при распаде АТФ. При распаде, а не гидролизе! Это если АТФ-азная реакция не сводится к «простому» гидролизу. Позже, основываясь на этих идеях, Л.П. Каюшин и его коллеги пытались зафиксировать свободно-радикальную стадию в АТФ-азной реакции, катализируемой мышечными АТФ-азами.

Л.А. решил проверить идею синтеза АТФ вследствие обратимого восстановления аденина «в лоб» – прямо на электроде (на катоде). Это стало темой дипломной работы Тани Шальниковой. Работа оказалась очень сложной. Раствор АДФ и ^{32}P -фосфата, через который пропускали ток, нагревался до кипения. С помощью великого экспериментатора, А.И. Шальникова (основателя и заведующего кафедры Низких температур), Таня изготовила особый термостат, охлаждаемый жидким азотом. Результаты были очень неопределенными.

Прошло много лет. Мысль о взаимосвязанности окислительных и ионных реакций в биологических процессах в явной и неявной форме была основой большинства последующих работ Л.А. и его последователей. В сущности, именно для поиска этих связей был сделан в свое время спектрометр ЭПР. Поэтому так интересовали Л.А. свободно-радикальные промежуточные стадии в биохимических реакциях. Этой проблеме были посвящены работы Л.А. с Э.К. Рууге, Б.И. Сухоруковым, Р.М. Давыдовым, Г.В. Фоминым.

Эти же идеи привели к открытию феномена «широких линий» в спектрах ЭПР нуклеиновых кислот.

Трагедия «Широкие линии». Магнитные свойства ДНК. «Традиция посмертной славы»

Начавшееся после защиты Л.А. докторской диссертации в 1954 году время расцвета и удач (создание спектрометра ЭПР в 4-м корпусе Боткинской больницы в 1955-56 г.г., организация в 1959 г лаборатории в Институте Хим.Физики, кафедры Биофизики Физического факультета Университета) создавало ощущение успеха и уверенности в себе.

В ходе исследований в клетках дрожжей, в препаратах нуклеиновых кислот и нуклеопротеидов был обнаружен странный, очень широкий сигнал ЭПР. Такой широкий, что его было трудно заметить – линия спектра еле возвышалась над осью абсцисс, но простиралась очень далеко. Пришлось уменьшить скорость развертки. Поразительно! Такие спектры ЭПР характерны для ферромагнитных веществ. Откуда они в препаратах ДНК? Не грязь ли? Л.А. и А.Э. Калмансон тщательно исследовали возможность загрязнений препаратов. Ни на одном из этапов препаративного выделения ДНК не было источников таких загрязнений – нигде не применялись железные инструменты и содержащие металлическое железо препараты. Кроме того, сигнал был лабильным – его интенсивность сложным образом зависела от pH. Это исключало тривиальные объяснения.

Возникло смелое предположение – эти необычные для органических веществ магнитные свойства обусловлены уникальными особенностями структуры ДНК. Тут простор фантазии. Огромная молекула ДНК аналогична магнитофонной ленте? Наследственная память аналогична записи на магнитофонную ленту? Значит, на эту запись могут влиять электромагнитные поля? Такая красота предположений! А эти «аномальные» свойства могут быть результатом «стеккинг-взаимодействия» конпланарных радикалов нуклеиновых оснований, образующих «монетные столбики» с обобщенными на больших расстояниях π -электронами.

Вместе с выдающимся выпускником Химического факультета, В.А. Бендерским Л.А. произвел теоретический анализ реальности таких структур. Они пришли к выводу,

что такие структуры могли бы объяснить «феномен широких линий».

Эту теоретическую работу и проблему «широких линий» Л.А. доложил на семинаре П.Л. Капицы в Институте Физ.проблем. Была интенсивная дискуссия. Но работа была одобрена самим (!) Л.Д. Ландау... В пользу этой концепции свидетельствовало обнаружение «аналогичных широких линий ЭПР с теми же свойствами (асимметрия сигнала, температурная зависимость и т.д.) в препаратах искусственных полимеров ряда полиаминоксина, содержащие азот и многочисленные полярные группировки в цепи сопряжения и не содержащие металлов».

Л.А. Блюменфельд и И.Е. Тамм. Май, 1961 г.
(Снимок С.В. Тульского)

Обнаружение «аномальных магнитных свойств нуклеиновых кислот» произвело большое впечатление в научных и околonaучных кругах. Н.Н. Семенов полагал это открытие чрезвычайным научным событием. Появились статьи в советских и зарубежных газетах. Был поставлен вопрос о внеочередном присуждении Л.А. Блюменфельду Ленинской премии и его выдвижении в академики.

Л.А. поставил условие: Ленинскую премию он согласен получить только вместе с Калмансоном и Бендерским! Но, (какие люди!), и Калмансон и Бендерский

не согласились и сказали, что премию следует присудить только одному Блюменфельду! Тогда, верный однократно принятому решению, Л.А. заявил, что отказывается от Ленинской премии... Это ярко характеризует всех участников этих событий. Л.А. никогда не менял своих решений. (А потом стало ясно: как хорошо, что он не получил эту премию...)

Однако, данное Л.А. объяснение природы «широких линий» вызвало критику ряда авторитетных исследователей. Недостаточно убедительным его считали Я.К. Сыркин и М.Е. Дяткина. Резко возражал Я.Г. Дорфман – он считал неверной оценку концентрации неспаренных электронов (10^{21} на 1 грамм), данную Л.А. в этих работах. Я.Г. Дорфман показал, что «широкие линии» могут быть следствием относительно небольшого числа мелких кристаллов ферромагнитных примесей. В апреле 1961 г. Я.Г. Дорфман передал Л.А. текст своей критической статьи (до ее опубликования), в которой подробно рассмотрел экспериментальные результаты работ по «широким линиям».

Я.Г. Дорфман был выдающимся физиком. Магнитные явления были предметом его глубоких исследований. Еще в 1923 году он предсказал возможность электронного парамагнитного резонанса. Экспериментальное подтверждение верности этого предсказания – открытие эффекта ЭПР – независимо сделал в 1944 году Е.К. Завойский. Я не знаю деталей, но мне кажется, что Я.Г. Дорфман был несправедливо отстранен от интенсивной научной деятельности, начатой в молодости. Он работал в Институте Истории Естествознания и Техники(?) и в ВИНТИ. Наверное, эта несправедливость отразилась на его характере. Я.Г. Дорфман пришел к выводу, что все экспериментальные результаты естественно объясняются наличием «мелкодисперсных частиц примеси».

И тут произошло ужасное событие! Ю.С. Лазуркин и др. посредством обычного магнита извлекли из насыпанного на стекло порошкообразного препарата ДНК, дававшего аномальный спектр ЭПР, серые крупинки – носители этих свойств. Основная масса препарата «широких линий» не

давала... Я.Г. Дорфман прав... Казалось, проблема закрыта – феномен «широких линий» – артефакт, обусловленный загрязнением препарата в ходе его получения.

Традиционная ситуация научной жизни – нет, чтобы восхититься – сделано поразительное открытие – в организме, в связи с ДНК, образуются частицы ферритов – магнитных частиц! Объяснение особыми свойствами молекул ДНК может вызывать возражения. Но факт сомнений не вызывает. Он **подтверждается** опытом Ю.С. Лазуркина и сотр. Магнитные частицы, в самом деле, найдены в препаратах ДНК. Извне они попасть не могут – неоткуда! Открытие настолько не ожидавшееся, настолько не подготовленное, что немедленно общее мнение – ошибка это! Говорили о выдающемся открытии – а это просто грязь – артефакты, обусловленные плохой работой экспериментаторов. И казавшаяся убедительной теория основана на экспериментальной ошибке...

Это предынфарктная ситуация!

Спокойно! Спокойно! Ни на одной стадии выделения препарата ДНК не было железных предметов. Все реактивы чисты. Это раз. Два – широкие линии появляются только на некоторых стадиях жизни клеток. Три – сам феномен зависит от условий, в частности от pH раствора, из которого осаждается препарат...

Но научное сообщество возбуждено «разоблачением». Оно, как правило, встречает с удовлетворением такие ситуации.

Л.А. с его темпераментом очень остро переживал эту ситуацию. (А тут в эти дни смерть С. Цуцкова...)

В тяжелом настроении, в конце мая 1961 г. по приглашению Н.В. Тимофеева–Ресовского, мы с группой студентов приехали на семинар на Биостанцию в Миассово.

Л.А. сделал на этом семинаре доклад с подробным анализом ситуации с «широкими линиями», рассмотрев работы сторонников и противников его концепции. Л.А. согласился с тем, что измеряемое «число неспаренных спинов» (порядка 10^{21} на грамм) «следует понимать, как то количество свободных спинов обычного парамагнетика, которое дало бы линию ЭПР такой же интегральной

интенсивности... и что оно может не иметь отношения к действительному содержанию неспаренных электронов в образцах».

Он перечислил три возможных объяснения наблюдаемых феноменов:

1. Наличие ферромагнитных включений.
2. Наличие парамагнитных ионов, коллективное взаимодействие которых осуществляется с помощью основной структуры.
3. Появление неспаренных электронов и их необычных свойств как следствие особенностей самих упорядоченных органических систем.

Подробно рассмотрев все варианты, он пришел к выводу, что **«наблюдаемый эффект не сводится к тривиальным ферромагнитным загрязнениям, однако может быть обусловлен лабильными ферромагнитными включениями, стабилизация или образование которых определяется свойствами основной структуры»**

Н.В. Тимофеев-Ресовский, комментируя доклад Л.А., сказал, что, по его мнению, наибольшее количество железа содержит в себе именно Л.А. Блюменфельд...

В переработанном виде этот доклад был опубликован тремя авторами Л.А. Блюменфельдом, В.А. Бендерским и А.Э. Калмансоном в № 6 журнала Биофизика за 1961.

Дискуссия на этом не завершилась. Я.Г. Дорфман был обижен, что в переоценке концентрации неспаренных электронов в исследуемых образцах нет должной ссылки на его расчеты. Он полагал все работы по «широким линиям» – ошибкой, основанной на неучете ферромагнитных примесей, тем, что «присутствие совершенно ничтожных следов ($10^{-6}\%$ - $10^{-2}\%$) железа в виде нерастворимых ферромагнитных частичек может существенно исказить любые опытные данные на любых объектах».

В письме к Л.А. он писал «Я не испытываю ни малейшего удовольствия от всей этой пикировки с Вами. Но наука в Советском Союзе является, прежде всего, государственным и общественным делом. **Как советский человек и как коммунист я считаю себя морально**

обязанным противодействовать распространению в печати ошибочных утверждений, тем более выдаваемых за новейшие научные открытия, сбивающих с толку неспециалистов и только порочащих честь нашей науки».

Эти слова об «ошибочных утверждениях, порочащих честь нашей науки» Я.Г. Дорфмана отражали реакцию части «научного сообщества». Они абсолютно не соответствовали высоким этическим нормам. Л.А. переживал трудные времена.

Но еще в 1960 г в статье вместе с О.П. Самойловой они показали, что сигнал ЭПР, «широкие линии», резко зависит от стадии жизни клетки. Они показали, что «...покоящиеся дрожжевые клетки обладают лишь весьма слабо выраженными псевдоферромагнитными свойствами. В наших условных единицах интенсивность сигналов ЭПР не превышает $3 \cdot 10^{19}$ неспаренных электронов на грамм... начало процесса деления клеток и роста культуры всегда сопровождается резким повышением интенсивности сигнала ЭПР (по крайней мере в 50-100 раз, а возможно, и значительно больше). Интенсивность сигнала ЭПР в условных единицах соответствует в данном случае $1 \div 3 \cdot 10^{21}$ неспаренных электронов на грамм. Прекращение в конце опыта процессов роста и деления ...всегда сопровождается резким падением интенсивности сигналов ЭПР, вплоть до исходного, практически нулевого уровня».

Эта работа была получена редакцией 18 октября 1960 г – за несколько месяцев до критики Я.Г. Дорфмана – термин «условные единицы» был употреблен авторами независимо от этой критики. Но главное – поразительный факт – если даже это ферромагнитные частицы – то они возникают (и исчезают!) лишь на определенной стадии жизни клеток. Ни о каком загрязнении и артефактах тут говорить нельзя. Авторы пишут: «**Все эти результаты без каких-либо исключений были воспроизведены в 30 сериях опытов. В опытах, поставленных на различных расах дрожжей и в различных условиях проведения эксперимента (аэрация, питательная среда, наличие**

солей и т. д.) наблюдается закономерный параллелизм между интенсивностью сигналов ЭПР, появляющихся во время развития культуры, и скоростью роста».

Л.А. убежден, что ферромагнитные включения, если они и образуются, то это происходит под влиянием полимерных органических структур. Он убежден в реальности ферромагнетизма органических структур. В 1963 г в Докладах Академии наук вышла его статья на эту тему.

Он писал: «Целью настоящей работы явилась попытка непосредственного установления возможности сведения наблюдаемого ферромагнетизма органических структур к тривиальным ферромагнитным загрязнениям. Под последним понимаются ферромагнитные включения, образующие отдельную неорганическую фазу, независимо от того, попали ли они в образец извне или образовались в нем из парамагнитных частиц в процессе выделения и обработки. Для этого было проведено в возможно более чистых условиях выделение препаратов ДНК. Были получены из других лабораторий или синтезированы некоторые типы полимеров с сопряженными связями, измерены их спектры магнитного резонанса, сняты кривые намагничивания и проведен анализ на содержание железа и других металлов...» Среди результатов этого исследования, автор подчеркивает «экспериментальный факт, проверенный на десятках образцов. Полимеры с сопряженными связями, состоящими только из атомов С и Н... никогда не обнаруживают широких линий ферромагнитного резонанса, который всегда наблюдается у систем, содержащих гетероатомы в цепи сопряжения... Каково бы ни было объяснение этого эффекта, необходимо постулировать, что **ферромагнитные области и их свойства тесно связаны с основной органической структурой**» (выделено мною – С.Ш.).

Возражения Л.А. критикам были убедительны. Однако они не влияли на распространившееся мнение: – «широкие линии» в опытах Л.А. Блюменфельда – результат тривиальных загрязнений». Сложная субстанция это «общее мнение». Это «общее мнение» может, как и в данном случае,

совершенно не соответствовать действительности, фактам! Ну, никакие это не загрязнения, не артефакты раз они появляются и исчезают в зависимости от стадии жизни клетки! Никакие это не загрязнения препаратов, если не было внешних источников ферромагнитных частиц!

Но «общее мнение» очень устойчиво. Мы то думали..., а оказалось...Членам «научного сообщества», особенно тем, кто сам не получал в своих работах ярких результатов, разоблачения такого рода доставляют мрачное удовольствие. И они распространяют это общее мнение. А мнение это – клевета! Включите, пожалуйста, (в памяти) арию Дон Базилио из «Цивильского цирюльника» Бомарше-Россини! Куда тут деться? Вас встречают понимающие или скорбно сочувствующие взгляды. Вас жалеют друзья... Ухмыляются враги...

Отступление А.Э. Калмансона и В.А. Бендерского. Поддержка О.П. Самойловой

Мы все «метеочувствительны». Легко работать в атмосфере всеобщего одобрения и даже восхищения. А тут «атмосфера» резко изменилась. Из авторов выдающегося открытия вы вдруг превращаетесь в неудачников, принимающих грязь в опытах за «потрясающий феномен». Истории науки полна такими примерами. Н.Н. Семенов расстроен: Л.А. Блюменфельд поставил его в неудобное положение... Ему сказали, что Л.А. Остерман известный высоким методическим искусством, также видел «широкие линии в спектре ЭПР» в культуре *E.coli*... Н.Н.позвонил Остерману. Остерман подтвердил – есть сигнал в образце высушенных бактерий. Н.Н. молча повесил трубку...

Эта атмосфера омрачила жизнь соавторов. А.Э. Калмансон и В.А. Бендерский покинули поле боя. Саша Калмансон резюмировал эту ситуацию в стихотворной форме:

*Мы открыли не феррит, – органический магнит!
Разглядев такое чудо нам закрыть его б не худо!*

Через некоторое время, по представлению В.М. Жданова – директора Института Вирусологии и Эпидемиологии им. Д.И.Ивановского, Президиум АМН СССР принял решение о создании лаборатории биофизики

«...для исследований радиоспектроскопическими методами ферментативных процессов, лежащих в основе размножения вирусов в клетках». Младшему научному сотруднику А.Э. Колмансону было предложено возглавить эту лабораторию. Резолюция Л.А. Блюменфельда: «Не возражаю» 17.10.1962 г.

Калмансон был увлечен заботами по созданию новой лаборатории. В этих заботах он получил поддержку от «первоисточника» – академика Е.К. Завойского (на фото слева). От проблемы «широкие линии» он отошел.

Примерно также поступил и Виктор Бендерский. И его нельзя за это упрекать. И он и Саша были в этой работе психологически не первыми авторами. А «первенство», личная ответственность выявляется именно в таких драматических ситуациях.

В.А. Бендерский начал сотрудничать с Л.А. еще в 1956 г – он был тогда студентом 2-го курса Химического факультета. Он талантлив и разносторонен. Возникшая атмосфера всеобщего неодобрения губительна для молодых талантов. Кроме того, он был тогда «чистым теоретиком» и не мог отвечать за экспериментальные результаты.

Н.Н. Семенов предложил ему возглавить самостоятельную группу (в нее вошла и Таня Шальникова). Они занимались электрическими, оптическими свойствами и фотопроводимостью органических полупроводников. Это были направления работы с весьма вероятным важным технологическим результатом. Через некоторое время В.А. Бендерский стал заведовать лабораторией в Филиале Института Химической физики в Черноголовке и к проблеме «широких линий» в живых клетках не возвращался.

Единственной опорой в лаборатории у Л.А. осталась Ольга Петровна Самойлова, соавтор работ на дрожжах. Но Л.А. не стал продолжать работы на культурах клеток – ему казалось, что и так все что нужно сделано и опубликовано...

Но «научное сообщество» думало иначе. «На самом деле», (любимое выражение Л.А.) нужно было вновь и вновь доказывать: «Это не грязь, а замечательное научное явление!» В самом деле – в клетках, в связи с изменением состояния нуклеиновых кислот образуются ферромагнитные включения. Ясно, что наличие таких ферромагнитных частиц жизненно важно – в эволюции не сохраняются случайные свойства. Возможно, что образование таких частиц необходимо для основных функций ДНК. Возможно, они нужны для того, чтобы сделать клетки (организмы) чувствительными к внешним магнитным полям? Необходимо понять смысл и природу этих явлений. Зачем в жизни клетки нужна стадия резкого усиления чувствительности к магнитным полям, зачем и как образуются магнетитовые включения? Вряд ли дрожжам и бактериям нужно ориентироваться в земном магнитном поле. А может быть нужно? Может быть, необходимо восприятие флуктуаций межпланетного магнитного поля? Может быть, в самом деле, слабые магнитные поля влияют на внутриклеточные процессы? Что это за процессы? Пока эти вопросы без ответов. Может быть, именно этим объясняется чувствительность организмов к флуктуациям свойств межпланетного магнитного поля? Может быть, поэтому мы теперь жадно прислушиваемся в прогнозах погоды к сообщениям о «магнитных бурях» и их возможной

опасности при сердечнососудистых неисправностях? Может быть, эти частицы воспринимают направление земного магнитного поля при ориентации в полете птиц и пчел?

Это вопросы для будущих поколений. А мы опять сыграли в традиционную российскую игру – сначала, в борьбе друг с другом, задушили новую мысль, затем, как обычно, после смерти автора, начинаем говорить об отечественном приоритете...

О, бандерлоги! Российская традиция! Через несколько лет после отнесения нашим «научным сообществом» феномена «широких линий» к артефактам – было обнаружено широкое распространение «биогенного магнетита» у самых разных живых существ – у пчел, голубей, бактерий. Мы благостно ссылаемся на (замечательных, выдающихся и пр. исследователей) Дж. Киршвинка, Д. Джонса, Б. Мак-Фадена, открывших (!!)-биогенный магнетит и установивших его роль в магниторецепции. Переводим их труды на русский язык – два тома – перевод с английского под редакцией д-ра физ. мат. наук В.А. Троицкой и д-ра биол. наук Ю.А. Холодова. И никаких ссылок на работы Блюменфельда... Но ведь это те самые магнетитовые частицы, которые обнаружили в 1959-1960 г.г. Л.А. и сотрудники!

Однако... Однако. Однако – не надо винить в этой ситуации только «научное сообщество»!

Л.А. с его принципом «ДА» или «НЕТ», а не «МОЖЕТ БЫТЬ» оказался в чрезвычайно тяжелой психологической ситуации.

«На самом деле» вроде бы и делать ничего не надо! Все сказано. Критика опровергнута! Но это – вязкая среда. Его не слышат. С его темпераментом, со столь привлекательными резкими и определенными реакциями, ситуация невыносима. Он все сделал. Все сказал. А дальше – «как хотят»... Он всегда помнил о проблеме «широких линий». Но делать новые опыты и обсуждать эту проблему публично перестал. Было множество других замечательных проблем...

Еще раз: – «на самом деле» нужно было продолжать объяснять смысл сделанной работы. Продолжать дискуссию.

Нужно было тогда же начать еще более широкие и интенсивные исследования этих удивительных явлений. Но для этого был нужен человек с более меланхоличным темпераментом. Без столь острых реакций, без столь сильных эмоций.

Л.А.вернулся к этим работам лишь через 25 лет...

(продолжение следует)

Андрей Масевич

Генделев

*– Это чтобы стих-с, то это существенный вздор-с.
Рассудите сами: кто же на свете в рифму говорит?
И если бы мы стали все в рифму говорить, хотя бы даже по
приказанию начальства, то много ли бы мы насказали-с?*

Достоевский «Братья Карамазовы»

*– Пардон, недослышал... кажется, вы упомянули про
талант, святой отец? –...– Скажите, а вы сами не
испытывали потребность вникнуть в морально-
юридическое содержание сего хитрейшего, потому что
неотъемлемого, из всех источников собственности, этой
неиссякаемой чековой книжки, золотой россыпи
единоличного владельца... тем самым разоблачить
неравенство в самом оскорбительном для большинства,
изначальном его проявлении?*

Леонид Леонов «Пирамида»

Начнем, год 1967, осень...

– тебя сейчас лекции или практика? – В
автобусе номер девять мы ехали в институт – он тогда
учился на первом курсе, а я на втором.

– Лекции...

– У меня тоже. Промотаем?

...Сорок примерно лет спустя на вопрос
интервьюера:

– А ваш выбор медицинского института...?

Известный поэт Михаил Генделев ответил:

–...продиктован тем, что моя тетя Сима работала там
преподавателем кафедры иностранных языков...

Я знал Серафиму Львовну Эпштейн, худенькую
старушку – брал у нее частным образом уроки немецкого
языка. Племянника своего она мне, как полагается тетке,
поругивала «Faulenzer!».

*Умру поеду поживать
где
тетка все еще жива
где
после дождичка в четверг
пускают фейерверк
где
вверх стоит вода Нева
оправив руки в кружева*

В некрологах и статьях о Мише цитировались эти его стихи и говорились слова, вроде... иронически высказанная тоска по прошлому, предчувствие близкой смерти... Или того хуже: посмертное путешествие в детство. Черт, черт, черт! Вот, черт!

Шекспир вот обозвал жизнь театром. Сколько же фальшивых нот берут на сцене этого театра! И я, как несчастный музыкант, слышу, что взял неправильно ноту, а правильно мне никак не попасть...

Если кто написал что-нибудь или изрек устно и полагает, что написал он или изрек действительную правду, то он, вернее всего, дурак. Я, например, не дурак. А не дурак, спросите вы, что же тогда, понимая про все это, взялся за писание? Нечего мне вам на это ответить.

Еще один страх немедленно разрушает все, что бы ни пришло мне в голову. Черт, думаешь, черт, какая банальная мысль и останавливаешься... А мысли, чтоб была не банальной, в голову не приходит. Потому говорю обычно плохо, еще даже хуже, чем пишу...

Налью себе...Когда пьян, фальшивые ноты не так раздражают слух. В память Мишки... Я пью один, вотще воображенье вокруг меня...

Вернусь, все же, к началу...

– Промотаем!.. (я был не из тех студентов, которые любят ходить на лекции)

– Почитаю тебе мои стихи.

– Интересно...

В Сангиге многие занимались чем-нибудь художественным. Я, например, был совершенно уверен в своем большом актерском таланте, и пытался играть на

сцене и декламировать. И Мишу Генделева я в первый раз увидел, когда он в клубе репетировал сценку «Дама сдавала в багаж...». Актерского, впрочем, дара в нем заметно не было. Он изображал кондуктора уверенно, но совсем не смешно.

...Тогда в автобусе я поглядел на него сверху вниз и процедил:

– Интересно...

Хотелось бы теперь представить дело так: проникнувший ко мне доверием талантливый мальчик (ему было семнадцать лет) показал мне свои первые попытки, а старший, мудрый и проницательный я (исполнилось уже девятнадцать) провидел будущего поэта...

У него, конечно, ко мне никакого особенного доверия не было, просто очень надо было читать, читать кому угодно, а я попался под руку.

Вместо лекций мы бродили между несколькими несчастными соснами, что росли около входа в городок Санитарно-гигиенического медицинского института.

Одно стихотворение было о Пушкине. Как вспоминаю, такое обращение, мол, Александр Сергеевич, дурно, вы негр, вам бы жить в диких племенах, а вы вместо этого – «я помню чудное мгновение»... Больше он при мне этих стихов не читал и точно, что не публиковал. Что другое он тогда прочитал, не помню.

Нет-нет, тогда в его стихах ничего решительно меня не тронуло (черт!), через две минуты чтения я вообще перестал понимать слова, а только слышал их, и это быстро надоело.

– Ну, что скажешь?

Я напрягся было что-то сказать, но он оборвал:

– Ты таки ничего не понял...

Был в Сангиге один такой Саша Рюмкин – первый человек в самодеятельности. Он однажды почти поступил в студию МХАТ – дошел до третьего тура испытаний (поступавшие в театральные институты понимают, что это значит), и сам народный артист СССР Павел Масальский признал его большой талант, но...

Если бы взяли Рюмкина в театральный институт, думал я тогда, мир бы получил другого Товстоногова, а впрочем, ничего, еще получит, Рюмкин все равно станет артистом.

Суждениям Рюмкина о театре и поэзии я очень верил.

– Знаешь, Мишка Генделев пишет стихи, – сообщил он мне однажды.

– Он мне читал, неинтересно было...

– Не скажи!.. Вот послушай: «...Ветер вечерний гонит по пляжу газеты...» В одной строчке совершенно гениальная картина!

Генделев через много лет написал в стихотворении «Картина»:

«Я его помню как экзаменационный во сне билет
хотя Саши Рюмкина на Картине нет а в бездне и без него
красиво
в косом скрещении солнца во дает вдоль прибоя большая
псина
а Рюмкин наоборот уезжал в Израиль как Страну Сионизма
последние сорок лет
хотя и марки страны такой и в уголках не гасят уже однако
а по раме Картины бежит собака и море стирает след
конспиративно учил иврит агитбригады помреж и в рамках
меж
дународной обстановки однажды даже выезжал в зарубеж
в Болгарию на форум "За мир гигиенисты мира"»

Что эти строчки говорят, интересно, тому, кто Рюмкина и в глаза не видел? Смешная фамилия? Да и тому, кто Рюмкина знает? То разве, что Рюмкин – еврей? Так для такой-то истины, пожалуй, гениальной поэзии не требуется...

Какая это собака дважды пробегает вдоль прибоя? Она кажется веселой...

К этому стихотворению, помещенному в журнале «Зеркало» прилагается глоссарий – 43 объяснения, его составил некий Менахем Яглом.

«Агитбригада, – сказано в глоссарии – небольшой профессиональный или самодеятельный театральный коллектив, постоянно действующий или сформированный на определенный срок для обслуживания хозяйственных и политических кампаний. Репертуар агитбригады составляли драматические, музыкальные и хореографические миниатюры, основной задачей которых было тотальное насаждение коммунистической идеологии».

В Сангиге действительно была агитбригада. Я тоже участвовал в ней, читал стихи – Пушкин, Есенин, Маяковский, Вознесенский... черт, черт, черт – до чего стыдно! Ведь, подражая Качалову, декламировал даже «Разговор с товарищем Лениным»! Да что теперь-то стыдиться? Тогда надо было понимать. ...А я любил – вместо опостылевших занятий уехать в хорошей компании из города, выступать в сельских клубах, чувствовать себя артистом из Ленинграда – именно так было написано на афишах: «выступают артисты из Ленинграда» (черт, черт... ух, черт).

Только Рюмкин был не помрежем, а главрежем агитбригады. Коммунистической идеологии мы не насаждали, хоть и читали глупости Маяковского и тому подобное. Просто самих себя показывали самим же себе.

Строфы «Картины» написаны знаменитой уже теперь Генделевской «бабочкой». Но если в той строфе, которую только что я цитировал, знакомая фамилия вызвала в моем сознании картину, нечеткую, но яркую картину (хоть тайного изучения иврита и поездки на форум «гигиенисты мира», по-моему, в реальности не было – это там просто какой-нибудь литературный (тьфу, черт!) прием), а другие-то строфы? В них знакомого ничего не нашлось, и потому я почти перестаю их понимать смысл, а вижу сплошной поток графических знаков без пунктуации... Но еще вернусь к этой поэме.

Другим Товстоноговым Рюмкин не стал. Окончив институт, он работал в санэпидстанции, потом врачом скорой помощи, и, наконец, бизнесменом в стоматологии. Ему теперь седьмой десяток, и у него, кажется, проблемы

из-за экономического кризиса (черт, черт, черт!). А в бездне красиво и без него! По крайней мере, так считал Миша.

А когда я писал этот текст, Рюмкин позвонил мне и сказал, что серьезно болен...

На младших курсах. Годы 1968-1969. Не знаю, не помню, почему и как КВН начался в Сангиге. Может быть, Рюмкин помнит? А впрочем, не все ли равно, почему...

Я был зритель и болельщик трех победоносных игр команды Сангига. Многие из ее членов были моими приятелями...

Первая игра состоялась весной 1967 года, когда Генделев еще ходил в школу № 112 (Я уже окончил соседнюю – № 116 – мы жили, кстати, совсем рядом и не подозревали о существовании друг друга).

В году 1968 Миша стал членом команды КВН Сангига. Играли тогда с педиатрическим Институтом.

Другой Миша, Сандлер придумал такое приветствие – он выкрикивал тонким голосом «чтобы педиатр не узнал в нас конкурентов, команду представим в виде его же пациентов!». Показывали детскую фотографию каждого участника, тот выходил на свою фотографию, а красивая девушка читала про него стишок.

Стишок про Генделева был таким:

«Большим талантом отмечен свыше,
Поэт команды Генделев Миша».

Поэт команды КВН – еще не означает поэт. А на сцене, я говорил уже, он держался свободно и легко, но как-то был не особенно интересен.

Другие были ярче: Миша Сандлер, остроумный и изобретательный, эlegantный и артистичный Сережа Фаустов, Виктор Шулькин – баритон, учившийся некоторое время на вокальном отделении консерватории, Терехов Витя, глубочайше углубленный в себя, знающий все и потому ни с кем не находящий общего языка. Фейерверк, скажу вам, талантов.

И Генделев, конечно – самый молодой, крикливый, и, прости, Миша, в те времена довольно-таки несносный. Правда и в этом он не держал первого места: еще несноснее,

но сценически куда более занятным был некий Борис Волохонский – почти профессиональный мим, не спутайте только с поэтом Анри Волохонским.

А стихи Генделева тогда.... Это были, помнится, обычные стихи и песенки для капустников, не очень даже и смешные. Он сам потом признавался, что смешное ему не дается.

Надо же теперь сказать несколько слов об этих людях из команды КВН. Они были Генделеву близки, как лицеисты Пушкину.

Иду, например, я по институту. Навстречу лицеист Щеглов, капитан команды. Тот, кто сегодня знает профессора психотерапии Щеглова, или телеведущего популярных передач по сексологии доктора Щеглова, отметит, что сорок лет назад он был моложе. И лучше, кажется. Согласен. Точное и тонкое наблюдение. Не намного, но лучше.

– Слушай, – озабоченно спрашивает он меня, – ты кислотность определил?

– Какую кислотность?

– Не определил? – с испугом, – Я пакетик оставил. Нет, ты точно не определил?

– Да что за кислотность-то?

– Я вчера пакетик для тебя оставил на кафедре гигиены питания.

– Какой пакетик?

– Небольшой. Не забудь, пожалуйста, определить. Можно даже не кислотность. Что-нибудь – но определить надо обязательно...

Вслед за этой «дроккой» следовали другие, и в таком количестве, что из них можно было бы составить хороший том.

В игре КВН Сангига с театральным институтом капитанам команд было предложено выразить уважение друг к другу на языке и в традициях народов СССР.

Щеглов сходу выдал монолог в таком роде:

Халдыд шурум мине зай гезунд селям туруле азохенвей алтан чач кусен тохес кулым чебак ланге ёр...

Последовал авторский перевод с «абхазского» на «удмуртский»:

Зай гезунд аман сис ба ланге ёр алтан чач кусен тохес чебак кулым азохенвей...

Противник, не знавший языков народов СССР, был повержен.

Театральная команда, в которой, между прочим, участвовал известный теперь Вадим Жук, комический артист, проиграла с треском...

А команду Сангига за победы наградили путевкой в дом отдыха в Зеленогорск на неделю. Сережа Фаустов жил в одной комнате с Генделевым...

Генделев ругался:

– С Фаустовым невозможно! Брюзжит, вечно у него желание наводить порядок, что-то мыть, чего-то убирать... Я кладу ботинки на стол, у меня такая привычка, а он сразу в истерику...

А Сережа жаловался:

– Ты знаешь, Генделева я очень люблю, но он страшно неряшлив! Его манера класть ботинки на стол! Я еле прожил эту неделю...

Я... моя память хранит больше, чем может кому-нибудь понадобится, но я собрался говорить о поэте, а тогда Генделев еще поэтом не был... Или уже был?

Миша Сандлер уже давно живет в Израиле, Витя Терехов в Италии, Щеглов, ну о том уже сказано – академик, в Петербурге, на Гороховой улице, когда-то улице Дзержинского... Где Шулькин и Волохонский – не знаю... Маша Коган – единственная девушка в команде... Тоже, кажется, в Израиле... А Сережа Фаустов? Когда я его видел в последний раз? В 82 или 83 году... Он работал тогда в институте охраны труда...

Литературное общество, 1970...

По сохранившимся фрагментам какого-нибудь древнего предмета пытаются воссоздать реальность прошедшего. Если имеем дело с глиняным сосудом, из тех, которые находили уже сотнями, то, возможно, он скажет не так уж много, хоть и тут нельзя знать, может именно на утраченном фрагменте этого сосуда была, например, какая-

то надпись... А если предмет неординарный, если вообще не понятно, на что он употреблялся...

На первом в семестре занятии преподаватель кафедры инфекционных болезней ровным голосом излагает, что нам предстоит выучить на четвертом курсе, но думает, похоже, совсем о другом.

– Простите, можно спросить ваше имя отчество, – вежливо пискнули студенты

– Ради бога. Я – Петров, Николай Михайлович.

– Кто у тебя ведет инфекции? Петров? – поинтересовался Рюкин, – Он пишет стихи и собирается организовывать в институте литературное общество. Я его познакомил с Генделевым. Я и про тебя сказал.

На первое собрание литературного общества Николай Михайлович привел с собой своего приятеля – Антонина Федоровича Чистякова – поэта, члена Союза писателей.

Генделев, ему в то время исполнилось двадцать, зачем-то остригся наголо и отпустил жидкую бородку.

Пришли человек десять студентов.

– Давайте познакомимся друг с другом, пусть те, кто пишет, прочитают свое...

...Память-то у меня, кажется, цепкая, но может захватывать неважные детали, а вещи существенные как раз и не сохранить...

Да, так вот значит, читал тогда Миша Фридман с лечебного факультета, теперь он – хирург-онколог – у него было такое стихотворение о сером камне:

*Ты ведь здесь не просто так,
Не пока,
Ты залег сюда в овраг
На века...*

...

*Ты не понял,
Не постиг
Боль утрат,
Не умеешь ты грустить,
Серый брат!*

А вот две строчки моей однокурсницы Нины Федорук, она еще была похожа на актрису Аллу Демидову:

*И все же спасибо, что вы есть, разлуки!
Спасибо, что не щадите, не милуете...*

Друг Николая Михайловича доброжелательно улыбался:

– Какие разные голоса... – у него был какой-то такой говорок, вологодский что ли, или рязанский.

– Да, да, да, больше поэтов, хороших и разных – хмыкнув, согласился Николай Михайлович.

– «Каин и Авель» – объявил Генделев.

Это стихотворение я потом слышал много раз. Даже пытался пародировать авторское чтение. Там в конце камень сорвался с горы, и это был – Каин.

– *А Авеля не было,*

На этом месте Миша всегда застывал с открытым ртом...

Авель не жил на свете...

Еще пауза... Рот опять-таки открыт.

(Стихи привожу по памяти, никогда не видал их напечатанными)

Холодные песенки, что пели киноактрисы,...

...кружились на синем экране красные люди Матиса

Член Союза писателей чуть поморщился. А Генделев начал следующую вещь:

Жил-был мальчик, обыкновенный мальчик,

Чудный северный город устало уснул,

Положив тяжесть скул на сжатый кулак собора...

Сегодня я будто даже различаю в этих строчках музыку...

«Положив тяжесть скул на сжатый кулак собора» – тяжелая фраза, три раза повторенное «ж» (Щеглов, успокойся, не в том смысле!) звучит прямо контрабасом, а глухие «с», «т» работают как сурдина (Черт!).

Член Союза писателей негромко произнес:

– Ну, пружину бы здесь надо ослабить.

Профессиональный поэт знал, наверное, что говорит, но о какой, все-таки до сих пор не понимаю, пружине шла речь?..

Миша прочитал еще стихотворение «Актер» посвященное какому-то Александру Пуреру. Там было все, что принято писать об актерах – чувства перед выходом, проживание на сцене разных жизней, непонимание зрительного зала, ну и прочее.

Заклучил Миша стихом о Гогене:

*Душу в солнце окуните,
Нету солнечной замены!
Вот он вечный путь в Таити
Путь скитальцев, путь Гогена!*

Со следующим чтецом Толиком Гитлевичем я учился в одной группе, и в тот момент мы еще дружили, это потом рассорились так, что перестали здороваться.

*Ходят мальчики в маечках,
Ходят мальчики в трусиках,
Вырастают и маются,
Вырастают и трусят...*

Сообщалось далее, что жизнь дает мальчикам закалку, хоть они и не воевали (ну конечно!), не «серели в пыли» (то есть не становились серыми от пыли), но «хлеб трудный жрали». И вот:

*Ходят мальчики в маечках,
Ходят мальчики в трусиках,
Вырастают – не маются,
Вырастают – не трусят...*

После этого Толик прочел еще одно – восторг по поводу весеннего дня, когда люди весело топчут лужи-картинки.

Совсем другой голос! – вздохнул член Союза писателей, – Прозрачные стихи...

Что же, что прозрачные, – тихо, чтобы Толик не услышал, отозвался Николай Михайлович – стекло тоже прозрачное...

Потом читали сами мэтры.

Стихов Чистякова не помню совсем, а Николай Михайлович свои читал так же, ровным голосом, как объяснял про вирусный гепатит или дизентерию. Из тех стихов я вспоминаю отдельные строчки:

И солнце в небе как медаль за оборону Ленинграда...

...

Цветы, не знавшие войны...

...

*Рос в Альпах эдельвейс – он был эмблемой егерей,
А почему бы и не он? Цветок весьма красивый...*

...

*Чтоб больше никогда цветок
Не стал эмблемой смерти.*

По этим осколкам видно: у Николая Михайловича все было о войне.

Тогда в моей двадцатидвухлетней голове мелькнуло такое: надо же так – такой человек интересный, а стихи скучные, чуть не официоз...

После многих лет дружбы я знаю, что на самом деле у Николая Михайловича сильные стихи и проза. Совсем другие. Зачем же он читал те? Не знаю, может, опасался чего-нибудь. Время все-таки было советское...

Описывая прошедшее, в этом прошедшем (черт, черт, черт!) живешь, и собственные чувствования и переживания такими становятся важными, что без них событие уже не событие, и лицо - не лицо. И получается, что не события описываешь и не людей, а свои ощущения. А воспитанному человеку, все-таки, ощущения свои, в некотором роде интимные, показывать неприлично... Прошу прощения.

Поэт Антонин Чистяков погиб – утонул в озере. Как Шелли и как Китс. В 2004 году литератор Воджи-Петров (такой теперь псевдоним взял Николай Михайлович) написал об этом человеке рассказ «Так жили поэты».

Да, а Гитлевич умер от инсульта в 1996, кажется, году...

Нальем еще...И обо всех, прежде почивших отцев и братиях, Господу помолимся...

Кафе 1970-1972. От центральной площади городка санитарно-гигиенического медицинского института расходятся аллеи.

Вдоль этих аллей, ведущих от главной площади к стадиону, стоят здания клиник и теоретических кафедр. Часть их постоянно в строительных лесах. Говорят, это потому, что краска неустойчивая. Все сразу здания вдруг покрасить отчего-то нельзя, когда очередь доходит до последнего здания, краска на первых облупливается – надо снова красить.

В кафе устраивали вечера поэзии. Нам разрешали. На вечерах, правда, присутствовали лица из комитета комсомола, но я, один из организаторов, ни разу не столкнулся с запретами или цензурой.

Может быть, они (понимаете сами, какие они) чего-нибудь не досмотрели? Не поняли? Как теперь знать... Или считали нас детьми, не стоящими их внимания? Или просто решили взять под наблюдение, что мы там делаем. До времени понаблюдать, а время так и не пришло...

Но ведь совсем незадолго до описываемых времен того же главрежа Рюмкина турнули из комсомола за посещение синагоги. Да что синагога? В синагогу многие ходили. Партбюро и начальству, конечно, не нравилось влияние Рюмкина на студентов.

Так вот, на первом вечере в кафе был конкурс поэтов института. В нем участвовали Генделев, Миша Фридман, Нина Федорук. Был еще Шишкин, Александр – ну, этот был официальным институтским автором, регулярно печатавшимся в многотиражке «За медицинские кадры».

И еще Паша Цветков, писавший песни. Он уже был немного известен, по телевизору передали раз его песню о Грине.

Поседела волна, снизошла тишина и туман...

Простите, что фальшиво напел...

В жюри вошли Чистяков, Николай Михайлович, лицо какое-то из комитета комсомола, и еще Роман Альбертович Рубинштейн, профессиональный артист, он вел в институте кружок декламации.

Роман Альбертович почивших отцов и братьях, – красивый старик, похожий на Станиславского – знаменит в особенности тем, что был женат на Ирине Николаевне Пуниной падчерице Ахматовой. С Ириной Николаевной и Романом Альбертовичем делила квартиру в последние годы своей жизни сама великая Анна Андреевна... Кто еще был в жюри? Да, редактор институтской многотиражки. Как ее? Не могу вспомнить точно фамилии... Неверина? Неверова? Она потом подходила к Генделеву насчет публикации, просила его что-то там переделать, тогда, мол, она напечатает, и получила, сами понимаете... мягко говоря, отказ...

Цветков спел две песни, песню о временах человеческой жизни и песню о французском шансонье...

*Концерт не ждет,
Пора идти,
Идет, листая по пути шекспировский сонет,
А через час по залу шквал,
На сцене возле рампы встал
Известный шансонье...*

Сонет, конечно, нельзя листать, он короткий, на странице обычно помещается два-три... Но человек, имеющий музыкальные способности, всегда казался мне высшим существом. Чертыхнись еще разок, но уж признаюсь, как по-идиотски я страдал, из-за того, что не имею музыкального слуха.

Генделев, кроме «Каина и Авеля» и «Мальчика» прочел тогда поэму «Марина Цветаева». Вот запомнившиеся кусочки:

**Еще вчера в глаза глядел,
А нынче все косится в сторону,
За что тебе такой удел?
За что – елабужские вороны?**

...

*Я не прощу Елабуге,
Я не прощу...*

...

*Мой Пушкин, милый мой повеса.
Самоубийство, тот же пистолет
Вещеподобного Дантеса*

...

*Вы Лермонтова знаете картинного,
А желчного – не знаете вы, нет
Самоубийство, тот же пистолет,
И все равно – какого там Мартынова...*

*Туберкулезная Багрицкого постель,
Затравленное сердце Пастернака...
И жизнь, и смерть поэта есть дуэль...*

Посрамлены знамена...

Этим прозрачным стихам много и громко аплодировали...

А Гитлевич после рассуждал:

– Настоящий поэт всегда понимает, что должен больше, чем имеет право. Это называют чувством гражданственности. А твой Мен-ди-лев (почему он так его называл? Чем Мендильев хуже или лучше, чем Генделев?)... Нет у него чувства долга перед Родиной, а значит – нет ничего настоящего... Ну да, Цветаева, Пастернак... Хорошие поэты, конечно. Только их никто не травил.

– Как? Цветаеву не довели до самоубийства? Пастернака публично не называли свиньей?...

– Цветаева была психически больной. А Пастернак написал антисоветский роман. Его не травили, а просто исключили из Союза советских писателей.

В Толе уживались два человека: один – ироничный, умный, можно сказать, талантливый, а другой – прямой советский ортодокс. Раздвоение личности, что ли? Жалко...

Последним выступал Шишкин.

Стихи «Голос вождя» – о сильном впечатлении, произведенном на автора речью Ленина на пластинке.

И еще у него были стихи о культурной революции в Китае, описывались всяческие ужасы, после чего автор сделал заявление, что верит, несмотря ни на что, в великий китайский народ.

– Спасибо, – отреагировал Цветков.

Жюри огласило результаты конкурса. Первое место занял Генделев – ему вручили томик Бальмонта, в серии «Библиотека поэта», что привело победителя в восторг:

– Обалдеть! Просто обалдеть!

Вряд ли кто-нибудь теперь так отреагировал бы на книжку Бальмонта, но, вспомните-ка, как тогда доставались книги. Моей, например, мечтой – недостижимой мечтой – было собрать (зачем, неизвестно) всю «Библиотеку поэта» в первую очередь авторов серебряного века (черт, черт, черт!).

Помню неопишуемое чувство, – англичанин Пирс подарил мне купленный в «Березке» «Петербург» Андрея Белого. Как я хвалился перед всеми знакомыми этой книжкой, и как мне завидовали!

Недавно моя дочь, студентка филологического факультета университета должна была сдавать экзамен по русской литературе. Она не успела прочесть «Петербург» и попросила меня что-нибудь ей пересказать. Я не мог вспомнить даже сюжета, даже имен действующих лиц, ничего, кроме неопишуемой радости при получении этого подарка. Вот вам...

Призами поскромнее отметили Цветкова, Нину Федорук и Мишу Фридмана...

– Что касается Саши Шишкина, его стихи очень правильны, – сказал Николай Михайлович, – В стихотворении о Ленине фраза «он верил в успехи трудящихся масс», конечно, абсолютно верна, но верна для лозунгов, а не для стихов. Стихи Саши состоят из таких лозунговых фраз. Мы, тем не менее, даем ему поощрительный приз.

Теперь вот возьму и предамся воспоминанию...

Как продолжался этот вечер! Как ругали Шишкина и как хвалили Генделева!

– Все-таки стихи Саши очень искренние – прощобетала какая-то девушка.

Гулом негодования встречен был девичий порыв
заступиться за гонимого!

Каким (черт! черт, черт!) было искусство было в нас,
и какими (О, черт...) были в искусстве мы!

Триумфатор читал еще.

И Рюмкин к тому же прочел «Зодчих» Кедрина –
поэму о жестоком царе, ослепившем гениальных
архитекторов, чтоб они не смогли повторить церковь
Покрова – свой шедевр (разбирайтесь теперь сами, чей
шедевр – Рюмкина или архитекторов – это у меня
совершенно генделевский прием). Когда он прочел
заключительные строки:

*И запретную песню про страшную царскую милость
Пели в тайных местах по широкой Руси гусяры,*

– Bravo! – выкрикнул Роман Альбертович.

«Хорошо, очень хорошо читает Саша м-м-м
Рюмкин! – волновался он, – И знаете, мне тоже хочется что-
нибудь такое... э-э-э... прочесть... Я решусь на э-э - м-м-м
опасный шаг, прочту (мхатовская пауза) "Двенадцать"
Блока!».

Читал он, конечно, очень вдохновенно, очень...

Миша, ты это помнишь? Да что спрашивать...

Во-первых, эпизодики, что я извлекаю из памяти, в
твоей-то памяти, небось, затерялись во множестве романов
(ведь перетрахал ты, с божьей помощью, процентов восемь
женского населения земного шара), встреч с яркими
известными людьми, ну и пьянок, разумеется... Ой, прости,
дорогой, прости старого пошляка, дни твоей не очень к
несчастью долгой жизни были заполнены, конечно,
любовью, войной и смертью, современником которых тебе
довелось стать...

А во-вторых, можешь ли ты теперь вообще помнить?

Когда-то ты написал:

*Посмотреть
так смерть
несомненно сон
но тот*

*что снится себе сам
так я и записал
но прошел песок
и забыл я что записал.*

*А
в несозвездии Близнецов*

*огнь
кометы плясал
значит смерть
это такой сон
что снится тебе
сам.*

*Но тебе до того что снится тебе ли—
что?*

*на песке налегке
стань
ясен взгляд твой и лоб твой*

*бел
и
ветка дыма в руке*

«Огнь в несозвездии Близнецов...» Что за пафос! Что за декламация! Или – ирония? Да нет, какое там... Ясен твой взгляд...

Несомненно одно – как ни смотри, а в смерти нет снов...

Тело, испытавшее столько ощущений, смешалось с землей, из которой состоит Земля (твой опять, Миша, прием!). Никак не пойму людей, дающих распоряжения о месте своего захоронения.

...ветка дыма в руке...

Пустота. Без стихов, без выпивки, без того, понимаете, горячего чувства в самом низу живота, когда видишь женщину, «бросающую вызов»... ну, ну, ну... вообще без всего, даже без тоски по всему этому...

Мир, который выстроился за нашу жизнь внутри нас, в одну секунду исчезнет без малейшего следа, и станет все равно, какой была жизнь, и была она или нет...

«Прошло» и «не было» – равны между собой. И никаких черных дыр не надо. Нет, никак не пойму людей, дающих распоряжения о месте своего захоронения.

Представить себе, а тем более описать смерть нельзя. Из вечного ничто мы явились во временное что-то такое, и в вечное же ничто уйдем. Черт. Черт. Черт.... Что за холодная, прямо-таки ледяная, можно сказать, пошлость!

Ясен твой взгляд... Ветка дыма... Огонь в несозвездии... Миша, Миша...

Выпью.... Ух.... И алкоголь тоже пошлость...

Да, так вот, дальше...

Я был несколько раз дома у Романа Альбертовича, в той самой квартире, где жила Ахматова. О ней он мне не рассказывал. О взаимоотношениях их, правда, я читал у Лидии Чуковской что-то не очень хорошее. Но редко между людьми, живущими под одной крышей, бывает что-нибудь очень хорошее...

Похоронен Роман Альбертович в Комарово... Однажды, уже после его смерти, Ирина Николаевна выступала с воспоминаниями об Ахматовой в библиотеке, где я работаю до сих пор. Она называла свою... – кем там приходилась ей Анна Андреевна? – мачехой? Да, мачехой, получается так – называла свою мачеху «Ахума».

Я поклонился Ирине Николаевне в коридоре, но она меня не узнала.

Цветков, кто-то мне говорил, попал в плохую историю, сидел в тюрьме.

А на похоронах моего отца произнес речь профессор Шишкин, заведующий кафедрой терапии медицинского факультета петербургского университета. Похоронная грусть не помешала мне вспомнить ту давнишнюю строчку «я верю в великий китайский народ»...

Нелепая поэмка молодого человека. В автобусе номер девять (теперь он сто двадцать третий), когда мы с ним ехали из института, Генделев сообщил:

– Первый раз в жизни написал сюжетную поэму. Главный герой – Фаустов.

– Сережа?

– Нет. Просто Фаустов. Имени я ему не дал.

– Что же он у тебя за человек?

– Говно человек.

Генделев читал эту поэму на нашем ЛИТО.

– Игра. Ленинградская повесть. Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине, – с важным видом пародировал Миша предисловие к «Медному всаднику» – попытки навести справки о действующих лицах ни к чему не приведут...

...

Позвольте, где же он? Такой с портфелем?

Вот он, смотрите, в бежевом пальто.

Хочу вас познакомить. Мы у цели.

Он Фаустов. Тот самый. Да, вот тот...

В действиях человека с портфелем ничего необычного. Купил газету, спустился в метро, вышел из метро, отметил: «сегодня жарко, а вчера продрогли...».

Описывается его квартира:

...

...Где мини кухня с холодильником «Ока»,

Так как в Кижях теперь супруга Ира,

Яичница – обед холостяка...

...Фаустов ощущает беспокойство, ищет, чем заняться, включает телевизор, а там:

...

Балет, об империализме факты,

«Вечерку» почитал, все неуютно как-то...

...Пора спать, но заснуть герой никак не может, не помогает даже глоток коньяку из записки. «Впервые в жизни не заснуть» – недоумевает Фаустов. Он одевается и выходит в белую ночь.

...

Ступени холодны, изящны перспективы,

И голос линий чист, словно высокий альт...

О белоночный зов! Уж эти мне мотивы...

...

Черт, черт и черт! Петербург столько раз описан словами, столько раз он написан красками, сфотографирован на открытки, что только чертыхаться и остается...

...

Хозяин города, чуть кутаясь в металл,

...

Как это, чтобы кутаться в металл? Да еще не совсем, а чуть кутаться? Он же, Петр, из металла целиком. Друзья поругивали автора за эти строчки

...

*Хозяин он? Над ним простерлась власть,
Бездушной геометрии света...*

И строчку «роса лежит у львов на каменных усах» тоже ругали – как это так «каменные усы»? Не может быть усов из камня.

Да-да, я вспоминаю:

...

*Гвардейские полки застыли в карауле,
У львов роса лежит на каменных усах...*

...

Фаустов потащился домой, рассчитывая, что после прогулки он заснет... Но вот что его ждало дома:

*В эстонском Ирином любимом полукресле сидел...
Черт.*

Разрешите если, как в оперетке – трость, цилиндр...

...

*Интеллигентен и без запаха козла,
Такое, знаете, несоветское лицо...*

...

*Нет-нет, товарищ Фаустов, не сгинет
Ваш гость в летучей черно-красной пелерине...*

...

Черт предлагает сыграть в карты. В случае проигрыша он берется «без всяких штучек со сверхдолголетием» исполнить три желания. Эти желания Фаустов тут же и формулирует: «авто, путевка за границу,

дача)... Ставкой же Фаустова должна быть, разумеется, душа. Тут Фаустов засомневался....

*Ну, уж куда б ни шло – на пол души
Но что б на всю, ва-банк?
Я атеист...*

*А я... – отвечает Черт, –
... Я – коллекционер...*

*...
Что? Ваша мне зачем душа?
Что, есть и лучше?
Мне и ваша хороша,
Ведь чудачки мы, коллекционеры...*

Генделев, сердисься? Ты ведь написал, что первой книгой «конгениальной моему (твоему, то есть) дарованию» являются «Стихотворения Михаила Генделева», да ведь она вышла много позже, аж в восемьдесят четвертом, а тогда был семьдесят первый. Может быть, подобно одному классику русской литературы, ты хотел уничтожить молодые глупости, и потому отнес на помойку свой архив, который сохранили твои друзья, то есть те произведения, что должны бы составить первый том полного собрания сочинений и дать Генделеводам материал для изучения становления поэта.

«Да я вам лабораторное животное, что ли? – орешь ты, – Нечего меня изучать, а слушайте, что говорю! Ну, написал в молодости не конгениальную моему дарованию хуйню. Таки нашелся гад Масевич со своими воспоминаниями».

Не сердись, Миша, глупость в молодости еще никого не компрометировала. Не членство же это, слава Богу, в КПСС.

И нечего орать. Терпи, дальше хуже будет.

Черт показывает всю его, Фаустова, мещанскую ничтожность.

– С мещанством ты, конечно, борешься во всю – кивнул Николай Михайлович

Истинные (черт! черт! черт!) ценности – творчество (черт..), любовь (о, черт!), прошли мимо вас, Фаустов! – Черт долго и эмоционально проповедует: *Я покажу вам все, что в мире есть достойного такой вот белой ночи ...творчество – ногти, вбитые в ладони, любовь, когда приходится ревновать к асфальту, по которому прошла она, эх вы, кусок супружеской постели, ...видели ли вы скачку очумелых лошадей...*

Черт смахивал на публициста из «Комсомольской правды», и когда, уверенный в своем выигрыше, он, наконец, замолк, Фаустов, у которого «билась жилка у виска», пожимает плечами:

Да, ну и что?..

...и побежден был Черт!».

Кончается поэма вот как:

...

Позвольте, где же он? Такой, с портфелем?

Вот он, смотрите, в бежевом пальто.

Хочу вас познакомить. Мы у цели.

Ну человек! Счастливеец на все сто...

По лотерее «Запорожец»!..

...

Ах, вы знакомы? Жили с ним на даче?

А, у него от тетки? По наследству, значит...

...

Он едет в Польшу, дал местком путевку...

...

Да, ну и что?...

...

Блага, которые Фаустов выиграл у Черта, явно второго сорта – какая «Запорожец» машина? Что там может быть за дача по наследству от старой тётки? А Польша – вообще не граница, как не птица курица...

– Вот это настоящие гражданские стихи, – произнес поэт Чистяков.

– Миша, – подметил Рюмкин, – ты сделал Черта очень хорошим человеком...

– Некоторые говорят, что Черт у меня комиссарствует...

Двадцатилетний поэт сделал Черта совестью своего героя, Фаустов в игре побеждает свою совесть. Кто такое сказал про эту поэму? Не помню. Точно не я. Поэтому не чертыхаюсь. Все-таки абсолютной монополии на глупости у меня нет...

...

*Как белой ночи траурный аккорд,
Неся цилиндр в руках, шел грустный Черт*

...

Но ведь неплохо же для юношеской поэмы! Романтизма в самую меру, как раз для первого тома собрания сочинений.

Боже мой, сколько же людей пишут! На 4 июля 2009 года на поэтическом сайте www.stihi.ru опубликовано семь миллионов девяносто восемь тысяч двести тридцать четыре произведения. Но во времена, о которых мы теперь вспоминаем, не было Интернета и, следовательно, неоткуда было взять такую статистику.

Я не причем... хоть и...

После конкурса поэтов в кафе регулярно пошли вечера. Приглашали разных людей, были студенты театрального института, была старая актриса Ольга Павловна Беюл, с которой познакомил нас Роман Альбертович, читала «Паломничество к Бетховену» Рихарда Вагнера, а то просто собирались без специальных приглашенных и специальных поводов...

– Что за золотое было время! – сказал мне недавно Николай Михайлович.

Черт! Черт! Черт!

Что мне теперь удивительно – на тех вечерах ведь не было алкоголя.

Алкоголь сопровождает нас всю жизнь. Дружеские беседы и поминки, защиты диссертаций и сексуальные контакты, не говоря уже о днях рождения, - все, что происходит в жизни заметного, требует своей рюмки, стакана или фужера.

У меня уже давно ни одного дня без алкоголя не проходит. А на поминках по Генделеву я напился так, что еле дополз до дому.

И сейчас передо мной бутылка – водка «Зеленая марка», уже наполовину выпитая...

Но на тех наших вечерах, повторяю, был только кофе и маленькие такие пирожные с взбитыми сливками. Какими еще чистыми были наши организмы!

– Миша Генделев, – начал Николай Михайлович в какой-то из таких вечеров, – конечно, талантлив. Может быть, потому он кажется непонятым. Но должен ли поэт стараться быть понятым? Для кого он пишет? Я бросаю полемическую косточку...

– Стихи Генделева о Цветаевой вызывают у меня эмоциональный оргазм... – выступил Толя Сотников, – такое же чувство я испытываю, когда Смоктуновский в роли Чайковского смотрит с экрана...

– Стихи Генделева не всегда понятны, – заявила рыжая девушка, – но это хорошие стихи, а вот ваши, Николай Михайлович, вполне понятны, но, простите...

– Ради бога, – спокойно ответил Николай Михайлович.

– Или вот эти стихи Антонина Чистякова, – продолжила рыжая девушка,

Я опять заболел! Обостренье...

Это снова коварство весны.

Обостряются скулы и зренье...

И слова все обострены...

– Я их прочла в альманахе «День поэзии». И написала пародию:

Ах, весна! Ах, весна! Обостряет...

Не помню, как в пародии у той девушки было дальше.... Вот разве строчку:

...

...Только скулы она заостряет.

...

– Я не согласна, – заявила другая девушка, член комитета комсомола института – что стихи Генделева хорошие, а стихи Петрова нет...

– Николай Михайлович бросил кость, она повисла в воздухе, – встал Лев Щеглов, – я как бы хочу ее поднять. Поэт пишет не для кого-нибудь, а потому, что это ему очень нравится. В то же время он, как написано в книге Выгодского «Психология искусства», ориентирован на группу людей, которые, как он считает, его поймут, это так называемая группа референтов... А Смоктуновский в фильме «Чайковский» опять сыграл князя Мышкина, а вот имел ли он на это право?

– Я, скажем так, против оргазма, – заявил Николай Михайлович

Все очень громко захохотали.

– но если он есть, слава Богу...

– Значит, вы против него, когда его нет!! – крикнул будущий сексолог...

– Друзья, – обратился к кончившему наконец хохотать обществу Роман Альбертович, – сегодня мы слышали за-ме-ча-тель-ных... творческих людей. Ваша э-э-э глу-бо-кая жизненная мудрость, Николай Михайлович. И, конечно, очень талантливые стихи Миши м-м-м Генделева... это м-м-м зерно. Из него может прорасти настоящее ... м-м-м... для нашей советской Родины...

Рядом со мной сидела студентка художественно-постановочного факультета театрального института по имени Инга. Притянув меня к себе, она тихонько предложила, чтобы построчно разобрать какое-нибудь стихотворение Генделева с точки зрения понятности или непонятности... Послушавшись её, я встал и предложил построчно разобрать какое-нибудь стихотворение Генделева с точки зрения понятности или непонятности...

– Не-е-ет! – заорал Генделев, – Стихи по строчкам – идиотство...

Сколько потом мне припоминали это предложение! Я-то ведь даже не о чем особенном не думал, и предложение, как вы теперь знаете, было не моим... А меня

года два потом дразнили: «Ну что, разберем построчно? Что будем разбирать?».

А если все же? Я говорил, что вернусь к поэме «Картина»

КАРТИНА¹

1

Эта

Картина

именно нас изображает как есть²

лады

во

вторых

всех на берегу

а

это значит

воды³

в-третьих

наша осень на этой Картине

и

зо

бражена

зима осень лето потом воскресенье и весна⁴

на

этой

Картине у нас понарошку нет золотой стены⁵

верней

наконец

перед нею нету

по

этому

мы видны.

В комментариях написано, что здесь картина – не столько произведение живописи, сколько библейский символ «облик Бога (ивр. *тмуна*)», как в каббалистическом трактате Сефер га-Тмуна (черт! Язык сломаешь...). Так утверждает комментатор...

Изображение Бога вообще может интересовать лишь в той степени, в какой Бог похож на нас. Картина не Бога изображает, а нас, так у тебя же, Миша, сказано.... А что там

за золотая стена?... Ну да, есть комментарий... «золотыми стенами был обнесен Райский Сад после изгнания из него Адама и Евы» и эти стены рухнут, когда грех будет искуплен...

И вода это, оказывается, не вода в смысле H₂O, а свидетельство неизменности творения.

И зима, осень, лето, потом весна, порядок времен года перемешан – к этой строчке тоже есть комментарий, тоже библейские какие-то аллюзии (ну, черт!)... А я без аллюзий и комментариев сам знаю теперь, как перемешивается время, в старости именно время перемешивается, а я уже старик, ну, скажем, почти старик.

Действительный тайный советник фон Гёте, на что далекий от Генделева человек и по литературе, и по жизни, написал:

*Was ich besitze, seh ich wie im Weiten,
Und was verschwand, wird mir zu Wirklichkeiten*

(Спасибо, Серафима Львовна, научили)

Понимаете, о чем я? Ничего, что не понимаете, я и сам не очень-то понимаю, но как хорошо! Я про Мишины стихи. Там, где у него стены понарошку нет, и обитателям не огражденного ничем райского сада стали видны мы с вами...

Но за золотой стеной – ничего, та самая пустота, о которой, Миша, я чуть раньше сказал. Некому оттуда на нас смотреть... И самой стены нет, и не было, даже понарошку не было. Ничего... Ты все равно хорошо это написал...

2

Вот это слепая психичка Рива близняшка прабабки Рут

де

вя

носто два а грива

а

горб на груди

а

вдруг

роба парчи златотканой

куны да соболя

*она на себе прискакала сюда
сквозь маковые поля
когда ее выводили дурру
рас
стреливать за хуторок
пыталась скормить полицаям Рива притыренный сахарок
поешьте панове перед дорогой
бялы кщеньженты кнези-князья⁶
молоденьким без цукера а ведь надо расти нельзя
не в этом ли суть моего Искусства чтоб не сойти с ума
божественной
не изменив
манере
моей
письма⁷*

Комментарий за номером 7: «"Божественная манера письма" или "письмена Божии" – так сказано о первых скрижалях, которые Моисей получил на Синае, и которые разбил, увидев, что евреи сотворили Золотого тельца. По мнению большинства еврейских комментаторов Библии, эти скрижали изначально должны были разбиться, ибо "божественная манера письма" сделала невозможным существование их в нашем мире. "Не изменять Божественной манере письма" – путь к безумию, ибо ее постижение лежит за пределами человеческого познания».

Неужели на скрижалях Моисея начертано было пророчество мученичества этой самой Ривы? Или мученичества всех вообще мучеников Земли?

У Бога есть, оказывается, *манера* письма, какие, интересно, еще у него манеры?

– Я не знаю, гений ли вы – сказал Генделеву один пишущий стихи эпидемиолог из Омска, звали его, помню, Семеном, – но, видите ли, ваши стихи...

– Могу вас успокоить, я – гений, – перебил его Миша.

Гении, может быть, и читают в подлиннике написанные в божественной манере письма на скрижалях... Миша, а ты читал их? Думаю, притворяешься, что читал.

Как-то в кафе мы говорили об одном поэте, который заболел шизофренией. Кто-то сказал, что его стихи были очень интересными, но их теперь забыли.

– Стихи шизофреников нельзя забывать – наставительно сказал Генделев.

Меня эта его значительность разозлила.

– Запомните навсегда стихи Генделева, – призвал я, и аудитория одобрительно заржала...

Кто они такие – Рива и ее близняшка Рут? Почему Рива обращается к полициям на ломаном польском «бьялы кшеньженты кнези»? Где происходит дело, в Польше или на западной Украине? Вы, скажем, понимаете, что это такое – «она на себе прискакала сюда / сквозь маковые поля»? При чем парча и меха? Комментарии Менахема Яглома на этот счет отсутствуют, а ответов на каждый вопрос может быть более одного... В информатике такое называют логикой нечетких множеств.

– У нас на вечерах как то была заявлена великая идея, автор которой Масевич, – разобрать мои стихи построчно. Так вот... – дальнейшее потонуло в гоготе тонких ценителей поэзии, а Генделев повернулся ко мне, – это тебе моя маленькая месть за шизофреника!

3

На этой Картине не все евреи а лица на каждый изящный

вкус

вот

тот

кто в багрянице⁸

он например Иисус

вон

в набекрень из крови короне⁹ он например гибрид

наполовину Бог

а на

еще половину

жид¹⁰

и

как про него помолясь сказала одна супруга моя жена

что в целом он Жизнь и ужасная гибель была ему не

страшна а на

*мой взгляд сие паскудство
когда все пред
решено
тогда как мое Искусство
Страх и Трепет¹¹ оно
и
глядя на этот божий
мою половину его
что
страшно тебе до дрожи
тогда еще ничего.*

Вот так. Взял и обозвал Христа гибридом жида и Бога... Миша, Миша, что за фамильярность?

Комментатор поясняет, что это называется диофизитство – учение такое, по которому Христос в полной мере был и Бог и в полной мере человек. А раз в полной мере человек, он должен иметь какую-то этническую принадлежность. И кем еще быть Христу? Не китайцем же... Но оскорбительное «жид»? Здесь должен быть какой-нибудь неизвестный мне контекст или просто эпатаж. Да, а гибрид? Ничего себе, выразился о Спасителе... Любопытно, что бы об этих стихах сказали патриарх Московский и Римский папа.

«Одна супруга, моя жена» произносит пафосные глупости о Христе, а автор заявляет – «на мой взгляд сие паскудство когда все предрешено» – рискнем, чтобы понять, применить инверсию: «на мой взгляд, когда все предрешено, то сие – паскудство». Да что именно, Миша, паскудство? Распятие? Или то, что Он знал свою судьбу заранее, ты считаешь паскудством? Так, что ли? Но ведь было Ему страшно в Гефсиманском саду? Верно от того, что знал, еще страшнее.

Я отнюдь не христианин, но мне не по себе... Или таки я ничего не понимаю?

Ты уверен, что страх и трепет, которые мы испытываем, не зная, что именно предрешено в нашей жизни, не есть паскудство?

Кьеркегор при всем к нему уважении не пророк все-таки, и не евангелист.

Да, а что, Миша, у тебя за язык? Им восхищаются! Говорят, новое в поэзии. Но посмотри, посмотри! Синтаксические связи всюду разорваны! Опускаются слова, не говоря уже о знаках пунктуации!

«И глядя на этот божий [м.б. мир, на] мою половину его[,] что [м.б. если] страшно тебе до дрожи[,] тогда еще ничего»

Если далее препарировать строчку, то дойти можно до похожего на известную запись в жалобной книге «Подъезжая к сей станции и глядя в окно, с меня слетела шляпа»

Вот тебе!

Ладно, должно бы у меня, кажется, хватить ума, чтоб не брюзжать по этому поводу... Прости...

Анастасия Ермакова в журнале «Знамя» в 2004 году написала:

Михаил Генделев почти полностью отказывается от традиционной поэтики. Причем отнести его к какому-нибудь одному направлению довольно сложно. Здесь скрещиваются и концептуализм, и другие линии авангарда, и еще что-то, не имеющее пока названия. Возможно, если придумать очередной «изм», – это будет нечто вроде воинствующего сумбуризма. Потому что речь Генделева нарочито сумбурна, сбивчива; она то набирает темп, то резко прерывает самое себя, образуя смысловые сколы и метафизические паузы.

Че-е-рт! Еще не легче. Миша, что там у тебя за линии скрещиваются? Не стыдно? И паузы метафизические... Кто такая Анастасия Ермакова? Если красивая женщина, тогда еще ничего... Мне захотелось подарить ей ожерелье из смысловых сколов Мишиных стихов.

Чувства (черт, черт!) и мысли поэта Генделева до конца не обращались в слова... То есть они не становились вполне изреченными. Изреченная мысль, как известно... (тьфу, черт! интересно, бывает у классиков индекс цитирования?)...

А может быть, он делал вид, что пишет, как пишется, имитировал эту сбивчивость. Зачем?

Музу Генделева «тошнит» от всего устоявшегося, традиционного, инертного, – пишет эта самая Анастасия. Ну-ну. Все-таки эти критики и филологи, они – того... А меня столько лет дразнили...

4

*А кто эта парочка что оправиться села в елях
ты че это реб Зуся¹² глядят орлами и брат его Элимелех¹³
и столь изрядные каббалисты братцы
что скажи омэйи¹⁴ и не надобно подтираться
а в знак бездомно стала рыдать Шехина¹⁵ наша Невеста
Духа¹⁶
по разрушенью Второго Храма¹⁷
дважды не ночевали братья в местечках галута (голуса)¹⁸
наших местечек странах
в стогу под Краковом проснулись торкнуло им и захолонуло
им Общее Сердце¹⁹ им
и накрыло волной тоски их тошной их бессонницей
пораженных²⁰
вскочили и побежали и оглянулись
местечко горело XVIII век Ошвенцим
огнем пылало хладным мертвым огнем
Привратным Огнем²¹ Превратно Преображенных²²
да кстати ребята да
вряд ли предугадать слово как отзовется
но
и слепая блядь ласточка²³ вряд ли в чертог вернется
в осиновый дом моленный наших теней обитель иудину
синагогу
кстати потом реб Зуся выиграл раввинский суд у
Господа нашего Бога²⁴
в Русской Польше
за неявкой Последнего
смотрим дальше.*

Почему это, например, ласточка (бедное животное!) – слепая блядь? Блядей у животных вообще не бывает, бляди – принадлежность исключительно человеческого рода.

Кто такой реб Зуся, выигравший у Бога суд, на который ответчик не явился? Каким был предмет

разбирательства раввинов? Кого и во что преобразил огонь, и у каких врат он горел? «Превратно» может значить «наоборот» или «ложно». «Не поймите меня превратно...» так говорят... Но как это, чтобы ложно преобразить? Какое слово и кому должно отозваться? Да, ребята, да...

В строфе сто сорок шесть слов. И девятьсот двадцать четыре слова двенадцати комментариев к ней. То есть шесть, по меньшей мере, слов комментария на каждое слово текста. Например, объясняется, что реб Зуся и брат его Элимелех – хасидские цадики. Я имею смутное представление о цадиках, да не в том дело.

А изображены они за обыкновенным занятием, которое, безусловно, знакомо каждому... Вот использовать слово «омэйн» (то же, что аминь, вероятно?) вместо туалетной бумаги, согласен, необыкновенно.

Менахем Яглом комментирует: братья цадики решили переночевать в одной деревушке, и там так им стало страшно и плохо, что, несмотря на поздний час, отправились неизвестно куда, лишь бы подальше от этого места... Деревушка называлась Освенцим. Надо же!

Был, Миша, один твой день рождения. Год 1986. Посидевши с твоими стариками, поговорив с далеким тобой по телефону, мы вышли подышать воздухом. Курящие курили, все рассуждали о политике Горбачева. Мы ни о чем таком не думали, когда подкатил на машине Юра Должанский и сказал, что взорвалась какая-то атомная электростанция то ли в Литве, то ли в Белоруссии. В таком виде дошло до нас первое известие о Чернобыле. Мы, покачав головой, вернулись к столу, ели рыбу «фиш», запивали пейзажочкой и продолжили спор, будет ли «откат» назад в реформах Горбачева или не будет...

Ласточка – это, оказывается, богиня Изиды. Так бы сразу и сказать... И Осип Мандельштам тут как то причастен... Ах, Менахем Яглом, чтобы я без Вас делал! Только про блядь Вы все же не объяснили.

А привратный огонь – огонь, исходящий каждый год из врат Иерусалимского храма, да-да, об этом я что-то слышал... Дай, выпью немножко... Хотите?

*Я его помню как экзаменационный во сне билет
хотя Саши Рюмкина на Картине нет а в бездне и без него
красиво
в косом скрещении солнца во дает вдоль приборя большая
псина
а Рюмкин наоборот уезжал в Израиль как Страну
Сионизма²⁵ последние сорок лет
хотя и марки страны такой и в уголках не гасят уже
однако
а по раме Картины бежит собака и море стирает след
конспиративно учил иврит²⁶ агитбригады²⁷ помреж и в
рамках меж
дународной обстановки однажды даже выезжал взарубеж
в Болгарию на форум «За мир гигиенисты мира»
а дальше со слов я с ней учился Фиры
скопил купила тур Берн он чистота орет думала с ним
удар
ну ты знаешь как этот умел орать каждую родинкою
дрожа
европа у них чистота орет бычка из окна не выбросят на
тротуар
и на пол не мусорить он орет в крови у них у каждого у
бомжа
здесь на него упал сенбернар
из окна девятого этажа
а за букет спасибо и за поднос
с морошкой²⁸ я все больше в изюме и фигах с годами вкус
нахожу
но предмет моего искусства видимо все же пес
то есть то о чем думал пес
когда все понял примерно к пятому этажу
и еще когда как нигде
где как не на нашей Картине где
он с огромной улыбкой Явление Природы брызгами топает
по воде.*

Я уже объяснял, кто такой Рюмкин, фигура, не прокомментированная Менахемом Ягломом. Орать Рюмкин, допустим, умел. Но и Рюмкинский ор, честно говоря, на меня всегда производил впечатление актерского приема.

А что, Миша, за сенбернар упал с девятого этажа? На кого он упал, неужели на Рюмкина?

Про поднос с морошкой у меня своя ассоциативная (черт...) идея, ничего, конечно, общего не имеющая с авторской, – ягоды морошки – ведь это последняя еда Пушкина. Наталия Николаевна опустила перед умирающим на колени и покормила его с ложки... (черт, черт!), я эрудицию хотел показать...

«Перефразируем Ницше. Пушкин умер», – сказала моя дочь, студентка русского отделения филологического факультета университета.

Так что же такое произошло с сенбернаром? Что он, бедный, понял, долетев с девятого до пятого этажа?

На картине пес бежит по воде вдоль прибоя и не разбрасывает брызг (то есть у Генделева-то брызги есть, но Генделев ошибся)... Потому что этот пес – призрак. Призрак погибшей собаки. Не страшно, но очень жалко...

Еще глоток. Миша, как захотелось тебя увидеть...

б

*А эта с краю в кричаще алом плаще²⁹ Аглая³⁰
она богата она шикарна она одета она нарядна*

она

упрямо

не смотрит прямо

а смотрит криво

причем направо

причем где рама

причем багета

и слава богу

оно и ладно

причем с багета рвет позолоту своим колечком на

безымянном

не то чтоб странным на безымянном

но

со значеньем

но

оловянным на безымянном

оно колечком

и то спасибо не деревянным как

*исключенье
своим
колечком ни разу даже не обручальным
подумаешь
вид у нее печальный*

Аглая! Вот странность! Откуда у него это имя? Я не мистик какой-нибудь, а обыкновенный графоман. Прочтите-ка это:

Надо же! Аглая она, значит, Павловна. Редкое имя, я еще ни одной Аглаи не встречал. Эта первая.

Да, это точно она, та самая женщина в коротеньком, обхватившем тело (и, о Боже, какое тело!) платье кр-рового цвета, которая...

Как только она и Иннокентий встретились взглядами, ударил аккорд музыки, и от него потянулась мелодия, та самая мелодия, под которую – тогда, ну раньше, раньше тогда, вспоминайте! – эта женщина-жизнь стягивала оранжевые колготки с цветами и бабочками. Вот-вот, с желтенькими цветами – вспомнили? Еще биения ваших сердечек стали от этого чаще...

– Вы – Иннокентий?

– Да это я, прошу вас...

Он хлопнул дверцей, обошел машину и сел за руль.

Ф-р-р... Уехали.

Да что, в самом деле, музыка эта все играет? Нигде не найду, как выключить... А вот. Ух, хорошо, когда тихо...

Интересно? Не очень, говорите.... А это – миллион раз черт! – из одного моего произведения.

Называется «Полумертвые души» с подзаголовком «порнографическая трагедия».

Текст написан в 2003 году, «Картины» еще не было. Но в поэме «Кавалькада» (сборник «Неполное собрание сочинений») мне встретились строчки:

*Аглая бедная! Понятно, что не ты
гулила горлицею чистой красоты,
но ведь была живой, а мертвой стала –
Аглая! как ты низко пала -*

*что опершись на локоть не привстать!
Лежи..., лежи..., покуда пожелаю
прижизненно на острове Аглаи,
опальный, горько-горько возрыдать
о смерти той, о жизни той.
- Аой!*

Я пустил эти строчки эпиграфом к первой части моего уже тогда написанного (черт!) опуса.

Почему, все-таки, Аглая?

Что говорит Менахем Яглом? Сначала у него там вообще о значении имени, затем об античных грациях, потом что-то из Пушкина цитирует Нет, не то все это...

Тот мой текст мне хотелось показать Генделеву, но не получилось, и хорошо, что не получилось. Теперь уже никому больше не покажу.

А генделевская Аглая бессмысленно смотрит из картины и царапает колечком лакированную раму...

б-bis

*и подумаешь это ничего что серги у ней магдалены³¹
и подумаешь что мягкая шерстка у нее в горячем паху у нее
елены³²
и пах у нее как у мани³³ с фестомом как у сусанны³⁴ вырез ее
пиздона
как у анны³⁵ неправда ль донна и обертоны в поддон содома
ну и любила же это дело что даже пела а не говорила
в слезах кончала Аглая помнишь Аглая как ангелина³⁶
о как я нежно любил вас щели куда влагал я
и потом забывал их вид
как вид на родину
нелегалы
и только то и роднит с расписным этим блядством мое
искусство
что кончив повод к тому с удовольствием забываешь
чего
если смысл разъять сугубо
это как красная смерть на пиру лангуста
немного хруста и стало немного пусто
или
на работу в троллейбусе ночь проведя с суккубом³⁷*

или

*как у поэзии русской языком ей раздвинуть срамные губы
со скидкой 10% для Еврейского членов Клуба
а поскольку нет Аглая тебя у меня отныне
ты в навсегда на Последней моей Картине
вся в ненасытном алом своем пылая
это чтоб я не забыл о тебе Аглая!*

Покойник, сами видите, знал, как выглядели гениталии прекрасной Елены, Марии Магдалины, и может быть, гениталии Войны и даже гениталии Смерти... О последнем, впрочем, я подумал просто из-за названия его последнего (черт!) сборника стихов.

Генделев не писал, как сам говорил любовной лирики «в чистом виде». Он как-то весьма презрительно выразился об этом поэтическом мотиве: «расчесывание, – говорит, – своих эротических комплексов и навыков». И воспевал он не чувства (че-ерт!), не глаза, не ножки даже, а... Но знал он, знал, с чем сравнивать гениталии любимой женщины...

«Зеленой марки» осталось всего на два пальца. Почти целую пол-литру в одиночку... за один вечер! И все еще могу писать...

Так что же за связь между кунилингузом и русской классической поэзией? Есть какая-то, наверное, тонкая и властительная.

Не хочу разбираться, что значит «обертонны в поддон Содома». Даже и в комментарий заглядывать не буду.

А что литература, поэзия в особенности, похожа на блядство, а графомания – на онанизм, так эта мысль столь тривиальна, что я даже не чертыхаюсь.

Слушайте, эта его Аглая, она что – в самом деле жила? Прежде чем стать мертвой, была живой? О-ох...

Да нет все-таки, наверное, просто что-нибудь вроде вечной женственности и прочее...

Моя-то Аглая не носила чулок с цветочками и бабочками ... Просто имя редкое...

7

*Все они на Картине то есть они стоят на виду
у берега то есть у края ртути живой³⁸*

*реб и брат его Элимелех в первом они ряду
причем кроткий и смиреннейший³⁹ Элимелех
в опаленном кевларе⁴⁰ стоит в боевой броне
и веки защиты его мулине⁴¹
а вон елозит по всей Картине прибудная бабка Рива она
конечно
дурьнда она конечно в фате она подвенечной
ей 15 лет
настоящий американский у ней браслет
меж тем Ривка не знает что уже понесла
хотя реб Зуся с сокрушением и предполагал
но исходя скорей из контекста нежели из числа
что сын ее будет сильный в Доме Магога и особенно из
цыган
стоит Иешуа ми-Нацарет что какой уже Назарет
а шли б вы в Нацрат⁴² ей богу там он живьем откликается
на Иса
впрочем кому-кому а ему на это и последние четверть часа
из последних мне вообще отпущенных лет
он меланхолически гладит пса
а вот Аглая вы ведь еще помните кто она
вдовствующая Аглая я никого не забыл жена
но почерк прочерк и росчерк мой а хвостик прикрыл багет
писал агройсмайстер⁴³ Генделев Мишка в Иерусалиме один
поэт
причем русская удаль тем еще и хороша
что при перепродаже считается как душа.*

Июль-Август 2007 г.

Иерусалим

Мне показалось, что фигуры на картине вроде теней в платоновской пещере.

Да нет, вру про пещеру, они видны довольно отчетливо, – вот расстрел бедняжки Ривы, а вот паскудник-полужид в венце набекрень, вот присевшие за елочкой цадики, и призрак сенбернара пробежал вдоль приборя – не могу, плакать хочется, а вот, наконец, и Аглая, чьи гениталии поэт так вдохновенно воспел.

Представляя собою множество, эти фигурки образуют также и единство; и наоборот, будучи единством,

они есть множество. Смотрите-ка, философия, прямо Плотин!

А теперь попробуем представить себе кого-нибудь, кто, не зная совсем Мишки, без помощи Менахема Яглома возьмется разгадывать все эти ребусы. Прикажете ему читать каббалистические книги двенадцатого века?

Хорошо пошла «Зеленая марка»... Все. Допил...

Но вот я осуществил же, хоть и через сорок лет, идею художницы Инги, ученицы Натана Альтмана, и разобрал поэму Генделева с точки зрения понятности-непонятности...

...Который же это был год? Наверно, восемьдесят первый... Я зашел в мороженицу на углу Разъезжей и Марата. Когда расплачивался за кофе, невысокая женщина, извинившись, что без очереди, попросила, кажется, пачку сигарет. Она спешила...

– Послушайте, ведь вы – Инга?

– Да, – очень удивилась она.

– Меня не узнаете? А Сангиг помните? Вечера поэзии в кафе? Мишу, помните, Генделева?..

– Да, а вы...

– Андреем меня зовут... хотите кофе?

– Спасибо, да, там еще бывали Вик Савченко, Шурик

Пурер...

– Вот-вот...

– А Шурик теперь известный драматург Александр Галин.

– А вы как живете?

– Да обыкновенно живу, вот недавно сильно влюбилась...

– А помните, как вы предложили разобрать по строчкам стихотворение Генделева?

– Я? Быть не может!.. Вот дура... Знаете, совсем не помню...

Лариса и песни... Песни и Лариса

В тихий час, в темный час

В первый раз не ради зла,

Колдовской огонь зажгла я на меди...

Что за голос был Ларисы! И собой она тоже была хороша – фигура рельефная, влажные (черт!) глаза, волосы очень темные... Но главное – голос!

Скверное, говорите, описание? А как опишете красивую женщину? У Пушкина, например, не получалось, сколько он не старался. Описывают, я где-то уже сказал, обычно не человека, а свое ощущение (такое, между прочим, банальное, что никаких чертей не хватит). Получается либо так себе узорчик из приподнятых слов, либо картинка с обложки мужского журнала.

Да, будь вы хоть Пушкин, хоть кто, а уникальной эротической притягательности, свойственной только этой женщине, словами вы все равно не передадите... Это может иногда живопись, и то если вы Рембрандт.

Я раньше думал, это из-за Ларисы Генделев стал писать песни. Вроде бы на самом деле не так.

Но уверен, что Лариса была лучшей исполнительницей его песен. Да ведь и песни неплохие были! Та, например, песенка маленькой ведьмы:

*В тихий час, в темный час
В первый раз не ради зла,
Колдовской огонь зажгла я на меди...*

Других слов не помню, но как ее на вечере в кафе пела Лариса, очень помню... как она затихала в конце, с паузой и со вздохом...

*...я, колдунья, умерла... милый
(Черт!)*

Поднялся Роман Альбертович.

– Вы ди-и-ивно поете! Вы м-м-м тво-о-орческий человек! М-м-м..э мне хочется сказать вам э-э-э несколько слов... Но слова, ви-и-идите ли, какие я хочу сказать м-м-м, они (мхатовская пауза) не мои... Я прочитаю м-м-м стихотворение Блока.

*Ты-ы-ы как о-о-тзвук забы-ы-ытого ги-и-и-м-м-на
В моей черной и ди-и-икой судьбе
О Кармен, мне печ-а-ально и ди-ивно...*

– Большое спасибо, – улыбнулась Лариса.

Когда мы выходили из кафе, она уронила:

– У таких старцев на меня текут слюнки...

А Генделев через много лет в одном интервью признался:

Способ меня шантажировать – вспоминать мои юношеские сочинения, в частности успехи на песенном поприще. Одна из моих первых песен написана к спектаклю «Бег». Тема была белогвардейская, что всегда интересно и полезно еврейскому мальчику... «Корчит тело России от ударов копыт...», «Боже, белые ночи ниспошли на Париж...» и прочие «эполеты»

Кажется, там было еще хуже: «Корчит тело России от ударов железных подков...»

А вот еще песня белогвардейского эмигранта:

*Чей ты сын?
Твоя память лишь сон,
пей...
За морозную синь
Петергофских аллей»*

...

Однажды в начале восьмидесятых дома у Льва Щеглова устроили концерт одного певца-любителя, офицера из Байконура, который собирал и исполнял полковые, юнкерские, кадетские песни от Дениса Давыдова до белогвардейских. Эту песню он тоже пел. Исполнитель был знаток и понимал, что песня не подлинная, а стилизация, но очень ее ценил.

А вот эту забавную балладу хорошо пел приятель Генделева, не помню, как его звали...

*Сабли раскалились –
Жжёнка пламя лишь,
Ментики распахнуты гусарские,
У цыган в руках гитары плавилась,
Пили за любовь и имя царское...
Был я оскорблен и дал пощечину,
Он, бледнея, – время мне и место лишь,
Этой пьяной ночью замороченный,*

*Я возил в санях свою невесту и...
Кровь в лицо и снова трезв, как встарь,
И встаю, хватаясь за шпалеру,
Император запретил, но, милостивый государь,
Не пожалуйте ли к барьеру?*

Кажется, Мишин роман с Ларисой был беспокойным.

– Опять поругался с Лариской, – жаловался он

Они беспрерывно ссорились и мирились... Я никогда не знал, да и не интересовался особенно, в ссоре они теперь или нет...

Лариса как-то неожиданно вышла замуж (не помню за кого).

– Я тогда остался у Генделева ночевать, – рассказывал Рюмкин, – он стонал всю ночь, надоел, я ему чуть было не дал по морде.

Потом, в Израиле Лариса Герштейн занялась политикой, и стала, говорят, чуть ли не мэром Иерусалима...

Дни рождения. Мишкин день рождения приходится на двадцать восьмое апреля, чуть позже первого мая – мой, а второго мая явился на свет Рюмкин...

Однажды, это был 1971 год, мы праздновали все три дня рождения в кафе «Белые ночи»... Гостей пришло человек пятьдесят. Стол занимал половину кафе.

Кому-то пришла в голову странная идея запеть Интернационал. Мы поднялись и с издевательским воодушевлением исполнили священную песнь большевиков. Посетители кафе замерли, кое-кто даже встал...

Когда песнопение окончилось, несколько минут была тишина. Ожидали, вероятно, действий администрации, может быть даже и милиции.

Ничего подобного не случилось. Выпили еще раз, еще раз, еще... Музыканты заиграли, начались танцы (черт!)... Дальше для меня все потонуло (черт!) в шуме пьянки.

Следующий свой день рождения через год Миша устроил у себя дома. Родителям были куплены билеты в кино на двухсерийный фильм.

Я теперь часто прохожу мимо хрущевского пятиэтажного дома на Ланском шоссе (в те времена – проспект имени секретаря обкома Смирнова), где на первом этаже жил Миша со своими родителями. Там рядом кафедра информатики университета культуры, где я, так сказать, преподаю.

Когда я звонил Мише, его почти никогда не бывало дома, отвечала его мама иногда отец, и они будто по нотам, говорили всегда одно и то же: «Миши нет, а кто это говорит? Кто? Андрей Масевич? А-а-а. Андрей, Миши нет дома».

*и то
поеду помирать
где мамы с папою кровать
где
в алом венчики из роз
как Сталин Дед Мороз
и звон стоит от голова
круженья
света белова
и
вся хула и похвала
халва и пахлава
где
из
бенгальского огня
(Господь
не
смей перебивать)
с улыбкой
словно
у меня...*

Помните стих Игоря Иргеньева

...
*Подводит к елке дед Мороз
Снегурочку – Каплан,
Он в белом венчике из роз,
Она – прошла Афган*

Генделев, я знаю, был с Иртеньевым знаком, но близость текстов здесь, конечно, случайная. Двадцать два текста имеется в НКРЯ (то есть, в Национальном корпусе русского языка), где упомянут этот самый венчик.

Так что «венчик из роз» в русском языке не меньше распространен, чем «призрак коммунизма». И Сталин... весьма потерянные, но, кажется, все еще годные к употреблению образы.

Ничего не скажешь, умело всадил их Генделев в свои ностальгические стихи!

Квартира его родителей была крошечной. Две сугубо смежные комнатки, прихожая, в которой не повернуться...

«...Под Невской Дубровкой папе ополченцу оторвало обе ноги. Миной. И разможило руку, – пишет Генделев в автобиографическом романе «Великое русское путешествие», – И повредило сетчатку глаза»

Самуэль Михайлович очень долго пролежал на льду Невы, но был спасен санитарями, которые, снимая с него часы, обнаружили биение пульса...

«В этой цепи счастливых случаев, прухи, слепых удач, везения, ослепительных улыбок фортуны – кульминацией было даже не то, ...что папе выдали бесплатные протезы и по ордену Отечественной войны на каждую ногу, каковыми орденами и медальонами папа не украсил себя ни разу, ...а кульминацией было то, что отдельную эту квартиру в двадцать семь квадратных метров всего через полтора десятка лет очереди, причем дали без очереди».

Гостей набивалось до трех на один квадратный метр.

Лариса пела «Маленькую ведьму», другие песни ...Была такая, называлась «Трефовая полька».

*...Кони губернаторской коляски
По бульажной мостовой в опор...*

Даже теперь, когда пишу это, я в голове слышу эту песню. Особенно припев:

*А жандарм растасовал колоду,
Вновь в раскладе туз и снова треф,*

*Ведь всегда находится, и это стало модой,
Ведь всегда находится на одну колоду,
Один маленький, маленький Азеф,
Такой маленький, маленький, ма-алень-кий...
Ти-и-ирьярам, рам пам пам...*

Потом Рюмкин вдвоем с Ларисой пели на идише свадебную, кажется, песню, где по очереди перечисляются все присутствующие и отсутствующие...

Заканчивалась выпивка, скидывались по рублю, и гонцы бежали добывать добавку...

Незаметно возвращались Мишкины родители, тихонечко шли на кухню... Гости расходились, но многие не расставались, а перемещались на другие, так сказать, площади...

Помню, я с моей женой (да-да, представьте, я был тогда женат) шел по проспекту Смирнова, фальшиво, по-другому не умею, напевая:

*Сдохли кони лаковой коляски,
Смыта кровь, асфальтом залита...*

...

Черт, черт, черт! Черт...

Еще вспомню один день рождения, это был последний год моего студенчества, через два месяца я должен был кончить Сангиг. Моя беременная жена не смогла участвовать в меропрятии.

Были танцы, и я танцевал с некоей Лялей из Риги, красивой, тогда с длинными черными волосами... Мы с ней перекинулись какими-то словечками, и она вдруг, совсем вдруг поцеловала меня в щеку...

Своих ощущений описывать не буду, глупо, но как сами видите, помню...

О жизнь, о блеск... Черт, черт... о глупость, о надежды!

Зачем мы, спрошу снова, от графоманов до гениев литературы, а этих ведь тоже порядком набралось за мировую историю, пишем? Миллиарды миллиардов электрических импульсов образуют в Интернете непролазную бездну текстов... И я туда же, только что

перешагнувши порог старости, вдруг какого-то хрена начал... Черт!

Погодите-ка, а может быть и пишу как раз потому, что перешагнул этот порог? Чувствую себя в старости неуютно, как в необжитой квартире, и оглянуться, что ли, хочу на прошлое? Заглянуть туда, где уже никого нет, но по инерции еще бросают, может быть, что-нибудь в бывший мой почтовый ящик...

И не о Генделева, но о себе я хотел бы рассказать, да кто ж будет слушать...

Миша говорил, что на него находит «писуха», и тогда он все бросает и пишет... Будь там хоть какие занятия или экзамены в институте. И когда преподаватель спрашивал, почему студент Генделев не подготовился к занятию, студент Генделев с подкупающей откровенностью заявлял, что писал поэму. Но подкупала откровенность не всех, многие возмущались, жаловались в деканат, грозили отчислением.

Однажды я попросил моего отца поставить ему тройку по терапии. Все на кафедре были раздражены против Миши, называли его наглецом и бездельником, которого надо гнать из института...

И отец тоже сначала возмутился моей просьбой, сказал, что в институте следует учиться, а если страсть к поэзии препятствует, то между поэзией и учебой надо сделать выбор, что сегодняшняя молодежь избалована, что этот Генделев «такой же бездельник как ты» (я, грешный, то есть). В конце концов, он все-таки пообещал, что возьмет на экзамен Генделева к себе, но будет к нему объективен – не будет знать – двойку поставит! – но и нарочно заваливать тоже не станет.

Несмотря на протесты коллег, отец поставил три.

– В целом он отвечал неплохо, другому бы можно было натянуть четверку. Какую истерику закатили мне наши кафедральные дамы! Они собирались его проваливать, а я говорю, бросьте, не стоит так нервничать из-за нахального мальчишки...

Творческий вечер. –

*Моя королева, Ваше Величество,
Это золото, золото!
Что ж вы не верите, Ваше Величество...
Что ж вы не верите мне...*

Поэт, открывающий женщине красоту мира...
совсем не конгениально моему дарованию.

На первом в истории человечества творческом
вечере поэта Генделева автор мне поручил прочесть эту
балладу о воре-казначее. Стихи эти были мне не по вкусу.

А вот переводы из Атанаса Далчева я взялся читать с
удовольствием.

*Затворены и тёмны окна,
И заперта и темна дверь,
А на двери листочек со словами,
«Хозяин уехал в Америку»...*

Генделев переводил с подстрочника, который сделал
Христо Тодоров, болгарский студент с моего курса...

*Хозяин дома этого я сам,
В котором не живет теперь никто,
Не уезжал я никуда отсюда,
Сюда не возвращался никогда...*

– У тебя получилось, – сказал я Мише – я сам, в
котором не живет никто...–

Генделев с готовностью изменил строчку:

– Поставь там:

И в доме не живет теперь никто...

– А еще у тебя, – говорю,

*И день, и ночь в стенных моих часах
Маячит металлическое солнце...*

Маячить – значит – мелькать в отдалении, а не
качаться маятником...

– А, точно... Пусть будет:

Качается светило из металла

– Мне жалко металлического солнца, а светило не
нравится.... Только «маячит» нехорошо....

– Светило останется, – отрезал Генделев.

– А я думал, – вмешался Христо, – «маячит» по-русски передает вот это движение...

Он покачал рукой.

– Нет-нет, маячить, значит мелькать вдали...

– Давай, – сказал мне Генделев, – прочитай «Казначая»...

Моя королева, ваше величество, – начал я,

Это золото, золото...

– Нет, нет, – начал режиссировать Генделев, – здесь надо...

Вошел Витя Терехов в рыжей куртке и тяжелых ботинках сорок, наверное, пятого размера...

– Что делаете? – спросил он ядовитым тенорком.

– Репетируем к моему творческому вечеру...

– Не нужен тебе этот вечер. Тебе надо раз написать то, что напечатают... А то так и будешь сидеть в этом клубе и репетировать с Масевичем...

Вероятно, на моем лице... По крайней мере, я...

– Терехов, ты совсем уже! – укорил его Генделев...

– А что, уж и подрожать нельзя?

Когда Витя женился и поселился по соседству от меня, мы виделись почти каждый день. Долгое время были друзьями. Потом разошлись, как всегда расходятся друзья... И я этой обиды никогда не вспоминал. Отчего сейчас, говоря совсем о другом, я вдруг вспомнил? И почему от этого пустяка болезненное ощущение? Через столько-то лет! Детские обиды? Фрейд, что ли? А, Щеглов?

Николай Михайлович открыл вечер.

– Миша Генделев уже не просто молодой человек, который пишет стихи, он, скажем так, уже получил права гражданства страны Поэзия. В этой стране проживают разные люди. И мы сегодня послушаем...

Я начал нервничать и трястись перед своим выступлением.

Кроме всего прочего, я никогда не смог бы стать актером, еще и потому, что боялся публики (и до сих пор боюсь), и все силы уходили, чтобы этот страх преодолеть, ничего не оставалось, чтобы собственно (черт!) творить...

Меня выпустили читать первым, я, спотыкаясь, добрался до конца «Казначая»:

*Другой королеве теперь не спать,
Осень зовется она,
Трудно будет ей зимовать,
Осень разорена...
Я вор, не скрываю свою вину,
Судить вы вора правы,
Но знал я, что никогда не засну,
Зная, – не спите вы...*

Теперь переводы, – объявил Генделев, – несколько стихотворений болгарского поэта Атанаса Далчева, – я переводил с помощью Христо Тодорова...

Заканчивая читать третье стихотворение Далчева, я надумал сделать какой-нибудь жест...

*Почему не можем быть и здесь и там,
Всюду,
Где могущественно и бескрайне
Бьется жизнь?
Мы потихоньку умираем,
Постепенно исчезая отовсюду,
Пока не исчезнем совсем...*

На словах «здесь и там, всюду» я вытянул руки и растопырил пальцы (это для изображения повсеместности), а на словах «Постепенно исчезая отовсюду» пальцы медленно согнул, потом приблизил руки к себе и на тексте «пока не исчезнем совсем» прижал к груди. Взглянув в зал, я заметил: улыбаются... Черт! Трагические же (черт!) стихи...

Кончив, я уселся в первом ряду, позади меня был Николай Михайлович, а рядом Лев Щеглов. На сцене чиркала что-то просто прелестная Ирочка Лаврентьева.

– Кто это? – спросил сзади Николай Михайлович и со знанием вопроса прокомментировал, – дама довольно интересная...

Я не прощу Елабуге, я не прощу, – читал после Иры Рюмкин Генделевскую «Цветаеву», – ...*Барышня, мимоза...*

Лариса спела «Ведьму» и «Цыганку», а тот приятель Генделева, чью фамилию я не помню – «Чей ты сын», «Трефовую польку», «Сабли раскалились...»

Николай Михайлович вышел, чтобы вести дискуссию... Опять, в который раз говорили о сложности поэзии вообще, и поэзии Генделева...

Щеглов, сохраняя серьезный вид, сказал мне на ухо: «а-ы-о-а»

– Я думаю, – высказалась Лариса, – У Миши черная поэзия...

Генделев, довольный, закивал.

– Ну, для черной поэзии – возразил Николай Михайлович, – Миша, конечно, слишком эмоционален.

– Слушай, тебе когда-нибудь было хорошо? – обратился к автору Рюмкин

Какой-то неизвестный важно задал давно ожидаемый всеми вопрос:

– Я не вижу гражданственности в этих стихах. Почему?..

– Вы правы, – с готовностью ответил Николай Михайлович, – но до этого он еще не дорос...

– Ты знаешь, почему Николай Михайлович лысый? – шепнул мне Щеглов, – потому что он – еврей.

Я стал, давясь, смеяться...

– А что смеешься? Ты не знал, что все лысые – евреи? Никогда не слышал?

Идиотская дрока, честно говоря... А у меня от смеха текли слезы...

– А то, что все евреи – лысые? А то, что – а-о-ы-а!!! Ладно, не расстраивайся...

Ему далее достаточно было прищуриться и кивнуть на Николая Михайловича, чтобы вызвать у меня судороги...

Лев, наконец, сам не выдержал, захрюкал...

Вернувшийся на свое место позади меня Николай Михайлович спросил

– Что это вы здесь так легкомысленно себя ведете?

Лев посмотрел на меня, и мы оба затряслись...

Генделев на сцене читал:

– Позвольте, где же он, такой с портфелем?

Вот он, смотрите, в бежевом пальто...

Этой поэмой вечер закончился. Генделеву подарили большой букет цветов.

Общество из зрительного зала перешло в комнату для занятий самодеятельностью. Появились на этот раз бутылки с дешевым советским портвейном, пили прямо из горлышка...

– Приятно освежает, – оценил, глотнув, Николай Михайлович и продолжил тему... – Да-да-да, скажи он, что гражданственность Генделева скачет в романтических одеждах, пора их снимать, не выглядел бы таким кондовым... Да-да-да, а «тебе было когда-нибудь хорошо» неглубоко...

Женя Марков, друг детства и одноклассник Генделева сказал мне...

– Когда ты вот так сделал руками, я чуть не умер со смеху...

Телевидение. Этот эпизодик случился, когда мы дружили с Витей Тереховым. Он поселился у родителей своей молодой жены рядом с нами – наш дом Орбели 22, их – Орбели 29. Витя однажды получил что-то вроде работы на телевидении. Год был 1971. Советская власть дряхлая, но казалась крепкой, даже незыблемой. Телевидение же Ленинграда организовало серию передач – вроде того же КВН – только международного – интеллектуальный конкурс между командой советской и командой одной из социалистических стран. Каким-то образом Витя стал ведущим этих передач, а состоялось их, кажется, три – с командами ГДР, Польши и Болгарии. Идеологическая основа – укрепление дружбы между народами. А Терехову дано было поручение сформировать советскую команду на первую игру – с восточными немцами. Терехов и пригласил в команду Генделева и его приятеля Женю Маркова – тогда они были неразлучны. Не думаю, что эта игра стоит того, чтоб ее описывать, она была в худших традициях коммунистической пропаганды. Терехов, помню, жаловался на то, что все его замыслы искажались, впрочем, что было там исказить?

Тетушка Генделева Серафима Львовна рассказала мне вполне подходящую для того случая историю, которую я, идиот, посоветовал Вите сделать вопросом конкурса. Была одна советская легенда. До войны в Пушкине стоял памятник Ленину – канонический Ильич с поднятой рукой. Когда немцы заняли Пушкин, то статую отправили в Германию на переплавку. Далее, говорила легенда, что рабочие-антифашисты металлургического завода в городе Айслебен ту фигуру спрятали и сохранили, а когда в Айслебен вошли советские войска, на центральной площади их встретил бронзовый Ильич во всей красе. Правительство СССР решило оставить памятник на том месте (интересно, стоит ли он там сейчас?). А правительство ГДР подарило городу Пушкин статую Эрнста Тельмана, которую водрузили там, где до войны стоял Ленин. Не станем разбираться, правдива ли история, я вам просто дал примерчик, чтобы понятно было, какая это была передача. Вопрос конкурса состоял в том, чтобы рассказать историю Айслебенского Ильича.

Да, так вот, Генделева попросили написать какие-то стихи.

– Он нацарапал что-то, – рассказывал Терехов, – и говорит – «стихи готовы». Ну, хорошо, положи в папку. Я посмотрел, подправил – это не должны были быть авторские стихи, читались без фамилии, просто представление участников. Кстати, сделаны были плохо. Ну, их прочитали на передаче. После передачи подошли ко мне Генделев с Марковым – Генделев кричит: «Убийца! Что ты сделал с моими стихами!»... Я, – говорю, – их поправил! «Да кто ты, чтоб править мои стихи...» Ну и все, я с Генделевым больше не общаюсь.

После Сангига. Понимаете ли... Есть периодизация жизни. Ты уходишь из такого-то времени. Это релетиция конца жизни вообще. Иногда, правда, граница между временами жизни не чувствуется, ты не замечаешь, как ее пересек – безвизовый, так сказать, режим.

Миша был моложе нас всех. А жизнь свою (черт! черт!) кончил первым...

После института я по распределению должен был ехать в Латвию. Эти обязательные три года... У меня там родилась дочь.

Приезжая в Ленинград на два-три дня я встречался со своей компанией – звонил Терехову, Генделеву, Щеглову, Рюмкину... Терехов, встретив у меня Генделева насупился...

Я предъявил им свою маленькую дочку.

– Ой, какой клопик, – всплеснула руками Лена, жена Терехова.

Я научил полуторагодовалую дочку на просьбу:

– Аннушка, покажи, где изгнание Агари Авраамом...

тыкать пальчиком в итальянскую гравюру на стене...

– Маразматик! – бросил в мой адрес Генделев после этой демонстрации.

Моя тогда еще жена ушла укладывать маленькую Аннушку спать, а мы стали разговаривать.

Разговоры в те времена, хоть мы того не сознавали, были способом нашей реализации... Они давали, чего не нам не хватало. Некоторые из нас, я, например, чего-то хотели – невнятного, неопределенного, но непременно очень яркого. Зарботок, карьера... все простые вещи, мотивирующие жизнь нормального человека, для меня тогда способности мотивировать не имели. И что же? Не знаю, опять же, как вы, а я теперь чувствую, что вся моя молодость прошла в этих пустых разговорах...

Генделев – иное дело. Его жизнь наполняла поэзия. Да черт же, черт, уже не в скобках, черт! Поэзия... наполняла... жизнь... Тьфу!

Да, так значит, рассуждения, что советская власть убивает духовность, что все берет и ничего не дает взамен, что все вокруг прогнило, и что запретили то, и это тоже запретили, и как хорошо, должно быть, на Западе, остановились, потому что Генделев хотел читать.

Он начал одно, потом другое, еще третье... А нам чего-то слушать не хотелось, а хотелось именно говорить.

Я вдруг встретил взгляд Льва, и внезапная мысль, что все, решительно все лысые – евреи, вызвала во мне ощущение щекотания (не оттого ли, я сам уже начал

лысеть?), я дернулся, снова встретил взгляд, еще более прищуренный, и издал хрюканье...

– Что такое? – недовольно спросил Миша, прервав чтение.

– Нет, нет, все, – давясь, ответил я

Он продолжил читать... А Щеглов, гад, снова взглянул в мою сторону, и тут уж я заржал как мерин...

Ну вас всех! – заорал Генделев и бросился к двери, мы со Щегловым за ним.

– Слушай, неудобно, возвращайся, скоро все пойдем, – сказал ему на лестнице Щеглов.

– Инцидент исперчен! – возвестил, вернувшись, Генделев...

Ну, поругали еще чуть-чуть советскую власть и разошлись.

В другой раз Генделев мне одному читал какое-то эссе о судьбах русской литературы... Там у него (не знаю, опубликовано это эссе где-нибудь или нет) выходило, что русское Слово в Евангельском значении, то есть слово – «Слово было Бог», долго умирало и к началу девятнадцатого века умерло совершенно. Современный же русский язык, а точнее литература, а еще точнее поэзия – по-настоящему тень, призрак, а то и хуже даже – труп Слова...

Тогда он мне сообщил, что его напечатали за границей, что вообще-то он уже теперь один из самых – каких? Не помню самых каких – русских поэтов.

– Можно еще назвать одного-двух, например, Куприянов Боря, да нет, я лучше его, я умнее... А как у тебя сейчас с женщинами? – последовал неожиданный вопрос.

Хвастаться было нечем, я пробормотал:

– Да так, по-всякому...

– А подписался бы на свальный грех? Я, например, пишу и трахаюсь, трахаюсь и пишу... Вот вчера попал на какой-то непонятный группешник... Там совершил грех-другой, ну и... Да, а позавчера закончил эти два стихотворения. Вот смотри...

Как-то у него дома он неожиданно достал две рапиры и предложил фехтовать. Моё знание об этом искусстве было только из историко-приключенческих

фильмов, а там перед поединком непременно махают шпагой, и я тоже для начала резко махнул и разбил вдребезги стеклянный абажур в стиле модерн... Кажется, довольно ценный.

Я смутился, но Миша с самообладанием поэта стал меня успокаивать.

– Да хрен с ним! Квартирка наша не подходит для фехтования...

Интерлюдия. Был один несчастливый человек. Звали его Валерием. Он безумно хотел быть драматическим артистом. Несколько попыток поступления в институт театра музыки и кинематографии оказались безрезультатными.

Каждому, кто видел его сценические попытки, было ясно, что театральная карьера ему не суждена... Но Валера упорно играл в самодеятели, посещал все спектакли всех театров. Читал бесконечно. Занимался декламацией с Романом Альбертовичем. После окончания Сангига бедняга должен был по распределению ехать врачом в Вологодскую область.

Он, однако, поняв полную неосуществимость актерской карьеры, решил заочно поступить на театроведческое отделение театрального института. Экзамен он сдал, но чтобы учиться, надо было иметь разрешение Вологодского облздрава, а облздрав такого разрешения никак не давал.

– Зачем? Вас уже обучили бесплатно, теперь по закону должны отработать три года. Государство – не дойная корова, чтобы учить вас еще раз.

Скромный обыкновенно, Валерий взвился. Он закричал на чиновницу (я, разумеется, при этом не был, но думаю почему-то, что это именно была чиновница, а не чиновник), что отказывается, раз так, от диплома. Мы развиваем иногда бешеную энергию, чтобы войти (тьфу, черт!) в мир искусства...

Валерий своего, в конце концов, добился, в театральный институт его зачислили, в мир искусства он вошел, хоть и на заочное его отделение.

– Я получил недели три назад письмо, – сообщил однажды Генделев, – помните Валерия Б.? Он писал мне: «Михаил, Вы великий поэт. Берегите себя! Буду счастлив, если приедете ко мне». И я поехал. Живет он не в самой Вологде, а в маленьком райцентре. Он увидел меня и прямо подскочил. «Миша! – кричит, – сейчас, сейчас! Подожди, посиди здесь». Я прождал два часа и уже думал уходить, тут он вбежал с сеткой, в которой был пакет мяса и две бутылки водки... «Смотри, достал... Сейчас ты считаешь мне, да?» Просидели мы ночь, наутро я пьяный уехал...

Разочаровался затем Валерий в мире искусства, как должно было произойти по логике жизни, или сохранил ему свою рабскую преданность, не скажу... Как положено неудачливым людям и несчастливым влюбленным он, бедняга, вызывал насмешки...

Какой стала далее его жизнь? Не знаю. Ничего, наверное, хорошего.

Отъезд. Если бы можно сделать так, чтобы того, что было, даже совсем бы не было. Черт! Черт! Пошлость из пошлостей! Скажу просто – сразу по приезде из Латвии до того меня захватил роман с одной пианисткой, что многие знакомства почти совсем прервались... Они, эти романы, всегда так... Тьфу! Не хотел об этом говорить... Только для цельности повествования...

С Генделевым мы долго не видались.

И вот в июне 1977 года Миша звонит:

– Завтра я приглашаю на мою отвальную. Уезжаю. Если не придешь, ты меня больше никогда не увидишь. Записывай адрес.

...Кто-то, как я, например, быстро напился, кто-то с кем-то флиртовал. Велись умные разговоры. А про поэта, навсегда покидавшего Родину, было забыто, как про батарею Тушина. Выпивши, поэт сам подал голос, вот, я уезжаю, а они...

– А ты бы хотел, – отозвался Щеглов, – чтобы все расселись как на похоронах, и говорили бы трагическими голосами: «Миша, Миша! На кого ты нас...?»...

– Ты, конечно, прав... Чего бы выпить?

Та жена Миши была очаровательна... Вообще, женщины всегда к нему... хоть браки, кажется, у него не получались, что вполне типично (черт, опять таки) для всякого поэта...

Взглянув на меня, она, спросила:

– А вы кто такой? Я вас не видела прежде...

Мы никогда больше с Мишей, думал я, не встретимся. Власть препятствовала передвижениям людей по миру, и я обречен был никогда не покидать государства, которое, несмотря на огромные размеры его территории, было тесным и неудобным.

Я помню то время, как пустое, совсем пустое. Нет, вовсе не из-за отъезда Генделева... Пустота окружала меня всегда. Текущая жизнь касалась меня лишь слегка, и касалась, как правило, неприятным образом Не понимаете опять, о чем я? Ну и ладно. Генделеву, царствие ему небесное, можно было писать так, что никак ничего не поймешь, а мне что ли нельзя?

Что до привычки к месту, где живешь, которую патриотизмом не называю, потому что этого государственного слова весьма не люблю, то это дело личное, и нечего об этом кричать, а Генделев на другой день уехал...

...Когда наступал день рождения Миши, 28 апреля, мы собирались у его родителей. Ася Маевна и Самуил Михайлович накрывали традиционный стол – рыба фиш, пейзажочка, еще много разного.

Так мы отметили Мишкин день рождения раз десять.

– Подумайте, я с ней говорила по телефону. Ах, такой голосочек...– это говорила Ася Маевна о маленькой дочке Генделева, тоже Ася – «бабушка, приезжай к нам, у нас есть орехи и мед»...

Начинали с тостов за здоровье именинника, а потом болтали, какая советская власть мерзкая, рассказывали анекдоты...

Сбрасывались по три рубля (те еще три рубля) и заказывали разговор с Израилем, который начинала Ася Маевна.

– Здравствуй, сын. Отмечаем твой день рождения...
Здесь твои друзья. Папа ничего, даю ему трубку.

В черной трубке звучал потусторонний голос Генделева... А посюсторонние мы успевали крикнуть «Алло, Миша, это Лев, привет лемурам...», «это Танька Павлова...», «Это Жо...», «Саша Рюмкин. Слушай, тебе надо...»

– Миша! – кричал, когда доходила очередь, я – Авеля не было, Авель не жил на свете...

И опять брали трубку родители...

– Будь здоров, сынок...

Раз дали мне непрезентабельного вида русскую газетку, привезенную или присланную из Израиля, где было про Мишу. Он сказал, кажется, что-то неласковое о русских эмигрантах, то есть репатриантах из СССР. Толком не помню, что там вышло... Но ругалась газетка порядочно.

Другая история, не знаю, насколько правдивая, произошла с литератором по имени Тóлстый (не Толсто́й! Вообще-то это, говорят, псевдоним. Какой бы ни была его настоящая фамилия, она менее выразительна...). Этот Тóлстый в своем журнале в деталях расписал свой интим с женой Миши. Миша отправился бить Тóлстому морду. Тóлстый же оказался сильнее и спустил Мишу с лестницы... Если в девятнадцатом веке кого ранили бы на дуэли или даже убили, так это один сплошной романтизм. В битой морде, конечно, романтизма будет меньше.

Что еще доходило... Например, что Миша осуществил давнюю фантазию – переспал с негритяночкой. Тоже довольно романтично.

Сплетни – отличный строительный материал для биографии поэта!

А стихи шли. Издан был сборник «Въезд в Иерусалим», потом «Послание к лемурам», тем самым лемурам, которым передавал привет Лев.

На одном из Мишиных дней рождения... ой, что же я хотел?... Да, вот:

На одном из дней рождения был поэт Виктор Ширали.

– Все мои стихи посвящены Генделеву! Пусть кто-нибудь из вас прочтет любое...

И совал мне, потому что я оказался близко, книжку своих стихов. Я передавал ее кому-то еще.

Поэт настаивал:

– Прочитайте мои стихи, посвященные...

– Что это за нарциссизм! – строго оборвал литературовед Лавров.

– Да нет, стихи о Генделеве... – продолжил свои приставания Ширали...

По-моему его, пьяного, кто-то отвез домой...

Через несколько лет я узнал, что Ширали попытался покончить с собой, выбросился из окна, но остался жив. Наверно, когда он просил почитать свои стихи, ему было очень скверно...

«Ширалята учатся летать!» – сострил критик Топоров...

Первый приезд. Когда в 1988 году Миша должен был приехать, так это казалось чудом, вроде как публикация Гумилева или Волошина... Как публичное название преступником самого Ленина, про Сталина уж и не говорю...

О времени перестройки теперь не хочется говорить... Ведь мне тогда было уже сорок. Ведь я всерьез думал: если коммунистические силы будут преодолены, то совсем скоро мы будем жить как на Западе, а это значит, как в раю. Будет у нас свобода слова, читать станем, что захотим, а если в экономике некоторое время как-нибудь и будет не так, ничего – духовная свобода много важнее, потерпим, недолго придется, Запад поможет. Черт! О! О! О! Черт!

Вот она, вот она – интеллектуальная импотенция... Хуже, чем пошлость...

Однако, к сюжету. Миша приезжает через неделю, завтра...

И вот встречаю на Невском Генделева с какой-то дамой. Он почти не изменился за десять с чем-то лет.

– Генделев, ты что ли?

– Я. Здравствуй, Масевич. Приехал вчера, завтра у меня еще кой какие дела, а послезавтра начнем очень плотно общаться. У меня для тебя подарочек...

Через день мы встретились у Щеглова. Генделев подарил мне меха для вина, купленные в Испании.

Речь зашла о национальной самоидентификации...

– Вы не понимаете, мы...– с важностью говорил Генделев, – Мы не только евреи. Мы израильтяне! Мы западная страна...

А рядом со мной сидела совсем седая, коротко стриженная, но еще красивая женщина. Услышав, что она из Риги, я спросил

– Ляля?

– Да, а вас я что-то не...

– Да, как-то у Генделева встречались...

Я уж не стал напоминать о полученном двадцать лет назад поцелуе в щеку.

А Генделев тем временем ругал – не помню, за что, эмигрантов в Израиль последней волны.

– Мы дали им гражданство, а они...

Что такое они сделали, или чего не сделали, я теперь позабыл...

Кажется, стихов тогда не было. Только под гитару пели неизвестные мне девушки.

Генделев с темпераментом доказывал, что выводить войска из Афганистана было нельзя, а воевать надо было до победы... Потому что Афганистан опасен.

К тому моменту у него уже был, кажется, личный опыт Ливанской войны. С нами, со мной, во всяком случае, он этим опытом не делился. Лет двадцать спустя, в интервью, опубликованном в Интернет, Миша выразился следующим образом:

–...Это была моя первая война. Всё, о чем я читал или видел в кино, вдруг стало почему-то происходить со мной, Мишенькой... И я вдруг понял, что война – некая норма. Конечно, звучит чудовищно. Но война имеет свой быт, свой пафос, свою эстетику. Никакими машинками литературной или исторической эрудиции собственный опыт не заменишь. Особенно когда ты – часть общности:

армии, народа, национального государства. Без личного опыта война осталась бы для меня словом, лишенным смысла. Я представлял ее по книжкам Ремарка, по фильмам от «Двух бойцов» до «Хроники пикирующего бомбардировщика»...

....

Кто сказал, что наш мир возможен без войны? Что за слепота, когда такое было? Но в XX веке, угрожавшем людям больше, чем любой другой век, идея мира без войны стала всеобщим умопомешательством.

Никто не способен отменить военные конфликты. Это как «отменить явление природы». Война лежит в основе человеческой природы, хотим мы этого или нет. Я не верю, что в будущем войны станут «гуманнее». Этого не происходит. И цивилизация, которая не воюет, а откупается, мне подозрительна.

Вот как, Генделев, ты заговорил...

Мы оба в прошлом врачи и знаем, что болезни неизбежны. Не было и не будет жизни человека без болезней. Но основание ли это считать болезнь «некоей нормой»? Болезнь «лежит в основе человеческой природы»? Может и лежит, но болезнь, как и война – патология. Патология – всегда противоположность норме. Что же будем говорить, патология – это норма? Зло – это добро?

За твоими словами чувствуется, ну, как бы сказать, что в войне может быть и что-то хорошее: быт, пафос там, ну и эстетика... Часть общности... Часть армии... Часть народа...

Войны, конечно, неизбежны – но они – вечное и абсолютное зло! Какого бы идиотского «пафоса», и какой бы «эстетики» в них ты не увидел.

Можешь, конечно, сказать, что войны я не знаю, и не должен так говорить. Ты гордился своим военным опытом. А я самой большой удачей своей жизни считаю, что меня война не коснулась. Впрочем, не коснулась ли?

Наше поколение росло в тени войны, над нами она нависала, угрожая сорваться и раздавить, приходила в ночных кошмарах, мелькала призраком, от которого нельзя избавиться. Но в реальности никогда, слава тебе господи,

нас жизнь не водила ни в какие «сабельные походы». Это большое и случайное везение.

Когда школьниками обсуждали свое будущее, то всегда думали, как избежать армейской службы: острым углом все мы (по крайней мере, все те, кто меня окружал) предпочитали овалы. И уж точно не плакали ночью о времени большевиков.

В словах «Родина» и «патриотизм» я всегда чувствовал запах крови. И мне симпатична цивилизация, которая избегает войн, избегает всеми доступными ей средствами, а подозрительна, наоборот, та, которая во всякий момент готова хвататься за оружие.

Интересно, прочтет ли это кто-нибудь? И если прочтет, заклеит ли читатель-патриот позором либерала-графомана?.. Заклейми, читатель, прошу, заклеими – весьма одолжишь.

А Миша будто возражает мне в каком-то интервью: *...пацифистский пафос, вообще-то говоря по сути своей протестантский и совершенно не свойственный православию. Или заемный и неумный либеральный дух. С либеральным сознанием Достоевского не напишешь...* Православие он здесь случайно упомянул, просто вышло как-то там по контексту, а Достоевского написать с любым сознанием можно, если только имеешь одну специальную способность, а ее, как денег, очень редко кому хватает. Черт! Черт! Мишка, я же стал нечаянно тебе подражать...

Журналист, который интервью вел, говорит:

– С другой стороны с либеральным сознанием и многих гадостей не сделаешь».

– Справедливо, – важно отвечает Генделев, – но беда в том, что за всем этим пацифизмом, демократизмом и либерализмом стоит отчетливая трусость перед миром и поиски дешевого, незамысловатого комфорта, никто не хочет наклоняться с балкона, в метафизические бездны заглядывать не принято. И это очень плохо. То есть ворона по причине наличия сыра в клюве уже не только не готова к арпеджио[!], но и не хочет смотреть по сторонам – и это моя главная, пожалуй, претензия к современной культурной ситуации в России.

Да, с мещанством ты с молодых лет боролся всюю... Но, знаешь ли, дорогой, хочешь заглядывать в метафизические бездны – давай, заглядывай! Только что ты там такого высмотрел? А судишь... Трусость, видите ли, отчетливая.

А арпеджио здесь причем? Этот музыкальный прием никак не похож с вороньим карканьем. Это когда рассыпать звук надо, как на арфе. Что? Я – зануда? Ладно, пусть зануда, а ты... Ой, прости, забыл, что тебя уже нет, и про тебя теперь *aut bene aut nihil*... Черт... Хотя что, впрочем, что тебя уже нет? Меня, может быть, тоже уже нет, я физически только доживаю...

Но дайте-ка, перейду к одному сюжету...

Как-то в библиотечном буфете мне улыбнулась тоненькая, очень тоненькая брюнетка с блестящими серыми глазками:

– Здравствуйте! Не узнаете?

– Очень хочу узнать, но...

– Вчера мы виделись у Щеглова, там еще был Генделев.

– А-а, вы приятельница Щеглова...

– Нет, я, приятельница – многозначительная улыбка, – Рюмкина...

– А зовут вас...

– Оля...

Вот оно что! Да-да, Рюмкин некоторое время жил с какой-то девушкой.

– Саша нет дома... Это Оля... – она отвечала мне по телефону.

Но я ее прежде не видел...

– Это с вами мы разговаривали по телефону несколько раз?

– Да...

– Я рад ... Вы и сейчас вместе с Сашей?

– Уже нет.

Я встречал ее в библиотеке, иногда мы разговаривали...

А плотное общение с Генделевым продолжалось. Он читал в каком-то кафе.... Потом снова читал...

Генделеву надо было возвращаться. Были опять проводы, их в этот раз устроили у Льва:

– Вы чудные, вы теплые... – сказал тост Миша, – других таких нет... Только не умирайте, пожалуйста.

На Московском вокзале, садясь в вагон, Миша попросил нас беречь маму и папу.

Следующие приезды. Нет, последовательность событий восстановить не могу. Не могу в памяти отделить один приезд Миши от другого.

Вот, например, э-э-э... Генделев читал в доме актера на Невском проспекте.

Народ заполнял гостиную, Щеглов появился, Николай Михайлович с орденскими планками на пиджаке, Рюмкин тогда был со своим сыном Мишей (Миша Рюмкин теперь стал раввином, таким по уровню, как епископ у христиан). Я увидел среди пришедших Виктора Кривулина, известного и уже разрешенного поэта. Еще я заметил ту Олю. Сергей Стратановский тоже пришел. Александр Лавров, теперь академик-литературовед, а тогда еще только... Нет, наверно, все-таки уже доктор наук...

Был похожий на карлу Черномора Виктор Топоров, критик и переводчик, по убеждениям, кажется, государственник и национал-патриот. Но именно он составил поэтическую антологию «Поздние петербуржцы», куда включил подборку Генделевских стихов. В предисловии к подборке составитель обыгрывает общность имени отчества Генделева – Михаил Самюэлевич - и Паниковского из «Золотого теленка», тоже, как известно, Михаил Самюэлевича. На мой-то взгляд на этом сходство и кончается, но известный критик что-то много и умно на эту тему рассуждал, отмечая взаимную дополнительную Бендера и Паниковского. Генделев, по его просвещенному мнению, все-таки как поэт состоялся, *стихи его... обладают самодостаточностью, прелестью и новизной.* И еще: *Паниковский на процентов на восемьдесят превратился Бендера.* Интересно, каким был бы его ход рассуждений, если бы Генделева звали, например, Львом Давидовичем? И как это он высчитал восемьдесят процентов?

Генделев вынырнул откуда-то, кивнул мне и улыбнулся Анне, моей дочери:

– А с этой девушкой я как-то обедал...

Началось чтение.

Скажу по секрету об одной моей особенности.

В моей голове я держу библиотеку текстов. Я их про себя иногда прочитываю, прямо на улице, в трамвае, где попадет под настроение.

Стихотворение «Ночные маневры под Бейт Джубрин», которое я услышал тогда в доме актера, это единственная вещь Генделева, которая есть в этой библиотеке.

*Я младшей родины моей
Глотал холодный дым,
И нелюбимым в дом входил,
В котором был любим.
Где чудная моя жена,
Смотрела на луну.
И снег на блюде принесла,
Поставила к вину.*

Эти стихи сразу, как их услышал, зазвучали внутри меня.

Водка «Зеленая марка»... глоток, с вашего позволения...

*И головой в пыли ночной
Я тряс и замирал
И мотыльки с лица текли
А я не утирал*

Стихи звучные и яркие. Но... Послушайте, это ли о войне?..

*Играй военная игра,
Игорная война,
Где мертвецы встают,
А там и ты встаешь сейчас...*

Вот что написал ты сам же, Миша, в своем романе:

...Без сознания отец пролежал двое суток измочаленными культями в крошеном льду мартовской Невы. Ледяная вода стянула сосуды – он не истек. Спасли отца часы – на них, дедовский презент, позарились мародеры, они же санитары. Снимая с остатков отца часы, человеколюбивые мародеры обнаружили, что - - - пульс!»

Самуэль Михайлович вообще был молчалив. О войне при мне ни разу не говорил. Я долгое время даже не знал о его военном прошлом... Не знал всего даже и тогда, когда в первый раз слушал эти звучные «киплинговские» строчки Миши...

*А я совсем не молодой
И лекарь полковой
Я взял луну над головой
Звездою кочевой.
Луну звездою путевой,
Луну, луну, луну,
...Крошила белый снег жена
И ставила к вину.*

Николай Михайлович подарил Генделеву самодельную книжку своих стихов «Сломанные стрелы»...

Много же находок, – поделился Николай Михайлович впечатлением о чтении Генделева.

Сергею Стратановскому тоже понравилась «эта, так сказать, его энергетика».

Энергетика! Миша, ты узнал, кто спорит, войну, но, думаю, узнал ее приключенческую сторону, а не ощутил ее трагедии... Если бы ощутил, не говорил бы о «норме».

После чтения был банкет в ресторане дома актера. Рядом со мной оказался... Впрочем, неважно кто. Когда народу много, я особенно себя чувствую одиноким... Черт, опять сморозил!

Рюмкин полистал книжку Николая Михайловича и пожал плечами...

– Слабые стихи...

– Не понимаешь ни хрена, – огрызнулся на него Генделев, – я посмотрел... Это стихи! Поэзия, понимаешь?

Но добавил:

– Хотя не литература... Он поэт, но не литератор...

Понятно?

Ладно, дальше. Только сперва еще выпью...

Еще приезд поэта Генделева, как-то осенью. Мы встретились у Саши Лаврова. Генделев сидел во главе стола, а рядом с ним очаровательное юное создание. Такая, знаете, девушка, девушка...

Я чего-то стал цитировать Кибирова «Послание Льву Рубинштейну», с которым только что познакомился, и мне стихи очень нравились:

То Чернобыль, то колонны,

То Кобзон, то сухогруз...

То не ветер ветку клонит,

То не Чкалов, это Руст!

– Кто это? – спросил Генделев...

– Не запомнил фамилии... Кибитов, кажется...

– А-а, Кибиров, да, я его знаю. Очень хороший мальчик...

Лавров заметил: «Какая точная зарисовка: «И курортники в пижамах покупали виноград». А кто из вас носил настоящую пижаму?»

Встали из-за стола, чтобы кто курит, покурить, прочим поразмяться...

Щеглов подошел ко мне:

– Заметил нежное создание, рядом с Генделевым?

– Просто прелестная...

– Ничего особенного. Но дело не в этом. Знаешь, кто это?

– Да нет, впервые вижу, какая-нибудь пассия Генделева....

– Это дочка А., не хочешь? А. пригласил Генделева у него остановиться на пару дней, а этот козел взял, трахнул его дочь...

Я тогда (черт, черт!) тоже возмутился... Как же можно! Дочь приятеля!

Но если разобраться...

Эта девочка даже и со мной немного кокетничала... И ее глазенки так смотрели... Не насиловал же ее Мишка... Даже не соблазнял... Все тогда произошло, говорили мне, по ее же инициативе... Разве не бывает, что женщиной становятся рано? И что? Трагедия это? Хотя для кого как...

Возможно, Миша не должен был инициативу поддерживать. Ему бы строго объяснить этому девятнадцатилетнему созданию, дочери своего приятеля, что нехорошо так, папа расстроится... И, вообще, любовь – это высокое чувство, разбрасываться нельзя... Надо встретить человека, узнать его, только потом... Да я скорее представлю себе себя самого, танцующим партию принца (черт, черт!) в классическом балете, чем Генделева, изрекающего подобное...

Не помню, кстати, как звали ту девочку.

...На Мишиных поминках говорили много всякого. Щеглов еще сказал, что А. до сих пор ненавидит Генделева. Ну, значит, не простил. Что же, постараемся понять (черт!) взгляды, отличающиеся от наших...

Интересно, что стало с той девочкой? Теперь ей должно быть лет сорок...

Дальше, год, кажется, девяностый... Нет, девяносто первый. Апрель. В том же библиотечном буфете я встретил Олю.

– Как живете?

– Знаете, я сейчас без работы.

А у меня как раз была возможность ей помочь.

– Приходите ко мне в комнату 72. Попробую что-нибудь сделать.

И действительно, я устроил ее на работу в библиотеку. Этим начался очередной сексуально-эротический цикл моей жизни.

Вечером того же дня Оля позвонила мне домой.

– Знаете, здесь Генделев. С его отцом очень плохо.

Через несколько минут после нее позвонил Щеглов, и сообщил, что Самуэль Михайлович умер, что похороны...

...Вспомнили, что в синагогу нельзя с непокрытой головой, а у нас на головах ничего – был конец апреля. На

машине, рискуя опоздать, куда-то съездили и для всех мужчин привезли кепки.

Внутренность синагоги при еврейском кладбище внутри напомнила мне секционный зал. Пустые обшарпанные стены. Одно из окон разбито. Звезда Давида под самым потолком. И постамент для гроба, опять-таки похожий на стол патологоанатома. Старичок раввин взглянул на Мишу.

– Сын? Стать сюда...

Затем, перемежая иврит и идиш, он стал произносить какие-то священные слова, и запнулся на имени покойного:

– Шмуль бен... бен...

– бен Мендель – подсказал Миша.

Раввин подозвал Асю Маевну и Мишу и бритвой отрезал по ниточке от их одежды. Затем по-русски обратился к присутствующим:

– Хочет кто-нибудь сказать об этом человеке? Этот человек пострадал на войне...

Желающих говорить не было.

Когда закрытый гроб поставили у могилы, раввин постучал по нему и громко возгласил:

Шмуль бен Мендель!

Оказывается, по иудейскому обряду полагается попытка разбудить усопшего...

Шел, помнится, небольшой дождь. Таня Павлова взяла меня под руку:

Ну вот, – говорит она, – проводим наших старичков, а потом уже и сами...

Ланге йорн, – попрощался раввин с Асей Маевной у ожидавшего автобуса.

Ланге йорн – пожелала и ему Ася Маевна.

*умру
поеду
поиграть
в
на белых водах
в Ленинград
где я
на эти торжества*

*сам вроде божества
и я
не отверну лица
в лицо поцеловать отца
вот батюшке награда
а
много и не надо
а
много и не буду
туда смотреть отсюда...*

Продолжение... Вот что случилось: моя дочка впервые не ночевала дома, не предупредивши меня... Всю ночь я не сомкнул глаз (черт! черт...), хотя понимал, зная о ее романе, что, наверное, все в порядке, но мало ли.... Явилась девчонка в семь утра, я не стал без толку ругаться, а решил, наконец, заснуть... да где уж там!

Я ждал к себе гостей – Генделева, Олега Друговейко с женой Светланой (красивая женщина!), еще нескольких человек.

Оля должна была прийти пораньше, чтобы помочь мне приготовить стол.

Да, через несколько дней после похорон отца Генделева мы с Ольгой сделали (черт!) любовниками.

Подошла Оля, мы начали готовить стол. Она очень была оживлена, и в глазах ее светилось это (тьфу, черт!), ну желание светилось, и это свечение очень сильно возбуждало далеко уже не юного влюбленного... (р-р-р, черт!). Наконец, раздался звонок снизу, и все гости сразу наполнили переднюю...

– Ну, слава богу, все здесь! Миша, вот познакомься, это...

– Я знаю, знаю... Ты как здесь? Не знал, что ты знакома с Масевичем...

Мне показалось, что особенное свечение Олиных глаз усилилось...

Расселись за столом. Генделев заявил, что будет читать, и спросил у общества, что оно хочет послушать. Я попросил «Ночные маневры под Бейт Джубрин».

*...Как медленно провозят нас
Чрез рукотворный лес
И темнота еще темней
С луной из-под небес...
И холм на холм менял себя
Не узнавая сам
В огромной пляске поднося
Нас ближе к небесам...*

Миша читал, общество рукоплескало... Позвонили куда-то, приехал Миша Фридман, которого я уже много лет не видал.

О чем говорили еще? Не помню, кто сравнил Генделева с Бродским.

Генделев заорал, что не желает, чтоб его сравнивали с другими поэтами, а с Бродским подавно.

Вспышку без особого труда удалось погасить. Поэт снова пришел в благодушное настроение.

Оля и ее подруга сообщили мне, что поздно и им пора...

– Я был рад тебя встретить – улыбнулся ей Генделев

– А получил ты мое нежное письмо? Я его написала, когда ты уехал...

– Нет, не получал...

– Жаль, мне хотелось тебе многое сказать.

У меня потемнело в глазах! Видимо, Ольга заметила, как изменилась моя физиономия... Мерзость и глупость! Глупость и мерзость... Глупость больше, но и мерзость тоже...

– Ты расстроился? – сказала она мне – Я вижу. Не надо... Подожди, я тебе позвоню...

– Андрюша, ты влюблен? – спросил Генделев, когда за нею закрылась дверь...

– Да, нет, я так... Ну, ты что...

– Ну и зря. Эта Оля – хорошая... Я хочу сделать тебе подарок. Магнитофон есть? Неси. Я начитаю тебе кассету...

*небо для бедных
дом бедняка
приют его и ночлег*

*где
известь сыплется с потолка
собой представляя снег
где словно это может помочь
свет напролет в дому
где темнота
которая ночь
собой представляет тьму*

Сейчас вот смотрю – да, красивые, все-таки, стихи. Но тогда я разозлился на Генделева. Что это было? Ревность из-за этой Оли? Или (черт!) подсознательная зависть?

Первое, по обстоятельствам, о которых говорить не буду, я бы еще мог себе простить. Влюбленность – мерзкое состояние, невротическое, болезненное.

Но второе! Второе! Что глупее и унижительнее зависти! Нет, не завидовал я, Боже избавь, Генделеву. Было другое. Меня разозлило его самомнение.

Он читал свои стихи, будто одаривал такой ценностью...

Тоже мне, причина раздражения...

А мне еще пришлось вдруг в голову, что вообще он разыгрывает роль поэта, притворяется, причем играет плохо, фальшиво, и я пьяными словами, запинаясь, высказал это свое тонкое психологическое суждение...

Мишка даже, кажется, растерялся...

– Так это же только наигрыш, я как композитор...

А я продолжал нести свое. Он нажал кнопку и стер начитанную запись. Не помню, как гости разошлись...

Когда среди ночи, еще не протрезвевши, я проснулся, то заметил, что в другой комнате горит свет. Оказалось, что там спит Оля, она почему-то вернулась – опоздала, видимо, на транспорт. Ей открыла моя дочь. Я, пьяный, храпел. Анка постлала ей постель.

Когда я понял, что Ольга здесь, то немедленно полез к ней.... Впрочем, она сама не была трезвой и благосклонно приняла мои пьяные приставания.

Утром я решил, что с Генделевым теперь рассорился навсегда. Весь день это меня грызло, а вечером я решился

ему позвонить... И он, на удивление, оказался дома. Я забормотал не то чтобы извинения, а объяснения...

– Не могу никак понять, что тебя так мучает?..

Он не помнил того, что я наговорил. Не помнил! Не проявил великодушие, простив пьяные оскорбительные слова, а просто не заметил их. Я не был удостоен обиды... Черт. И записи стихов у меня не осталось... Впрочем, все равно тот мой магнитофон давно не работает, а чинить не умею...

Лето девяносто первого года. Моя жизнь, слава Богу, не так богата историческими событиями. В семье у нас всегда мало обращали на происходящее в политической сфере и политиков не уважали... А тут пришлось оказаться прямо-таки в эпицентре. Меня отправили в качестве переводчика и мальчика на побегушках (не очень свежего мальчика!) на большую международную конференцию в Москве. Надо было выехать за неделю до начала, чтобы присутствовать на так называемом предсессионном семинаре, который проводили для участников из стран третьего мира. А сама конференция начиналась 19 августа.

Утром 19 августа мне в номер, а я был организатором-координатором, звонит такая Наташа Черникова из международного отдела Российской государственной библиотеки и сообщает, что власть взял чрезвычайный комитет, и что Горбачев отстранен. Утром я должен был на автобусе сопровождать мою группу на конференцию...

Я вышел в коридор, и включил телевизор в холле, там передавали балет... Но где-то по отделенному радио услышал, что «давно пора сказать народу правду, стране грозит голод», столкнулся с вьетнамцем, который одинаково непонятно говорил на всех языках. Вьетнамец что-то пролетел вроде: «monsieur Gorbachev.... ne plus.... president¹»

Мои подопечные, приготовившиеся ехать на конференцию, собрались у входа в наше общежитие. Группа была разноцветной. На зеленом платье высокой Кё Сё Мун, директрисы национальной библиотеки Малайзии,

¹ Господин Горбачев... больше... не президент

шевелились два вышитых золотом дракона. Маленький Пьер Мадейра из Республики Чад был в ярких желтых штанах, а из кармана его синего с блестящими пуговицами пиджака торчал оранжевый платок. Костлявая индианка Кольпана Дасгупта была в пестром сари.

Стивни Фергюсон с острова Фиджи стала спрашивать, что я думаю о перевороте.

– It is the end of the world...² – важно ответил я, стараясь изо всех сил быть трагичным.

Кё Сё Мун громко засмеялась.

А Жаннетт из Сенегала спросила с настоящим страхом:

– Is it true that airports are closed?

– Oh, perhaps for soviet citizens, not for you...

– Jannet, I do not think the communists really need you³ – рассмеялась Стивни

Подъехал автобус, я пригласил всех занимать места.

- Что происходит? – спросил я водителя, - я толком ничего не знаю, по телевизору идет балет...

- Нормально, - весело ответил водитель, - Горбача на х... скинули, теперь будет порядок...

Автобус остановился на красный свет. А по зеленому свету, нам наперерез с грохотом проследовала колонна серо-зеленых бронетранспортеров. Мои иностранцы притихли...

Конференция происходила в Хаммеровском центре, то есть совсем рядом с Белым Домом – сценической площадкой бездарных политических массовок. Видите ли (о, черт, давно не чертыхался), мне тогда показалось, что я должен присоединиться к людям, окружившим Белый Дом. Черт! Черт...

Но, – подумал я – я должен отвезти свою группу в общежитие...

Отвези, пожалуй, – сказал мне внутренний голос, – отвези, коли должен, а потом вернись...

Я подошел к Белому Дому. Видел на стене надпись «Забил заряд я в тушку Пуго...». Это о том самом Пуго

² Это как конец света...

³ Правда, что аэропорты закрыты? – Не думаю, – Жаннетт, вряд ли ты нужна этим коммунистам..

(очень неприятный, антипатичный мне был человек!), который, когда путч провалился, выстрелил в себя... И глупенький стишок зазвучал таким чижиком-пыжиком, что хоть бы Шостаковичу...

Всем известно, что было дальше, так что позвольте теперь сделать как в кино. Вот смотрите: панорама с танками и бронетранспортерами, и трехцветный флаг реет над столицей новой России. А я во Дворце Съездов на банкете по случаю завершения конференции пью коньячок, счастливый без меры, что и путч подавлен, и конференция окончилась. (О, черт! Давайте затемнение! И сразу - следующий кадр...).

...У Льва Щеглова собралась компания, и конечно обсуждали прошедшие только что события. Был там и Генделев.

– Я весь день лежал, тупо смотря в телевизор, – распространялся Щеглов, – и вдруг экран погас, а потом снова вспыхнул и появился Собчак. И уверенно говорит: «вчера в стране совершена попытка преступного переворота. Бывший премьер министр, бывший министр обороны, бывший...». У меня сразу изменилось настроение... Слушайте, он же настоящий президент этой страны!

– Так путчи не готовятся, – значительно, как всегда, произнес Генделев

– Ты, конечно, лично подготовил семь-восемь путчей... Да откуда тебе знать, как их готовят?

– Я изучал и хорошо знаю.

– А ты где был? – спросил меня Рюмкин

– Я? У Белого Дома, – ответил я.

– Прямо у Белого Дома? И сидит тихонько, слушает как мы трендим! Расскажи.

– Ну, моя конференция проходила рядом, в центре Хаммера, это рядом с Белым домом. Я подошел и посмотрел. Мне не понравилось.

– А ты чего ожидал? – спросил Щеглов, – Криков «умрем, но не сдадимся»? «Свобода или смерть»?

– Да, нет, что-то вроде этого как раз кричали. Остаться я не мог. Мне надо было сопровождать моих иностранцев.

– Ты предпочел чьюин-гам, – сказал Генделев.

Я отчего-то обиделся, но не ответил...

Дальше пошел разговор о том, что главный раввин страны специально разрешил устраивать в субботу поминальную службу по одному из трех погибших во время путча.

– Этого было нельзя, – высказался Генделев, – службу нарушать нельзя.

Затемнение, ребята... Затемнение...

Дай, посижу немного в темноте. Знаете, я устал уже от своего рассказа. Интересно, каким образом приходит смерть? Закрою глаза:

*Заря какая
Боже правый
что никогда я не умру
как удивительно как странно
как
вспышка счастья на ветру
и не успел начать молитву
а вон и гибель налегке
с улыбкою гермафродита
как негр с розою во рту...*

Вспышка счастья на ветру... Как не нравится мне эта строчка!

Если убрать вот это чувствительное восклицание: «как удивительно, как странно», а «гибель с улыбкою гермафродита» оставить... ..«и негр с розою во рту»... Значит, убираю до «не успел еще начать молитву»:

*Заря какая
Боже правый
что никогда я не умру
...
и не успел начать молитву
а вон и гибель налегке
с улыбкою гермафродита
как негр с розою во рту...*

Стих разрушился. Пошлость нам внутренне присуща как война, любовь и смерть. И вот, убрал сентиментальные строчки – и смотрите: в стихе дырка...

Миша, когда ты был жив, мы столько не говорили, сколько говорю я с тобой сейчас.

Эротическая ссадина.

Когда Оля улыбалась, ушки у нее двигались как у собачки, лицо становилось злым...

Я узнал, не скажу, как узнал, что там у нее было с Генделевым. Генделев как-то чуть простудился, а Ольга ему в тот момент и позвонила.

– Простудился? Я приеду и вылечу тебя...

Приехала и...

Не стану расчесывать более...

Приезды после 1993. Как читатели этих строк на меня посмотрят, если я скажу, что на чтения Генделева и израильского поэта Хаима Гури, я опять пришел с дамой. Описывать ее, даже называть имени не буду, хотя она, может быть, и заслуживает описания, скажу только, что Генделев отреагировал:

– Какую хорошенькую привел Масевич...

Где это было? Память в этот раз отказывает... Да, зрительный зал был, на сцене – Генделев. Литфонд, что ли?

Стихов я не слушал... Потом Миша стал разговаривать. Употребил слово «ментальность». Почему-то говорил о Миссолунги...

– Ну, это такая дыра в Греции, где Байрон умер...

После этого он сообщил слушателям, что совершенно не переносит трех русских фраз о поэзии, действительно крайне пошлых. Две я уж забыл, а одна была: «Поэт в России – больше, чем поэт...»

На сцену поднялись литературоведы, человек десять, они там расселись и как-то стали обсуждать, не помню, что именно, вспоминается, как сон в нелепых отрывках...

Константин Азадовский сказал, что он поэзию Генделева не очень хорошо понимает.

Другой литературовед выразился, что хоть Миша и употребляет глупое слово: «ментальность», он большой поэт, и...

Стали обсуждать, какой Генделев поэт – израильский или, наоборот, петербургский, ленинградский, или все-таки израильский... Нет, пожалуй, петербургский, поздний петербуржец... Да нет же, он создатель израильской поэзии на русском языке.

Генделев, – пришел мне в голову афоризм, – он и в Африке Генделев...

Маленький отрывок на иврите прочел израильский поэт.

Затем он сказал, что его стихи в своих переводах сейчас будет читать Генделев, и «я буду рад, если вам мои стихи понравятся, а если нет, значит, у Генделева не вышло с переводом...»

Знаете, я как-то перестал существовать в этом прошлом. Мои воспоминания вдруг перестали жить и превратились в старые фотографии (Черт!). Перебирать их мне наскучило. Но надо, все-таки, довести до конца, раз 48 страниц уже написано...

После этого чтения все собрались у Ирочки Лаврентьевой. Как всегда в присутствии Генделева было много народа, большинство народа мне хорошо известного. Генделев обратился к моей даме.

– Знаете, этого вот типа (меня, значит) я очень люблю. Вообще, все мы, кто здесь, жизнь проживаем вместе... Мы и сдыхать будем как-нибудь в группешнике...

Интерьерный театр. – Знаете этот театр? На Невском, почти напротив метро Маяковская... Миша дружил с Николаем Беляком, руководителем этого театра. После смерти Самуэля Михайловича, Мишкины дни рождения, и не только дни рождения, часто отмечались здесь. А спектаклей этого театра я никогда не видел.

Сейчас вспомню одно из Мишиных чтений. Еще тогда он читал не один, а с покойным Виктором Кривулиным...

Театр находится на верхнем, пятом, кажется, этаже, лифта нет. Зал небольшой, по стенам расставлены фигурки – шаржи на петербургские памятники. Например, Петр на лошадке с кошку величиной, Екатерина Великая в панталончиках с бантиками, вокруг пустого металлического

каркаса, обозначающего юбку – куколки-приближенные, важный Смольный собор со своими флигельками, похоже на прогуливающееся семейство, пьяное в задницу адмиралтейство. На чтениях был художник, автор тех фигурок, я ему сказал комплимент, а он кивнул холодно: «да, вижу, вам нравится» и отвернулся, не поблагодарив.

Миша читал, за ним Кривулин, а потом появилась и водка.

Кривулин рассказал занятный анекдот о некоем литераторе З.. Этот З., видите ли, стал в шестидесятых очень преуспевающим молодым писателем. Пользовался всяческим доверием партии... Книжки его печатались, он сидел в разных президиумах и отдыхал в домах творчества.

Случилось, что Жан Поль Сартр решил посетить СССР. И обратился в Союз писателей, чтобы ему встретиться с молодым писателем, потому что ему интересно лично посмотреть, каковы они, молодые советские писатели (Сартр в то время сам был только что не коммунистом). Кого было предложить западному классику? Ну, подумали, согласовали с кем надо и утвердили З.

Кривулин, вроде бы, З. хорошо знал, но за все его преуспеяния уважал не слишком. Впрочем, З. был добрый малый, худого не делал никому. Кривулин ему и говорит, ты, мол, теперь с классиками общаешься, и значит, сам вроде классика. А коли так, надо с тебя, пока молодой, гипсовую маску снять. И уговорил чудака. Как делать эту самую маску, они не знали, но за дело взялись решительно – лицо З. вымазали гипсом, а гипс застыл, снять никак не могут – и так пробовали и этак, не снимается, будто прирос.

А тут в дверь позвонили – и появился Сартр, собственной персоною.

– Могу я, – говорит, – видеть господина З.?

– Да, конечно – ему отвечают, – только он, того, ну не совсем возможно его увидеть...

Сартр увидел З. с гипсовым лицом, и спрашивает:

– А что, господин З. умер?

Глупый вопрос, хоть и от классика. Потому что З. не только шевелился, а прямо бился, чтобы гипс с лица сбить. Вызвали скорую, хирургов, гипс сбили, только морда вся у

З. вышла в синяках и царапинах... А Сартр, ничего более не спрашивал, посмотрел, каковы молодые литераторы в СССР без гипса, и, молча, ушел.

Последняя встреча. – Андрей? Это Миша Генделев... Я приглашаю тебя на презентацию моей книжки «Неполное собрание сочинений». Как живешь?

– Да вот, заболел...

– Чем?

– Срамной болезнью, начинается на «г», а кончается на «я»...

– Гонорея, что ли?

– Хуже, графомания....

– Сочинять начал? Ладно, приходи в Интерьерный театр...

– Приведу с собой Николая Михайловича.

– Николая Михайловича? Обязательно приведи, я очень его люблю...

Был уже 2003 год. И вот, я приступаю к описанию своей последней встречи с Генделевым.

Зрительный зал интерьерного театра был заполнен. Рюмкин был, Щеглов ко мне подошел и обнял меня. «Сошлись друзья моих веселых лет» – сказано в Мишином стихотворении.

Ира Лаврентьева дала мне посмотреть свою книгу в глянцевой обложке. Полистал... К Николаю Михайловичу подошла его бывшая студентка.

А поэта нашего что-то все не было. «Ну, меня все нет» – сказано в том же стихотворении...

Зал, в котором по стенам стояли шаржи на памятники Петербурга, наполнялся друзьями веселых лет Генделева.

Приехал! – сообщил кто-то.

Перед залом появился незнакомый мне человек – невысокий, полноватый. Лицо искривлено перенесенной, видимо, болезнью лицевого нерва. Глаза разные. Один как бы прищуренный, а другой навывкате. Я бы его и не узнал на улице. Может быть, он перенес insult в легкой форме? Когда? Одним словом совсем другой человек... Я испугался,

что заговорит как-нибудь так, что это вообще будет не Генделев...

– Передо мной, смотрю, все те же лица! Который же раз я вас всех вижу? Время идет, а вы все никак не умираете... – да нет, слава богу, голос – его голос, и шутка дурацкая, сангиговского разлива...

В современной философии есть понятие, обозначенное английским термином *unitary self*, то есть истинная индивидуальная сущность, которая с нами всю нашу жизнь. Сама она не поддается определениям, но как вы без этого *unitary self* соедините в одно отмеченного свыше талантом мальчишку, играющего в КВН, и пожилого нездорового поэта? Между ними, кажется, мало общего...

Выступил литературовед, который рассказал о грандиозности таланта Генделева. Генделев то ли, как демиург, создает новый мир, то ли не создает, а только заново открывает и видит, что этот мир... И так далее... Потом он добавил, что он и Генделев – друзья, только иногда они вдрызг ссорятся, а потом мирятся также вдрызг...

В последний раз я слушал живого Генделева. Ему еще оставалось шесть лет жизни, но в эти шесть лет мы больше не встретились...

После каждого стихотворения были аплодисменты. А после какого-то Ира Лаврентьева вдруг крикнула:

– Какое счастье, что ты у нас есть!

Черт, черт, черт... Фальшивая нота... Жизнь – театр...

После чтения в фойе пили водку. Народу было много.

Я протолкался к Генделеву и попросил у него книжку...

– Ой, слушай, у меня не осталось... А, нет, таки одна есть.

Он написал на титульном листе: «Андрюше – от товарища по глупостям». Вот, собственно и все...

Виртуальный Генделев (ante mortem).
Ненавязчивы мысли, чувства поэта, скользящие, как лунные блики, рябь на воде, захватывают своим напевом,

непреложной данностью. Жизнь — «пепла лепесток». Какой маленький промежуток между еще небытием и уже небытием: В вопросе выбора себя, своей судьбы Михаил Генделев — фаталист. Да и есть ли у человека выбор, ведь он всего лишь «мотылек», бабочка, которая «топчется в воздухе на краю».

Автор этого текста, кажется, сам поэт — блики, рябь, Генделев — фаталист, стихи захватывают непреложной данностью, маленький лепесток между еще... и уже... ну ладно лепесток, так лепесток... Я и сам где-то выше высказался в этом роде, только что без лепестков...

Еще слова: *Вообще Генделев — один из немногих современных авторов, использующих авангардную поэтику по прямому назначению, то есть не просто для нанесения прихотливых черных значков на белую бумагу, а для метафизического прорыва.*

Собственно, все эти слова критиков как раз и есть черные значки, не очень даже и прихотливые. А вот интервью известного артиста театра и кино...

Артист —... Тут недавно приехал из Израиля некто Генделев, поэт.

Журналистка — Я его видела и слышала по ТВ. У него с Наумом Коржавиным полностью совпадает концепция: оба считают, что Бродский — поэт неразвившийся, потерявший в эмиграции свою потенциальную гениальность...

— Коржавин хотя бы умеет писать стихи, а Генделев... Два часа по ТВ «нес» Бродского. Я смотрел и хохотал. Ай, Моська, знать она сильна, что лает на слона.

— У него такая точка зрения.

— Точка зрения? Можно не любить даже Пушкина...

— Можно. Некоторые и этим прославились.

— Человек вправе любить и не любить кого угодно.

Но если тобой руководит «сальеризм»...

— Вполне возможно, что Бродский-поэт действительно мешает ему жить. То, что он прочитал как свое стихотворение, поражает ужасной беспомощностью.

– *И берется рассуждать о Бродском! Это все равно, что я буду критиковать... Станиславского!*

– **И на здоровье. Ничто не возбраняется в свободной стране и в свободной прессе.**

– *Перестаньте, свободных стран нет. Бродский не потенциально гениален, а просто гениален. Вот я играю пятый год его вещь — и аншлаги.*

– **Давайте тогда чуть-чуть эту тему продолжим. И Коржавин, и Генделев напирают на то, что начинал Иосиф Александрович как гений, но в эмиграции в нем что-то сломалось, и он начал писать головные засушенные стихи. Вы ведь много читаете его стихов последнего периода?**

– *Да, много...*

Генделев был как и большинство поэтов эгоцентриком, а Бродского искренне не любил и не ценил. Сальери-то высоко ценил Моцарта и гением считал, потому и завидовал. Так что никакого сальеризма!

А вот вам рассказ одной из генделевских женщин, она осталась в его квартире после, вероятно, какой-то пьянки, и превратилась в Генделева (бывает!) *Галстук-бабочка на голое тело — это слишком по-генделевски. С другой стороны, вот я выхожу в драном халате и с бабочкой, а он сидит там в каком-нибудь из своих модных прикидов, и всем сразу ясно, кто есть кто. То есть халат и бабочка — это Генделев в себе, описанная реальность, а прикид — это Генделев не в себе, и можно сказать, вообще не Генделев. А теперь пусть орет. Пусть доказывает, что он не верблюд. Хотя, с третьей стороны, Генделев умеет писать стихи, а я — нет. У этого подлеца есть качественное отличие от его телесной оболочки. Интересно проверить, как повлияло перевоплощение на мои поэтические способности.* После всяких тому подобных ощущений у героини состоялся ее телефонный разговор с настоящим Генделевым:

– *Ты — кто? — спросил меня Мишкин голос.*

– *Я теперь Генделев.*

– *Чего?*

– *Чего слышишь.*

– Вроде я вчера не так много выпил. Ты кто?

– Генделев.

– А чего ты делаешь в моем доме?

– Живу. Вот грязи оставили целую раковину.

Пригласил Аглаю, чтобы убрала.

– Какую Аглаю?

– Золотую. Сходила в ночь, пусть придет и уберет.

– Нет, ты кто, я спрашиваю?

– Да я уже сказал: Генделев я. От Вольского привет.

Я его выпер. Ты тут бордель развел, старик. Мальвина с голубыми волосами, пулю пишит в полдень. Так не пойдет.

– Бред какой-то! Последний раз спрашиваю – ты кто?

– Последний раз отвечаю – Генделев. А еще какая-то поэтесса собирается припереться, стихи читать.

– Гони ее вон, крокодилищу. Но ты все же кто?

– Вот заладил. Генделев я.

– Ну и чудно. Значит, долга за квартиру в банке пятнадцать тысяч. Оплати до моего приезда. И вызови мастера туалет починить. У меня денег нет, а соседей заливают. Привет!

Эта невинная хохма рассердила Николая Михайловича. Действительно, он сильно возмутился. Я, ей богу, его никогда больше таким не помню. Дама, он считал, мстила Генделеву за какую-нибудь любовную историю.

Сам Николай Михайлович написал о Генделеve небольшую статью в петербургскую еврейскую газету «Хэсед». Этот номер газеты у меня был, жаль, что потерялся... А статья раздражала меня – там говорилось, что Генделев поэт, много сделавший для своего народа. Пафоса, как вы могли заметить, я не выношу... А что это такое – народ? Ненавижу народы... (Тьфу, черт! Сам, дурак, впал в пафос...)

Но, пожалуй, нет у Генделева более понимающего и постоянного почитателя, чем Николай Михайлович.

– Мы еще обязательно о нем услышим, – прогнозировал он, когда Генделев еще только начинал.

«Генделев получил стипендию Ходорковского, – сказал мне Щеглов, – он, Вознесенский, Стратановский.

Горбовский от этой стипендии отказался. 50 тысяч рублей в месяц пожизненно, независимо от того пишет он или нет»

Здорово, – подумал я, – а еще говорят, что стихи не кормят. Впрочем, я слышал, будто никто из стипендиатов этих денег то ли не получал вообще, то ли получил всего один раз.

«Ну что ты, – сказал мне Саша Рюмкин, – Генделев изумительный поэт! Возьми, почитай... Только, знаешь, Мишка тяжело болен, ему нужна операция по пересадке легких, стоит безумных денег. Сейчас он даже не может сам передвигаться, начинается тяжелейшая одышка. Ездит на инвалидной коляске».

А вот еще статья литературоведа. *Одна из проблем состоит в необычайно тесной связи между метафизикой Генделева и поразительной сгущенностью его предметно-метафорического ряда. Трудно обособить мирозерцание поэта от той поэтической системы, в которой оно явлено и в которую погружено. Подобные усилия, как известно, сопряжены с насильственной деформацией исходного материала. Всегда испытываешь внутреннее неудобство, расчленяя то, что является принципиальной и декларированной целостностью творчества – при всей пестроте и многоплановости [!] его состава. Необходим весьма разработанный аппарат, чтобы проследить, к примеру, смысловую связь, скрепляющую блистательные и беспрецедентные для русской поэзии акустические стыки Генделева: «И вся хула и похвала / халва и пахлава». Его семантика неотделима от акустики, а акустика – от визуального ряда. Идеология оправлена околом.*

Что они все помешались на этой самой метафизике, что ли?

Кто-то сравнил Генделева с Лермонтовым (тезки, все-таки! Черт...). Кто-то сказал еще что-то лестное, и вот уж словечко «гений» стало попадаться у критиков и мемуаристов.

Доживши до шестидесяти двух, я не научился достоверно отличать гениев от не гениев. Видимо практики маловато. Годам к девяноста, если дотяну, может, научусь...

Только что я, девяностолетний маразматик, буду делать с этим умением?

А про Генделева уже довольно написано, но во всем, что мне довелось прочитать – только и есть что оправленная окоемом идеология и сгущенность предметно-метафорического ряда... И, конечно, метафизика.

Виртуальный Генделев (Post mortem). Не буду описывать, как мне сообщили о смерти Миши. Неожиданности не было – я же знал, он болен. На другой день в Интернете появились некрологи.

Сегодня ночью ушел лучший современный русский поэт. Поэт уровня Мандельштама и Бродского. Я чисто случайно называю еврейские имена, поскольку говорю сейчас только об уровне. По силе он им не уступает. А по содержанию...

Генделев – ни кто иной, как просто великий русский поэт. Номер один после ухода Бродского. И, конечно, никакой там не «создатель концепции русскоязычной литературы Израйля», как написано в неких официальных биографиях. Кто-нибудь видел эту концепцию? Это просто одна из милых мистификаций, которые Мишенька так любил. Дескать, не какой-то там несчастный поэт, а серьезным делом занимаюсь! Концепцию разработал!

Горечь пройдет, а Миша останется с нами. Мы еще долго будем встречаться как люди, заряженные и пропитанные им. Мы все его апостолы, в каждом из нас кусок его света, его радости.

Не стало важного центра кристаллизации русского Иерусалима. Независимо от его географического места расположения. Свой Бен-Гилель Миша всегда носил с собой. Не стало важного поэта в пространстве родной речи, которую мы, также не зависимо от географии, носим с собой, как Миша свой Бен-Гилель.

Пятьдесят девять раз – черт! Пятьдесят девять раз – по числу лет, прожитых поэтом Михаилом Генделевым.

Поминки. Прежде чем, как полагается, торжественно и печально закончить этот текст, попробую порассуждать, как некоторый, простите, литературовед-философ С.

Поэзия, - утверждает наш С. – есть трансляция динамических интенционалов, иначе говоря, единиц духовного состава личности посредством художественных кодов. Единицы эти наполняют сознание, образуя слабо организованные множества. Не понятно? Чего ж тут не понять? Все так просто...

Сходства между сознаниями личностей, населяющих Землю, нисколько не меньше, чем различий между ними же. Следовательно, каждый интенционал, должен, как правило, присутствовать более чем в одном сознании, и соответственно отразиться более чем в одном поэтическом тексте.

Допустим, что в сознании А. присутствует интенционал N. Интенционал N^1 из сознания Б. (пусть N приблизительно равен N^1) был им (т. е. сознанием Б.) закодирован посредством художественного кода и представлен как означающее N^{1B} в поэтическом тексте α

Сознание А. воспринимает текст α , генерированный сознанием Б., и узнает в означающем N^{1B} свой собственный интенционал N, который оно (сознание А.) считает отражением референта-экстенционала $N^{хрен\ знает\ что}$.

– Ё-моё! – реагирует сознание А. – Экстенционал $N^{хрен\ знает\ что}$! Как талантлив поэт Б., как точно он описал $N^{хрен\ знает\ что}$!

Философ – литературовед С. изо всех сил продолжает свою деятельность. Он сопоставляет поэтические тексты, выявляет в означающих сходные интенционалы, отыскивает в реальности соответствующие экстенционалы и как радуется, когда находит! Пишет, захлебываясь, книги, и уже их никто не читает.

А интенционалы, возникая, исчезая и меняясь в нашем сознании, образуют систему, от которой, как справедливо полагает Анастасия Ермакова, рвало, Миша, твою бедную музу (где она теперь, твоя муза?)...

Прости ёрничество. Мне этот стёб нужен, чтобы кончить текст о тебе.

Больше года прошло как ты, махнув веточкой дыма, ушел в метафизическую бездну... Нет, не стану продолжать в таком духе, просто уже больше года тебя нет.

Собраться и поехать на похороны в Иерусалим почти никто не смог. Были назначены поминки.

Есть одна такая (см. рассуждение философа-литературоведа С.) единица – возвращение.

Я к вам вернусь! – обещает поэт, зная, что обещания не выполнит. – Вернусь издалека, из небытия вернусь, ждите!

Я к вам травую прорасту... – задумался один поэт, – попробую к вам дотянуться...

Другой пророчит:

*Я к вам приду
в коммунистическое далеко
не так,
так песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.*

А вот тут сказано куда более реалистично, даже определен срок явки:

*Запомните поэта предсказанье:
Промчится год и снова с вами я!
Исполнится завет моих мечтаний,
Промчится год и я явлюся к вам,
О сколько слез, и сколько восклицаний,
И сколько чаи, подъятых к небесам!*

Щеглов сообщил мне, в какой день и час мы соберемся у Оли Егудиной, чтобы помянуть Мишу. Меня попросили купить водку, бутылки две-три, минеральную воду, сок (народу будет человек десять-пятнадцать).

Оля живет на углу Фонтанки и улицы Пестеля.

Стол, естественно, был накрыт, и когда мы уселись, включили запись Мишкиного голоса. Слов я не разобрал, но подумал вот об этих стихах:

*Я к вам вернусь
еще бы только свет
стоял всю ночь
и на реке
кричала
в одеждах праздничных
– ну а меня все нет –
какая-нибудь память одичало
и чтоб
к водам старинного причала
сошли друзья моих веселых лет*

Накрытый стол сошел за старинный причал, и за ним, таки да, сидели друзья твоих, Миша, веселых лет. Сейчас прямо живую слышу, как одичало кричит на набережной Фонтанки какая-то Память. Но свет всю ночь не стоял, на такое у твоих постаревших друзей уже не стало энергии.

– Мы потеряли лучшего друга, – начала Оля Егудина, – выпьем в его память...

– Это первая смерть, – поднял рюмку Щеглов, – которую я так остро переживаю. Хоть сколько уже близких людей ушло, родители умерли... Мишка всегда, когда приезжал в Петербург, останавливался у меня, жить с ним бывало невыносимо, но ужасно, что он больше у меня не остановится. Я думал до последнего момента, что он выплывает из своей болезни...

– Такой, – это слова Тани Павловой, – какая я есть, сделал меня Миша, у нас была настоящая дружба, сколько он давал мне читать, сколько говорил...

– Я тоже, как и Ася, потерял отца, – сказал Саша, муж Мишиной дочери, что еще он говорил, не помню, что-то старательно теплое...

Ася, дочь Миши рассказывала о похоронах, покойный был там «вполне узнаваем»...

– Мы с Таней сохраняли архив Генделева, – вспомнил Саша Лавров, – десять лет большая коробка очень мешала в квартире, и вот, наконец, я этот архив передал ему: владей! А он, не распаковывая, отнес его на помойку...

– Я, может быть, одним из первых услышал его стихи... – начал и я свою речь, – в автобусе мы вместе ехали в институт – он тогда учился на первом курсе, а я на втором. Ко мне никакого особенного доверия у него не было, просто очень надо было читать, а я попался под руку, попался бы, скажем ты, Лев, он тебе бы читал.

– Он отличался таким гостеприимством, – так говорил главный режиссер Интерьерного театра Николай Беляк, – когда был я у него в Израиле, он, больной, варил мне утром кофе...

– Как вы думаете, слышит он нас сейчас? – задал кто-то пошлейший вопрос.

– Конечно, нет, – ответил я пошлостью на пошлость. Впрочем, если бы я ответил «да, конечно», это было бы ещё большей пошлостью.

Вот какой вздор говорили мы Мише Генделеву, оторвавшемуся от своей тишины, чтобы на мгновение (черт!) вернуться к нам. Мокрыми от слез (черт... черт!) глазами смотрела на Мишу Белая Память, готовая поцеловать его в горло. Стройной красавицей в нарядных одеждах была эта Память, и на ее тоненькой шейке блестели бусы из смысловых сколов стихов покойного поэта.

Как ее звали? Не знаю. Но должно быть у Памяти и человеческое имя, потому что и Память состарится и умрет...

Отяжелев от водки и еды, я вышел освежиться и в зеркале в прихожей увидел красную и потную рожу чудища с лохматой бородой...

*я к вам вернусь
от тишины оторван
своей
от тишины и забвения
и белой памяти для поцелуя я
подставляю горло:
шепчете мне вздор вы!*

*и лица обратят ко мне друзья
чудовища
из завизжавшей прорвы...*

Миша, Миша! Прорвовидец ты наш... Черт...
Черт... Черт!

Воскресенье, 29 августа 2010 г.

Эдуард Бормашенко

Чехов

בס"ד

В одном из писем Суворину Чехов пишет: «с таким философом, как Нитче, я хотел бы встретиться где-нибудь в вагоне или на пароходе и проговорить с ним целую ночь. Философию его, впрочем, я считаю недолговечной. Она не столь убедительна, сколь бравурна»⁴. О чем бы всю ночь говорили Ницше и Чехов? Наверное, и о том, что бог умер. В разговоре бы выяснилось, что корректный, вежливый Чехов куда как радикальнее своего шумливого собеседника, для Чехова – все боги умерли.

Чехов – наименее устаревший русский классик. У него есть слабые страницы, но нет – устаревших. У Толстого и Достоевского есть, а у Чехова – нет. Дело в том, что мир Толстого и Достоевского сметен, смыт дотла. По улицам не ходят Андрей Болконские, Пьеры Безуховы и генералы Епанчины. В дружеских беседах не разрешают конечные вопросы бытия и не клянутся страшными клятвами. Современной барышне, освоившей премудрость противозачаточных пилюль, трудно взять в толк, отчего бросилась под поезд Анна Каренина. Изменился сам воздух, которым мы дышим, но Чехов дышал уже этим, нашим воздухом. Д.С. Мережковский вспоминал: «я был молод, мне все хотелось поскорее разрешить вопросы о смысле бытия, о Боге, о вечности. И я предлагал их Чехову как учителю жизни. А он сводил на анекдоты да на шутки.

⁴ Чехов А.П. Собр. Соч., в 12. т., М. Худ. Лит. 1964, Т. 12, стр. 69 (письмо Суворину А. С. от 25 февраля 1895 г.).

Говорю ему, бывало, о слезинке "замученного ребенка", которой нельзя простить, а он вдруг обернется ко мне, посмотрит на меня своими ясными, не насмешливыми, но немного холодными, "докторскими" глазами и промолвит: "А, кстати, голубчик, что я вам хотел сказать: как будете в Москве, ступайте-ка к Тестову, закажите селянку, – превосходно готовят – да не забудьте, что к ней большая водка нужна". Мне было досадно, почти обидно: я ему о вечности, а он мне о селянке (М. Алданов, очерк «Д.С. Мережковский»).

Наш мир – чеховский, всякая пафосная, ходульная фраза режет слух, всякое повышение интонации должно быть немедленно погашено иронией. Никакое дело не вдохновляет до самозабвения. Другого неба нет, а то, что над головой не радуется.

Виктор Гюго – старший современник Чехова. Они пересеклись во времени. Перечтем сцену смерти Жана Вальжана в «Отверженных»: «Жан Вальжан слабел с каждой минутой... Отблеск нездешнего мира уже мерцал в его глазах. Улыбающееся его лицо бледнело все больше. В нем замерла жизнь, но засветилось нечто другое. Дыхание все слабело, взгляд становился все глубже. Это был мертвец, за спиной которого угадывались крылья». Эдакое у Чехова и представить себе невозможно, какие там крылья, умрешь, «лопух вырастет».

Не хочется перечитывать и многих кандидатов в классики, писавших значительно позже Чехова (загляните в Анатоля Франса или Ромен Роллана), а Чехов – наш. Герои Чехова мечтают не о служении, оправдывающем пребывание на земле, а об интересной жизни, – разница огромная. Какое уж служение – с иронией.

С приходом проекта просвещения стало трудно верить, как верили предки. Но есть потребность в вере. Толстого не устраивал бог официозного православия, и он заместил его добрыми делами и опрощением. Для огромного же большинства богом стала наука. Чехов был слишком умен и для веры в спасительность вегетарианства и тачания сапог и для веры в науку. Ученые у Чехова – разные.

Профессор Серебряков в «Дяде Ване» – несимпатичен. Как справедливо заметил М. Хейфец в своем очерке о Чехове («22», 159) – это торгаш от науки. В науку профессора Серебрякова верить трудно. Но М. Хейфец несколько упростил свою задачу. Герой «Скучной Истории», Николай Степанович, – настоящий ученый, талантливый, работающий и отнюдь не напыщенный своим профессорством. О своей науке он говорит, как может говорить лишь влюбленный: «Мне отлично известно, что проживу я еще не больше полугодика; казалось бы, теперь меня должны бы больше всего занимать вопросы о загробных потемках и о тех видениях, которые посетят мой могильный сон. Но почему-то душа моя не хочет знать этих вопросов, хотя ум и сознает их важность. Как двадцать-тридцать лет назад, так и теперь перед смертью меня интересует одна только наука. Испуская последний вздох, я буду верить, что наука – самое важное, самое прекрасное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви...»

Студентом – я застал таких профессоров (кажется, их плотность становится все жиже, но речь не об этом). В их науку можно было влюбиться, ибо в ней верховодили страсть к истине и воля к честному мышлению. Но вот Николай Степанович, подводит итог: «В моем пристрастии к науке, в моем желании жить... и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках <...> даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего». Николаю Степановичу остается позавидовать тем ученым, которые успели умереть до того, как их посетили подобные мысли. Нет, наука для Чехова определено – не бог.

В письме Дягилеву, в ответ на предложение стать редактором Мира Искусств, Чехов пишет: «...как бы это я ужился под одной крышей с Д.С. Мережковским, который верует определенно, верует учительски, в то время как я

давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего». Веровать интеллигенту трудно, пытаясь верить, он чувствует себя ряженым. Интеллигентный верующий – оксюморон. Вера – и дар и усилие, и то и другое редко, и сегодняшний интеллигент, иногда, Николай Степанович из «Скучной Истории», чаще – профессор Серебряков. «Зачем уж так презирать его? Он не гангстер, не половой психопат, он хотел жить, любил женщину, по-своему, в меру своих сил, и годами без устали, занимался одним – писал, писал, писал. Тем же, чем занимался я. Но нельзя же корить людей тем, что они не Львы Толстые, не Спенсеры» (Ю. Трифонов, «Предварительные итоги»).

Индустриальная революция породила миллионы не пахущих и не сеющих, но стучащих по клавишам компьютера. А они не Чеховы и не Эйнштейны. А им необходимо жить и чувствовать хоть каплю самоуважения. Чехов и Трифонов оставляют нам утешаться тем, что мы не сексуальные извращенцы и не бандиты. В сухом остатке – не густо. Толстовская «Смерть Ивана Ильича» – одна из самых страшных читанных мною книг. Ужасен итог обычной жизни обычного человека, не гангстера и не полового психопата. Но Толстой оставляет и Ивану Ильичу и читателю шанс, надежду на свет, которой тысячелетиями жило человечество. Алданов полагал, что эта надежда стоит всех благ цивилизации, надежду отнявшей. Чехов бы с этим не согласился.

В письме Суворину Чехов пишет: «расчетливость и справедливость говорят, мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса. Война и суд зло, но из этого не следует, что я должен ходить в лаптях и спать на печи с работником и его женой». А, что «всех ожидает одна ночь», так Чехов перед смертью попросил принести себе шампанского.

Побывав недавно в Индии, я подумал, что возразить Чехову непросто. С вегетарианством в Индии полный порядок, и можно предположить, что бесконечно древняя культура Индии – глубока. Но мириады рахитичных детей, копошащиеся в пыли среди консервных банок и картонок

Бомбея, подталкивают к мысли о том, что в электричестве и паре добра – не на ломаный грош. Не думаю, впрочем, что Чехова порадовал бы и нынешний Запад, утративший вместе с верой и представлением о грехе, стыде, чести и совести. Не порадовал, но и не удивил бы. Бунин, как-то записал о Чеховских рассказах: «везде у него мерзость и ужас». Но, если везде, так не все ли равно: с электричеством и паром, или без?

М. Мамардашвили принадлежит следующая близкая мне мысль: надо чтобы чистые, умытые, сытые дети ходили в школу, надо, чтобы из крана текла чистая вода, но все это не имеет никакого отношения к духовной жизни человека, эта жизнь, пролегает в иной плоскости. Чехов, впрочем, к подобным мысленным конструкциям был вполне равнодушен (холоден был к «концепциям»), и скорее всего, услышав подобное, отправил бы к Тестову за селянкой и водкой.

Чеховская проза донельзя проста. У Чехова не встретишь ни Толстовских вязанок вложенных предложений, ни задыхающихся, лихорадочных тирад Достоевского. И какая поразительная выразительная сила при минимуме средств и литературного шоколада. Чехов пишет для нас, для нашего клипового мышления, когда проблемы разрешаются «кликом» мышки. У кого же найдутся силы дочитывать до конца бесконечно ветвящиеся фразы Толстого? Современный читатель не привык надолго задумываться. Да и сам формат чеховских рассказов для нас. Право, нет ни терпения, ни времени разбираться в том, кто чей родственник в семейных сагах. Писать же «под Чехова» – невозможно, его единственный литературный наследник, пожалуй, Трифионов.

«Дайте себе свободы».

А.П. Чехов, письмо от 20 октября 1988 г.

Ю. Нагибин, сталкивая Чехова и Бунина, напишет: «Иван Алексеевич Бунин любил лишь самого себя, а Чехов любил людей». Так ли? Чехова *интересовали* люди, это верно. Но от интереса до любви – путь не близкий. Старый

однокашник Чехова «Сергеенко замечал, что хотя у Чехова было много друзей, сам он не был другом никому и ни к кому не был привязан до самозабвения» (Анри Труайя, «Антон Чехов»). Ближе к истине, кажется, Алданов: «особой любви к людям у него не было. Он мало кого любил, да и когда любил, то без горячности». Судя по письмам, любил свою нелепую семью, впрочем, и деспота-отца и даровитых братьев-алкашей видел насквозь.

Но изумительной свободой творчества Чехов обязан именно вот этой любви без горячности. Ничто так не связывает, не лишает свободы, как любовь. Никакая тирания не могла бы существовать без любви. Одна из участниц парадов физкультурников на Красной Площади в 1930 годы, рассказывает, что поймав на себе взгляд Сталина, испытала оргазм.

Толстой любил выдуманных им мужиков; перечитывать «мужицкие» страницы Толстого, невозможно, а чеховских чудовищных «Мужиков» будут читать долго. Захворавший лакей с женой и дочерью Сашей возвращается в родную деревню, входит в избу: «На печи сидела девочка лет восьми, белоголовая, немытая, равнодушная; она даже не взглянула на вошедших. Внизу терлась о рогач белая кошка.

– Кис, кис! – поманила ее Саша. – Кис!

– Она у нас не слышит, – сказала девочка. – Оглохла.

–Отчего?

–Так. Побили».

Несколько абзацев, и вам все ясно. Здесь – весь Чехов. Но так писать о тех, кого любишь, трудно.

К женщинам (да простят меня феминистки) Чехов всерьез не относился. Писал им охотно шуточные письма, но шуточность тона такова, что более уместна в общении со слабоумными. На физическую сторону любви взгляд имел вполне докторский, и, по-видимому, легко согласился бы с Марком Аврелием, полагавшим последнюю «трением органов с выделением слизи». Любовь для Чехова тоже – не бог.

При отсутствии горячей любви к людям, жизнь любил. Бунин, прочитав у одного из критиков, что Чехова «мучила участь человека», заметил: «Преувеличение ужасное... Любил завтраки, обеды, ужины, колбасу Белова». С годами ушло и жизнелюбие, за двенадцать лет до кончины написал: «жить не особенно хочется. Умирать не хочется, но и жить, как будто, надоело».

Как говорил Марк Алданов нет двух мнений относительно красоты морального облика Чехова. Вдумаемся, Чехов умер 44 лет отроду, а жизнь его вместила (помимо прозы и драматургии): тысячи принятых больных (зачастую бесплатно), поездку на Сахалин, обустройство школ и Таганрогской библиотеки, спасение журнала «Хирургия» и бесконечные усилия по выправлению текстов своих бесталанных коллег-писателей. «Русские письма часто заканчивались словами: «готовый к услугам» – такой-то. У Чехова эта «готовность к услугам» была гораздо больше, чем условной формой вежливости; он оказывал услуги всем, кому мог; чаще всего писателям, так как жил преимущественно в их кругу <...> любил их никак не больше чем других людей, скорее даже меньше. Начинающим авторам давал советы, внимательно читал их рукописи, тратил на это много времени <...> так же относился и к писателям, заведомо безнадежным в литературном отношении» (М. Алданов, «О Чехове»).

Чехов – светский святой, редчайшая человеческая порода, к которой принадлежали Корчак, Сахаров. Мировые религии, озабоченные своими проблемами, проглядели феномен светской святости. Что давало силы светским святым? Их трудно подвести под общий знаменатель. Чехов – воплощенные интеллигентность и джентльменство, Чехов был, что называется, *perfect gentleman*.

Определить интеллигентность непросто. Главное в ней, пожалуй, умение не обременять собой окружающих, делать их жизнь переносимой. За несколько минут до смерти «увидев врача, Антон Павлович приподнялся, сел на

подушках и, повинувшись свойственному ему рефлексу вежливости, заговорил по-немецки (вообще он языка почти не знал). «Ich sterbe...», «я умираю» – спокойно и серьезно сказал он доктору. Тот сразу же сделал пациенту укол камфары, дал кислород. Потом, поскольку принятые меры не помогли, распорядился послать за новым кислородным баллоном. Чехов тихо запротестовал: «Не надо уже больше. Прежде, чем его принесут, я буду мертв» (Анри Труайя, «Антон Чехов»). Невероятно, умирающий обеспокоен тем, чтобы не гонять прислугу, и тем, чтобы доктор, не разумеющий по-русски, не чувствовал неловкости. Как умирал Чехов, так и жил.

Чеховская интеллигентность и джентльменство – высокой и редкой пробы, ибо – самодостаточны, не нуждаясь ни в каких внешних подпорках. Это качества воспитавшего себя человека (вот уж, кому они достались не от предков). Беда, однако, в том, что джентльменство плохо прививается на русской почве (органично оно, кажется, только у себя на родине, в Англии), а интеллигентность не наследуется. Клонировать Чеховых не удастся.

Не только писать, но и жить «под Чехова» – невозможно. Людьюми легче всего усваиваются внешние формы, антураж религии ли, интеллигентности ли. Несложно обзавестись чеховской бородкой и мягкими манерами, немислимо трудно изменить строй души так, чтобы, не теша себя иллюзиями насчет окружающих, оставаться «готовым к услугам».

Прочитав Толстовское «Воскресение», Чехов заметит: «Все, кроме отношений Нехлюдова к Катюше, довольно неясных и сочиненных, все поразило меня в этом романе силой и богатством, и широтой, и неискренностью, человека, который боится смерти и не хочет сознаться в этом и цепляется за тексты из Священного Писания» (Письмо от 15 февраля 1900 г.). Это пишет смертельно больной, кашляющий кровью человек, знающий, что дни его сочтены. Алданов полагал, что в своем отношении к смерти люди делятся на «не боящихся» и «завороженных». Чехов

был из «не боящихся», для них и писал, Толстой – для «завороженных».

Круг мыслей Чехова о смерти примерно совпадал с кругом мыслей героя «Скучной Истории», здесь Чехов явно говорит «от себя». В разговорах с Сувориным бывал и более резок: «если после смерти уничтожается индивидуальность, то жизни нет. Я не могу утешиться тем, что сольюсь сдохлыми мухами в мировой жизни, которая имеет цель... Отнесут тебя на кладбище, возвратятся домой и станут чай пить и говорить лицемерные речи. Очень противно об этом думать» (Цит. по Анри Труайя, «Антон Чехов»).

«Загробные потемки и видения, которые посетят его могильный сон» Чехова определенно не интересовали. Но кое-что из того, что произойдет после смерти, очень интересовало. За год до смерти Чехов скажет Бунину: «Знаете, сколько лет еще будут читать меня? Семь». «Почему семь?»... «Ну, семь с половиной». Чехова, человека вовсе не суетного, заботила посмертная судьба его произведений. Но такой бескомпромиссно честный человек, как Чехов, мог бы и признаться себе в том, что голая суть всякого творчества – заклинание бессмертия

Исанна Лихтенштейн

Антон Павлович Чехов

Пациент. Врач. Писатель

то лет с небольшим прошло со дня смерти Чехова, но с каждым годом он становится ближе, привлекая разными гранями таланта врача, писателя, человека. Многогранность личности Антона Павловича, обусловленная его редкой, разносторонней одаренностью, успехами в разных областях знаний, особым видением жизни, людей, событий, не перестает привлекать внимание специалистов разного профиля. Чехова не уместить в прокрустово ложе одной профессии, даже писательства, в котором он достиг вершин мировой культуры.

Врач по образованию и мироощущению, он интересен и этой ипостасью таланта и особенностью личности.

Антон Павлович близок нам не как давно живший, почти потусторонний гений, а как близкий и родной человек, только что прошедший по улице где-то здесь, рядом.

Между тем он, внук крепостного, родился за год до отмены крепостного права. Отец и дед, крепостные села Ольховатка Воронежской губернии принадлежали помещику Черткову, отцу В.Г. Черткова, ближайшего друга и последователя Л.Н. Толстого, а впоследствии и партнера Антона Павловича по издательским делам. И если бы не Егор Михайлович Чехов (дед), сумевший скопить 3,5 тысячи рублей и выкупить семью, родиться бы и Антону Павловичу крепостным.

Все знавшие Чехова подчеркивают его особую тактичность, терпимость к любому собеседнику, интеллигентность. Это тем более важно, что по характеру

Антон Павлович отличался вспыльчивостью и нетерпеливостью. Как он писал, «я по капле выдавливал из себя раба». Мне представляется, что дух крепостного семейного прошлого витал в рассказах и воспоминаниях семьи.

Антон Павлович утверждал, что способности в семье от отца, а сердце – от матери. Его жизнь, творчество, врачебная работа, общественная деятельность многократно исследовалось и описывалось в литературе. Но поиск нового неизвестного продолжается, что обусловлено масштабом этой незаурядной личности.

Бедой и трагедией жизни писателя явилась тяжелая болезнь (туберкулез), вокруг чего продолжают споры, связанные как с качеством лечения, так и с отношением к ней самого больного, близких, врачей, жены.

Первые признаки заболевания проявились, предполагают, еще в гимназии, что выразилось в перенесенном перитоните (воспалении брюшины). В 1874 году Антон Павлович гостил в семье гимназического товарища Селиванова. После купания в холодной воде тяжело заболел и испуганный приятель отвез его к трактирщику Моисею Моисеевичу, который всю ночь ставил горчичники и компрессы, а жена выхаживала больного несколько дней, чтобы он мог добраться домой. В Таганроге Чехова лечил школьный врач Шремпф, выпускник Дерптского (Тартусского) университета.

Чем точно болел в то время Антон Павлович трудно определить: в диагноз перитонит входила группа воспалительных заболеваний разной этиологии. Несомненно, однако, что заболевание не прошло бесследно, оставив тревожный след в душе юноши и, как считает Рейфилд (2005), общение с умным добрым доктором повлияло на выбор специальности молодым гимназистом. Важно подчеркнуть, что с этого времени участились у Антона Павловича простудные заболевания.

Потому ли или по другому стечению обстоятельств, но выбор профессии молодым Чеховым определился, возможно, не только по призванию, но и в силу необходимости заработка. К этому времени практически вся

семья материально в определенной мере зависела от Антона Павловича. Впрочем, правильность выбора профессии им никогда не оспаривалась.

В 1879 году Чехов поступил на медицинский факультет Московского университета. Учился охотно, особенно интересовался лабораторными исследованиями, экспериментом. «Медицина моя идет «crescendo», – писал студент-медик Антон Павлович брату 3-6 февраля 1883 года. – Умею врачевать и не верю себе, что умею». В этой фразе звучит несомненная радость и гордость обретаемой профессией.

В целом студенческие годы, проведенные в Москве, молодой Чехов вспоминал с удовольствием: частые веселые встречи с друзьями в гостеприимной родной семье, пирушки с шампанским, катания на лошадях, посещения театральных спектаклей и литературных салонов, в которых ему – красивому, остроумному, талантливому всегда были рады.

Чехов усердно слушал лекции выдающихся клиницистов Г.А. Захарьина, которого считал в медицине сопоставимым по уровню с Львом Толстым в литературе, а любимого им С.П. Боткина – с Тургеневым.

Еще в студенческие годы он был очень загружен не только учебой, но и начавшимся литературным трудом. Поначалу был репортером, автором фельетонов, много писал.

В эти годы Антон Павлович увлекся подругой сестры Маши Евдокией Эфрос, еврейкой, и сделал ей предложение. Брак не состоялся, но дружеские отношения с ней и впоследствии с ее мужем не прерывались до самой смерти писателя. Небезынтересно, что с тех пор до встречи с Книппер Чехов никому предложения не делал.

Многие исследователи жизни и творчества писателя отмечают тревожное отношение Чехова к женитьбе. Он влюблялся, общался с женщинами, но активно избегал решительного шага. По-видимому, боязнь потери свободы тревожила его. Об этом пишет и Маргарита Одесская (2007), рассматривая особенности Чеховского поведения как признак психопатии.

Он много работал, но не только поэтому в его письмах начинают проскальзывать жалобы на слабость, утомляемость. Уже 10 декабря 1884 года в письме Н.А. Лейкину сообщает: «...У меня ни к селу, ни к городу идет кровь горлом. Три дня я не видал белого плевка, а когда помогут мне медикаменты, которыми пичкают меня коллеги, сказать не могу. Общее состояние удовлетворительное. Причина сидит, вероятно, в лопнувшем сосудике». 17 декабря того же года в письме П.А. Сергеевко сообщает о кровохарканье, подчеркивая: «не чахоточное». Речь идет о сильном кровотечении, начавшемся в здании окружного суда и продолжавшемся 3-4 дня, что «произвело немалый переполох в моей душе. Оно было обильно. Кровь текла из правого легкого. В крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве».

С тех пор, по словам Антона Павловича, «кашляет каждую зиму, осень и весну и в каждый сырой летний день, но тревожится только при появлении крови». Продолжая рассказ о первом серьезном кровохарканье (декабрь 1884), уже 2 января 1885 года в письме Е.И. Савельевой отмечает, что прошедшее нездоровье напугало, «но в то же время (бывают же такие фокусы) доставило мне немало хороших, почти счастливых минут». Он упоминает о дружеском участии многих друзей и знакомых. Эта особенность Чехова – не углублять негативное впечатление от грустных сообщений, перемежая их чем-то приятным, сохраняется на протяжении всей жизни писателя, составляя его человеческую сущность.

Окончив в 1884 году медицинский факультет университета, Чехов, увлеченный врачебным делом, продолжает посещать интересующие его лекции. И вновь сетования на слабость и утомление: «Вот уже целая неделя, как я чувствую во всем теле ломоту и слабость, сейчас ходил слушать лекцию Г.А. Захарьина (о сифилисе сердца), простоял не более 1,5 часа, а утомился, точно сходил в Киев пешком» (1887)⁵. На протяжении первых лет болезни Чехов продолжает в общении с друзьями упорно отрицать наличие

⁵ Захарьин Г.А. (1829-1897) профессор факультетской клиники Московского университета.

у себя туберкулеза, приписывая недомогание простудным заболеваниям. Наряду с этим, будучи мыслящим врачом («я не такой плохой врач, как вы думаете»), прошедшим серьезный курс на медицинском факультете, изучив, наконец, среди прочего и туберкулез, он не мог отрицать грустные факты. (Хижняков 1947, Меве 1989). Так, в письме брату Александру Павловичу по-врачебному, коротко и четко характеризует состояние болеющего Николая Павловича: «у него хронический легочный процесс – болезнь, не поддающаяся излечению. Бывают при этой болезни временные улучшения *in situ*, и вопрос должен ставиться так: как долго будет продолжаться процесс? Но не так: когда выздоровеет?» (1899).

Как вдумчивый врач, он хорошо знал отрицательное влияние на здоровье излишней мнительности и придавал большое значение роли нервной системы в развитии заболевания, что подтверждал в позднейших воспоминаниях о нем, в частности, и коллега по работе в земстве доктор – психиатр П.А. Архангельский.

Следовательно, несерьезно было бы полагать, что Антон Павлович заблуждался по поводу своего заболевания. Другое дело, что такое поведение является типично врачебным. (Шубин 1977, Мирский 2003).

Самые запущенные случаи различных заболеваний встречаются именно у врачей, которые не хотят знать очевидную правду, просто закрывают на нее глаза. «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад» – цитата из стихотворения Пушкина как нельзя лучше отражает суть дела.

Врачу и просто внимательному собеседнику известны люди, стремящиеся сделать свои недомогания предметом широко известным и обсуждаемым. Но есть и другие, старающиеся избегать пространных обсуждений своих болезней, демонстрируя несуществующее здоровье.

Человек в достаточной степени закрытый, тактичный, Антон Павлович не злоупотреблял сообщениями о своем недуге.

Время шло. Несмотря на плохое самочувствие, периодически возникавшее кровохарканье, Чехов

предпринимает крайне тяжелое путешествие на остров Сахалин. Трудно сказать, что послужило причиной поездки: пережитый душевный кризис, «охота к перемене мест»? Скорее всего, активная общественная позиция. Сам Антон Павлович писал, что едет для того, «чтобы пожить полгода не так, как я жил до сих пор» (1890).

Изнурительная поездка, скверные дороги, непривычная еда, grimасы климата – все это негативно сказалось на здоровье писателя. То и дело в письмах упоминается о кровохарканье, кашле, слабости.

Между тем посещение каторжного острова произвело на Чехова неизгладимое впечатление как на врача, и как на писателя. Он один, без помощников, выполнил огромную статистическую и исследовательскую работу, провел перепись населения, оказывал врачебную помощь, увидел и узнал то, что практически было скрыто от российской публики за семью печатями. Результатом поездки явилась книга «Остров Сахалин».

Прожив несколько месяцев в Москве после возвращения с Сахалина, неожиданно для родных и близких Антон Павлович вновь уезжает, на сей раз в Европу. Он переезжает с места на место, намеревается съездить в Африку, а в письмах продолжают периодически звучать жалобы на «простуду», кашель, слабость, что стало, к сожалению, привычным.

В 1891 году в письме А.С. Суворину появляется необычная фраза: «Я продолжаю <...> кашлять и уже начинаю подумывать, что мое здоровье не вернется к прежнему своему состоянию. Лечение и заботы о своем физическом существовании внушают мне что-то близкое к отвращению. Лечиться я не буду. Воды и хину принимать буду, но выслушивать себя не позволю».

Бесспорно, Антон Павлович боялся услышать то, что ему уже давно как врачу было ясно, отсюда нежелание врачебного обследования.

В письме А.И. Смагину 16 декабря 1891 года изложено понимание происходящего с ним: «Если я в этом году не переберусь в провинцию <...>, то я по отношению к своему здоровью разыграю большого злодея. Мне кажется,

что я разохся, как старый шкаф. <...> Уехать из Москвы мне НЕОБХОДИМО».

В этот период он подыскивает жилье вне столицы, что обусловлено в первую очередь болезнью, а не материальными причинами, что тоже имело место. Вместе с тем продолжается многолетняя «игра в прятки», сообщения о «простудах», незначительных недомоганиях и проч. В одном из писем А.С. Суворину (1892) Чехов, сообщая об уменьшении кашля после очередного обострения, пишет: «...Ложусь спать без мрачных мыслей». А в октябре 1893 года пишет брату Михаилу: «...Маленько покашливаю, но до чахотки еще далеко». Это также недвусмысленно подтверждает, что писатель не заблуждался относительно своего состояния.

21 марта 1897 года Чехов вместе с Сувориным обедал в московском ресторане «Эрмитаж». Вдруг у него хлынула горлом кровь, и, несмотря на все усилия вызванного доктора, ее удалось остановить лишь под утро. Доктор утешал, что кровотечение не легочное. После его ухода Чехов сказал Суворину: «Для успокоения больных мы всегда говорим во время кашля, что он желудочный. Но желудочного кашля не бывает, а кровотечение непременно из легких. У меня кровь идет из правого легкого, как у брата».

Через день кровотечение повторилось, и Чехов послал записку приятелю, доктору Оболенскому: «Идет кровь. Больш. моск. гост. № 5. Чехов». Оболенский настаивал на госпитализации. Но только после повторного кровотечения Антон Павлович согласился обратиться к специалистам и впервые прошел серьезное обследование в известной московской клинике своего учителя профессора Остроумова⁶. Там он провел 15 дней, из которых 10 сопровождалось кровохарканьем.

Есть история болезни Чехова, которую заполнил в клинике лечащий врач писателя Максим Маслов⁷. Приводим выдержки из нее: «...У пациента истощенный

⁶ Остроумов А.А. (1845-1908) – профессор госпитальной клиники Московского университета

⁷ Маслов Максим – лечащий врач Чехова в клинике Остроумова.

вид, тонкие кости, длинная, узкая и плоская грудь (окружность равна 90 сант.), вес немного более трех с половиной пудов при росте 186 см... Испытывает огромную наклонность к зябкости, потливости и плохому сну. Количество красных кровяных телец уменьшено вдвое по сравнению со здоровым человеком... Влажные и булькающие хрипы прослушиваются с обеих сторон – как над ключицами, так и под последними, а также слышны остро и громко над углом левой лопатки, над правой – глухота... Из-за болей в груди назначены влажные компрессы, натирания, смазывания йодной тинктурой, внутрь – кодеин, морфий. При сильных потах – атропин. Лед на грудь прописан три раза в сутки по одному часу каждый раз, но А. Ансеров (ассистент клиники – И.Л.) назначил дополнительно лед ночью, что воспринято больным хорошо и одобрительно. Замечено, что кровотечение из легкого прекратилось через полчаса после проглатывания пяти-восьми кусочков льда... На десятый день розовая мокрота еще продолжается... Ну вот, мокрота чиста, и больной настаивает на выписке домой для срочной работы на литературном поприще, но бациллы доктора Коха еще присутствуют в мокроте в изрядном количестве... В весе больной не увеличился ни на полфунта, но на 5 % увеличилось количество гемоглобина и на 30 000 число красных кровяных телец. Вообще, больной окреп заметно. Диагноз подтвердился».

Приведенные описания осмотра пациента при всей их архаичности с несомненной достоверностью указывают на серьезное поражение обоих легких, а бациллы Коха – на открытую форму туберкулеза.

Во время пребывания в клинике Антон Павлович интересовался результатами анализов, беседовал с врачами. Несмотря на строгий режим, доктора разрешили посещать Антона Павловича, чтобы не углубить его нравственные страдания.

В больнице Чехова навестил Л.Н. Толстой, чем доставил больному радость общения, хотя, по его словам, это была не беседа, а монолог. Был у Чехова и Суворин, неожиданно сказавший о начавшемся ледоходе. Антон

Павлович изменился в лице, объяснив страх больных чахоткой перед ледоходом как предвестнике их скорой смерти. Еще за четыре года до описываемых событий в письме тому же Суворину Чехов написал: «Да, я умен, по крайней мере, настолько, чтобы не скрывать от себя своей болезни и не лгать себе... Я не брошусь, как Гаршин, в пролет лестницы, но и не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее» (1893).

С 1890 годов по совету врачей Чехов на зиму уезжал на юг – чаще всего в Ялту или за границу.

В жизни писателя многое изменилось. Пришлось постепенно, но неуклонно менять стереотипы, отказываться от привычного образа жизни, оставлять родных и друзей, полюбившуюся Москву с ее театрами и музеями. Резко затруднилось общение с редакциями, необходимое для публикаций, и многое другое. Но как врач он понимал необходимость перемен.

Пришлось продать Мелихово, где прошли годы успешной врачебной и литературной деятельности Чехова, где жила вся дружная семья писателя, где не раз бывали столь близкие ему Исаак Левитан, Лика Мизинова, Татьяна Щепкина-Куперник... трудно и незачем перечислять многочисленных и всегда желанных гостей Мелихова.

Некоторое время Чехов, приезжая в Ялту, жил на разных съемных квартирах или в гостиничных номерах. Известно, что несколько месяцев он снимал квартиру у генеральши, как ее называли, Иловойской. Она активно занималась гомеопатией и сокрушалась нежеланием Чехова следовать ее советам. Между тем по гомеопатическим понятиям туберкулиновые миазмы (по Ганеманну) вызывают у наделенных ими людей, чаще больных туберкулезом легких, душевное беспокойство и постоянную потребность в разъездах. О влиянии туберкулезной интоксикации на психику больного пишут и психиатры. Так или иначе, Антон Павлович действительно был непоседой. И с этой точки зрения ялтинские зимы угнетали писателя.

Зимой в Ялте жизнь замирала, хотя в конце 1890 годов и позднее нередко там бывали Куприн, Бунин, Горький, литератор и врач Сергей Елпатьевский, лечивший

не только Чехова, но позднее...Ленина. На Гаспре несколько месяцев в связи с воспалением легких жил и лечился Лев Толстой. Общение с этими людьми скрашивало одиночество Антона Павловича, но не могло заменить ему полноценную московскую жизнь. В его письмах наряду с сообщениями о «простудах», «плевритах» звучат обремененные в шутливую оболочку жалобы на тоску и одиночество.

Еще 10.02.1900 писал О.Л. Книппер: «Я оторван от почвы, не живу полной жизнью, не пью, хотя люблю выпить, я люблю шум и не слышу его, одним словом, я переживаю теперь состояние пересаженного дерева, которое находится в колебании: приняться ему или начать сохнуть?»

Зиму 1898 года Чехов провел в Ялте. В это время приятель Антона Павловича доктор Орлов познакомил писателя с доктором Исааком Наумовичем Альтшуллером. Он также болел туберкулезом легких, хоть и пережил Чехова на 44 года. Не имея собственного жилья, Чехов и Альтшуллер какое-то время жили вместе, до приезда семьи Исаака Наумовича. Они много бродили, разговаривали на разные темы, встречались с ялтинцами.

Дружба этих коллег «по болезни и профессии» отличалась теплотой, искренними, добрыми, уважительными отношениями и продолжалась до последнего дня жизни Антона Павловича. Письма Чехова Альтшуллеру приходили даже, из ставшего печально известным, Баденвейлера. Исаак Наумович написал прекрасные воспоминания о Чехове – человеке, пациенте, творце. Под влиянием Антона Павловича он также принял решение о переезде в Ялту. Альтшуллер со временем открыл в Ялте широкодоступный санаторий для туберкулезных больных, в чем ему весьма активно помогал Чехов, причем не только советами, но и деньгами.

Когда-то давно я слышала от своей тети Эсфирь Петровны Слободянской восторженные рассказы об Исааке Наумовиче, в санатории которого она лечилась в 1917-1919 годах. Когда в отрезанный фронтами Крым невозможно было передавать деньги на лечение, он продолжал лечить (и вылечил) ее бесплатно. А, собравшись в эмиграцию, убегая от большевиков, среди других знакомых предлагал и ей

присоединиться к ним и уехать из обьятаой войной страны. Мне кажется, что теперь я целенаправленнее задавала бы тете вопросы, а при ее замечательной памяти, несомненно, получила бы интересные ответы...

Описывая Антона Павловича, Альтшуллер подчеркивает, что в те поры, несмотря на частый кашель и заметную врачу одышку, особенно при подъемах, он все же выглядел не старше своих 38 лет. Впрочем, был худым, не поправлялся, что при очень высоком росте (186 см) бросалось в глаза.

В эти годы Чехов еще активно избегал разговоров о своей болезни, на предложение Альтшуллера и доктора Елпатьевского: «Давайте послушаемся» – отвечал: «Лучше пройдемся». Уже тогда он выработал степенную походку, что позволяло на первом этапе скрывать одышку. Он медленно говорил, пытаясь сдерживать кашель, а когда это не удавалось, сплевывал мокроту в бумажный конвертик, складывал и немедленно выбрасывал.

В конце ноября 1898 года Антон Павлович впервые обратился к Альтшуллеру в качестве больного. Вот как Альтшуллер рассказывает об этом: «Рано утром мне принесли от него [Чехова – И.Л.] записку, в которой он просил зайти, захватив с собой «стетоскопчик и ларингоскопчик», так как у него кровохарканье – и я действительно застал его с порядочным кровотечением. Ларингоскоп тут был ни при чем, потому что не могло быть никакого сомнения, что это настоящее легочное кровотечение. Я при первом исследовании уже нашел распространенное поражение в обоих легких, особенно в правом, с несколькими кавернами, следы плевритов, значительно ослабленную, перерожденную сердечную мышцу и отвратительный кишечник, мешавший поддерживать должное питание. Мои тогдашние попытки убедить Чехова в необходимости серьезно лечиться не привели ни к чему. Он упорно заявлял, что лечиться, заботиться о здоровье – внушает ему отвращение. И ничто не должно было напоминать о болезни, и никто не должен был ее замечать». Но все же К.С. Бранцевичу 2 января 1899 года пишет: «...Вероятно, все будущие зимы, если буду

жив, придется проводить здесь». Обращают на себя внимание грустные слова, «если буду жив».

Не могу не напомнить, что еще в 1897 году в разговоре с Сувориным, врач Чехов высказал предположение о процессе в правом легком (см. выше).

Как ни стремился Антон Павлович скрывать от себя и родных правду о здоровье или, вернее, не касаться этой темы, то и дело в письмах, чаще менее близким корреспондентам, вновь и вновь напоминает о себе вполне оправданная тревога.

В 1900 году Чехов заключает с издателем Марксом долгосрочный договор о выпуске собрания сочинений, который многим казался финансово неудачным. В письме брату Михаилу от 25 января 1900 года следует объяснение поспешного договора: «...У меня был туберкулез, я должен был подумать о том, чтобы не свалить на наследников своих сочинений в виде беспорядочной обесцененной массы». Еще одно свидетельство трудных дум больного человека, да еще и врача.

Как справедливо в этой связи писал М. Горький, врачу болеть еще тяжелее, так как он знает больше. В подтверждение мысли Горького приведу отрывок из воспоминаний видного историка, юриста, социолога М.М. Ковалевского, встречавшегося с Чеховым в Ницце в январе 1901 года, когда писатель из-за очередного обострения болезни покинул Москву, с грустью простившись с женой. Ночь с 30 на 31 января они провели в поезде по дороге в Рим. Не спалось. «Мне трудно, – сказал он [Чехов], – задаться мыслью о какой-нибудь продолжительной работе. Как врач, я знаю, что жизнь моя будет коротка».

По утверждению д-ра Альтшуллера, время с осени 1898-го до начала 1901 года было для Чехова, несмотря на нездоровье очень насыщенным и наполненным радостными событиями, скрашивавшими жизнь в «теплой Сибири». В эти годы достигла расцвета его писательская слава, он стал членом Академии наук, состоялись успешные драматургические дебюты, забывалась неудача первой постановки «Чайки» в Александринском театре в

Петербурге, началась дружба и сотрудничество с Московским Художественным театром и с «несравненной актрисой» О.Л. Книппер.

В апреле 1900 года Художественный театр привез в Ялту, специально чтобы показать больному Чехову, ряд спектаклей, в том числе и постановки его пьес. Гастроли начинались в Севастополе и Антон Павлович, несмотря на плохое самочувствие, присутствовал на открытии сезона. К сожалению, из-за ухудшения состояния пришлось вернуться в Ялту. Легко можно себе представить тяжесть испытанной им травмы. Он был влюблен, решались судьбоносные творческие и личные проблемы...

Через несколько дней труппа прибыла в Ялту. Актеры выступали на сцене уютного местного театра, на годы сохранившего ауру того прекрасного лета. И еще не совсем выздоровевший Антон Павлович с радостью окунулся в спектакли, дружеские встречи, веселые застолья. И только изредка ненадолго покидал гостей, уединяясь для отдыха в кабинете. На две недели дом в Аутке превратился в филиал Художественного театра, не будет преувеличением сказать, что и в центр культурной жизни России.

Прошумели дни радости и счастья – и вновь ялтинское «заточение». Антон Павлович все больше привязывался к Ольге Леонардовне, ему все труднее становилось жить вдали от нее.

Начинается завершающий этап болезни, время страданий, упорного труда, расцвета таланта, когда замыслы множатся, а сил все меньше. Последние годы, соединили, казалось бы, несоединимое – физическое угасание и творческий расцвет, любовь и разочарование, тоску и надежду.

Трезво оценивая здоровье и, возможно, предчувствуя неизбежный финал, Чехов 3 августа 1901 года составил завещательное письмо, адресованное сестре: «Милая Маша, завещаю тебе в твоё пожизненное владение дачу мою в Ялте, деньги и доход с драматических произведений, а жене моей Ольге Леонардовне – дачу в Гурзуфе и пять тысяч рублей. Недвижимое имущество, если пожелаешь, можешь продать. Выдай брату Александру три тысячи рублей, Ивану

– пять тысяч и Михаилу – три тысячи... Я обещал крестьянам села Мелихово сто рублей – на уплату за шоссе... Помогай бедным... Береги мать. Живите мирно».

С 1901 года иной характер приняли отношения Антона Павловича с доктором Альтшуллером, и порой уже Чехов говорил: «Давайте послушаемся», чего прежде старательно избегал.

Он постоянно был один на один с болезнью. В письме Суворину сообщал: «Я на днях едва не упал, и мне минуту казалось, что я умираю... Быстро иду к террасе, на которой сидят гости, стараюсь улыбаться, не подать вида, что жизнь моя обрывается». И даже в такой критический момент приписка, весьма характерная для Чехова: «Как-то неловко падать и умирать при чужих».

20 мая 1901 года, сообщил Марии Павловне об осмотре доктора Щуровского, нашедшего значительные изменения в обоих легких, поражение кишечника и велевшего немедленно ехать на кумысолечение в Уфимскую губернию. В письме Марии Павловне он в шуточной манере сообщает о скуке на кумысе и о желании для уменьшения скуки жениться, чему мешает отсутствие документов. Письмо выдержано в шуточном тоне, но Мария Павловна поняла.

Чехов женился, будучи тяжело и неизлечимо больным, чем, возможно, объяснялась его нерешительность: тревога за судьбу будущей жены и близких. Он требовал строгой конфиденциальности бракосочетания. 25 мая 1901 года написал матери: «Милая мама, благословите, женюсь. Все останется по-старому. Уезжаю на кумыс».

Итак, свадебное путешествие Чехов и Книппер провели в «скучнейшем месте», что не оставляет сомнений в необходимости подчинения врачебным указаниям вразрез с обычным для Антона Павловича непослушанием. Лечение кумысом не принесло ожидаемого эффекта. Антон Павлович вернулся в Ялту.

Его быт в Ялте был далек от комфортного. Ничего не изменилось и после женитьбы на Ольге Леонардовне Книппер (двойная фамилия Книппер-Чехова появилась через много лет после смерти писателя во время

заграничных послереволюционных гастролей части труппы Художественного театра для привлечения зрителей). В цитированном выше письме матери он писал: «Все останется по-старому». Чехов не случайно написал, что все останется по-старому. Он понимал невозможность для себя по медицинским показаниям жить в Москве, а для Книппер – по профессиональным – в Ялте.

Но женитьба внесла определенные сложности во взаимоотношения с сестрой отменившей, планировавшийся было переезд из Москвы в Ялту к больному брату. Отзвуки происходивших сложностей отражаются в переписке и приносят дополнительные страдания всем участникам.

В последующие годы Чехов много болел, часто шла кровь горлом, плевриты следовали один за другим. То и дело в письмах упоминаются компрессы, мушки (сушеные шпанские мушки применялись в медицине в виде пластырей) и прочие малоэффективные лечебные процедуры. Едва выздоровев, Антон Павлович устремлялся в Москву, к жене, по которой очень скучал и о которой трогательно заботился. Доктор Альтшуллер считал, что поездки в Москву неизменно нарушали хрупкое благополучие, и все приходилось начинать сначала. Каждое новое обострение все хуже подавалось лечению. В легких нарастала эмфизема, (расширение легких), усиливалась одышка, чаще наблюдались перебои сердца. В весе он не набирал, диету не соблюдал, притом, что страдал хроническими кишечными расстройствами, туберкулезом кишечника. Приходится удивляться, как ему удавалось в таком состоянии творить, всем интересоваться, радоваться друзьям и оказывать им гостеприимство.

30 января 1903 года Антон Павлович констатирует: «Теперь с каждым годом устаю все больше и больше», а в марте того же года: «За зиму я отвык от людей, от жизни, уже ничего не умею, решительно ничего...». Лето 1903 года Чехов провел с женой под Москвой. А в октябре в письме из Ялты той же Книппер жалуется на усилившуюся одышку: «Одеваюсь медленно, или потому, что отвык одеваться, или потому, что мешает одышка».

Летом 1904 года Антон Павлович приезжает в Москву простуженный, его мучает непрестанный кашель. Квартира снята Книппер на высоком третьем этаже. Он практически не может преодолеть подъем и спуск.

В Москве по настоянию Ольги Леонардовны Антона Павловича осмотрел семейный врач Книппер доктор Таубе. Тактика лечения доктора Таубе отличалась от терапии назначенной Щуровским и Остроумовым. Так, он отменил водные согревающие компрессы, рекомендуя спиртовые, не разрешил есть яйца, указывая на их слабительный эффект. На короткое время у Антона Павловича успокоились кишечные явления, и забрезжила надежда. Однако действие этого лечения оказалось кратковременным. Поносы сменились запорами, состояние оставалось тяжелым.

30 мая Чехов просит актера МХАТ А.Л. Вишневого: «Нельзя ли направить ко мне СЕЙЧАС Вильсона или какого-нибудь другого хорошего массажиста? Всю ночь не спал, мучился от ревматических болей. Никому не говорите о содержании этого письма, не говорите Таубе». Совершенно ясно, что кратковременная эйфория от лечебного искусства нового доктора проходила, но обижать его доктор Чехов не хотел, понимая, что чудес не бывает.

Здоровье Антона Павловича настолько ухудшилось, что доктор Таубе потребовал его срочного отъезда на заграничный курорт.

Лечиться поехали в Баденвейлер, горный курорт в Шварцвальде. Накануне Чехова посетил писатель Николай Телешов. «Хотя я был подготовлен к тому, что увижу, – писал он, – но то, что увидел, превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом – до того был худ, изнурен и неузнаваем Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться. А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит: «Прощайте. Еду умирать... Поклонитесь

от меня товарищам... Пожелайте им от меня счастья и успехов. Больше уже мы не встретимся».

Мрачный тон воспоминаний Телешова, несомненно, отражавший истинное положение вещей, не слышен в письмах Чехова сестре и другим корреспондентам. Скорее всего, это обусловлено как сохранявшейся надеждой, так и нежеланием огорчать родных. 22 мая 1904 года, за десять дней до отъезда на лечение, Антон Павлович дает сестре указания по уходу за садом в Аутке, Альтшуллеру 26 мая того же года сообщает о намерении вернуться в Ялту в августе.

Антон Павлович избегал писать родным о болезни, однако сообщал о ней другим корреспондентам: «Кровь идет помалу, но подолгу, и последнее кровотечение... началось недели три назад. Домой я пишу, что я совершенно здоров, и иначе писать нет смысла».

3 июня 1904 года Чехов с женой выехали в Баденвейлер. В Берлин прибыли благополучно, остановились в гостинице «Саввой». В первом же письме из Берлина пишет, что чувствует себя великолепно, ест за десятерых, спит чудесно и вообще живет недурно. Но врач, который осмотрел его там, знаменитый профессор Эвальд, лишь пожал плечами. Это обескуражило Чехова. «Нельзя забыть мягкой, снисходительной, как бы сконфуженной и растерянной улыбки Антона Павловича, – писала по горячим следам Книппер-Чехова. – Это должно было произвести удручающее впечатление».

Улучшения чередовались ухудшениями, надежды сменялись отчаянием. Земскому врачу П.И. Куркину 12 июня Чехов писал: «Ноги у меня уже совсем не болят, я хорошо сплю, великолепно ем, только одышка – от эмфиземы и сильнейшей худобы, приобретенной в Москве за май. Здоровье входит не золотниками, а пудами. Баденвейлер хорошее местечко, теплое, удобное для жизни, дешевое, но, вероятно, уже дня через три я начну помышлять о том, куда бы удрать от скуки». И в Баденвейлере проявилась характерная для Чехова «охота к перемене мест» – супруги сменили за месяц несколько отелей.

Профессору Г.И. Россолимо (1860-1928) сокурснику, 28 июня 1904 года Чехов признавался: «Одышка тяжелая, просто хоть караул кричи, даже минутами падаю духом». В этом же письме он все же интересуется расписанием пароходов на Одессу и качеством обслуживания, предполагая, возможно, таким путем вернуться в Ялту. А в Баденвейлере в это время наступила «жара жестокая». Чехов задыхался и мечтал уехать. Без «видимой причины» 29 июня у Чехова наступило ослабление деятельности сердца, но после впрыскивания морфия и вдыхания кислорода пульс стал хорош, и больной спокойно заснул.

Резкое ухудшение наступило в ночь с 30 июня на 1 июля 1904 года. По свидетельству Ольги Леонардовны, в начале ночи Чехов проснулся, и «первый раз в жизни сам попросил послать за доктором. Я вспомнила, что в этом же отеле жили знакомые русские студенты – два брата, и вот одного я попросила сбегать за доктором, сама пошла колоть лед, чтобы положить на сердце умирающего... А он с грустной улыбкой сказал: «На пустое сердце льда не кладут». Четверг 1 июля прошел относительно спокойно. Чехов даже придумал юмористический рассказ, сюжет которого рассказал жене. Но в первом часу ночи 2 июля он «проснулся от очень затруднительного дыхания, стал бредить, говорил о каком-то матросе, спрашивал о японцах, но затем пришел в себя». В два часа ночи приехал доктор И. Шверер. Чехов сел и «как-то значительно, громко сказал доктору по-немецки (он очень мало знал по-немецки): «Я умираю». Шверер сделал несколько впрыскиваний камфары, давал вдыхать кислород. Когда доктор послал за новым баллоном кислорода, Чехов остановил его: «Не надо уже больше. Прежде чем его принесут, я буду мертв». Шверер велел дать шампанского. По традиции немецкие врачи, видя агональное состояние, дают больному бокал шампанского, возможно, желая облегчить переход... в небытие. Чехов взял бокал, повернулся лицом к жене, улыбнулся и сказал: «Давно я не пил шампанского». Он «покойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолкнул навсегда». Было три часа ночи.

Как утверждает Рейфилд,(2005) Ольга Леонардовна склонялась к мысли похоронить Чехова в Баденвейлере и только огромная боль многочисленных поклонников писателя, общественный резонанс изменили первоначальное решение. Впрочем, нет других сведений, указывающих на такую возможность.

Творчество Чехова любимо в Европе и Америке, его пьесы триумфально шествуют по миру. Он – один из самых читаемых русских писателей.

Прошло 100 лет со дня смерти доктора Чехова. Фантастические успехи достигнуты в лечении туберкулеза, применение антибиотиков изменило все еще жестокий характер болезни. Можно ли было что-либо сделать в начале XX века? Чем лечили туберкулез?

Да, тогда еще не было антибиотиков. Но уже в 1882 году итальянский врач Форланини впервые применил пневмоторакс для лечения туберкулезных больных (вдувание воздуха в легкие специальной иглой для спадания каверны). В России этот метод успешно использовал профессор Московского университета Леонид Ефимович Голубинин (1858-1912). Начиная с 1891 года, искусственный пневмоторакс применялся и в клинике профессора Остроумова, где лечился писатель.

Профессор Александр Остроумов в 1901 году выступил на Всероссийском съезде терапевтов с докладом, в котором привел такие данные: «В нашей клинике за последние пять лет проведено 146 операций по наложению пневмоторакса. После каждой такой операции у больных, которые считались обреченными, прекращалась температура, исчезали кашель и липкий пот по ночам, восстанавливался аппетит, и за считанные 15-20 дней больной выписывался выздоравливающим».

Почему же для лечения Чехова не был применен искусственный пневмоторакс? Неизвестно, предлагали ли этот метод терапии Антону Павловичу. Этот вопрос по сей день, справедливо задают многие исследователи. Однако не следует заблуждаться и считать наложение искусственного пневмоторакса панацеей. Не исключено, что у Чехова были противопоказания этому виду лечения. Известно, что у него

в последние годы наблюдались рецидивирующие экссудативные (с выпотом) плевриты, возможно, развился спаечный процесс, осложнявший в то время наложение пневмоторакса.

Основным в ту пору по-прежнему оставалось климатическое лечение, питание, местные процедуры. Цитируя кого-то из философов, доктор Альтшуллер писал, что туберкулезный больной «должен забыть о лаврах», однако, с нашей точки зрения, жизнь без эмоций вряд ли хороша для любого, а тем более для творческого человека.

Многие видели причину резкого ухудшения здоровья писателя в непрерывных поездках в Москву, в тоске по жене и прочих сложностях их жизни... Естественно, все это имело место. Но виной всему – тяжелая и в те поры трудно излечимая болезнь, с которой писатель мужественно сражался двадцать лет.

Антону Павловичу Чехову было 44 года.

Доктор Чехов

Медицина и литература с древности обладают взаимным притяжением. И нередко врачи становятся писателями, обогащенные знанием жизни и психологическими нюансами личности.

Достаточно вспомнить имена Франсуа Рабле, Фридриха Шиллера, Сомерсета Моэма, Артура Конан-Дойля, Михаила Булгакова и многих других.

Среди писателей-врачей Чехов занимает особое место и как врач, и как писатель.

С 1879 по 1884 годы Антон Павлович – студент медицинского факультета Московского университета. Годы учения счастливо совпали с расцветом русской медицины. На медицинском факультете в это время преподавали Захарьин, Боткин, Вальтер, Эрисман, каждый из них оставил не только весомый след в науке, но и явил пример служения профессиональному делу.

Приехав в Москву из уездного Таганрога, Чехов поселился в квартире, снятой родителями, и для облегчения платы за жилье пригласил своих таганрогских приятелей, как и он, начавших обучение на медицинском факультете. Жили весело и дружно. До последнего дня Чехов оставался

верным студенческому братству. Он никогда не отказывал соученикам и коллегам в любых просьбах и, будучи уже тяжело больным (1903), все же превозмог себя и вместе с другим однокашником, профессором Россолимо, был на похоронах сокурсника – доктора Алтухова. Профессор Россолимо вспоминал, что каждый из них в этот день думал: а кто следующий? Им оказался Чехов.

Учился Антон Павлович охотно, с неослабевающим интересом, особенное внимание уделял лабораторным занятиям, слушал, не пропуская, лекции по психиатрии. Известно, что еще в студенческие годы он пытался написать научную работу по половому воспитанию, для чего обходился с двумя помощниками и пачкой опросников публичные дома Соболева переулком (Рейфилд 2006).

А позднее занялся изучением истории врачебного дела в России. С этой целью он собрал и обработал большую литературу, летописи, изучал здоровье нации при Владимире Красное Солнышко, Иване Грозном, какое-то время вникал в статистические медицинские отчеты.

Изучая старинные рукописи, пришел к выводу, что царевич Дмитрий страдал наследственной падучей, (эпилепсия), чего не было у Лжедмитрия, выдававшего себя за царевича. С профессиональной гордостью Антон Павлович отмечал в письме к Суворину (1890), что «сию Америку открыл врач Чехов». Он готовился к сдаче докторских экзаменов. Но обе темы остались незавершенными. А блестящее исследование «Остров Сахалин», предложенное в качестве докторской диссертации, было отклонено деканом медицинского факультета. Существенно, что, несмотря на огромную писательскую популярность, славу, Чехов все же не оставлял мысли о преподавании на медицинском факультете, для чего и стремился к получению докторской степени. У него были особые взгляды на преподавание, он стремился приблизиться к больному, ощутить по возможности его самочувствие, образ мыслей, отношение к предлагаемому лечению. Все эти факты, несомненно, указывают на огромный интерес писателя к профессии врача.

Заключая с владельцем «Нового времени» А.С. Сувориным договор о сотрудничестве, Антон Павлович предупреждает о неудобстве для него срочной работы, так как он врач: «Не могу ручаться за то, что завтра меня не оторвут на целый день от стола... Тут риск не написать к сроку...» И далее любопытная деталь: 26 января 1899 года договор с А.Ф. Марксом на издание собрания сочинений был подписан «по доверенности врача Антона Павловича Чехова». И в этом случае, занимаясь издательскими делами, писатель Чехов, лауреат почетной Пушкинской премии, аттестовал себя врачом. Еще более интересно, что в свидетельстве о браке указано: Книппер – жена лекаря (1901).

Хорошо известно, что врачевание обладает почти мистической силой, не давая о себе забыть. Причем в этом случае совершенно неважно, продолжается ли практическая врачебная работа. Полученное базовое образование создает, очевидно, особый склад мышления, остающийся до конца жизни.

Окончив в 1884 году медицинский факультет, Антон Павлович заказал медную табличку «Доктор А.П. Чехов» и прикрепил, как было принято, к двери своей квартиры.

Городской врач мог зарабатывать до 10 000 рублей в год. Пациенты появились, но их было немного. Антон Павлович вспоминал, как после одного из первых приемов, возвращаясь мысленно к осмотру, он заподозрил ошибку в дозировке выписанного лекарства, объехал, разыскивая рецепт, ближайшие аптеки и, не обнаружив, ринулся к больному, сместил на нужное место «предательскую» запятовую, затратив на поездку полученный гонорар.

Пациенты, пользуясь добротой Чехова, кто по старой дружбе, кто по бедности расплачивались с ним своеобразно – картинкой, монеткой, вышитой подушечкой. Очевидно, обусловить гонорар предварительно, как делали и делают современные врачи, щепетильный Антон Павлович не мог.

Друзья беззастенчиво направляли к нему на консультацию случайных знакомых, которых Антон Павлович покорно смотрел, несмотря на усталость. Некоторые пациенты доносили его просьбами, не

«утруждая» себя оплатой. «Добрейший Антон Павлович! Убедительно прошу Вас уделить хоть один час навестить меня и успокоить мои нервы, мне нужно посоветоваться с Вами... у меня заболела Девушка, боюсь, не прилипчива ли эта болезнь... Жду Вас сегодня вечером». – Из письма Л. Данковской, октябрь, 1884. Работал много не в соответствии с доходами.

В письмах студенческой поры проявляется трогательное отношение к будущей профессии, не лишённое характерной для Антона Павловича иронии: «Умею врачевать и не верю себе, что умею... Не найдешь, любезный, ни одной болезни, которую я не взялся бы лечить». И далее: «не имея усов, знаний и возраста, придется вступить на стезю Захарьиных, Циркуненковых» 1883 (знаменитые врачи – И.Л.) «Погружусь в медицину, в ней спасение, хоть я до сих пор не верю себе, что я медик». Он предполагает после сдачи экзаменов в летние месяцы на даче заняться приемом больных.

В студенческие годы Антон Павлович проходил фельдшерскую практику в Чекинской больнице Московской губернии, которой заведовал прекрасный врач Павел Арсентьевич Архангельский, а после окончания университета в 1884 году работал там и врачом. В дальнейшем в летние месяцы трудился в земских больницах Подмосковья – в Воскресенске и Звенигороде, где замещал уехавшего врача, то есть проходил традиционный врачебный путь. Живя в Мелихове, в период тревоги по поводу приближающейся эпидемии холеры, активно участвовал в различных мероприятиях по предотвращению распространения инфекции. Из писем и земских отчетов следует, что ему приходилось производить и судебно-медицинские вскрытия, причем в самых неподходящих условиях – в поле, на улице.

Судебно-медицинские вскрытия – дело отнюдь не простое, требующее серьезных профессиональных знаний и ответственности. Как правило, врачу при этом приходится сталкиваться не только с сугубо медицинскими проблемами, но и общаться с полицией. Писателю Владимиру

Гиляровскому Антон Павлович писал, что «полицейская Москва знает доктора Чехова, а не писателя».

В 1886 году в Москве свирепствовал сыпной тиф, и молодой доктор Чехов занимался, в числе прочего, и лечением тифозных больных, о чем и сообщал В.В. Билибину: «Скажу вам по секрету, что я не такой плохой врач, как вы думаете».

Где бы ни работал, где бы ни жил Антон Павлович, он неизменно сохранял врачебную осмотрительность, был внимателен к жалобам пациентов не только по долгу службы, но еще более по зову души.

В Мелихове, Чехов выполнял обязанности земского врача. Это были годы его наиболее активной и успешной врачебной работы. Крестьяне окрестных деревень, узнав о врачебных приемах в Мелихове, вначале несмело, а затем все более активно посещали удивительного доктора, который снабжал лекарствами, осматривал и денег не брал. В усадьбе в утренние часы проходил, по современной терминологии, амбулаторный прием. С рассвета на лошадях или пешком собирались десятки больных. Кроме того, Чехов часто в любое время суток выезжал по вызову, принимал роды, оказывал необходимую экстренную помощь. Работы было так много, что лето и осень 1892 года Антон Павлович не успевал писать, очень уставал, особенно после назначения «холерным» врачом от уездного земства (без жалованья). «Работы у меня больше чем по горло. Разъезжаю по деревням и фабрикам... Дано мне 25 деревень, а помощника ни одного». Вспоминая это лето, Чехов писал: «Летом трудно жилось. Но сейчас мне кажется, что ни одно лето не проводил так хорошо».

Помимо лечебной работы, он занимался и организацией холерных барачков, и, главное, поиском для всего этого средств, как теперь говорят, спонсоров. Конечно, известному писателю это удавалось лучше, чем кому бы то ни было. А если задуматься, что этим занимался тяжело больной человек с кашлем и нередким кровохарканьем, то это не просто верность клятве Гиппократова, а подвижничество.

Чехов воспринял призыв своего учителя профессора Захарьина – быть ближе к больному человеку, как и указание профессора Мудрова, – лечить не болезнь, а больного. Коллеги подчеркивали умение Чехова разбираться в больном и ставить диагноз.

Из писем Антона Павловича ясно, что на протяжении всей жизни к нему обращались друзья за советом в связи с различными жалобами на здоровье и неизменно получали аргументированный ответ. В качестве иллюстрации профессионализма Антона Павловича приводим данный им анализ болезни писателя Д.В. Григоровича: «атероматозный процесс, перерождение артерий – недуг старческий и неизлечимый... Вообразите обыкновенную каучуковую трубку, которая от долгого употребления потеряла свою эластичность, сократительность и крепость, стала более твердой и ломкой. Артерии становятся такими вследствие того, что их стенки делаются с течением времени жировыми или известковыми. Достаточно хорошего напряжения, чтобы такой сосуд лопнул. Так как сосуды составляют продолжение сердца, то обыкновенно и само сердце находят поврежденным. Питание при такой болезни плохо. Само сердце питается скудно. А потому и сидящие в нем нервные узлы, не получая питания, болят – отсюда грудная жаба». Блестящее профессиональное описание сложнейшего недуга. И не менее важна с точки зрения врача последующая мысль: «Все зависит от индивидуальности отдельного случая». Я привела столь длинную цитату, потому что в ней отразились глубокие знания и широкие взгляды на течение одних и тех же болезней у разных людей.

Подобный подход не случаен, он характерен для Чехова-врача. Вот описание чахотки: «Чахотка или иное серьезное легочное страдание узнается только по совокупности признаков... Само по себе кровотечение из легких не серьезно; кровь льется иногда из легких целый день, она хлещет, все домочадцы и больной в ужасе, а кончается тем, что больной не кончается – и это чаще всего. Так и знайте на всякий случай: если у кого-нибудь, заведомо не чахоточного, вдруг пойдет ртом кровь, то ужасаться не

нужно. Женщина может потерять безнаказанно половину своей крови, а мужчина немножко менее половины», – это из письма А.С. Суворину от 14 октября 1888 г.

Действительно, не каждое легочное кровотечение – следствие туберкулеза, нередко нарушения свертывающей системы крови, разрыв сосудов, инфаркты легких, аневризма (расширение сосудов) и т. д. Но представляется, что приведенные рассуждения есть отчасти попытка уйти от собственного диагноза.

В письмах Антона Павловича встречаются описания механизмов развития и сущности различных болезней. Так, в письме Н.А. Лейкину (1887) дана развернутая картина причин образования геморроидальных узлов, как одного из звеньев поражения сосудов. «У меня геморрой. Сидячая жизнь – не единственная причина. ...Болезни сердца, печени, кишок играют немалую роль в этиологии. У меня... наследственная склонность вен к расширению. У меня узлы не только *in recto*, но и на голених, так что, того и гляди, образуются язвы». Осмотрев Исаака Ильича Левитана, он с грустью пишет художнику И. Бразу 4 апреля 1897 года: «Пейзажист Левитан серьезно болен. У него расширение аорты. Расширение аорты у самого устья, при выходе из сердца, так что получилась недостаточность клапанов. У него страстная жажда жизни, страстная жажда работы, но физическое состояние хуже, чем у инвалида».

В процитированных письмах в доступной форме, но строго научно описаны сложнейшие вопросы этиологии и патогенеза различных болезней. С учетом датировки писем и уровня медицины конца XIX века становится совершенно очевидным знание Чеховым самых современных представлений по этим вопросам. Это отражает и глубинный интерес врача Чехова не только к непосредственной лечебной практике, но и к теоретическим основам медицинской науки.

Такой подход во все времена, и тогда, и сейчас, характерен только для мыслящих врачей, глубоко вникающих в механизмы сложных процессов. Из воспоминаний профессора Россолимо явствует, что Антон Павлович следил за научной и практической медициной по

периодической литературе: «Отношение его к больным отличалось трогательной заботливостью и мягкостью: видно было, что в нем, враче, человеческое достигало высокой степени, что способность сострадать, переживать вместе с больным его страдания, была присуща ему не только как человеку, но еще более, как врачу-человеку».

Не только в годы активной врачебной работы (Москва, Мелихово), но и в последующие Антон Павлович продолжал читать медицинские журналы, которые не только регулярно выписывал, но и не забывал поддерживать материально их издание. Находясь в Таганроге проездом, он просит прислать литературу по технике массажа, которым предполагал заняться. До последних лет жизни Антон Павлович выписывал медицинские журналы, подчеркивая заинтересовавшие его статьи.

Очень интересно отношение Антона Павловича к лечебным препаратам, оно также отличается глубиной проникновения в механизм действия, в адекватность и целесообразность назначения: «Что у вас, у петербуржцев, за манера фаршировать себя всякого рода белладоннами, кодеинами, бисмутами? Побойтесь Бога, если не боитесь за свой желудок» (из письма Н.А. Лейкину, 1886). Он подробно разбирает действие майского ландыша и валерианы: «Я, хоть убейте, решительно не понимаю, для чего Вы принимаете ландыш и валериану. Вреда эти средства не принесут, но и пользы тоже никакой. Для людей мнительных, кстати сказать, средства безвредно-бесполезные, напрасно принимаемые, служат часто источником страха: «принимаю капли уже целый месяц, а они мне не помогают...». Кроме того, Чехов по пунктам излагает свое видение болезни и дает врачебные рекомендации: «Вовсе не думать или думать пореже о недугах. Ведь стоит только обратить внимание на свое сердце, прислушаться к нему, чтобы пульс стал быстрее на 10-15 ударов. В случае ипохондрии, страха смерти, тоски обращать внимание не столько на сердце, которое у Вас здорово, сколько на желудок и кишки. Наверное, у Вас есть расширение желудка – болезнь, при которой меланхолия –

явление постоянное» (из письма Н.А. Лейкину от 17 апреля 1887 года).

Это пишет врач молодой, но уже обладающий невероятной эрудицией, широтой познаний, выраженным деонтологическим (щадящим) подходом к больному. В таком же тоне следуют советы брату Александру о вскармливании маленького ребенка: об осторожности использования фармакологических препаратов. Задолго до развития учения об иатрогенных (внушенных) заболеваниях, равно как и данных об избирательном влиянии лечебных препаратов, об их нередкой несовместимости, доктор Чехов уже в те годы во многом интуитивно, дошел до понимания этого сложного и не до конца понятного симптомокомплекса. Как известно, интуиция – явление не потустороннее, а базирующееся на прочных знаниях и особой чувствительности.

Из воспоминаний друзей и знакомых, в том числе врачей, совершенно очевиден интерес Антона Павловича к душевному строю личности, проявляющемуся, в числе прочего, в особых реакциях на окружающую повседневность в сновидениях. Задолго до появления фундаментальных исследований американских ученых (50-е годы XX века) Юджина Азеринского и Натаниэля Кляйтмана о природе сна Чехов в письме Д.В. Григоровичу (1887) касается этих тем, подчеркивая, что при разности сновидений физиология сна одинакова у всех людей.

Годы врачебной практики Чехова совпали с расцветом земской медицины. Земские управы, несомненно, сыграли большую положительную роль в улучшении просвещения населения, судопроизводства и оказания медицинской помощи.

Существует некое, в значительной мере оправданное теплое отношение к земским врачам, признание их заслуг в нелегкой работе. Мне лично эта тема близка, поскольку одним из таких врачей был мой дед, погибший в 44 года, заразившись во время проведения операции в неприспособленных условиях. Он умер, а больную спас.

О работе земских врачей, разных по квалификации, по отношению к делу читаем у писателя Чехова. Его

волновали тяжелые условия работы, бездорожье, вакантные врачебные должности, нехватка фельдшеров, пьянство, огромные по протяженности участки. Это создавало практически непреодолимые трудности, помощь запаздывала, занятость, тоска захлестывали.

Антон Павлович лучше других, изнутри знал о проблемах земской медицины. Он гневно писал Суворину в ответ на недовольство врачами: «У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай Бог никому этого. Среди врачей, правда, не редкость невежды и хамы, как и среди писателей, инженеров, вообще людей, но те отвратительные часы и дни, о которых я говорю, бывают только у врачей. И за сие, говоря по совести, многое простить должно».

Медицинская библиотека Антона Павловича, довольно большая, которую он перевез из Мелихова в Ялту, в числе прочих включала фундаментальные руководства по психиатрии. Известна переписка Чехова с автором многих трудов по психиатрии В.И. Яковенко (1857-1923). Этот доктор основал одну из лучших в России конца XIX века психиатрическую лечебницу, находившуюся в селе Мещерском Подольского уезда Московской области, и был ее директором. В бытность в Мелихове Чехов неоднократно направлял ему на консультацию и лечение своих больных. Он поддерживал усилия Яковенко, возражавшего против физического воздействия на душевнобольных. Тогда же у Антона Павловича созрело твердое убеждение, что «пора земским врачам и вообще земским деятелям перестать презирать общую печать». Он полагал таким образом привлечь внимание общественности к сложному положению земской медицины.

«Медицина не адвокатура: не будешь работать – застынешь» (из письма Н.А. Лейкину). Медицина, как писал Чехов, не может упрекать его в отступничестве. Даже незадолго до смерти, в апреле 1904 года, Антон Павлович сообщил А.В. Амфитеатрову о своем намерении в июле или в августе поехать на Дальний Восток, где тогда шла война, но только в качестве врача: «Врач увидит больше, чем корреспондент». В автобиографии, составленной в 1899 году, писал: «Занятия медицинскими науками имели

серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач... Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно – предпочитаю не писать вовсе». Пометки в медицинских книгах и учебниках домашней библиотеки хранят многочисленные свидетельства обращения Чехова к специальной литературе. Когда-то Пушкин устами Татьяны Лариной судил по прочитанным Онегиным книгам, по подчеркнутым местам о его личности. В заключительный период жизни Антона Павловича среди отмеченных им статей довольно часто встречаются материалы о расширении бронхов, о потере эластичности легочной ткани, то есть о том, что беспокоило больного писателя.

По строгому указанию врачей Антон Павлович в 1990 годы переселяется в Ялту. И с этого времени прекращается лечебная работа, за исключением редких осмотров друзей и знакомых. «Меня здесь одолевают больные, которых присылают сюда со всех сторон, – с бациллами, с кавернами, с зелеными лицами, но без гроша в кармане». У него уже нет сил на продолжение работы врача и писателя.

Начинается новая, непривычная жизнь в отрыве от родных мест, любимой средней полосы, меняются стереотипы. Как врач, он понимает пагубность резкой смены образа жизни, о чем не раз пишет друзьям, но подчиняется.

Теперь он намерен заниматься исключительно литературой: «Брошу даже медицину... отдал уже ей дань в виде книги о Сахалине». Но занимается многим – особенно земскими делами... Знаменитому врачу Склифосовскому помогает спасти от разорения великолепный журнал «Хирургическая летопись» – «это так же полезно, как сделать 20 000 удачных операций». Он входил в состав правления Пироговских съездов, принимал участие в съезде земских врачей. В 1902 году делегаты 8-го Пироговского съезда прислали больному писателю теплую

приветственную телеграмму, а Художественный театр дал по просьбе Чехова для делегатов спектакль «Дядя Ваня». Вот что писал Чехов доктору П.И. Куркину в ответ на проявленное к нему внимание: «Такой чести я не ожидал и не мог ожидать, и такую награду принимаю с радостью, хотя и сознаю, что она не по заслугам». В Крыму в тот период было много туберкулезных больных, искавших исцеления. Материальное положение немалого числа тяжелое, трудности с жильем, обусловленные невозможностью оплаты. И Антон Павлович входит в различные опекунские организации, становится членом Ялтинского попечительства, собирает пожертвования, нередко сам оплачивает жилье, а больные радуются «удачному съему», составляет тексты воззваний о помощи больным, как он делал раньше, еще работая врачом в период голода.

В Крыму спонтанно собралась в тот период группа больных туберкулезом врачей, писателей, журналистов – Елпатьевский, Средин, доктор Альтшуллер, лечащий врач Чехова, бывал Горький. Все они по мере возможности пытались помочь больным, но основную роль играет Антон Павлович. Приняли решение о создании общедоступного санатория для больных туберкулезом. Он был создан, но Чехов об этом уже не узнал...

В ялтинском кабинете Чехова, как и при жизни его хозяйина, на столе – докторский молоточек, в шкафу – справочная медицинская литература.

По словам Альтшуллера, в ялтинские годы Чехов мало читал медицинские новинки, а ограничивался чтением в медицинских журналах хроники. Нет оснований, не верить Исааку Наумовичу. Но это относилось к самому последнему году, максимум двум, когда и писал-то Антон Павлович очень мало и с большими перерывами, ведь речь шла о смертельно больном человеке. Тот же Альтшуллер вспоминал, что Антон Павлович рецепты всегда выписывал сам, ему это было приятно. Купив изданные лекции своего любимого учителя профессора Захарьина, Чехов отмечал, что из них (лекций) исчезла музыка, заметив, при этом, что не каждый может быть писателем. Да, это так. Немногим

удается в полной мере овладеть профессией, тем более не одной.

Антон Павлович Чехов явил уникальный пример мыслящего врача и блестящего писателя.

Писатель

В творчестве Чехова отразились различные аспекты медицинской тематики, находившейся, естественно, постоянно в сфере его интересов. По мнению профессора А.П. Чудакова, крупного исследователя творчества писателя, в произведениях «таких творцов сливаются в единый образ видение черт организма и личности, анализируются причины и аномалии, проявляющиеся в тех или иных состояниях, вырастая порой в талантливый медицинский или психологический диагноз». Врач-писатель вкладывает присущее ему понимание физического и психологического статуса персонажа. И с этой точки зрения изучение медицинских сюжетов в их творчестве представляет особый интерес.

У Чехова в рассказах практически нет развернутой картины заболевания, но приметы того или иного физического, а чаще душевного недуга, отношение к жизни и смерти присутствуют во многих произведениях. В этом, несомненно, отразился интерес к психиатрии, проявленный Антоном Павловичем не только в годы учения в университете, но и в повседневной врачебной практике.

К темам душевной тревоги писатель обращался не раз. Так в рассказе «Припадок», опубликованном в сборнике памяти Гаршина, изображен студент Васильев, подверженный припадкам меланхолии. «Все внимание его было обращено на душевную боль, которая мучила его. Эта была боль тупая, беспредметная, неопределенная, похожая и на тоску, и на страх в высочайшей степени, и на отчаяние... При этой боли жизнь представляется отвратительной» Сам Антон Павлович в письме к А.Н. Плещееву (1888) подчеркнул: «Мне, как медику, кажется, что душевную боль я описал правильно, по всем правилам психиатрической науки».

В этом контексте необычайно важен и интересен рассказ «Гусев», первое произведение по следам

путешествия на Сахалин. Герои рассказа – Гусев и протестант Павел Иванович имели реальных прототипов, судьба которых поразила писателя. Гусев, как и реальный каторжанин, Егор, оторван от родной почвы и пропадает в тоске, болезни, одиночестве, а протестант Павел Иванович переключается с доктором Б.А. Перлиным, описанном во 2 главе «Острова Сахалин», с «доктором похожим на Ибсена».

«Этот человек (Павел Иванович – И.Л.) спит сидя, так как в лежачем положении он задыхается. Лицо у него серое, нос длинный, острый, глаза, оттого, что он страшно исхудал громадные...». Этот человек не удобен, он ищет правду, обличает несправедливость. «А помирать страшно? – спрашивают Гусева. – Страшно. Мне хозяйства жалко... Однако, брат, ноги у меня не стоят, да и душно тут...». Бунтующий Павел Иванович и покорный Гусев умирают тихо и незаметно не только от болезни, а от бездушия и черствости. По мнению В.Л. Альбова внимание Чехова в этом рассказе направлено «на внешние условия как на причину гибели мечты и мечтателей». Этот рассказ вызвал довольно широкий резонанс, обсуждался, восхитил П.И. Чайковского.

Гораздо чаще обращался писатель к судьбе тружеников-врачей, им создана галерея образов, очень разных, но всегда достоверных. Автор знал их, работал с ними, видел их в неординарных ситуациях, одних любил, другим сострадал.

Пожалуй, самый обаятельный врач Осип Дымов, герой блестящей повести «Попрыгунья». Недалекая жена Дымова в поисках «знаменитостей» не замечает истинную знаменитость, своего мужа, скромного доктора и блестящего ученого.

«– Вот что ...Третьего дня я заразился в больнице дифтеритом, и теперь... мне нехорошо. Пошли скорее за Коростылевым». И далее устами Коростылева – «...Знаете, отчего он заразился? Во вторник у мальчика высасывал через трубочку дифтерийные пленки». «Умирает потому, – говорит писатель устами Коростылева, – что пожертвовал собой... какая потеря для науки!.. А какая нравственная сила!.. Добрая, чистая, любящая душа – не человек, а

стекло». Дымов сделал то, что приходилось делать и Чехову. Автор не приводит никаких медицинских подробностей, как это делали Вересаев и Булгаков, но создает необыкновенно четкую и выпуклую картину. И сразу всем, даже легкомысленной жене, становится понятным, кого и почему она и общество теряет. В мае 1883 года отсосав из горла ребенка дифтерийные пленки, умер доктор Илларион Дуброво, о чем знал Чехов. Возможно, он послужил прототипом героя рассказа.

Доктор Астров (Дядя Ваня) умный, образованный, усталый от непосильной ноши земского врача. «В десять лет другим человеком стал. А какая причина? От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили. За все время, пока мы с тобой знакомы ни одного дня не было свободного. Поглупеть-то я еще не поглупел, бог милостив, мозги на своем месте, но чувства как- то притупились». И далее: «Сыпной тиф... В избах народ вповалку... Возился я целый день, не присел, маковой росинки во рту не было, а приехал домой, не дают отдохнуть – привезли с железной дороги стрелочника; а он возьми и умри у меня под хлороформом. И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне, и защемило мою совесть, точно я умышленно убил его...».

И как не притупиться, когда невероятная нагрузка порой была сопряжена и с потребительским отношением к врачам, как к слугам.

В рассказе «Враги» у земского врача Кирилова только что скончался единственный сын. Отупевший от горя, он едва понимает, что от него хотят. Выслушав, он машинально надевает сюртук, оставляет оцепеневшую жену и едет оказывать помощь больному. Приехав, он не застаёт «больную», вызов оказался ложным. Он теряет присущее ему самообладание: «Я врач. Вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями и моветонами, ну и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает, бутафорскую вещь».

Честный, добросовестный врач Соболев («Жена») безотказно выполняет любую работу. А самому: «Табаку

купить иной раз не на что». И не удивительно, хоть и прискорбно, что в таких условиях и читать то некогда.

Выпукло описано постепенное очерствение доктора Старцева из рассказа «Ионыч», имя ставшее нарицательным. Из обаятельного, умного, увлекающегося доктора, он превращается в бездушного ничем не интересующегося человека, теряющего постепенно и квалификацию. Прискорбно, но этому способствует, огорчающее Чехова потребительское отношение к врачам, что сохраняется и в наше время.

В произведениях Чехова появляются и врачи, вызывающие гневное осуждение писателя. Это напыщенный пустоцвет Топорков («Цветы запоздалые»), подсчитывающий ежедневно доходы и думающий только о них, Шелестов («Интриги»), как следует из названия, создающий карьеру на сплетнях и лжи.

Особняком в творчестве Чехова повесть «Палата № 6», название также ставшее нарицательным, прочно вошедшее в обиход с четко определенным значением. Опустившийся доктор Рагин, не обращающий внимания на грязь и мерзость во вверенной ему больнице, которую он отдал на откуп невежественному и жестокому фельдшеру. Душевнобольных «лечат» палками, избивают. В конце концов, и сам вконец разрушенный доктор, попадает в пресловутую палату, разделяя тяжкую участь и других душевных больных. Избитый сторожем, он умирает от кровоизлияния в мозг.

Очень глубоко и «по всем правилам психиатрической науки» описаны галлюцинации в повести «Черный монах». К теме «Черного монаха» обращается Маргарита Одесская (2007), полагая наличие биографических мотивов, ссылаясь при этом на воспоминания М.П. Чехова. Брат и биограф писателя Михаил Павлович отмечает периоды физической и душевной усталости Антона Павловича во время эпидемии холеры в Мелихово. Однако сам Антон Павлович отрицает какую-либо личностную параллель.

Ученый человек Коврин вспоминал слышанную легенду о черном монахе и вдруг ему привиделся странник.

Он изумлен. «Но ведь ты мираж. Зачем же ты здесь и сидишь на моем месте? Это не вяжется с легендой. – Легенда, мираж – все это продукт твоего возбужденного воображения Я – призрак». Взволнованный Коврин размышляет: «Ты призрак, галлюцинация. Значит, я психически болен, ненормален?» Галлюцинации продолжают не только зрительные, но и слуховые. Окружающие слышат, как Коврин разговаривает, обращаясь к пустому креслу. Его болезнь не вызывает сомнений, родные обращаются к врачу. После лечения исчезли призраки, но вместе с ними вера в себя, в свою необычность.

«Зачем, зачем вы меня лечили? Бромистые препараты, праздность, теплые ванны, надзор, малодушный страх за каждый глоток, за каждый шаг... Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр и даже счастлив. Теперь я стал рассудительнее...: я – посредственность, мне скучно жить».

Прекрасно описаны стадии психического страдания, больного не вылечили, но лишили согревающих его иллюзий. Осталась неуверенность в себе, депрессия.

В письме к Суворину 25 января 1894 года Чеховым сказано: «если автор изображает психически больного, то это не значит, что он сам болен. "Черного монаха" я писал без всяких унылых мыслей, по холодному размышлению. Просто пришла охота изобразить манию величия. Монах же, несущийся через поле, приснился мне». Не исключено, что «Черный человек» Сергея Есенина навеян повестью Чехова.

Если говорить о психопатических чертах личности писателя, (Бурно, Воскресенский 1996), то думается важно еще раз упомянуть о стремлении писателя к частой смене городов и весей, что проявилось и в последний месяц его короткой жизни. Не следует забывать, что туберкулезная инфекция, о чем хорошо известно психиатрам, провоцирует ипохондрию и прочие нарушения.

Перемена мест, надо думать, была ему необходима, придавая некую эмоциональную стабильность.

Блестящее профессиональное описание старения, постепенной утраты памяти, стереотипов поведения даны Чеховым в повести «Скучная история».

Герой повести имеет реального прототипа – им был преподаватель медицинского факультета профессор А.И. Бабухин (1835-1891), лекции которого слушал и автор. Антон Павлович не отрицал связь героя повести Николая Степановича с реальным прототипом, хотя и подчеркивал собирательность образа.

Интересно отношение заболевшего ученого к врачебному обследованию: «...когда я сам ставлю диагноз и сам лечу себя, временами я надеюсь, что меня обманывает мое невежество, что я ошибаюсь и насчет белка и сахара, которые я нахожу у себя, и насчет сердца, и насчет тех отеков, которые уже два раза видел у себя по утрам...». Герой повести – известный ученый, профессор, уважаемый человек. Он преподает на кафедре, любим студентами, общается с великим Пироговым и другими выдающимися современниками. Но он сам ощущает и весьма болезненно переживает наступающее старение: «Память моя ослабела, в мыслях недостаточно последовательности...конструкция однообразна, фраза скудна и робка. ...Часто я забываю обыкновенные слова... За научной статьей я себя чувствую гораздо свободнее и умнее, чем за поздравительным письмом»... И далее, бессонница, по мнению героя рассказа «составляет теперь главную и основную черту» его существования.

В этом описании угасания интеллекта все необыкновенно подлинно и очень по-медицински верно. Давно замечено, что последними в ряду потерь, исчезают профессиональные навыки, не случайно подчеркивается сохранившаяся у персонажа повести, ученого, способность писания научных сочинений. Известно, что погибающий от третичного сифилиса писатель Мопассан не утрачивает дарования. На феномене нередкого страха врачей перед обследованием я останавливалась, описывая отношение к этому и самого Антона Павловича.

Любопытна судьба рассказа «Смерть чиновника». В чем причина смерти героя? В докладе профессора В.П. Образцова (1851-1920) на съезде русских терапевтов в декабре 1911 года отчетливо прозвучала мысль о влиянии эмоционального состояния на вечное кровообращение.

«Выходит, например, неврастеник с начинающимся склерозом встречать даже небольшое начальство, начинает говорить ему приветствие, в это время у него начинает беспорядочно биться сердце и падает мертвым». В речи на съезде Образцов подтверждает высказанную идею, ссылаясь на рассказ «Смерть чиновника». (Русский врач, 1912. 7). Так врачи принимали и анализировали некоторые рассказы писателя, находя новые подходы и выдвигая оригинальные гипотезы.

Скупые строки о врачах в рассказах и повестях Чехова пронизаны с одной стороны гордостью за их самоотверженный труд, с другой глубокой болью при описании поступков недостойных этого высокого звания. «Доктор, если он имеет практику, перестает следить за наукой, ничего, кроме "Новостей терапии", не читает и в сорок лет серьезно убежден, что все болезни – простудного происхождения», вспоминает А.М. Горький слова Чехова.

Исключительное место в жизни Чехова-врача занимает «Остров Сахалин». Это широкое исследование, охватывающее множество различных аспектов жизни или, вернее, «нежизни» современного ему каторжного края. Он посетил все остроги острова, и, казалось, именно они составляют остров Сахалин. Писатель в одиночку сделал поголовную перепись населения. Трудно найти что-либо, чего не коснулся бы Антон Павлович, как врач и гражданин. «Мое короткое сахалинское прошлое представляется мне таким громадным, что, когда я хочу говорить о нем, то не знаю, с чего начать, и мне всякий раз кажется, что я говорю не то, что нужно». (Из письма А.Ф. Кони). И далее продолжает: «Я видел голодных детей, видел тринадцатилетних содержанок, пятнадцатилетних беременных». Жуткое впечатление произвел главный Александровский лазарет кандального острова. Амбулаторный прием не поддается описанию.

«Стол, за которым сидит врач, огорожен деревянной решеткой, как в банкирской конторе, так что во время приема больной не подходит близко, и врач большею частью исследует его на расстоянии... Тут же, в приемной, у входной двери стоит надзиратель с револьвером, спуют

какие-то мужики, бабы»... Привозят мальчика с нарывом на шее и с большим трудом доктору Чехову удается тупым инструментом вскрыть его. Страницы трагедии, сострадания и боли – вот что звучит в книге «Остров Сахалин».

«Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености... и я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть, и сей жесткий арестантский халат» – из письма А.С. Суворину после возвращения с острова Сахалин.

Действительно, медицина не может упрекать Чехова в отступничестве. Даже незадолго до смерти в апреле 1904 года, Антон Павлович сообщил А.В. Амфитеатрову о своем намерении в июле или в августе поехать на Дальний восток, но только в качестве врача. «Врач увидит больше, чем корреспондент».

Антон Павлович Чехов – уникальный пример мыслящего врача и блестящего писателя. Обе профессии счастливо дополняли одна другую, а не мешали. Как писал профессор Е.И. Лихтенштейн «Чехов – писатель и Чехов врач – всегда были неотделимы один от другого».

Литература

Альтшуллер Исаак. О Чехове: Из воспоминаний. В кн. Чехов в воспоминаниях современников. Москва: Художественная литература, 1960 и 1986.

Бочаров В.В., Расторопова Ю.П. Земская медицина в творчестве А.П. Чехова. – Медицина в художественных образах. Гл. ред. Заболоцкая К.В.: Донецкий гос.мед.ин-т. <http://medicine.in.dsmu.edu.ua/html.php>

Бурно М. Психотерапия творческого поражения. Московский психологический журнал <http://magazine.mospsy.ru/nomer1/voskres1.shtml>

Вересаев В.В. А.П. Чехов. В кн.: Чехов в воспоминаниях современников. Московский психологический журнал. Москва: Художественная литература, 1960 и 1986.

Воскресенский Б. Семейные кризисы Московский психологический журнал <http://magazine.mospsy.ru/nomer1/voskres1.shtml>

Карташов В. Рецепты из записной книжки Чехова. Чеховский вестник http://chekhoviana.narod.ru/vest_14.htm

- Книппер-Чехова «О А.П. Чехове». В кн. Чехов в воспоминаниях современников. Москва: Художественная литература, 1960 и 1986.
- Лихтенштейн Е.И. Помнить о больном. Київ: Вища школа, 1978.
- Лихтенштейн И. А.П. Чехов: врач и пациент. Долгожитель: Приложение к газете Новости недели, 27 июля 2006.
- Лихтенштейн И. А.П. Чехов. Последние годы жизни, там же, 24 августа 2006.
- Лихтенштейн И. Доктор Чехов, там же, 28 сентября 2006.
- Маслов Максим. История болезни Чехова. Цит. по Валерию Дружбинскому Болезнь и смерть Чехова <http://chehov.niv.ru/chehov/bio/bolezn-i-smert.htm>
- Меве Е. Медицина в творчестве и жизни Чехова. Киев: Медицинское издательство УССР, 1961.
- Одесская Маргарита (сост.). Ибсен, Стриндберг, Чехов в свете концепции вырождения Макса Нордау. Сборник статей. Москва: РГТУ, 2007.
- Рейфилд Дональд. Чехов. Перевод с англ. Москва: Независимая газета, 2006.
- Росолимо Г. Чехов. В кн. Чехов в воспоминаниях современников. Москва: Художественная литература, 1960 и 1986.
- Телешев Н.Д. А.П. Чехов там же.
- Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов. Москва: Просвещение, 1987.
- Чехов Антон. Полное собрание сочинений. Письма. Тома 1-12 Москва: Наука, 1974-1983.
- Чуковский Корней. О Чехове. Русский путь. 2007.
- Шубин Б.М. Доктор А.П. Чехов. Москва: Знание, 1977.
- Odesskaya Margarita. «Let Them go Crazy» Madness in the works of Chekhov. Angela Brintlinger and Ilya Vinitsky (eds.). Madness and the Mad in Russian Culture. Toronto: University of Toronto Press, 2007. 304 pp.

Игорь Фунт

Чёрное платье символ эпохи

К 45-летию со дня смерти великой поэтессы
В ночь с 23 на 24 июня (Ивановская ночь) 1889 г.

родилась

А.А. Ахматова

Или предтеча постмодернизма? – да сплетни всё!

*А мне, Оленька, дожди Пастернака дороже,
чем настоящие дожди (Н.А. Князева)*

Из воспоминаний ахматоведа Ольги Рубинчик

Natus est anno Domini¹

«... сегодня день моего ангела. Я пригласил к себе А.А. и Пунина. ... А.А. вошла, поздравила меня и дала мне подарок – переплетённую в шёлк, старую любимую книжку, которую она годами хранила у себя – книжку стихотворений Дельвига. Я раскрыл книжку и прочёл надпись: «Милому Павлу Николаевичу Лукницкому в день его Ангела. 19 ноября 1925 г. Мраморный дворец». А.А. поздоровалась с моей мамой (больше никого дома не было) и прошла в мою комнату. А.А. была в новом чёрном шёлковом платье. Белый платок на одном плече. Белые шёлковые чулки и чёрные туфли – всё единственное у А.А...» (Лукницкий).

Половина стихов Анны Андреевны также издана античным тиражом – в одном экземпляре, вспоминал В. Шаламов. Ей, ревностной стороннице канонических, классических русских размеров стиха, было бы к лицу быть судьёй времени, а хотела выступать подавальщицей мечей в литературных турнирах – эти театральные lamentации, эта некоторая её суетность, «потребность в болельщиках»,

¹ Родился в таком-то году н. э. (латин.).

любовь к интервью, не всегда удачным; волею судеб зачисленная в ряды прогрессивного человечества, энергично выдававшая причастность к тайнам большой политики, тайнам вечной страсти; этот её эгоцентризм, «к которому она привыкла»...

Ардов Б.В. Портрет Ахматовой, начало 1960-х

И всё-таки, несмотря на то что, по мнению Варлама Шаламова, были у Анны Андреевны ошибки (реприманд «грубому плагиату» «Поэмы без героя» с «Форели» М. Кузмина, посвящённой Анне Радловой), являлась она яркой, ярчайшей «представительницей русского Ренессанса XX столетия, характером современным, ничуть не менее значительным, чем пресловутые характеры Возрождения». – Но мы не об ошибках. Хотя, добавим, «грубый плагиат», отмеченный Шаламовым, суть поэтического выражения одного из базовых понятий постмодернистской концепции интертекстуальности – палимпсеста – текста, пишущегося поверх иных текстов, неизбежно пропускающих сквозь его семантику. (Всем известны ахматовские строки: «Но, может быть, поэзия сама – одна великолепная цитата».) «Трудно не заметить какого-то странного сходства между построением текста «Поэмы без героя» и теорией текста в

постмодернизме: так и кажется, что создатели последней вдохновлялись творчеством Ахматовой» (Н. Абрамян).

Анна Ахматова...

«...пять открытых "а" обладали гипнотическим эффектом и естественно поместили имени этого обладательницу в начало алфавита русской поэзии. В каком-то смысле это имя оказалось её первой удачной строчкой, запоминающейся тотчас своей акустической неизбежностью...» (Бродский). – Взявшись за этот очерк, я просто хотел, по христианскому обычаю, помянуть светлое имя Поэта – и в Ивановскую ночь зажечь в воображении костёр, погрузить, подумать, где-то даже посмеяться, вдохновившись поиском новых, радостных открытий в творчестве Ахматовой, отказавшись от жёстких литературоведческих, исследовательских рамок, добавляя даже и своё что-то, сим стараясь краешком хоть, дуновением, лёгким касанием дотронуться до больших событий и великих, сильных духом людей, навечно вписанных в нелёгкую, непростую историю нашей страны.

«Зачем рвёшь платье Анны Андреевны? Тебе дай хитон Пушкина, ты его тоже на пелёнки употребишь!» – сетовал юморист Александр Раскин, муж писательницы и журналистки Фриды Вигдоровой, верной подруги Ахматовой («единственный высочайший пример доброты, благородства, человечности для всех нас», – говорила о Фриде Анна Андреевна). Речь шла о старых платьях, подаренных Ахматовой Фриде на хозяйственные нужды для новорождённой доченьки Саши. При ташкентской бедности начала войны, в эвакуации, – подарок ценный, тем более сама Анна Андреевна жила крайне трудно, часто болела. Выручали друзья – «...а ещё я узнала, что такое человеческая доброта» – С.М. Городецкий, Л.Я. Чуковская, Н.Я. Мандельштам, А.Н. Тихонов, юные Ася Сухомлинова, Эдуард Бабаев, Валентин Берестов.

Когда я называю по привычке
Моих друзей заветных имена,
Всегда на этой странной переключке
Мне отвечает только тишина.
1943

На шее мелких чёток ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

Кена Видре, публицист, филолог, мемуарист, пишет: «Здесь (в Ташкенте 1941-го) я и увидела Анну Ахматову. Представляла я её по рисунку тушью Юрия Анненкова, который запомнила, листая страницы «Литературной энциклопедии». Но жила она так давно, в другом мире, теперь, верно, старуха дряхлая. И вдруг на авансцену вышла молодая Ахматова с чёлкой и чётками (это было ожерелье, но для меня – чётки), в чёрном атласном платье, стройная, величавая, с нежным бледным лицом и разве что чуть тронутыми сединой волосами».

И та, что сегодня прощается с милым, –
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянёмся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

После окончания выступления молодая совсем ещё Кена Иосифовна всех растолкала, протиснулась к Ахматовой и незаметно дотронулась до её чёрного платья: «Меня резануло полное несоответствие дешёвого «москвошевеевского», из какой-то светлой дерюжки пальтишка до колен – атласному длинному платью, всему «ахматовскому» облику». Это платье, *dans le grand style, la grande manière*², как выражаются французы, также как знаменитый, прекрасный ахматовский профиль, обернутся впоследствии символами эпохи – человеческой, общечеловеческой, поэтической... А творчество Ахматовой, ещё при жизни её, станет частью мировой культуры.

Вот как описывает работу над тем самым рисунком, упомянутым К. Видре, художник Юрий Анненков: «Печальная красавица, казавшаяся скромной отшельницей, наряженной в модное платье светской прелестницы! Я

2 В высоком стиле (фр.).

сделал с Ахматовой в 1921 году два портретных наброска: один – пером, другой – в красках, гуашью. Ахматова позировала мне с примерной терпеливостью, положив левую руку на грудь». «Портрет Ахматовой – или, точней: портрет бровей Ахматовой. От них – как облака – лёгкие, тяжёлые тени по лицу, и в них – столько утрат. Они, как ключ в музыкальной пьесе: поставлен этот ключ – и слышишь, что говорят глаза, траур волос, чёрные чётки на гребне», – эхом вторит художнику Евгений Замятин, организатор группы молодых писателей «Серапионовы братья».

Сжала руки под тёмной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
– Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.
1911

Но вернёмся в Ташкент 1941-го... Во время эвакуации Ахматова часто гуляла совместно, под руку с Фаиной Георгиевной Раневской. «Мы бродили по рынку, по старому городу, – вспоминала Раневская. За мной бежали дети и хором кричали: «Муля, не нервируй меня!» Это очень надоедало, мешало мне слушать Анну Андреевну. К тому же я остро ненавидела роль, которая принесла мне популярность. Я об этом сказала Ахматовой. «Не огорчайтесь, у каждого из нас есть свой Муля». – Я спросила: «Что у вас «Муля?» – «Сжала руки под тёмной вуалью... – это мои "Мули"», – сказала Анна Андреевна.

Кстати, именно Ахматовой принадлежит фраза, приписываемая позже Раневской: «Я такая старая, что ещё помню порядочных людей». – Её любил цитировать актёр Алексей Баталов. Раневская же восхищённо считала Ахматову ведьмой, колдуньей, пророчицей, Акумой (злым духом), как позволяла нарицать себя сама поэтесса («Ласый Акум», – любя звал её Шилейко, второй муж), а также «рабби» (библейское обращение к учителю).

О, для того ль Всевышний Мэтр
Поцеловал твоё чело,
Чтоб, спрятав нимб под чёрный фетр,

Уселась ты на помело?
(Раневская)

Фаина Георгиевна стала свидетельницей сбывшегося шутиwego, но железного своей непреложностью предсказания Ахматовой, сделанного ещё далёкой весной 1911 года:

Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

Я играю в ту самую игру,
От которой я и умру.
1963

«Хоронили» Ахматову аж несколько раз:

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом...
(Н. Клюев, 1912)

В 1912, и в 1921-м, 1952-м: «Умерла Анна Ахматова», – записала в дневнике её младшая современница Ольга Арбенина; в 1957 году (в польских газетах); даже Александр Твардовский, будучи редактором «Нового мира» (в 1960-х), одно время не знал, что Ахматова жива (хоть и печатал в «Мире» отрывки из «Энумы»), пока это не оказалось правдой 5 марта 1966 года, в день смерти главного виновника всех её бед – Иосифа Сталина.

А как музыка зазвучала,
Я очнулась – вокруг зима;
Стало ясно, что у причала
Государыня-смерть сама.

В нишей эвакуации, в военном Ташкенте, внимая отзвукам информсообщений, щедро и безоглядно написаны, по существу, все главные произведения Ахматовой: первая редакция «Поэмы без героя» (закончила в 1962), пьеса «Энума элиш» (увидела в бреду «сон во сне» как магическое предсказание неизбежного судилища: «Как будто я всё ведала заране»), сюита «Луна в зените», «Северные элегии»,

цикл «Ветер войны», не без помощи А. Толстого выходит в 1943-м ташкентский сборник, а также вершина гражданской поэзии, стихотворение «на все времена» – «Мужество».

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

И через много лет, в семидесятилетнем возрасте, держалась она гордо, величественно, «очень прямо, голову как бы несла, шла медленно и, даже двигаясь, была похожа на скульптуру, массивную, точно вылепленную – мгновениями казалось, высеченную, – классическую и как будто уже виденную как образец скульптуры» (А. Найман).

Однажды, в начале шестидесятых, на одном из творческих приёмов, на Ахматовой лопнуло платье, – вспоминает Шаламов, – шерстяное, старое платье, которое Анна Андреевна носила с десятых годов, с «Бродячей собаки», со времени «Чётки». Платье это пришло в ветхость и лопнуло, и гости зашивали его на Анне Андреевне. Другого не было у неё, да и приёма не хотелось прерывать. «Так вот, это лопнувшее шерстяное платье в тысячу раз дороже какой-нибудь почётной мантии доктора наук, которую набрасывали на плечи Анне Андреевне в Оксфорде. Это лопнувшее шерстяное платье в тысячу раз почётнее оксфордской мантии, в тысячу раз больше к лицу Анне Андреевне!

Луч утра на чёрное платье
Скользнул, из окошка упав...

И упало каменное слово
На мою ещё живую грудь.
Ничего, ведь я была готова.
Справлюсь с этим как-нибудь.

«Это была уже "оттепель". Не хватало стульев для мужчин, сидели только женщины или же мужчины постарше, некуда было класть шапки и шубы. Какая-то была

толкотня невероятная, как будто в часы пик в метро, знаете... (Речь шла о 65-летию Эренбурга в 1956 г. А. называла Эренбурга «круглогодичным лжесвидетелем», добавляя, однако, что она не относится плохо к Илье Григорьевичу.) С трудом можно было пробраться к каким-то закускам и винам. Я помню, Тышлер утащил себе три бутылки и блаженствовал сидел там в уголке. Вдруг раздался какой-то такой шорох, что ли, и вошла в кабинет Анна Ахматова, в чёрном платье, со своими серебряными волосами. Вдруг в комнате стало просторно, в этой тесной комнате. Все встали и тихо её приветствовали; она как царица такая, знаете, поклонилась и вышла в другую комнату. И Фальк мне сказал: "...И упало каменное слово..."» (Из воспоминаний А.В. Щёкин-Кротовой, жены художника-авангардиста Р. Фалька).

Анна Ахматова и Борис Пастернак
Копия фотопортрета выполнена Александром Цыбулевским

Роберт Фальк упомянул стихотворение, сотворённое на приговор Л. Гумилёва (1939 г. – 5 лет ИТЛ), показывающее всю силу материнской души и волю поэта Ахматовой, не сломленную испытаниями; а ведь Анна Андреевна была одной из первых женщин, душу которой опалил красный террор (расстрел бывшего мужа Н. Гумилёва в 1921).

Тогда, в 1956-м, на юбилее Эренбурга, не потух ещё в памяти знаменитый, знаменательный московский вечер десятилетней давности (осень 1946-го) в Колонном зале, когда она читала стихи вместе с Пастернаком. «Ахматова

была в чёрном платье, на плечах – белая с кистями шаль. Держалась она на эстраде великолепно, однако заметна была скованность и какая-то тревога» (Н. Раскина). Тревога была обоснованной.

Одной из самых больших бед в жизни Ахматовой явились последствия от принятого 14 августа 1946 г. всемирно и печально известного постановления ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"», в котором звучали, в частности, и такие строки: «Абсолютно правильно указание ЦК на то, что правление ССП и его Председатель тов. Н. Тихонов не приняли никаких мер для улучшения работы журналов "Звезда" и "Ленинград" и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зоценко, Ахматовой и им подобных несоветских писателей на советскую литературу, но даже попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов. Систематическое появление на страницах журналов пошлых и злобных пасквилей Зоценко на советских людей и советские порядки, печатание пустых, безыдейных стихов Ахматовой, пропитанных духом упадничества и пессимизма, явилось прямым содействием бездеятельности правления Союза писателей, отсутствия большевистской принципиальности, политической остроты и ответственности за порученное дело».

Ахматову и Зоценко («Я был богат, но счастлив не был», – говаривал Михаил Михайлович) исключили из Союза писателей СССР. Только в 1988 году Политбюро ЦК КПСС отменило Постановление 1946 г. как ошибочное. СП восстановил членство Ахматовой в 1951 г., но сына поэтессы Сталин из лагеря не выпустил. После Постановления ЦК две готовые к печати книги пущены под нож, в квартире отключен свет и газ, Ахматова лишена продовольственных карточек: «Друзья покупали мне апельсины и шоколад, как больной, а я была просто голодная...» Судя по сохранившимся стенограммам собраний ленинградского Союза писателей, анафемствовали её после Резолюции ежегодно.

Следует добавить, что, как выяснилось позже, заряд номенклатурного залпа Резолюции Жданова («самый

толстый», как называла его А.) был нацелен не на двух беспартийных литераторов, а против партийного и идеологического руководства Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В «Правде» опубликовали лишь четыре пункта резолютивной части постановления – за кадром оставалось ещё девять. Все они носили исключительно партийный карательный характер, трагически предвосхищая кровавое «ленинградское дело» 1949-50 годов.

В связи с широким обсуждением по всей стране Постановления 1946 года Евгений Рейн рассказал как-то Ахматовой любопытную историю.

На Кавказе к ним, молодым поэтам, подошел бродяга и, представившись бывшим заключённым, попросил денег: мол, сидел он по делу Зайченко и Ахмедова – и многозначительно подмигнул. Они вдруг сообразили, что Зайченко и Ахмедов – это перевернутые бродягой Зоценко и Ахматова. Дело, мол, молодые люди, государственное, я по нему подписку давал, об нём когда-нибудь весь мир услышит, только, мол, для вас сообщаю: Зайченко ни в чём не виноват, его затянул Ахмедов... Все уже понимали, что им пересказывается некая фольклорная байка по поводу ждановского постановления – рассмеялись, и бродяга получил свой гонорар.

Анне Андреевне почему-то эта история очень понравилась. Может быть, она считала её каким-то бредовым отражением истины, вспоминал Е. Рейн.

Одиночество такое,
Что – сейчас в музей,
И предательство двойное
Ближних и друзей.

А ведь прошло чуть больше года с победной, счастливейшей для её творчества послевоенной весны, ставшей «весной ахматовых триумфов в Москве», писал биограф В.Я. Виленкин в книге «В сто первом зеркале»: «Один за другим с огромным успехом проходили вечера встреч группы приехавших из Ленинграда поэтов с московскими поэтами. В конце первого отделения обычно выступала Ахматова, в начале второго – Пастернак.

На эстраде они сидели рядом». – Москвичи одаривали чтецов-артистов искренней признательностью, для самой Ахматовой «в её уединении и одиночестве был неожиданным тот взрыв любви и восхищения» (Раскина). Тем ужаснее для Анны Андреевны стало стройное единодушие писателей, с которым они присоединились к разгромному мнению Центрального комитета партии. Естественно, в этом оголтелом хоре не было голоса Пастернака, вообще чудом оставшегося в живых, – два больших поэта прекрасно понимали друг друга, стойко делили и радости, и беды. «Пастернака никто ещё не перепастерначил», – шутила Анна Андреевна, намекая, что власть считала его для народа слишком сложным.

Известно, что триумфальные выступления Ахматовой 1945 года публика часто встречала стоя. Об одном из таких приёмов донесли Сталину. Он показал своё отношение к услышанному, спросив доносчика: «Кто организовал вставание?» И это при том, что сборник «Из шести книг» выдвигался Шолоховым на Сталинскую премию в 1939! – однако уже через две недели после выхода серия «Из шести книг» была запрещена и «выброшена из книжных лавок и библиотек» (Ахматова).

Gesta³

...Молчание арктическими льдами
Стоит вокруг бессчётными ночами.

Молчание Ахматовой...

Было оно добровольным или принудительным? Сталинский удар 1946-го двадцатью годами раньше предвещал не менее болезненный удар, когда решением закрытой Резолюции 1925 года Ахматова, по её словам, «была изъята из обращения до 1939 г.».

Это муж мой, и я, и друзья мои,
Мы Новый встречаем год,
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжёт?
1923

³ Деяния (латин.).

– «Новогоднюю балладу», оплакивающую, поминающую рано ушедших любимых и друзей (застрелился Князев, чихотка сгубила Недоброво, расстрелян Гумилёв, покончил с собой родной брат, умер от тяжкой болезни Блок), она прочла на вечере журнала «Русский современник» в апреле 1924-го – «баллада» не понравилось кому-то «в верхах», и Ахматову «изъяли» одной росписью – Поэт замолчал без тени покаяния. Подстегнула травлю и приснопамятная статья Чуковского «Ахматова и Маяковский» («...уже не постриглась ли в монахини?»), в которой противопоставлялась салонная, «монастырская» эстетика Ахматовой пролетарской поэзии Маяковского.

Пусть мы с рифмой поселимся врозь,
Пусть молчанье будет тайны знаком...

Второй раз она замолчала в 1946-м, после Постановления... Потом будет арест сына, сражавшегося на фронте, принимавшего участие в штурме Берлина, арест бывшего, третьего мужа Анны – Николая Пунина («Не теряйте отчаянье» – любимая его поговорка, которую часто повторяла А.); грянут аресты лучших друзей-поэтов: Мандельштам, Нарбут, Пильняк; обыски, «спецпроверки», «компрометирующие материалы», «разработки», стояния в тюремных очередях («Реквием»), подозрения в шпионаже («Значит, теперь наша монахиня принимает английских шпионов!» [Сталин]); вслед за этим – десятилетия того, что сама Ахматова назвала «почти посмертным моим существованием». Многое, почти весь архив, чудом спасённый в годы блокады, сожгла она в приступах ярости, горести, чего не помнила русская литература со времён Гоголя. К великому счастью многое сохранилось в памяти её слушателей и друзей (Л.К. Чуковская, В. Иванов).

«Меня как редактора и как члена Союза советских писателей удивляет теперь то, что Ахматова сейчас молчит. Неправильно ведёт себя, сугубо индивидуалистически, враждебно» (Вишневский). «Спас Пушкин, – резюмирует М. Кралин. – Вместо сожжённых работ о Пушкине она пишет новые, где решает вопрос о достоинстве поэта и о тайной свободе поэта».

Утоптан снег, блеснул огонь, и смерти
Глаза певца уже покрыл туман.
Он привстаёт: как бы в корону метит, –
Наёмник ранен, жаль, не сам тиран!

(Перевод стихотворения М. Лужанина)

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной
1962

Ахматова понимала, что смерть когда-нибудь её одолеет, и молчание станет вечным, но знала и то, что ей дано единственное оружие в борьбе со смертью – творчество – несмотря на суровое отношение к ней судьбы, Ахматова оставалась лирическим поэтом-женщиной до последнего дня жизни. Хотя для «внутренней эмигрантки» Ахматовой возвращение к легальной литературной деятельности было, по сути, недоступным.

И всё равно: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них – связь моя со временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных» (1965). – Ну кто мог так сказать, после всего того что случилось с ним и с немилостивым к нему веком, веком утрат и боли, отчаяния и побед? – кто как не гений, патриот без кавычек и провидец, кем и была, без сомнения, Ахматова. Недаром её называли пророчицей, она многое предвидела заранее, наперёд, и приближение беды чужла задолго до её прихода; постоянно живя «на краю у гибели», она всегда была готова к самому худшему, ещё более худшему (мотивы ведовства и двойничества получили развитие в одной из «Северных элегий», цитируемой в драме «Энума элиш»).

До самой смерти она надеялась, что сможет выйти к своему читателю не только с главными стихами, которые

неизменно застревали в вязкой тине советской цензуры, но и с книгами стихов, объединёнными в циклы. Как и многие поэты Серебряного века, она была убеждена, что между лирическими пьесами, связанными лишь временем их написания, и авторской книгой стихов – «дьявольская разница». Её главным книгам везло, они каким-то чудом успевали выскочить из-под печатного станка накануне очередного крутого поворота:

Поэт – приветливый хозяин,
Читатель – благосклонный гость.

«Вечер» – накануне рождения первого и единственного сына (1912).

«Чётки» – накануне Первой мировой (1914).

«Белая стая» – буквально накануне революции, в середине сентября 1917.

«Подорожник» (1921) – накануне большого горя: летом 1921-го кончит самоубийством старший брат Андрей, в августе уйдёт из жизни Блок, затем расстреляют Гумилёва («Мир – лишь луч от лика друга, всё иное – тень его»).

«Anno Domini» (октябрь 1921) – была книгой Горя, книгой конца прежней жизни.

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
Повстречаться со всеми опять...

Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.

Ещё на западе земное солнце светит
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят.

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.

Оставаясь величайшим лириком XX века, ведая того или нет, она сближает сферы весьма отдалённые – вполне можно говорить о соответствии поэзии Ахматовой особенностям вербальной деятельности, сформулированным в постмодернизме. О постмодернизме в этом плане можно сказать, что он сознательно заигрывается с судьбой, роком – «у художника постмодернизма ослаблено чувство самосохранения, воля к жизни» (Рубинчик), что, как ни странно, подтверждал ещё консерватор Тютчев:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

«Толкает художника на это (самоистязание) сила, имя которой – всеядная прозорливость языка, которому в один прекрасный день становится мало Бога, человека, действительности, вины, смерти, бесконечности и Спасения, и тогда он набрасывается на себя» (Бродский).

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
(Ф.И. Тютчев)

«Автор занимает ответственную позицию в событии бытия, имеет дело с моментами этого события, а потому и произведение его есть тоже момент события. ...Божественность художника – в его приобщённости внеаходимости высшей. Но эта внеаходимость событию жизни других людей и миру этой жизни есть, конечно, особый и оправданный вид причастности событию бытия. Найти существенный подход к жизни извне – вот задача художника», – говорил М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества» – ведь именно Бахтин и его работы послужили толчком для разработки базовых понятий постмодернизма, ставшись также и источником мироощущения Ахматовой.

Да и мэтр модернизма Джеймс Джойс читался и перечитывался Ахматовой в подлинниках («Утёс» был одним из любимейших её произведений). Краткая

литературная энциклопедия 1964 года сообщала: «Влияние творчества Джойса ...способствовало углублению в литературе декадентских тенденций и привело многих писателей в тупик алогизма».

И вовсе я не пророчица,
Жизнь моя светла, как ручей.
А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей.
(1930, «Ответ»)

И со мною моя «Седьмая»,
Полумёртвая и немая,
Рот её сведён и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он чёрной замазан краской
И сухою землёй набит.
(«Поэма без героя», 1962)

Молчание обусловлено здесь, во-первых, опасением быть не понятым, во-вторых, поэт фиксирует реальную проблему взаимосвязи языка и мышления: язык не всегда адекватен движущейся, становящейся живой мысли, и тем более тому, что вовне поэзии – в реале, как бы сейчас сказали. Язык овеществляет, опредмечивает мысль, делая её застывшей, завершённой – трудности оформления мысли, вызванные изначально не совпадением языка и мышления, рождают чувство неудовлетворенности произведённым результатом, знакомое всякому пишущему или сочиняющему человеку.

Разумеется, в действительности язык предстаёт нерасчленённой целостностью, где его функции (средство мышления, носитель информации, функция общения) оказываются взаимосвязанными. Нельзя, например, языку быть только способом мышления, не являясь в то же время средством выражения мысли, т.е. не выполняя функции общения или не закрепляя накопленный опыт. Мы не можем мыслить, не используя язык, так же как невозможно внеязыковое выражение и фиксирование мысли.

Посредством языка мы обнаруживаем себя, обозначаем свои мысли, с его же помощью удаётся нам скрывать свои намерения, когда при определённых обстоятельствах не хотим быть узанным.

А ведь было время, в конце двадцатых, когда, наряду с Ахматовой, замолчали многие: Мандельштам (...мы напряжённого молчания не выносим...), Есенин, Цветаева, Эренбург, Шкапская, нечеловеческим усилием заставлял себя работать Пастернак. «Стихи должны нести в себе концентрат счастья или энергии. Это вовсе не значит, что они должны описывать розочку и козочку, безоблачные пляжи или счастливую любовь. Стихи могут быть трагичны, отчаянны, мучительны, но всё равно обязаны дарить читателю чувство счастья. «Пастернака почитать – горло прочистить», – говорил Мандельштам. Я бы добавил: по горной тропе пройти. Морем наддышаться» (Д. Быков).

В неблагоприятные, непристойные времена поэтический субъект как центр системы представлений и источник творчества рассеивается, его место занимают бессознательные языковые структуры, анонимные потоки либидо, по мнению Н.Б. Маньяковской. Утверждается экуменически-безличное понимание искусства как единого бесконечного текста, созданного совокупным творцом. Сознательный эклектизм питает гипертрофированную избыточность художественных средств и приёмов, превращая акмеистов и символистов в постмодернистов, в эстетических «фристайлеров». Вступают в действие постмодернистские принципы открытости, описательности, безоценочности, ведущие к дестабилизации классической системы эстетических ценностей – отказываясь от дидактически-профетических оценок искусства. Аксиологический сдвиг в сторону большей толерантности во многом связан с новым отношением к массовой культуре, «массолиту», а также к тем эстетическим феноменам, которые ранее считались периферийными.

С нынешних литературоведческих, эклектических, постмодернистских позиций можно согласиться с мнением К. Анкудинова

(http://www.chaskor.ru/article/literaturnye_dzhungli_20663), что

дооктябрьская Ахматова – это «массовая культура»: «В эпоху Серебряного века "массолит" только складывался, он послонно перемежался с «элитарным искусством» – даже в границах творчества одного и того же автора (у Блока, например); но при этом ахматовские "сероглазые короли" – однозначно "массолит" и "попса"».

Известно, что однажды Маяковский публично, на эстраде высмеял Ахматову, проскандировав «Сероглазого короля» на мотив разухабистой песенки «Ехал на ярмарку ухарь-купец», несмотря на то что любил стихи Ахматовой («надо знать хорошо и тех, с кем несогласен, их нужно изучать») и издевался не над стихами, а над «своими сантиментами, с которыми не мог совладать» (Эвентов). Вообще, Маяковский «часто декламировал чужие стихи на улице, на ходу... Эти стихи мы пели хором и шагали под них, как под марш» (Л.Ю. Брик); так исполнялись и стихи Бурлюка, Саши Чёрного, Кузмина и даже Пушкина, а не один только «Сероглазый король», да и само издевательство над этим стихотворением носило отчасти экспериментально-теоретический характер.

Дескать,
муж у вас
дурак
и старый мерин,
я люблю вас,
будьте обязательно моя,
я сейчас же
утром должен быть уверен,
что с вами днём увижусь я.
(Маяковский. «Юбилейное»)

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки её погляжу.
А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...» –

– Ахматовская «попса» начала века, учитывая состояние общества и доминирующие типы рефлексии над ним, (как сциентистского толка, так и ориентированных на

«свободную игру» или «онтологические смыслы»), конечно же, «историзирована» – она рассматривает текст (в широком смысле «текстов» культуры) в его исторической перспективе, что является необходимым условием его адекватного понимания. История, конечно же, не есть текст, но она доступна нам только в текстуальной форме. История подвергается предварительной «текстуализации» или «нарративизации» – и это единственный путь доступа к ней. (В одном ряду личная и исторические трагедии, объединенные временем, – март 1938-го: арест сына; март 1881-го: убийство Александра II; март 1801-го: убийство Павла I, – в «Годовщине» 1939 г.)

Историзм, понимаемый поэтом как последовательность способов производства соответствующих ему социальных формаций, и как смысловое измерение настоящего или как внутренняя форма опыта обитателей этого времени, видится как горизонт нашего мышления. История это то, что не в состоянии мыслить индивид, а то, как он мыслит, поэтому на уровне содержания вытесняется то, что возвращается в формальном плане (оказывающемся существенно содержательным). Тексты Ахматовой, содержательно повествующие об изолированности и а-историчности, на формальном уровне выявляют органическое единство стиля как утопический знак тотальности, Истории.

Поздняя Ахматова идеологически кодирует, ассоциирует и пародирует тексты, фокусируя их в зависимости от того, относится ли это к исторической ситуации в узком смысле (политической истории), к особенному социальному порядку и классовой борьбе в нём, или к человеческой истории как целому. «Знаки культуры размещались в стихах как ориентиры, очевидные и скрытые, – с заложенным в них требованием поисков ключа для дешифровки. Ахматова вживляла цитату, предварительно перерождённую так, чтобы чужая ткань совместилась с её собственной» (Найман).

Это и отсылки к ранним своим и чужим (Гумилёв, Чулков, Данте, Кольридж, Бодлер, Мандельштам, Брюсов, Шекспир, Нерваль, Лафорг) стихотворениям; отсылки к

Библии (в «Поэме без героя» – «Ты ровесник Мамврийского дуба»); к шумерским легендам (Гильгамеш), античным образам; это замена статуй, украшавших трибуны Колизея, на гипсовые скульптуры «Девушек с вёслами» в «Энуме»; ассоциации с героями Гёте и Уайльда, исторические «перевертыши», – причём двойные, тройные: от увещаний лермонтовского «Демона», обращённым к соблазняемой им Тамаре, – до голоса возлюбленного Анрепа, покинувшего Петербург «с первым же поездом» после «революции Керенского», – далее к своей «тоске самоубийства» (1917) – и заканчивая Голосом (мне голос был...) в «Энуме» 1943-го.

Образ Жанны Д'Арк присутствует в «Прологе» как одна из ипостасей героини пьесы – Сомнамбулы – мотивы тюрьмы, плахи, костра связаны с её образом. Ариадна – вергилиевская Дидона – Жанна – героини, которым многократно уподобляла себя Ахматова: сильные, любящие и покинутые женщины. Годы работы над восстановлением сожжённой пьесы сопровождались переводами из Рабиндраната Тагора – они возвращают нас к картине, развёрнутой в первой глиняной табличке вавилонской культовой поэмы «Энума элиш».

Известные фильмы (Дж. Де Сантис, «Рим, 11 часов», 1952), литературоведческие диспуты (ироническая отсылка к многовековому спору об авторстве пьес Шекспира Марло Кристофера (1564-1593) с претендентами); персонажи, герои произведений писателей, публицистов, литературоведов (Тынянов, Булгаков, Раков, Филиппов, Ян Потоцкий, Э. По), композиторы (Лурье, Моцарт); вожди – всё это символы идеологической, ассоциативной кодировки Ахматовой.

Не боюсь ни смерти, ни срама,
Это тайнопись – криптограмма,
Запрещённый это прием...

«Опыт Ахматовой-поэтессы входил органической частью в её исследовательскую манеру, но это, можно полагать, значит и то, что её исследовательские устремления высвечивают закономерности её собственного сочинительского метода. В данном случае – нахождение двойчатки источников, «реального» и «литературного». Эта

же обязательная парность разнокачественных источников, как представляется, является зерном большинства замыслов Ахматовой» (Р. Тименчик). Важно то, что столкновение двух систем порождает нечто третье, принципиально новое, что и явилось преддверием постмодернистской поэтики, базовыми свойствами которой являются интертекстуальность, пародийность, нацеленность текста на игру с читателем. Многообразие оттенков, создающее вокруг поэтического слова оболочку не названных в нём представлений, своеобразную ассоциативную ауру, как раз связано с тем фактором, что слово в поэзии несёт в себе «память о былых употреблениях», «пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило» (Бахтин). Отметим три вида «преддверия», соответствия постмодернистской концептуальности.

В первом варианте отдельный текст рассматривается как символический акт, индивидуальное высказывание, предполагающий воображаемое разрешение противоречия, неразрешимого в данном историческом контексте. Уже на этом уровне текст «артикулирует», «текстуализирует», реорганизует ситуацию так, что в эстетическом акте языку удастся «втянуть» Реальное в свои структуры, и таким образом конфигурация «политического бессознательного» считывается с поверхности текста.

Во втором – объектом анализа становится социальный дискурс, по отношению к которому отдельное произведение рассматривается как один из возможных индивидуальных речевых актов и выявляются «идеологемы» (социально-эффективный символ), минимальное классовое высказывание о своем «типаже», как противостоящем другому «типажу». Текст как дискурс обнаруживает свою диалогическую структуру, антагонистическую, классовую по своему характеру, а дискурсивный «голос» актуализируется как оформленный групповой интерес именно в эстетическом, текстуальном плане.

В третьем – выявляется присутствие Истории как динамики способов производства. Здесь текстуальный анализ «политического бессознательного» концентрируется на коде, знаковой системе или системе производства знаков

и кодов. То, что различается в ходе второго варианта как диалог оппозиционных «голосов», здесь становится скорее «всеобъемлющей единицей единственного кода», разделяемого ими. Таким образом, текст исследуется в терминах «идеологии формы», то есть определённого противоречия специфических посланий, созданных различными культурными доминантами. Этот последний интерпретативный горизонт является «нетрансцендируемым пределом» наших интерпретаций текстов и нашего понимания вообще. И то, что принято называть контекстом, становится подтекстом.

«Поэтому кажется не трудным заключить, что если мы рассматриваем литературу как слабую форму мифа или позднюю стадию ритуала, то в этом смысле вся литература должна одушевляться тем, что называется «политическое бессознательное», что вся литература должна читаться как символическая медитация о судьбе сообщества» (Ф.К. Урузбакиева).

Те же самые тексты, – объекты «негативной герменевтики», – как у Ахматовой, сомнения и демистификации её могут быть прочитаны и в свете «позитивной герменевтики», движимой открытием значения посредством симпатического слушания. Этот второй вид чтения оправдан, потому что всё классовое сознание какого-либо типа является утопическим постольку, поскольку выражает общность коллектива. Есть и такая точка зрения: «...прогресс вырождения духовной культуры нарастает, по мере того как прогрессирует безбожие. Современная постмодернистская «культура» есть самый «передовой рубеж» теоретически обоснованного духовного и культурного вырождения, которого достигло современное атеизированное человечество после великих творческих эпох» (Левит-Брун).

Искусное владение современным аналитическим аппаратом – психоанализ, лингвистика, текстуальный анализ – позволили Фредерику Джеймисону создать оригинальную концепцию современной культуры в работе «Постмодернизм или логика культуры позднего капитализма» (1991), явившейся одним из первых

произведений высокого теоретического уровня и огромного фактографического материала, посвящённых постмодернизму. Мы же, ничтоже сумняшеся, позволили себе применить некоторые философские принципы Джеймисона к творчеству Анны Ахматовой, попробовав осовременить, освежить поэтическое видение сквозь призму бегущего времени.

Что войны, что чума? – конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесён.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречён?
Mortuus est anno Domini⁴

Пива светлого наварено,
На столе дымится гусь.
Поминать царя да барина
Станет праздничная Русь.

Крепким словом, прибауткою
За беседу хмельной.
Тот – забористою шуткою,
Этот – пьяною слезой.
1921

Анна Андреевна высоко ценила юмор, сама любила пошутить, склонна была «к едкой ироничной шутке, к острому слову...» (Чуковский). Ахматова считала юмор очень существенной частью европейской культуры, в отличие от восточной. Она могла находить смешные черты во многом, что казалось скучным или даже страшным. «Я вам ещё не ставила пластинку про Бальмонта?.. про Достоевского?... про паровозные искры?» – дальше следовал блестящий короткий этюд, живой анекдот наподобие пушкинских Table-talk, с афоризмом, рассказывал А. Найман. Бывало, говаривала своим ученикам в литературном кружке (по воспоминаниям В. Берестова): «Не смейтесь, я Ахматова, а не Чаплин! Не смейтесь. Посмотрите в литературную энциклопедию, я трагический

4 Умер в таком-то году (латин.).

поэт. Мне свойственен пессимизм и упадничество». Вообще, хоть грусть и «была наиболее характерным выражением лица Ахматовой, даже когда она улыбалась, – как писал художник Юрий Анненков, – эта чарующая грусть делала её лицо особенно красивым».

Вот я и решил, насколько хватит бумаги, собирать «упадничества», сплетен, «невыдуманных» историй об Ахматовой, ведь воскликнуть: «Это же срам – вспоминать женщин только один раз в году! – праздник 8 Марта придумали импотенты», – мог только крайне ироничный человек; хотя к интиму в поэзии относилась неоднозначно (Ахматова не разделяла увлечения теорией Фрейда, популярной в русском обществе в 1920-30 годы). «Я сроду не написала ни одного эротического стихотворения... – говорила она. – Искусство хочет излечить человека, а фрейдизм оставляет его с болезнью».

Как-то Харджиев попросил Ахматову написать такое стихотворение, чтобы любители интимной лирики шарахнулись (по свидетельству Э. Бабаева). На следующий день Ахматова, очень весёлая, прочла ему новое стихотворение:

Не лирою влюблённого
Иду прельщать, народ –
Трещотка прокажённого
В моей руке поёт.
1960

Когда Ахматову спросили, куда девались нежные, неумелые, притягательные своей беспомощностью женщины, те самые – слабый пол, Анна Андреевна серьёзно ответила:

– А слабые все погибли, выжили только крепкие.

Верите ли, когда она однажды нашла в гумилёвском пиджаке записку от женщины, то вместо упрёков запальчиво крикнула ему: «А всё я пишу стихи лучше тебя!»? – Связано это было с тем, что после выхода первого сборника «Вечер» (март 1912 г.), её супруг пока не признал в ней настоящего поэта; и даже приветствовавшие первые стихи Ахматовой петербургские поэты больше говорили о

ней, как о жене Гумилёва. После «Чёток», выдержавшей впоследствии множество изданий, имя Ахматовой станет известно всей России.

«Ужасы войны его только развлекали», – скажет Олдос Хаксли о рослом красавце, баловне судьбы, талантливом поэте и удивительном художнике Борисе Анрепе, роман с которым случился у Ахматовой «в три дня» (1915), накануне отъезда Бориса в армию. Познакомил их потомок Пушкина, самый элегантный денди Петербурга, поэт и литературный критик Николай Недоброво, с которым «Гумильвица», как шутя называл её остряк Верховский, каталась на лыжах по замёрзшей Неве до Стрелки, под мостами, вдоль набережных. Жила она тогда с Гумилёвым на «Тучке» (Тучков пер., 17) – оттуда и спускалась на лёд реки, хватая по утрам лыжи.

Как под скатертью узорной
Протянула перстень чёрный...

Гумилёв, проведая, что Аня подарила Анрепу кольцо с чёрным камнем из бабушкиного ожерелья, и тот увёз его с собой (1916), сказал полушутя: «Я тебе руку отрежу, а ты свежи её Анрепу – скажи, если кольцо не хотите отдавать, так вот вам рука к кольцу...» – Николай Гумилёв знал, что Анна любила Анрепа.

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне...

Во время бомбардировок Лондона, когда дом Б. Анрепа был разрушен, а сам он чудом остался жив, кольцо было утеряно, но осталась память о любимом человеке: в Национальной лондонской галерее выставлена мозаика Б.В. Анрепа «Сострадание» (1952) с изображением Анны Ахматовой.

«Мрачное недоразумение» – второй муж Ахматовой Шилейко был гениален, говорил на 52-х языках, востоковед, ассириолог, знаток клинописных текстов (во «Всемирной литературе» должна быть целая кипа переводов

ассирийского эпоса, переписанных рукой А., её каллиграфическим почерком. «И это при отвращении А. к процессу писания!» [Лозинский]); в двадцать три года ему предлагали кафедру в Баварии! – в общем, был «не сахар», по словам сына, – всё в нём выглядело странно и необычно. «Я не желаю видеть падение Трои, я уже видел, как Аня собирается в Москву!» – шутил он. Но, к несчастью, был он страшно ревнив, запирал её дома, дабы не могла никуда выйти, ревновал Аню даже к стихам, разжигая самовар рукописью сборника «Подорожник» (В. Недошивин).

Много позже, в 1958 году Всеволод Иванов («Великий мистификатор, граф Сен-Жермен!» – по словам А.) попытался что-то объяснить Анне Андреевне про хеттскую клинопись, но она его прервала:

– Что вы мне говорите о хеттских табличках? Я же с ними десять лет прожила! – «И начинала с восхищением говорить о Шилейко, называя его гениальным», – вспоминал Всеволод Вячеславович.

О своём почерке Анна Андреевна отзывалась так: «Я не люблю своего почерка... Очень не люблю... Я собирала всё, что было у моих подруг написанного мной, – и уничтожала... Когда я в Царском Селе искала на чердаке в груде бумаг письма Блока, я, если находила что-нибудь написанное мной, уничтожала... Не читая – всё... Яростно уничтожала...»

Владимир Шилейко иногда едко издевался над её почерком – жена и впрямь писала порой с ошибками: «выставка», «оплупленный», «разказал». Любила выворачивать язык: вместо «до свиданья» говорила «данья», вместо «письмо» – «пимсо»; бросалась фразами навроде «фуй, какой морд», «не бойтесь, я не зажило, как говорят на юге», «тоника советую сунуть в...» Могла капризно, как маленькая, сказать «домку хочется» вместо «хочу домой». И была как бы накоротке с великими: прочитав что-то у Пушкина, отзывалась: «Молодец, Пушняк!» Закадычного друга Михаила Лозинского кликала «мифкой».

Как-то А.А. сокрушалась по поводу ударения в слове – «произнёсенный» или «произнесённый»:

– В моей жизни всего было по два: две войны, две разрухи, два голода, два постановления – но двойного ударения я не переживу!

Впрочем, Шилейко иногда и вещал: «Когда вам пришлют... мантию из Оксфорда, помяните меня в своих молитвах!» – И ведь напроорочил...

Максим Горький устраивал литераторам продовольственные пайки («паёк академический»), который развозился по писательским дворам на телеге. Однажды, увидев из окна въезжающую во двор лошадь, Ахматова грустно пошутила: «Вот едет горькая лошадь...» – В пайке была конина, крупа, соль, табак, жиры и плитка шоколада. – «Все люди немного дети... Революция их обидела. Нужно им дать по шоколадке, это многих примирит с действительностью», – примирял нужду с действительностью Горький. «Скоро встану на четвереньки, с ног свалюсь», – вторила Горькому Ахматова.

Однажды в Доме творчества писателей некая женщина стала жаловаться Ахматовой, что её знакомому (достойному, разумеется, всяческого уважения автору) дали в Малеевке маленький двухкомнатный коттедж, в то время как бездарному секретарю Союза писателей там же предоставили прекрасный пятикомнатный коттедж.

Когда дверь за дамой закрылась, А.А. сказала:

– Зачем она мне это говорила? Все свои стихи я написала на подоконнике или на краешке чего-то.

«Её безразличие к быту не перестаёт удивлять меня. Много раз описанная обстановка комнаты – кресло, стул, железная кровать, которая, кажется, должна вот-вот упасть под тяжестью её тела, небольшой кованный сундучок (не там ли лежат её рукописи?), маленький столик... Не вижу у неё книг. Трудно назвать библиотекой полочку на стене с десятком томиков; а ведь через эту комнату ручьём течёт и русская и зарубежная литература: поэты посылают ей свои книги, друзья приносят всё заслуживающее внимания» (Лесман).

– Я бедная, но мне чужого не надо, как говорят кухарки, когда что-нибудь украдут! – смеялась Ахматова. (Правда, это было сказано по поводу несостоятельной

ревности Анны Радловой, поэтессы, судьбой не менее, а в чём-то и более трагичной, чем у А.)

«Я... был совершенно потрясён. Чтобы звать меня...» – писал после знакомства с Ахматовой (1923) третий, гражданский муж Николай Пунин, ошарашенный тем, что она первая прислала ему записку: «Я сегодня буду в "Звучащей раковине". Приходите. Ахматова». – Они стали часто видеться: то вместе шли менять карточки на паёк, то он пригласит её к себе на завтрак.

И когда она спрашивала:

– Рад, что я пришла?

Довольно глупо отвечал:

– Ещё бы. – Мечтая про себя: «Взять бы её, закутать в мех... и везти в снежную пыль». А какие письма писал он ей! «Как я люблю в тебе эту склонность к бродяжничеству, когда ты крестишься на встречную церковь... а такая грешница...» Или: «Как стебель ты. Гибкая... Гибкая гибель...»

Как пустыня, ты мною печально любима,
Как пустыня, твоя беспощадна душа,
Ты стройна, словно струйка прозрачного дыма
Гашиша.

(Нат. Грушко)

Ахматовой посвящено поклонниками (и поклонницами, «Я научила женщин говорить... Но, Боже, как их замолчать заставить!») несколько сотен восторженных стихотворений, посланий, эпиграмм. Часть этих творений она сложила в особую папку, которая называлась «В ста зеркалах». В этой папке – посвящения от Гумилёва, Блока, Мандельштама, Кузмина, Клюева, Недоброво, Хлебникова, Пастернака, Асеева. Из молодых поэтов, окружавших Ахматову в последние годы её жизни, такой чести удостоились Бродский, Найман, Бобышев, Рейн.

Ты не тщеславна, не спесива,
Приятельница тихих муз,
Приветлива и молчалива.

(Лечащий А. врач П. Ланг)

В ожесточённые години
Последним звуком высоты,
Короткой песней лебединой,
Одной звездой осталась ты.
(Шилейко)

В начале века профиль странный,
истончён он и горделив,
возник у музы.
Звук желанный раздался...
(С. Городецкий)

Как Чёрный ангел на снегу,
Ты показалась мне сегодня,
И утаить я не могу,
Есть на тебе печать Господня.
(Мандельштам)

«Красота страшна», – Вам скажут, –
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи...
(Блок)

Любовное свидание с Ахматовой
Всегда кончается тоской:
Как эту даму ни обхватывай,
Доска останется доской. –

– А что? По-моему, удачно, – шутила Анна Андреевна по поводу этой эпиграммы Бунина.

В начале шестидесятых годов многие молодые поэты старались попасть под удар критических статей, и даже интриговали для достижения своих целей. Для жизни эти статьи были уже не опасны, но приносили героям большую популярность в народе. Анна Андреевна сказала про таких поэтов:

– Боже мой, очередь на Голгофу.

Ахматова рассказывала, как в 1920 годы шла по Невскому с Пуниным; они завернули за угол Большой

Морской и неожиданно столкнулись с Маяковским. Тот не удивился и сразу же сказал:

– А я иду и думаю: сейчас встречу Ахматову.

Гениальный юноша, написавший «Облако в штанах» и «Флейту-позвоночник», – отзывалась о Маяковском Анна Андреевна. – ...Если бы его поэзия оборвалась перед революцией, в России был бы гениальный поэт. А писать: «Моя милиция меня бережёт», – это уже за пределами. Можно ли себе представить, чтобы Тютчев, например, написал: «Моя полиция меня бережёт»... Впрочем, могу вам объяснить: он всё понял раньше всех. Во всяком случае, раньше нас всех. Отсюда «в окнах продукты, вина, фрукты», отсюда и такой конец...

В феврале 1936 года Ахматова навестила Мандельштама в его ссылке, получив телеграмму, что тот находится при смерти. Несмотря на своё трудное положение, Ахматова не побоялась приехать к опальному поэту («Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мёртвых!» – восклицал он), осталась верна старой дружбе. Оказалось, что всё не так уж и плохо, как показалось Ахматовой по тексту телеграммы, – что дало повод Осипу Эмильевичу потом со смехом говорить:

– Анна Андреевна обиделась, что я не умер!

Однажды Ахматова позвала к себе «на Мандельштама» Б. Бухштаба и Л. Гинзбург (1933). Но как раз в эти дни последних арестовали.

Анна Андреевна сказала с горечью Мандельштамам:

– Вот сыр, вот колбаса, а гостей – простите – посадили.

Про Осипа Эмильевича Ахматова говорила, что в его стихах очень сильно чувствуются интонации Кузмина (о Кузмине все «натренировались не говорить плохо»); и вообще, Мандельштам слишком прямолинеен, всегда под чьё-нибудь влияние попадает и постоянно кем-нибудь восхищается.

Вспоминала:

«Осип только что выучил итальянский язык и бредил Дантом, читая наизусть страницами (1933). Мы стали

говорить о «Чистилище», и я прочла кусок из XXX песни (явление Беатриче)...

Мандельштам заплакал.

Я испугалась:

– Что такое?

– Нет, ничего, только эти слова и вашим голосом...»

То было бы нарушить божий рок –

Пройти сквозь Лету и вкусить губами

Такую снедь, не заплатив оброк

Раскаянья, обильного слезами.

Только эти слова и её голосом...

Ахматова в квартире на Фонтанке. Фото Н.Н. Пунина, 1927 г.

Если не забыли, статью мы начали с дождей, с «ливней, хлещущих на страницах книг Пастернака», как сказала Ахматова; закончить бы хотелось тем же – всё очищающими, смывающими грязь, накипь бегущего времени ливнями как символом покаяния и прощения, символом контрастов, испытаний XX века, выпавшим на долю современников Анны Андреевны, видевших «одну и ту же пьесу, идущую в разных декорациях» (Найман). «Из глубины взываю к тебе, Господи...» простить и помнить всё и всех – век, и эпоху, и людей, живших в пору культурного, духовного возрождения или, по крайней мере, решительного

обновления, оказавшимися участниками расцветшего, но загубленного российского ренессанса.

Мы помним. Притихший парк, китайскую беседку под белым трауром черёмух, и знаменитую перчатку с правой руки, надетую на левую – в минуту душевного смятения; и перо шляпы, задевшее о верх экипажа во время последнего объяснения в Булонском саду; и выцветший от солнца флаг на здании таможни в городе детства, омытого звенящими косыми южными дождями...

Мы помним. И обязательно помянем – и разожжём в памяти светлый огонь на Иванову ночь.

Игорь Ефимов

Убийство президента

Глава из новой книги

Был ли заговор?

Всё началось с того, что мне захотелось написать статью о президенте Кеннеди к двадцатилетию со дня его гибели. Для нас, проживших девять лет под властью Хрущёва, Кеннеди был антиподом всевластного советского диктатора, грозившего уничтожить, похоронить западный мир. Молодой, стройный, красивый, он смело встал перед разбушевавшимся носорогом и сказал ему «нет». Нет, мы не дадим вам задушить Западный Берлин, окружённый каменной стеной. Нет, не позволим разместить ракеты с ядерными боеголовками на Кубе. Нет, не отдадим без боя Южный Вьетнам.

И носорог попятился, отступил. Но должен был возненавидеть своего противника – в этом я не сомневался. Если убийца президента прожил два года в СССР, а потом его так легко отпустили обратно в Америку – не проступала ли тут логическая цепочка? Не с заданием ли отправили бывшего морского пехотинца мастера тонких заморских операций? Которые, кстати, в те же месяцы приветствовали вернувшегося после двадцатилетнего заключения в мексиканской тюрьме своего героя – убийцу Троцкого, Рамона Меркадера.

Взяв в библиотеке «Отчёт Комиссии Уоррена», расследовавшей убийство президента, я начал читать его без всякого предубеждения, с полным доверием к мудрости американской юстиции, не имея никаких предвзятых идей. Но очень скоро обратил внимание на странную особенность

этого тома: примерно треть текста была посвящена разъяснениям, почему тем-то и тем-то свидетелям не следует верить, такие-то улики не нужно принимать во внимание, а такие-то мотивы поведения участников драмы категорически отметить.

Главный же вывод Отчёта – никакого заговора не было, и Освальд, и Руби действовали спонтанно и в одиночку – принять я просто не мог. Ну, ещё Освальд – одинокий психопат-фанатик с винтовкой – такое бывает. Но чтобы профессиональный гангстер, Джек Руби, поставил на кон свою жизнь, подчиняясь исключительно эмоциональному порыву сострадания к вдове президента? Каким надо быть простаком, чтобы поверить в это?

Я снова отправился в библиотеку, набрал стопку книг, критиковавших выводы Отчёта, и... С чем это можно сравнить? Вот если бы ураган, разбивший корабль Робинзона, выбросил его не на необитаемый остров, а бросил прямо на поля неведомой, давно идущей гражданской войны, где непонятно, кто в кого стреляет, на чью сторону стать, кому верить, с кем сражаться, – тогда его состояние можно было бы сравнить с тем, что пережил я.

Оказалось, что Отчёт – Отчётом, но кроме него, по распоряжению Конгресса, были опубликованы и открыты публике все материалы расследования: протоколы допросов пяти сотен свидетелей, фотографии вещественных улик, рапорты стражей порядка, расшифровка радиопереговоров далласских полицейских и прочее. 26 толстых томов стояли корешок к корешку на библиотечных полках, будто бросая вызов: решишься занырнуть в эту бездну?

Десятки простых американцев до меня решились и кинулись докапываться до правды своими силами. Многие вынуждены были забросить свои дела, на годы погрузиться в скрупулёзное расследование, сносить насмешки и оскорбления могущественных защитников официальной версии. Их объединяли расплывчатым понятием «критики Отчёта». В своих книгах и статьях они убедительно вскрывали все несообразности, все расхождения выводов Комиссии Уоррена с материалами, содержащимися в 26 томах, с показаниями свидетелей и вещественными

уликами. Но они не могли достигнуть единства между собой в ответе на главный вопрос: что же произошло на самом деле? Если был заговор, кто же был его инициатором? Какие нити связывали Руби и Освальда с заговорщиками?

Каждый критик выдвигал свою версию, отстаивал её, акцентировал данные, её подтверждавшие, уводил в тень информацию, ей противоречившую. В «списках подозреваемых» называли то Линдона Джонсона и Секретную службу, то Эдгара Гувера и ФБР, то правых экстремистов в союзе с богатыми нефтепромышленниками, то кубинских эмигрантов в союзе с Си-Ай-Эй, то военно-промышленный комплекс, то Никиту Хрущёва и КГБ. Но все критики вставали перед одной и той же дилеммой: Комиссия Уоррена, по их убеждению, целенаправленно уводила расследование на ложный путь; спрашивается – зачем? Поверить, что Верховный судья Уоррен и его коллеги были сами замешаны в заговоре и теперь заметали следы, не мог никто. Вопрос повисал в воздухе.

Опросы общественного мнения показали, что в первые месяцы после опубликования Отчёта в сентябре 1964 года 30 % американцев выразили несогласие с его выводами. Через год их число удвоилось. В 1967 году Нью-Орлеанский прокурор Джим Гаррисон объявил, что он раскрыл тайну убийства президента и вскоре начнёт аресты и допросы. Впоследствии его «расследование» с позором провалилось, но в январе-феврале 1967 года один за другим были убиты или покончили с собой, или «умерли естественной смертью» десятки потенциальных свидетелей, упомянутых в 26 томах документов расследования, включая Джека Руби (диагноз тюремного врача – быстротечный рак).

Вторая волна убийств и самоубийств прокатилась в 1975 году, когда сенатский комитет приступил к расследованию деятельности Си-Ай-Эй и, в связи с этим, собрался допрашивать видных мафиози. Один за другим исчезли с лица Земли Джимми Хоффа, Сэм Джанкана, Джон Россели. К этому времени едва ли 10 % американцев верили Отчёту Комиссии Уоррена. И Конгресс принял решение провести новое расследование убийства президента. Конгрессмен Луис Стокс возглавил следственный комитет,

который после двух лет работы выпустил свой отчёт как раз в те месяцы, когда семейство Ефимовых прибыло в Америку (1978). Так что в 1983 году передо мной на библиотечных полках стояло уже не 26 томов, как перед первыми американскими независимыми исследователями, а 26 плюс 12. Да ещё добрая сотня книг, написанных критиками первого отчёта за прошедшие двадцать лет. Но тщеславная мечта раскрыть *такую* тайну манила неудержимо. И я ринулся в открывшийся передо мной Мальстрим.

NB: Самое отвратительное в русской истории XX века – казни без вины. В американской – вина без наказания.

Кто стрелял, в кого попал?

Главный вывод официального расследования Комитета Стокса: заговор имел место. «На основании имеющейся информации, Комитет пришёл к выводу, что президент Кеннеди был скорее всего убит в результате заговора... Ни Освальд, ни Руби не были одиночками, какими их представило расследование 1964 года. Тем не менее Комитет откровенно признаёт, что он не смог вскрыть... характер и масштабы заговора... Комитету удалось получить новую информацию, касающуюся Освальда и Руби, и тем самым изменить взгляд на них; однако и убийца, и человек, который с ним покончил, предстают до сих пор на фоне необъяснённых или не полностью объяснённых событий, связей и мотивировок»¹.

Выводы Комитета Стокса, хотя и сформулированные с крайней осторожностью, явились наградой тем исследователям-одиночкам, которые в течение пятнадцати лет боролись против первой официальной версии. И хотя были ещё живы тысячи могущественных людей, поддерживавших в своё время эту версию и заинтересованных в том, чтобы новые данные не получили широкой огласки; хотя отчёт Комитета Стокса не имел такой широкой рекламы и такого отклика, как Отчёт Комиссии Уоррена, ибо пресса в значительной мере игнорировала его; хотя многие американцы даже и не слышали о нём (ведь был Вьетнам, Уотергейт и все текущие

¹ U.S. House. Select Committee on Assassinations. *Report*. 1979, p. 3.

войны и убийства), – он как бы официально открыл это дело заново и санкционировал правомочность новых исследований.

В докомпьютерные времена мне пришлось ксерокопировать сотни и тысячи страниц, сортировать их по папкам, по ящикам и как-то находить им место в нашем тесном подвальном кабинете. Рассказ о тройном убийстве в Далласе я решил построить в обратном хронологическом порядке: в первой части рассказать, как был убит Освальд; во второй – как был убит полицейский Типпит; в третьей – как был убит президент Кеннеди. Только проследив детально действия и перемещения известных участников заговора – Руби и Освальда, можно будет выйти на тех, кто стоял за их спиной, – так мне казалось.

После шести месяцев интенсивного чтения я пришёл к твёрдому убеждению, что все раны президента Кеннеди были нанесены выстрелами спереди. Это означало, что Освальд, находившийся сзади, в здании книжного склада, не мог быть убийцей. Он был вовлечён в заговор с заданием выстрелить в губернатора Коннэлли, что он и сделал. Раны губернатора точно указывали место расположения стрелявшего: сзади и сверху, то есть в верхних этажах книжного склада. Раз Освальд не убивал президента, мне пришлось – не без вздоха – исключить Хрущёва из списка подозреваемых инициаторов.

Был ещё один эпизод, свидетельствующий о незамешанности советской стороны в убийстве. В январе 1964 года на запад «перебежал» офицер КГБ Юрий Носенко. На допросах в ЦРУ он представился куратором Освальда и пытался убедить следователей в том, что тот не был советским агентом, что его нашли неспособным подчиняться дисциплине и просто отпустили домой в США. Версия Носенко была так переполнена противоречиями и враньём, что ЦРУ отказалось верить ему и посадило на три года в одиночную камеру. Такая слабая подготовка лжеперебежчика явно указывала на то, что его натаскивали в панике, что о планировавшемся убийстве КГБ не имело никакой информации.

Но если не Хрущёв, то кто же?

Впервые моё подозрение пало на Кастро, когда я прочитал историю французского журналиста Жана Даниэля. Этот журналист в ноябре 1963 года находился в Гаване, пытаясь получить интервью у кого-нибудь из Кастровской верхушки. Жил в дешёвом отеле, деньги были на исходе, никто интервью ему не давал. И вдруг – невероятная удача! Поздно вечером 20 ноября в отель является сам Кастро со свитой, входит в номер бедного журналиста и достаивает его четырёхчасовой беседы.

Через два дня – новый подарок! Жана Даниэля приглашают – и привозят на правительственном автомобиле – в загородную резиденцию диктатора, где во время совместного ланча обсуждается широкий круг тем, связанных с американской политикой. Кеннеди, Джонсон, Гувер, ЦРУ – Кастро расспрашивает обо всех, демонстрируя хорошую осведомлённость. И надо же такое совпадение – посреди ланча, в час дня, раздаётся телефонный звонок. Кастро берёт трубку и, помрачнев, объявляет, что в Далласе только что был убит президент Кеннеди. Теперь независимый западный журналист может рассказать всему миру, как встревожен и огорчён был глава кубинского правительства этим известием, как прозорливо предсказал: «Вот увидите, теперь они постараются свалить это убийство на нас»².

Из материалов расследования комитета Стокса стало известно, что первая попытка убийства планировалась за два дня до посещения Далласа, во время визита президента во Флориду. Но там телохранители получили тревожные сигналы и уговорили президента лететь из аэропорта в отель на вертолёте. Покушение сорвалось, но становилось ясно, что и время первой встречи Кастро с французским журналистом было выбрано не наугад.

Случайные совпадения – любимый приём слабых романистов и драматургов. Поверить в то, что Кастро, давно уже не вступавший в беседы с журналистами свободного мира, решил вдруг сделать исключение из этого правила как раз в день и час покушения в Далласе, было трудно. Отсюда

² Blakey, G. Robert. *The Plot to Kill the President* (New York: Times Books, 1981), p. 144.

мог быть только один вывод: он знал о готовившемся покушении заранее и знал до мельчайших деталей.

Вскоре посыпались и другие подтверждения вовлечённости кубинцев в убийство. Нашлись свидетельницы, видевшие Освальда в компании кубинских дипломатов на вечеринке в доме мексиканских коммунистов в Мехико-Сити, в сентябре 1963 года. В разговорах на этой вечеринке необходимость убийства Кеннеди обсуждалась открыто. В том же месяце, на приёме в бразильском посольстве в Гаване, Кастро во всеуслышание объявил, что американская разведка продолжает засылать убийц на Кубу, и предупредил американские власти, что покушения на кубинских лидеров могут ударить бумерангом по ним самим.

Вяснилось также, что Руби давно был связан с кубинскими коммунистами, которым он продавал оружие ещё во время их борьбы с Батистой, а в 1959-60 годы четыре раза ездил на Кубу, чтобы выкупить из лагеря крупных мафиозных боссов, включая самого Сантоса Трафиканте.

22 ноября сотрудница кубинского посольства в Мексике на вопрос приятельницы «слыхала новость?» ответила с усмешкой: «Я узнала об этом раньше Кеннеди».

Картина Даллаской трагедии проступала передо мной всё яснее, но я понимал, что одним чтением обойтись не удастся. Необходимо было увидеть своими глазами здание Полицейского управления, в котором Руби застрелил Освальда, улицу, на которой смерть настигла полицейского Типпита, ограду за травяным склоном на Дэйли-плаза, из-за которой раздались выстрелы, поразившие президента. И вскоре случай представился.

НВ: «История вынесет свой приговор!» Звучит почти так же утешительно и является таким же самообманом, как реплика «там разберутся», бросаемая обывателем вслед «чёрной Марусе», увозящей очередную жертву в подвалы Чека.

В Далласе двадцать два года спустя

Американская ассоциация славистов проводила одну большую всеамериканскую конференцию раз в год, а также несколько региональных. Весной 1985 года такая региональная конференция юго-восточных штатов

проходила в городе Форт-Ворт (полчаса на автомобиле от Далласа), и я решил воспользоваться случаем – поехать на конференцию с выставкой-продажей книг «Эрмитажа». Все расходы на поездку тогда можно было законно объявить расходами нашего бизнеса и списать с налогов – существенная экономия.

Стоя на Дэйли-плаза и оглядывая окрестности через видоискатель фотоаппарата, я навёл объектив на железнодорожный переезд, замыкающий площадь с запада и вдруг подумал: «А ведь этот мост – последнее, что президент Кеннеди видел в своей жизни». И газон у меня под ногами – это именно тот газон, на который люди падали, укрывая своих детей от пуль, свистевших над головами. А другие люди – отчаянные смельчаки! – ринулись вот по этому склону к ограде наверху, потому что были уверены – выстрелы раздались оттуда.

Очень полезной для моего расследования оказалась прогулка по той улочке, на которой нашли убитого полицейского Типпита. Она была такой тихой, безлюдной. Что делала здесь патрульная машина в час пополудни, 22 ноября 1963 года, когда город был заполнен воем сирен, а эфир – радиоприказами диспетчера всем полицейским немедленно мчаться в сторону Дэйли-плаза? Ответ мог быть только один: Типпит ждал кого-то в засаде.

Гибель Типпита плохо вписывалась в теории критиков Отчёта комиссии Уоррена. Большинство их пыталось обелить Освальда, упорно искало доказательства его незамешанности в случившемся. Поэтому показания шести свидетелей, видевших его убегающим от места убийства с пистолетом в руке, были для них серьёзной помехой. Критики пытались дискредитировать их, искали противоречия в их словах, утверждали, что на них было оказано давление.

Среди свидетелей был автомеханик по имени Уоррен Рейнольдс. Это он, преследуя Освальда, вбежал на заправочную станцию Боу-Тексако. Служащие заявили ему, что беглец пробежал мимо и скрылся в неизвестном направлении. В разговоре с журналистами и на допросе в ФБР Рейнольдс выразил уверенность в том, что Освальд

укрылся на территории станции. На следующий день после допроса кто-то подкараулил его в тёмном переходе и прострелил ему голову. Рейнольдс чудом выжил, но вскоре неизвестные злоумышленники попытались заманить в автомобиль его десятилетнюю дочь. После этого Рейнольдс отказался встречаться с представителями властей и журналистами.

Выстрел в голову был для меня достаточным подтверждением того, что Рейнольдс говорил правду и что эта правда была для кого-то очень опасной. Но, осматривая место убийства Типпита, я наткнулся на ещё одно побочное доказательство его честности. «Рейнольдс и Калловей» гласила крупная вывеска над дверьми небольшой автомастерской. Имя Калловей тоже было в списке шести свидетелей, видевших убежавшего Освальда. То есть эти двое знали друг друга уже двадцать лет и так доверяли друг другу, что смогли вступить в успешное деловое партнёрство. Я записал адрес мастерской и впоследствии написал Рейнольдсу письмо с вопросами о загадочной заправочной Боу-Тексако, но ответа не получил.

Зато вскоре раздался крайне неприятный телефонный звонок. Звонивший представился независимым расследователем Далласской трагедии и заявил, что хотел бы встретиться, чтобы поделиться важной информацией. Задав ему два-три вопроса, я убедился, что это самозванец, скорее всего не читавший даже Отчёта комиссии Уоррена. От встречи я отказался, но спросил, кто дал ему мой телефон.

– Мэри Феррел, – ответил он. – Мы с ней большие друзья.

С Мэри Феррел я познакомился сначала эпистолярно, а потом посетил её в Далласе. В кругу независимых исследователей убийства её авторитет был необычайно высок. Многие обращались к ней за справками, и она щедро делилась сведениями из своего обширного архива. Меня она приняла необычайно радушно, с готовностью отвечала на все вопросы, помогла связаться с другими критиками, жившими в Техасе, и с членами русской общины Далласа, знавшими лично Освальда и его

жену Марину. Поэтому после неприятного звонка я сразу позвонил ей и спросил, что это за тип.

– Ах, Игорь, я дала ему ваш телефон и сразу пожалела. Он втёрся к нам недавно, изображает энтузиаста, но явно знает очень мало и всё время чего-то недоговаривает. Простите меня великодушно.

– Это ничего. Я его отшил, и дело с концом.

– Кстати, я разузнала для вас, что мистер Боу владел той заправочной недолго. Но он до сих пор живёт в Далласе. Вы можете позвонить ему.

– Знаете, я вспоминаю пулю в голове свидетеля Рейнольдса, заскочившего на территорию мистера Боу, и желание звонить пропадает.

– Что за ерунда! Хотите, я позвоню?

– Спасибо, но лучше не надо. Вы, я знаю, ищите преступников не там, где я. Но очень прошу вас: будьте осторожны с людьми из этой заправочной.

Не знаю, послушалась ли меня Мэри Феррел. Но года через два с ней случилось несчастье. Подавленным голосом муж сказал мне по телефону, что она упала на мраморный пол в каком-то учреждении и сильно расшиблась. Сейчас находится в больнице. «Упала? Но с какой высоты? Сама упала или кто-то помог?» Мистер Феррел пробурчал что-то неразборчивое и повесил трубку. Вскоре Мэри Феррел умерла, и мне так и не удалось дознаться, как произошло падение.

На следующий день после визита к супругам Феррел я отправился в гости к мистеру Мамонтову. Илья Мамонтов был видным членом русской общины Далласа, это его ФБР использовало в качестве переводчика во время первых допросов Марины Освальд. У него мне хотелось побольше узнать о самой загадочной фигуре во всей эпопее, связанной с Освальдом, – о Джордже де Мореншильде.

Никому и никогда не удалось выяснить ни точную дату, ни место его рождения, ни судьбу его родителей, ни маршруты его многочисленных поездок по миру. Своей профессией он объявлял то кинематографию, то филателию, то нефтеразведку с помощью аэрофотосъёмок. Не было снято ни одного фильма, ни одна нефтяная скважина не

выпустила фонтан чёрного золота, но жил де Мореншильд безбедно. В 1942 году он был арестован при попытке зарисовать береговые укрепления в Техасе. В 1957 году, в Югославии, пытался приблизиться на лодке к острову, где находилась резиденция Тито, но был отогнан огнём охраны. Однако допрашивавший его следователь Комиссии Уоррена делал всё возможное, чтобы эти детали не попали в протокол, чтобы не замечать вранья и противоречий в показаниях и помочь де Мореншильду изобразить себя честным американским бизнесменом, никогда, никогда не служившим никакой иностранной разведке.

После возвращения Освальдов из России в июне 1962 года супруги де Мореншильд немедленно взяли их под своё покровительство. Мистер Мамонтов рассказывал мне, что Освальд буквально смотрел в рот де Мореншильду, следовал всем его советам. Это де Мореншильд помог Освальду устроиться на работу в полиграфическую фирму Джаггар-Чиллс-Стовал, занимавшуюся, среди прочего, выпуском карт по заказам Военного министерства на английском, китайском и русском языках. Марину де Мореншильды пытались пристроить на роль приживалки в доме отставного адмирала Брутона – того самого, который до 1960 года возглавлял отдел связи военно-морского министерства и участвовал в разработке глобального контроля за перемещением всех подводных лодок, надводных кораблей и ракет.

Всё, что мне удалось разузнать о де Мореншильде, складывалось в образ профессионального шпиона, служившего сначала германской разведке, а после 1945 года «унаследованного» КГБ. Советы после войны получили доступ к архивам ведомства Канариса и перевербовали многих немецких агентов. Скорее всего супруги Освальд явились к советскому резиденту в Далласе не просто так, а на службу. Отсюда и работа в фирме, печатавшей секретные карты, и попытка ввести Марину в дом отставного адмирала. Пора было отрабатывать двухлетнее безбедное существование в Минске.

Однако Освальд оказался таким же непослушным и неуправляемым, каким он был всю свою короткую жизнь. В

апреле 1963 года он прокрался ночью к дому генерала Уокера, главы Техасских сторонников сегрегации, и выстрелил в него через окно – явно без санкции и к великому неудовольствию де Мореншильда. (Пуля прошла в дюйме от головы генерала.) Оба вскоре покидают Даллас, видимо, опасаясь расследования. Комиссия Уоррена, допрашивая де Мореншильда весной 1964 года, делала всё возможное, чтобы подлинная роль этой фигуры не выплыла на свет. Но в 1977 году Комитет Стокса собирался допросить загадочного кинематографиста всерьёз. За день до назначенной встречи со следователем де Мореншильд застрелился в доме своей дочери во Флориде.

Мистер Мамонтов предложил мне познакомить меня с Мариной Освальд, но я отказался. Судьба этой женщины не позволяла ей говорить всю правду ни в 1963, ни в 1978, ни в 1985 году. Но в своё время она ошеломила Комиссию Уоррена, проговорившись, что, по её мнению, Освальд планировал стрелять в губернатора Коннэли, а вовсе не в президента. Такое заявление никак не вписывалось в теорию убийцы, ненавидевшего президента, и его поспешили замять, уговорив Марину взять свои слова обратно.

NB: Суды не принимают молчание испуганного свидетеля в качестве важного доказательства. А зря.

Комиссия Ефимова-Московита

За время расследования мне довелось лично познакомиться с несколькими критиками Отчёта Комиссии Уоррена, со многими я был в переписке. Большинство их не было удовлетворено выводами Комитета Стокса. Хотя Комитет признал наличие заговора, он всё же заявил о своей беспомощности перед загадкой убийства президента. А каждый критик к тому моменту имел свою теорию, и каждый воспринял болезненно непризнание своей – выношенной и лелеемой – версии.

Характерная горечь прорвалась в письме ко мне одного из критиков, Пена Джонса: «Мне почти семьдесят. Время уходить на покой. Но чувства мои сильны как прежде. Мы потеряли хорошую страну... В январе 1985 года я, видимо, прекращу выпуск моего информационного листка, посвящённого новостям расследования. У меня

просто не осталось средств... Убийцы победили. И мы потеряли нашу страну».

Я пытался разубедить его как мог. Я написал ему, что убийцы не победили. Что он и подобные ему создали атмосферу, в которой утешительная неправда не смогла выжить. Вопреки сопротивлению власть имущих, расследование продолжалось. Заговорщики начали нервничать, начали убивать друг друга, кончать с собой, умирать «при загадочных обстоятельствах». Исчезли Руби, Ферри, Джанкана, Росселли, Хоффа, де Мореншильд. Критики будили общественное сознание и таким образом заставили начать новое расследование, вскрыть новые нити. Да, писал я, вам не удалось посадить убийц на скамью подсудимых. Но страну свою вы отстояли, и она всё ещё прекрасна. Поверьте новому эмигранту, повидавшему другие страны, другие нравы, другие порядки.

Я писал это не в утешение старому человеку, а вполне искренне. Ибо бескорыстное и упрямое мужество этих людей было единственным светлым пятном в мрачной картине, встававшей перед моими глазами в процессе расследования. Многие из них надорвали силы в неравной борьбе, у многих жизнь пошла под уклон. Я видел свою задачу в том, чтобы объединить их усилия, создать воображаемую «Комиссию Ефимова-Московита» и выпустить собственный Отчёт. Основные выводы этого Отчёта, представленные в моей книге «Кеннеди, Освальд, Кастро, Хрущёв» (Эрмитаж, 1987), сводились к следующему:

1. Президент Кеннеди был убит группой профессиональных убийц, нанятых мафией Нового Орлеана. Они стреляли из-за деревянной ограды, находившейся на возвышении справа и спереди по ходу движения президентского лимузина (так называемый Травяной Холм, на северной границе площади Дэйли Плаза в Далласе).

2. Роковой выстрел в голову был произведён профессиональным преступником по имени Джим Браден, он же – Юджин Хэйл Брадинг, он же – далее следует ещё десятков имён в картотеках лос-анджелесской полиции. Он был задержан через две минуты после стрельбы на Дэйли

Плаза, потому что вёл себя подозрительно, но отпущен за отсутствием улик и в тот же день улетел из Далласа. Любопытное совпадение: 4 июля 1968 года Джим Брэден находился в Лос-Анджелесе, в ста милях от своего дома, но в десяти минутах ходьбы от отеля «Амбассадор», где в вечер того дня будет убит Роберт Кеннеди.

3. На теле президента не было обнаружено ран, нанесённых сзади, поэтому Ли Харви Освальда можно считать невиновным в его убийстве.

4. Однако в заговоре Освальд принимал самое активное участие: это он тяжело ранил губернатора Коннэли, раны которого точно указывают позицию стрелявшего – сзади и сверху, то есть как раз из окна книжного склада. Освальд был вовлечён в преступление на роль «патси» – того, на кого укажут подготовленные «улики».

5. Джек Руби был представителем мафии, которому была поручена важная роль: уничтожение Освальда сразу после убийства президента. Задачу эту должен был выполнить приятель Руби, полицейский Типпит, но Освальд сумел достать пистолет на секунду раньше и убил полицейского.

6. Заговор был продуман превосходно; если бы Освальда удалось убить сразу, мало у кого возникли бы сомнения в том, что он действовал один. Но так как это не удалось, Руби пришлось убивать Освальда на глазах у всего мира, потому что иначе мафия убрала бы его самого. (Из Нового Орлеана 23 ноября уже выехала команда с целью уничтожения этого опасного свидетеля.)

7. Вся имеющаяся информация указывает на то, что Фидель Кастро был инициатором убийства и оплатил его. (По косвенным данным можно оценить стоимость убийства: от 5 до 10 миллионов долларов.) Кастро знал о многочисленных попытках ЦРУ подослать к нему убийц, он не мог допустить мысли о том, что это делалось без ведома американского президента, и видел в уничтожении его единственный способ спасти свою жизнь.

8. С самого начала президент Джонсон, начальник ЦРУ Маккон, судья Уоррен догадались, что Кастро стоял за

спиной заговорщиков. Но они понимали, что открытое обвинение кубинского диктатора может вызвать взрыв такого возмущения в стране, которое сделает вторжение на Кубу неизбежным, – а в свете Карибского кризиса, случившегося за год до убийства президента, это могло быть чревато термоядерным конфликтом с СССР. Отстаивая теорию убийцы-одиночки, руководители страны видели себя спасителями миллионов мирных американцев, которые погибли бы в атомном конфликте. Кроме того, даже если войны удалось бы избежать, вскрывшиеся покушения на Кастро вызвали бы такой скандал, после которого демократическая партия надолго утратила надежды на место в Белом доме.

Моя книга была закончена и опубликована «Эрмитажем» в 1987 году. Я сразу же послал несколько экземпляров в Даллас тем, кто помогал мне в расследовании. Мистера Мамонтова я просил передать один экземпляр Марине Освальд Портер. Льщу себя надеждой, что именно сведения, полученные ею из моей книги, подтолкнули её дать сенсационное интервью женскому журналу, в котором она заявила, что её покойный муж был лишь малой частью большого заговора; что Джек Руби убил его, потому что он являлся опасным свидетелем, которого нужно было обезвредить; и что, скорее всего, президент не был убит выстрелом из ружья Освальда³.

В России моя книга была перепечатана в 1991 году репринтным способом, тиражом 200 тысяч экземпляров. По-английски она вышла в Америке в 1997, по-французски – в 2006⁴. Но споры на тему «был заговор или не было?» не утихают. Они не утихнут, даже если Кастро на смертном одре признается, что это он заказал и оплатил убийство. Президент Кеннеди был и остаётся кумиром миллионов американцев. Для них было бы мучительно узнать – и признать правдой, – что он участвовал в планировании покушений на лидера независимого государства, подсылал к

³ *Ladies Journal*, November, 1988.

⁴ Andrei Moscovit. *Did Castro Kill Kennedy?* Miami: Cuban American National Foundation, 1997; Igor Efimov. *Comment Castro a tué Kennedy*. Monaco: Editions du Rocher, 2006.

нему убийц, был пойман на этом, судим тайным судом в Гаване, найден виновным и публично расстрелян на площади американского города.

Мне не о чем спорить с защитниками теории «заговора не было». Какой-то интерес могут вызывать мотивы, движущие ими, причуды их ментальности – только и всего. Но критикам официальной Уорреновской версии я буду повторять снова и снова: ни одна ваша книга не даёт объяснения позиции, занятой руководителями США в вопросе о расследовании убийства. Только признав Кастро инициатором заговора, вы получаете разгадку поведения Линдона Джонсона, Эрла Уоррена, Аллена Даллеса, Роберта Кеннеди, Джона Маккона и других: они поставили своей задачей скрыть правду, чтобы уберечь свою страну от угрозы атомной войны.

На задней обложке русского издания я разместил портреты двенадцати самых видных критиков Отчёта. Но на обложку английского издания, осуществленного организацией кубинских эмигрантов, я поместил высказывания видных американцев, подтверждающие мою точку зрения.

Роберт Блэйки, директор-распорядитель расследования, проводившегося Комитетом Стокса: «Мы думали и о варианте, в котором синдикат намеренно вступил в союз с Кастро, чтобы убить президента, и эту идею было нелегко отбросить»⁵.

Томас Манн, американский посол в Мексике: «Мне представлялось, что либо в Мексике, либо в США кто-то дал Освальду задание и снабдил деньгами. Кастро представляется мне по своему характеру человеком, который мстил бы именно таким образом. Он экстремист латиноамериканского типа, который действует под влиянием импульсов, а не рассуждений, и не боится идти на риск. Вся история его жизни подтверждает это»⁶.

⁵ Blakey, op. cit., p. 156.

⁶ Summers, Anthony. *Conspiracy* (New York: McGraw-Hill, 1980), p. 441.

Роберт Кеннеди: «Многое указывает на то, что Освальд действовал не один, что заговор был шире и включал либо гангстеров, либо Кастро»⁷.

Сенатор Роберт Морган: «У меня нет ни малейшего сомнения, что Джон Фитцджеральд Кеннеди был убит Фиделем Кастро или кем-то, кто действовал под его давлением, в отместку за наши попытки убить его»⁸.

Президент Линдон Джонсон: «Кеннеди пытался прикончить Кастро, но Кастро опередил его... Всё это когда-нибудь выплывет на поверхность»⁹.

NB: Правда не важна. Важна приверженность людей устоявшемуся мифу.

⁷ Schlesinger, Arthur. *Robert Kennedy and His Times* (New York: Ballantine Books, 1978), p. 664.

⁸ Hurt Henry. *Reasonable Doubt* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1985), p. 308.

⁹ Califano, Joseph. *The Triumph and Tragedy of Lyndon Johnson* (New York: Simon & Shuster, 1991), p. 295.

Александр Зелинский

Украина – родина мамонтов!

(Химеры украинской национальной исключительности)

[Украина] – родина мамонтов. Мне один лесничий ...рассказал, как охотились на мамонтов. Конечно, это из поколения в поколение передавалось. Это храбрые были люди – охотники за мамонтами. Это родина мамонтов. Но они вымерли во время IV века, когда началось тепло, а они холодолюбивые. Они ушли в Сибирь, за ними ушли охотники самые отважные, самые заядлые. Родина мамонтов...

Из интервью Сергея Плачинды радио «Свобода» в июле 2008 года.

Многие из читателей, наверное, помнят остроумные выступления известного российского писателя-сатирика Михаила Задорнова, когда он, ловко используя приемы этимологии, выстраивал под гомерический хохот зала самые невероятные сравнительные лингвистические ассоциации, доводя их до абсурда.

Анализируя процессы, происходящие сейчас в украинской историографии, невольно вспоминаешь остроумные упражнения Задорнова, хотя по значимости этих процессов такие изыски мужей, причисляющих себя к украинской науке, далеко не столь безобидны. Они попадают на страницы учебников, калеча психологию детей и юношества, а порой просто становятся частью государственной идеологии.

Кто же эти манипуляторы национальным самосознанием, поставщики химер украинской национальной исключительности, густо замешанной на

ксенофобии и антисемитизме? Казалось бы, учитывая совокупность фактов, накопленных наукой, активности у этих новоявленных шампольонов и шлиманов, считающих, что украинцы произошли от трипольцев, обитавших в меднокаменном веке, должно же, наконец, поубавиться. Да куда там!

«Выдающиеся украинские историки» из числа так называемых национальных «свидомитов, т. е. особ, в соответствии с неологизмом этого понятия, проникшихся идеями национальной исключительности» не устают потчевать народ сказками и легендами. То амазонок назовут «древнеукраинским жиноцтвом», то дуб – «украинским деревом». И Христофор Колумб, по их мнению, не кто иной, как украинец из прикарпатской Коломыи, а завоеватель империи инков Франсиско Писарро – на самом деле никакой он не испанский конкистадор, а «писарь» украинского казачьего войска, о чем свидетельствует его фамилия. Как после столь бесспорных «доказательств» можно еще сомневаться в том, что Писарро – стопроцентный «украинец»? На такое дремучее невежество способны лишь «разношерстные заезжие чужаки»!

Вдохновясь своими изысками, один из таких «историков», кандидат исторических наук А. Дубина в своей статье «Так кто же открыл Америку?», опубликованную в журнале «Українська культура», требует, ни больше, ни меньше, как восстановить историческую и географическую справедливость, а именно: переименовать государство Колумбию в «Коломыю», а одноименный округ Вашингтона – в «Коломыевский район»!

Да что там испанцы, нахально присвоившие себе Колумба и Писарро! Где только нет следа древних укров! Они и Иерусалим основали в 1800 году до новой эры, и под предводительством волхвов заселили Индию, Месопотамию, Европу и даже Латинскую Америку, причем, задолго до прихода туда Писарро, то есть, простите, Писаренко.

Южная Америка, согласно исследованиям того же «историка» Дубины, вообще изобилует многочисленными следами украинского присутствия. Например, само название

индейского племени арауканы – это искаженное слово «аркан». Доказательством является и танец арауканов с топорами «токи». И все, якобы, потому, что древние укры свой танец аркан тоже с топорами танцевали. А взять, к примеру, песню перуанских инков «Летит кондор». Так это, всего-навсего, адаптированная к породам местных птичек древне-украинская «писня» «Лэтыть галка через балку»! А сине-желтый флаг Барбадоса, да еще и с «трезубцем» на нем? Неужели, после столь очевидных «свидетельств», кто-то еще может сомневаться в том, что именно Украина явилась пионером в освоении Американского континента?

Истоки этого уродливого явления глубоки и восходят еще ко временам так называемого Кирилло-Мефодиевского братства – тайной политической организации, созданной по инициативе Н. Костомарова в 1845-1846 годах в Киеве. Организация эта интересовалась развитием славянских народностей, в частности украинской, в рамках панславянского союза народов на основе христианских и славянофильских идей. Радикальное крыло этого братства, к которому примыкал и возведенный еще советской властью на пьедестал духовного символа украинства Т.Г. Шевченко, среди прочего проповедовало и идеи национальной исключительности. Основы теории украинского национализма были заложены в «Книге бытия украинского народа», написанной членами братства, а доказательность их предполагалось утверждать радикальными путем.

Значительный вклад в развитие украинского национализма внес польский историк и публицист Францишек Духинский, который подвел интеллектуальный базис под потуги ранних украинских националистов.

Дальнейшее обоснование этих идей нашло в работе Михаила Грушевского, пытавшегося довести историю украинцев до периода, предшествующего появлению Киевской Руси. Наиболее крайние, агрессивные формы теоретический украинский национализм приобрёл в работах Николая Михновского, выдвинувшего лозунг «Украина для украинцев» и Дмитрия Донцова с его интегральным национализмом. Термин «Государственнический

национализм» обосновывал и отстаивал и другой публицист и теоретик польского происхождения, Вячеслав Липинский.

Новый толчок идеям национальной исключительности дало обнаружение в 1897 году возле села Триполье Киевской губернии археологом Викентием Хвойкой остатков культуры меднокаменного века. Это послужило поводом для некоторых украинских историков, унаследовавших идеологию радикального крыла Кирилло-Мефодиевского братства, посчитать Трипольскую культуру прародительницей всей мировой цивилизации, мол, все самые великие изобретения древности были сделаны и впервые использованы трипольцами. Более того, древние государства Египта, Шумера, Китая и Индии по их мнению являлись осколками «Великой Трипольской Империи», основанной, естественно, нашими прямыми предками: «чистокровными арийцами» – протоукраинцами. И, хотя со временем выяснилось, что древние трипольские горшки оказались уникальными только с точки зрения малороссийской археологии и что такая же утварь в огромных количествах была найдена в Румынии, Молдавии, и в Галиции, проповедники древних корней украинства и его исключительности не успокаиваются и по сей день. Вот как, например, академик, директор Института археологии АН Украины Толочко характеризует это: «В ранних исторических периодах все объявляется украинским – начиная от Триполья и до Киевской Руси. К примеру, что Киевскую Русь создали украинцы». Чего уж больше, если националистические спекуляции на исключительности трипольцев, не имеющие под собой никаких оснований, уже в наши дни, когда Украину возглавлял убежденный в своем знании истории «коллекционер» трипольских артефактов В. Ющенко, стали чуть ли не догмами!

А нынешние, с позволения сказать, ученые мужи, продолжая и развивая идеи радикалов из Кирилло-Мефодиевского братства, считают, что на протяжении столетий разношерстные заезжие чужаки искусственно сдерживали развитие украинской исторической и политической мысли, прививали ей провинциальность и местечковость. Украинские профессора Петров,

Субтельный, Щербаковский и им подобные, «творчески» переработав богатое наследие костюмаровых-грушевских, вскормленных таким шедевром, как «История Русов», придали истории «нэньки-Украины» воистину глобальный размах, включив в нее всю древнюю Ойкумену. И затем уже их нынешние выученики окончательно преодолели «местечковый провинциализм» и дошли, как говорится, «до ручки», т. е. принялись осваивать те континенты и территории, которые их предшественники еще не осмеливались объявлять «украинскими». Тот же, упомянутый выше «новатор» А. Дубина, из которого «открытия» сыпятся непрерывным потоком, утверждает: «Сегодня уже хорошо известно об украинском присутствии в Африке (!). В частности доказано (?!) украинское происхождение мамлюков, которые правили в Египте с 1250 по 1517 год».

В современной науке для подобных новаций существует специальный термин – фолк-история, т. е. псевдоистория, являющийся обобщённым названием совокупности претендующих на научность, но не являющихся таковыми идейно-теоретических концепций и литературно-публицистических трудов на исторические темы, созданных, в основном, непрофессионалами, действующими с позиций негационизма, т. е. исторического ревизионизма, при котором «новая» концепция строится на отрицании или игнорировании твёрдо установленных наукой фактов.

Вот теперь и посмотрим на персоналии фолк – историков так называемой «новой волны», в ряду которых первое место безусловно занимает некто **Лев Силенко**.

Учился в Кременчугском библиотечном техникуме. С 1940 года проходил службу в Красной Армии. После начала войны очутился сначала в плену, а потом – в дивизии Ваффен СС «Галичина» где, удостоившись чина гауптштурмфюрера за усердие в карательных операциях, был награжден Железным крестом 2-й степени и знаком за борьбу с партизанами.

После войны обосновался в Канаде, и там основал так называемую Родную Украинскую Национальную Веру

(РУНВера) – секту синтетического антихристианского украинского неязыческого толка. Основные тезисы, пропагандируемые этой сектой, сводятся к отрицанию христианских ценностей, которые трактуются как чуждые украинскому народу и якобы насильственно навязаны ему некими внешними силами.

В 1979 году Силенко выпустил «Мага Вера» – книгу, претендующую на то, чтобы стать новым украинским священным писанием для приспешников его секты. Основной ее целью являлось реформирование веры древних Русов, основанной на многобожии, в религию современного образца на основе религиозных представлений о якобы едином боге русов Дажбоге. В этом опусе так же пропагандировались взгляды Силенко на историю украинской нации, базировавшиеся на постулатах национальной исключительности.

В среде наиболее рьяных украинских фолк-историков крайние взгляды Силенко относительно мифа о национальной исключительности приобрели характер классических и пользующихся непререкаемой авторитетностью. Именно Силенко в своем опусе озвучил, что еще гиксосы – одно из древнеукраинских племен «основали город Иерусалим более чем за 500 лет до вторжения жидов в Йоханаан». Йоханаанцы, утверждает Л. Силенко, называли гиксосов «русами». Так вот, эти русы и основали поселение Русасалем, то есть «Русов постой». И далее, совсем как у Задорнова, «Русасалем постой» с легкостью необыкновенной трансформируется в Иерусалим!

Юрий Шилов

По образованию – археолог, бывший сотрудник Института археологии АН Украины. Считает себя основоположником новой исторической теории.

Шилов несколько раз пытался защитить докторскую диссертацию сначала в Киевском институте археологии, а затем – на кафедре археологии исторического факультета МГУ, но каждый раз его работа не принималась к защите по причине игнорирования в ней твёрдо установленных наукой фактов. Ныне, после неудачных попыток стать доктором исторических наук, Шилов величает себя академиком

«Украинской международной Академии оригинальных идей» и академиком «Православной Русской академии» или просто «народным академиком».

Идеология Шилова состоит из национализма украинского и русского толка, а так же откровенного антисемитизма. По его разумению шумеры, а вместе с ними и вся мировая цивилизация – это выходцы из Трипольской культуры правобережной Украины. «Российская империя является наследницей древнейшего в мире государства Аратта... и хранительницей этнокультурного корня индоевропейских народов и земной цивилизации вообще». «Трипольская культура, главный эмбрион всемирной цивилизации, была инфицирована в XXIV-XXI веках до н. э. ордами семитов... Из этих орд выделилось особо разбойное племя евреев... и принялось сочинять свою версию Священной Истории...».

«Труды» Шилова подверглись жёсткой критике со стороны научного сообщества. Даже его первые работы, включая книгу «Космические тайны курганов», были раскритикованы за игнорирование общеизвестных археологических данных. А такие опусы этого «академика», как: «Прародина Ариев», «Праистория Руси», «Космос древней Украины», и многие другие были вообще отнесены к области низкопробной ненаучной фантастики.

Валерий Бебик

Недалеко ушел в своих изысках от г-на Шилова. Политолог-теоретик, проректор им же организованного частного университета «Украина»

В статьях Бебика, опубликованных в газете Верховной Рады «Голос Украины», утверждается, что в IV веке до н. э. происходило формирование некоей «скифо-арийской семьи» народов, проживавших на территории современной Украины и сопредельных территориях Белоруссии и России. В эту «скифо-арийскую семью» Бебик причисляет множество племён – от будинов саков до галлов и греков. По его утверждениям представители нордической скифо-арийской расы иммигрировали с территории древней Украины в... Индию!

Все дальнейшие построения Бебика базируются на типичной для подобных псевдоисторических сочинений вульгарной этимологии. Наибольшую известность в СМИ приобрело утверждение Бебика о том, что, якобы, Будда Сакьямуни «принадлежал к сакскому народу будинов», потомки которого будто бы и сейчас проживают на территории Сумской и Черниговской областей Украины, а также в сопредельных регионах России и Белоруссии. Но этого Бебику показалось мало. Он, например, утверждает, что «римляне называли своих предков-троянцев Теукрами в честь первого царя Трои – Теукра, отсюда, мол, вырисовывается, что украинский этнос имеет за своими плечами не менее 5 тысяч лет истории», а по свидетельству римского историка Помпея Трога (I век до н. э.): «Скифское племя всегда считалось древнейшим, хотя между скифами и египтянами долго продолжался спор о давности происхождения...».

А древнеегипетский храм Хет-ка-Птах – так это, по утверждениям Бебика вообще копия украинского Хата-Птаха. Да и строить пирамиды египтян научили именно украинцы, поскольку при раскопках там часто встречается изображение трезубца – малого государственного герба Украины.

Павел Чемерис

Известный публицист антисемитского толка. В газете «Нескорена нация» опубликовал статью «Сионские планы "богоизбранных" мудрецов», где сообщает, что «жиды – уникальное племя, из глубин веков и до наших дней сохранили они... дикость пещерных "взаимоотношений" – человеконенавистничество, кровожадность, мстительность, аморальность с ее подлостью, паразитизмом, фарисейством...»

В своей статье «Кто и когда основал Иерусалим?» Чемерис вторит Дубине и Силено. Он, например, утверждает, что при раскопках финикийского города Кносс якобы найдена табличка с именем короля гиксосов Кгиян, то есть короля киевлян! Отсюда следует вывод: Киев существовал уже 4 000 тысячи лет назад, и именно украинцы основали в Палестине государство Самария,

получившее название от притока Днепра реки Самара. Потом они же построили город Руса-лель (Мать руссов). Правда, опять-таки, проклятые евреи его со временем переименовали в Иерусалим.

Сергей Плачинда

Автор наиболее известного в среде фолк-историков опуса «Лебедия» (Как и когда возникла Украина), выдержавшего уже два издания и считающегося у них чуть ли не классическим. Из этой среды неоднократно раздавались призывы ввести сей «труд» в качестве учебного пособия в школьные программы при изучении истории Украины.

Закончил филологический факультет несуществующего Кировоградского (по другим сведениям – Киевского) государственного университета, а потом – аспирантуру при Институте литературы им. Т.Г. Шевченко, где в дальнейшем и работал научным сотрудником. Активист национал-патриотического толка, приобретший на этом поприще известность в Украине после развала СССР. Помимо «Лебедии» написал еще и «Словарь древнеукраинской мифологии», в котором история украинского народа искусственно удревняется. В нем Плачинда, в частности, поведал читателям, что Креститель Руси – апостол Андрей был родом из «брегов, или оберегов, – древнего и многочисленного украинского племени, которое еще в XVI веке до н. э. переселилось с Роси и Днепра в Северную Италию и Палестину», а «амазонки – воинственная община древнеукраинских женщин 3-1 тысячелетий до н. э.». Изображение древнеукраинского казака с «оселедцем» на темени и длинной косой, спадающей на плечо, можно найти в гробнице египетского фараона XIV века до н. э., и это, по его мнению, подтверждает как саму древность украинского казачества, так и происхождение названия «казак» от слова «коса»...

Вторя другим, подобным ему псевдоисторикам, Плачинда не ограничивается каким либо одним регионом древнего мира. Чего стоит, например, следующий его пассаж: В III веке «украинский ватажок Одын» отправился в Скандинавию. Дикие предки шведов признали его своим

вождем, а после смерти канонизировали как верховного бога Одина, генетическая память о котором «заставляет современных шведов жить под украинским жовто-блакитним флагом»!

Но, прежде всего, о названии самой книги.

О стране Лебедии известно давно. Еще в X веке н. э. о ней писал византийский император Константин Багрянородный, участвовавший 1 000 лет назад в крещении княгини Ольги. Т. е. упоминания о Лебедии относятся к периоду: до Крещения Руси.

О королевстве Лебедии, существовавшем в IX веке на Востоке от Киева пишет и Н.М. Карамзин в «Истории государства российского». Известно так же, что эту Лебедию основали мадьярские племена, жившие ранее в предгорьях Урала, т. е. на территории современной России, и имя Лебедь (Лыбедь) – было их родовым именем. Сам клан мадьярских воевод, пришедших с Урала, носил родовое имя – Лебедиас.

Так что, историю «О племени Лебеди» серьезные историки отнюдь не оспаривают, и она такова, что Лыбедь и три её брата: Кий, Щек и Хорив по легендам даже связаны с основанием Киева.

Но сама книга «Лебедия» настолько насыщена перлами, игнорирующими установленные наукой факты, что стоит процитировать некоторые, наиболее одиозные из них. Чудеса начинаются с аннотации к книге, широко вещающей следующее:

«Если ли в мире такая страна, которая прошла бы семитысячелетний путь своего развития – взлетов и падений, побед и поражений, рассвета и падения, которая уже в древности добыла бы такой могучий цивилизованный потенциал, которая породила другие народы, нации и языки, и которая на разных этапах своего пути имела бы столько разных названий как наш родной край и его отдаленные и близкие регионы: Оратта, Ориана, Киммерия, Скифия, Амазония, Сарматия, Пеласгия или Лебедия, Венедия, Этрурия, Трояда, Роксолания, Антия или Оратания, Украина-Русь, Казацкая держава, Украина. В книге

предлагается пройти путями зарождения и развития украинской нации и государственности».

Далее следуют еще более изумляющие читателя откровения автора:

Стр. 6.

«...не нашим предкам кто-то и откуда-то принес культуру, а наоборот, наши праотцы, древние украинцы, несли ее, первичную цивилизацию, в мир, научили другие народы – далекие и близкие – пахать, сеять, растить хлеб, ковать орала и плуги, ткать, строить дома и писать».

«...древнеукраинский язык – мать всех индоевропейских языков... Древняя Украина (Оратта) – родина всех индоевропейских народов».

Стр. 7

«Украина – родина древнейшего письма, которое вырезалось по камню с 12 тысячелетия до н. э...».

«Мы, украинцы, можем гордиться, что нашей нации 20 тысяч лет».

Стр. 24.

«...колесо и плуг изобрели древние украинцы в 5 тысячелетии до н. э. Одновременно был приручен конь»

«Первая человеческая цивилизация начиналась не с меча, а с плуга и солнцеподобного хлеба. Эту хлебоборбскую культуру основали древние украинцы-пероворотели-ории, их чаще всего, неправильно называют ариями».

Стр. 45

«...сейчас мы, украинцы, имеем полное право праздновать 7 тысяч лет украинской государственности. Такой же возраст и украинской нации».

Стр. 46

«Шумеры сами себя считали выходцами с какой-то Аратты... протошумерские надписи и изображения найдены на территории Украины...»

«Именно тут, на черкасщине, дошумерская Аратта достигла своего наивысшего развития».

Стр. 56

«...надднепровская держава Оратта переросла в мировую сверхдержаву Ориану. Как это произошло? Каким способом смогли ории мирным путем и за короткий период

колонизировать Индию, Китай, Месопотамию, Палестину, Балканы, Северную Италию, Египет, остров Крит, Западную Европу, Швецию?...»

Стр. 66

«Веды написаны древнеукраинским языком – санскритом... Индия и Украина – родные сестры. У них одна мать – Ориана. Точно также Иран и Украина – брат и сестра».

Стр. 69

«...вот что несли в мир древнеукраинские племена с Днепра и Десны, с Карпат и Галиции: клинопись со временем позаимствовали у сумерианов-орианов ассирийцы, вавилоняне, хуриты, урартцы, хетты, персы и пр.»

Стр. 72, 101

«Украинской казацкой вольнице примерно 3 400 лет... не без влияния девичьей вольницы косачек-амазонок – закалялось украинское казачество, возникало рыцарство, которое со временем станет гордостью украинской истории и нации...»

«...почему о них [косачках-амазонках] так упорно молчат современные ученые? Даже российские и малороссийские. Да потому, что их культура – древнеукраинская... Это были украинские девчата, в этом их «вина», поэтому их «не замечают».

«Вот античный историк Лисий (на самом деле «Лысый») – украинец по происхождению, пишет, что амазонки первыми стали применять железное оружие и первыми сели на коня, этим они долгое время превосходили своих пеших врагов».

«...именно в это время родился Гомер... он родился, умер и похоронен на территории Украины. Очевидно, Гомер был украинцем, а писал на древнегреческом, подобно великому украинцу Гоголю, писавшему на русском».

Стр. 74

«...царь Урарту Руса I правил в 730-714 гг. до н. э. Его наследники Руса II и Руса III – эти цари были древними украинцами, которые научили древних армян, как преобразовывать долины армянской державы в плодородные оазисы»

Стр. 88

«Дарий I проводя денежную реформу назвал золотую монету «дариком», словом, корень и суффикс которой – украинские».

В не меньшее изумление повергает читателя одно лишь краткое перечисление того, что излагается во второй части этого опуса:

- Древнеукраинская федеративная держава Этрурия.
- Все этрусские города имеют украинские названия.
- Украинская держава Галлия (основана галичанами).
- Возникновение культур Эллады и Рима на древнеукраинском культурном слое.
- Аттила – киевский царь.
- Возникновение т. н. «русских» – зверолодей без совести.
- Москва – древнедмуртский город.
- Московский террор против Украины.
- Принятие украинцами христианства в 35 г. н. э.
- Украинское происхождение Христа, Марии, его отца – Пандиры (Бандуры) и Андрея Первозванного.
- 988 год – запрет язычества и установление монотеистического христианства.
- Развал России и утверждение идеального государства – Украины.
- Осуществление пророчеств Нострадамуса.

Следопыты из общества «Ріднокрай»

Выше мы рассмотрели вклад в национальную исключительность только, так сказать, элиты фолк-историков. Но от них стараются не отстать и периферийные творцы мифов об украинстве. Так, некие днепропетровцы: Борис и Людмила Ковтонюк, Александр Писаревский, Николай Лукашов и Людмила Ковтонюк. под эгидой Днепропетровского краеведческого общества «Ріднокрай» и Украинского культурного центра «Рідний Світ» порадовали всех результатами своих новых «исторических» изысканий. Ими было сделано «уникальное» открытие. Оказывается, индоевропейский народ хетты, обитавший в бронзовом веке в Малой Азии, тоже произошел от украинцев!

Доказательства? Их предостаточно! Например, подземные города украинских казаков, которые нашли эти следопыты между Мариуполем и Днепропетровском и которые есть также в Батурине и в Полтаве. «Подземные ходы и поселения на территории нашего края и Украины вообще приводят нас к такой смелой гипотезе, что практика подземного строительства была присуща еще древним ариям. Так, в Турцию в III-II тысячелетиях до н.э., оказывается, выселилась с территории современной Украины... одна из арийских народностей и создала там Хеттскую державу (!?). Там они начали строить большие пещерные города, которые и сегодня можно видеть в нагорьях провинции Каппадокия. Но, интереснее всего другое – наскальные рисунки в пещерах Каппадокии, такие же, как и рисунки в древних пещерах на территории Украины, особенно в Приднепровье, а также орнаменты традиционной украинской вышивки практически идентичны». Эти энтузиасты даже успели посчитать, что «и символика, и графика народов совпадает на 80 процентов».

Итак, с этой исторической загадкой стараниями следопытов из общества «Ріднокрай» покончено.

Потуги фолк-историков в своих трудах сформировать в сознании нации понятие собственной ее исключительности во все времена и во всех странах приводили к печальным последствиям. Попытки восстановить прошлое Украины, которым можно было бы манипулировать, неизбежно и быстро ведут к столкновению с проблемой современной и исторической ее идентичности. При этом, как грибы после дождя, возникают множество гибридных, переходных или вовсе мифических, форм самоидентификации. Это еще одно свидетельство того, что в современной истории Украины недостает преемственности государственных и национальных традиций.

В Украине вопросы истории нации и ее культуры всегда неизменно оборачивалась их политизацией, свидетельством чему является, хотя бы, недавний скандал с присуждением высшей литературной премии 2011 г. книге «Черный ворон», описывающей события сравнительно

недавних времен с позиций откровенного национализма и ксенофобии.

Как результат подобных процессов появляются мифологизированные версии прошлого, некий «первозданный» взгляд на нацию или этнос, которым присуща якобы вечная, неизменная, священная соборность в рамках, обозначенных бредовыми идеями фолк-историков. Вследствие такого прочтения истории, как правило, все выдающиеся украинцы обязательно превращаются в националистов и сепаратистов.

Поиски украинской идентичности, какими их представляют нынешние горе-историки, являются химерой и обречены кануть в небытие.

А пока же, украинская история в глазах большинства современных исследователей, к сожалению, продолжает носить налет искусственности и неподлинности.

Борис Тененбаум

Крах Великой Армии

или
несколько портретов на фоне эпохи
Главы из новой книги

I

В кои веки можно, не кривя душой, сказать доброе слово и о труде Д.С. Мережковского. Его описание отступления французской армии из Москвы в своем роде исключительно... Возможно, потому что громкий пафос автора в данном случае так совпал с ужасом гибели Великой Армии?

Впрочем, судите сами. Вот слова, которые нашел Дмитрий Сергеевич:

...28-го, [октября 1812 года] ударил мороз, а 8 ноября, по дороге на Вязьму, французов застигла такая вьюга, что людям, не знавшим русской зимы, казалось, что тут им всем пришел конец. Черное небо обрушилось на белую землю, и все смешалось, закружилось в белом, бешеном хаосе. Люди задыхались от ветра, слепли от снега, коченели от холода, спотыкались, падали и уже не вставали. Вьюга наматывала на них сугробы, как могильные холмики. Весь путь армии усеян был такими могилами, как бесконечное кладбище. Особенно пугали их длинные зимние ночи. На бивуаках в степи, в двадцатиградусный мороз, не знали, где укрыться от режущего, ледяного ветра. Жарили себе на ужин дохлую конину на тлеющих углях, оттаивали снег на похлебку из горсти гнилой муки и тут же валялись спать на голый снег, а поутру бивуак обозначался кольцом окоченелых трупов и тысячами павших в поле лошадей. Но лучше было замерзнуть, чем попасть в руки казаков и крестьян: те убивали не сразу, а долго издевались и мучили

или просто выбрасывали, голых, на снег; если же пленных было слишком много, гнали их пиками, как скот, может быть, на новые, злейшие муки. Сто тысяч французов вышло из Москвы, а недели через три осталось тридцать шесть тысяч, да и те – живые трупы, смешные и страшные чучела, в пестрых и вишивых лохмотьях – чиновничьих фраках, поповских рясах, женских капотах и чепчиках. Ни подчиненных, ни начальников: бедствие сравняло всех. Стаи голодных псов следовали за ними по пятам; тучи воронов кружили над ними, как над падалью ...

Что еще можно сказать, и что можно к этому добавить? Разве что пояснение – когда автор говорит о том, что ...пленных ... гнали ... пиками, как скот, может быть, на новые, злейшие муки..., он, возможно имеет в виду образовавшийся новый промысел: казаки продавали пленных за деньги, собранные вскладчину крестьянами ограбленных деревень, и что с ними потом делали, зависело только от изобретательности местных умельцев...

Партизанские отряды образовались еще в сентябре, по-видимому, по инициативе Дениса Давыдова. Он предложил посылать в тыл к французам так называемые «партии», и даже сумел уговорить Кутузова – позволить попробовать это на практике. Ему дали примерно пол-эскадрона гусаров, горсть казаков – и он отправился в путь. Сперва его отряд приняли за французских мародеров и встретили оружием – но довольно скоро он сумел завоевать доверие крестьян.

К этому времени в деревнях появились уже и мушкеты, и даже люди, знающие, как с ними обращаться. Отставшие от своих частей раненые солдаты русской армии становились «инструкторами», и, случалось, отряды самообороны организовывались сами, не дожидаясь прибытия офицеров вроде Давыдова. Главной заботой была защита от фуражирских команд французской армии, в поисках еды нещадно грабивших деревни, но с началом отступления французов такие самодеятельные отряды самообороны приступили и к нападениям. Они не были страшны более или менее организованному батальонам, сохранившим подобие дисциплины.

Но для мелких групп, пытающихся любой ценой выбраться из ада, они были сама смерть.

II

Великая Армия перестала быть Великой, и в очень большой степени перестала быть армией. На запад шли немногие части, сохранившие подобие порядка – и катилась огромная волна людей, потерявших всякую дисциплину. Вообще говоря, возникает вопрос – как же это все не окончилось полной катастрофой? В книге Джеффри Ригана, который собрал всякого рода курьезные случаи из военной истории, начиная от Александра Македонского, приводится такой диалог между двумя французскими солдатами, бредущими от Москвы на запад:

«Ты видел? Это голландские гренадеры...»

«Какие гренадеры? Я никого не видел».

«Как какие? Ты видел сани, запряженные парой? Так в санях и были голландские гренадеры – все 16 человек...»

Шутка становится вовсе не смешной, когда в списке потерь Великой Армии, приведенном у Адама Замойского, обнаруживаются сухие цифры: из 500 человек батальона голландских гренадеров, 484 из русского похода не вернулись. Толпы мародеров добирались до охраняемых складов с продовольствием и запасами, и разносили их почище всяких казаков. Порядок рухнул, никакое нормальное распределения имевшихся ресурсов оказалось невозможным. Удержать дисциплину удалось только в элитных частях вроде старой гвардии – и то это удалось сделать благодаря Наполеону. Голландский генерал, сильно не любивший императора – хотя бы потому, что он мимоходом ликвидировал Голландию, сделав из нее несколько новых департаментов Франции – был поражен тем, как изменился Наполеон в беде. Вялость и безразличие, которые в Москве отмечали все люди из его окружения, исчезли.

Тяжелая простуда, случившаяся с ним в предбородинский период, и о которой нам говорит Констан, как бы испарилась. Что сделалось с воспалением мочевого пузыря хозяина, он нам не говорит, но, похоже, и этот недуг оказался побежден силой воли. Долгими часами Наполеон

идет вместе со своими солдатами, и делает все возможное и невозможное, чтобы как-то ободрить своих солдат.

Но, наверное, даже его усилий и даже его гения не хватило бы для спасения, если бы в его отчаянной борьбе против русского климата и русского бесконечного пространства ему не помогли два могучих союзника: русский беспорядок и – как ни странно – главнокомандующий русской армией, светлейший князь Михаил Илларионович Кутузов.

Говоря о русском беспорядке, по размерам столь же эпическом, что и русские пространства, не хочется оставаться голословным. Кое-что на эту тему уже отмечалось, но вот еще один совершенно конкретный пример:

...Царский брат цесаревич Константин Павлович, укрывшись от войны в Петербурге, времени даром не терял. Он представил в Екатеринославский полк 126 лошадей, прося за каждую 225 рублей. «Экономический комитет ополчения сомневался, отпустить ли деньги, находя, что лошади оных не стоят». Но государь приказал, и Константин получил 28 350 рублей сполна, а затем лошади были приняты: «45 сапатов застрелены немедленно, чтобы не заразить других, 55 негодных велено продать за что бы то ни было, а 26 причислены в полк...

Согласитесь, что получить с казны 28 350 рублей за 26 лошадей, выплаченных по высочайшему повелению – при том, что 225 рублей за лошадь государственная оценочная комиссия считает ценой чрезмерной – это довольно сильно? Он просто очень характерен – как-никак, виновным оказалось второе лицо Российской Империи, наследник престола, который по положению своему должен был бы показывать пример беззаветного служения Отечеству. Случай этот почерпнут из книги Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», глава VII – и автор книги добавляет к этому и оценку его, сделанную современниками:

...В.И. Бакунина в своих интимных заметках говорит по поводу этого поступка Константина, что «язык недостаточен», чтобы приискать «название истинно

выразительное» для подобных деяний; «надобно изобрести новые», достаточно «выразительные» слова, чтобы восславить Константина Павловича так, как он того заслуживает...

И ничего – стыд не роса, глаза не выест...

Цесаревич Константин Павлович, увы, был не одинок. Русской армии на протяжении всей кампании 1812 года доставалось от погоды и от нехватки снабжения почти так же сильно, как и французской, хотя, казалось бы, военные действия шли в своей стране, и подвозу еды и фуража противник не мешал. Более того – волна самого искреннего патриотизма действительно захватила оба сословия, располагавших частными средствами – и российское дворянство, и российское купечество. Дворяне Московской Губернии в ответ на предложение дать в армию одного из двадцати пяти своих крепостных мужиков не только согласились на это, но и по собственной инициативе увеличили этот «чрезвычайный налог» в два с половиной раза – они дали одного рекрута с десяти. Московское купечество собрало около двух с половиной миллионов рублей в помощь правительству. Отдельные люди, располагавшие крупными средствами, шли и дальше.

Граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, например, за свой счет вооружил целый конный полк.

Однако до армии собранные припасы очень часто не доходили, или доходили не вовремя. Армия представляла собойдвигающийся город, с «населением» под сотню тысяч человек. Для сравнения – немаленький по тем временам город Вильно был втрое меньше. Организовать снабжение такой огромной массы людей и лошадей, находящейся в непрерывном движении, было объективно очень трудным делом, потому что для накопления запасов требовалось и время, и какое-то место, заранее определенное, укрепленное и снабженное складами и администрацией. На общую ситуацию влияла и конъюнктура. Купечество действительно пожертвовало казне два с лишним миллиона рублей – но и цены (например, на оружие) взлетели втрое.

Прибавим к этому и казнокрадство. В какой-то мере казнокрадство было системной проблемой. Стране, столь

огромной, как Россия, и – поневоле – столь централизованной, как Россия, этому самому «центру» углядеть за местной администрацией было решительно невозможно. Но и «центр», как мы видим из примера, тоже часто на казенные подряды смотрел как на возможность поправить дела. Константина Павловича порицали – но он вряд ли был одинок...

В общем, будем считать, что российский способ ведения государственных закупок, по крайней мере в случае с поставкой армии лошадей великим князем Константином, помог Наполеону – и перейдем к вопросу более существенному.

К вопросу о том, насколько полезным оказался французскому императору его противник, Михаил Илларионович Кутузов.

III

Л.Н. Толстой украшает собой канон мировой литературы. И в его романе «Война и Мир» М.И. Кутузов действует единственно возможным, наиболее правильным и наиболее выгодным для России образом.

Нет никаких сомнений в полной искренности Льва Николаевича. Его убежденной жизненной позицией был поиск *полной правды* – конечно, такой правды, какая представлялась правдой ему самому, и в стремлении к ней он мог говорить весьма нелицеприятные вещи, не останавливаясь решительно ни перед чем. Достаточно вспомнить историю со Священным Синодом, постановившим, в частности, следующее:

...в наши дни, Божиим попущением, явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно перед всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры

отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которую жили и спасались наши предки и которую доселе держалась и крепка была Русь Святая...

Понятно, что человек, сказавший то, что он думает о таких важных, чувствительнейших предметах, как религия и церковь, и обваливший в результате на свою голову такой документ, не поколебался бы сказать все, что он думает, и о М.И. Кутузове.

И находит он о нем слова самые лучшие:

...Он [Кутузов] выслушивал привозимые ему донесения, отдавал приказания, когда это требовалось подчиненным; но, выслушивая донесения, он, казалось, не интересовался смыслом слов того, что ему говорили, а что-то другое в выражении лиц, в тоне речи доносивших интересовало его. Долголетним военным опытом он знал и старческим умом понимал, что руководить сотнями тысяч человек, борющихся со смертью, нельзя одному человеку, и знал, что решают участь сраженья не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти...

Е.В. Тарле, крупнейший историк, человек необъятной эрудиции и великих знаний, понимавший эпоху, в которой жил и действовал М.И. Кутузов, как может быть, никто другой, писал то же самое.

Он написал книгу «Нашествие Наполеона на Россию». В собрании сочинений Е.В. Тарле, она датирована 1938-м, но, понятное дело, разрабатывалась пораньше, в 1936-1937. Есть у него и отдельный, специальный труд, «Михаил Илларионович Кутузов, полководец и дипломат», который датирован 1952-м. Обе вещи включены им в один и от же VII том, где обе и напечатаны подряд, друг за другом.

Они противоречат друг другу.

IV

Начнем с первой книги, «Нашествие Наполеона на Россию». Книга, как уже и говорилось, делалась в 1936-1937 годах. Книга замечательно документирована, даже по высоким стандартам Евгения Викторовича. В ней собраны

свидетельства современников, принадлежавших к самым разным слоям российского общества того времени, от придворных и до небогатых купцов из калужской глубинки. Что же касается отзывов о М.И. Кутузове, то к числу «опрошенных свидетелей» принадлежат и враги Кутузова – такие как Беннигсен, стремившийся занять его место, или английский военный комиссар, сэр Роберт Вильсон, у которого Кутузов вызывал только что не приступы апоплексии – и друзья, русские военные, хорошо знавшие фельдмаршала по повседневной службе, и преданные сторонники, офицеры его штаба.

Все они говорят примерно одно и то же: фельдмаршал, светлейший князь М.И. Кутузов, не любил формальностей. Распоряжения отдавались устно, и часто – через голову непосредственных начальников тех, кому давалось *...повеление...* Так что были случаи, когда командиры дивизий вдруг обнаруживали, что подчиненный им полк куда-то услан распоряжением свыше, без всяких следов в штабных документах. В такой ситуации, когда выколотить подпись Кутузова под каким бы то ни было документом не могли даже важные офицеры его штаба, вроде Толя, или Коновницына, а дела, как правило, делались келейно и неофициально, именем светлейшего князя охотно пользовались люди, к нему приближенные в силу личных связей. Например, его зять, князь Кудашев.

Военная администрация в результате запуталась так, что Барклай в отчаянии писал об этом царю – впрочем, совершенно тщетно. Его спровадили из армии, а разговоры о том, что он изменник, достигли общественного мнения настолько, что под Калугой его экипаж забросали камнями. Знавшие Кутузова люди отмечали в нем *...черты сибаритства, лукавства, и лени...* – как говорит Е.В. Тарле. Например, цитата из письма графа Ланжерона, направленного Воронцову после отъезда его из армии, действовавшей против турок на Дунае:

...Кутузов уехал, он нас расстрогал при отъезде. Он был очень любезен и очень тронут. Пусть господь даст ему фельдмаршальский жезл, покой, тридцать женщин и пусть не дает ему армию...

Царь считал Кутузова *...придворной лисой и старым сатиром...*, и говорил, что дать ему назначение его вынудило только общественное мнение, потому что все московское дворянство стояло за его кандидатуру. Клаузевиц, который в окружение Кутузова не входил, но дело войны знал как никто другой, по поводу его действий высказывался так:

...Кутузов, наверное, не дал бы Бородинского сражения, в котором, по-видимому, не ожидал одержать победы, если бы голос двора, армии, всей России его к этому не принудил. Надо полагать, что он смотрел на это сражение как на неизбежное зло. Он знал русских и умел с ними обращаться...

Мнение Клаузевица о том, что Кутузов ни за что не дал бы сражения, если бы только мог этого избежать, по-видимому, совершенно справедливо. Он избегал любого боевого столкновения с Великой Армией не только в период сразу после сражения под Бородино, но и намного позже. Об этом писали и Ермолов, и Денисов. Они прямо-таки приходили в отчаяние, пытаясь как-то добиться от Кутузова активных действий, и все было совершенно тщетно – двигаться он не желал.

Царь вообще подозревал своего фельдмаршала в том, что он не просто избегает столкновения, а норовит сделать так, чтобы подвести других в русских военачальников.

Вот что говорит об этом Е.В. Тарле:

...Кутузов не хотел даже близкого соприкосновения с арьегардом отступавшего французского императора. Не хотел, конечно, не из «трусости», а вследствие ненужности новых боев с его глубоко продуманной точки зрения. И Александр, хитрый, недоверчивый, ненавидящий Кутузова человек, издали, из Зимнего дворца, подозревал, что Кутузов лукавит, что он не хочет ловить Наполеона, что он хочет «портить» и «испортит» все, на что царь так надеялся, что он хочет подвести Чичагова и Витгенштейна под удар, под сражение с Наполеоном и не подаст им помощи в этом будущем роковом столкновении. Он писал резкие письма, угрожал главнокомандующему

личной его ответственностью... Не помогло ничего. Когда ударил решительный час, когда очередной акт великой всемирно-исторической драмы начал разыгрываться на берегах Березины, Кутузов поступил именно так, как того боялся Александр, но как он сам считал нужным и целесообразным...

Вот это потрясающее заявление: *...он хочет подвести Чичагова и Витгенштейна под удар, под сражение с Наполеоном и не подаст им помощи в этом будущем роковом столкновении...* – получает совершенно неожиданное подтверждение, и от свидетеля, которого никак не заподозришь ни в недостаточном патриотизме, ни в неприязни к светлейшему князю Кутузову.

Это Денис Давыдов, отважный партизан.

V

Согласно абсолютно всем источникам, на переправе у Березины остатки Великой Армии должны были быть уничтожены. Отступление Наполеона шло по смоленской дороге, и за ним двигалась главная русская армия, которой командовал Кутузов. Морозы, расстояния и нехватка снабжения привели к тому, что было потеряно две трети того личного состава, который она первоначально имела, но, конечно, ее положение было несравненно лучше, чем положение французов: имелись возможности эвакуировать заболевших, отставших крестьяне не добивали – так что армия была боеспособна. Помимо главной русской армии, находившейся под непосредственным командованием Кутузова, наперерез бегущим французам шли еще две русские армии – одна, под командованием Витгенштейна, с севера, другая, под командованием адмирала Чичагова, с юга. Они должны были перехватить переправы, и одновременным ударом с трех направлений уничтожить и Наполеона, и остатки его войск.

Адмирал Чичагов уже занял Минск, отобрав у противника возможность воспользоваться хранившимися там запасами, и хоть немного отдохнуть, и теперь пытался прикрыть все места на Березине, где можно было навести переправу. Для расчетов ему было необходимо знать, как скоро к нему на помощь смогут подойти части главной

русской армии. И вот тут, по словам Дениса Давыдова, он наткнулся на прямой обман:

...Кутузов со своей стороны, избегая встречи с Наполеоном и его гвардией, не только не преследовал настойчиво неприятеля, но, оставаясь почти на месте, находился все время значительно позади...

Согласно «Запискам» Д. Давыдова (Е.В. Тарле их обильно цитирует), Кутузов писал Чичагову, что он *...на хвосте неприятельских войск...*, и предлагал ему действовать решительно.

Послушаем Е.В. Тарле:

...Кутузов при этом пускался, по уверению Давыдова, на очень затейливые хитрости: он помечал свои приказы Чичагову задним числом, так что адмирал ничего понять не мог и «делал не раз весьма строгие выговоры курьерам, отвечавшим ему, что они, будучи посланы из главной квартиры гораздо позднее чисел, выставленных в предписаниях, прибывали к нему в свое время». А на самом деле Кутузов все оставался на месте в Копысе...

Тарле даже добавляет, что *...неправильно датированные приказы Кутузова и полное его молчание одинаково выбивали из-под ног Чичагова всякую почву...*

Зачем же это все делалось? Денисов (как и соглашавшийся с ним Ермолов) полагал, что это делается из страха столкновения с теми частями, которые еще сохранили дисциплину, например, со все еще грозной гвардией Наполеона. Он гвардию эту видел в походе своими глазами, и оставил ее яркое описание:

...Подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон... мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от этих сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегая всеми усилиями нашими, оставались невредимы; я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих, всеми родами смерти испытанных, воинов. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, белых ремнях, с красными

султанами и эполетами, они казались маковым цветом среди снежного поля... Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн неприятельских, у коих отбивали отстававшие обозы и орудия, иногда отрывали рассыпанные или растянутые по дороге взводы, но колонны оставались невредимыми... Полковники, офицеры, урядники, многие простые казаки устремлялись на неприятеля, но все было тщетно. Колонны двигались одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами и издеваясь над нашим вокруг них бесполезным наездничеством... Гвардия с Наполеоном прошла посреди... казаков наших как 100-пушечный корабль между рыбацкими лодками...

Однако у Кутузова были не одни только казаки. Он располагал регулярной армией. Кроме того, одно дело – избегать столкновения самому, и совсем другое дело – вводить в заблуждение Чичагова. Ну это-то зачем? В теорию Денисова такой замысловатый трюк как-то не вписывается. Царь, как мы знаем, полагал, что целью было намеренно подставить Чичагова под удар. Может быть.

Но имелась и другая теория.

VI

Состояла она в том, что Кутузов разошелся с Александром Первым во взглядах на цели русской военной кампании 1812 года. Александр считал необходимым уничтожение Империи Наполеона, Кутузов считал, что достаточно просто выгнать французов из России, а в остальное не вмешиваться. Более того – он даже полагал правильным и полезным сохранить в Европе наполеоновскую Францию как противовес слишком большому увеличению могущества Англии.

А поскольку возразить самодержцу его фельдмаршал никак не мог, то он занялся тихим саботажем его распоряжений, добиваясь таким образом своего без явного нарушения положенной ему роли лица подчиненного, верноподданного, угадывающего волю своего монарха, но не могущего изменить не зависящий от него ход событий.

Автором теории был, по-видимому, британский военный агент в России, бригадный генерал сэр Роберт

Вильсон, позднее, похоже, к этой же точке зрения стал склоняться и Александр Первый.

Насчет саботажа – это правда. Так и было. И видно это из мемуаров всех его врагов, вроде Беннигсена и Баркляя, и всех его друзей, вроде Ермолова, Коновницына, Дохтурова – и нет между ними в отношении этого вопроса ни малейшего различия. Кутузов отказывался идти на помощь Милорадовичу, когда тот загородил путь отступавшим итальянским частям Эжена де Богарнэ, хотя его умоляли об этом и Толь, и Ермолов, и Коновницын.

Или случай под Малоярославцем, подробнейшим образом описанный в мемуарной литературе. 22 октября 1812 года в штаб-квартире Кутузова в Тарутине в 11 часов вечера было получено известие о подходе Наполеона к позициям Дохтурова. Бросить его войска на произвол судьбы было невозможно, и Кутузов *..начал движение...* Далее началась совершенно невероятная войсковая «эволюция», при которой на переход в 28 верст понадобилось 38 часов. А когда главная армия все-таки подошла к истекавшим кровью частям Дохтурова, она постояла немного и отошла назад. Кутузов избегал сражения, это понятно – но ведь можно было двинуться вперед – и выручить Дохтурова, не заставляя его ждать подмоги чуть ли не двое суток? Можно было, наконец, просто приказать Дохтурову отступить? Ничего это сделано не было. Отдавать приказ на отступление, да еще письменный, светлейший не захотел. Идти на выручку со всей возможной быстротой он тоже не захотел, потому что опасался втянуться в то самое большое сражения, которого он так старался избежать. И Михаил Илларионович Кутузов, человек очень умный, и очень себе на уме, принимает решение *...поспешать медленно...* А то, что Дохтурова могут за это время разгромить – ну, на то и война...

То, что он *...боялся...*, глупо и говорить. Человек, как-никак, служил под командой Суворова и брал Измаил... Что же было настоящей пружиной таких его действий? Послушаем Е.В. Тарле, вот что он говорит на эту тему:

...в 3 верстах от Малоярославца, 25 октября, сидя в штабе отступившей русской армии, Вильсон в письме к

Александр совершенно ясно и четко сформулировал две несогласные и непримиримые точки зрения: точку зрения исключительно русских интересов, представляемую фельдмаршалом, и точку зрения всего конгломерата боявшихся и ненавидящих Наполеона европейских стран во главе с Англией:

...Лета фельдмаршала и физическая дряхлость могут несколько послужить ему в извинение, и потому можно сожалеть о той слабости, которая заставляет его говорить, что «он не имеет иного желания, как только того, чтобы неприятель оставил Россию», когда от него зависит избавление целого света. Но такая физическая и моральная слабость делают его неспособным к занимаемому им месту, отнимая должное уважение к начальству, и предвещают несчастье в то время, когда вся надежда и пламенная уверенность в успехе должны брать верх...

С сэром Робертом Вильсоном совершенно согласен офицер квартирмейстерской части А.А. Щербинин, о мнении сэра Роберта, конечно, не знавший, но зато не отлучавшийся от главной квартиры Кутузова:

...Марш от Малоярославца до Днепра представлял непрерывное противодействие Кутузова Коновницыну и Толю. Оба последние хотели преградить путь Наполеону быстрым движением на Вязьму. Кутузов хотел, так сказать, строить золотой мост расстроенному неприятелю и, не пущаясь с утомленным войском на отвагу против неприятеля, искусно маневрирующего, хотел предоставить свежим войскам Чичагова довершить поражение его, тогда как длинный марш ослабил бы неприятельское войско еще более...

А вот что говорит генерал Левенштерн:

...[под Вязьмой Кутузов] слышал канонаду так ясно, как будто она происходила у него в передней, но несмотря на настояния всех значительных лиц главной квартиры, он остался безучастным зрителем этого боя, который мог бы иметь последствием уничтожение большей части армии Наполеона и взятие нами в плен маршала и вице-короля... В главной квартире все горели нетерпением сразиться с

неприятелем; генералы и офицеры роптали и жгли бивуаки, чтобы доказать, что они более не нужны; все только и ожидали сигнала к битве. Но сигнала этого не последовало. Ничто не могло понудить Кутузова действовать...

Совершенно то же самое думали Дохтуров, Раевский, Коновницын, Ермолов, Денис Давыдов...

И Е.В. Тарле, принимая во внимание все, ими сказанное, тоже соглашается с Робертом Вильсоном – да, М.И. Кутузов не имел ни малейшего намерения русскими руками выигрывать для Англии ее великую и нескончаемую войну с Наполеоном. Он только меняет знак оценки – то, что для сэра Роберта огромный, непрощаемый грех и измена общему делу, для Е.В. Тарле – замечательный, огромный выигрыш, оставляющий Россию в положении арбитра в смертельной схватке Англии и Франции за господство в Европе.

Заметим в скобках – это вполне совпадало с *...текущим политическим моментом...* В 1936-1937, в СССР считалось правильным смотреть со стороны на грозные тучи, собиравшиеся в Европе.

VII

В свете вышеизложенного, у нас на руках есть два портрета М.И. Кутузова.

Согласно первому, написанному Л.Н. Толстым, Кутузов – мудрый старик, всей своей жизнью заслуживший право понимать и выражать свою страну, и спасающий ее из смертельной беды.

Согласно второму, написанному Е.В. Тарле, Кутузов к тому же еще тонкий и хитрый политик, сумевший настоять на своем в споре с государем-императором, и устроивший так, что и победа в 1812 году досталась России без лишней русской крови, и Англия потеряла шанс победить Наполеона русским оружием, и Запад Европы остался расколотым на два враждебных лагеря, к вящей русской выгоде.

Но есть еще и третий портрет М.И. Кутузова, и тоже – на фоне его эпохи. Вот какими красками он выписан:

1. ...Теперь историческая заслуга Кутузова, который против воли царя, против воли даже части своего штаба, отмечая клеветнические выпады вмешивавшихся в его дела

иностранцев вроде Вильсона, Вольцогена, Винценгероде, провел и осуществил свою идею, вырисовывается особенно отчетливо...

2. ...*При той концепции планов и действий Кутузова, которую подсказывают и вполне подтверждают документы, совершенно немыслимо продолжать поддерживать теорию «золотого моста», которая долго всерьез приписывалась Кутузову со слов враждебного к нему английского бригадира Вильсона...*

3. ...*стратегия Кутузова привела к Бородину и создала затем глубоко задуманное и необычайно оперативно проведенное контрнаступление, загубившее Наполеона...*

4. ...Бой под Малоярославцем имел колоссальное значение в истории контрнаступления. ...Наполеон оказался перед грозной альтернативой: либо решиться на генеральный бой, либо сейчас же, с калужских путей, ведущих на юг, сворачивать на северо-запад, к Смоленску. Он не решился идти в Калугу. Кутузов стал перед ним стеной...

5. ...Ближайшие помощники и сподвижники Кутузова, вроде Коновницына, Дохтурова, Милорадовича и других, вспоминали впоследствии с особенной любовью отличительную черту кутузовских приказов: необычайную ясность, краткость, удобопонятность...

Вы что-нибудь понимаете? Каким образом ...*стратегия Кутузова привела к Бородину...*, когда в командование он вступил 29 августа 1812 года, а дата сражения было решено уже 3 сентября? То есть у него было буквально 3-4 дня – вроде бы маловато для выработки и осуществления стратегии? А как же Барклай, который командовал армией с самого начала войны и привел ее от Немана почти к самому к бородинскому полю, и тем сохранил для боя? Почему теория «золотого моста» для ухода Наполеона из России ...*приписывалась Кутузову бригадиром Вильсоном...*, когда сам Кутузов говорил о ней, и неоднократно? Что связывает вместе Вильсона, Вольцогена и Винценгероде, кроме того, что у них иностранные фамилии? А на случай, если вы не догадались,

о чем идет речь, к портрету Кутузова добавлена и еще одна милая черта:

...Его любовь к России обостряла в нем естественную подозрительность к иностранцам...

Его *...естественная подозрительность к иностранцам...* не помешала ему отдавать распоряжения на безупречном французском языке, читать для отдыха роман мадам де Жанлис «Рыцари Лебеда», дружески общаться с графом Ланжероном, иметь в качестве начальника штаба полковника фон Толя и выдать замуж одну из своих дочерей за человека с предосудительной фамилией Тизенгаузен – но читателю это все знать не полагается, хотя автору «портрета» все это известно куда лучше, чем нам, потому что автором является тот самый Е.В. Тарле, скептический эрудит и умница, стилем которого у нас уже был случай самым искренним образом восхищаться.

А все вышеприведенные цитаты взяты из его работы «Михаил Илларионович Кутузов, полководец и дипломат», помеченной в его собрании сочинений 1952 годом, и напечатанной сразу же после другой его вещи, «Нашествия Наполеона на Россию», из которой мы могли усмотреть, что восхищение ясностью и точностью приказов Кутузова, которую выказывали его помощники и сподвижники носит характер ненаучной фантастики. И по поводу *...победы Кутузова под Малоярославцем...* у них тоже было мнение, несколько отличающееся от полного восторга...

Почему же весь это дикий бред был написан? Ну, это как раз вполне понятно – надо только поглядеть на дату публикации – 1952 год. Эту чушь написал сломленный человек, отчаянно боявшийся за свою жизнь, и за жизнь своих близких, и не думающий уже ни о мере, ни о вкусе, ни даже о правдоподобии, а думающий только об одном – оправдаться. Весь его очерк о Кутузове пересыпан покаянными речами о том, как, где и почему он ошибался в своих более ранних публикациях, и как новые материалы, открывшиеся ему, совершенно изменили его мировоззрения, и какие новые, замечательные, и гораздо более правильные книги он еще напишет, и он уже даже начал их писать – поверьте, поверьте, в них все будет правильно...

А чтобы не было сомнений, в дело идет новый материал – солдатские песни времен войны 1812:

1. *...Не боимся мы французов, штык всегда востер у нас, лишь бы батюшка Кутузов допустил к ним скоро нас!*

2. *...Постараемся все, ребятушки, чтобы сам злодей на штыке погиб, чтоб вся рать его здесь костью легла, ни одна б душа иноверная не пришла назад в свою сторону...*

Ну, и так далее. А для полного эффекта добавляются вещи, от которых, право же, начинается зубная боль:

1. *...Александр преступно пренебрег советами Кутузова, не посчитаться с которыми он не имел никакого права...*

2. *...Кутузов в разгар работы в Тарутине должен был выслушивать нелепые и дерзкие «советы» царя – поскорее начинать военные действия, не мешкать...*

3. *...Эту фальсификацию могут принять лишь те, кто, подобно французским шовинистически настроенным историкам и следующим за ними немецким, итальянским, английским и американским авторам, абсолютно не желает видеть бросающуюся в глаза действительность...*

То есть из первых двух приведенных выше предложений у читателя складывается впечатление, что царем был Кутузов, а не Александр Первый, а уж *...фальсификация, которую могут принять лишь те... кто, подобно французским шовинистически настроенным историкам и следующим за ними немецким, итальянским, английским и американским авторам, абсолютно не желает видеть бросающуюся в глаза действительность...* – это и вовсе убойная формула, годная на что угодно. Формула, понятное дело, уже в ходу и носит ритуальный характер. Идет охота за ведьмами – и автор очерка выкрикивает формулу навстречу «загонщикам». Это вовсе не связанная речь, а отчаянный крик – *Да что вы! Я свой!*

Так кричит несчастный, загнанный человек, отчаянно пытающийся уйти от пыток и смерти...

В Евгения Викторовича Тарле камня не бросишь. Он не зря поставил в вышедшее в 1957 собрание своих сочинений ОБЕ вещи – и «Нашествие» и «Кутузова» – в

один том, и подряд. «Портрет Кутузова», конечно, ему не удался. Но эпоху, в которой он жил, Е.В. Тарле показал очень точно.

Илья Куксин

«Жаннетта»

Как утверждают знатоки, тексты на мелодию этой песни ныне существуют на 80 языках мира. Музыкальные критики многих стран называют ее самой популярной песней XX века.

ервоначально она была написана на идиш в 1932 году для бродвейского мюзикла “I Would if I Could” (Сделаю, если смогу). В оригинале песня называлась “Bei mir bist du shein” (Для меня ты самая красивая). Музыка написал эмигрант из Украины, дирижер Еврейского театра в Нью-Йорке Шолом Секунда, а слова Яков Якобс. Сам мюзикл успеха не имел, но песня разошлась в 1933 году немислимым для того времени тиражом в 10 тысяч экземпляров. Однако, особую популярность она получила после того, как Сэмми Коен и Сол Чаплин перевели текст на английский и песню стал исполнять популярный в то время ансамбль «Сестры Эдвардс». Аккомпанировал им знаменитый оркестр под управлением Бенни Гудмена. В воспоминаниях сестер Берри, известных исполнительниц джазовых версий еврейских песен, упоминается и о таком эпизоде: однажды ночью они услышали по радио эту песню в исполнении сестер Эдвардс. И они приняли решение изменить свои имена Клары и Минни Багельман на Клэр и Мирни и назвали себя по аналогии «Сестрами Берри». Кроме них эта песня вошла в репертуар таких известных исполнителей, как Элла Фитцджеральд, Гай Ломбардо и Джуди Горлано. В 1937 году в Америке эту песню записали на пластинку. За первый месяц было продано 75 тысяч экземпляров, а в 1938 году было продано 250 тысяч. В том же 1938 году песня была удостоена премии “ASCAR”

американского общества композиторов, авторов и издателей, как наиболее популярная песня года.

На эту привлекательную мелодию впервые в 1930 годах в СССР появились две песни оркестра Леонида Утесова «Моя красавица» и «Старушка не спеша дорогу перешла, ее остановил милиционер». Третья песня оркестра Л. Утесова «Барон фон дер Пшик» была исполнена и записана на пластинку в 1943 году. Автор музыки Шолом Секунда на ней не упоминался и значилось только: «Обработка О. Кандида – Л. Давидович».

Но наибольшую популярность в бывшем СССР, нынешней Российской Федерации и среди русскоязычных эмигрантов третьей волны до сих пор популярна песня «В Кейптаунском порту» или «Жаннетта». Неприхотливая, разухабистая песенка, родившаяся в 1940 году на уроках русского языка, в одной из школ Ленинграда сразу получила такую популярность, которая не померкла до сих пор. Предоставим слово ее автору бывшему девятикласснику 242-й ленинградской школы, а ныне полковнику медицинской службы в отставке Павлу Моисеевичу Гандельману: «Ни в каком Кейптауне, тем более в его кабаках, я тогда даже в снах, естественно, не бывал. Но повсюду звучали шлягеры на эротические темы "Джон Грей", "Девушка из маленькой таверны", "В таинственном шумном Сайгоне". Они возникали ниоткуда, никто не знал их авторов, но пели их все. И мне захотелось сочинить что-то подобное. Такую сокрушительно-кровавую песню на популярный мотив, и посмотреть – вдруг она тоже повсеместно разойдется». Песня писалась вначале вдвоем вместе с одноклассником Трудославом Залесовым, но тот быстро к делу охладел, и авторство целиком стало принадлежать Павлу. Каждый новый куплет зачитывался одноклассникам, которые его утверждали. Стихи писались на мелодию Шолома Секунды, уже известную в СССР после упомянутых выше песен Утесова. Как это было в действительности, следует из письма Т.Д Залесова известному писателю Виктору Конечкому, которое опубликовано в его книге «Третий лишний»:

...Морская песня «Жаннетта» – это литературная мистификация. Писалась она в 1939/40 учебном году на уроках. Ее автор – девятиклассник Павел Гандельсман, ныне подполковник в отставке. Собственно, он и я уговорились писать по куплету. Начал он, потом три строчки сочинил я, и вдруг Павла прорвало – он начал строчить даже на переменках... Выбрали мотив популярной в те годы песенки «Моя красавица всем очень нравится походкой нежною, как у слона...». На тех уроках литературы проходили «Кому на Руси жить хорошо», и в песню попало заимствование: «...здесь души сильные, любвеобильные...» Почему получилось такое неравенство в авторстве? Да потому, что я был просто школьником, а Павел поэтом. Он учился в Доме литературного воспитания школьников (ДЛВШ) с Г. Капраловым, С. Ботвинником, А. Гитовичем и, кажется, с Л. Поповой. Их кружок вел поэт Павел Шубин. В 1943 году после прорыва блокады, уже по ту сторону Невы у костра я впервые услышал, как «Жаннетту» пел совершенно мне чужой человек. Меня, помню, зашатало от удивления. А «Жаннетту» поют до сих пор!

В письме сообщался адрес и телефон Павла Гандельсмана. Конецкий решил связаться с ним. Вот, что он пишет:

Дозвониться до автора «Жаннетты», нашей любимой курсантской песенки, оказалось безнадежно трудно. Но ко мне приехал Виталий Маслов, начальник радиостанции атомохода «Ленин», ас по всем видам связи. И мы дозвонились Павлу Моисеевичу Гандельману. Произошло это в двадцать три часа двадцать минут. Подполковник в отставке обложил нас последними словами и бросил трубку, еще раз доказав свое полное пренебрежение к поэтической славе.

На вопросы друзей почему он так обошелся со знаменитым маринистом Павел Моисеевич ответил:

Концецкого я очень уважаю, но было все не так. Он действительно мне однажды позвонил очень поздно вечером, был изрядно подшофе и звал в «Асторию», где они с какими-то моряками пили и пели «Жаннетту», Я

отказался приехать, причем абсолютно не выразился. Кстати, так с Конецким мы и не повстречались никогда.

После окончания школы в 1941 году Павел Гандельман, преодолев жесточайший конкурс (16 тысяч заявлений на 200 мест), поступил в Военно-морскую медицинскую академию. Началась война и в самом ее начале он услышал в Кронштадте, как моряки под гитару поют «Жаннетту». Когда он заметил, что является автором этой песни, то в ответ послышался смех. Кто мог поверить, что 17-летний вчерашний школьник мог ее сочинить. В жаркие дни второй половины лета 1941 года, когда немцы рвались к Ленинграду, в бой были брошены все имеющиеся силы и первокурсникам академии пришлось понюхать пороха. Но после стабилизации обстановки их отозвали на учебу. Началась первая блокадная зима и слушателей академии решили эвакуировать. Заметно отошавшие, шли они пешком по тонкому льду Ладожского озера. Павел Моисеевич вспоминал впоследствии:

Перед островом Осиновец я совсем выбился из сил. Сказал своему товарищу: «Я тут полежу, отдохну». А он – бац мне по морде. Пошли дальше. Потом приятель мой выдохся, и мне пришлось ему по физиономии давать. Так и живы остались. Академию эвакуировали в город Киров, но недолго пришлось им учиться. Летом 1942 года их курс бросили на Сталинградский фронт. Там сержант Гандельман стал командиром минометного расчета. Он считает, что ему крупно повезло. Пройдя сталинградское пекло, он остался в живых, даже не был ранен. А ведь из 205 слушателей академии этого Сталинградского курса в нее вернулась только половина. В 1948 году П.М. Гандельман окончил Военно-морскую медицинскую академию и началась более чем 20-летняя служба военного врача: Балтийский флот, Черноморский, Финляндия, Казахстан. Затем 20 лет он проработал в педиатрическом институте в Ленинграде и только в 1990 вышел на пенсию. Продолжал писать стихи на мотивы известных песен. Исполнялись они, преимущественно, на юбилейных встречах Сталинградского курса, которые проводились каждые пять лет. Но такой популярности как «Жанетта» ни одна из них не получила. О

ее популярности говорит и тот факт, что специальным указом Президента России и ее Верховного главнокомандующего в 2002 году Павлу Гандельману было присвоено звание полковник медицинской службы. Очевидно, и Владимиру Путину нравится «Жаннетта». Да и военная пенсия полковников выше.

В 1994 году Павел Гандельман совместно с Александром Соколовским издали в Санкт-Петербурге книгу «Курсантская баллада», посвященную своему Сталинградскому курсу. Павел Моисеевич является инициатором создания скромного памятника своим погибшим друзьям этого курса. Он установлен в Санкт-Петербурге на Загородном проспекте у дома № 47, где когда-то размещалась Военно-морская медицинская академия.

А «Жаннетта», выпорхнувшая в свет более 60 лет назад из обычной ленинградской школы живет своей собственной жизнью. Она стала народной. Ее дополняют и редактируют люди, которые не понимают, что пробоина в борту не имеет никакого отношения к такелажу. У них схватки в таверне побеждают уже не французы, а англичане и сама таверна привлекла не тем, что там «души сильные, любвеобильные», а тем, что в ней «юбки узкие трещат по швам» и т. п.

Автор песни Павел Гандельман до сих пор удивляется ее популярности и скептически относится к утверждениям критиков, которые называют «Жаннетту» блестящей смесью мастерства Серебряного века и советского романтизма багрицких времен. Ему больше нравятся его стихи и песни о войне.

Известный московский автор и исполнитель песен Псой Короленко в своем выступлении на Клезфесте в Украине в 2003 году привел интересные стихи:

В семидесятых, в годы застоя
Мы этой песне хлопали стоя.
Она неслась без слов
Посреди катков
Под веселый скрежет коньков.
Там с Белоусовой Протопопов

Под эту песню вертели попой.

И Зайцев с Родниной
Для страны родной
Добывали приз золотой!

А в заключение, считаю весьма полезным привести канонический текст «Жаннетты» Павла Гандельмана. Она многим из нас напомнит студенческую или курсантскую юность.

Жаннетта

В кейптаунском порту
С какао на борту
«Жанетта» доправляла такелаж.
Но прежде чем итти
В далекие пути,
На берег был отпущен экипаж.

Идут-сутулятся,
Вздымаясь в улицы,
Давно знакомые им в шторм и град...
И клеши новые, полуметровые
Полощет весело ночной пассат.

Им дверь открыл портъе,
И несколько портьер
Откинулись, впуская моряков.
И не было забот,
И горе не придет –
Здесь люди объясняются без слов!

Здесь все повенчаны
С вином и женщиной,
Здесь быстро лечатся следы морщин.
Здесь души сильные,
Любвеобильные.
Здесь каждый бог, и царь, и господин!

Они уйдут чуть свет,
Сегодня с ними Кэт.

О ней не мог мечтать и сам Жюль Верн:
Она, куда ни кинь,
Богиня из богинь
Заманчивых кейптаунских таверн.

Здесь пунши пенятся, здесь пить не ленятся,
Поют вполголоса, присев в кругу:
«Мы знаем гавани
Далеких плаваний,
Где жемчуг высыпан на берегу».

А в ночь ворвался в порт
Французский теплоход,
Облитый серебром прожекторов.
Когда бледнел рассвет,
Пришли в таверну Кэт
Четырнадцать французских моряков...

«Кончайте плавиться!»
«Привет, красавица!»
«Во имя Франции – на шлюпки груз!»
Но спор в Кейптауне
Решает браунинг,
И на пол грохнулся гигант француз.

Когда пришла заря
На южные моря,
«Жанетта» разбудила сонный порт.
Но не пришли на зов
Все восемь моряков,
И больше не взойдут они на борт.

Им больше с гавани
Не выйти в плаванье,
И страны дальние не видеть вновь.
Их клеши новые, полуметровые,
Обильно пролита, смочила кровь.

В кейптаунском порту с какао на борту
«Жанетта» уходила на Сидней.
Без бурь тебе итти

В далекие пути
Скиталица акулковых морей!
1940

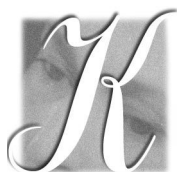

Виктор Юзефович

«Если в Ваш лавровый суп подсыпать немного перца...»

Переписка С.С. Прокофьева с С.А. и
Н.К. Кусевицкими
1910-1953

(продолжение. Начало в №3/2011)

ак и прежде, публикации новых сочинений Прокофьева в РМИ словно бы анонсируются парижскими концертными премьерами Кусевицкого. Следующей после «Семеро их» мировой прокофьевской премьерой дирижера сделалось исполнение Второй симфонии ор. 40.

3. Samedi	THÉÂTRE NATIONAL DE L'OPÉRA	1925
GRANDS CONCERTS SYMPHONIQUES		
SERGE KOUSSEVITZKY		
3 ^e CONCERT : Le Samedi 6 Juin 1925		
Avec le concours de M ^{me}		
CÉCILIA HANSEN		
PROGRAMME		
1.	Ouverture des "Noces de Figaro" .. W-A. MOZART	
2.	Deuxième Symphonie (1 ^{re} Audition) .. PROKOFIEFF	
3.	Concerto en la majeur, pour violon avec Triolette .. W-A. MOZART	
	M ^{me} Cécilia HANSEN	
ENTR'ACTE		
4.	Pour une Fête de Printemps .. Albert ROUSSEL	
5.	La Mer .. DEBUSSY	
Orchestre de nos Exécutants sous la Direction de M. Serge KOUSSEVITZKY		
Piano FLETEL — Orgue MUSTEL		
BUREAU INTERNATIONAL DE CONCERTS C. MIGNON & F. C. DILLET		
54, rue Caumartin (T.C. Annonces) — 46, rue de Valenciennes — Téléphone: TRAFIC 1011		
Le Quatrième CONCERT KOUSSEVITZKY		
sous la direction de		
M. Igor STRAVINSKY		
aura lieu le SAMEDI 13 JUIN, à 15 heures (tête pontée)		
Dirigé par STRAVINSKY		

Афиша премьеры Второй симфонии С. Прокофьева («Концерты
Кусевицкого», 6 июня 1925, Париж)

Прокофьев впервые играет Кусевицкому новую симфонию 17 мая, играет, по собственным его словам,

«...очень коряво и мимо»¹. Музыка производит на него исключительно сильное впечатление, но представляется столь сложной, что возникает мысль, не лучше ли исполнить ее все-таки не в Париже, а в следующем сезоне Бостоне? Однако Прокофьев настаивает на Париже – ему важно предстать перед французами с новой вещью.

Кусевицкий соглашается. Ему удается выхлопотать две дополнительные оркестровые репетиции. «Симфония идет – ура! – восклицает Прокофьев. – Четыре добавочных контрабаса, итого четырнадцать. Я объясняю Кусевицкому разницу между вещью, посвященную потом, и специально написанной "для"»². Имелось, вероятно, в виду особое внимание, которое в разработке первой части симфонии уделено контрабасам. То был, как пишет исследователь творчества композитора Дэвид Найс (Nice), «...первый из нескольких "реверансов" Прокофьева по отношению к Кусевицкому-контрабасисту»³. Еще одним явится во второй части сюиты «Поручик Киж» знаменитое solo контрабаса «Стонет сизый голубочек».

31 мая Кусевицкий снова слушает партитуру в исполнении автора. На следующий день начинаются репетиции. «Оркестр читал недурно и относится к Симфонии и ко мне довольно мило. По просьбе Кусевицкого начал я, а он следил по партитуре и знакомился с вещью», – записывает композитор после первой репетиции⁴. Один день работа шла только со струнной группой оркестра, другой – только с духовой, и всякий раз Кусевицкий уступал первую половину репетиции автору. 2 июня симфония впервые была проиграна всем оркестром. И у дирижера, и у композитора оставались сомнения относительно темпов. К тому же репетиции снова приходили в фойе Grand Opéra, отвратная акустика которого

¹ ПД-2. С. 320.

² Там же.

³ David Nice. Prokofiev. From Russia to the West. 1891-1935. New Haven and London: Yale University Press, 2003. P. P. 212-213.

⁴ ПД-2. С. 323.

усиливала волнение Прокофьева. «Нет, теперь я не скоро примусь за такую громоздкую вещь», – замечает он⁵.

На премьере Второй симфонии (6 июня 1925, Grand Opéra), помимо Владимира Дукельского, Николая Обухова и Петра Сувчинского, посетивших также генеральную репетицию, присутствовали Игорь Стравинский, Николай Черепнин, Вальтер Нувель, Александр Бенуа, Александр Гречанинов, находившийся недолго в Париже Максимилиан Штейнберг, из дирижеров – Эмиль Купер, Алберт Коутс, Грегож Фительберг.

Премьера не принесла удовлетворения Прокофьеву. «...когда послушал, то сам не разобрал, что за штукавина вышла, и, смущенный, замолчал, пока не улеглось, – признавался он. – Да и у всех других ничего кроме недоумения симфония не вызвала: так намудрил, что и сам, слушая, не всюду до сути добрался»⁶.

Мясковский не без основания писал Прокофьеву, что новая его партитура «...по концепционному захвату <...>, очевидно, гораздо больше, нежели привычные и излюбленные публикой стороны Вашего дарования»⁷, что слушателей отпугнул от нее «...ее н е о б ы ч а й н о суровый общий тон...»⁸.

Несколько по-иному формулировал свою позицию один из парижских критиков. «Богатая музыкальная натура композитора умирает, – писал он, – будучи не в состоянии найти должную форму для того, чтобы ограничить свою чрезмерную избыточность, обратив ее в ценности искусства»⁹. Так или иначе, Париж, как и предполагал

⁵ ПД-2. С. 324.

⁶ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 4 августа 1925, Марлотт. М-П. С. 216.

⁷ Николай Мясковский – Сергею Прокофьеву, 16 августа 1925, Москва. – М-П. С. 219.

⁸ Николай Мясковский – Сергею Прокофьеву, 3 ноября 1925, Москва. – М-П. С. 226.

⁹ André Goeury. “French gains and losses,” “Modern Music”, 1925-26, May-June, vol. III, No. 4. P.P. 35-36.

Мясковский, не принял симфонию, которая, по его словам, «...оказалась не по французским зубам (или желудкам?)»¹⁰.

Позднее Прокофьев вспомнит: «Это был, может быть, единственный случай, когда у меня начала закрадываться мысль: а не суждено ли мне сойти на второстепенную роль»¹¹. Вместе с тем уже вскоре после премьеры он писал: «Все же где-то в глубине души есть надежда, что через несколько лет вдруг выяснится, что симфония вовсе порядочная и даже стройная вещь»¹².

Среди немногих музыкантов, которые поверили в симфонию, сотворенную «из стали и железа», были Петр Сувчинский и Кусевицкий. «Что симфония – суровая, – словно парировал реплику Мясковского Сувчинский, – это меня очень радует. Что-то уж очень развеселились и разнежились французы. Теперь именно нужна суровость, стальная, серая – не надрыв и не изнеженность...»¹³.

Вера Кусевицкого в партитуру не гарантировала однако ему успеха ее исполнительского воплощения. «Я между прочим далеко не уверен, что Куся был на высоте», – писал Мясковский¹⁴. А познакомившись с присланными ему Прокофьевым основными темами симфонии, повторил: «...я совершенно сомневаюсь в исполнении: такую симфонию Кусевицкий не мог хорошо играть»¹⁵. Да и сам Прокофьев заметит в дневнике: «Кусевицкий брал нахрапом и размахом, но партитуры не знал, и потому вышло сумбурно в деталях, но общий профиль был

¹⁰ Николай Мясковский – Сергею Прокофьеву, 16 августа 1925, Москва. М-П. С. 219.

¹¹ Сергей Прокофьев. Автобиография. Цит. по : МДВ. С. 174.

¹² Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 4 августа 1925, Марлотт. М-П. С. 216.

¹³ Петр Сувчинский – Сергею Прокофьеву, 22 октября 1924, Париж // В музыкальном кругу русского зарубежья. Письма к Петру Сувчинскому. Публикация, сопровождающие тексты и комментарии Е. Польдяевой. Берлин, 2005. С. 123.

¹⁴ Николай Мясковский – Сергею Прокофьеву, 16 августа 1925, Москва. - М-П. С. 219.

¹⁵ Николай Мясковский – Сергею Прокофьеву, 3 ноября 1925, Москва. – М-П. С. 226.

недурен»¹⁶, год спустя напишет, что «...настоящее исполнение еще не пришло»¹⁷, еще через год – что «Вторая симфония <...> еще не дождалась хорошего исполнения»¹⁸.

Что же сделало Вторую симфонию столь непривычной для такого адепта музыки Прокофьева, как Кусевицкий? Было тому несколько причин. Главная из них заключалась, надо думать, в том, что Кусевицкий, исполнявший Вторую симфонию непосредственно после ее сочинения, не имел достаточного времени для вживания в столь непривычную стилистику партитуры. Симфония, как и двумя годами позднее Сюита из балета «Стальной скок», оставалась для него олицетворением обостренного урбанизма Прокофьева, представлялась очень неровной. Ему нравились в симфонии вариации второй части, главная и заключительная партии первой части, но функция побочной партии не была понята им. «...Куськин "подружески" рекомендовал мне вовсе выбросить ее из симфонии», – делился Прокофьев с Мясковским¹⁹.

Вторая симфония так и не появлялась больше в программах Кусевицкого. В принадлежавшей Кусевицкому партитуре Второй симфонии нет никаких его ремарок²⁰. Играть ее в Бостоне не посоветовал бы ему тогда, впрочем, и Прокофьев. Когда в 1926 в Нью-Йорке Вальтер Дамрош попросил у композитора какую-нибудь новинку, он хотел было предложить ему Вторую симфонию, но потом решил: «Дамрош ее, конечно, провалит, да и рано подносить такую штуковину Америке»²¹.

¹⁶ ПД-2. С. 397.

¹⁷ Сергей Прокофьев – Борису Асафьеву., 28 мая 1926, Париж. Цит. по: Письма С.С. Прокофьева Б.В. Асафьеву (1920-1944). Публикация М. Козловой. В сб.: Из прошлого советской музыкальной культуры. Выпуск 2. Москва: «Советский композитор», 1976. С. 18.

¹⁸ Ю.В. «Из беседы с Прокофьевым», «Рабочий и театр», [Ленинград], 1927, № 8, 22 февраля. С. 12

¹⁹ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 6 декабря 1925, Клямар. – М-П. С. 227.

²⁰ Партитура хранится в Коллекции Кусевицкого в БПБ.

²¹ ПД-2. С. 366.

Не обрела симфония успеха и у французского дирижёра, активного пропагандиста современной музыки Вальтера Страрама [Straram] (1876-1933), дважды исполнившего ее в Париже (6 мая 1926 и 16 февраля 1928). «Не очень талантливый, но аккуратный», – лаконично отзывался о нем Прокофьев. По его словам, дирижер «...вызубрил много лучше Куси», но при этом «...общая линия была все-таки стройнее у последнего»²². Как о партитуре «...очень трудной и для дирижера, и для оркестра» отзовется о Второй симфонии исполнявший ее в 1928 в Ленинграде и в 1934 в Москве Александр Васильевич Гаук (Gauk) (1893-1963)²³. В дальнейшем дирижер к ней не обращался.

За отсутствием Второй симфонии Прокофьева в дискографии как Кусевицкого, так и других названных выше дирижеров, можно только гадать о причинах ее «закрытости» для них. Ключ к пониманию симфонии и, отчасти, неуспеха в ней Кусевицкого видится в том толковании – и словесном, и музыкальном – которое она обрела у Геннадия Рождественского. Именно ему суждено будет вернуть ее через много лет из забвения.

Рождественский услышал и раскрыл в ней симбиоз урбанизма с «миром зла» русской сказки. «Черное и белое, кипящее и ледяное, жестокое и ласковое; середины нет», – напишет он об этой музыке²⁴. Слушая осуществленную дирижером запись симфонии²⁵, разделяешь «ощущение исчезновения времени», которое сам он испытал при первом

²² Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 15 мая 1926, Париж. – М-П. С. 242.

²³ Александр Гаук. По страницам воспоминаний дирижера. В кн.: Александр Васильевич Гаук. Мемуары. Избранные статьи. Воспоминания современников. Составление и общая редакция Л. Гаук, Р. Глезер, Я. Мильштейна. Москва: «Советский композитор», 1975. С. 113.

²⁴ Геннадий Рождественский. Незвезданный мир. В сб.: Музыка и современность. Вып. 2. Москва: «Советский композитор», 1963. С. 158.

²⁵ Большой симфонический оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио; LP: «Мелодия», 33С 0337-8; CD: BMG 74321669792.

знакомстве с партитурой. «У меня осталось впечатление, – вспоминал он, – что вся симфония состоит из двух музыкальных фраз. Первая часть – одна фраза, вторая часть – другая фраза...»²⁶

Монолитность первой части симфонии подчеркивается в трактовке Рождественского предельным эмоциональным сближением главной и побочной партий. Главная – огненный земной шар со всею нечистью мира, словно вовлеченной в поганный пляс; змеи, жабы, сотни ведьм, каждая из которых страшнее Бабы-Яги, тысячи Кашеев, кикиморы, рожи, скелеты. Побочная – та же скверна, разве что увиденная с высоты полета на сказочном ковре-самолете. Контрастность симфонии предстает в масштабе значительно укрупненном, когда объектами противопоставления дирижер делает поистине ураганный шквал, охвативший всю первую часть, и горделивую, пленяющую неспешностью лирику второй части.

Можно предположить, что побочная партия первой части симфонии потому и казалась Кусевицкому неудавшейся, что он пытался в своей интерпретации сделать ее контрастной главной партии. Точно так, по крайней мере, трактована первая часть в записи Второй симфонии, сделанной французским дирижером Шарлем Брюком²⁷.

Успех или неуспех исполнения сочинений Прокофьева другими дирижерами, удача или неудача собственных интерпретаций никогда не влияли на судьбу их публикации в РМИ. И даже когда новые сочинения Прокофьева вовсе не исполнялись Кусевицким, он непременно включал их в издательские планы. Изданы были в 1927 партитура и оркестровые голоса не исполненной Кусевицким оркестровой версии Квинтета (См. ниже комментарии к письму С.С. Прокофьева к Н.К. Кусевицкой от 10 октября 1925). Еще в мае 1924 дирижер слышал в Париже Еврейскую увертюру Прокофьева для

²⁶ Геннадий Рождественский. Неизведанный мир. В сб.: Музыка и современность. Вып. 2. Москва: «Советский композитор», 1963. С. 158.

²⁷ Национальный оркестр Французского радио (ORTF); LP: “Columbia”, FCX 629.

инструментального секстета. Сделанная Прокофьевым через десять лет оркестровая партитура не появилась в его программах. Однако партитура ее будет в 1935 издана в «А. Гутхейле».

Такова была стратегия Кусевицкого-издателя. Еще один пример тому – публикация Второй симфонии Прокофьева. Решение об ее издании принято было Кусевицким еще в 1924. Однако публикация существенно задерживалась. Пайчадзе не раз высказывал сомнения относительно целесообразности ее издания, сетовал, что такие «крутые» по музыке сочинения, как эта симфония, как оперы «Огненный ангел» и «Игрок», слишком дорого обходятся издательству, что их очень непросто пристроить к исполнению и призывал композитора, шутя, оставить оперы и симфонии и сочинить несколько легких фортепианных пьес. «Эту нашу дочку трудно сватать, – писал он о Второй симфонии. – Все женихи бегают от нее, говорят, характер тяжелый. Мы ее давали уже, кажется, всем дирижерам здешним. В руках мнут, а замуж не берут»²⁸.

Кусевицкий полагал поначалу, что следует напечатать только партитуру симфонии, а оркестровые голоса переписывать от руки по мере поступления запросов от оркестров и дирижеров. В конце концов решено было опубликовать и партитуру, и оркестровые голоса Второй симфонии²⁹. «Лежит корректура 2-й симфонии, напечатанию которой я так удивился...», – записал Прокофьев в дневнике в августе 1927³⁰. И хотя композитор существенно задерживал корректуру, партитура и оркестровые голоса симфонии вышли в свет в конце 1928³¹.

²⁸ См.: Гавриил Пайчадзе – Сергею Кусевицкому, 14 ноября 1929, Данциг. – АК-БК.

²⁹ См.: Гавриил Пайчадзе – Наталии Кусевицкой, 1 марта 1928, Париж. – АК-БК

³⁰ ПД-2. С. 579.

³¹ Указание на издание партитуры Второй симфонии и ее восьмиручного переложения, сделанного Павлом Ламмом, в 1924 (См.: Thompson. P. 378) ошибочно, равно как и указание на издание ее партитуры в 1925 (См.: МДВ. С. 569).

Тогда же Пайчадзе выслал партитуру и оркестровые голоса Кусевицкому, но еще и в 1929 он будет уговаривать дирижера включить ее в репертуар. Когда Второй симфонией Прокофьева заинтересуется Леопольд Стоковский (Stokowski) (1882-1977), который возглавлял в ту пору Филадельфийский оркестр, Кусевицкий предложит ему, чтобы она прозвучала в один и тот же день в Филадельфии и Бостоне. Переговоры между дирижерами велись около года, но в итоге симфония оказалась сыгранной одним Стоковским. Впервые в Бостоне Вторая симфония Прокофьева прозвучит только 15 марта 1968 под управлением Эриха Лайнсдорфа. Он же, двумя годами ранее (4 февраля 1966), осуществит бостонскую премьеру несыгранной Кусевицким Третьей симфонии композитора.

С.С. Прокофьев – Н.Л. Слонимскому

23 июня 1925, без указания места [Париж]

Многоуважаемый г[осподин] Слонимский,

Э.А. Эберг и я очень просим Вас доставить оркестровый материал моей 2-й симфонии от Кусевицких в магазин 22 rue d'Anjon. Я уже говорил об этом Наталие Константиновне, но она не знала, где находится этот материал.

Уважающий Вас

СПрокофьев

Рукопись. Послано в Париж. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С.Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 11.

С.С. Прокофьев – Н.К. Кусевицкой

2 сентября 1925, Bourron-Marlotte, Seine et Marne

Дорогая Наталия Константиновна,

Я получил от Б.В. Асафьева (Игоря Глебова) несколько писем, в которых он изъявляет желание написать книгу обо мне. Разумеется ему хотелось бы сначала заручиться согласием издательства, а затем уже приниматься за работу. Излишне говорить, что для меня появление этой книги было бы очень важным событием, т[ак] к[ак] Асафьев в настоящий момент безусловно самый значительный музыкальный писатель в России, его последние книги (о Скрябине, Чайковском и др[угие]) все распроданы. Мне хотелось просить Вас обсудить вопрос об издании этой книги с Сергеем

Александровичем и с Эрнестом Александровичем до Вашего отъезда, дабы я мог в связи с Вашим решением ответить Асафьеву.

До сих пор я не получил дат моих бостонских выступлений, нет у меня и никакого официального приглашения от Бостонской Симфонии, которое мне нужно иметь для получения визы. Что касается дат, то согласно указания Сергея Александровича, я оставил для Америки январь и февраль. Мое турне с Концертгебау в Голландии кончается 21 декабря, а концерты в Германии начинаются во второй половине марта, но мне важно как можно скорее знать более точно даты, когда я должен быть в Америке и когда смогу выехать обратно. Очень прошу Вас сообщить мне их, если Вы знаете, то теперь, а если нет, то немедленно по Вашем приезде в Бостон.

Жена и я шлем Вам и Сергею Александровичу наши сердечные приветствия. Надеемся, что Вы здоровы и хорошо отдохнули к предстоящему сезону.

Ваш

СПрокофьев

Машинопись с подписью от руки. Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 8.

С.С. Прокофьев –С.А. и Н.К. Кусевицким

15 сентября 1925, [Bourron –Marlotte, Seine et Marne]

Souhaitons bon voyage beaux succes.

Prokofieff.

Пожелания приятного путешествия и замечательного успеха.

Прокофьев.

Телеграмма. В оригинале по-французски³². Послана в Шербург на борт корабля «Левиафан». АК-БК.

Находясь летом 1925 в Bourron – Marlotte, Seine et Marne, Прокофьев сочинил значительную часть балета «Стальной скок». Внимательно читал он в эти недели роман Леонида Леонова Барсуки – «очень наваристая вещь», – писал он о нем. Илья Григорьевич Эренбург (1891-1967) не выказал особого энтузиазма к идее Дягилева привлечь его к

³² «Souhaitons bon voyage beaux succès. Prokofieff».

работе над либретто балета и вместо него привлечен был художник Московского камерного театра Георгий Богданович Якулов (1884-1928). «Я был удовлетворен двусмысленностью сюжета: не разберешь, в пользу ли большевиков он или против них, т[о] е[сть] как раз то, что требуется», – записал Прокофьев³³.

Комично прокомментировано Прокофьевым в одном из писем небольшое происшествие, случившееся с ним в августе 1925: «...я сел на стул, который уже был занят осою, и она меня укусила. В результате я временно лишен возможности пользоваться стульями <...> Вечная история с насекомыми!»³⁴.

Гастрольи Прокофьева в Америке состоятся в январе-феврале 1926. Однако еще до 15 сентября 1925 – дня отплытия Кусевицких из Парижа в Америку – состоялась новая встреча Прокофьева с Сергеем Александровичем. «Причины, – записал композитор, – издание книги Асафьева и мои жалобы на медлительность, с которой издательство (богадельня) печатает мои сочинения. Кусевицкие были скорее милы, насчет книги Асафьева сразу решили положительно, но насчет сочинений сказали, что издательство не может печатать выше своих средств и если я такой плодовитый композитор, то мне нужно двух или трех издателей»³⁵.

Точка зрения Кусевицких смыкалась с ранее высказанной композитору Эбергом. Что же до книги Асафьева о Прокофьеве, то вопрос этот целесообразно рассматривать в свете отношения РМИ к книжным изданиям в целом.

Как и в прежние годы, издательство не проявляло к ним особенного интереса. Публикация в 1913 книги Н.А. Римского-Корсакова «Основы оркестровки», вышедшей на русском, французском, немецком и

³³ ПД-2. С. 347.

³⁴ Сергей Прокофьев – Фатьме Ханум Самойленко, 1 сентября 1925, Bourron – Marlotte, Seine et Marne. Послано в Париж. – Библиотека Гарвардского университета (Houghton Library), Кэмбридж, США. Фонд 58М (Fund 58М), No. 118.

³⁵ ПД-2. С. 349.

английском языках, приветствовалось прессой как «...крупная, европейская заслуга Российского музыкального издательства»³⁶. Тем не менее возникавшие было впоследствии интересные книжные проекты рушились один за другим.

Не было издано капитальное исследование Георгия Конюса по метро-тектонизму. Кусевицкий встречался с Конюсом по его просьбе в 1923 году в Париже. Опубликовать его работы по метро-тектонизму ни он, ни позднее Пайчадзе не решились. Возможно, повлияло на него отрицательное суждение Прокофьева. «Пока дело шло о планировке песенной формы этюдов Шопена и романсов Чайковского, все обстояло благополучно, – отметил композитор, говоря о теории Конюса, – но когда он (то есть Конюс) взялся за Дебюсси, то сразу опростоволосился, что я и доказал математически на одном собрании у Кусевицкого...»³⁷.

Не будет опубликована завершенная в декабре 1938 Мишелем Кальвокоресси книга о Мусоргском, над которой он трудился много лет. После издания первой книги о композиторе³⁸ ему удалось с большим трудом получить из России новые материалы о жизни и творчестве композитора, что привело к многочисленным изменениям в рукописи. Передав рукопись Пайчадзе, Кальвокоресси писал Кусевицкому: «Надеюсь, что будет возможным издать ее в 1939 к 100-летию со дня рождения Мусоргского»³⁹. Несмотря на обещание Кусевицкого, издана книга так и не была.

Не досчиталось русское музыковедение и нескольких интереснейших книг о Стравинском и Прокофьеве.

³⁶ Лазарь Саминский. «О последней книге Н.А. Римского-Корсакова», «Музыка», № 123, 30 марта 1913. С. 228.

³⁷ Сергей Прокофьев – Владимиру Держановскому, 12 сент. 1924, Сент-Жиль. Цит. по ст.: Израиль Нестьев. В общении с современниками. В кн: Израиль Нестьев. Век нынешний и век минувший. Статьи о музыке. Москва: «Советский композитор», 1986. С. 78.

³⁸ Calvocoressi. Moussorgsky. Paris, 1908

³⁹ Michel Calvocoressi to Serge Koussevitzky, 17 decembre 1938, London. Послано в Бостон. – АК-БК

Опубликовав в 1920-е г.г. несколько статей о творчестве Стравинского, Артур Лурье, работал над монографией о композиторе. «Не знаете ли Вы, когда она будет готова? – спрашивает Эберг у Кусевицкого. – Нужно было бы быстро сделать перевод на английский язык и на этом языке эту книгу выпустить в первую голову. Хорошо бы её выпустить к 1 января 1925 и к приезду Стравинского в Америку пустить её там в продажу»⁴⁰. Три месяца спустя Эберг пишет: «Книгу о Стравинском он [Лурье. – *В.Ю.*] ещё не кончил. Перевод [на этот раз французский. – *В.Ю.*] будет делать Кальвокоресси, с которым я уже переговорил. Это дело нелёгкое»⁴¹. В начале 1926 Пайчадзе сообщает: «Лурье закончил свою книгу о Стравинском», и напоминает: с покойным Эбергом они «...покончили на том, чтобы Лурье сделал немецкий перевод, который издательство приобретет у него как подлинник, уплатив за перевод, а русский текст будет считаться переводом. Таким образом мне предстоит вскоре уплатить за этот перевод, т[ак] к[ак] он уже делается»⁴².

Среди исследователей творчества Стравинского укрепилось мнение, что книга Лурье так и не была завершена. Скажем осторожнее: судьба книги – по крайней мере, завершённых ее глав – остается загадкой. По убеждению Лурье, очевидному уже из его статей, сила музыки Стравинского заключена в том, что она сделалась «сверхнациональной, общечеловеческой»⁴³, и именно поэтому благодаря Стравинскому «...впервые русская музыка теряет свое "провинциальное". "экзотическое" значение» и «оказывается "во главе угла", становится водительницей всемирного музыкального искусства»⁴⁴.

⁴⁰ Эрнест Эберг – Сергею Кусевицкому, 2 августа 1924, Берлин. – АК-БК.

⁴¹ Эрнест Эберг – Сергею Кусевицкому, 1 ноября 1924, Париж. – АК-БК.

⁴² Гавриил Пайчадзе – Наталии Кусевицкой, 11 февраля 1926, Париж. – АК-БК.

⁴³ Артур Лурье. «Музыка Стравинского», «Версты», 1926, № 1. С. 121.

⁴⁴ Там же. С. 134.

В 1925 Сергей Прокофьев обратился к Эбергу с идеей издания книги Бориса Асафьева о Стравинском. Незадолго до этого композитор пришел в бешенство, просмотрев рукопись одной из книг о нем, предложенных РМИ. Зная об этом, Эберг ответил Прокофьеву, что книга о Стравинском может быть принята к печати не иначе как с его одобрения. Тем не менее без такового РМИ выпустило в 1931 книгу о Стравинском немецкого музыковеда Герберта Флайшера⁴⁵. Стравинский писал после ознакомления с ней о «полном непонимании [автором. – В.Ю.] моих замыслов»⁴⁶. Этот печальный опыт не подогрел у руководителей РМИ энтузиазма относительно книжных изданий.

Одновременно с замыслом книги о Стравинском в сознании Асафьева зрел и план книги о Прокофьеве. «Мне будет чрезвычайно приятно, если ты напишешь книгу обо мне, – писал ему Прокофьев, – и я уверен, что мое издательство с удовольствием ее напечатает. И даже, вероятно, с переводом на иностранные языки. Но мне не очень удобно предлагать книгу о себе, поэтому я поручил Сувчинскому, который сейчас здесь, поговорить об этом с Кусевицким и Эбергом, ссылаясь якобы на то, что ты писал ему, Сувчинскому, об этом. Ты же с твоей стороны напиши непосредственно Эрнесту Александровичу Эбергу, не откладывая в долгий ящик, пока Кусевицкий в Париже, ибо в конце концов последнее слово за ними»⁴⁷.

Сколько-нибудь определенного обещания не получили от Кусевицких ни Прокофьев, ни Асафьев. Впрочем, и сам Асафьев, хотя и сообщал в 1926

⁴⁵ Herbert Fleischer. Stravinsky. Berlin, 1931

⁴⁶ Игорь Стравинский – Федору Веберу, 29 сентября 1931, Вореп. Цит. по кн.: И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Том III. 1923-1939. Составление, текстологическая редакция и комментарий В. Варунца. Москва: «Композитор», 2003. С. 446.

⁴⁷ Сергей Прокофьев – Борису Асафьеву, 23 мая 1925, Бельвю. – Цит. по: Письма С.С. Прокофьева – Б.В. Асафьеву (1920-1944). Публикация М. Козловой. В сб.: Из прошлого советской музыкальной культуры. Составление и редакция Т. Ливановой. Выпуск 2. Москва: «Советский композитор», 1976. С. 12.

Мясковскому: «О Сереже пишу для Ausland»⁴⁸, хотя много и долго раздумывал о книге, пришел в конце концов к выводу, что «...на самом деле мне трудно писать о нем»⁴⁹, что «...само это явление – Прокофьев – во всей своей ясности и простоте так сложно и необъятно, что не поддается формулировке в книге для Запада...»⁵⁰.

Отказ Асафьева от замысла книги о Прокофьеве тем более досажен, что точка зрения критика несомненно получила бы благоприятный отклик прежде всего в самой России. «Прокофьев – сильный и мужественный, светлый и радостный художник-исполнитель и композитор, – писал Асафьев. – В нем сочетались как раз те качества, которых подчас недостает нашей музыкальной действительности и при всех ее хороших задатках и предпосылках»⁵¹.

Есть все основания полагать, что отказ Асафьева от завершения почти что написанной книги связан был с его опасениями, суть которых становится ясной из адресованного Прокофьеву письма Михаила Друскина. «Не знаю, известно ли Вам, как сурово относится наше государство к связи его граждан с враждебными ему или эмигрантскими кругами, – писал он, находясь в 1930 году Берлине и имея поручение от Асафьева прояснить ситуацию с книгой. – В этом отношении, особенно в настоящее время, необходимо быть крайне осторожным. Поэтому Б[орис] В[асильевич] очень просит Вас узнать в известных кругах о степени «лояльности» издат[ельства] Кусевицкого. <...>

Еще одна просьба Б[ориса] В[асильевича] – книга обязательно должна быть сначала издана на [одном из]

⁴⁸ Борис Асафьев – Николаю Мясковскому, 20 декабря 1926, Ленинград. Цит. по: Письма С.С. Прокофьева – Б.В. Асафьеву (1920-1944). Публикация М. Козловой. В сб.: Из прошлого советской музыкальной культуры. Составление и редакция Т. Ливановой. Выпуск 2. Москва: «Советский композитор», 1976. С. 49.

⁴⁹ Борис Асафьев – Николаю Мясковскому, 21 октября 1930, Ленинград. – Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Игорь Глебов. «Первое выступление Сергея Прокофьева», «Красная газета», Ленинград, 28 января 1927.

иностранных языков и лишь затем возможен ее «перевод» на русский. Это совершенно обязательно, ибо печатание русских рукописей за границей (как это имело место у писателей Пильняка и Замятина) приводит к очень трудным и неприятным осложнениям»⁵².

Изданный в 1927 в Ленинграде очерка о Прокофьеве⁵³ вовсе не был той книгой, которую замыслил он для РМИ – о намерении издать очерк в серии «Современные композиторы» Асафьев писал Прокофьеву еще в 1925.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

22 сентября 1925, Bourron –Marlotte

Дорогой Сергей Александрович,

Разрешение на исполнение Квintета от Романова получено и ноты в переписке (партитура и голоса с дублёрами). В первых числах октября будет готово и тогда я тебе немедленно вышлю прямо в Бостон. Состав такой: гобой, кларнет, 6 скрипок, 4 альты и 2 баса; всего 14 человек. Жду от тебя бостонские даты, а также официальное приглашение – для визы. Обнимаю тебя и целую у Н[аталии] К[онстантиновны] ручки. Сердечный привет тебе от Л[ины] И[вановны].

Твой

СПрокофьев

Почтовая открытка с видом Bourron-Marlotte. Послана в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 8.

С.С. Прокофьев – Н.К. Кусевицкой

10 октября 1925, Марлотт

Дорогая Наталия Константиновна,

Благодарю Вас за телеграмму с датами. Итак: от 29 января до 15 февраля. Мой менеджер Хенсель вдруг проснулся и предложил мне 5 реситалей в западных штатах, около Сан-Франциско. Гонорар не очень

⁵² Михаил Друскин – Сергею Прокофьеву, 28 июня 1930, Берлин. //: «Что Вам пишут из СССР? Мне – мало...». Из переписки С. Прокофьева и М. Друскина. Публикация Л. Ковнацкой. «Музыкальная академия», 2000, № 2. С. 206.

⁵³ Игорь Глебов (Б.В. Асафьев). Сергей Прокофьев. Ленинград: «Тритон», 1927.

важный: 1 500 за все 5, из каковой суммы половина уйдет на дорогу и проценты, но на бедность и это хватит. Вероятно турне это состоится перед бостонским. Надеюсь, Сергей Александрович против этого ничего иметь не будет, т[ак] к[ак] после бостонского турне будет поздноавто: 23 февраля меня все-таки хочет ангажировать Казелла⁵⁴, а затем уже скоро пора будет и в Европу.

На мой запрос Асафьев ответил, что книгу обо мне он хочет сделать в 6-8 печатных листов (лист 40 000 букв). Что касается цены, то в России ему платили по 90 рублей за лист, но т[ак] к[ак] в данном случае он продает на все страны, то он хотел бы получить по 100 рублей. Эрнест Александрович говорит, что это очень дорого для парижских цен, но ведь жизнь в России и все цены гораздо дороже, чем во Франции. Во всяком случае Асафьев известен как человек очень благородный, и едва ли он станет запрашивать [много. – В.Ю.], тем более что я предупредил его об ограниченности средств нашего Издательства. Очень прошу Вас написать мне Ваше решение, ибо Э[рнест] А[лександрович] говорит, что он не имеет права устанавливать размеры гонораров, и кроме того, по его словам, у него нет денег, чтобы заплатить гонорар. Если Вам не трудно, то ответьте поскорее, т[ак] к[ак] Асафьев давно стремится начать работу.

Дней пять тому назад я отправил Сергею Александровичу Квинтет, партитуру и голоса, заказною бандеролью, на адрес Бостонской Симфонии. Романов, давая разрешение на исполнение, просил поместить в

⁵⁴ Популярные концерты в Бостоне Альфредо Казелла возглавит только в 1927 году. После своего успешного дебюта в Америке в 1921 году как композитора, дирижера и пианиста он дирижировал в Филадельфии, Чикаго, Кливленде, Детройте, Цинциннати и Лос-Анджелесе. В дневнике Прокофьева имеется следующая запись от 25 июня 1925 года: «Был у Казеллы, который проездом в Париже и с которым мы в переписке о моих выступлениях в его концертах в Риме, а может быть, и в Нью-Йорке, где он дирижирует в январе серией концертов». (ПД-2. С. 332).

программе, что этот Квинтет будет дан им как балет под названием «Трапедия», “The Trapeze”.

На днях я играл Дягилеву мой новый балет, написанный по его заказу, и Дягилев остался им чрезвычайно доволен. Через 2-3 месяца начнутся репетиции. Из Кельна пишут, что «Апельсины» будут возобновлены на этот сезон и что кроме того они поставят «Шута».

Сергей Александрович перед отъездом обещал, что он попытается устроить мне в Бостоне реситаль, и просил меня напомнить ему об этом. Если ему удобно подумать о реситале среди всех дел, то я буду очень благодарен за это.

Пташка и я шлем обоим [Вам. – В.Ю.] наши лучшие приветствия, я же целую Ваши ручки.

Искренне преданный Вам

СПрокофьев

Т[ак] к[ак] я не знаю моего зимнего адреса, то пишите мне на адрес Издательства.

Машинопись с подписью от руки. Послано в Бостон. АК-БК.

Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 8.

Копии упомянутой Прокофьевым телеграммы от Наталии Кусевицкой в Архиве Кусевицкого не обнаружено.

Предлагаемую Прокофьевым версию Квинтета для камерного оркестра Кусевицкий исполнять не стал. Отказался от нее, вероятно, и сам Прокофьев, в списке сочинений которого она не числится.

Говоря о своем новом балете для Дягилева, Прокофьев имеет в виду «Стальной скок» (первоначальное название – «Урсиньоль»). В процессе работы над клавиром композитор посылал Дягилеву отдельные сцены балета. Летом 1925 Прокофьев писал Борису Кохно, прося его, чтобы Дягилев не привозил в этом сезоне в Кельн свою постановку «Шута». «...если войти в положение Кельнской оперы, то разумеется им не весело будет готовить постановку к декабрю под угрозой, что Сергей Павлович может приехать и дать его в ноябре!»⁵⁵. При встрече с

⁵⁵ Сергей Прокофьев – Борису Кохно, 29 июня 1925, Париж. Послано в Париж. // Collection Boris Kochno. Sotheby's, Monaco,

Прокофьевым в Кельне 31 октября 1925 Сенкар подтвердит намерение театра ставить «Шута» и скажет также о планах постановки «Огненного ангела». Поставленными окажутся однако только «Апельсины».

С.С. Прокофьев – Н.К. Кусевицкой

30 октября 1925, Париж

Уважаемая Наталия Константиновна,

До сих пор не получил контракта. Если он почему-то еще не послан, то пришлите телеграфный ангажемент, т[ак] к[ак] я должен достать американскую визу в течение ноября, в декабре я буду в разъездах и попаду прямо с поезда на пароход.

«Классическая симфония» прошла через все корректуры и поступила в печать. Через 2 недели партитура и материал будут высланы Сергею Александровичу.

Жена и я шлем Вам и маэстро наше сердечное приветствие.

Целую Ваши ручки.

Ваш СПрокофьев

Рукопись с подписью от руки. АК-БК. Письмо вложено в фирменный конверт «Victoria Palace Hotel, Paris». Послано в Бостон. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 8.

Американскую визу Прокофьев получил 19 ноября 1925. С 9 по 22 декабря он гастролировал по Голландии, выступив с Третьим фортепианным концертом в Амстердаме, Гааге и Роттердаме в сопровождении оркестра Концертгебау («...какой оркестр! Один из лучших в Европе», – записывает он⁵⁶), а также, заменив заболевшую Лину Прокофьеву, которая должна была петь в одном из концертов, сыграл свою Вторую сонату.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

2 января 1926, без места написания [Нью-Йорк]

Дорогой Сергей Александрович,

Вчера мы благополучно добрались до Нью-Йорка и шлем тебе и Наталии Константиновне наши лучшие

[1991] – на котором распродавалась коллекция Бориса Кохно, в том числе настоящее письмо (Collection Boris Kochno. Lot 390).

⁵⁶ ПД-2. С. 359.

пожелания к Новому Году. Я был глубоко потрясен, когда, во время моего голландского турне, узнал о кончине Эрнеста Александровича. Не могу тебе выразить, насколько это меня огорчило: он всегда так дружески ко мне относился и так любил издательство. По дороге из Голландии в Америку я провел несколько часов в Париже, видел Конюса и Пайчадзе. Они вручили мне голоса «Классической симфонии», каковые я привезу с собой. Т[ак] к[ак] ты приезжаешь в Нью-Йорк вероятно 6 или 7-го, то, к сожалению, я тебя вероятно не увижу, ибо 5-го мы уезжаем в Западные Штаты (St. Paul, Portland etc.) на 5 реситалей. Поэтому я оставляю для передачи тебе материал «Классической», а также партитуру и материал 3-го концерта (играно по ним 4 раза). Партитура «Классической» еще не вышла, но я месяц тому назад передал Эр[несту] Александровичу, рукописную партитуру для пересылки тебе. Не знаю, сделал ли он это, но во всяком случае, уезжая в Америку, я сказал Пайчадзе, чтобы он выяснил, была ли эта партитура тебе послана и, если нет, то чтобы немедленно бы разыскал ее и выслал.

Теперь вот какое дело: общество Pro Arte, которое устроило мне и жене эти 5 реситалей на Западе, хочет, чтобы мы выступили у них в Нью-Йорке 26-го января в закрытом концерте на частной квартире, без критиков. Я им ответил, что без твоего разрешения я их приглашения принять не могу. Поэтому очень прошу тебя немедленно телеграфировать мне, можно ли мне играть у них или нельзя. Платят они немного, так что в финансовом отношении это выступление не играет большой роли, и, если мы выступили бы у них, то исключительно в благодарность за турне по Западным Штатам. В случае [если. – В.Ю.] ты разрешишь мне играть, и этот концерт состоится, я выехал бы в Бостон вечером, в день концерта, то есть 26-го.

Затем крепко обнимаю тебя и прошу тебя поцеловать ручку у Наталии Константиновны. Жена шлет сердечный привет Вам обоим. Очень рад, что скоро

увидю вас в Бостоне и еще раз благодарю, что выудил меня в Америку. Искренне твой

СПрокофьев

Я имею для тебя письмо от Вебера, которое пошлю отдельно, заказным, т[ак] к[ак] Вебер просил, чтобы я отправил его непременно заказным.

Рукопись. На бланке «Great Northern Hotel, New York». Ошибочно датировано 2 января 1925. Послано в Бостон. АК-БК.

Сергей Прокофьев, 1926

23 декабря 1925 Сергей и Лина Прокофьевы отплыли из Гавра на пароходе французской линии “De Grasse” в Америку, 1 января 1926 приплыли в Нью-Йорк и пробыли в Америке до 6 марта.

В последние два года жизни директора РМИ Эрнеста Эберга в издательство пришли новые люди и среди них упомянутые в письме Прокофьева Фёдор (Фридрих) Владимирович Вебер и Гавриил Григорьевич Пайчадзе. Работая в берлинской конторе РМИ, Вебер быстро входит в сношения со многими оперными театрами и концертными бюро. «Фёдор Владимирович работает с большим интересом, успешно справляется и изучает дело» – писал Эберг⁵⁷; «...в лице Вебера я встретил талантливого помощника...»⁵⁸. Вебер и впредь будет исполнять в Берлине

⁵⁷ Эрнест Эберг – Наталии и Сергею Кусевицким, 29 сентября 1924, Париж. – АК-БК.

⁵⁸ Эрнест Эберг – Наталии и Сергею Кусевицким, 10 декабря 1924, Берлин. – АК-БК.

роль посредника между издательством и авторами, с одной стороны, и дирижерами Германии и стран Восточной Европы, с другой – в частности, между Стравинским и Клемперером, Стравинским и Фуртвенглером, Прокофьевым и Бруно Вальтером.

Трудился в РМИ также Юлий Конюс. Изобретенная им новая машина для гравировки нот обеспечила лучшее качество печати и вдвое сократила время гравера. Машины его образца будут приобретены издательствами М. Беляева, Циммермана, «Макс Эшиг», «Салабер» и другими (Max Eschig, Salaber).

Особенно радовала Эберга работа Гавриила Пайчадзе, который заведовал в РМИ перепиской с авторами. Пайчадзе «...оказывает колоссальные услуги издательству, – писал он. – Вам следует обратить внимание на этого человека, он обладает всеми данными сделаться впоследствии моим заместителем»⁵⁹. Слова эти окажутся, увы, пророческими.

15 декабря 1925 за завтраком со Стравинским в одном из парижских ресторанов Эбергу сделалось плохо. Два дня спустя во время операции была обнаружена запущенная форма гнойного аппендицита. Эберг умер в тот же день – не выдержало сердце. Смерть его – как и гибель пять лет назад директора РМИ Николая Струве при аварии лифта – «...была для нас большим ударом», – признавалась Наталия Кусевицкая⁶⁰.

«Я очень огорчен, – записывает Прокофьев. – Он (Эберг. – В.Ю.) относился ко мне по-дружески и был трогателен в своем увлечении издательством и преданности ему. Как отзовется его смерть на издательстве? <...> трудно сказать, лучше или хуже пойдут после него дела»⁶¹.

Как мы уже знаем, отношения Эберга и Прокофьева были на самом деле много более прохладными. Крутой характер композитора доставлял немало хлопот руководству

⁵⁹ Эрнест Эберг – Сергею Кусевицкому, 22 октября 1925, Париж. – АК- БК.

⁶⁰ Наталия Кусевицкая – Игорю Стравинскому, 30 января 1926, Бостон. – АК- БК.

⁶¹ ПД-2. С. 359.

издательства – первому его директору Николаю Струве, затем Эрнесту Эбергу и Гавриилу Пайчадзе. Композитор часто бывал неудовлетворен качеством издания своих сочинений. Нотные обложки по-прежнему казались ему чрезмерно тусклыми, и он просил проследить за их качеством Петра Сувчинского. «Цингель прислал с Вашего одобрения обложку к Маршу и Скерцо из "Трех апельсинов", – писал он ему. – По моему крайнему рассуждению, она такая же негодная, как и все предыдущие, но раз Вы одобрили, то я тоже пропустил. Из Вашего письма я заключил, что Вы во что бы то ни стало решили быть изысканным с тупицей Цингелем, и потому я так до гроба и буду завертываться в безобразные обшлепки»⁶².

Требовательность Прокофьева казалась Эбергу излишней, а граничащая с сарказмом ирония ударяла по его самолюбию. «С Прокофьевым дела обстоят неважно, – писал директор РМИ в 1922. – Он хороший господин, но только туповатый и своих ошибок не признает»⁶³. Эберг постоянно укорял композитора в корыстолюбии. «Пересылаю Вам письмо от Прокофьева, – пишет он Кусевицкому год спустя. – Все торгуется»⁶⁴.

Сочиняя с поражающей окружающих интенсивностью, Прокофьев был убежден, что работа его должна быть соразмерно оцениваться, что он должен своевременно получить за нее соответствующее материальное возмещение. Композитор никогда не стеснялся напоминать об этом и Кусевицкому, и директорам РМИ, спорил из-за процентов, настаивал на выплате всех

⁶² Сергей Прокофьев – Петру Сувчинскому, 13 мая 1922, Этталь. – Цит. по кн.: В музыкальном кругу русского зарубежья. Письма к Петру Сувчинскому. Публикация, сопровождающие тексты и комментарии Елены Польдяевой. Берлин, 2005. С. 52.

⁶³ Эрнест Эберг – Наталии Кусевицкой, 7 декабря 1922, Лейпциг. – АК-БК.

⁶⁴ Эрнест Эберг – Сергею Кусевицкому, 16 июля 1923, Париж. – АК-БК.

причитавшихся ему гонораров в долларах. «Контракта он всё не подписывает, а новые вещи требует печатать»⁶⁵.

Раздражала Эберга и медлительность работы Прокофьева над корректурами своих произведений. Прокофьев «...меня замучил, – не унимался директор РМИ. – Мне кажется, он будет делать свои корректуры шестьсот лет и его оркестровые материалы никогда не выйдут. Он не только исправляет без конца ошибки, но меняет свои сочинения»⁶⁶.

Медлительность Прокофьева объяснялась однако не только интенсивностью его гастрольных графиков, но и тем, что корректура всегда была для него процессом строжайшего пересмотра написанного. К примеру, готовя к печати «Скифскую сюиту», композитор заметил, что, наряду с эпизодами, которые по-прежнему удовлетворяют его, сама фактура партитуры представляется ему крайне грубой. «...я особенно мучительно чувствовал это во время медлительной корректуры, когда такты все одного и того же аккомпанеента тянулись через десятки страниц»⁶⁷.

Более всего волновало Прокофьева отставание издательства от темпов его творчества. Композитор потечески опекал каждое из своих творений, пристально следил за тем, чтобы, как сам он выражался, ни одно из них не «засиделось в девках». Отсутствие у РМИ достаточных оборотных средств то и дело приводило однако к задержкам публикаций. Прокофьев признавал поначалу, что «...Гутхейля все же надо простить, ибо он работает вовсю и печатает меня безостановочно»⁶⁸. Однако с чем большей

⁶⁵ Эрнест Эберг – Наталии Кусевицкой, 14 ноября 1924, Париж. – АК-БК.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 3 августа, Этгаль – Там же. С. 166.

⁶⁸ Сергей Прокофьев – Владимиру Держановскому, 23 ноября 1922, Этгаль. – ГЦММК, фонд 3 (С.С. Прокофьев), No. 871. Л. 1. Цит. по: «Долгая дорога в "родные края"...». Из переписки С.С. Прокофьева с его российскими друзьями. Публикация Ю. Деклерк. В сб.: Сергей Прокофьев. К 110-летию со дня

интенсивностью работал композитор, тем больший протест вызывали в нем любые промедления издательства.

Новым директором РМИ был назначен Гавриил (Габриэл) Григорьевич Пайчадзе (1883-1976)⁶⁹. Интереснейшая фигура российской культурной эмиграции, давний друг Кусевицкого, высоко интеллигентный и широко образованный человек, глубоко чувствующавший и тонко понимавший музыку, Пайчадзе обладал незаурядным умом, хорошо зная издательское дело, сознавал всю сложность функционирования РМИ вне пределов России. На протяжении двух десятилетий стоял Пайчадзе во главе издательства, пользуясь полным доверием Кусевицких.

Тесные контакты связывали его едва ли не со всеми крупнейшими музыкантами XX столетия. Пайчадзе отличался редким умением улаживать сложные ситуации, то и дело возникавшие во взаимоотношениях РМИ с композиторами, издателями, меценатами, концертными менеджерами. Искусно распутал Пайчадзе в 1927 сложный клубок правовых взаимоотношений между Стравинским и пятью его издателями (Юргенсоном, «Шоттом», «Честером», «Плейелем» и «Форбергом» (Schott, Chester, Pleyel, Forberg) вокруг перепечатки в 1919 издательством Chester его «Жар птицы». В том же 1927 уладил конфликтные взаимоотношения между Дягилевым, Кокто и финансировавшей постановку оперы Стравинского «Царь Эдип» меценаткой Винареттой Полиньяк. А год спустя, после появления оркестровой версии «Картинок с выставки» Мусоргского, выполненной Равелем, тяжбу относительно прав на издание партитуры между РМИ и Издательством Бесселя. «Наиболее искусным дипломатом среди всех, кто пытался вести дела Стравинского», – назовет Пайчадзе Вера Стравинская⁷⁰.

рождения. Письма, воспоминания, статьи. Москва: Труды ГЦММК, 2001. С. 51.

⁶⁹ Во многих источниках дата рождения Г.Г. Пайчадзе ошибочно помечена то 1881, то 1879.

⁷⁰ Vera Stravinsky and Robert Craft. Stravinsky in Pictures and Documents. New York; Simon and Schuster, 1978. P. 313. \

Прекрасно разбираясь в политике, международных отношениях, Пайчадзе предвидел еще в 1931 «...неизбежный и, по-видимому, скорый приход к власти националистов (Гитлер)»⁷¹. О сталинской России он писал в 1937 как о стране, которая «...несомненно находится в состоянии массового психоза и управляется человеком, страдающим манией преследования»⁷², не раз выражал убеждение, что заигрывая с демократическим блоком, Сталин ведет за спиной тайные переговоры с Гитлером. Не менее прозорливо его суждение о России после окончания войны. «После того, как миллионы русских солдат побывали на Западе и увидели там такую жизнь, о которой они и не подозревали, – писал он Кусевицкому, – у московского правительства как будто появилось опасение этого контакта и оно всячески стремится от него отгородиться»⁷³. Письмо это датировано концом 1945 – Берлинская стена ещё не была воздвигнута...

Уезжая в 1924 в Америку, Кусевицкие не пригласили с собой Пайчадзе, хотя супруга его, Вера Пайчадзе, намекала об этом в одном из писем к Наталии Кусевицкой⁷⁴. По всей видимости, хозяевам РМИ важно было сохранить для него надежного и доверенного человека в Европе. Забегая вперед, скажем, что хотя Пайчадзе сполна обладал трезвостью суждений, которой так недоставало Эбергу (не случайно, афоризмом его делается фраза: «Недостаточно напечатать вещь, надо, чтобы ее еще купили»⁷⁵), вывести издательство из кризиса ему так и не удастся. Сказались прежде всего резкое обострение экономической и политической ситуации Европы, а затем Вторая мировая

⁷¹ Гавриил Пайчадзе – Сергею Кусевицкому, 6 декабря 1931, Париж. – АК-БК.

⁷² Гавриил Пайчадзе – Сергею Кусевицкому, 1 декабря 1937, Париж. – АК-БК.

⁷³ Гавриил Пайчадзе – Сергею Кусевицкому, 24 декабря 1945, Париж. – АК-БК.

⁷⁴ Вера Пайчадзе – Наталии Кусевицкой, 30 декабря 1924, Париж. – АК-БК.

⁷⁵ Цит. по: Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 28 марта 1933 Париж. – М-П. С. 398.

война. Письма Пайчадзе к Кусевицким – летопись культурной и политической жизни Европы 1920-40-х г.г.

Упомянутое Прокофьевым письмо Федора Вебера к Сергею Кусевицкому в архиве последнего не обнаружено.

О концертном обществе Pro Arte см. в письме С.С. Прокофьева к С.А. Кусевицкому от 5 января 1926

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

5 января 1926, Нью-Йорк

Дорогой Сергей Александрович,

Благодарю тебя за телеграмму и разрешение⁷⁶.

Сегодня я вручил ноты (партитуру и голоса 3-го концерта и голоса «Классической») швейцару артистического подъезда а Карнеги, под расписку. Он должен передать их тебе 7-го⁷⁷.

Крепко обнимаю. Если тебе надо будет что-нибудь сообщить мне, то пиши на Naensel'я 33 West 42, – он мне перешлет.

Твой СПрокофьев

Жена шлет сердечный привет тебе и Наталие Константиновне.

Рукопись. На бланке «Great Northern Hotel, New York». Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 8.

Копии телеграммы Сергея Кусевицкого в архиве его не обнаружено. Речь в ней шла о разрешении Прокофьеву выступить в Нью-Йорке в концерте общества Pro Arte.

7 и 9 января 1926 состоялись очередные концерты Бостонского оркестра в Нью-Йорке. Любопытно, что традиция передачи нот через сотрудников Carnegie Hall, работающих в конторке артистического подъезда на 56 улице Нью-Йорка, сохраняется по сей день.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

15 января 1926, Портланд, Орегон

Дорогой Сергей Александрович,

⁷⁶ Речь идет об участии Прокофьева в концерте общества Pro Arte в Нью-Йорке (см. предшествующее письмо).

⁷⁷ 7 и 9 января 1926 состоялись очередные концерты Бостонского оркестра в Нью-Йорке.

Только что Haensel протелеграфировал мне сюда телеграмму Brennan'a с вопросом, где партитура «Класс[ической] симфонии». Я ответил Brennan'у телеграммой, что покидая Париж, дал распоряжение выслать партитуру прямо в Бостон.

На всякий случай восстанавливаю в твоей памяти: я отдал рукописную партитуру «Классической симфонии» Эрн[есту] Александровичу 5-го декабря с просьбой отослать ее в Бостон. По-видимому он этого не сделал. 23-го декабря, уезжая в Америку, я просил Пайчадзе справиться в книгах издательства, была ли послана тебе эта партитура, и если нет, то немедленно разыскать ее (в издательстве или на квартире Э[рнеста] А[лександровича]) и отправить тебе. Печатная партитура должна была быть готова со дня на день, и Пайчадзе обещал выслать ее тебе немедленно по выходе, независимо от посылки рукописной.

Поэтому мне кажется, тебе надо подождать этой партитуры до последнего момента или запросить Пайчадзе телеграммой, когда она была выслана. Если же теперь она все-таки не поспеет, то отложить исполнение до одного из следующих концертов, т[ак] к[ак] партитура так или иначе должна прийти в ближайшие дни.

Крепко обнимаю тебя, целую ручки у Натальи Константиновны. 26-го вечером выедем из Нью-Йорка в Бостон.

Твой СПрокофьев.

Адрес: c/o Haensel & Jones, 38 West 42 St. New York City

Рукопись. На бланке гостиницы "The Portland". Ошибочно датировано 15 января 1925. Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 8.

Надежды Прокофьева на то, что Кусевицкий будет пропагандировать в Америке его музыку, оправдались с лихвой. Композитор регулярно получал известия об успехе исполнения своих сочинений БСО. В программах трех первых сезонов Кусевицкого впервые исполнялись, правда, лишь Первый скрипичный концерт Прокофьева и Сюита из оперы «Любовь к трем апельсинам». «Скифская сюита»,

Третий фортепианный концерт и «Семеро их» уже звучали здесь прежде. «Кусевицкий <...> намерен был действовать в Новом мире с бóльшей осторожностью, чем в Париже», – пишет автор книги о Прокофьеве Дэвид Найс⁷⁸.

Кусевицким руководила однако не столько осторожность, сколько убеждение, не раз высказывавшееся и самим Прокофьевым, что Америка не готова к восприятию его новейшей музыки. С каждым годом сочинения композитора все чаще и чаще появляются на афишах БСО. Критика констатирует, что именно благодаря Кусевицкому «...Прокофьев сделался фаворитом публики симфонических концертов, любимейшим из новейших современных композиторов»⁷⁹. Уже к 1925-1926, как признает Дэвид Найс, «...Кусевицкий со своим оркестром достигает того, что сам Прокофьев только еще пытается достичь в своих недавних американских концертах»⁸⁰.

Начиная с 1926 Прокофьев пятикратно выступал с БСО во время своих гастролей по Америке. Как и предполагалось, первое из этих турне включало в себя концерты композитора на Западе Америки (Денвер, Портланд, Сан-Франциско, Канзас-сити), которые состоялось до его концертов с Кусевицким. Затем, в Нью-Йорке, Прокофьев, помимо концерта в Pro Arte, наиграл восемь рулонов записей для фирмы Duo Art, встречался с множеством музыкантов, в том числе с Сергеем Рахманиновым, Александром Ильичем Зилоти (1863-1945) и Леопольдом Ауэром, Артуро Тосканини, Отто Клемперером и Вильгельмом Фуртвенглером, Альфредо Казеллой, Джозефом Сигети и Вальтером Гизекингом. В Чикаго он познакомился с Джоном Олденом Карпентером, которого выделял среди других американских композиторов, в Сен Поле – с руководством ангажировавшего его общества Pro Musica.

⁷⁸ David Nice. Prokofiev. From Russia to the West. 1891-1935. New Haven and London: Yale University Press, 2003. P. 22

⁷⁹ “Boston Evening Transcript,” November 15, 192

⁸⁰ David Nice. Prokofiev. From Russia to the West. 1891-1935. New Haven and London: Yale University Press, 2003. P. 22

В Бостон Сергей и Лина Прокофьевы приехали 27 января. Играть под управлением Кусевицкого предстояло Третий фортепианный концерт. «Куся встретил меня очень нежно, Наталия Константиновна тоже явилась на первую репетицию и была чрезвычайно мила, а то летом наши отношения были скорее прохладные. Оркестр прочел Концерт разумеется хорошо, я тоже получил комплименты за мою игру»⁸¹.

Прокофьев рад был встрече со своим соучеником по Петербургской консерватории Ричардом Бургиным. Первое из выступлений состоялось днем 29 января. «Зал весь распродан. <...> Я не волновался. <...> Кусевицкий отметил улучшение в моей игре. Он был вообще очень мил, вывел меня на эстраду, как бы представляя публике, затем аплодировал после каждого номера и в конце; оркестр тоже; вызовов пять – по мнению Кусевицкого, это самый большой успех солиста за сезон»⁸².

Бостонские рецензенты больше внимание уделили Прокофьеву-пианисту. «Как пианист этот сдержанный молодой русский не выставляет напоказ свою технику. Он играет более как композитор и музыкант чем как виртуоз, что тем не менее свидетельствует о том, что технические трудности не существуют для него», – подчеркивал один из критиков⁸³. «Прокофьев играл в самой благородной манере как виртуоз, который не думает в первую очередь о технике и не пытается поразить ею слушателей...», – точнее выражал ту же мысль другой⁸⁴.

Что же до оценок музыки нового концерта, то не отличались восторженностью, они констатировали самостоятельность музыкального мышления композитора. «Очевидно, что существуют два Прокофьева, – писал

⁸¹ Сергей Прокофьев. Дневник. 1907-1933. (Часть вторая). Париж: sprkfv, 2002. С. 374.

⁸² ПД-2. С. С. 374-375.

⁸³ Warren Storey Smith. "Russian Day with Symphony. Mr. Koussevitsky Given Cordial Welcome on Return". "Boston Post", January 30, 1926.

⁸⁴ Philip Hale. "Koussevitzky is Welckomed," "Boston Herald," January 30, 1926.

критик, – один – автор роскошно варварской «Скифской сюиты», другой – автор Третьего фортепианного концерта, партитуры сравнительно более академической, но без следа академической строгости и монотонности. Музыка свежа и индивидуальна. Никто не найдет в ней воздействия какой бы то ни было школы или какого бы то ни было отдельного композитора прошлого или настоящего»⁸⁵.

Исполнение бостонцами «Классической симфонии» оказалось отложенным – но не до одного из последующих концертов, как полагал Прокофьев, а до следующего сезона.

О Нью-Йорке – не забыт был, вероятно, неуспех здесь три года назад оперы «Любовь к трем апельсинам» – Прокофьев писал как о «...самом отвратительном городе для артиста: обожравшимся, слышавшим всех лучших артистов, придиричивым, в новой музыке почти ничего не понимающим и в то же время решающим судьбу артиста для Америки...»⁸⁶.

Рецензии Нью-Йоркских концертов оказалась разноречивыми. «Если хорошие, то с оглядкой, если плохие, то в наглом тоне, – отметил Прокофьев. – <...> Как я рад, что не завишу от этих отбросов, как, к сожалению многие зависят: через три недели я уезжаю, а если вернусь, то вернусь по приглашению дирижеров, которые сделают эти приглашения не на основании критики <...>, а на основании того признания, которое дает мне Европа»⁸⁷.

Кусевицкие, жившие на окраине Бостона в очень уютном, по-русски обставленном особняке, не раз в эти дни принимали Прокофьевых. «У них русский повар, вкусный завтрак и вкусное вино, которое, несмотря на prohibition (запрет – *англ.*) они получают из Канады», – замечает композитор⁸⁸.

Музыканты намечают вместе купюры в готовившейся Кусевицким к исполнению Третьей симфонии Скрябина (среди нот Кусевицкого, хранящихся в Бостонской публичной библиотеке, и сегодня можно видеть

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ ПД-2. С. 376.

⁸⁷ ПД-2. С. 377.

⁸⁸ ПД-2. С. 374.

партитуру симфонии с этими купюрами), живо обсуждают насущные проблемы – издательские дела, менеджмент Прокофьева. По размышлении Прокофьев решает остаться у Хенселя. Личные встречи с ним – в мае 1925 в Париже и теперь в Нью-Йорке – произвели на него очень благоприятное впечатление – тем более, что Хенсель не требовал возвращения долгов.

Прокофьев вновь просит Кусевицкого исполнить Пятую симфонию Мясковского, с Наталией Константиновной говорит об издании книги Асафьева. Симфония осталась, однако, не исполненной, книга (как мы уже знаем) – не только не изданной, но и не написанной.

С.С. Прокофьев – Н.Л. Слонимскому

14 февраля 1926, Нью-Йорк

Дорогой Николай Леонидович,

Очень прошу Вас ловко выкрасть у Кусевицких номер «Последних новостей» от 15 января*: я читаю роман – и у меня не хватает этого номера.

Жму Вашу честную руку.

Ваш СПрокофьев

Рукопись. Письмо написано на бланке “Hotel Laurelton. New York”. Послано в Бостон. АК-БК. Две копии: РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 8 и 11.

В Провиденсе 16 февраля 1926 состоялось седьмое, последнее, выступление Прокофьева с БСО и Кусевицким. «Это было, пожалуй, лучшее исполнение из семи», – записал Прокофьев⁸⁹.

Кусевицкий познакомился с Николаем Слонимским в Париже в 1921. Многие связывало двух музыкантов – уважение к Рейнгольду Глиэру, у которого оба они брали в разное время уроки композиции, увлечение Скрябиным, пристрастие к творчеству современных композиторов. Всестороннее знание музыки, свободное владение роялем и прекрасное ориентирование в партитурах, знание французского и немецкого языков делали Слонимского одинаково ценным для дирижера и как репетитора-пианиста, и как личного секретаря. Эти обязанности он исполнял в

* и привезти его в Providence.

⁸⁹ ПД-2. С. 380.

Париже до своего отъезда в 1923 в Америку. После переезда в Бостон Кусевицкого и его конфликта с Цедербаумом Слонимский был заинтересован вернуться к Кусевицкому, о чем не раз просил его в начале 1925 в письмах из Рочестера, где он работал пианистом-аккомпаниатором в Истмэнской музыкальной школе. Он писал об усиленных занятиях английским языком, и уроках дирижирования у Альберта Коутса (Coates), подчеркивал, что жить в Бостоне означало бы для него находиться в центре умственной жизни страны, в атмосфере высокого искусства, что рад был бы выезжать вместе с Кусевицким на его концерты в Европу, спрашивал, возможно ли будет к скромному секретарскому жалованию добавить гонорары за игру на фортепиано и челесте в Бостонском оркестре.

Годы сотрудничества с Кусевицким не были однако простыми для Слонимского. В Берлине он не справился с партией фортепиано в «Прометее» Скрябина и, как сам он вспоминал, бежал из концертного зала под дождем в лакированных ботинках. «Не будет ли мое присутствие в Барселоне неприятно Вам?», – спрашивал он после этого Кусевицкого⁹⁰.

В Бостоне в 1927-33 Слонимский дирижировал созданным им камерным оркестром, пропагандируя творчество композиторов американского авангарда, музыка которых отсутствовала в репертуаре и самого Кусевицкого, и руководимого им Бостонского оркестра – Чарлза Айвса, Хенри Коуэлла, Эдгара Вареза. Сам Слонимский объяснял причины своего конфликта с Кусевицким в 1927 нетерпимым для себя характером отношения дирижеров-примадонн к композиторам. «Я верю, что композитор должен настаивать на своем праве быть воспринятым дирижерами. И я убежден, что обязанность дирижера – рассматривать каждую партитуру, которая попадает ему в

⁹⁰ Николай Слонимский – Сергею Кусевицкому, 6 ноября, без указания года [1922 или 1923], Брюссель. – АК-БК.

руки»⁹¹. Позднее он сформулирует причину конфликта более кратко: «Несоблюдение субординации»⁹².

После смерти Кузевицкого Слонимский опубликовал небольшую статью о дирижере «Миссия Кузевицкого»⁹³, в которой, по его словам, «примирился с ним посмертно»⁹⁴. В настоящее время в Нью-Йорке издается собрание музыкальных сочинений Слонимского в четырех томах.

Какой роман читал Прокофьев в газете «Последние новости» установить не удалось.

С.С. Прокофьев – С.А. Кузевицкому

14 февраля 1926, Нью-Йорк

Дорогой Сергей Александрович,

Шавич не будет играть «Классическую» 27-го, но если мой концерт 27-го будет иметь успех, то он сыграет ее позднее.

Если ты не предполагаешь исполнять ее в одном из ближайших концертов, то очень прошу тебя привезти партитуру в Providence: я хочу показать ее Клемпереру, для Германии и России.

Крепко обнимаю тебя, целую ручки у Наталии Константиновны. Пташка сердечно приветствует Вас обоих и благодарит Наталию Константиновну за присланный мерзавчик⁹⁵.

До скорого.

Твой

СПркфв

Рукопись. На бланке “Hotel Laurelton. New York”. Послано в Бостон. АК-БК.

⁹¹ Nicolas Slonimsky to Vladimir Dukelsky, March 16, 1952, Boston. – Коллекция В. Дукельского. Отдел исполнительских искусств, БК.

⁹² Bakers Biographical Dictionary of Musicians. Seventh Edition. Revisited by Nicolas Slonimsky. New York: Schirmer Books, London: Collier Macmillan Publishers, 1978. P. 2146.

⁹³ Nicolas Slonimsky. “The Koussevitzky Mission”, “The Saturday Review”, June 30, 1951.

⁹⁴ Nicolas Slonimsky to Vladimir Dukelsky, October 16, 1951, Boston. – Коллекция В. Дукельского. Отдел исполнительских искусств, БК.

⁹⁵ См. ниже письмо С.С. Прокофьева от 6 мая 1926.

Русский дирижер Владимир Савич (Shavitch) (1888-1947), с 1914 живший в США, работал в оркестрах Сиракузы и Рочестера, регулярно выступал также в Европе. Под его управлением Прокофьев исполнял 27 февраля 1926 свой Третий фортепианный концерт. «Провинциальный дирижер с весьма скромным горизонтом», – отзовется он о нем позднее⁹⁶. 7 июня 1927 в Париже Савич дирижировал Сюиту из оперы «Любовь к трем апельсинам», но Прокофьев не слышал исполнение, так как в этот же вечер состоялась премьера его балета «Стальной скок».

Отто Клемперер присутствовал на концерте Бостонского оркестра под управлением Кузевицкого в Carnegie Hall в Нью-Йорке 4 февраля 1926. В программе звучали «Ночь на Лысой горе» Мусоргского, Третий фортепианный концерт Прокофьева с автором-солистом и Третья симфония («Божественная поэма») Скрябина. Поздравляя Прокофьева после концерта, Клемперер рассказывал о своих недавних гастролях в России. Месяц спустя, по возвращении в Нью-Йорк Прокофьев снова встретился с дирижером. «Вечером были у Клемперера, который тоже высказывал интерес к моим сочинениям и интересовался, может ли он получить для Америки или Германии мои премьеры, – записывает Прокофьев. – Именно премьеры, а не просто исполнение. С моей музыкой он довольно мало знаком и любит Стравинского»⁹⁷.

Еще одна встреча с Клемперером состоялась 29 мая 1927 в парижском салоне принцессы Винаретты Полиньяк. Прокофьев помогал в тот вечер Стравинскому в представлении его оперы «Царь Эдип», играя ее по клавиру в четыре руки с автором. Сочинения Прокофьева отсутствуют в дискографии Отто Клемперера. Об исполнении им «Классической симфонии» никаких данных не найдено.

⁹⁶ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 9 июля 1928, Париж. М-П. С. 281

⁹⁷ ПД-2. С. 383.

Под «мерзавчиком» имеется в виду подаренная Кусевицкими «...бутылка настоящего португальского портвейна, что в "сухой" Америке подарок ценный»⁹⁸.

С. С. Прокофьев – С. А. Кусевицкому

24 февраля 1926, Нью-Йорк

Громко кричим ура в честь дорогого доктора.

Прокофьевы.

Телеграмма. Написана по-русски латиницей. Послана в Провиденс. АК-БК.

В этот день Кусевицкому вручали степень доктора Браун университета в Провиденсе (Brown University, Providence. R.I. – Doctor of Music) – первого из американских университетов, удостоившего его подобной чести. Впоследствии Кусевицкий был удостоен звания доктора еще в десяти американских университетах и колледжах (в том числе Гарвардским, Йельским, Бостонским и Принстонским), а также Университетом Бразилии.

В 1926 Кусевицкий совсем не говорил еще по-английски и свою благодарность Браун университету решил выразить необычным образом – выступив в качестве контрабасиста. Давно уже не выступал он как контрабасист и не занимался регулярно на инструменте. Тем не менее исполнение им Largo Генделя и медленная часть собственного Концерта для контрабаса было встречено аудиторией точно с тем же восторгом, с таким же удивлением (разве такое возможно на контрабасе?), с какими принимались его концерты в начале века в России и Европе. Выступление в Браун университете сделалось для Кусевицкого как бы генеральной репетицией к его публичным концертам в Бостоне (24 октября 1927, Symphony Hall) и Нью-Йорке (23 октября 1928, Carnegie Hall).

С. С. Прокофьев – С. А. Кусевицкому

6 марта 1926, борт корабля «Франция»

Дорогой Сергей Александрович,

**Сели на «France» и едем во France.
«Классическую симфонию» оставил для передачи тебе у**

⁹⁸ ПД-2. С. 378.

швейцара артистического подъезда Карнеги-холл. Клемперер предложил сыграть ее в Нью-Йорке в будущем сезоне, но я, вместо нее, предложил ему сюиту «Шут»⁹⁹. Материал 3-го концерта мне в Сиракузах вернуть не успели, т[ак] к[ак] я уехал сейчас же после концерта. Поэтому я сказал, чтобы они послали его тебе в Boston, вместе с чеком за прокат материала. Читал ли ты заметку в “Musical Courier” о нашем Нью-Йоркском концерте 4-го февраля? Там написали, что ты играл отрывки из «Апельсинов», которые им понравились больше, чем мой Концерт. Сабанеевский случай!

Затем позволь еще раз поблагодарить тебя за мой приезд в Америку и крепко обнять. Жена приветствует Вас обоих. Я целую ручки Наталье Константиновне*. Porto выпили с причмокиванием¹⁰⁰.

Твой СПркфв

* Frau Doctor¹⁰¹

Рукопись. На бланке “Board s.s. "France". Transatlantic French Line”. Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 8.

Под сабанеевским случаем имеется в виду известный инцидент, когда музыкальный критик Леонид Сабанеев опубликовал в газете «Новости сезона» от 13 (26) декабря 1916 рецензию на концерт Кусевицкого в Москве 12 (25) декабря 1916, подвергнув резкой критике «Скифскую сюиту» Прокофьева, которая не была сыграна в тот вечер. В

⁹⁹ Клемперер стоял во главе Оркестра Нью-Йоркской филармонии в 1922-1930, одновременно с Рихардом Штраусом и Виллемом Менгельбергом.

¹⁰⁰ Таково было содержимое мерзавчика, о котором Прокофьев писал в письме от 14 февраля 1926 года. Записав в дневнике от 11 февраля об ужине у Кусевицких, Прокофьев добавил, что получил от них для Пташки «...бутылку настоящего португальского портвейна, что в "сухой" Америке подарок ценный». (ПД-2. С. 378).

¹⁰¹ Жена Доктора (нем.) – ироническое примечание в связи с получением Кусевицким почетной степени доктора Браун университета. См. примечания к письму С. С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому от 24 февраля 1926.

программе концерта БСО в Нью-Йорке 4 февраля 1926 из сочинений Прокофьева исполнялся, как уже говорилось, только Третий фортепианный концерт.

Покидая Америку, Прокофьев подсчитал: «Чистый доход от этой поездки в Америку определился приблизительно в две тысячи долларов. Кроме того уплачено различных старых долгов приблизительно на тысячу долларов...»¹⁰² Еще более важен был для композитора успех моральный, дальнейшее внедрение своей музыки в Америку. 23 апреля 1926 БСО осуществит под управлением Кусевицкого американскую премьеру кантаты «Семеро их». Как и в Париже, она прозвучала дважды и в этот, и в следующий дни. «Телеграмма от Кусевицкого о чрезвычайном успехе "Семеро их" в Америке. Ура, Америка!» – запишет композитор¹⁰³. В мае, приехав в Париж, Кусевицкий предскажет Прокофьеву «...триумфальное возвращение в Америку через сезон»¹⁰⁴.

Сразу же после возвращения из Америки состоялись концерты Прокофьевых в Германии и Италии. Многочисленные переезды не мешали композитору продолжать работать над заказанным ему Дягилевым балетом «Стальной скок». В конце апреля в Париже Прокофьев знакомится с Гавриилом Пайчадзе, к которому сразу же чувствует симпатию. «С ним дело будет легче иметь, чем с покойным Эбергом...», – отмечает он в дневнике¹⁰⁵.

13 мая 1926 в парижском доме Кусевицкого Прокофьев играл ему и гостившему во Франции Болеславу Яворскому свои новые сочинения – Пятую фортепианную сонату, ор. 38 и балет «Стальной скок», ор. 41. Балет поначалу понравился Кусевицкому, уже знакомому с новой прокофьевской стилистикой по его Второй симфонии. Год спустя вместе с Пайчадзе, Стравинским, Сувчинским и Дукельским Кусевицкий будет присутствовать на премьере

¹⁰² ПД-2. С. 383.

¹⁰³ ПД-2. С. 395.

¹⁰⁴ ПД-2. С. 401.

¹⁰⁵ ПД-2. С. 394.

балета (7 июня 1927, труппа Сергея Дягилева), которую проведет дирижер Роже Дезормьер.

Для предстоящего исполнения в Париже Сюиты из балета «Шут» (3 июня 1926) Кусевицкий решил выбрать четыре фрагмента – не более 10 минут звучания. Фрагменты эти были отобраны вместе с Прокофьевым. «"Шут" сыгран хорошо, большой успех, я дважды встаю кланяться в ложе Кусевицких», – записывает Прокофьев¹⁰⁶. На концерте присутствовали Стравинский, Рахманинов, Морис Равель, Мери Гарден. Всеобщее внимание привлек однако не «Шут», музыка которого была знакома уже парижанам по дягилевской постановке, а премьеры фрагментов из «Книги жизни» жившего в Париже русского композитора-авангардиста Николая Обухова. «Это какая-то кошмарная оратория, где Иисус Христос, Иуда, Николай II и Николай Исступленный, последний и есть сам Обухов», – замечает Прокофьев на репетициях, а после концерта приводит реплику Равеля, опекавшего Обухова: “C'est du génie et de la folie” («Это гениально и безумно» – *франц.*)¹⁰⁷.

В июле-августе 1926 Кусевицкие отдыхали в Швейцарии, Прокофьевы жили на даче в Саморо, близ Фонтелло. Композитор работал одновременно над балетом «Стальной скок», оперой «Огненный ангел», Увертюрой для 17-ти инструментов и корректировал оркестровые голоса Марша и Скерцо из «Трех апельсинов», которые выйдут из печати в РМИ в октябре 1926¹⁰⁸.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

7 сентября 1926, Фонтелло

**Лучшие пожелания и сердечный привет.
Прокофьев**

Телеграмма. В оригинале по-французски. Русский перевод вписан сверху рукой Прокофьева. Послана в Париж. АК-БК.

¹⁰⁶ ПД-2. С. 411.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Партитура Симфонической сюиты из оперы «Любовь к трем апельсинам», ор. 33-bis была издана «А. Гутхейлем» еще в 1922. Тогда же была опубликована авторская концертная обработка Марша и Скерцо ор. 33-ter для фортепиано.

Телеграмма отправлена в ответ на письмо Наталии Кусевицкой к Лине Прокофьевой с приглашением приехать к ним завтра в Париж в связи с днем ее рождения и годовщиной бракосочетания с Сергеем Кусевицким. Сергей и Наталия Кусевицкие сочетались браком 8 сентября 1905 года в день рождения Наталии.

Письмо это в Архиве Кусевицкого не сохранилось. В дневнике композитора говорится, что в нем была, в частности, выражена надежда на то, что «С.С. забыл свои обиды и тоже придет»¹⁰⁹.

В парижском доме Кусевицких Прокофьевы встретили Гавриила Пайчадзе, Александра Боровского, Владимира Дукельского, Александра Тансмана, Аарона Копленда (Copland) (1900-1990). «Мы застали огромный накрытый стол <...> Было мило и весело...»¹¹⁰.

Только на этих традиционных домашних вечерах, в дружеском кругу приглашенных гостей можно было услышать в те годы игру Кусевицкого на контрабасе. Он словно бы повторял ту «серенаду на контрабасе», с которой начинался его роман с Наталией...

«Это было нечто, чего я не могла забыть всю жизнь, – вспоминала жена музыкального критика Эрнеста Ньюмена Вера Ньюмен. – <...> Хотя я пишу эти строки в 1962, я все еще слышу звучание контрабаса Кусевицкого»¹¹¹.

Прокофьев впервые слушал Кусевицкого-контрабасиста. Несколько слов, записанные им в дневнике, дают о звучании его контрабаса лучшее представление, чем иные пространные рецензии. «...Кусевицкий прекрасно играл на контрабасе, – отметил Прокофьев и добавил с присущей ему образностью, – (звук насыщенный, толстый червь)»¹¹².

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

18 ноября 1926, Париж

Дорогой Сергей Александрович,

¹⁰⁹ ПД-2. С. 434.

¹¹⁰ ПД-2. С.С. 434-435.

¹¹¹ Ernest Newman. A Memoir by His Wife Vera Newman. New York: Alfred Knopf, 1964. P. 37.

¹¹² ПД-2. С. 435.

Очень виноват перед тобой, что до сих пор не написал ни тебе, ни Наталии Константиновне. Между тем, после твоего отъезда мы неоднократно пользовались гостеприимством твоего особняка, заочевывая там в те дни, когда приезжали в Париж на поиски квартиры. Во время же окончательного переезда из деревни в город мы жили у тебя целых четыре дня, пока не устроились в отеле. Ксюша¹¹³ была очень внимательна и даже после, когда мы были уже в отеле, мы несколько раз подкидывали ей Святослава, пока однажды он не разбил себе нос, и Ксюша в ужасе не отказалась от дальнейшей ответственности.

Твой дом приходили осматривать для найма довольно часто, хвалили его чистоту и художественность, но жаловались, что нет, на чем сидеть. Что касается наших поисков квартиры, то мы так-таки ничего хорошего не нашли, и потому, временно отказавшись от немеблированной квартиры, въехали теперь в меблированную: нечто вроде забавной мансарды с террасой на крышу. Все эти поиски и прозябание в отеле очень мешали моей работе, и хотя в партитуре «Огн[енного] Ангела» я сейчас на четвертой сотне страниц, все же конца еще далеко не видно.

Позволь поблагодарить тебя за частые исполнения Сюиты «Шут» и за намерение исполнить Сюиту из «Апельсинов» и «Классическую симфонию». В этом году ты кажется решил доконать Америку моими опусами. Гавриил Григорьевич мне передал твою телеграмму об успехе. Я получил также программы и рецензии, посланные Слонимским, но мне показалось, что пресса была скорее сдержанна – впрочем, для Америки и на том спасибо.

«Апельсины» были благополучно поставлены в Берлине и уже прошли там пять раз. Дирижер Блех вызубрил музыку чрезвычайно добросовестно, но от этой добросовестности меня тошнило: все было слишком медленно и скучно. В общем, итальянскую сказку поставили на немецкий лад, но, говорят, именно

¹¹³ Ксюша – горничная в парижском доме Кусевичих.

благодаря этому был успех, а если бы поставили в итальянской манере, то берлинцы этого не оценили бы. Теперь «Апельсины» приняты для Харькова, Киева и Одессы. Дирижировать будет Малько и постановка будет одна на все три города: в течение сезона они меняются группами.

Мои переговоры с Россией продолжаются и я уже имею разрешение на получение проходного свидетельства: документа, которым я буду пользоваться только на время пребывания в СССР, по выезде же я могу снова сделаться подданным доктора Нансена¹¹⁴. Персимфанс устраивает пять симфонических концертов из моих сочинений, и вообще все шло бы очень хорошо, если бы не страшная грызня между отдельными концертными учреждениями Москвы и Ленинграда. Сначала меня пригласила Ленинградская филармония, учреждение государственное, потом воскрес временно закрывавшийся Росфил, учреждение акционерное, но меня предупредили, что это акционерное учреждение должно слопать филармонию в Ленинграде, хотя она и государственная; далее, другое государственное учреждение, более высокого полета – Главнаука, прислало мне циркуляр, что ни с кем, кроме Росфила или Персимфанса, я не имею права подписывать соглашения, а частным образом мне сообщили, что и сама Главнаука в ближайшее время подлежит расформированию. Вот и разберитесь во всей этой чертовщине!

Твоя нотная лавочка продолжает процветать. Новый помощник Гавриила Григорьевича Рабенек – очень симпатичный господин. Но Издательство по-прежнему не желает меня печатать, видимо, собирается превратить это в исторический анекдот. В свое время я расшиб себе лоб, пока уговорил Издательство напечатать «Классическую симфонию» и Сюиту из

¹¹⁴ Имеется в виду так называемый нансеновский паспорт – временное удостоверение личности, которое, в соответствии с Женевским соглашением 1922, заменяло паспорт лицам без гражданства и беженцам.

«Апельсинов», а теперь оно делает на них деньги. Тоже самое повторяется и с новыми моими вещами теперь.

Пташка и я шлем тебе и Наталии Константиновне наш самый сердечный привет. На днях Пташка напишет отдельно Наталии Константиновне. Мне было бы очень приятно, если бы ты как-нибудь собрался диктнуть Слонимскому мне письмо и рассказал бы мне о своих триумфах. Ведь ты когда-то говорил, что на деловые письма отвечаешь с математической аккуратностью – ну вот, может быть наскребешь несколько минут и на письмо неделовое.

Целую тебя

Любящий тебя

СПркфв

Машинопись с подписью от руки. Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 8.

Поиск новой парижской квартиры Прокофьевы начали сразу же после того, как проводили 15 сентября Кусевицких в Бостон. Продолжая жить в Фонтебло, они регулярно наезжали для этого в Париж и останавливались в доме Кусевицкого, оставляя Святослава на попечение их горничной Ксюши. Найденная Прокофьевыми квартира, в которую они переехали 13 ноября, находилась в доме 18 по улице Труайон (Troyon) – «...на самом верху, мансардная, шесть маленьких комнат... Дом был хороший, но улица дрянь: дома свиданий и по вечерам девицы хватают за руки»¹¹⁵. Прокофьевы прожили в ней до отъезда 13 января 1927 в первую гастрольную поездку по СССР. Вскоре после возвращения в Париж поселились в квартире в доме 5 по улице Frémiet.

Кусевицкие, эмигрировав из России и приехав в Париж, рентовали здесь поначалу небольшие меблированные апартаменты на Avenue de la Bourdonnais, которые располагались в нескольких минутах ходьбы от набережной Орсе (Quai d'Orsay) и Триумфальной арки. Мемориальная доска на стене этого дома напоминала, что в нем жил одно время драматург Эдмон Ростан (Rostand).

¹¹⁵ ПД-2. С. 445.

Окончательно обосновавшись во французской столице, Кусевицкие приобрели квартиру в доме 8 на недавно застроенной улице Советника Колиньона (Rue du Conseiller Colignon). Они любили свою парижскую квартиру. Несхожим было убранство различных ее комнат. В столовой, где нередко принимались гости, стояли большой обеденный стол, диван и два кресла. На столе – много дорогого хрусталя, серебра, и, как правило, живые цветы. В салоне на полу лежал большой ковер, на окнах висели черные с цветами занавески, на тумбах стояли большие фарфоровые вазы, на полках вдоль стен – множество книг и нот, со стены над камином на гостей смотрел «Кусевицкий с контрабасом» – холста художника и друга Кусевицких Василия Ивановича Шухаева (1887-1973). Картину эту можно видеть сегодня в Доме-музее Кусевицкого в Танглвуде (Массачусетс).

Рабочий кабинет Кусевицкого предусматривал максимальные удобства для занятий и отличался скромностью обстановки: письменный стол, небольшой круглый столик, мебель, обитая черной материей, гордо возвышающийся контрабас Амати. В спальне дирижера стояли кровать, комод и туалетный столик, висел маленький бухарский ковер. Спальня Наталии была обставлена английской мебелью.

Еще до завершения «Конcertов Кусевицкого» в Париже, квартира его будет сдаваться. «Ваш особняк, – сообщит ему в 1929 управляющий домом Иван Фидлер, – я сдал Ку, китайскому генералу, вождю южных армий, кажется обобравшему китайскую гробницу. Плата: 10 000 франков в месяц. Ваше сравнение моих действий с большевистскими безусловно сходится в одном – я строго исполняю функции ГПУ к проживающим в Вашем доме экзотическим народностям, не позволяя им поступать с Вашим особняком так, как Ку распорядился с китайской гробницей...»¹¹⁶. С начала 1934 в доме Кусевицких жил

¹¹⁶ Иван Фидлер – Сергею Кусевицкому, 23 января 1929, Париж. – АК-БК.

владелец бензиновых заводов Жилабер, контракт с которым многократно продлевался.

Все хлопоты по недвижимости Кусевицких (помимо парижского дома, они владели поместьем в Медоне и, после его продажи в 1938, домом в Шарпиньи [Charpignat], Бурже) осуществлял Гавриил Пайчадзе. «Если позволено мне будет высказать свои скромные пожелания, – писал он Кусевицкому, – то я обращаюсь к тебе с всеподданнейшей просьбой больше никаких новых владений не покупать...»¹¹⁷.

После окончания войны, в 1948, дом Кусевицкого в Шарпиньи намеревался приобрести Шарль Мюнш (Mühch) (1891-1968). Он вел переговоры с Пайчадзе, но сделка так и не состоялась. Весной 1950 Пайчадзе упаковал и отправил вещи Кусевицкого из Шарпиньи в Бостон. В числе их были ящик с книгами и партитурами и несколько картин. Продать Шарпиньи, оцененное в семь миллионов франков, удалось только осенью 1950. Кусевицкому оставалось жить полгода...

С 7 по 10 октября 1926 Прокофьев побывал в Берлине на последних репетициях и на премьере «Апельсинов» в Staatsoper – режиссер Холи [Holy], дирижер Лео Блех (1871-1958). Постановка не удовлетворила его ни сценически, ни музыкально. «...разница между Блехом и Холи следующая, – пишет он, – когда я выражаю мои пожелания первому, он отвечает: "Теперь уже ничего нельзя сделать". Но затем незаметно делает; второй же, когда я ему даю советы, неизменно восклицает: "Я сам всегда это думал!" Но затем все остается, как было»¹¹⁸.

Вместе с Федором Вебером Прокофьев встречался в Берлине с Бруно Вальтером, который намеревался ставить «Апельсины» в берлинской Städtische Oper. В ноябре 1926 Вальтер дирижировал в Лондоне Сюиту из «Апельсинов», но постановка оперы под его управлением так и не состоится.

Партитура «Огненного ангела» будет завершена Прокофьевым в 1927.

¹¹⁷ Гавриил Пайчадзе – Сергею Кусевицкому, 9 февраля 1938, Париж. – АК-БК.

¹¹⁸ ПД-2. С. 442.

Сюита из балета «Шут» впервые в Бостоне исполнялась Кузевицким 8-9 октября 1926, была повторена 15 ноября, а 27 ноября прозвучала в концерте БСО в Нью-Йорке. Американскую премьеру Сюиты из оперы «Любовь к трем апельсинам» Кузевицкий осуществил 12-13 ноября 1926, сыграл ее 25 ноября в Нью-Йорке и повторил в Бостоне 8 февраля 1927. «Классическую симфонию» исполнил 28-29 января 1927 в Бостоне, 1-2, 3 и 5 февраля в Нью-Йорке и 18 апреля снова в Бостоне.

Поясняя слова Прокофьева о «сдержанности американской прессы», приведем некоторые из отзывов наиболее влиятельных бостонских критиков. Один из них писал после первого исполнения Сюиты «Шут» о «...превосходной, соответствующей современным требованиям легкой музыке, полной ритмической энергии, презабавно оркестрованной, неожиданно простой, поскольку возможно судить после первого знакомства с ней, для знаменитого модерниста»¹¹⁹. Более взыскательный Хенри Тэйлор Паркер сетовал: «Возможно Прокофьев заблуждался, когда верил, что фрагменты этой музыки могут быть изъяты из гротескового действия и увлекательного сценического оформления и почти без перемен быть перенесены из театра в концертный зал»¹²⁰.

Сюита из «Апельсинов» была встречена единодушно. Тот же Паркер разразился на этот раз филиппикой по адресу композитора. «По милости Кузевицкого мы, постоянные посетители Symphony Hall, начинаем понимать, что существует много разных Прокофьевых, – писал он. – Есть варварский и могущественный Прокофьев «Скифской сюиты» и поистине эlegantный Прокофьев Второго фортепианного концерта; нервный, капризный Прокофьев Скрипичного концерта; истинно русский Прокофьев «Шута», переполненный народным юмором и весельем балагана. Теперь, в Сюите из

¹¹⁹ P.R. "Initial Concert of Symphony Season. Prokofiev's 'Chout' Hears for First Time Here," "Boston Globe," October 9, 1926.

¹²⁰ H[enry] T[aylor] P[arker]. "Conductor Returned, Orchestra Regained, Classics Rekindled," "Boston Evening Transcript," October 9, 1926.

«Любви к трем апельсинам», Прокофьев оперный и гротескный, то радостный, то насмешливый, сопровождающий каждый поворот завидным размахом»¹²¹.

Ему вторит Филип Хэйл (Philip Hale) (1854-1934) восклицал: «Удивительный человек этот Сергей Прокофьев, по нашему мнению самый оригинальный, одаренный наиболее богатым воображением и наиболее технически оснащенный из всех ныне пишущих музыку. Знакомство с каждым его сочинением умножает наше восхищение им»¹²².

Впрочем, и на этот раз не обошлось без упреков – в том, в частности, что «Апельсинов» напоминают собой сказочные страницы Римского-Корсакова, Scherzo отсвечивается музыкой Штрауса, а Марш представляется сочиненным «русским Джоном Сузой» (Sousa)¹²³.

После исполнения «Классической симфонии» констатировалось, что «...аплодисменты отличались такой теплотой, будто это была Сюита Баха»¹²⁴. Говоря о моцартовской идиоме симфонии, один из критиков подчеркнул: «Только придирчивый критик заметит, что Моцарт писал "Моцарта" лучше, чем делает это Прокофьев, и что Прокофьев пишет "Прокофьева" намного лучше, чем "Моцарта"»¹²⁵.

Николай Малько исполнял сочинения Прокофьева еще в 1914, когда возглавлял в Петрограде «Симфонические концерты ИРМО». Вплоть до своей эмиграции на Запад (1928) он оставался один из активнейших в СССР пропагандистов творчества композитора. Под управлением

¹²¹ H[enry] T[aylor] P[arker]. "Baffling Bartok; Piquant Prokofiev; Classics for Foil. New Master, Old Masters and a Mystery," "Boston Evening Transcript," November 13, 1926.

¹²² Philip Hale. "Symphony in Fifth Concert. Prokofiev, Beethoven, Bartok and Brahms Works on Program," "Boston Herald", November 13, 1926.

¹²³ L[eslie] A. S[loper]. "Koussevitzky – Prokofiev – Bartok," "Christian Science Monitor", November 13, 1926.

¹²⁴ Philip Hale. "14th Concert by Symphony", "Boston Herald", January 29, 1927.

¹²⁵ Warren Storey Smith. "Symphony in Banal Piece With the Composer", "Boston Post", January 29, 1927.

Малько выступит Прокофьев во время своего первого гастрольного турне по СССР в 1927.

Артур (Артемий) Львович Рабенек (1900-1952) пришел в РМИ в 1926 и занял вскоре позицию заместителя директора издательства, а позднее, после его продажи, перейдет в издательство «Бузи и Хоукс».

С.С. Прокофьев – Н.Л. Слонимскому

6 декабря 1926, Париж

Многоуважаемый Николай Леонидович,

Получил Ваше письмо, а также несколько пакетов с рецензиями, за пересылку которых очень благодарю. Надеюсь, что вы будете высылать их и впредь. Тон, который приняли бостонские газетчики после исполнения Сюиты из «Трех Апельсинов», действительно ремаркабелен. «Мог ли мечтать о таком счастье бедный гадкий утенок!» В противовес Бостону, Лондон держится стойко: недавно та же Сюита была исполнена Бруно Вальтером, в ответ на что посыпались старые жалобы на недостаток мелодии, отсутствие глубины и на то, что трубы заменяют партию первых скрипок. Впрочем, в Лондоне нет Сергея Александровича, который так настойчиво вбивал бы гвозди в тягучие мозги англичан...

В Москву мы собирается двигаться числа 10-го января. Охотно буду посылать Вам всякие материалы для американской прессы. Уже и сейчас можете сообщить, что Москва объявила по поводу моего приезда пять симфонических фестивалей из моих сочинений. Вы просили меня достать в Москве какие-то ноты для бостонской библиотеки. Будьте добры сообщить в точности, что именно требуется и какими суммами надо располагать.

Крепко жму Вашу руку. Прошу Вас очень приветствовать от меня Наталию Константиновну и Сергея Александровича.

Ваш СПркфв

Машинопись с подписью от руки. Послано в Бостон. АК-БК.

Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 10.

Опубликовано: Советская музыка. 1991. № 5. С. 79-80.

О рецензиях на исполнение в Бостоне Сюиты из оперы «Любовь к трем апельсинам» см. выше комментарии к письму С.С. Прокофьева к С.А. Кусевицкому от 18 ноября 1926.

Л.И. Прокофьева – Н.К. Кусевицкой

31 декабря 1926, Париж

Дорогая Наталия Константиновна,

Прошу Вас и Сергея Александровича принять наши сердечные поздравления к Святкам и к Новому году.

Надеюсь, что у Вас все благополучно и успехи Сергея Александровича возрастают с каждым днем.

Мы сейчас готовимся в путь. Собираемся выехать числе 13-го, т[ак] к[ак] по дороге у нас будет еще концерт в Риге.

Немеблированной квартиры нам найти не удалось. Мы прожили два месяца в меблированной и теперь предстоит уложить все наши пожитки в сундуки и ящики, которые мы оставим у Pleyel¹²⁶.

Святослав растет и его vocabulaire (словарь – франц.) увеличивается на русском и французском языках, Он очень полюбил Вашу ферму, перетаскивает из одной комнаты в другую, а хозяйку фермы брал с собой в постель, несмотря на то, что она деревянная и жесткая.

Я довольно часто вижу с Верой Васильевной Пайчадзе – она очень мила¹²⁷.

Сережа учится править автомобилем в той же школе, где учился Стравинский, и на днях будет держать экзамен. Мы его дразним, что он провалится также, как в свое время провалился Тансман. Я тоже буду учиться, но отложила это на после возвращения из Москвы, когда будет больше свободного времени и погода будет теплее. Сейчас здесь стоят морозы, которые приготавливают нас к Московским климатам.

¹²⁶ Концертная фирма и фирма роялей, названная по имени своего основателя композитора Игнаца Плейеля (1757-1831).

¹²⁷ В.В. Пайчадзе – жена Гавриила Пайчадзе.

Ваши поручения, которые Вы мне дали для Москвы, у меня записаны, и если будет возможно, постараюсь их исполнить.

Мне тоже предложили петь в Москве в Ассоциации Современной Музыки Liederaabend из Сережиных романсов, но я не знаю, принимать ли мне, ввиду предстоящих утомлений, непривычного климата, а главное, сильных эмоций.

Крепко Вас целую и шлю сердечные пожелания в Новом Году. Мы оба приветствуем Сергея Александровича, а Сережа целует Ваши ручки.

Искренне Вам преданная

Лина Прокофьева

Рукопись. АК-БК. Послано в Бостон. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 19. л. 3.

Прокофьев не считал Александра Тансмана заслуживающим внимания композитором и изменно подшучивал над Кусевицким, исполнявшим его сочинения. По мнению Прокофьева, Кусевицкий отлично понимал, что «Танцман в лучшем случае звезда второй величины, но Танцман всюю кадит Кусевицкому, Кусевицкий наслаждается и в благодарность время от времени поигрывает Танцмана»¹²⁸.

Л.И. и С.С. Прокофьевы – С.А. и Н.К. Кусевицким

18 января 1927, Рига

Отбывая в Евразию, шлем сердечный привет.

Л.и С.Прокофьевы

Почтовая открытка с видом Риги. Послана в Бостон. АК-БК. Копия текста – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 8.

Первая гастрольная поездка Прокофьева в СССР продолжалась с 18 января по 23 марта 1927. Концерт Прокофьевых в Риге состоялся 17 января в здании Оперного театра. Лина Прокофьева пела два цикла его романсов, сам Прокофьев играл, наряду с серией своих мелких пьес, Пятую сонату, которую ему предстояло исполнять в России.

Сомнений в связи с этой поездкой было у Прокофьева немало: за девять лет, которые прошли со

¹²⁸ ПД-2. С. 435.

времени его отъезда из России, во многом изменился он сам, еще больше изменений произошло в самой России и далеко не все из них были ясны для композитора. «В каком положении вопрос о свободе моего въезда, пребывания и выезда? – вопрошает он Болеслава Яворского за полгода до начала гастролей в СССР. – Приглашает ли меня Москва, черт возьми, или не приглашает? Гонорар питерский хорош или нехорош? И все эти рубли, которые мне заплатят, можно ли их увезти с собой в том или ином удобоменяемом виде, или же лучше зарыть в кубышке под каким-нибудь мостом, например, Кузнецким?»¹²⁹. В ночь перед выездом в Москву из Риги, где были его концерты на пути в Россию, Прокофьев записывает: «А не плюнуть ли на все это и остаться здесь? Неизвестно, вернешься ли оттуда или не отпустят...»¹³⁰.

О своих многочисленных выступлениях в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове и Одессе и о множестве встреч с музыкантами Прокофьев подробно рассказывает в Дневнике. В концерте Ассоциации Современной Музыки (АСМ) в Москве Лина Прокофьева не пела.

Находясь в Москве, Прокофьев пытался выкупить и сделать собственностью РМИ права на некоторые свои сочинения, которые принадлежали ранее Борису Юргенсону и были переданы им затем лейпцигскому издателю Роберту Форбергу. Авторский гонорар от продажи собственных сочинений за пределами России он готов был при этом поделить поровну с Юргенсоном. Как всякому советскому издателю, Юргенсону запрещено было однако торговать авторскими правами. Характерно, что если находясь в Москве в 1927, Прокофьев был озабочен укреплением своих авторских прав вне России, то в 1933, думая о возвращении на родину, станет хлопотать в «Международной книге» за

¹²⁹ Сергей Прокофьев – Болеславу Яворскому, 3 августа 1926, Samogreau, Siene et Marne, France. В кн.: Б. Яворский. Статьи. Воспоминания. Переписка. Второе издание, исправленное и дополненное. Редактор-составитель И. Рабинович. Москва: «Советский композитор», 1972. С. 363.

¹³⁰ ПД-2. С. 461.

проникновение туда своих сочинений, опубликованных «А. Гутхейлем» и РМИ.

**Российское музыкальное издательство –
С.С. Прокофьеву**

2 марта 1927, б.м. [Париж]

Лифарь подает **апелляцию.** **Российское
музыкальное издательство**

Телеграмма. Оригинал по-французски. Послана в Москву. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 2, ед. хр. 527, л. 8.

С.С. Прокофьев – Н.К. Кусевицкой

29 марта 1927, Париж

Дорогая Наталия Константиновна,

Вот мы и снова в Париже. Поездкой в Эссэсэрию очень довольны: принимали нас ласково, власти были корректны, уезжали с сожалением. Всех концертов 23, в том числе в Харькове, Киеве, Одессе. Прессу я Вам своевременно посылал. Видел в Мариинском «Апельсины», очень весело поставлено, в июне их привезут в Париж, уже подписана командировка. Но Большой театр собирается поставить их еще шикарней, и теперь идет бой, кому из двух театров поехать в Париж. Вас и Сергея Александровича часто вспоминали; поклоны от Цейтлина, Табакова и многих других. Библиотека Сергея Александровича цела и не разрознена. Проходил я мимо Вашего бывшего особняка: здорово красив домищецка! Касательно Ваших поручений Пташка беседовала с Рыбниковой и Гришиным – она Вам напишет подробности, но результатов положительных не было.

Гавр[иил] Григорьевич говорил мне, как много играл меня Сергей Александрович в этом сезоне. Я тронут и изумлен, и на такое количество исполнений никогда не рассчитывал!

Через неделю отправляюсь на несколько дней в Монте-Карло, где Дягилев начинает репетиции моего нового балета, премьеры которого назначена на 29 мая в Париже. Стравинский заканчивает двухактную оперу на латинском языке – «Эдип», работает с Кокто. «Игрок» и «Шут» пойдут в будущем сезоне в Мариинском театре, я выцарапал партитуру «Игрока» и буду переделывать.

Очень зовут меня в будущем году снова в СССР и уже предлагают контракты. Я во всяком случае хочу поехать на «Игрока». Боровский в Москве, приехал в день нашего отъезда, Его дебют сопровождался большим успехом. Метнер проходит вяло, публику нагоняют. Слышал VIII симфонию Мясковского – очень хорошая вещь.

Ждем Вас в Париж. Целую Ваши ручки и крепко обнимаю дорого мастера. Пташка сердечно кланяется Вам обоим. Святослав цветет, отсутствие родителей кажется пошло ему на пользу. По просьбе Слонимского я велел отправить ему из Москвы два экземпляра «Семеро их» для библиотеки. Получили ли? Я заплатил за это около 12 р[ублей]] = 6 долларов; пусть требует с библиотеки.

Искренне Ваш СПркфв

Рукопись. Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 9. Опубликовано: Советская музыка. 1991. № 5. С. 80.

Постановку оперы «Любовь к трем апельсинам» в Мариинском театре в Ленинграде (премьера – 18 февраля 1926) осуществили Владимир Александрович Дранишников (1893-1939) и режиссер Сергей Эрнестович Радлов (1892-1958). С дирижером Прокофьев, как мы уже знаем, учился вместе в консерватории. На выпускном экзамене Прокофьева Дранишников играл партию второго рояля в Первом фортепианном концерте. С режиссером композитор будет впоследствии работать над сценарием балета «Ромео и Джульетта», для постановки в его театре-студии напишет в 1938 Музыка к спектаклю «Гамлет» для малого симфонического оркестра ор. 77.

Кусевицкий также хорошо знал многих участников постановок «Трех апельсинов» в Мариинском театре и, годом позднее в Большом театре в Москве – режиссером Алексеем Денисовичем Диким (1889-1945), премьера – 19 мая 1927. Некоторые из них были участниками «Концертов С. Кусевицкого» в дореволюционной России. В Мариинском – певшие, соответственно, партии Леандра, Труффальдино и Фаты-Морганы Гуальтьер Антонович Боссе (1877-1953), Иван Васильевич Ершов (1867-1943) и Валентина

Константиновна Павловская (1888-1947). В Большом – дирижер Николай Семенович Голованов (1891-1953) и певица партию Нинетты Антонина Васильевна Нежданова (1873-1950); исполнявшая партию Клариче Надежда Андреевна Обухова (1886-1961) пела Полину в поставленной Кусевицким в Большом театре в 1920 «Пиковой даме».

Бой между Мариинским и Большим театрами закончился на этот раз мирно – ни один из них в Париж не поехал.

Особняк Кусевицких в Глазовском переулке в Москве

Особняк в Глазовском переулке близ Смоленского бульвара, выстроенный архитектором Львом Кекушевым в 1898-99 годах, отличается причудливым разностильем своего интерьера. О нем не раз писали как о «шикарном и довольно безвкусном»¹³¹. В 1910 особняк был приобретен отцом Наталии Кусевицкой крупным российским купцом-частоторговцем Константином Капитоновичем Ушковым у известной московской меценатки Маргариты Кирилловны Морозовой и позднее подарен им дочери. После большевистского переворота в нем было помещено

¹³¹ Леонид Сабанеев. Воспоминания о Скрябине. Послесловие и примечания С. Грохотова. Москва: «Классика-XXI», 2000. С. 39.

общежитие сотрудников III Интернационала, что давало возможность содержать его в идеальном порядке. Над фасадом развивался красный флаг.

Упомянутого С.С. Прокофьевым письма Лины Прокофьевой к Наталии Кусевицкой не сохранилось. Трудно поэтому судить, в чем заключались просьбы последней, хотя упоминание имен Любови Рыбниковой и Федора Гришина не оставляет сомнений, что часть их касалась дел РМИ.

Еще 2 августа 1926 в письме к Прокофьеву его приглашал приехать в Ленинград директор Ленинградской хоровой капеллы Михаил Георгиевич Климов (1881-1937). В 1927 получил от него приглашение и Кусевицкий. Оно было переслано ему его братом, жившим в Ленинграде. Кусевицкий в СССР не поехал, о чем не раз сожалел впоследствии. Дирижеру так и не удастся побывать на родине, хотя после войны он будет хлопотать о гастролях БСО в СССР, которые состоятся только в 1956, уже после его смерти.

Можно легко представить себе, с каким интересом читал Кусевицкий в 1927 рецензии на концерты Прокофьева в России. Как радовали его в письмах Прокофьева сообщения о лучших русских оркестрах – Персимфансе, которым руководил концертмейстер московского Оркестра Кусевицкого Лев Моисеевич Цейтлин; Ленинградском филармоническом, образованном из того самого Государственного симфонического оркестра, во главе которого он стоял в 1917-1920 в Петрограде. С каким теплом воспринял он переданные ему приветствия от Льва Цейтлина, прославленного первого трубача бывшего его оркестра Михаила Иннокентьевича Табакова (1877-1956) и многих других московских музыкантов.

При всей оригинальности Персимфанса (Первого симфонического ансамбля) как оркестра без дирижера, в десятилетней деятельности (1922-1932) вне сомнения сказались идеи, высказанные Кусевицким еще в 1905 в статье «Музыкальные илоты»¹³². Он восставал в ней против

¹³² Сергей Кусевицкий. «Музыкальные илоты. Письмо в редакцию», «Русская музыкальная

изнуряющей, далекой от истинного творчества работе оркестровых музыкантов. Этим же руководствовался создатель Персимфанса Лев Цейтлин. «Долгие годы оркестровой работы показали ему во весь рост все те условия, которые превращали оркестрового музыканта в механическую часть большого инструмента – оркестра, которые убивали в оркестранте инициативу, которые делали для него ненужным знакомство с исполняемым произведением в целом, которые, наконец, превращали оркестр фактически в инструмент, "на котором играли дирижеры"»¹³³.

Всегдашнее чувство недоверия оркестровых музыкантов к дирижерам, эмиграция из России лучших дирижеров – Сергея Рахманинова, Сергея Кусевицкого, позднее Эмиля Купера и Николая Малько, нежелание бывших артистов Оркестра Кусевицкого играть под чьим другим руководством – все это создавало реальные предпосылки для возникновения Персимфанса. В лице Цейтлина группа многоопытных, высоко профессиональных инструменталистов обрела великолепного лидера – человека широкой эрудиции, замечательного скрипача-солиста и ансамблиста, музыканта с «острым ощущением духа времени»¹³⁴, живым, созидательным умом новатора.

При этом Цейтлин не раз повторял, что Персимфанс выступает не против дирижеров вообще, а против плохих дирижеров, ставит своей задачей раскрепостить музыкантов, утвердить творческий характер их работы. Деятельность Персимфанса связывали порой с большевистскими идеями коллективного труда. Сомнительно, чтобы создатели Персимфанса руководствовались социальными идеями. Они лишь воспользовались тем, что Новая Экономическая Политика (НЭП) советского руководства допустила на

газета», 1905, № 40, 2 октября.

¹³³ Арнольд Цуккер. Пять лет Персимфанса. Москва: Издание Первого симфонического ансамбля Моссовета, 1927. С. 15.

¹³⁴ Михаил Блок. О Льве Моисеевиче Цейтлине. В кн.: Воспоминания о Московской консерватории. Составление и комментарии Е. Алексеевой и Г. Прибегинной. Москва: «Музыка», 1966. С. 329.

короткое время частную инициативу в организации концертной деятельности.

Воздействие Кусевицкого давало себя знать в репертуарных приоритетах Персимфанса. Он дебютировал в 1922, как и одиннадцать лет назад Оркестр Кусевицкого, с бетховенской программой, сохраняя, подобно ему, приверженность к концертам-монографиям, включал в свои программы сочинения Стравинского, Прокофьева, Мясковского – вопреки скептическим голосам критиков относительно самой возможности исполнения современной музыки без дирижера. Именно Персимфанс осуществил первое в Москве исполнение «Скифской сюиты» Прокофьева (14 декабря 1925), премьеры которой в свое время была объявлена Кусевицким, но так и не состоялась. Именно по приглашению Персимфанса приехал Прокофьев в 1927 на гастроль в СССР. После выступления с оркестром композитор говорил, что он «...в высшей степени честно и точно выполняет все ноты и оттенки, указанные композитором»¹³⁵.

Кусевицкий узнал о существовании Персимфанса из писем московских друзей и из газет. С интересом прочитал он в парижской русской прессе статью о Персимфансе Виктора Вальтера. Он разделял доводы критика о том, что трактовка музыкального произведения не может быть коллективной, что «...Цейтлин – <...> не только талантливый скрипач, но <...> артист, обладающий дирижерскими данными, не только музыкальными, но и психическими, то есть умением повелевать», что «...он и есть душа Персимфанса, или, иначе говоря, этот оркестр без дирижера имеет тайного дирижера»¹³⁶.

На вопрос парижского журналиста, не смущают ли его опыты Персимфанса, Кусевицкий отвечал, что они только облегчают работу дирижерам, так как приучают оркестровых музыкантов к внутренней дисциплине. «Ибо

¹³⁵ Беседа с Прокофьевым. «Музыка и революция», [Москва] 1927, № 3. С. 30.

¹³⁶ Цит. по кн: Арнольд Цуккер. Пять лет Персимфанса. Москва: Издание Первого симфонического ансамбля Моссовета, 1927. С. 161.

все равно без нас, дирижеров, не обойтись, если хотят не механического, а одухотворенного исполнения»¹³⁷. Признавая, что, работая без дирижера, оркестр может достигнуть, хотя и ценой гораздо больших усилий и большего количества репетиций, хорошей согласованности в игре, Кусевицкий подчеркнет однако главное: «...здесь нет индивидуального творчества, нет руководящего одухотворяющего начала»¹³⁸.

Таким образом мнение Кусевицкого, которому не довелось слышать игру Персимфанса, полностью совпало и с мнением, высказанным в Москве Прокофьевым, и с парадоксальным комплиментом выступавшего с оркестром пианиста Эгона Петри: «Каждому дирижеру я желаю такого замечательно выученного оркестра, как Ваш, но и Вам также желаю г е н и а л ь н о г о дирижера»¹³⁹.

В Монте-Карло Прокофьев пробыл с 8 до 11 апреля. Он встретился там с Дягилевым и Стравинским, посетил репетицию возобновлявшейся к 20-летию дягилевского балета «Жар-птицы» с декорациями Натальи Николаевны Гончаровой, обсуждал с Леонидом Федоровичем Мясным, который ставил «Стальной скок», детали его сюжета. Первоначально сюжет этот сочинен был художником и автором сценической конструкции спектакля Георгием (Жоржем) Богдановичем Якуловым. Подробнее речь об этом пойдет ниже в комментариях к письму Прокофьева к Кусевицкому от 11 октября 1930.

К опере Стравинского «Царь Эдип», либретто к которой писал на основе трагедии Софокла Жан Кокто (Jean Cocteau) (1889-1963), самое непосредственное отношение будет иметь Кусевицкий. В 1927 РМИ опубликует партитуру, оркестровые голоса и авторский клави́р оперы. 24-25 февраля 1928 БСО под управлением Кусевицкого осуществит в Бостоне концертную премьеру «Эдипа» в

¹³⁷ К.П. «Интервью с С.А. Кусевицким», «Последние Новости», Париж, 4 мая 1928.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Цит. по кн.: Арнольд Цуккер. Пять лет Персимфанса. Москва: Издание Первого симфонического ансамбля Моссовета, 1927. С. 143.

США и повторит ее 8 марта в Нью-Йорке. 29-30 марта 1940 «Эдип» прозвучит в Бостоне под управлением самого Стравинского. 12-13 марта 1948 Кусевицкий вновь включит оперу в свои бостонские программы и исполнит ее также 5 августа того же года на музыкальном фестивале в Танглвуде.

Александр Боровский

Партитура сочинявшейся в 1915-1916 и незавершенной оперы «Игрок» ор. 24 оставалась при отъезде Прокофьева из России в 1918 в Петрограде. Решение о новой редакции оперы было принято Прокофьевым еще в 1922. «По имеющемуся у меня клавиру наметил ряд очень существенных переделок в опере и хотел бы этим заняться», – писал тогда композитор¹⁴⁰. Приняться за дело он сумел однако только после того, как обрел в Ленинграде отсутствовавшую у него партитуру оперы.

¹⁴⁰ С.С. Прокофьев – Б.В. Асафьеву, 7 ноября 1922, Этгаль. Цит. По: Письма С.С. Прокофьева – Б.В. Асафьеву. 1920-1944. Публикация М.Козловой. В сб.: Из прошлого советской музыкальной культуры. Составление и редакция Т.Ливановой. Вып. 2. 1976. С. 6.

С пианистом Александром Кирилловичем Боровским Прокофьев и Кусевицкий были хорошо знакомы еще в России. Два года раньше Прокофьева закончил он Петербургскую консерваторию (1912) по классу Анны Николаевны Есиповой. Прокофьев высоко ценил талант пианиста, Прокофьев высоко ценил талант Боровского, не без ревности относился к его «5+» на экзаменах, когда сам получал только «5». Особенно увлекало его исполнение Боровским Чайковского и Скрябина. Наряду с обширным классическим репертуаром, Боровский часто обращался к сочинениям современных композиторов, что всегда приветствовал Прокофьев, сделался впоследствии одним из первых исполнителей «Двадцати взглядов на младенца Иисуса» Оливье Мессиаана. Еще в 1916 играл Боровский Scherzo ля минор (1912) Прокофьева, позднее сделался одним из лучших интерпретаторов его Третьего фортепианного концерта. Прокофьева однако не всегда устраивало, как пианист играет его сочинения.

Кусевицкий часто встречался с Боровским в Москве, где в 1915-1920 он был профессором Московской консерватории. В «Концертах С. Кусевицкого» в Москве пианист играл сольные сочинения Скрябина (14 октября 1915), позднее под управлением дирижера исполнял Пятый концерт Бетховена (11 февраля 1919), «Пляску смерти» («Totentanz») Листа (16 января 1920), Фортепианный концерт Скрябина (21 апреля 1920).

Дружба Прокофьева и Кусевицкого с Боровским продолжалась и после эмиграции пианиста из России (1920). Уже в сезоне 1921/22 пианист выступил в 42 концертах, быстро завоевав авторитет в музыкальных кругах Европы, многократно гастролировал в крупнейших музыкальных центрах Европы и Южной Америки, в 1931 стал единственным иностранцем, приглашенным в «Universal Edition» для редактирования фортепианных сочинений Моцарта.

В парижских «Концертах Кусевицкого» Боровский выступал дважды, сыграв Первый фортепианный концерт Чайковского (29 апреля 1921) и сольную партию рояля в

«Прометее» Скрыбина (6 мая 1921), а с сезона 1924/1925 – в концертах только что возглавленного Кусевицким БСО.

С Бостонским оркестром под управлением Кусевицкого Боровский появлялся неоднократно и позднее, в 1931 участвовал в Баховском фестивале в Бостоне, исполнив Пятый Бранденбургский концерт и четыре прелюдии и фуги из «Хорошо темперированного клавира» (27 и 28 марта), исполнял под управлением дирижера Первый концерт Чайковского (2 и 3 января 1942, Бостон; 10 января, Нью-Йорк), Третий концерт Прокофьева (26 и 27 февраля 1943, Бостон; 13 марта, Нью-Йорк), фортепианные концерты Баха ре минор и фа минор (4 августа 1945, Тэнглвуд) и Пятый концерт Бетховена (14 и 15 декабря 1945, Бостон; 16 февраля 1946, Нью-Йорк).

Характерно, что после фестиваля в Танглвуде в 1945, где кроме Боровского участвовали пианисты Александр Браиловский и Робер Казадезюс, Артур Лурье писал: «На первое место среди выступавших здесь пианистов нужно поставить Боровского...»¹⁴¹

Боровский с успехом выступал в Европе, четыре раза гастролировал Боровский в СССР (1927, 1932, в сезоне 1934/35 и летом 1936). О его исполнении в Москве 25 марта 1927 сюиты из балета «Петрушка» рецензент писал: «Что касается сюиты Стравинского, то она звучит у А. Боровского так, как она не звучала ни у кого из игравших ее до него в Москве пианистов»¹⁴². Однако американская карьера Боровского складывалась не гладко. В 1935 он сетовал в письме к Кусевицким, что для него все еще «закрыты две самые важные страны, а именно Англия и Соединенные Штаты»¹⁴³. Кусевицкий заручился согласием английского дирижера Адриана Боулта пригласить Боровского в концерты Оркестра Би-Би-Си, неоднократно хлопотал о его сольных выступлениях в Нью-Йорке. 28 марта 1941 после 10-летнего отсутствия на нью-йоркской

¹⁴¹ Лурье А. Летние концерты Кусевицкого // Новое русское слово. Недатированная вырезка из газеты. – АК-БК.

¹⁴² «Жизнь искусства», 1927. № 14, 5 апреля. С. 2.

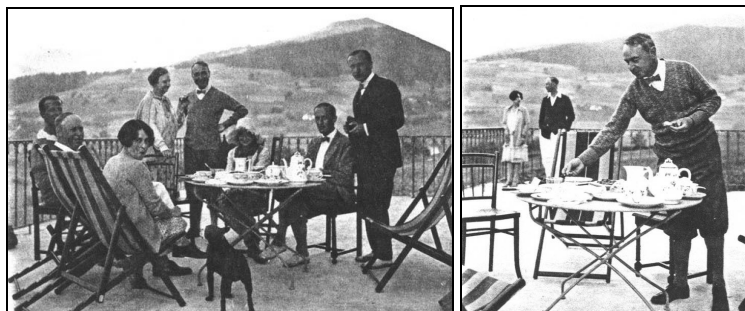
¹⁴³ Александр Боровский – Наталии и Сергею Кусевицким, 17 апреля 1935, б. м. – АК-БК.

афише Боровский с большим успехом выступил в Карнеги-Холл.

Парадоксальным образом карьера Боровского стала налаживаться в США в канун ухода Кусевицкого с поста музыкального директора БСО: с успехом прошедший в ноябре 1948 сольный концерт в Нью-Йорке, выступления в 1950 с оркестрами Чикаго, Бостона, Денвера, Далласа, Питсбурга, контракт на грамзаписи с фирмой «Десса».

Многочисленные письма Боровского к Кусевицкому содержат интересные отклики пианиста на выступления Артуро Тосканини, Вильгельма Фуртвенглера, Рафаэля Кубелика, Владимира Горовица.

Монументальная Восьмая симфония сочинялась Мясковским в 1924-1925. Премьера ее была осуществлена в Москве 23 мая 1926 Константином Сараджевым. Прокофьев присутствовал в 1927 на репетициях очередного исполнения симфонии под управлением Николая Малько. «...[симфония. – В.Ю.] показалась мне очень интересной... <...> Но все же есть четырехтакты с секвенциями и перестановками голосов из баса вверх и сверху в бас. Есть и чрезмерная растяжка, особенно в заключение анданте...»¹⁴⁴.

Прокофьевы в гостях у Кусевицких, 1927

В своем парижском сезоне 1927 Кусевицкий исполняет еще одно новое сочинение Прокофьева – Увертюру для камерного оркестра ор. 42 (28 мая).

¹⁴⁴ ПД-2. С. 528.

Оказавшись в начале программы, она прозвучала подобно своеобразной «фестивальной фанfare»¹⁴⁵. Написанная для 17 музыкантов, музыка (сам композитор называл ее то «американской», то «небоскребной»¹⁴⁶), Увертюра не обрела должной звучности в Театре Елисейских Полей (Theatre des Champs-Élysées), где проводились с этого года «Концерты Кусевицкого». Повторилась ситуация, имевшая место на премьерном исполнении Увертюры ансамблем артистов Персимфанса в Большом зале консерватории в Москве (7 февраля 1927). «Увертюра была задумана для Эолианского зала¹⁴⁷ на двести пятьдесят человек и, разумеется, в зале в десять раз большем она растворяется в бедности», – записал тогда Прокофьев¹⁴⁸. Тем не менее композитор подчеркнул, что «...мою Увертюру Кусевицкий сыграл лучше, чем она была сыграна в СССР и успех был больше, как у публики, так и у прессы»¹⁴⁹.

И снова, как это не раз бывало и прежде, дирижерская и издательская деятельность Кусевицкого оказываются тесно связанными. Еще до исполнения Увертюры он советовал Прокофьеву написать новую ее версию, адресованную симфоническому оркестру. Парижская премьера окончательно убедила композитора последовать совету дирижера. Когда встал вопрос о публикации Увертюры, Кусевицкий предпочел издать именно эту, вторую ее версию, вышедшую под опусом 42-bis (1930, РМИ).

¹⁴⁵ David Nice. Prokofiev. From Russia to the West. 1891-1935. New Haven and London: Yale University Press, 2003. P. 244.

¹⁴⁶ Сергей Прокофьев – Фатьме Ханум Самойленко, 27 августа 1926, Villa Langlois, Samoreau, Siene et Marne. Послано в Juan-les-Pins, Alpes Maritimes. – Библиотека Гарвардского университета (Houghton Library), Кэмбридж, США. Фонд 58М (Fund 58М), No. 118.

¹⁴⁷ Имеется в виду Aeolian-Hall в Нью-Йорке.

¹⁴⁸ ПД-2. С. 492.

¹⁴⁹ Сергей Прокофьев. «Париж. Весенний сезон 1927 года». Цит. по: Виктор Варунц. «Новые материалы из зарубежных архивов», «Музыкальная академия», 2000, № 2. С. 189.

С.С. Прокофьев – С.А. Кусевицкому

*27 сентября 1927, Villa «Les Phares», St. Palais s/Mer,
Charente Inférieure, France*

Дорогой Сергей Александрович,

Гавриил Григорьевич пишет мне, что материал «Стального Скока» будет готов к 4-му Октябрю и, стало-быть, успеет к твоей поездке по американским городам, чему я чрезвычайно рад. Вследствие того, посылаю тебе заглавия отдельных номеров этого балета, объяснительные заметки для программы и мою фотографию. Если в этих заметках тебе что-либо не понравится, то ты выпусти или перекрой по твоему усмотрению.

По-моему следует играть следующие номера: 2, 6, 7, 9, 10 и 11. Если этого окажется мало, то можно прибавить 2 или 4.

Благополучно ли вы доехали? Каковым оказался «Остров Франции»? Наша дача стоит у самого берега моря, и последние ночи ее не раз сотрясали ветры, а мы вспоминали вас и надеялись, что вы в вашем пути разминувшись с ними.

Мы оба крепко обнимаем Наталию Константиновну и тебя, с удовольствием вспоминаем время, проведенное вместе и искренно ценим ваше внимание к нам.

Любящий тебя

СПркфв

P.S. Пожалуйста, во-первых передай мой поклон твоей секретарше, а во-вторых, сопроводи этот поклон покорнейшей просьбой прислать мне программы и всю прессу, какая попадется ей в руки после исполнения «Стального Скока», а также после симфонии Мясковского.

«СТАЛЬНОЙ СКОК», оп. 41.

Весь балет состоит из одиннадцати номеров, носящих следующие подзаголовки:

1. Явление участников.
2. Поезд с мешочниками.
3. Комиссары.

4. Ирисники и папиросники.
 5. Оратор.
 6. Матрос в браслете и работница.
 7. Перестройка декораций.
 8. Обращение матроса в рабочего.
 9. Фабрика.
 10. Молоты.
 11. Заключительная сцена.
- Объяснительная заметка.

Балет «Стальной Скок» был написан Прокофьевым по заказу Дягилева в 1925 году и оркестрован в 1926 году во время концертного турне по Соединенным Штатам. Делая этот заказ, Дягилев говорил: «Нам надоели вечные сказочные или боярские костюмы в русских сюжетах; я нахожу, что переживаемый Россией момент достаточно красочен по своим костюмам, фигурам и событиям, чтобы можно было с успехом найти сюжет именно в этой области». В связи с этой директивой, Прокофьев избрал обстановкой для своего действия Россию 1920 года и, не касаясь политической жизни, дал в «Стальном Скоке» ряд сцен этнографического (бытового) характера, как жизни в городе, так и жизни в деревне. Сюжет был разработан совместно с художником Якуловым (George Iacoulov), прожившим в России безвыездно в течение периода революции. Этот художник – один из главных представителей конструктивизма на сцене, в котором декорации заменяются геометрическими построениями. По его же рисункам были выполнены костюмы и конструктивистские декорации для постановки «Стального Скока» у Дягилева. Премьера балета состоялась в Париже 7 июня 1927 года и в Лондоне 4 июля 1927 года.

Машинопись с подписью от руки. Послано в Бостон. АК-БК.

Исполнение сюиты из балета Прокофьева «Стальной скок» было намечено в Бостоне на осень 1927 года. Как видно будет из дальнейшего, Кусевицкий не был удовлетворен компоновкой сюиты.

Просьба Прокофьева о присылке ему рецензий на бостонское исполнение сюиты была выполнена (см. комментарии к письму С.С. Прокофьева к Н.К. Кусевицкой от 29 ноября 1927).

С.С. Прокофьев – Н.К. Кусевицкой

29 ноября 1927, Париж

Дорогая Наталия Константиновна,

Спасибо большое за присылку программ бостонского исполнения «Стального скока», а также за один пакет с рецензиями. Неужели «Скок» имел такой малый успех, что Сергей Александрович его больше нигде не играл? В Чикаго он играл ведь «Классическую». Но в чем же дело? Неужто американцы не раскусили до-мажорной музыки и не поняли ни одной мелодии? Или же эта вещь просто не годится для концертного исполнения?

Я всю осень проработал над переделкой «Игрока». Переработал его очень основательно, в некоторых местах не оставил камня на камне, и кроме того все переинструментировал. Теперь я, слава Богу, кончил III акт и остался один только IV, за который я примусь, как только мы вернемся из Лондона, куда мы с Пташкой на днях уезжаем на неделю для двух радио-конcertов, а также наигрывать на Дуо-Арт. Пойдет ли «Игрок» этой весной в Мариинском, еще не выяснено, но во всяком случае я так сосредоточился на работе над ним, что страшно задержал корректуру 2-ой симфонии, и теперь совершенно очевидно, что симфония раньше мая из печати не выйдет.

Будет ли Сергей Александрович играть ее в Америке? Это я спрашиваю не для того, чтобы садиться ему на шею, а затем, чтобы знать, как нам распорядиться с единственным пока рукописным материалом, который просит из Москвы Персимфанс. Если Сергей Александрович наверняка будет играть симфонию, то мы откажем Персимфансу, если же не будет, то очень прошу Вас написать мне о том, ибо Персимфанс ждет ответа для распределения своих программ. Поеду ли я в Россию, я пока еще не решил, но

это скорее всего будет зависеть от постановки «Игрока» в Мариинском театре, так как мне хочется поехать в этот раз в качестве композитора, не умеющего играть на фортепиано, а то в прошлый раз меня до того замотали, что я ничего не видал вокруг себя.

Затем мне еще хотелось бы спросить у Сергея Александровича, что он думает дать из моих новинок весною в Париже? Это опять-таки не для того, чтобы наседать на него, а чтобы иметь возможность исподволь подготовить материал, а то меня Гавриил Григорьевич до сих пор ругает за материал «Стального скока», который пришлось гнать в три кнута и который поэтому ему вскочил вдвое дороже обыкновенного. Мне кажется, что весною в Париже лучше всего дать отрывки из «Огненного Ангела» или из «Игрока». В «Игроке» будет четыре арии: Алексея, о добродетельном фатере (отце – нем.), ее когда-то уже пел под фортепиано Ершов (в старой редакции)¹⁵⁰, две арии Бабуленьки (меццо-сопрано) – одна до проигрыша, другая – после него, и ария Генерала (бас), который сошел с ума вследствие проигрыша Бабуленьке. Из «Огненного Ангела» можно было бы дать какой-нибудь акт, например, где нет хора и где можно ограничить всего тремя персонажами: Ренатой (сопрано), Агриппой (тенор) и Рупрехтом (баритон).

Итак, дорогая Наталия Константиновна, жду от Вас длинного письма. Мы пока остаемся на той же квартире, так как хозяин ее завяз в Германии. Весь Париж разговаривает о концерте Сергея Александровича в пользу студентов: это был действительно феноменальный удар. Да здравствует Кусевицкий! Святослав цветет, а Пташка усиленно готовится к Лондону, где ее просили петь по-английски,

¹⁵⁰ Знаменитый русский певец Иван Васильевич Ершов (1867-1943) репетировал в 1916 партию Алексея для предполагавшей в Мариинском театре постановки «Игрока», но спектакль, как сказано выше, не состоялся. Десять лет спустя Ершов блистательно исполнит партию Труффальдино в опере «Любовь к трем апельсинам» в ее ленинградской постановке.

а потому она зубрит английские тексты и проклинает их сдавленную звучность во время пения. Мой Хенсель мне больше ничего не писал и, по-видимому, вполне удовлетворился тем, что предложил мне полтора концерта на этот сезон.

Мы оба крепко обнимаем Вас и Сергея Александровича и шлем Вам наилучшие пожелания.

Целую Ваши ручки

Любящий Вас СПркфв

Машинопись. Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 9. Опубликовано: Советская музыка. 1991. № 6. С. 87.

(продолжение следует)

Моисей Борода

Концерт Моцарта

I

днажды январской ночью пятьдесят третьего года в квартире Марии Вениаминовны Юдиной в неурочное время – её настенные часы как раз пробивали полночь – раздался звонок.

Собственно «неурочное время» – это уж так, скорее ради красного словца сказано, потому как время это для многих как раз-то и было самым что ни на есть урочным: в свете разгорающегося пятьдесят третьего вырисовывались уже горизонты будущей Великой Чистки, врачи-убийцы – они же изверги рода человеческого, они же сионистские агенты – находились в надёжных руках, их соплеменники метались тенями в пламени народного гнева, прочие же гадали, когда наступит их черёд. Так что за «неурочное время» нам надо было бы перед читателем – ну, извиниться что ли. И мы бы извинились – если бы... да, если бы Мария Вениаминовна в это самое время, когда в её квартире раздался звонок, не спала. А она спала.

Звонившие – а было их двое, один коренастый и немного приземистый товарищ, другой постарше и ростом повыше, худой и суховатый – не добившись ответа на первый звонок, не поленились позвонить во второй раз. Когда же и это не помогло, они позвонили и в третий раз, сопровождая звонок несколькими энергичными ударами кулаком в дверь. Вот этот третий звонок, а особенно удары в дверь Марию Вениаминовну и разбудили. В последние несколько мгновений при переходе из сна в реальность прислышалась ей странная музыка, в которой причудливо сочетались «Шествие на казнь» из «Фантастической симфонии» Берлиоза и «Музыка для фортепиано и ударных» Бартока – но для размышлений, что делает Барток в гостях у

Берлиоза или наоборот, Берлиоз в гостях у Бартока – для всего этого времени, конечно, уже не было: надо было вставать и открывать.

Нужно сразу сказать, что Мария Вениаминовна ночному звонку не удивилась, а ещё менее того – испугалась. Была она человеком не то чтобы богобоязненным, но верующим, и считала, что если уж Бог кому-то что-то посылает, то есть в этом какой-то тайный смысл. И противиться своему жребию, трепыхаться, посланцу божьему доказывать – нет, мол, не меня имели в виду, не я твоя жертва, а вот не хочешь ли ты вместо меня соседу чашу эту горькую преподнести – это всё как-то не дело, да и помочь – тоже не поможет. Вот как всё равно следователя НКВД о пощаде молить – да если бы он и человек был: он ведь не сам от себя работает, он – своего всевышнего рука. И трясёшься ты от страха или нет – не имеет ровно никакого значения.

Вещи эти были для Марии Вениаминовны чем-то вроде азбучной истины, так что она даже над ними особо и не задумывалась. Поэтому она не спеша встала, подошла к двери и сказала: «Сейчас открою, оденусь только. И не гремите Вы, пожалуйста: люди спят!» – на что услышала с другой стороны двери какой-то неясный звук: то ли звонивший зубами проскрежетал, то ли курком пистолетным тихо щёлкнул.

Мария Вениаминовна открыла дверь, представ перед ночными гостями в обычном своём виде – в чёрной робе с ярко на ней выделяющимся золотым крестом и в спортивных туфлях. Младший из пришедших при виде хозяйки, а особо – её креста, хотел было крикнуть или сказать что-нибудь этакое, но под строгим взглядом старшего, который видно и по званию старшим был, от такого проявления эмоций воздержался.

Старший же вежливо, но строго произнёс: «Позволите?» и, не дождавшись ответа, прошёл мимо Марии Вениаминовны в её комнату. Мария Вениаминовна закрыла дверь и прошла следом.

Когда она вошла, оба гостя заняли уже в комнате свои позиции. Младший, как-то незаметно заслонивши

собой выход в коридор, с тихим любопытством оглядывал рояль, висевшие на стенах фотографии совершенно ему незнакомых людей, стоящую на письменном столе маленькую настольную лампу. Старший же, достав из кармана гимнастёрки своё удостоверение и раскрыв его перед Марией Вениаминовной на миг – прочесть что там было написано, было всё равно невозможно, да Марию Вениаминовну это и не интересовало – положил удостоверение обратно, достал – на сей раз из планшета – вчетверо сложенный листок бумаги и, то ли спрашивая, то ли констатируя факт, стал читать: «Юдина, Мария Вениаминовна, 1899 года рождения, ...профессор консерватории...» – на что Мария Вениаминовна ответила нетерпеливым коротким «Да, да, что дальше?», вызвав этим строгий взгляд читавшего, не привыкшего к такому нарушению ритуала. Кончив читать, он сказал: «Вы поедете с нами».

Чему-чему, а уж этому заключительному аккорду Мария Вениаминовна не удивилась совершенно. Единственное, что было неясным: что она может взять с собой. Поэтому она решила сказать на пробу: «Хорошо, я только соберу смену белья и...»

– Вот бельё, гражданка Юдина, Вам там совсем не понадобится, – произнёс младший из ночных гостей запальчивым тоном. Видно было, что о цели их прихода он знает меньше своего напарника, да и вообще выглядит каким-то статистом в спектакле, и такое неравное положение его как-то угнетало – отсюда были и «гражданка» и «не понадобится». Но старший, не удостоив младшего взглядом, коротко сказал ему: «Спустись к машине и жди там», а как только тот вышел и закрыл за собой дверь, обратился к Марии Вениаминовне уже другим, каким-то даже человеческим тоном:

– Мне приказано доставить Вас к зданию радиокомитета. Пожалуйста, возьмите с собой вот эти ноты – он достал из планшета второй так же аккуратно сложенный листок бумаги, развернул его и прочёл: «Вольфганг Амадеус Моцарт. Концерт номер двадцать

три...» – тут он несколько замялся «– м-м-м, ну тут дальше по латыни, не знаю, что означает».

– Спасибо я разберусь, ответила Мария Вениаминовна.

Теперь, когда мысль о неминуемой смерти оказалась ну, не то, чтобы неверной, а преждевременной, что ли, пришёл страх не страх, а какое-то ощущение полной неопределённости, которое Мария Вениаминовна очень не любила. Радиокomitee – ноты – Моцарт – ночь: всё это как-то не сочеталось.

– Извините, – сказала она, – но сейчас почти половина первого ночи. В такое время...

– Нет, тут уж Вы меня извините! – ответил ей ночной гость строгим голосом. – Мне приказано доставить Вас именно к зданию радиокomitee, именно сейчас и именно с названными нотами. А приказы не обсуждают – их выполняют. Так что поторопитесь, пожалуйста!

Мария Вениаминовна быстро собралась, взяла ноты и они вышли. Около подъезда стояла эмка с зажжёнными фарами, неподалёку топтался на морозе усланный своим напарником вниз второй из её ночных гостей – то ли ему не было позволено сесть в машину, то ли он должен был стоять у подъезда на случай, если уводимый попытается бежать. Он бросил на Марию Вениаминовну злобный взгляд и хотел уже грубо взять её за руку и втолкнуть на заднее сиденье, как его напарник коротко сказал: «Сядешь впереди», помог Марии Вениаминовне сесть, сел рядом – его напарник устроился на переднем сиденье – и машина рванула с места.

Когда они подъехали к зданию радиокomitee, там царила оживлённая атмосфера. Около здания стояло три автобуса, несколько окон в здании были ярко освещены.

Машина остановилась, сухопарый спутник помог Марии Вениаминовне выйти, подвёл её к лестнице, на которой стоял молодой человек в форме, и доложив ему коротко: «Пианистка Юдина доставлена» и услышав в ответ короткое «Ясно», сразу пошёл к своей машине. Молодой человек сказал ей так же коротко: «Пройдёмте со мной», а на её вопрос: «Объясните хотя бы Вы, что всё это значит», не ответил ничего. Впрочем, и идти им пришлось недолго: у

второй лестницы её спутник передал её другому сотруднику, тот довёл её до следующего участка пути и передал третьему – но ей уже было ясно, что движутся они к залу, где делали записи и где она неоднократно бывала.

Наконец они подошли к залу, её очередной сопровождающий сказал ей: «Сюда пожалуйста», проследил, чтобы она вошла – и удалился.

II

Уже при подходе к залу была явственно слышна обычная для оркестровых репетиций разноголосица – гаммообразные пассажи кларнета, арпеджио трубы, аккорды скрипки, приглушенные звуки литавр. Всё это была ей до деталей знакомая рабочая атмосфера, необычным в которой был поздний час и какая-то странная, неприятная ей таинственность.

Она открыла дверь и вошла. Навстречу ей, как бы отделившись от хлынувшего на неё потока звуков, поднялся человек лет сорока пяти с красивым, открытым, чуть загорелым лицом, в тёмно-синем в мелкую полоску костюме, хорошо сидевшем на его изящной, с лёгким оттенком полноты, фигуре. Когда она вошла, он разговаривал о чём-то с дирижёром, слушавшим его с несколько подобострастным видом, но увидев её, прервал разговор и пошёл ей навстречу.

Он подошёл к ней, улыбнулся и коротко представился: «Ильинский! Мария Вениаминовна, ещё не оправившись от вырвавшего её из сна звонка, неопределённости и тревоги, ответила ему сухо: «Юдина».

– Рад Вас видеть, Марина Вениаминовна, – сказал он. – Я хотел бы...

– Извините, Вы можете мне хотя бы объяснить, что всё это значит, – перебила она. – Меня поднимают с постели в полночь, когда я едва заснула после тяжёлого дня, привозят, ничего по дороге не объяснив, сюда, и...

– Как раз об этом я и хотел с Вами поговорить, – ответил он, глядя на неё по-прежнему с дружелюбной улыбкой. – Здесь слишком шумно, мы с Вами сейчас подыдемся этажом выше, там и сможем спокойно

поговорить, нам никто не помешает. Не беспокойтесь, это не займёт много времени.

Они вышли в коридор, где стояло несколько человек в штатском – видимо из того же ведомства, что привезшие её сюда люди, и по тому, как они, до того стоявшие в несколько вольготных позах и о чём-то вполголоса говорившие, увидев Ильинского, вдруг замолчали и подтянулись, она поняла, что тот представляет здесь какое-то более или менее высокое начальство. Впрочем, она задержалась на этой мысли недолго.

Они поднялись по лестнице и прошли вглубь коридора. У второй двери направо он остановился, сказал: «Нам сюда», открыл ключом дверь, пропустил её вперёд – и она увидела довольно просторный кабинет с большим, выходящим на улицу, окном. В кабинете стоял стол с двумя рядами стульев, а в стороне – маленький круглый стол с двумя креслами. Ильинский предложил ей сесть, сел в кресло напротив и сказал: Пока оркестр немного разыграется, мы можем с Вами поговорить. Минут пятнадцать-двадцать у нас есть.

– Как я Вам уже сказал, моя фамилия Ильинский. Зовут меня – если Вы захотите называть меня по имени-отчеству – Александр Борисович...

– И в каком Вы чине, Александр Борисович? – спросила она в том же нервно-суховатом тоне.

– Ну, если Вам знакомы армейские чины, это что-то вроде генерал-майора, – ответил он, улыбнувшись. – Но, Мария Вениаминовна, не стоит нам, наверное, так официально. Я просто и откровенно рад Вас видеть, рад с Вами познакомиться. Я ведь давний, очень давний поклонник Вашего таланта. Впрочем, об этом чуть позже. Сейчас – о том, почему мы Вас потревожили.

...Дело в том... – но прежде всего хочу Вас предупредить, что говорю с Вами конфиденциально, и что то, что я Вам скажу, должно при любых обстоятельствах остаться между нами. Ни дирижёр, которого Вы только что видели, ни оркестранты ни во что не посвящены и не будут посвящены: они знают, что их привезли на внеурочную запись, они получают свои сверхурочные – всё прочее их не

касается – ну, или для них выдумают какой-нибудь предлог. Но с Вами – другое дело. Вы здесь – главное действующее лицо и...

– Вот даже как! – перебила она. Вся эта игра в тайны, так сочетавшаяся с визитом её ночных гостей, раздражала её. Раздражало её и то, что ей придётся через пятнадцать минут играть – иначе зачем же её сюда привезли и зачем весь этот антураж? – а времени как-то сосредоточиться не будет вовсе. Впрочем что им всем до этого!

– Вот даже как! – повторила она. – А Вы... Вы уже заручились одобрением Вашего начальства, что мне можно, так сказать, приоткрыть завесу тайны, или...

– Начальство, Мария Вениаминовна, здесь я, – ответил он спокойно. И, взглянув на часы, так же спокойно продолжил: Теперь о том, что здесь происходит, почему мы Вас побеспокоили.

Дело в том, что как-то недавно Иосиф Виссарионович услышал по радио двадцать третий концерт Моцарта в Вашем исполнении. Передача была прямой трансляцией. И вот вчера он почему-то вспомнил об этом, позвонил в радиокomitee и спросил, имеется ли у них такая-то и такая-то запись. Человек, с которым он говорил – это было достаточно высокое начальство – перепугался до такой степени, что сразу же ответил «да, конечно», хотя, если бы у него была голова на плечах, он бы, конечно, сказал правду. Но слово было сказано, и Иосиф Виссарионович попросил прислать ему пластинку с записью, на что его, видимо, уже насмерть перепуганный собеседник пообещал это сделать к завтрашнему – то есть уже сегодняшнему утру, где-то к четырёх. Поэтому нам и пришлось Вам потревожить.

Теперь Вы знаете всё. Судьба многих людей в Ваших руках – в самом буквальном смысле этого слова. Оркестр уже прорепетировал, звукооператор, ассистенты, аппаратура – всё готово. Сможете Вы записать с первого раза, без дублей?

– Постараюсь, – коротко ответила она и добавила: А Вы уверены, что пластинку удастся сделать к утру, да ещё к обещанному часу?

– Мария Вениаминовна, – ответил он спокойно, – я привык отвечать за порученное мне дело и приучил к этому моих сотрудников. Если мы за что-то берёмся – мы доводим это до конца.

– Да, – сказала она медленно – это вы уже доказали в тридцатых, и в сорок шестом, и в сорок восьмом, и сейчас, кажется, начинаете доказывать снова.

Он немного помолчал, глядя в сторону, потом повернул голову, посмотрел ей в глаза и сказал: Я не был среди душителей ни тогда – уже по возрасту – не был среди них по милости судьбы в сороковых, и, может быть, не буду среди них и сейчас. Зачем Вы говорите об этом, не зная ни меня, ни обстоятельств, ни – не обижайтесь на меня! – происходящего вокруг? Почему Вы отравляете мне радость встречи с Вами – встречи, о которой я мечтал, начиная с двадцати лет, когда ещё учился в консерватории – да, не смотрите на меня так, было в моей жизни и такое, и я, верите Вы мне или нет, вполне прилично играл и даже, как говорят, подавал надежды.

Потом была война, фронт, ранение, после которого мысль о том, чтобы играть, отпала как-то сама собой, потом... – но хватит об этом. Я ходил на Ваши концерты, не пропуская, если позволяли обстоятельства, ни одного. И вот сейчас я вижу Вас, сижу рядом с Вами, мечта моя сбылась – и Вы бьёте меня в лицо своим осуждением – и если бы только осуждением. За что?

Его прорывающееся сквозь тихий голос волнение задело её, и она спросила: Скажите, но как же Вы – как же Вы, музыкант, оказались...

– Это долгий разговор. В коротких словах не скажешь. Может быть, жизнь столкнёт нас ещё раз – тогда... тогда мы сможем поговорить об этом. Скажу Вам только: судьба хранила меня, в этом аду я не шёл по трупам... Не оглядывайтесь, и не пугайтесь. Меня здесь не будет прослушивать никто. А говорю я с Вами так потому что знаю: Вы никогда никому и ни при каких обстоятельствах об этом не расскажете.

– ...Но как же Вы в этом аду... как же Вы в нём живёте? Как Вы живёте, действуете, обеспечивая вот

сейчас эту запись в стиле подпоручика Кижэ – зная о том, что вокруг исчезают люди: писатели, музыканты, врачи, так называемые простые люди – тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч невинных!

– В царстве власти нет невинных, Мария Вениаминовна. Их просто нет. В этом царстве виновны все, – произнёс он тихо, со скрытым усилием. – Виновен и простой смертный, и генерал, и последний солдат. Виновны и приближённые к божеству, как бы близко к нему они ни стояли. Человек в этом царстве рождается и умирает виновным. А умрёт ли он своей смертью в кругу любящей его семьи или, вырванный из неё, пройдет через все круги ада, так что смерть покажется ему блаженным отпущением – это уже дело его судьбы – а может быть, и вовсе случая...

– Скажите, а вот если бы Вам, – спросила она тихо – ...вот Вы говорите, что ходили на мои концерты, что Вы – ...поклонник, как Вы выразились, моего искусства – так вот если бы Вам – от волнения и от того, что старалась говорить тихо, она запинаясь – если бы Вам сказали: «Её надо арестовать» или «Её надо уничтожить» – Вы бы сделали это?

– А что бы сделали Вы на моём месте? – в его тоне была и жёсткость и какая-то печаль. – Что бы сделали Вы? Да, да, Вы! То есть если бы у Вас была семья – сын, дочь, жена, родители – что бы сделали Вы? Героически пожертвовали бы собой, отказавшись выполнить приказ? Спасли бы тем самым свою бессмертную душу? О да! – но какой ценой? Отдали ли бы Вы на плаху своих близких – своего только вступающего в жизнь сына – талантливого, яркого человека, ещё не загубленного дыханием этого ада? Свою дочь, видящую этот мир в его романтических красках? Своих престарелых родителей, единственной опорой в жизни которых Вы являетесь? Своего спутника жизни, сосредоточившего на Вас свою любовь, свои надежды? И всех этих людей Вы отдали бы на плаху, бросили бы своей рукой в огонь как плату за спасение Вашей души?

Но если за одну загубленную душу Вам, как Вы верите, придётся держать перед Богом ответ, так как же Вы за столько душ ответить надеетесь? Нет, Мария

Вениаминовна, здесь нет ответа, да и не может его быть. Однако... – он посмотрел на часы, – нам пора. Простите меня за мой... – он через силу улыбнулся, – страстный тон.

Он поднялся, она тоже, у двери он пропустил её вперёд, запер дверь, и они спустились в зал.

Запись начали почти сразу, на подготовку ушло минут пятнадцать. Треволнения ночи, нелёгкий, задевший её глубоко разговор с Ильинским, её усталость – всё сразу отошло на второй план, как только она подошла к роялю, села и начала играть. Слава Богу, концерт крепко сидел в пальцах, так что дубли понадобились только в двух коротких фрагментах. Дирижёр оказался хорошим, сразу взявшим её темп, угадавшим характер, звукорежиссёры тоже были на высоте, так что в половине третьего запись была окончена, и можно было ехать домой.

Ильинский, всё время записи сидевший в звукорежиссёрской, как только запись окончилась, подошёл к дирижёру, пожал ему руку, сказав, видимо, что-то комплиментарное, потому что тот сразу заулыбался, и потом подошёл к Марии Вениаминовне. «Можно Вас на пару слов», – сказал он тихо. Они вышли в коридор.

– Простите меня за всё, что я Вам наговорил, – сказал он. – Знаете, когда я Вас сейчас слушал, я забыл обо всём. Спасибо Вам – хотя спасибо, наверное, и малой доли того не передаёт, что я чувствовал, когда слушал Вашего Моцарта.

– Спасибо и Вам, – сказала она. – А сейчас я хотела бы поскорее попасть домой. Я очень устала, мне нужно хотя бы немного поспать – впереди нелёгкий день, и...

– Нет, Мария Вениаминовна, – произнёс он каким-то загадочным тоном, – к сожалению, нет.

– То есть как это нет? Что это значит? Или, может быть, мне предстоит ещё одна запись для несуществующей пластинки?

– Нет. Никаких записей больше не будет. Мне поручено... – тут тон его сделался каким-то официально-торжественным – ...мне поручено передать Вам приглашение товарища Сталина. Он хотел бы видеть Вас у себя сегодня, сейчас. Он хотел бы прослушать концерт

Моцарта, который ему тогда так в Вашем исполнении понравился, с Вами вместе – как только ему принесут пластинку. А до этого – поговорить с Вами. Извините, я ещё раз хотел бы Вам напомнить, что Иосиф Виссарионович о нашей сегодняшней записи...

– Спасибо, я помню, – перебила она. – Но послушайте, я действительно смертельно устала. Может быть, эту встречу можно отложить – ну, хотя бы на завтрашний вечер... или...

– Отложить? – он улыбнулся, как улыбаются шутке или невинному детскому вопросу. – Вы полагаете, что визит к товарищу Сталину по его личному приглашению можно отложить?

– Хорошо, но только я хотела бы хотя бы пятнадцать минут побыть одна.

Он посмотрел на часы: Боюсь, что у Вас этого времени нет. Иосиф Виссарионович уже ждёт Вас. Но Вы можете подремать – или даже чуть-чуть поспать – в машине. Ваш спутник не потревожит Вас ничем – я распорядюсь об этом.

– Мой спутник? Вам не кажется, что у меня сегодня слишком часто меняются спутники? – раздражение опять пришло к ней, к предстоящей встрече она не была готова ни физически, ни душевно. Он ответил коротко: «Я провожу Вас» – и они спустились к стоящей у подъезда машине. Человек, сидевший рядом с шофёром, вышел, подошёл к Ильинскому и о чём-то коротко и тихо с ним поговорил, потом подошёл к ней и поздоровался. Она попрощалась с Ильинским, подошла к машине, села на заднее сиденье – её спутник уже сидел рядом с шофёром – и они поехали.

В пути ей действительно удалось немного подремать, даже может быть на какое-то мгновение заснуть. Она проснулась, когда они уже подъехали к цели и машина, мягко прошуршав о припущенный снегом асфальт, остановилась. Её спутник помог ей выйти. При выходе её обдало чистым, чуть пахнущим елью, ночным морозным воздухом, и несколько глотков этого воздуха освежили её, придали ей сил.

Она бы с удовольствием ещё немного постояла, но её спутник вежливо сказал ей: «Извините, нас ждут» – и открыл перед ней дверь подъезда.

Они поднялись по лестнице, шли потом каким-то сложным путём, которого она не запомнила, и наконец, подошли к двери кабинета, перед которой её спутник, оглядев себя и, незаметно, её, на миг остановился, потом открыл дверь, пропустил её вперёд и прошёл сам. Сидевший за столом человек, посмотрев на пришедших, подошёл к двери кабинета, исчез в ней на несколько мгновений и вернувшись и закрыв дверь, сказал ей: «Товарищ Сталин ждёт Вас», открыл ей дверь – и она вошла.

III

Когда она вошла, Сталин работал за своим столом, что-то с раздражением отчёркивая в лежащем перед ним листе бумаги; его знаменитая трубка лежала рядом, из неё подымался лёгкий дымок. Сталин поднял на Марию Вениаминовну глаза и сказал: «Извините, я сию минуту заканчиваю. Садитесь, пожалуйста». И этот какой-то совершенно неофициальный, почти домашний тон поразил Марию Вениаминовну, никогда прежде Сталина вблизи не видевшую и избегавшую смотреть даже хроники с ним.

Теперь он сидел перед ней в свете светло-зелёной лампы, и работал, и не было в этом работающем человеке ничего от того образа, какой сложился о нём в душе Марии Вениаминовны и, может быть, тысяч других людей, для которых он был телесным воплощением всего зла и сатанинства.

Его рябое в оспинах лицо мало напоминало его лакейски отлакированные портреты – в свете лампы видны были и оспины, и нездоровый цвет кожи, и седые, не очень приглаженные усы. Но странно: лицо это показалось Марии Вениаминовне скорее симпатичным.

Наконец, он закончил работу, положил лист бумаги в папку, встал и подошёл к ней. Мария Вениаминовна встала тоже и сделала несколько шагов ему навстречу.

– Здравствуйтесь, Мария Вениаминовна, – сказал он и улыбнулся. – Наконец-то я вижу Вас вблизи, а то ведь до

сих пор только слышал Вашу игру и пару раз видел в концертах, – и он посмотрел ей прямо в глаза.

Взгляд этот, совершенно не злой, а скорее дружелюбный, пронзил её насквозь, и Мария Вениаминовна подумала что вот, может быть, только абсолютная мудрость – или абсолютная власть над людьми – дают человеку возможность так увидеть другого. Кто-то из её друзей-физиков рассказал ей недавно о приборах, посылающих сигнал к какому-то предмету, и потом принимающих как отражение этого сигнала как образ предмета. И сейчас она увидела в этом взгляде, которым посмотрел на неё стоящий перед ней человек, именно это: взгляд этот прошёл сквозь неё и вернулся к его пославшему, сообщив ему полный образ предмета, полный образ её, Марины Вениаминовны Юдиной – её чувств, её мыслей, а может быть, и её судьбы. Но она выдержала этот взгляд, не отвела глаз – и он улыбнулся ей снова.

– Знаете, вот именно такой я Вас себе и представлял, – сказал он, – в то время когда ещё Вас не видел, а только слышал по радио Вашу игру. Именно такой! И вот Вы у меня в гостях!

Он сделал несколько шагов к столику, на котором стояло множество телефонов, поднял трубку одного из них и сказал: «Принесите нам, пожалуйста, чай – ну, и там... Вы знаете...» – Или, может быть, хотите сперва поужинать? – обратился он к Марии Вениаминовне.

– Нет, нет, спасибо, поужинать – нет, а вот чаю – с удовольствием, – ответила она и поразилась, какая у этого человека в его семьдесят четыре года лёгкая походка.

Принесли чай, пирожные, шоколадные конфеты. Они пили чай и говорили о литературе – больше говорил Сталин, она в основном слушала. Но разговоривая, он не забывал о своём долге гостеприимного хозяина: то подкладывая ей пирожное, то предлагая вот именно этот сорт шоколадных конфет – «попробуйте, они замечательно ароматные», и конфеты были действительно замечательными – то подливая ей, между разговором, чай.

Он говорил о литературе, рассказывал о своих любимых книгах.

Его грузинский акцент, то активно всплывавший в речи, то менее слышный, придавал этой речи какую-то особую притягательность, усиленную его своеобразной манерой выделять то или иное слово в предложении – вроде бы и не главное, оно, будучи выделенным, придавало всему предложению какой-то другой, иногда неожиданный, но, как правило, оправданный смысл. Она слушала его вначале не совсем внимательно – может быть от усталости, может быть, не надеясь услышать что-нибудь интересное, но постепенно то, о чём он говорил, захватило её.

Её поразила ясность, точность и самостоятельность его суждений. Это не были у кого-то вычитанные и затем повторённые мысли – или подхваченные им случайно – или полученные им от какого-либо из его многочисленных помощников. Это были его мысли, его суждения.

Круг литературы, которая ему нравилась, был, может быть, не очень широк – но это была большая литература и это были им выбранные – Бог знает, по каким соображениям – книги. Здесь были Достоевский и Пушкин, Мопассан, Золя и Флобер, Булгаков и Пастернак, Салтыков-Щедрин и Маяковский. За всё время разговора он не назвал ни одну из книг своих придворных писателей и уж тем более литературных лизоблюдов, которым он время от времени бросал как кость свои премии третьей степени.

Вдруг он спросил её, нравятся ли ей стихи Мандельштама, чем её сильно смутил. Мандельштам был запрещённым поэтом, упоминать его имя было небезопасно – но она сказала «да» и добавила: Он – очень большой поэт.

– Может быть, – задумчиво ответил Сталин, – может быть. Но почему он стал писать свои политические стихи – ведь у него не было к ним никакого таланта? Или слава Маяковского так затмила всем разум, что они уже перестали понимать, что они могут, а что нет? И почему Пастернак его тогда не защитил?

Она ничего не ответила, и он мгновенно сменил тему, перейдя к современной советской литературе, к её недостаточному патриотизму – но говорил он теперь, как ей показалось, больше для себя, мимоходом проверяя на ней правильность своих выводов, убеждая себя в том, в чём ещё

не был убеждён, но в чём хотел убедиться. Эта быстрая смена настроений держала её в постоянном сильном напряжении, усиливая её и без того немалую усталость.

В дверь осторожно постучали, Сталин сказал «да», на пороге появился Поскрёбышев и доложил, что обещанная пластинка прибыла. «Хорошо, принесите её и положите вот сюда» – Сталин указал на небольшой столик у стены на котором стоял уже включённый граммофон.

Поскрёбышев вышел, вернулся с пластинкой, положил её на столик и вышел, закрыв за собой дверь.

Сталин взял конверт в руки, осмотрел его, буркнул про себя «могли бы и лучше сделать», достал пластинку из конверта, положил её на диск граммофона, опустил тонаrm на пластинку и сел невдалеке, скрестив на груди руки.

С первыми же звуками оркестрового вступления Мария Вениаминовна закрыла глаза и начала напряжённо слушать. В радиокомитете прослушать запись она не смогла – в той горячке, в которой всё делалось, об этом не могло быть и речи – и теперь она волновалась, всё ли получилось хорошо.

Нет, запись не совсем нравилась ей.

Вот в этом месте следовало сыграть чуть быстрее, она ведь всегда играла это место быстрее, а в этот раз почему не сделала – неужели волнение подвело? А вот этот пассаж прозвучал как-то картонно и – да, да, здесь вот, именно в этом месте надо было дать чуть-чуть рубато, ну а вот это место – нет его просто нельзя было играть так, тут пропала вся тонкость. А здесь – вот здесь всё хорошо, и темп, и характер.

Нет, эту запись в таком виде выпускать нельзя – впрочем, пластинка-то ведь в одном экземпляре, вряд ли будут её размножать – и всё это время, пока она слушала, пальцы её произвольно барабанили по колену, как будто исправляя замеченные ошибки.

Первая часть кончилась.

Сталин встал, поднял тонаrm, положил его в гнездо, снова сел и некоторое время сидел молча. Она не знала ни того, понравилась ли ему первая часть, ни того, хочет ли он слушать дальше, и просто сидела и ждала. Он, видимо,

почувствовал её ожидание – хотя за это время не посмотрел на неё ни разу – поднялся, подошёл к патефону, перевернул пластинку – и она снова закрыла глаза и стала вслушиваться.

Вторая часть понравилась ей больше первой, финал понравился почти без оговорок. Может быть, она действительно не сразу «отошла» от разговора с Ильинским – и нужно же ей было втягиваться в этот разговор! – а может быть, ей просто нужно было хоть немного разыграться. Теперь она сидела и ждала, что он скажет.

Он долго сидел, не двигаясь, не встал даже, чтобы остановить продолжающий крутиться диск патефона, и сейчас игла с хрипом и повизгиванием ездил по пластинке. Наконец он встал, остановил диск и обернулся к ней.

– Вы – большой музыкант, Мария Вениаминовна, Вы – опасно большой музыкант, – медленно, как бы в раздумье сказал он. – Когда я сейчас Вас слушал, я забыл о своих делах, об этом кабинете, о себе. Я слушал только Моцарта и Вас. А Вам – Вам самой нравится Ваша игра? Вам самой нравится эта запись?

Что-то было в его тоне такое, что заставило её мгновенно насторожиться. Он между тем подошёл вновь к своему столу, взял в руки трубку, вытряхнул из неё остатки пепла и стал набивать её табаком, но делая это, он всё время смотрел на неё.

– В целом, наверное, да, но есть целый ряд мест, где мне хотелось бы сыграть получше, – ответила она, гадая, отчего у неё вдруг возникло это напряжение, это ощущение, что за его вопросом что-то кроется.

– А вот мне она показалась совершенной. Впрочем, совершенству нет конца, – ответил он, и было видно, что он уже думает о чём-то другом. И вот как раз это другое, вернее, внезапная перемена его настроения, вроде бы почти незаметная, и была предметом её опасений.

– Но, – сказал он внезапно тихим вкрадчивым голосом, и она вся напряглась, – но Вы выглядите усталой. Вчерашний день был у Вас, видимо, напряжённым – целый день со студентами...

– Да, почти целый день до вечера, – ответила она тихо.

– И потом, – подхватил он таким же тихим вкрадчивым тоном и посмотрел на неё каким-то особенным взглядом, которому она ни тогда, ни позже не сумела дать название, – потом ведь Вам, кажется, тоже не дали отдохнуть?

Она поняла – он знает всё, всю историю с ночной записью. И сейчас он ждёт только одного: чтобы она сама ему всё рассказала.

Она побледнела, но не произнесла ни слова. Он продолжал смотреть на неё всё тем же особенным взглядом, и она подумала, что таким взглядом, должно быть, глядит на мир Сатана. Она опустила глаза, не в силах больше выдержать этого страшного, прозрачно-холодного, всезнающего надчеловеческого взгляда.

– Вы думаете, – услышала она тихий голос Сталина, – что я не знаю, как была сделана эта запись? – и он указал трубкой на лежащий на столе конверт. – Вы думаете, что мне неизвестно, когда отпечатали с матрицы эту пластинку? Вы думаете, от товарища Сталина, можно что-то скрыть? Вы думаете, товарища Сталина можно обмануть? Вы действительно так думаете?

С каждым предложением, с каждым словом голос его звучал всё напряжённее, его грузинский акцент усилился, дыхание участилось. Она подняла на него глаза – и тотчас опустила их. «Сатана», пронеслось у неё в голове, «Сатана!»

– Я понимаю Вас, – произнёс он внезапно спокойным тоном – и, будь перед нею нечто обычное, она подумала бы о дешёвом театре, о комедианстве. Но то, что развёртывалось перед ней, не было ни театром, ни комедианством, но страшными арабесками души, пришедшей из другого, нечеловеческого мира – или может быть отринувшей человеческий мир.

– Я понимаю Вас, – продолжал он тем же спокойным тоном. – Вы не хотите никого... – он замаялся, подыскивая слово, но, видимо, не найдя подходящего и не желая думать над этим дальше, сказал: Вы не хотите никого подставить

под топор. Но Вы напрасно тревожитесь – товарищ Сталин не будет наказывать участников этой затеи. Даже того глупого и безответственного товарища, который из страха попытался обмануть товарища Сталина. Из страха.

Всё время, пока он говорил, она сидела, опустив глаза, чтобы не видеть этого обжигающего её, пронизывающего её до костей холодного всезнающего взгляда. Руки её похолодели, ноги налились свинцовой тяжестью, сердце колотилось где-то у горла, ей было трудно дышать. Она не заметила, как Сталин подошёл ближе, и подняла глаза, только услышав близко его дыхание.

– А Вы, – произнёс он медленно, с усилием, – Вы тоже боитесь товарища Сталина?

Она посмотрела ему прямо в лицо и ответила твёрдо: «Нет» – и повторила, продолжая смотреть ему в глаза: «Нет».

– Что ж, это правильно, – как бы раздумывая с самим собой, сказал он. – Это правильно. Другого ответа я не ожидал.

Он отошёл вглубь кабинета, подошёл к своему столу, взял в руки свою давно потухшую трубку, потянулся за спичками, потом, видимо, передумав, положил трубку на стол, медленно прошёл к окну, вернулся. Какая-то мысль, что-то недоговорённое не давало ему покоя.

Она вновь опустила глаза. Нет, не стоило ей соглашаться на эту встречу, она слишком устала – что-то, наверное, надо было придумать.

– Когда я..., – продолжил он, – когда я вижу передо мной человека, который боится меня, я спрашиваю: почему он боится? Чего ему бояться товарища Сталина? И я отвечаю себе: он потому боится что он – враг, или потому что он – безответственный человек или потому что он не хочет по-настоящему работать. А иначе – зачем ему бояться? Настоящим людям, честным труженикам нечего бояться товарища Сталина. Или... или Вы так не думаете? – Он остановился в отдалении и искоса посмотрел на неё.

– Они боятся не Вас, Иосиф Виссарионович, – голос её прозвучал хрипло, ей хотелось откашляться, но она не сделала этого, иначе пропала бы вся цельность того, что она

собиралась ему сказать, – они боятся того Молоха, который вот уже много лет витает как дух над нашей страной, над всеми людьми, над всем человеческим, что в ней есть, сея смерть, несчастье и разрушение.

Всё время, пока он говорила, он продолжал искоса, стоя к ней вполоборота, смотреть на неё, но при её последних словах он резко повернулся и взглянул ей прямо в глаза. Взгляд этот был страшен. Он пронёсся через её голову, как наверное пронеслась бы пуля, выпущенная ей в лоб. Ей вновь стало трудно дышать, заныло сердце, но она совладала с собой и не выдала ничем своего волнения.

– И кто же этот Молох? Как его зовут, этого Вашего Молоха? – спросил он тихим голосом, в каждом звуке которого чувствовалась еле сдерживаемая ярость. – Может быть этот Молох – товарищ Сталин? ...Так кто же этот Молох, Мария Вениаминовна?

– Он не «кто», он «что», – медленно, преодолевая волнение сдавливавшее ей горло, сказала она. И вдруг, неожиданно для себя, она поняла, что скажет сейчас этому человеку то, что давно уже говорила ему в своих воображаемых с ним беседах или в беседах с ним, приходивших ей в её тяжёлых снах.

Сталин отошёл к своему столу, разжёг трубку и вернулся туда же, где стоял.

– Иосиф Виссарионович..., – произнесла она медленно, начало далось ей с трудом, спазм в горле мешал ей говорить. – Иосиф Виссарионович, я заклинаю Вас именем Вашей матери, именем тех немногих людей, которых Вы любите, наконец именем того, чей крест был дан Вам при Вашем крещении – остановите поток зла, поток крови, ту бурю, которая бушует по всей стране, сметая всё человеческое, разрушая людское счастье! Не дайте развернуться новому витку, новому кровавому потоку! Не погубите вконец свою душу!

Сталин остался стоять, где стоял, он только положил трубку на стол и стоял сейчас, скрестив руки, по-прежнему смотря ей прямо в глаза. Но теперь во взгляде его не было ни ярости, ни ненависти, ни злобы – он был скорее задумчивым и печальным.

– Остановить поток, – медленно произнёс он. – Остановить поток, – сказал он ещё медленнее. – Как, наивный Вы человек?

Вы думаете, товарищу Сталину стоит выйти на трибуну и сказать: Всё, товарищи! Террора больше не будет! Теперь наш лозунг «Лучше пусть десять виновных гуляет на свободе, пусть десять вредителей, десять саботажников гуляет на свободе, чем один невиновный будет в тюрьме!» – и сразу воцарится мир? И те, которые раньше не могли жить без террора, которые его обеспечивали, которые строили на нём свою жизнь, свою карьеру, свою власть – все эти люди добровольно за мной последуют? И те, которых только террор, только страх заставлял работать, восстанавливая нашу разрушенную войной, израненную, окружённую врагами страну – эти люди будут так же добровольно работать без террора, без страха?

Или Вы думаете, что те миллионы людей, которые сгорели в горниле войны – что все эти люди добровольно пошли бы на смерть? И что эту страну, самую великую страну в мире, можно было построить без террора?

Вы знаете, что будет с Вами, если Вы крикнете в многолюдной толпе: «Долой террор! Да здравствует свобода!»? ...Нет, нет, Вас не арестуют. Вас просто не успеют арестовать. Прежде, чем Вас успеют арестовать, эти самые люди, о счастье которых Вы так печётесь – эти самые люди разорвут Вас на части, втопчут Вас в тротуар. И если завтра товарищ Сталин, про которого Вы, кажется, думаете, что он может всё, что он всевластен – если завтра товарищ Сталин объявит, что он отменяет террор, если он только попытается об этом сказать – его разорвёт на части его окружение.

...Но товарищ Сталин не будет отменять террор не только поэтому. Товарищ Сталин не будет отменять террор потому, что он уверен: железные обручи террора – это единственное, что может спасти нашу великую страну от развала. Единственное, что может поддержать её величие. Единственное, что не отдаст её на съедение её врагам. И товарищ Сталин уверен: миллионы простых людей миллионы честных тружеников поддержат его! –

Он подошёл к ней ближе.

– Вы ведь хорошо знаете историю. Кто из прежних правителей России остался в народной памяти? Разве Александр Второй, отменивший крепостное право, учредивший городское самоуправление, суды присяжных? Или Алексей Михайлович Тишайший, молившийся за спасение своей души? Нет, в памяти народа ни Александр Второй, ни Алексей Михайлович не остались, как не остался и Александр Первый, начавший своё царствование с безумных конституционных проектов, ни другие такие же слабые правители. Но в памяти народа остался Иван Грозный. В памяти народа остался Пётр Великий. В памяти народа осталась Екатерина Вторая, вовремя понявшая, что единственным средством управлять этой огромной страной является абсолютное самодержавие, абсолютная власть, и как её следствие – аппарат подавления.

Всем известно, какими методами действовал Иван Грозный или за счёт каких жертв был построен Петром его город – и что? Осудил их народ за это? Нет!

...Что Вы знаете о власти? – а ведь Вы судите её! Что Вы знаете о народе? – а ведь Вы говорите за него! Неужели бы Вас не возмутило, если бы я стал давать Вам советы, как Вам играть Моцарта или Баха или как Вам учить Ваших студентов? Так почему же Вы так уверенно говорите о том, чего не знаете и знать не можете? –

Он постоял молча, потом снова отошёл к столу положил на него погасшую трубку, отошёл к окну и долго стоял, вглядываясь в темноту.

Она сидела, подавленная его отповедью, понимая, что ни в чём не сможет убедить этого человека, что вся эта встреча, которую она десятки раз проигрывала в своей фантазии, на которую она подспудно, втайне от самой себя надеялась – что вся эта встреча прошла впустую. Она не нашла нужных слов для него – а может быть, никакие слова не могли бы, не могут уже здесь ничего сделать. Она внезапно почувствовала себя постаревшей, усталость снова навалилась на неё, и сейчас она хотела только одного – чтобы этот её визит поскорее кончился, она бы снова оказалась дома и легла бы спать.

«Господи, неужели этот человек никогда не устаёт?» – думала она. – «Ну почему он меня сейчас не отпустит – ведь всё, что можно было сказать, уже сказано! Ну что ему стоит сейчас подойти ко мне и попрощаться – пусть говорит при этом, что угодно, хоть "Визит окончен!" – мне уже всё равно. Но нет, он всё стоит у окна, стоит и стоит, ему наплевать, что я падаю от усталости».

Усталость, желание заснуть – тут же, где она сидит, немедленно, будь, что будет! – накатывали на неё волнами, вызывавшими удушье и дурноту. Она пыталась бороться со сном, но в какой-то момент, видимо, потеряла контроль над собой; очередная накатившая волна смыла всё на своём пути – и она провалилась в сон. Она не слышала, как Сталин, отвернувшись от окна и увидев, что она заснула, подошёл, стараясь не шуметь, к своему столу, отодвинул стул и сел. Он набил трубку табаком, разжёл её и сидел теперь, тихо пыхтя ею, глядя куда-то поверх головы его спящей гостьи.

Мысли его были рассеянны, он устал.

Вчерашний день был, как всегда, наполнен ворохом дел, потом её приход, их разговор – и вот сейчас она, вместо того, чтобы дать ему возможность с ней попрощаться, поехать к себе на Ближнюю Дачу и хоть немного выспаться – она взяла и заснула. Как будто бы не могла потерпеть до дома! Ни выдержки, ни самообладания у этих людей! А ведь ему так необходим отдых!..

...Что-то он стал в последнее время быстро уставать, восстанавливать силы становится всё труднее. Уже и русская баня, которую он так любил, после которой чувствовал себя каждый раз бодрым, полным сил – ещё так недавно! – уже и она не приносит былой бодрости. Что это – годы? Или просто усталость накопилась – он ведь не отошёл ещё как следует от напряжения военных лет, а ведь сколько чего было потом! Сколько чего!

– Или... или, может быть, он... болен? Может быть, эта сволочь из Кремлёвки, эти убийцы в белых халатах – может быть они... медленно травили его?

...Нет, нет, не надо паники. С ним всё в порядке. Он ещё полон сил! Как это сказал Тарас Бульба: «Есть ещё порох в пороховницах!»

...Эта женщина, сколько она собирается спать? Ему работать надо, а ей хоть бы хны – сидит себе в кресле и спит, уютно устроилась. Впрочем, пусть поспит ещё несколько минут – и он перевёл на неё взгляд.

Он посмотрел на неё своим особым, сталинским взглядом, проникающим человеку в самую душу, высвечивающим её самые потайные уголки.

Он любил этот взгляд, любил, когда человек, на которого он так смотрел, съёживался и бледнел, понимая, что ни защититься, ни скрыться от этого взгляда нельзя.

...Кто она, эта женщина? Большой музыкант? Говорят, не всем её игра нравится. Но ему это всё равно. Её игра нравится ему, этого достаточно. Что ж, он умеет ценить людей искусства, он одарит её по-царски, он уже распорядился об этом... Большой музыкант... Но кто она ещё? Кто? Святая? Юродивая? Кто? О чём она молится в её церкви, за кого просит – может быть и за него?

...Молится! Чему только помогут эти молитвы – разве сохранят они его от болезни и немощи – и... разве защитят от... смерти? Что-то он в последнее время слишком часто об этом думает. Эта усталость – коварная штука. Надо с этим что-то делать, надо...

...Она проснулась, как от толчка, от какого-то неясного тревожного ощущения и открыла глаза. Сталин сидел за своим столом и смотрел на неё. Она встретила его взгляд – и обомлела.

Перед ней сидел тяжело состарившийся, больной, совершенно разуверившийся в людях, одинокий, задыхающийся от страха перед неизбежной смертью и расплатой за пролитые им реки крови человек – и в душе Марии Вениаминовны, так сильно его ненавидевшей, так часто его проклинавшей и желавшей ему скорой гибели, поднялось глубокое сочувствие к этому одиночеству, к этой волею обстоятельств и собственного зла загубленной человеческой судьбе.

Возможно, он заметил её состояние, понял, что она увидела в нём то, чего не должна была, не имела права видеть, потому что выражение его лица изменилось. В глазах его сверкнул жёлтый тигринный огонь, щёки и лоб

побледнели от мгновенно всклокочившего в нём бешенства. Ни один человек, переживший в его присутствии, а уж тем более вызвавший в нём это состояние, не был способен выдержать этот взгляд – но Мария Вениаминовна выдержала его, оставшись естественно спокойной. И то ли это, то ли, может быть, старческая усталость, в последнее время всё чаще и чаще внезапно охватывавшая его, как-то заглушили в нём это бешенство, не дали ему вылиться в мысль, что сидящую напротив него женщину, узнавшую о нём что-то тайное, в чём он и самому себе не признавался, надо уничтожить. Постепенно возбуждение его спало, он опустил глаза и долго сидел молча. Когда он поднял глаза и посмотрел на Марию Вениаминовну, в глазах этих не было больше ничего, кроме глубокой печали.

– Вы порядочный человек, Мария Вениаминовна, – медленно, с усилием сказал он, – Вы очень порядочный человек. В моей жизни я встречал мало таких порядочных людей. И чем выше я подымался, тем меньше их становилось. Почему так? Ведь сверху должно быть виднее, и выбор должен быть больше. – Он говорил тихо, как бы размышляя, и Мария Вениаминовна подумала, что, может быть, даже наедине с собой этот человек редко позволяет себе такие вопросы.

– Я не знаю здесь ответа, Иосиф Виссарионович, – так же тихо сказала она, – кроме одного: Во всякой власти есть что-то от Бога, но и что-то от Сатаны. Может быть, потому, что и во всяком человеке это есть.

Сталин ничего не ответил. Он медленно подошёл к окну и долго смотрел на разгорающееся за окном зимнее утро. Когда он повернулся от окна и подошёл к Марии Вениаминовне, перед ней был другой человек – гостеприимный хозяин, который час тому назад наливал ей чай и угощал её пирожными и шоколадными конфетами, а потом слушал вместе с ней доставленную ему пластинку с её записью.

Сейчас он стоял рядом с ней с немного виноватым видом.

– К сожалению, Мария Вениаминовна, нам пора прощаться. Я хочу ещё немного поспать перед трудным

днём, да и Вам, наверное, надо выспаться – у Вас ведь тоже целый рабочий день впереди, – и он подал ей руку, помогая встать.

Мария Вениаминовна поднялась.

– Храни Вас Бог от соблазнов зла, – сказала она. – Я буду молиться за Вас. Молитесь и Вы, если можете. Бог милостив – он простит.

– «Храни тебя Бог от зла» – вот так же сказала мне на прощание моя мать, когда была у меня последний раз в Москве, – произнёс Сталин тихо, – сказала и перекрестила она меня. – И добавил, когда Мария Вениаминовна была уже у порога: Спасибо Вам. Мне давно уже никто не доставлял такой радости.

Мария Вениаминовна вышла в приёмную. Человек, с которым она сюда пришла, ждал её, и, как только она вошла, поднялся, помог ей надеть пальто, и они вышли. Они шли опять каким-то сложным путём, но был ли это тот же путь, по которому они пришли, она не знала. Наконец они вышли во двор и сели в машину.

IV

Они подъехали к её дому, спутник помог ей выйти и, когда она уже хотела попрощаться, чтобы идти к себе, сказал: «Минутку!» Он достал с сиденья машины портфель, вынул оттуда конверт и протянул ей.

– Товарищ Сталин просил Вам передать этот конверт. В нём деньги. Может быть, мне стоит проводить Вас до дверей Вашей квартиры? – Она кивнула.

Они вошли в подъезд, освещаемый едва мерцавшей под потолком тусклой лампочкой, и поднялись к её дверям. По дороге оба молчали. Её спутник – из такта ли или из дисциплины, к которой был приучен – не тревожил её никаким вопросом, она же ощущала необыкновенную, ранее никогда ею не испытанную усталость.

У дверей её квартиры они попрощались, и Марина Вениаминовна вошла в свою комнату, из которой её вывели несколько часов назад и в которую она вначале и вовсе не надеялась вернуться. И чувство, что она снова здесь, среди привычных и милых её сердцу, давно уже для неё

одушевлённых вещей – это чувство успокоило её и придало ей сил.

Она посмотрела на переданный ей конверт, который всё ещё держала в руках и на котором рукой Сталина было написано её имя, и положила конверт на стол. Потом она сняла пальто, повесила его на вешалку в коридоре и, думая о чём-то, что имело какое-то отношение к конверту, но чему она не могла пока подобрать названия, вернулась в комнату и подошла к столу.

Она взяла в руки конверт, открыла его, прочла сопровождающую конверт записку о том, что товарищ Сталин посылает Марии Вениаминовне Юдиной двадцать тысяч рублей, и вынула из конверта деньги.

Огромная сумма не удивила и не потрясла её. Решение, как ей этим даром распорядиться, пришло к ней как-то само и сразу. И так же сразу она решила, что оставить подарок без ответа она не может. Сегодня был, правда, день, когда она занималась со студентами, но до начала занятий было ещё порядочно времени.

Она открыла окно, постояла у него, дыша морозным воздухом – в комнате было жарко натоплено и от тепла у неё кружилась голова. Потом она сделала себе чай и начала писать своё письмо Сталину, в котором она благодарила его за подарок и обещала молиться за него, чтобы Бог, который милостив и милосерден, простил бы ему все его преступления – письмо, которое потом будет, как легенда, сопровождать её жизнь и после её смерти.

V

...В то время как Мария Вениаминовна писала своё письмо, Иосиф Виссарионович Сталин ехал в сопровождении обычной для таких случаев охраны к себе на Ближнюю Дачу. Сегодня он нарушил свой режим, который он сам для себя ввёл и которого пунктуально, даже в тяжёлое для себя время, придерживался. Ему давно надо было бы быть в постели, чтобы успеть выспаться и встретить завтрашний день полным сил – что удавалось ему теперь всё труднее. Машина ехала быстро, мягкие её рессоры заглушали дорожную тряску, и Сталин задремал. Мимо его полуприкрытых веками глаз проносились

освещённые улицы, мелькали перекрёстки, люди, куда-то спешащие по своим делам – и в этом его как-то успокаивающем мелькании вдруг возникло перед ним лицо Марии Вениаминовны, её выражение в тот момент, когда она произнесла «Храни Вас Бог от соблазнов зла» и призвала его покаяться в его грехах...

Эта женщина сказала ему то, что ему не осмеливался говорить никто за все годы его жизни, она увидела в нём то, что он не показывал никому, в чём не признавался даже себе! Но он не убьёт её, он оставит её в живых.

Да, он оставит её в живых – на вершине той высшей власти, которой он достиг, он может себе позволить эту роскошь.

Он убил многих – бывших своих соратников, переставших быть соратниками, как только они увидели его силу, и бывших друзей, переставших быть друзьями, потому что они начали бояться, а значит, и ненавидеть его.

Он убил родственников своей первой жены и отправил в лагерь жену своего сына Якова. Порой по ночам ему снятся убитые им люди, они обступают его плотно, так что он уже не может дышать – и тогда его охватывает ужас, он вскакивает с постели и долго, долго ходит по комнате взад и вперёд, стараясь унять дрожь и успокоить колотящееся сердце. И всё же – всё же он был прав: другого выхода тут не было. И он знает, что он будет это делать и дальше. Будет, если это станет необходимым.

А этих мерзавцев, которые сейчас спят и видят, как он, ослабевший от старости и болезней, отдаст им свою власть – этого глупого, хитрого шута с ничтожной душонкой Мыкиту, эту разъевшуюся жабу Маленкова и этого самого опасного из них, этого своего компатриота в пенсне – он убьёт их всех! Всех! И их прихвостней, которые тоже спят и видят, как им будут сыпаться блага и власть, как они будут обворовывать страну, которую он построил – их он убьёт тоже. Все пойдут под топор! И он ещё увидит, как они, предавая друг друга, будут вопить о пощаде, как он руками одних уничтожит других, а потом отправит на эшафот и тех, предавших своих вчерашних союзников и хозяев.

И их лакеи и лизоблюды, эти продажные писаки, лизавшие им сапоги – эти пойдут под топор тоже! Он покажет им всем, всей этой сволочи, которая, как тараканы, бегают у его ног и готова унижаться как угодно, только бы сохранить свои привилегии! Он им покажет, что он ещё силён, что его власть непоколебима. Он им покажет, что есть ещё в этой стране кто-то, кто заботится о своём народе, и этот кто-то – он! Он!

И тысячи, миллионы простых людей, честных тружеников поймут его и пойдут за ним. Они будут требовать казни предателей – как они этого требовали в тридцать четвёртом и в тридцать седьмом, и в тридцать восьмом, как они сейчас требуют казни врачей-убийц, сионистских агентов и их прихвостней. Потому что люди будут знать – это забота о стране, забота о её величии!

...Да, тысячи и тысячи невинных попадут под топор тоже. Что ж: лес рубят – щепки летят. Это не он придумал, это часто повторял Ильич, а Ильич понимал толк в массовом терроре. Да, террор – иначе не удержишь страну, не заставишь людей работать. Тысячи невинных – что ж, такова цена, тут никто ничего не может поделать.

...Эта женщина – что она понимает во власти? Что понимает она в жизненной борьбе? Что знает она о его одиночестве, о его терзаниях, когда он вычёркивал людей, ему близких, из своей памяти, жертвуя ими ради высшей цели? Что знает она о его бессонных ночах, когда он должен был отдать ради этой цели своего сына, бросив и его в горнило общей победы? Она не знает об этом ничего. Но она судит его. Судит, хотя в её Евангелии сказано: «Не судите, да не судимы будете». Судит.

И всё же он оставит её в живых. Может быть, хоть за это скотится ему что-то из его грехов. Пусть хоть эта душа молится за него и вымаливает прощение, в которое он не верит, за грехи, совершать которые его заставила страшная миссия, которую он на себя взял – или которую возложила на него судьба... Нет, он не убьёт эту женщину, он оставит её в живых – и с этой мыслью, с этим решением он заснул...

Мария Вениаминовна тем временем перечитала своё письмо, добавила пару фраз, убрала пару лишних и

переписала письмо набело. Потом она ещё раз перечитала его, положила письмо в конверт и надписала на конверте «Москва. Кремль. Иосифу Виссарионовичу Сталину», а внизу, у рубрики «от кого» написала «М.В. Юдина». Потом она заклеила конверт, приклеила к нему марку, спустилась вниз к подъезду, у которого был приторочен почтовый ящик, и опустила туда своё письмо. Потом она медленно, как бы в раздумье, поднялась к себе, зашла в комнату и посмотрела на часы. Была половина десятого. Первый студент – в эти дни она занималась дома – придёт только в час, так что у неё есть возможность немного поспать.

Она поставила будильник на двенадцать, легла – и мгновенно заснула. Ей снился ночной звонок, ярко освещённый зал радиокомитета, генерал Ильинский, «Шествие на казнь» из «Фантастической симфонии» Берлиоза под «Музыку для фортепиано и ударных» Бартока, её разговор со Сталиным и его последние слова, обращённые к ней. «Храни нас Бог от соблазнов зла», прошептала она во сне и почему-то добавила: «Изыди от меня, Сатана!»

Послесловие автора: Описываемые в рассказе события не происходили никогда – но могли произойти в мире, где реальное и нереальное были полностью и нерасторжимо перемешаны. Временные смещения – запись концерта Моцарта, перенесённая из 1943 года, когда она была сделана, на десять лет позже – намеренный приём, отражающий фантазмагоричность этого мира.

Василий Когаловский «Баба» против «Неги»

Все выставки произведений женщин-скульпторов представил публике Русский музей в последние месяцы. Хочешь, не хочешь, задашься вопросом: можно ли говорить о женском ваянии так же, как говорят о женской поэзии?

Мария Диллон, Нега (но этот снимок не мой)

Они принадлежали к двум разным поколениям, с разницей в возрасте больше 30 лет. Но обе застали рубеж веков и смену исторических эпох. Обе были известны и популярны еще при жизни, но оказались спорными фигурами в глазах потомков. Одна из них – петербурженка, первая русская женщина-скульптор Мария Диллон (как часто бывает, первой «русской» оказалась еврейка). Вторая

– москвичка Вера Мухина, главная женщина-скульптор Страны Советов.

Мария (Мина) Львовна Диллон родилась в 1858 году в Паневежисе (тогда Поневеже), но с раннего детства жила в Петербурге. И под влиянием другого известного выходца из литовских евреев, Павла Антокольского, пристрастилась к лепке. Она окончила Академию художеств и затем участвовала в академических выставках.

Диллон одной из первых обратилась к модерну. Возможно, благодаря зарубежному путешествию: в конце 1890 годов скульптор объехала Германию, Францию, Италию. Художественные впечатления от европейской поездки сильно повлияли на новые образы, которые появились в творчестве Марии Львовны. Женская фигура опутана вьющимися стеблями диковинных огромных цветов в чугунном канделябре «Флора».

Флора

С закрытыми глазами в мистическом тумане идет навстречу фатуму Сомнамбула. Совлекает с плеч накидку и открывает их солнцу дама в скульптуре «Мак».

Мак

Хищно раскрывает пасть дракон – деталь Чугунного павильона для Всемирной выставки в Париже в 1900 году.

Дракон

Множество мелких деталей «заплетено» в единую ткань образа, изящную и ломаную одновременно, как это и свойственно модерну. Но грациозность Диллон – с легким

привкусом салонности, которая и облегчила ей переход от академизма к новым веяниям.

«Диллон очень успешно работала в области салонной скульптуры. Она была необычайно популярна при жизни, – говорит заведующая сектором скульптуры XVIII – начала XX веков Русского музея Ирина Карпова. – О ней писали газеты, открывались созданные ею мемориальные памятники. Все знают надгробия Комиссаржевской и Аренского. Многие видели ее камин в особняке Кельх на ул. Чайковского. А мы видели свою задачу в том, чтобы представить разные грани ее творчества».

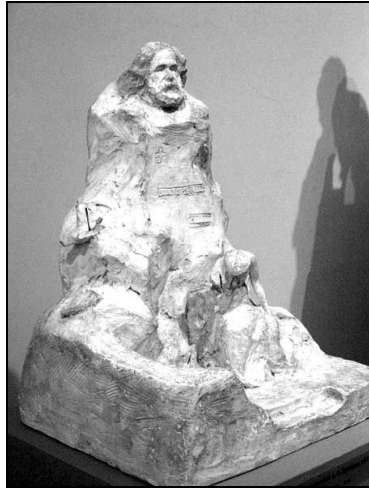

Старик Эсмеральда

Другой гранью был, например, традиционный реализм – вроде скульптурной группы, в которой Лев Толстой рассказывает сказку недоверчивым детям, или портретов известных и неизвестных теперь современников автора.

Правда, еврейская тема прошла мимо Марии Диллон – или скульптор не афишировала такие работы, и сегодня они неизвестны. Списать это на одну только ассимиляцию невозможно. За два года до революции Мария Львовна вступила в Еврейское общество поощрения художеств, членами которого были Натан Альтман, Исаак Бродский, Марк Шагал и другие художники, известные и не очень. Старший брат, Марк Львович Диллон, окончил виленское

равнинское училище – но впоследствии стал известным юристом, работал в Казани и в Петербурге, в том числе в Сенате. А сестра, Анна Львовна, играла в Александринском театре.

Офелия Проект надгробия художника Куинджи

Времена сменились – и Диллон почти забыли, ее имя оставалось только в энциклопедиях, а работы – в музейных запасниках. О ней вспомнили совсем недавно – и выставку в Инженерном замке открыли к 150-летию; впрочем, к юбилею не успели, после него прошло уже полтора года. Но и сегодня о Марии Львовне говорят как о замечательном мастере... второго плана. Она и сама, кажется, не претендовала на исключительность, зато прекрасно чувствовала «веяния времени» и пыталась внести гармонию в жизнь и искусство.

Но кто же в первом ряду? Искусствоведы советского времени непременно назвали бы Веру Мухину, выставка работ которой была открыта в Русском музее всю зиму. Мухина понимала вааяние, кажется, совсем иначе. И дело не в «Рабочем и колхознице», которые сделали ее всемирно известной. Ее ранние скульптуры, тоже появившиеся после посещения Франции и Италии, казалось, были порождены авангардом – и академизмом одновременно. Созданные еще

до революции, они будто указывали на новую эпоху, в которой красота должна сочетаться со строгостью.

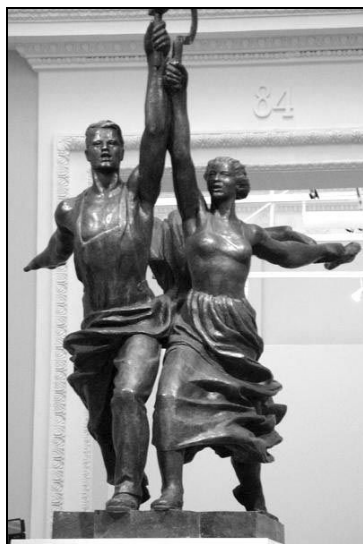

Послеоктябрьские произведения Мухиной были динамичными и легкими, как того и требовал революционный дух перемен. Но чем дальше, тем тяжелее и основательнее становились скульптуры. Голова Максима Горького огромна и монументальна. Статичны и массивны фигуры, символизирующие плодородие. Рабочие и ткачихи больше никуда не торопятся. Динамизм вытеснен основательностью и державностью.

Порыв вперед, к новой жизни остается лишь в немногих произведениях. В том числе – в «Рабочем и колхознице» (на самом деле «Рабочем и крестьянке»), варианты которой показаны на выставке. Но эпоха оказалась настолько не романтической, что на выставке цифры «84» за

спинами вдохновенных пролетария и селянки читались как название романа Оруэлла, а вовсе не номер зала.

Однако есть и другая Мухина: живописец, автор изящных ваз и портретов из цветного стекла. Они-то вроде бы вне времени, вне советского контекста. Но экспериментальным цехом Ленинградской зеркальной фабрики Вера Игнатьевна руководила всего полгода – потом началась война.

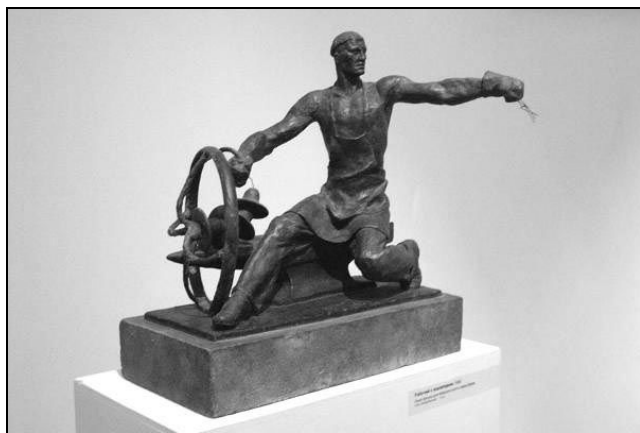

И создавались эти вазы для массового производства из самого дешевого, копеечного стекла, так что многого ждать все равно не приходилось. А потому помнят Мухину как автора самого, как бы теперь выразились, «эргономичного» сосуда – граненого стакана.

Она была художником самых разносторонних дарований, выросла на плечах поколений авторов-универсалистов, которые не замыкались в живописи, а совмещали ее со скульптурой, керамикой, фресками, книжной иллюстрацией.

Но эпоха не дала ей развернуться вширь. Выходя с выставки, зрители попадали в зал Врубеля; контраст был слишком силен – не в пользу Мухиной.

Социалистическая эпоха будто пригнала скульптора к земле. Главным женским образом в ее творчестве оказалась крестьянка с толстыми ногами, «Баба»,

создание которой укладывалось в доктрину соцреализма. «Нега» и «Пробуждение весны» Марии Диллон, как тогда казалось, остались в прошлом – на несколько десятилетий. И только теперь пришло время взглянуть на вещи иначе. «Ваяние Марии Львовны, наверное, можно назвать женским, хотя современники были против и говорили, что она прежде всего – скульптор, профессиональный, настоящий. Но все-таки это женское начало активно присутствует. Что касается Веры Мухиной или Анны Голубкиной – говорить о том, что это женское ваяние, не приходится. Голубкина любого мужчину затмит по энергии, по мощи, по психологизму. Мухина прежде всего творец. Только Диллон укладывается в определение женщины-скульптора. В советское время преемников у нее не было».

Выходит, спорить о женском ваянии в России пока нет смысла – за отсутствием этого явления или, по крайней мере, малочисленностью скульпторш.

Наверное, все еще впереди – в том недалеком будущем, когда новые материалы и новые технологии сделают процесс ваяния легче, и на создание образа будут уходить не месяцы, а дни. Единственным, что сковывает руки и мысли, тогда окажется компьютер, в графические программы которого заложены стандартные темы и шаблоны.

Лев Мадорский, Анатолий Зак

Пять удивительных историй о музыке

История первая.

Моцарт пишет концерт для фортепиано

Всё, что связано с детством Вольфганга Амадея Моцарта, плохо уместается в педагогические рамки. Ясно почему. Ведь никто раньше не сталкивался с подобными чудо-детьми. Никто и никогда. Это был дар свыше. Непонятный и загадочный. Можно представить себе, как не просто было воспитывать такого сына его родителям. Особенно отцу, учителю музыки, хорошему музыканту и композитору Леопольду Моцарту. Поэтому вряд ли можно всерьёз осуждать Моцарта старшего за его, с точки зрения сегодняшнего дня, «непедагогичное» поведение, когда он организовывал по всей Европе концерты совсем маленького 4-летнего Вольфганга и 6-летней дочки, его сестры, Наннерль. Концерты, оказавшиеся слишком тяжёлыми для маленьких музыкантов. Повторяем, никто раньше не знал, как воспитывать таких детей. Да и сейчас, честно говоря, мало кто знает. И всё же, как минимум, одна удивительная история, произошедшая с самым великим вундеркиндом всех времён и народов, представляет явный педагогический интерес.

Однажды, когда Вольфгангу была 3,5 года, папа пришёл с работы домой и увидел необычную картину. Сынок сидел за столом и что-то энергично писал чернилами на нотном листе. Малыш так был увлечён своим занятием, что даже не заметил прихода отца. Он перепачкал в чернилах всё, что только можно было перепачкать: одежду, руки, лицо, стол. Даже пол вокруг стола был залит

чернилами. Огромные чернильные кляксы покрывали и уже исписанные нотами листы, разбросанные по всему столу.

– Что делаешь, сынок? – удивился папа.

– Пишу концерт для фортепиано.

– Можно посмотреть?

– Да, можно.

Леопольд взял уже написанные листы, долго всматривался в ноты, проступавшие из-под чернильных клякс и помарок, и был потрясён до глубины души. Его крошечный сынок написал концерт по всем правилам композиторской техники. Более того, темы концерта были оригинальные, собственного сочинения. Невероятно. Удивительно. Сказке подобно. «Как он мог это написать? – изумлённо спрашивал себя Моцарт-старший. – Ведь никто его не учил. Как будто рукой малыша водила рука Бога».

– Молодец, – похвалил Вольфганга папа. – Ты написал очень хорошую музыку». Потом он начисто переписал концерт и сыграл его. Это было первое произведение будущего великого композитора.

Вольфгангу 6 лет

Нам есть чему поучиться в этой ситуации у Леопольда Моцарта. Он не отругал сына за испачканные пол и одежду. Не выбросил покрытые кляксами листы нотной бумаги в мусорное ведро. Напротив, бережно собрал нотные

листы и переписал их начисто. Похвалил малыша. Всегда ли мы так внимательно и с уважением относимся к творчеству наших детей, не обязательно музыкальному? Шестилетняя Ирочка выстроила красивый узор из кубиков на полу, а мама разбрасывает кубики и ругает дочку: «Что ты весь пол заняла. Негде пройти». Пятилетний Серёжа бьёт по клавишам и что-то напевает. Он сочинил песню и пытается сам себе сыграть аккомпанемент. «Прекрати сейчас же! Хватит шуметь! Займись каким-нибудь делом», – прогоняет его от инструмента папа. Так мы, сами того не сознавая, зарываем в землю талант ребёнка. Тушим маленькие, ещё совсем слабенькие искорки зарождающегося детского творчества. Искорки, которые могли бы разгореться в пламя. Могли бы сделать талантливого ребёнка талантливым взрослым.

История вторая.

Мелодия, услышанная до рождения

Педагогические теории далеко не всегда кажутся очевидными. Особенно, если говорить о теориях, так или иначе связанных с музыкальным воспитанием. На наш взгляд, это происходит потому, что благотворное влияние правильного музыкального воспитания не так заметно, как влияние воспитания физического или, скажем, трудового. Не так заметно и трудно измеримо. Например, практически невозможно доказать что ребёнок, полюбивший классическую музыку, становится добрее. Обладает более тонкой духовной организацией. Способен в большей степени, чем ребёнок, музыкального воспитания лишённый, к сочувствию, милосердию, состраданию. К тому, чтобы почувствовать боль другого человека.

Примерно, также обстоит дело и с мнением учёных о том, что дети, которые слушали классическую музыку ещё до рождения, находясь в животе матери, лучше развиваются физически, более продвинуты интеллектуально, легче обучаемы. Впрочем, последнюю теорию в какой-то мере подтверждает эта удивительная, почти невероятная история. Её рассказала нам хорошая знакомая, не доверять которой у нас нет оснований.

Виолончелистку Ирину Кулешову (фамилия и имя по её просьбе изменены) мы знаем со студенческих лет. Она училась в институте им. Гнесиных, что бывает не часто, на двух факультетах, струнном и композиторском. Подавала как виолончелистка большие надежды, могла стать солисткой, но не получилось. С момента окончания института и до сих пор она работает педагогом музыкальной школы. В молодости Ирина пыталась сочинять музыку, даже написала симфонию и концерт для виолончели с оркестром, но, кроме нескольких небольших пьес для виолончели, опубликовать ей ничего не удалось. Потом пошла семья, дети (у Ирины трое детей, два мальчика и девочка) и мечты юности стать композитором так остались мечтами.

Своего старшего сына, Вову, Ирина начала учить музыке с пяти лет. Сначала учила на виолончели сама. Потом отдала в музыкальную школу по классу фортепиано. Однажды, когда Вове исполнилось десять лет, Ирина услышала, как он наигрывает мелодию, которая что-то ей напоминала. Что-то давно забытое из прошлого.

– Что это за мелодия? – спросила она сына. – Где ты её слышал?

– Я не знаю.

– Как это не знаешь? Такое не может быть.

– Ну, честное слово не знаю. Почему-то она пришла мне в голову.

Ирина мучительно вспоминала, откуда она сама знает мелодию, которую играл Вова. Даже ночью долго не могла уснуть. И, наконец, вспомнила. Это была главная тема концерта для виолончели, который Ирина писала как дипломную работу при окончании композиторского факультета. Вспомнила и другое. В то время она была на шестом месяце беременности и часто играла эту тему дома. Самое любопытное было то, что эту мелодию позже она заменила на другую и никогда больше её не исполняла. Даже рукописные ноты при переезде куда-то затерялись. Вывод напрашивается один: Вова мог услышать мелодию только находясь ещё в животе.

Услышав от Ирины эту историю, мы новыми глазами взглянули на открытие, сделанное в начале 80-х годов прошлого века врачом-педиатром, доктором медицинским наук М.Г. Лазаревым. Врач утверждал, что ребёнок ещё в дородовой период положительно реагирует на классическую музыку. Метод Лазарева прост и доступен любой маме после 16 недель беременности, когда между мамой и будущим ребёнком устанавливается контакт и понимание. Достаточно несколько раз в день на 5-7 минут приложить к животу наушники, через которые самый юный слушатель будет получать удовольствие от тихой, мелодичной, лучше всего, классической музыки.

История третья.

Музыка передаётся мысленно

Мы неоднократно писали о том, что успех в музыкальном воспитании определяется, главным образом, ответом на один вопрос. Всего на один. Любят или не любят родители классическую музыку? Причём, имеем в виду не то, что они об этом ребёнку говорят, а то, что происходит на самом деле. Потому что обмануть детей, даже совсем маленьких, в этом вопросе, практически, невозможно. Все дети – экстрасенсы и прекрасно ощущают малейшую фальшь и неискренность. Они безошибочно, каким-то непостижимым образом, чувствуют, нравится вам та или иная музыка или оставляет равнодушными. На эту тему приводим даже не одну, а две истории. Первую мы

услышали недавно по телевизору в интервью с известным американским кинорежиссёром и музыкантом Дэвидом Кит Линчем. Лауреатом престижной Золотой пальмовой ветви за 1996 года. Вторая произошла много лет назад с одним из авторов, была забыта и неожиданно всплыла в памяти после прослушивания интервью. Вот что ответил кинорежиссёр на вопрос корреспондента

– Расскажите о самом удивительном случае, который произошёл во время съёмок?

– Был такой случай. Он произошёл сравнительно недавно во время съёмок фильма «Малхолланд Драйв». Вы знаете, что в моих фильмах музыка имеет большое значение. Подчас, решающее. Поэтому выбор композитора, который будет писать музыку к фильму, для меня очень важен. К счастью есть композитор, которому я доверяю. Музыкальные вкусы которого близки к моим. Это мой близкий друг, композитор Анджело Бадаламенти. Хотя он живёт в Риме, а я в Лондоне, это не мешает нам довольно часто общаться и, мы к тому времени уже сделали вместе несколько фильмов. В «Малхолланд Драйв» музыка – почти главный герой. Анджелло и я это прекрасно понимали. Поэтому я решил на несколько дней полететь к нему, чтобы попытаться сочинить музыку вместе. В день отлёта я сидел на скамейке в зале ожидания и прислушивался к объявлениям по радио. Кругом царили обычные в большом аэропорте неразбериха: шум, суета, крики детей. И вдруг, неожиданно, в какой-то момент, сквозь эту суету и шум зазвучала музыка. Я замер поражённый. Музыка ясно и отчётливо звучала внутри меня. И не просто музыка, а именно та музыка, которая нужна была моему фильму.

Через несколько часов мы встретились с Бадаламенти. По дороге из аэропорта домой он был не такой разговорчивый, как обычно и загадочно молчал.

– Что-нибудь случилось? – спросил я.

– Да случилось.

– Что такое?

– Погоди, сейчас приедем домой, узнаешь.

Дома он сразу повёл меня к роялю: «Послушай, Дэвид. Думаю, это то, что нам надо. Пришло в голову,

буквально, несколько часов назад. По дороге в аэропорт. И он заиграл.

– Этого не могло быть! Этого просто не могло быть! Анджелло играл ту самую музыку, которую я услышал в лондонском аэропорту Хитроу.

Удивительная история Дэвида Линча напомнила другую, которая произошла много лет назад. Рассказывает один из авторов:

– После окончания института им. Гнесиных я некоторое время работал солистом московской областной филармонии. Разъезжал с концертами по российским городам и весям. В основном, от Москвы отдалённым. Концерт, о котором хочу рассказать, был достаточно важным, так как приурочивался к открытию только что построенного концертного зала. На концерте должно было присутствовать городское начальство, а все билеты были задолго проданы. И тут случились непредвиденные обстоятельства. Посыпались, как это в жизни бывает, одно за другим. Сначала, буквально, перед самым отлётом заболела мой концертмейстер. Найти другого концертмейстера в Москве уже не было времени. Пришлось срочно связываться с Иркутском и искать замену там. Предполагалось, что я прилечу на несколько часов раньше, и мы успеем провести хотя бы небольшую репетицию. Но все карты спутала плохая погода. Сейчас уж не помню, то ли в Москве, то ли в Иркутске. Вылет задерживался. Короче, не только никакой репетиции не получилось, но и на концерт я приехал с опозданием минут на двадцать. Публика волновалась, и надо было сразу начинать. Даже с концертмейстером, молоденькой, симпатичной девушкой, не успел пообщаться. Программа концерта была несколько необычная: первая часть концерта Глазунова и первая часть концерта Чайковского. И тут вышла накладка. До сих пор не знаю, то ли я ошибся, то ли концертмейстер. Я был уверен, что сначала исполняется концерт Чайковского и опустил скрипку, приготовившись настроиться на долгое, мечтательно-романтическое вступление, а концертмейстер заиграла краткое, стремительное (всего две триоли: та-та-та, та-та-та) вступление к концерту Глазунова. За доли секунды,

которое это вступление длится, я непостижимым образом успел вскинуть скрипку и заиграть. Весь концерт (были и пьесы на бис) сыграл как в угаре, в полушоковом состоянии. Позже даже попал в больницу с нервным расстройством, где пролежал более месяца.

Через некоторое время я переиграл руку и от концертной деятельности отошёл. Но с того злополучного дня концерт Глазунова слышать не мог. При звуках вступления со мной происходило что-то непонятное: дыхание учащалось, выступал холодный пот, сердце начинало бешено стучать.

А теперь время для второй истории. Когда нашему сыну было 3 или 4 месяца мы с женой нашли хорошее средство его успокаивать. Включали долгоиграющую пластинку (тогда они ещё были в моде) с классической музыкой и малыш лежал спокойно, пока не наступало время её переворачивать на другую сторону. Об этом мы узнавали по его плачу. Однажды, когда меня не было дома, жена поставила пластинку, где Леонид Коган играл концерт Глазунова. В моём присутствии этот концерт она, зная о моей реакции, никогда не ставила. И тут случилось неожиданное. Маленький Саша с первых же звуков концерта заплакал. Причём, как-то особенно громко и яростно. Почти закричал. Каким-то непостижимым образом моя реакция на концерт Глазунова передалась ему.

Для нас эти истории ещё одно подтверждение, что как сама музыка, так и отношение к ней близких людей (родителей, друзей) непостижимым образом передаётся. Другими словами, если хотите, чтобы ваши дети полюбили классическую музыку, вы должны полюбить её сами. Это неперемный закон, строгий и почти не знающий исключений.

История четвёртая.

Музыка помогает до конца остаться человеком

Сегодня трудно найти жителя Земли, который бы не слышал о трагическом крушении «Титаника», самого большого пассажирского лайнера своего времени. Крушения, во время которого погибло более полутора тысяч пассажиров и членов команды. Об этой трагедии написаны

книги и созданы художественные фильмы. Но мало кто знает о героическом подвиге музыкантов симфонического оркестра, которые были на этом корабле. Эта история об их подвиге и об удивительной силе музыки.

Лео и Жанна Борден сели на лайнер 11 апреля вечером, в небольшом портовом французском городе Шербур. Городе, известного нам, в основном, по музыке к фильму «Шербурские зонтики». Лео работал клерком в небольшом банке, Жанна была начинающая художница. Три месяца назад они поженились и, можно сказать, что это было их свадебное путешествие. Первый день на корабле прошёл замечательно. Реклама путешествия, которой были переполнены все газеты уже в течение двух месяцев, не обманула. Каюта второго класса была, действительно, комфортабельна, питание в ресторане вкусное и разнообразное, команда на редкость вежлива и предупредительна. Несмотря на ветреную погоду, молодожёны после завтрака целый час гуляли по палубе, любуясь беспокойным морем, а после обеда играли в мяч в специально оборудованном зале. Вечером в программе были указаны мероприятия в двух других залах. В одном танцы под негритянский джаз банд, в другом концерт классической музыки в исполнении симфонического оркестра. Тут мнения Жанны и Лео разделились. Лео хотел пойти на танцы, Жанна на концерт. Сошлись на компромиссном варианте:

«Давай, сначала прослушаем первое отделение концерта, – предложила Жанна. Оркестр будет играть мою любимую фантазию «Франческа ди Римини» русского композитора Чайковского. А потом, если захочешь, потанцуем». «Фантазия» русского композитора понравилась Лео и он согласился остаться и послушать ещё одно заявленное в программе произведение – концерт для скрипки Мендельсона. После окончания первого отделения они пошли на танцы и только в половину двенадцатого вернулись в каюту.

– Великолепный день, – сказал Лео, раскинувшись в кресле. – Надо мне было выбирать профессию моряка, а не торчать, как проклятый, целый день в банке.

– Ну, нет – рассмеялась Жанна. – Тогда бы ты постоянно был в море, а я каждый день должна была бы, как ты выражаешься, «торчать» на берегу и высматривать, когда появится твой корабль.

– Почему на берегу? – Ты бы работала на кухне или официанткой в ресторане. И у нас бы была такая же отдельная прекрасная каюта и...

Лео не успел закончить фразу, потому что в этот момент раздался громкий скрежет, корабль сильно тряхнуло и погас свет. Трагедия века начиналась. Было 12 апреля 1912 года. 00 часов 40 минут. Лео и Жанна выбежали в коридор, потом вместе с другими пассажирами на палубу. Никто ничего не знал и не понимал.

– Дамы и господа, сохраняйте спокойствие, – кричал в рупор помощник капитана. – Корабль столкнулся с айсбергом. Сейчас спустят спасательные шлюпки. Сначала садятся женщины и дети.

– Нет, – сказала Жанна. – Я не сяду в шлюпку без тебя.

В это время нос корабля, где были основные пробоины, резко пошёл вниз, и налетевшая волна смыла несколько пассажиров за борт. Началось нечто невообразимое: безумные крики, плач детей, всеобщая паника.

И вдруг что-то изменилось. Произошло что-то удивительное и непонятное. На палубу «Е», где были каюты

второго класса и, где были расположены каюты оркестрантов, вышел с музыкальными инструментами оркестр в полном составе. Дирижёр взмахнул палочкой, и среди всеобщей паники и безумия зазвучала музыка. Могучая, неземная, всё покоряющая музыка Бетховена. Зазвучала его 5-я симфония. С вечной, грозно напоминающей о неизбежности конца – «и это пройдёт», темой судьбы. И случилось невозможное. Не на всём корабле, на других палубах музыку не было слышно, но на палубе «Е» паника прекратилась. Те, кому находилось место, садились в шлюпки. Те, кому места не хватило, (Жанна не покинула Лео) принимали смерть величественно и спокойно. В том числе, музыканты оркестра. Случилось чудо. Великая, божественная музыка Бетховена помогла людям до последнего момента остаться людьми.

Когда говорим о воздействии музыки на человека, в том числе на ребёнка, то всегда вспоминаем об этой удивительной истории. В заключение нам кажется уместным привести несколько высказываний о влиянии музыки великих людей.

Ф. Ницше: «Без музыки жизнь была бы ошибкой».

Р. Фрай: «Бах заставляет меня поверить в Бога».

А. Герцен: «Музыка одна может перенести трепет одной души в другую».

Л. Бетховен: «Музыка это высшее достижение мудрости и философии».

В. Гюго: «Музыка выражает то, что невозможно передать словами и о чём невозможно промолчать».

История пятая.

Музыка помогает выжить

Многие папы и мамы считают, что музыкальное воспитание (другими словами, воспитание у ребёнка любви к хорошей музыке) – это, в основном, для общего развития или чтобы перед гостями показать, что и у нас «барышни тоже на фортепианах могут играть». История, которую хотим рассказать, подтверждает, что это не так. Что великая музыка, если ты её понимаешь и любишь, может поддержать в трудную минуту. Спасает от голода. Помогает выжить.

«Когда гремят орудия – музы молчат», – говорили древние. В страшное лето 1941 года, в блокадном Ленинграде это правило не только было нарушено, но разлетелось вдребезги. В тот вечер 14 августа всё было как обычно. 25-летний молодой человек в очках (в армию его не взяли по зрению), как обычно, в 7 часов вечера пришёл на сборный пункт дружины народного ополчения.

Дмитрий Шостакович, 1941 г.

– Ты, Митрич, сегодня дежуришь на посту номер 5, – распределял дружинников Пётр Алексеев, высокий, невероятно худой старик. Дмитрий Дмитриевич Шостакович с трудом поднялся на крышу по чёрной лестнице. От постоянного недоедания (уже в то время с продуктами были проблемы) кружилась голова. Осмотрелся. Вдалеке выли сирены. Под домом прошли танки. Где-то полыхали пожары, и дым от них расползлся по всему городу, но здесь, наверху небо было ясным и звёздным. Трудно было поверить, что под таким сияющим, замершем в вечном спокойствии небом, творятся ад и безумие. И вдруг из этих звуков, из полыхания пожаров, из бескрайнего, звёздного неба зазвучала музыка. Светлая и возвышенная. Мелодия первой части будущей симфонии. В час ночи композитор пришёл домой, стараясь не разбудить спящую жену и двух детей, зажёл свечу (свет ночью отключали) и записал на

чистом нотном листе-15 августа 1941 года. Это был день начала работы над вошедшей в историю Ленинградской, 7-й симфонией.

15 сентября началась ленинградская блокада. К этому времени уже были написаны две части симфонии. 5 ноября, ночью Шостаковича на маленьком военном самолёте переправляют в Москву. В январе 1942 года симфония была закончена. А уже 5 марта 1942 года она впервые была исполнена в Куйбышеве государственным, симфоническим оркестром СССР под управлением Самуила Самосуда.

Тут возникает много вопросов. Почему в эти невероятно трудные, можно сказать, критические для советского народа дни, исполнение 7 симфонии Шостаковича становится делом государственной важности? Как смогло жестоковойное, диктаторское руководство страны стать вдруг таким понимающим и музыкальным? Ведь вождь народов никогда не был меломаном. Напротив, под его руководством безжалостно уничтожалось всё живое и светлое. Мы объясняем это двумя причинами. Во-первых, вопрос стоял о жизни и смерти. О личной жизни и смерти всего руководства СССР, в том числе, и Сталина. В такой ситуации человек меняется. Срабатывает инстинкт самосохранения. Он инстинктивно хватается за всё, что помогает выжить. Когда высшие руководители СССР, в том числе, разумеется, Иосиф Сталин, услышали 7 симфонию, им стало ясно какую великую, потрясающую, всё побеждающую силу имеет эта музыка.

Именно тогда великий диктатор произнёс, помахивая трубкой в такт, слова, которые сделали возможным всё, что произошло дальше: «Пусть ленинградцы тоже услышат Седьмую симфонию». Далее происходят удивительные события.

2 июня в 5 утра в дверь дирижёра симфонического оркестра Ленинградского Радиокomiteта Элиасберга позвонили.

– Кто это мог быть так рано? – думал Карл Ильич, медленно, рассчитывая каждый шаг, продвигаясь к двери. Он жил один. Жена и двое детей успели эвакуироваться из

города. За 10 месяцев блокады дирижёр отвык бояться ночных звонков, но когда открыл дверь, старые страхи всплыли заново. За дверью стояли трое в военном. Майор и два солдата. У одного из солдат в руке был большой свёрток.

Карл Ильич Элиасберг

– Карл Ильич? – вежливо взял под козырёк майор. Вам посылка из Москвы. Распишитесь.

– Что это? – удивился Элиасберг.

– 7 симфония Шостаковича.

– Господи! Как он мог забыть. Ещё неделю назад звонил первый секретарь Ленинградского горкома партии Жданов и говорил, что принято решение исполнить Седьмую симфонию в Ленинграде.

– Андрей Александрович, кто будет играть? – удивился тогда Элиасберг. У меня осталось всего 15 музыкантов и те еле держатся на ногах. Мы уже три месяца не репетируем.

– Решение принято на самом верху, – оборвал его Жданов. – Так что нам придётся его выполнять. У Вас будут все полномочия. В случае трудностей звоните начальнику политуправления фронта генералу Холостову. – И Жданов продиктовал номер телефона.

Элиасберг с трудом отнёс свёрток в комнату и разорвал обёртку. Там были четыре большие нотные тетради и письмо. Он трясущимися от волнения пальцами вскрыл письмо и прочитал:

– Дорогой Карл Ильич!

Знаю как Вам тяжело и поэтому не спрашиваю как дела. Чувствую себя неважно. Нервишки расстроились вконец. Очень переживаю за Иру и детей. Пытаюсь добиться их эвакуации, но пока не получается.

Посылаю симфонию. Исполнять её можно (далее подчёркнуто красным карандашом) только в полном составе: в том числе, 8 валторн и 8 тромбонов.

Всего доброго. Ваш Шостакович.

Дмитрий Шостакович

– 8 тромбонов и 8 валторн! Откуда их взять? Это просто нереально.

Он набрал номер генерала Холостова. Тот поднял трубку сразу. Элиасберг разъяснил ситуацию.

– Так что мы теперь воевать будем или играть? – рассмеялся Холостов. Но судя по тому, что трубку он не положил и не послал дирижёра ко всем чертям собачьим, генерал уже получил указания свыше. Они помолчали.

– Чем же я могу Вам помочь?

– Мне нужно, чтобы музыканты срочно вернулись с фронта.

– Но я понятия не имею где они.

– Это я попытаюсь узнать.

Карл Ильич позвонил своему другу виолончелисту Борису Поляцкину, который жил в соседнем доме и который уже знал про разговор со Ждановым.

– Срочное дело, Боря. Подойди, пожалуйста.

Вскоре пришёл виолончелист, 65 лет (не призвали на фронт по возрасту), небольшого роста в очках, до войны полный, с выпирающим животиком, а сейчас кожа да кости. Они сидели на кухне (там было теплее) и просматривали ноты симфонии. Элиасберг прочитывал лист, иногда что-то напевая себе под нос, и передавал его Поляцкину. Тот молча просматривал и складывал прочитанные листы на коленях. Кончили первую часть перешли ко второй.

– Давай паузу сделаем, – попросил Борис. – Уже не ноты, а мальчики кровавые в глазах.

Они прервались.

– Ну, что скажешь, Боря?

– Музыка гениальная. Но как её исполнить нашими силами. Не представляю.

– Вот и не представляю. Может, ты переписываешься с кем-нибудь из оркестра?

– Да, переписываюсь. С Лёшей Софоновым. Скрипачом. Помнишь его?

– Ну, конечно, помню. Так можно же найти его часть по номеру полевой почты, – обрадовался Элиасберг – Принеси его письмо, пожалуйста. Возможно, Лёша знает кого-то ещё. Надо опросить всех из нашего оркестра. Позвонить родным, которые не эвакуировались. Ты поможешь?

– Да. Конечно.

Так всё начиналось. Карл Ильич узнавал номер части артистов оркестра, сообщал генералу Холостову. На другой день музыкант появлялся в Ленинграде. Система «по указанию Сталина» за много лет была отлажена и действовала безотказно.

Теперь каждое утро музыканты собирались на репетиции. Всем были выписаны дополнительные пайки. Некоторые оркестранты прилетели на военном самолёте из-за линии фронта. К концерту готовились как к важному сражению. «Нью-Йорк Таймс» писала: «Симфония Шостаковича была равносильна нескольким транспортам с вооружением». Войскам Ленинградского фронта был отдан приказ: «Во время концерта ни одна бомба, ни один снаряд не должны упасть на город»

И вот наступил этот день – 9 августа 1942 года. Всё было почти как в мирное время. По Ленинграду были

расклеены афиши. В зале филармонии зажглись огромные хрустальные люстры. Только публика была необычная: в потрёпанных гимнастёрках, тельняшках, бушлатах. Примерно также были одеты и оркестранты. Только Карл Ильич Элиасберг стоял за пультом во фраке и белоснежной рубашке с бабочкой. По всему городу исполнение концерта транслировалось через громкоговорители. Его могли слышать и немецкие войска на передовой. Уже после войны 2 туриста из ГДР разыскали Элиасберга и сказали ему: «Мы слушали симфонию в тот день. Именно тогда, 9 августа 1942 года стало ясно, что война нами проиграна. Мы ощутили вашу силу, способную преодолеть голод, страх, даже смерть».

Владимир Дембо

Как поддержать интерес ребёнка во время занятий

От автора

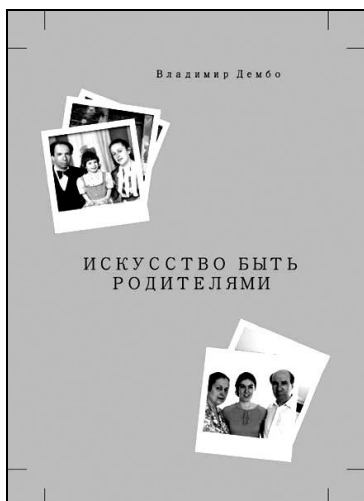

– израильтянин. Писатель, журналист, пианист, психолог, шахматный тренер. Последние 6 лет живу с семьёй в Афинах. 1950 года рождения. Тридцать пять лет назад окончил ленинградскую консерваторию, являюсь бессменным тренером своей дочери, Елены Дембо. Ей было дано интереснейшее и особое воспитание: в 2,5 года она довольно свободно читала на русском языке тексты любой трудности, неплохо говорила на английском, в 5-6 лет в уме складывала и вычитала в пределах 200. Когда девочке было всего 4 года, о ней был снят первый телефильм и были написаны первые серьёзные статьи в газетах; её серьёзно изучали на кафедре педагогики и психологии, а также в мед. институте. Особо занимались мы с женой Леночкиным здоровьем и выносливостью, и главное, все занятия были ей в радость!

Сейчас ей 27 лет, она обладательница восьми медалей за чемпионаты мира и Европы, победительница и призёр многих международных турниров, автор шести солидных книг по шахматам.

Читателю предлагается глава из моей книги «Искусство быть родителями», где подробно рассказывается, как воспитать ребенка здоровым, талантливым, умным, активным, жизнерадостным; сделать его большой личностью.

– Когда Леночка была ещё маленькой – 3-4 года, – как вам с женой удавалось проводить с ней настоящие занятия и давать ей серьёзные знания? Ведь она должна была быстро уставать, что-то должно было надоедать? Ведь ребёнок...

– Да, это вопрос исключительно важный, и именно эта проблема зачастую является невыполнимой для многих родителей, поскольку этому же никто не учит! Мы также всё постигали сами – анализируя, наблюдая, сравнивая. И очень быстро поняли, что для успешной работы с маленьким ребёнком абсолютно необходимо регулярное выполнение ряда условий, а невыполнение их практически гарантирует неуспех. Итак, вот эти условия – основные, конечно; второстепенных может быть миллион!

1) Максимум времени, особенно в первые год-два, занятия должны проходить в игровой форме.

2) Всегда привлекать к процессу обучения любимые игрушки – Зайку и Мишу, Ёжика и Слоно́нка. Причём одного из них делать на уроке умненьким «Учителем», а другого – маленьким «Учеником». Но роли их частенько взаимозаменять! Для поддержания интереса образы не должны «застаиваться»!

3) Постоянно чередовать изучаемые предметы. Например, 3-5 минут – шахматы, 3-5 минут – чтение на русском языке, 3-5 минут – английский язык, 2-3 минуты – математика.

Конечно, если у ребёнка уже выработалась выносливость, и он способен позаниматься одним предметом 15-20 минут, то это замечательно! Такую

возможность обязательно нужно использовать! Но при этом необходимо внимательно следить за состоянием и настроением ребёнка. Уметь вовремя остановиться – это большое искусство!

4) Время от времени менять очерёдность предметов. В раз и навсегда заведённом расписании нет особой надобности, а вот впечатление импровизации всегда импонирует любому ребёнку: дети же и живут обычно в мире импровизаций (и нам, взрослым, а тем более, родителям или педагогам, этому бы учиться и учиться...).

5) Обязательно реагировать на просьбу ребёнка что-то «поучить в этот раз» побольше или поменьше, а что-то – вообще пропустить. Но не позволять делать из подобных отклонений систему! Надо мягко, но безоговорочно настоять на разумном порядке: ребёнок должен понимать и чувствовать, что это всё-таки урок. И папа или мама в данном случае – это всё-таки учитель, которого надо слушаться.

6) При изучении каждого предмета следить за чередованием более сложного материала с более лёгким и даже очень лёгким. Минуты, потраченные на что-то объективно лёгкое, – это, обычно, не потеря времени. Это – отдых перед более трудным материалом, это – самоутверждение для ребёнка. (Он всё может сделать! Он – молодец!) А если ещё лёгкие вопросы обставить с юмором! Например, после нескольких непростых упражнений типа $15+14$ или $28-13$ сделать шутливо-испуганное лицо и медленно заговорить:

– А сейчас будет ещё труднее! Трудное-трудное...

Леночка немного пугается и настораживается. Что будет??

– Слушай внимательно и запоминай! Но, наверное, и запомнить-то не сможешь! Мишутка, помогай Леночке! Итак (замолкаю): $3+3!!$

Она чуть испуганно и недоверчиво (и это всё??) смотрит на меня и видит, что я начинаю улыбаться, и уже сама заливается смехом. Вот это задание! Она такие делала, «ещё когда была маленькая!»

– Ну что, Леночка, решила? Не очень трудно было? А теперь на самом деле чуть сложнее: $16+14=?$

Такая разрядка – очень полезна. И, между прочим, в своей полувековой педагогической практике я нередко видел, что наиболее силён не тот ученик, который иногда может сделать что-то очень трудное, а тот, кто шутя может сделать что-то не очень сложное. Именно это часто – показатель высокого класса.

Аналогично – в шахматах. Леночке и самой иногда хотелось – она просила об этом! – поиграть позиции с огромным материальным перевесом, типа «ладья против одной-двух пешек» или «три пешки против одной». Мы шутили, что она «уже впадает в детство», но, конечно, шли ей навстречу. И повторяю, обычно это имеет смысл. В тех же шахматах, например, это способствует развитию техники ребёнка. При условии, естественно, что в этих лёгких позициях будут делаться хорошие, правильные ходы. Хотя, если честно, и это не всегда обязательно! Иногда можно позволить ребёнку немного подурачиться. И если, таким образом, он просто получит от изучаемого предмета удовольствие, то это уже будет шагом вперёд!

7) Вести уроки очень эмоционально. Всё должно говориться обоими – от души: довольно громко и ярко. Это очень важно для общего настроения на уроке.

8) Завести дневник, в котором будут ставиться отметки за шахматные уроки – шахматы почти сразу после начала занятий ими стали выглядеть как явно профилирующие. А вечером в этом дневнике обязательно должна была расписываться мама: для неё-то «мы» и старались! И надо было видеть, как, услышав мамин звонок в дверь, Леночка мчалась ей навстречу с дневником в руках и, не давая снять хотя бы пальто, просила расписаться под очередной пятёркой. Кстати, пятёрки порой бывали и с минусами. И я уверен, что Леночка очень удивилась бы, увидев высшую оценку за не самые лучшие ответы.

Здесь необходимо сделать очень важное добавление: этот дневник был не единственным. Он был – для ребёнка. Для воспитания чувства ответственности (3 года – это давно уже личность!), для регулярного чувства радости от

отлично, а главное – добросовестно (!) сделанной работы, для испытания чувства гордости перед мамой и нашими друзьями, которым мы иногда этот дневник показывали. А второй дневник был – для нас, родителей, и этот дневник был тоже шахматный. Дело в том, что мы уже тогда повели Леночку по своей собственной программе (а кто и когда делал шахматную программу для 3-4-летних детей?). Эту программу, на день вперёд, мы создавали каждый вечер, когда Леночка уже засыпала, а на следующий вечер скрупулёзно фиксировали всё, что удавалось сделать за день, – как обычно, в несколько приёмов. Этот, родительский, дневник и очень ясно показывал нам Леночкин рост, – все задания действительно были сделаны на «5» – и отлично дисциплинировал всю нашу педагогическую работу.

С радостью могу добавить, что и этот, бесценный для нас, дневник, и один из Леночкиных «личных» дневников уцелели после всех наших эмиграций (в отличие от сотен пропавших книг и нот...).

9) Всегда искать, за что можно похвалить, но похвала обязательно должна быть справедливо заслуженной! Не дай Бог не приучать ребёнка к незаслуженной похвале! Этого не было – я гарантирую! – ни разу в нашей жизни.

10) Во время шахматных занятий, учитывая маленький возраст, надо постоянно что-то менять в названиях, придумывать новые – а, главное, смешные! – названия фигур. Примеры: конь – коняшка, конский, копытный, копытяшкин, козлик, козлище, козельский, конягин, хвостиков, копытулин, копытин, коняшкин, длиннохвостов, копытончик, копытунчиков, четырёхкопытин; слон – слоник, слонявчиков, слонишка, слонятинка, слонский, хобот, хоботный, хоботоносный, ушастый, слоноподобный и т. д.

Новые названия часто применялись в процессе занятий с 3-5-летним ребёнком для поддержания интереса, настроения и работоспособности. Порой уставший ребёнок был склонен кончить занятия, но, услышав новые забавные

названия, готов был продолжить работу. Хотя бы для того, чтобы от души посмеяться над чем-то новым и смешным!

11) Постоянно придумывать какие-то тематические двустушия. Причём порой мы их придумывали заранее, а в нужный момент – применяли. Например, Миша что-то очень хорошо прочитал (нашими, естественно, голосами!), и Леночка смотрит на него с восхищением, хотя и с некоторым оттенком недоверия – знает она Мишу! А Михаил, раскачиваясь на своих толстеньких и мохнатых лапках, гордо и, я бы даже сказал, победоносно декламирует:

Это, братцы, вам не шутка!
Ваш помощник – сам Мишутка!!

А если, например, Зайка играл с Мишей в шахматы – точнее, Леночка играла, переставляя фигуры на доске Зайкиными лапками, а мы передвигали фигуры лапами Миши! – и Миша, в отличие от Зайки, делал совершенно неправильные, безграмотные ходы, то Зайка, бодро обыграв косолапого, мог начать радостно приплясывать на столе, в победном экстазе временами заскакивая и на доску (!), и распевать:

Зайка правильно играл
И Мишутку обыграл!
Зайка правильно играл
И Мишутку обыграл!

Понятно, что поэтическая ценность этих «стихов» равна нулю (чтоб не сказать больше!), но в работе они очень помогали. Они ужасно смешили, они придавали новые силы, – то есть увеличивали работоспособность! – они поощряли что-то хорошее, правильное. А то, что эти весёлые, подбадривающие – и обучающие! – слова были ещё и зарифмованы, придавало им и какой-то шарм, и какую-то особую убедительность.

Конечно, игрушки оказывали нам огромную, неоценимую помощь. Они были активными участниками любых занятий и сидели прямо на столе: порой – один зверь,

а порой – и целая компания! И очень часто именно им (!) мы и задавали вопросы, а они, с нашей же помощью, нам отвечали. В основном – правильно, но иногда – и неправильно, и Леночка мгновенно их поправляла. А иногда плюшевый Миша «говорил» нам такое, что слушать это было просто невозможно, и все – кроме Миши! – только смеялись над этими «страшными» ответами. Но смех был – упаси Боже! – не насмешливым или злым! Этого вообще никогда не могло быть, и не только во время занятий! Наоборот, Леночка могла просто схватить Мишу и крепко обнять, а мы в это время ласково гладили его по головке и приговаривали:

– Мишенька! Ну какой же ты ещё маленький! Опять ты всё перепутал! Вот послушай Леночку: она тебе сейчас всё-всё объяснит.

И Леночка тут же «всё-всё» Мише объясняла. А если это было необходимо, то мы, продолжая играть свои роли в этом педагогическом спектакле, аккуратно ей помогали. И уже тогда Леночка сама всё полностью Мише рассказывала, повторяя, таким образом, услышанное, а попутно, в свои 4 года, – училась преподавать...

И так проходило огромное количество уроков, независимо от того, были ли это шахматы, или был английский язык, или русский, или это была математика. В любом случае, в первые годы обучение зачастую – хотя, разумеется, и не всегда! – носило игровой характер. Но при этом мы всегда следили за КАЧЕСТВОМ ЗАНЯТИЙ. При всех игровых моментах получение настоящих, серьёзных знаний было главным. Не игра с «топтанием на месте», – как мы не раз видели это у иных педагогов! – а игра ради получения ясного, чёткого результата. С обязательными домашними заданиями, с обязательным их выполнением, с обязательным, максимально высоким – по возможности, конечно! – качеством в этой работе.

При воспоминании о Мише – спасибо ему за его многолетнюю помощь! – я бы хотел процитировать (прошу прощения!) самого себя. Письмо, которое было опубликовано в газете, даёт, как мне кажется, ясное

представление о методах нашей воспитательной и педагогической работы с Леночкой.

Кстати, об этом письме: могу подивиться, что на него не было НИ ОДНОГО ОТВЕТА – ни от одной мамы, ни от одного папы, ни от бабушек, ни от дедушек... Ни от одного педагога или воспитателя... К сожалению, эта тема – воспитание детей – оказалась людям совершенно неинтересной...

Без игры нет победы

Владимир Дембо

Дорогая редакция! В № 47 «АК» 2006 года было опубликовано письмо одной из читательниц газеты, Гликерии Галину, и я хотел бы ответить на него. Сразу хочу сказать, что письмо – очень хорошее! Более того: тема, которая волнует Гликерию («Сохраним традиции по воспитанию наших детей»), – более чем актуальна! Наша семья прошла несколько эмиграций (а побывали мы в десятках стран мира), и мы знаем, что эта проблема – сохранение традиций – волнует тысячи людей. Ведь, действительно, СССР, кроме страшных, ужасных, негативных явлений, имел и совершенно замечательную

культуру, во многих областях – прекрасное образование. И, конечно, лучшее из того, что мы все вынесли из далёкой уже советской жизни, мы обязаны сохранить в наших детях!

Сам я, как и Гликерия, педагог, но специальность моя иная: я пианист, окончил Ленинградскую консерваторию. Кроме этого, шахматный тренер и журналист. Также педагог (русский и английский языки) и моя жена, окончившая Ростовский-на-Дону университет. Она тоже шахматный тренер и журналист.

Мы занимаемся обучением и воспитанием детей с 1970 года. Но особенно остро этот вопрос встал перед нами в связи с рождением дочери, в 1983 году. Наступил новый период в обучении и воспитании – уже в нашем собственном. При этом огромную работу – теоретическую – мы проделали ещё до родов моей супруги. Мы читали специальную литературу о воспитании маленьких детей, часами делились друг с другом мнениями: что-то критиковали, а что-то хорошее, новое – с радостью запоминали... Но главное, вырабатывали свою собственную систему воспитания, которую претворили в жизнь с собственной дочерью. А теперь, через годы, стараемся передать принципы этой системы нашим ученикам, причём младшему из них ещё только 3,5 годика, но он уже хорошо учится!

Конечно, в письме в газету невозможно рассказать даже о малой части того, что именно мы делали и как! Об этом я читал специальные многочасовые лекции для психологов на курсах повышения квалификации, для врачей, для преподавателей, родителей в школах и садах, в ВУЗах, ПТУ... Естественно, рассказывал не только о нашей работе с дочерью, но и о том, каким вообще мне видится процесс воспитания и обучения детей, отвечал на множество вопросов, часто очень интересных и глубоких!

Самовоспитание и самообучение продолжалось! И результаты нашей работы с ребёнком радовали: в 2,5 года она уже медленно, но целыми словами (!) читала детские книжки на русском языке, в 3,5 умела складывать и вычитать простые двузначные числа, а в 3 года и 11 месяцев

стала победительницей шахматного турнира, играя против мальчиков 8-12 лет.

В общем, с ребёнком велась огромная работа по четырём направлениям, намеченным родителями. При этом – специально подчёркиваю! – особой заботой было сохранение всех детских радостей, создание светлого, доброго мироощущения. Добавлю, – и это очень важный и неоднозначный момент! – что воспитывали мы нашу дочь только сами, без бабушек и дедушек: они жили в других концах страны. И мы сами все годы много и серьёзно работали.

Теперь – о примерах, которыми предлагает поделиться Гликерия (прекрасная идея!).

Все мы знаем, как трудно увести ребёнка домой из песочницы, когда вокруг дети, а рядом – качели и карусели! Объяснять, что надо идти обедать или ужинать и спать, – бесполезно. К тому же надо учесть, что ребёнок уже однозначно – по времени! – голодный и сонный. Он этого не понимает, но именно из-за этого может быть и медлительным, и капризным – сколько криков и слёз бывает именно в эти моменты!

Что делали мы? Когда я уводил дочь на прогулку, мама срочно усаживала в прихожей большого мохнатого Мишу (вполне годились и Зайка, и Ёжик...). На голову Миши водружалась панамка, на морду – итальянские тёмные очки, на толстый живот натягивалось какое-нибудь старое детское бельишко. А перед Мишей раскрывали книжку или ставили шахматную доску с какой-то красивой и несложной позицией. Причём Мишу немного наклоняли вперёд, и сразу было видно, что он пытается что-то прочесть или решить. Хотя вид его – умилительно-смешной – явно говорил о том, что это «что-то» ему, мягко говоря, не даётся...

А я до прогулки, ещё дома, заготовливал записочку и терпеливо ждал своего часа...

И вот, когда нам надо было возвращаться с прогулки домой, разыгрывалась примерно такая сценка:

– Ой, Леночка, вот эта птичка, видишь, пролетела и что-то беленькое кинула! Давай поищем!

Кидаемся вместе искать... Конечно, она находит записочку. В ней крупными печатными буквами (очень чётко!) написано: «Леночка! Пожалуйста, приходи поскорее, помоги мне прочитать про солнышко (про зайчонка, про лисёнка и т. д.)! Твой Миша!» Или: «Ленуся! Пожалуйста, помоги мне поскорее найти мат в 1 ход (в 2 хода, в 3 хода)! Я очень жду тебя!!! Твой Мишенька!»

Как вы понимаете, Леночка немедленно подхватывала свои игрушки и мчалась к любимому зверю. Радостно и вдохновенно. И тянула меня за собой.

Когда мама открывала дверь, Леночка пулей подлетала к мохнатому зверюге и, обнимая его, читала то, что он «не мог» осилить, или решала расставленную позицию. Потом целовала его (а мы – её!) и приговаривала:

– Мишенька! Но это же так просто!

Вот, вкратце, весь пример. В нём – масса воспитательных и учебных моментов. Причём могу поклясться, что Леночка вскоре поняла, что это была игра, но с радостью её поддерживала, поскольку это было и интересно, и смешно – один вид Топтыгина чего стоил! А ведь маленькие дети, в основном, только так и должны учиться – в игре.

На этом кончаю. Полезных примеров, конечно, можно было бы привести множество, но объём газеты возрос бы до объёма «Войны и мира» или трилогии о д'Артаньяне и его друзьях!

Всего доброго! Буду рад читать новые письма на эту тему! А тем, кто захочет поговорить об этом, – наш номер: 210.66.17.442.

«Афинский Курьер», ноябрь-декабрь 2006 года, Афины.

Здесь, как Вы видите, вместе с прогулкой проходит и маленькое занятие. И проходит оно почти непрерывно: на улице и дома. Это просто маленький спектакль, который в то же время является целой россыпью крохотных уроков. Уроков чтения, шахмат, доброты, внимания, педагогики, послушания родителям, юмора... И совсем не важно, что длились эти уроки всего лишь какие-то минутки, а порой – и секунды. А как ещё заниматься каждый день многими

дисциплинами и созданием личности, если ребёнку всего только 2, 3, 4 года? Именно так: минуты, секунды... Но это должно неоднократно повторяться в течение каждого дня: только тогда возможна польза от таких занятий. И согласитесь, что подобные занятия, по крайней мере, в своей основе, для большинства семей – не проблема. Было бы желание. А вот это – и только это! – как раз и является тормозом для успешного развития многих способных и талантливых детей. Потому что родителям здесь надо, конечно, поработать: проявить фантазию, что-то приготовить, поставить для себя и для ребёнка какие-то цели; уметь в свои, возможно, и не слишком уже юные годы играть с ребёнком в детские (вроде бы!) игры и уметь откровенно – не деланно! – получать от этого удовольствие.

Короче, если Бог дал счастье стать родителями, то надо выполнять и соответствующие обязательства. И кто посмеет сказать, что воспитание и обучение собственного ребёнка не входят в их число?

Соломон Воложин

Вон, Триер!

осмотрим на последние кадры фильма «Антихрист» (2009). По лесистым скалам сноровисто подымается к главному герою масса людей. На крупном плане среди подошедших – одни женщины. Можно предполагать, что на общем плане люди в брюках взяты просто для массовки. Трудно было найти столько женщин. Вы и не обращаете внимания на их пол: люди. А подошли – женщины.

А герой только что убил свою жену...

Вот женщины этих волшебных окрестностей об этом мистически сразу узнали, оказались тут, вскарабкались к нему и сейчас отомстят.

А он уже, собственно, и готов умереть. Он полюбил смерть. (Конец фильма.)

И автор вместе с ним.

В самом деле.

Вот первые кадры. Титры. И – потрясающий звук.

Не согласитесь ли, что со вкусом сделано.

Автор во всём фильме смакует траурность, угнетённость.

Чёрно-белый фильм.

Всё – одно к одному. И название соответствующее.

По сюжету главный герой, психоаналитик, лечит свою жену. А на самом деле автор наслаждается поводом снимать эту черноту в душе и в мире.

Смотреть – душепротивно. Но так это всё тянется... Что, - помня, чем кончается фильм (убийством, показанным и непоказанным, вот-вот оно произойдёт), - напрашивается естественное оправдание всему этому мраку: автору это просто нравится.

Может, потому нравится, что никому такое не нравится.

Похоже, ему нравится делать то, чего никто не делает.

Скажем, только в порнофильмах же снимают половой акт так, чтоб было видно, как входит и выходит мужской половой орган в женский, а в художественных же не снимают. Ну, пожалуйста: здесь – так снято.

Даёшь исключительность! Причём – «в лоб». Собственно, нечего объяснять. Никакого ж скрытого содержания нету. Всё – чтоб ударить по нервам. Как у экспрессионистов когда-то. Только те своими произведениями орали в ужасе: «Бога нет!» Ужас наводили «напрямую». И, значит, идеал их был противоположен. А здесь, у Триера, наоборот: идеал в том и состоит – в осознании, что Бога нет. Само произнесение слова «Антихрист» в титрах дано каким-то объективным тоном. Без авторского отрицания. В мир пришёл Секс (с большой буквы). Это и есть Антихрист. И грешные люди, естественно, приемлют приход Антихриста. – Таков, по моему, иллюстративный, не скрытый смысл этого фильма.

То есть я б его отнёс к околоискусству (надо бы учредить такую категорию для просто устроенных произведений, выражающих своё «зачем это сделано» «в лоб»). И не стал бы его «объяснять». Если б не то, что случилось с автором на Каннском кинофестивале 2011 года.

Обычно я избегаю объяснений художественного смысла произведения, опираясь на внетекстовую материю (на интервью авторов и т. п.). Но с «Антихристом»-то мы имеем дело не с художественным произведением. Здесь опираться на интервью – можно. Идеал автора не меняется ж быстро. От 2009-го до 2011-го прошло только два года.

Вот это интервью.

– Можете ли вы поговорить о ваших германских корнях, о готических аспектах вашего фильма [другого, «Меланхолия»], о факте, который вы упоминали в датском киножурнале – о вашем интересе к нацистской эстетике.

– Одна вещь, которую я могу сказать, так это то, что я думал долгое время, что я еврей, и был этим

счастлив. Позже появилась (еврейский датский режиссёр) Сюзанна Биер, и я стал менее счастлив быть евреем. Это была шутка. Потом выяснилось, что я не был евреем, и даже если я еврей, то второго сорта, из-за семейной иерархии. Потом я обнаружил, что я на самом деле был нацистом, потому что фамилия моей семьи – Хартман, от чего я получил удовольствие (смеётся). Что я могу сказать? Я понимаю Гитлера, но я думаю, что он наделал неправильных вещей, абсолютно. Я могу представить его себе сидящим в бункере в конце... Я всего лишь говорю, что я его понимаю. Он не тот, кого можно назвать хорошим парнем, но я многое в нём понимаю и немного ему симпатизирую. Но, поймите! Я же не за 2 мировую войну! Я очень за евреев, хотя не очень – из-за израильтян... Сволочи, но... Как мне выбраться из этого предложения? (смеётся). Если говорить о повелении, то мне нравится Альберт Шпеер [личный архитектор Гитлера, осуждён на Нюрнбергском процессе на 20 лет тюрьмы], он был один из лучших божьих детей, он имел талант, который он смог использовать... (вздыхает). ОК, я нацист (смеётся).

– Это [наверно, «Меланхолия»] ваш ответ на голливудские блокбастеры, или вы представляете себе что-то значительно более грандиозное, чем это?

– Да, это то, что мы нацисты... у нас есть тенденция пытаться делать грандиозные вещи (смеётся). Быть может, вы могли бы убедить меня совершить Окончательное решение [переключка с Окончательным решением еврейского вопроса – полным уничтожением евреев]... Для журналистов (смеётся).

Ведь тут не только шутки, но и серьёзное: это понимание Гитлера в конце, значит, готовящегося к самоубийству...

Не каждый может покончить жизнь самоубийством. Нужно иметь силу духа, будучи в здравом уме. Как трагедии людей, идеологически противоположных фашистам, строятся? Герой умирает – идея его остаётся жить. Вот и бессмертная нацистская идея обретала, получается, своего трагического героя в лице Гитлера в бункере в конце. В бункере... Под землёй... Чернота... – Красиво! Что-то

похожее на приятие смерти в сладкой черноте чёрно-белого «Антихриста».

А эта аналогия пулемётного падения жёлудей на крышу... Не приятие ли это детоубийства? Что такое секс для секса, как не детоубийство? Ведь героиня видела, как сын взобрался на подоконник и сейчас упадёт... Но у ней начинался оргазм. Что важнее оргазма?! А жёлуди ж – те же будущие дети дубов... Тоже падают... На крышу и не прорастут. – Всё это в кино есть приятие смерти в разных видах, приятие смерти автором. И понимание Гитлера в бункере в конце есть лишнее подтверждение идеи, что фашизм – это культ смерти, и что Триер эту идею приемлет.

А величие культа (потому величие, что исключительность же проявляется на фоне обычных человеческих идей) подтверждается по Триеру не только разрушением, но и созиданием, раз ему гитлеровский архитектор люб. Исключительность же требует фона из обычности: голливудского кино...

Вообще же, Триер – совершенно отвязанный субъект. Считающий, что слова – это полная ерунда (то ли дело, мол, киноязык, способный внушать эмоции непосредственно). И ими можно себе всё позволить. А потом отбрехнуться, что пошутил. – Но и в шутке есть доля правды. Его идеал вполне себе фашистский. И смутно чувствовалось это и в «Антихристе». Только и разницы – что сказанное киноязыком, как видим, не подвергается остракизму. И потому имеет некоторый смысл ввязываться мне с объяснениями. А то нашёлся и найдётся ж кто-то, кто этого фашизма в фильме не увидел и не увидит. Пальмовая ветвь Каннского фестиваля, премия Северного совета, лучший датский фильм и т. д. и т. п.

Так я что: за идейную цензуру?

Нет. Повторю. Я за то, чтоб внедрили в жизнь понятие околоскусства.

Если до Второй мировой войны фашизм родился среди лишенцев Истории, то сейчас (посмотрите на этот «лучший датский фильм») он возрождается в процветающих странах. Почему? – Потому что его естественно рождает либерализм, опирающийся на идею свободы. Но бывает

«свобода от» и «свобода для». О «свободе для» либералы не говорят, считая, что каждый конкретный индивидуум сам может найти применение свободы – или вообще не искать для нее никакого применения. Это вопрос частного выбора, который не обсуждается и не является политической или идеологической ценностью. А «свобода от» в своём развитии доводит видите до чего.

Так, может быть, чтоб найти *Окончательное решение* для фашизма, надо напрочь отказаться от самого либерализма?

А что?.. Он на вере в прогресс основан. А человечество скоро от перепроизводства и перепотребления вообще погибнет. Меддоуз уже с 1980 годов ведёт отсчёт десятилетий, с уходом каждого из которых без отказа от идеи прогресса человечество всё более и более удаляется от возможности в будущем, когда спохватится, обеспечить себе жизнь на уровне небогатого европейца.

23 мая 2011 г.

Злата Зарецкая

На Баррикадах Культуры

Театр Вильнюсского гетто как модель еврейского сопротивления катастрофе

творческая жизнь узников в гетто и концентрационных лагерях – новая область изучения Катастрофы. По этому поводу существует лишь несколько научных публикаций. В 1999 г. в Кембридже вышел сборник документов «Театральный спектакль в период Холокоста»¹, в 2001 г. в Музее Холокоста в Вашингтоне состоялся двухнедельный международный семинар “*Culture within Ghetto Settings: Europe, 1933-1945*” («Культура в условиях гетто: Европа, 1941-1945»), организованный Ребеккой Ровит, в 2003 г. в Манчестере вышел сборник «Театр при нацистах»², в 2005 г. в «Оксфордском журнале» – статья Р. Ровит «Культурная геттоизация и театр в период Холокоста»³. В связи с интересом к вопросам культуры в период Катастрофы в 2003 г. в Лондоне вышла книга Фредерика Споттса «Гитлер и власть эстетики»⁴, посвященная Гитлеру как артистичному диктатору.

Вопрос до сих пор не исследован вследствие недооценки феномена творчества евреев, экстремально проявившегося именно в условиях неволи и угрозы смерти. Необходим новый подход в изучении театра на Идиш как

¹ Theatrical performance during the Holocaust / Ed. R. Rovit, A. Goldfarb. Cambridge, 1999.

² Theatre under the Nazis / Ed. D. London. Manchester, 2003.

³ Rovit R. Cultural ghettoization and theatre during the Holocaust: Performance as a Link to Community// Holocaust and Genocide Studies. 2005. Vol. 19 (3). P. 459-486.

⁴ Spott F. Hitler and the power of aesthetics. L., 2003.

кода еврейской цивилизации, как социальной силы, уравнивающей общину с окружающим миром, пишет Иоэль Беркович в предисловии к книге под названием «Театр на Идиш. Новые подходы»⁵, вышедшей в 2003 г. в Портленде.

Ф. Споттс в своей книге «Гитлер и власть эстетики» подчеркивает, что нацистский диктатор не случайно начал с разоблачения творческих идеалов евреев во имя духовного преобразования немецкой нации и для оправдания своих законов. Так, в 1937 г. идеологи Третьего рейха пригласили немцев на выставку «дегенеративного искусства», где были представлены Шагал, Явленский, Кандинский, Клемт, Лембрук. Трудно было также доказать публике низкий уровень музыки Шёнберга и архитектуры Мендельсона. Более 3 млн. человек посетили выставку до 1941 г. с одной целью ее организаторов – похоронить, сделать смешным то, что прежде восхищало.

Что пугало Гитлера, этого несостоявшегося венского художника, в творчестве обреченных?

Как полагает Ф Споттс, в еврейском искусстве он увидел уникальность и свободу воспроизведения природы, которое он назвал «методом безумия», «реакцией большого ума», противоречащими «немецкому творческому методу»⁶. Коллекционер произведений искусства, поклонник театра, особенно оперы, Гитлер мечтал не о войне, а об оздоровлении пространства, очищении и пересоздании его на основе математически точной чистой красоты, воплощением которой для него была грандиозная архитектура Греции и Рима, которую, он, кстати, запретил бомбить. Его собственные произведения – рисунки и живопись зданий и особенно грандиозный проект центра искусств в Линце, созданный в 1940 г. в Мюнхене, – с башнями, ратушей, мавзолеем и парком – геометрическая гигантская иллюзия творчества, подчиненного только лишь его личному желанию, были его идеальной мечтой, с которой он не расставался даже в бункере в 1945 г.

⁵ Yiddish theatre: New approaches // Ed. J. Berkowitz. Oxford; Portland, 2003. P. 23.

⁶ Spotts F. Op. cit. P. 165.

Искусство было для него мистическим первоисточником и конечной целью, важнейшим средством манипулирования умами, духовным актом, предшествовавшим использованию оружия и долженствовавшим в итоге фактом своего обновления очищения преобразования ознаменовать победу Третьего рейха.

Еврей-творцы были для Гитлера символом нездорового, непредсказуемого своеволия, главным объектом уничтожения, которое началось, тем не менее, двояко.

Выдавливание евреев из «арийской» среды означало одновременно провокацию – создание почти идеальной атмосферы для обреченных творцов культуры, которыми в ведомстве Геббельса заведовал Ганс Хинкель – ответственный за еврейскую культуру. Он был дилетант, патологический лжец и интриган. 92 еврейские организации Культурбунда⁷, расцветшие в Германии при Гитлере, закончили свою иллюзорную деятельность благодаря ему в один день – 11 сентября 1941 г.

Гитлеровская индустрия Катастрофы предопределяла пропагандистский лицемерный обман, «культурную геттоизацию» (выражение Р. Ровит), либеральные условия для творческих людей, как способ усыпления бдительности остальных в «окончательном решении» и путь для грабежа, чтобы создать музей культуры поверженной нации. Миф об индифферентности евреев, покорно шедших на убой, словно стадо баранов, миф о «недостойном» поведении восставших евреев, от которых надо было защищать немцев, миф о «культурных» нацистах, с которыми можно договориться как с представителями великой нации – следствие успеха геббельсовско-хинкелевской магии лжи в публичной презентации тоталитарной власти. Примером может служить хотя бы

⁷ Культурбунд – союз, в который в Германии в 30-е гг. объединились артисты-евреи, когда по национальному признаку им было запрещено посещать немецкие театры и концертные залы, и возникла потребность в театрах для евреев. Этот союз ставил перед собой задачу поддержать еврейское искусство на доступном для большинства немецком языке.

публикация 10 мая 1943 г. в газете «Нью-Йорк таймс», оправдывавшая уничтожение Варшавского гетто: «Лига Наций обвиняет евреев в расизме... Еврейское Сопротивление уничтожает последнюю надежду на мирное окончательное решение»; «СС, хранители мира, защищают немецких граждан от еврейских атак»; «Гebbельс: сионисты должны расплатиться за военные преступления».

Театр в Вильнюсском гетто на фоне других тюремных театров, в разной степени прозревших, – уникальный пример открытого духовного противостояния двуличной фашистской идеологии, не ее окультуренной маске – но подлинному кровавому лицу. Понять историю этого театра означает осознать психологию жертв, их коды, посредством которых они общались, увидеть грань, отделявшую конформиста от человека и бойца, ощутить силу еврейской эстетики, высоту культуры, противопоставленной диктатуре и отнюдь не сгоревшей в огне.

В отличие от театров «Эльдорадо» или Камерного в Варшавском гетто, оперного или кабаре «Карусель» в Терезинском гетто или театра миниатюр «Кадеко» в пересыльном лагере Вестерборк, где немецкая цензура и еврейские иллюзии давали сплав театра культурного развлечения и надежды, театр в Вильнюсском гетто был изначально создан без иллюзий – как форма открытого противостояния на баррикадах культуры. Он возник в феврале 1942 г. сразу после первой акции уничтожения в Понарах (50 тыс. евреев до января 1942 г.). Это произошло на встрече еврейских деятелей культуры с одной целью: сохранить еврейские ценности! Об этом свидетельствуют в своих дневниках и воспоминаниях и Шмарьягу Качергинский⁸, и Герман Крук⁹, и Авраам Суцкевер¹⁰, и Марк Дворжецкий¹¹.

⁸ *Katcherginsky Sh.* Churbn Vilne, New-York, 1947. (Yiddish).

⁹ *Kruk H.* Togbuch fun Vilner geto. New-York, 1961. (Yiddish).

¹⁰ *Sutzkever A.* Fun Vilner geto. Moskve, 1945. (Yiddish).

¹¹ *Dvorzhetsky M.* Erushalaim d'Lita in kampf un umkum. Paris, 1948. (Yiddish).

Артист Шабтай Блайхер, автор хроники «*Айн ун цванцик ун айнер*» («Двадцать один и первый»), напечатанной в гетто и посвященной погибшим актерам, пишет: «Сегодня, 22 июня 1942 г., ровно год, как началась война немцев с Советами. В тот день никто не представлял, что мы будем закрыты забором внутри четырех улиц с единственным выходом... С крыш церквей они наблюдают, как мы выдерживаем все это. Мы видели смерть перед глазами... Мы потеряли чувство страха. Больше мы не боимся ничего. У нас есть только одно оружие – верить. С верой мы живем и переживем этот кошмар»¹².

Шабтай Блайхер – актер еврейского театра, автор книги «Один и Двадцать и оставшийся» (АЙН УН ЦВАНЦИК УН АЙНЕР), написанной и изданной в гетто в 1942 г

Театр в Вильнюсском гетто, где среди оставшихся в живых чуть более 15 тыс. евреев было 2 000 деятелей культуры – актеров, музыкантов, писателей, художников (недаром Вильнюс называли Литовским Иерусалимом!), – стал знаком их веры без страха, способом духовного сопротивления.

Из чего это следует?

¹² *Blaicher Sh. Ain un zvanzik un ainer. Vilno, 1942; New-York, 1962. S. 15. (Yiddish).*

Из количества и качества постановок. Я не касаюсь внутренней борьбы с деятелями Бунда, считавшими невозможность искусства на кладбище, каковым они считали гетто. Тот же Герман Крук, автор листовки, призывавший бойкотировать первый спектакль театра в январе 1942 г., позднее понял, что играть на могилах – «*мицва* для живых» и «достижение высшего порядка»¹³.

Я также не касаюсь личности председателя юденрата Якова Генса, для которого театр как центр культуры был средоточием его личной власти – так считает спасшийся директор театра Израэль Сегаль¹⁴ и об этом пишет проф. Давид Роскис¹⁵.

Для нас важна суть искусства – эстетика театра Вильнюсского гетто, отличительная его черта как феномена еврейского творчества, резко выделившая его на фоне остальных театров в гетто и концентрационных лагерях.

Чем был театр для его непосредственных создателей, каковы были в этом коллективе не вне-, а внутри- текстовые связи?

Семь театрализованных программ-ревью и семь полноценных постановок были показаны с 18 января 1942 г. до 23 сентября 1943 г. – 220 спектаклей при переполненных залах. Население гетто (чуть больше 15 тыс. человек) купило 70 тыс. билетов.

Что сделало этот театр центром жизни Вильнюсского гетто?

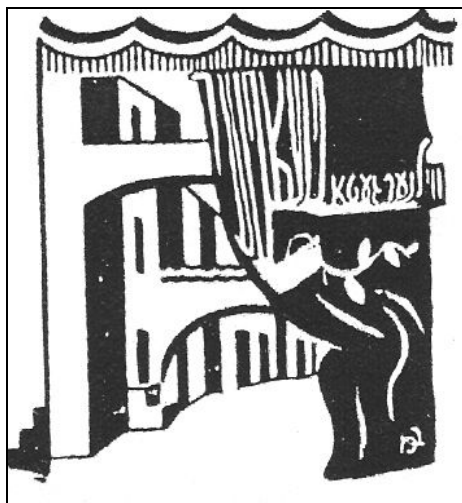
Исходя из содержания его репертуара, прежде всего это был источник правдивой информации, эстетическая газета новостей, за которые в Лодзинском гетто (к примеру, когда там обнаружили радио), платили жизнью. А в Вильнюсском гетто слова *Бу гейт ир, юнге киндер?* («Куда идете вы, малые дети?») из первой песни первого концерта

¹³ *Kruk H.* Op. cit. P. 36.

¹⁴ Segal Israel interviewed by J. Sobol: Video (Arch. of Haifa's Theatre, 1984 (Heb.)); *Segal I.* Der ershter concert in Vilner geto // Fun leztn hurbn. Minchen, 1946. (Yiddish).

¹⁵ *Roskies D.* Jewish cultural life in the Vilna Ghetto // Lithuania and the Jews: The Holocaust Chapter: Symposium Presentations / Holocaust Museum. Washington, 2004. P. 33—34.

поэта А. Рейзена на музыку В. Тейтельбойма были риторическим вопросом, где болевой подтекст был общим – раной и для актеров, и для зрителей. Далее открыто: *Me glost zix mir войнен!* («Люди, дайте мне отрыдать!») (Х.Н. Бялик). В Терезинском гетто, как и в Вестерборке, за отсутствие улыбки или слезы на сцене наказывали. Об этом свидетельствуют истории создания оперы «Брундибар» или кабаре «Кадеко», где были возможны лишь прозрачные намеки при обязательном радостном выражении лица. А здесь, в Вильнюсе, на сцене была демонстрация утративших страх. Никакой иллюзии на избавление не было и в песне *Аф ди вайте шалиахн* («Будущему Мессии») – слова З. Шнеура, музыка И. Вайнгартена.

ЛОГО Театра Гетто Вильна

Однако уже первая программа была отмечена тем, что в дальнейшем сделает театр Вильнюсского гетто исключительным: он был отмечен амбивалентной формой: при предвосхищении грядущего уничтожения комическим изображением смерти, сатирическим диалогом с противником, растворенном в зале среди евреев, принижением и развенчанием страхов. Тогда, на первом представлении театра, страхи были намеренно обозначены в

шутке Шолом-Алейхема *Шмуэсен дер энес* – «Пустые Слухи», а поведение нацистов – как «немецкая игра» «А ну-ка, пощи!» (*Зай а зухт! Дайче шпил*). Комическое искажение действительности способствовало преодолению ужаса. Зрители смеялись и плакали одновременно.

Первое представление заканчивалось настоятельной хоровой декламацией из И.Л. Переца *Фрайт майн фолк!* («Освободи мой народ!») с жизнеутверждающей музыкой Листа и Моцарта. Призыв к каждому в зале чувствовать себя радостным, несмотря ни на что, содержался в стихотворении *Лех фрей!* – «Ходи Свободным!» Х.Н. Бялика. Первое представление театра предопределило не только его художественную, но и этическую позицию: все деньги от сборов пошли голодным. Театр начал спасать гетто духовно и физически.

Вторая программа (22 февраля 1942 г.) развивала идею силы искусства, которое способно вести за собой евреев. *Их алц башипilt!* («Я смогу сыграть всё!») – эти слова Моше Надира в исполнении Бецалеля Крамера стали лозунгом театра. Сатирические «Актуалии» из жизни Гетто написали и разыграли Шабтай Блайхер и Женья Шапиро – актеры предвоенных *Вилнер идишер мелухер театер* (Вильнюсского еврейского государственного театра) в Вильнюсе и *Найе идишер театер* (Нового еврейского театра) в Риге.

Напоминанием о ценностях героической истории звучали «Шуламит» и «Бар-Кохба» А. Гольдфадена. Они были объединены в спектакле под общим названием *Гекумен из ди цайт!* («Время пришло!»). Пришло время вспомнить, кто мы, евреи, откуда мы пришли и в чем смысл нашей судьбы! Боль о потерянных сыновьях была в монологах *Рахель имену* – «Нашей матери Рахили» Стефана Цвейга. Пророчеством звучали слова из библейской книги пророка Исаяи (Йешаягу) в переводе на идиш в исполнении Иекутиеля Ротенберга: «...говорит Господь <...> не бойся Ассура. Он поразит тебя жезлом и трость свою поднимет на тебя <...> Еще немного <...> и ярость Моя [обратится] на истребление их» (Исайя [Йешаягу], 10:24,25). Шлойме Кайданский стихами Лейба Розенталя обращался к каждому:

Вейт нит нареле! – «Не плачь, девочка!»). Позор быть безразличным в такое время: *Эс кланн ди шлойфн!* – «Бейте спящих!» – устами Доры Рубиной призывал Авраам Суцкевер пробуждать отчаявшихся и равнодушных. *Иерушалаим* Мойше Векслера на стихи Лейба Розенталя пела «звезда» гетто Хаеле Розенталь.

Голем по Х. Лейвику, режиссер Макс Вискинд, февраль 1942, вскоре после первой акции

Однако художественный акцент был сделан во второй части – драматических фрагментах из пьесы «Голем» Гальперна Лейвика. Легенда о защитнике евреев в прекрасных стихах на Идиш была разыграна актерами Иекутиелем Ротенбергом (Магарал¹⁶), Шабтаем Блайхером (Танхум), Соней Минц (Ребецен), Мусей Бродской (Двореле) и Яковом Бергольским (Голем). Все они – профессиональные актеры из *Вилнер фолкс-театер* (Вильнюсского народного театра) (Иекутиель Ротенберг) и *Вилнер идишер мелухер театер* (Шабтай Блайхер, Муся Бродская и Яков Бергольский).

¹⁶ Иегуда Лива бен Бецалель (1512?-1609), известный как Магарал (Махарал, Маараль) из Праги, – раввин, богослов, мыслитель и ученый. Существует легенда, что он создал Голем (на иврите «комек», «неоформленное») глиняный истукан, который оживил посредством магии и который, вырвавшись из-под контроля своего создателя, стал опасен.

В архиве мемориала «Яд ва-Шем» мне посчастливилось найти уникальный документ – режиссерскую экспликацию к спектаклю «Голем», датированную февралем 1942 г. Привожу ее в переводе с Идиш. Итак, замысел:

«Кровавый навет чувствует Магарал. Он погружен в поток своего творчества, снова и снова превращая Голема в гору глины. Вера в чужое мужество, надежда на героизм духа движет им. Страстное желание раввина – противостоять силе священника Тадеуша, который сочиняет навет, чтобы уничтожить евреев. Однако Голем, который был создан, чтобы спасти, не понимает своей еврейской миссии. Он ощущает только раздражающие его рефлексы и поднимает дубину также против еврейской сути и смысла.

В старой пражской легенде мы видим наши собственные раны, унаследованные от предшествующих поколений. Это раны еврейской судьбы, которые не заживают и не исчезают.

День 1700 г. Пражское гетто. Знаменитый пражский раввин Магарал предошущает новые угрозы от наветов, которые накануне Пасхи настраивают против евреев Праги. Он лепит из свежей глины Голема, закладывая в него противостояние злодеям.

Драматическая поэма Лейвика «Голлем» – главное из бессмертных произведений, характерных для новоеврейской литературы. Она велика потому, что отмечена редким пророчеством о базисных еврейских проблемах, которые читаются в душе нашего народа. Это одно из великих произведений, которые время выдвигает в качестве универсальных на сотни лет вперед. Люди всматриваются в него, как в зеркало, в котором отражаются их окровавленные лица»¹⁷.

Таким образом, из всей пьесы были выбраны два фрагмента: первый – изваяние Магаралом Голема как орудия мести, попытка овладеть ситуацией; вторая сцена – зеркало, в котором зрители видят свою трагическую судьбу. Перед нами режиссерски точная хирургия реальности, прививка мужества заключенными, прямой диалог на равных с будущими убийцами. Это еврейский театр образной правды, универсальной притчи, где каждая деталь – реплика, обращенная одновременно и к подсознанию народа и к его преследователям. Двойственность и ясность

¹⁷ Archive Vilno, 4315903-J.O.; Vilnius ghetto records, 1941-1944 (Jadvashem, A.0105, 1999 Microfilm).

позиции. Тюремный, пограничный между реальностью и искусством театр уже не скрыто сжатых, а образно открытых кулаков...

Автор приведенного выше текста – режиссер Макс Вискинд. Именно он, как пишет Авраам Суцкевер, был инициатором и художественным руководителем театра в Вильнюсском гетто.

«В конце 1941 г. ко мне подошел режиссер Макс Вискинд и пригласил на встречу с еврейскими актерами.

– Театр в гетто?

– Да, ответил мне Вискинд. Мы должны сделать его сами. Назло тем, кто нас ненавидит. Нельзя терять ни минуты. Даже в старинных гетто люди играли, и был театр. История еврейского театра начинается оттуда, от наших предков. Давайте создадим театр, чтобы веселить и вести (*дерфрэйер ун дермонтерн*)...

Вискинд не увидел моих слез¹⁸».

В год основания гетто М. Вискинду было 34 года. Он был молод, талантлив, энергичен, бесстрашен. До мая 1942 г. Вискинд режиссировал всё: «Зеленые поля» Переца Гиршбейна, «Мазлтов» Шолом-Алейхема, «Человек под мостом» Индика, «Шломо Молхо» Ицхака Лейелеса; помимо первых двух ревию, третье – «Человек не может ничего знать», имевшее колоссальный успех. Макс Вискинд определил художественный стиль театра Вильнюсского гетто.

Откуда он – совершенно забытый?!

Свидетельствует Залман Зильберцвайг в пятом томе «Лексикона Идиш-Театра»: перед войной Вискинд был главным режиссером *Вилнер идишер мелухер театер*, созданного в 1940 г. Это он поставил там за 10 месяцев восемь спектаклей, среди которых последней были «200 000» Шолом-Алейхем. Это он режиссировал в Варшаве спектакли-легенды: «Потерянную надежду» Х. Хеермана в 1937 г. в *Найе театер* (Новом театре) и «Бурю» Шекспира в *Юнг-театер* (Молодежном театре) в 1938 г. Это он с ивритской студией *Фолкс-театер* (Народного театра) в Вильно в 1933 г. поставил «Вольпоне» Б. Джонсона как

¹⁸ *Sutzkever A. Op. cit. P. 104-105.*

«Танцы вокруг золотого тельца» в переводе на иврит Стефана Цвейга¹⁹.

Макс Вискинд – Режиссер, создатель художественного стиля театра

Это была уникальная личность в искусстве. Он был красив, с просветленным лицом, огромными серыми лучистыми глазами и черными волосами. Его режиссерской манере были свойственны интеллектуальная культура, интеллигентность и точность диспозиции. В еврейском театре он очень ценил сердечную атмосферу, сценический ансамбль, прекрасный язык – как Идиш, так и Иврит. Как пишет М. Вейхерт, «его отличали сценическая страсть, режиссерский талант и этика отношений с актерами и с автором. Он не никогда использовал артистические шаблоны. Он режиссировал способности актеров, чтобы подвести их к хорошему сценическому результату. Благодаря такому дозированному подходу он достигал сильнейшего реалистического эффекта. Все оживало и становилось правдивым и убедительным»²⁰.

Судьба М. Вискинда – прямое подтверждение того, что театр в Вильнюсском гетто был открытой формой

¹⁹ Lexicon of the Yiddish theatre / Ed. by S. Zilbercwaig. Mexico, 1967. V. 5. P. 4113-4118.

²⁰ *Veichert M. Zichronot*. Tel-Aviv, 1961. S. 331, 342. (Yiddish).

скрытого подполья. Его связь с партизанами подтверждает Ионас Турков: «Вискинда арестовали за политические преступления в Вильнюсском гетто и привезли в Варшавское гетто на суд. Здесь он успел сыграть свадьбу со своей студийкой и в театре «Эльдорадо» в мае 1942 г. выпустить спектакль «Деревенский молодец» («*Дарфс юнг*») по Леону Кобринскому, который был воспринят публикой гетто с огромным воодушевлением. 27 сентября 1942 г. мы увидели его в сопровождении СС... в пиджаке, связанным, в сопровождении всего актерского ансамбля. Он не шел, он маршировал, отсчитывая время своей прекрасной высоко поднятой головой. Никогда больше он не повторит свой триумф. Этот путь был коротким – Треблинка»²¹. Эммануэль Рингельблюм назвал его «потушенной звездой» («*ойсгеендикер итерн*») еврейского театра²².

«Вечный Жид» по Давиду Пинскому,
поставленный в 1943 уже Марком Бергольским

В нашем распоряжении нет непосредственных режиссерских документов – фотоснимков сцен из спектаклей Макса Вискинда. У нас есть только косвенные свидетельства – десять фотографий спектакля «Вечный Жид»²³ (*Ехуди ха-ницхи*), выпущенного в Вильнюсском

²¹ *Turkov J. Farloshene Shtern. Buenos-Aires, 1953, S. 230. (Yiddish).*

²² *Ringelblum E. Ctavim fun Geto. Warsaw, 1963. V. 2. S. 202 (Yiddish)*

²³ Вечный Жид, или Агасфер, – герой средневековых сказаний, еврей-скиталец, осужденный Богом на вечную жизнь за то, что не дал Христу отдохнуть (по многим версиям, ударил его) по пути на Голгофу. Однако истоки этих сказаний обнаруживаются еще в

гетто в мае 1943 г. в группе «Брит-Иврит» его учеником, ведущим актером Яковом Бергольским, начавшим ставить после ухода учителя. (Режиссером Я. Бергольского сделала война. Кроме этого, в Вильнюсском гетто он выпустил вместе с Шабтаем Блайхером в «Сокровище» Д. Пинского, «Потоп» Г. Бергера и начал репетировать «Тевье-молочника» по Шолом-Аалейхему).

Снимки спектакля «Вечный Жид» по Давиду Пинскому (май 1943 г.) в сценографии Якова Шаара – это режиссерское наследие Макса Вискинда, его видение, его подход, его школа, образ еврейской театральной культуры, унаследованный как структурный базис послевоенным, особенно израильским, театром. Для подтверждения этой мысли приведем примеры из спектакля театра «Габима» по тому же произведению Д. Пинского в 1919 г в постановке Владимира Мчеделова и в сценографии Георгия Якулова. Весь спектакль был построен, как цитаты из символического реализма Александра Таирова и психологических реминисценций из игры Веры Комиссаржевской – как ивритская версия русского театра. Стремление постановщиков увидеть в еврейской трагедии вселенское начало превращало текст Д. Пинского в трагическую сценическую абстракцию, где только два образа были созданы в соответствии с историческим иудейским смыслом – Хана Ровина в роли матери Машиаха и Нахум Цемах в роли Пророка – без декоративных восточных жестов и модернистского растягивания и пришепetyвания слов. Каждый их шаг был органичной демонстрацией их личной трагедии потери Храма и веры в рождение Спасителя. Однако не случайно глобализм «Габимы», ставший знаменем новой национальной трагедии не прижился в Израиле именно в силу своего идеализма, и в силу приверженности мировым стандартам, остался лишь классикой.

Наоборот, черты еврейского театра в годы Катастрофы ясно просматриваются во многих спектаклях

древних мифах и преданиях, которые не имеют отношения к евреям. К легенде об Агасфере обращались И. В. Гете, Э. Сю, Х. К. Андерсен, В.А. Жуковский и др. – *Ред.*

современного израильского театра. В чем? Прежде всего в умении малыми средствами построить конкретное еврейское пространство, связанное с реалиями известного аудитории сюжета. Если внимательно всмотреться в снимки из Вильнюсского гетто 1943 г., мы увидим прежде всего не пустоту, которую можно заполнять своим воображением, а одновременно четыре мифологических пространства. С левой стороны – Иудейские горы, где располагается деревушка, единственный смысл жителей которой – связь с Иерусалимом. Справа – намек на образ их веры, где камни образуют две каменные скрижали. Второе пространство – дорога в еврейскую столицу, выложенная каменными надгробиями – *мацевот*. Третье пространство – на горизонте уменьшенные очертания Старого города, где расположен Храм. Четвертое – световой обратный занавес – образ присутствия Бога в Иерусалиме. Наконец, есть пятая сцена – конкретный зал театра в Вильнюсского гетто, в диалоге с которым продолжается спор с еврейской судьбой и ее предназначением. Умение построить коридор во времени, совместить пространства, разыграть прошлое как вопрос к настоящему, синтезировать в характерном быте национальное бытие – особенность этого показательного спектакля театра Вильнюсского гетто, напомнившего нам о предвоенной славе Макса Вискинда.

Второй особенностью его режиссуры, воссозданной здесь Яковом Бергольским, является духовное единство актерского ансамбля, выстроенного с геометрической точностью треугольника, возвышающегося над кругом – как половины звезды Давида – знака судьбы над жизнью общины. Актерских звезд здесь нет – даже мать Машиаха в исполнении Мирьям Ганянской не на возвышении, а внизу, в эпицентре общего круга. Закон этой сцены – семейственная интимность, объединяющая актеров с публикой, предполагающая в сценическом языке взаимопонимание и открытую сердечность. Современный израильский театр построен на семейственности как эстетическом принципе, раздражающем европейцев. Между тем эта особенность еврейского театра – национальная черта, проявленная и особенно отточенная в искусстве

Катастрофы. Еще одна деталь того зрелища – гармоничная диалогическая хореография и контрастные черно-белые костюмы Нины Герштейн. Они напоминают символику еврейских манускриптов и молитвенные сцены в синагоге, где все и каждый в отдельности ведет свой диалог с Богом, задают свои вопросы: почему, зачем и во имя чего?

Марк Бергольский – Главный актер и последователь М. Вискинды, руководивший театром до конца

Весь спектакль был иллюстрацией к идее Якова Генса о необходимости палестинографии в гетто – изучения иврита и подготовке тех, кто спасется, к будущей жизни. Цитирую по пьесе Иегошуа Соболя «Гетто», основанной на документах Вильнюсского гетто. Генс: «Есть другая форма сопротивления: не борьба, не леса, ни даже подполье. Они завоевали всю Европу. Как нам бороться с ними? Только силой духа. "Не силой, не властью, но духом сказал Господь!"... Когда они исчезнут, какими останутся наши души? Чистыми, здоровыми или пораженными смертельной болезнью? Мы должны построить стены вокруг наших душ...»²⁴ Такими стенами вокруг душ – духовной защитой для обреченных была заключенная в пьесе Давида Пинского мысль о рождении Спасителя именно при крушении Храма,

²⁴ Соболев И. Гетто // Театр. 1990. № 10. С. 175.

в момент Катастрофы. Эта первооснова еврейской философии поддерживала, давала силы узникам.

Однако в зале сидел вместе со своей свитой и коммендант Киттель – нацист и молодой артист (в 1943 г. ему был 21 год). Он играл на саксофоне и фортепиано, окончил, по свидетельству А. Суцкевера, театральную школу в Берлине и школу убийц во Франкфурте²⁵. Именно в силу своих артистических и политических качеств он был послан для ликвидации Литовского Иерусалима. Киттель наслаждался игрой артистов, он прекрасно понимал, с кем имеет дело. Он был удовлетворен и спокоен, ежесекундно ощущая свою финальную миссию... При уничтожении гетто он играл на пианино, сопровождая «своих» евреев в ад...

Спектакль «Вечный жид» ивритской театральной студии был прямым вызовом Киттелю, всей нацистской идеологии, ибо был направлен на развенчание антисемитского мифа о Вечном Жиде, как общехристианской трагедии. Нацисты перепечатали из средневековых манускриптов изображение еврея, бьющего Христа по дороге на Голгофу, ритуально убивающего христианских детей ради выпечки пасхальной мацы, бездомного, чужого, расплодившегося, как крыса, дьявола с волосами и рогом на лбу... Идея *Judenfrei* – очищения от евреев была рождена этим антисемитским мифом, подтвержденном в нацистском фильме 1940 г. “*Der Ewige Jude*” («Вечный Жид»). Этот фильм сопровождал выставку «дегенеративного искусства», главная идея которой была доказать, что еврей никогда не будет прощен, он вечно виноват, он живое привидение, выжившее с древних времен.

Давид Пинский в 1906 г. вслед за Самуилом Гиршенбергом один из первых переосмыслил образ Вечного Жида, наполнив его новым содержанием: еврейским смыслом и идеями сионизма. В спектакле театра Вильнюсского гетто «Вечный Жид» – не богоубийца, обреченный на скитания за свои грехи, как проклятый Каин, а вечная жертва ненависти, странствующий мистический нищий пророк, спасающий евреев. «Вечный Жид» по Д. Пинскому 1943 г. – бессмертный от рождения в момент

²⁵ *Sutzkever A.* Op cit. S. 148.

крушения Храма, т. е. в период национальной Катастрофы. Его предназначение – помогать, подобно пророку Элиягу, который бессмертен и приходит к евреям в праздник Песах... Он вечно одинокий скиталец, ибо его миссия – освобождение евреев, построение Третьего Храма, спасение человечества. Он свидетель крушения как одновременного знака грядущего возрождения. Он живой мост между прошлым и будущим.

Эта концепция Вечного Жида из Вильнюсского гетто соответствовала еврейскому фильму *Дер вандерер ид* – «Странствующий Еврей» 1933 г. Это была концепция еврея как вечного искателя истины, носителя правды и неугасимого света. Такая постановка вопроса в гетто сама по себе была политическим вызовом и демонстрацией.

До 23 сентября 1943 г., когда гетто было ликвидировано вместе с театром, оставалось всего четыре месяца. Уже погиб в 1942 г. в Треблинке режиссер Макс Вискинд, в июле 1943 г. в Понарах убьют птицу певчую и танцовщицу Любу Левицкую, в сентябре 1943 г. при закрытии гетто погибнут Эстер Липовская и Соня Минц, в сентябре 1944 г. расстреляют и не успеют сжечь в концлагере Клоога (Эстония) актеров Шабтая Блайхера и Иекутиеля Ротенберга, в мае 1944 г. в лагере Кейла (Эстония) убьют любимца публики Макса Садовского, в июле 1944 г. в лагере НКРА будет уничтожен ведущий артист Яков Бергольский, в январе 1945 г. в Балтийском море под Кенигсбергом будут утоплены Лейб Розенталь и Катриэль Бройде – авторы и постановщики сатирических ревью, тексты которых, как и всех театральных спектаклей, были для многих надеждой и опорой. В живых останутся единицы: Хаеле Розенталь, Дора Рубина, Израэль Сегаль.

А пока в июне 1943 г. они собрались на общее собрание, чтобы обсудить репертуар будущего сезона. Вовсю идут репетиции «Гевье-молочника» по Шолом-Алейхему и на малой сцене в начале сентября 1943 г. артисты исполняют ревью Катриеля Бройде *Мойше, хальт зих!* («Мойше, держись!») Вот слова финала:

*Эс шлогт ди шо, мир зайнен до –
Мир кукн ин ди вайтн, си верт дер хемл видер бло,*

*Си кумен найе цайт –
Ун хоч дер вит из финцтер шток –
Вартн мир гедулдик –
Эс кумт дер тог, эс шлогт ди шо–
Дан фалт дер, вер си из шулдик²⁶.*

Час идет, борется и утверждает: мы здесь!
Мы смотрим в будущее, небо снова станет голубым!
Придут новые времена...
И хотя вокруг непроглядная тьма,
Мы терпеливо ждем
Придет день и подтвердит час:
Падет тот, кто виновен!..

«Искусство за гранью бытия» – так оценил этот неповторимый театр, спасенный в Катастрофе Йонас Турков. «И если Вильна была названа Литовским Иерусалимом, то Вильнюсское гетто заслуживает по культурной уникальности звания Иерусалим всех гетто»²⁷, – писал он после войны.

Гитлеровская мистическая эстетика осталась в истории европейского кошмара, а искусство еврейских артистов, особенно в Вильнюсском гетто, – нетленный художественный феномен. Его черты были эстетическими кодами жизни. Еврейское творчество периода Катастрофы обозначило художественные аксиомы, ставшие основой творчества не только современного израильского театра, но каждого честного художника апеллирующего к общечеловеческой памяти.

Иерусалим, Израиль

²⁶ Songs never silenced // Lider fun di getos un lagern. N. Y., 2003. P. 142.

²⁷ Turkov I. Teaters in getos un konzentracie-lagern // Yiddisher teater in Eirope zvizhn Beide velt-milchomot. New-York, 1968. S. 487. (Yiddish).

Лариса Миллер

«СТИХИ ГУСЬКОМ»

Из Книги II: апрель-май 2011 г.

31 мая 2011 г.

юблю тебя, моё перо.

Люблю за то, что ты летуче,
И, написав: «Чернеет туча»,
Ты тут же пишешь: «Серебро».
Ты тут же во второй строке
Снег воспеваешь серебристый,
Но, покоряясь смене быстрой,
Дрожишь на вешнем сквозняке.

О, как же мы с тобой летим,
И как движенью доверяем,
И как стремительно ныряем
В тот миг, что горек и сладим.
А нынче мы с тобой вдвоем
Встречаем утро в упоенье,
И не рождённое мгновенье
Висит на кончике твоём.

2011

30 мая 2011 г.

Стремилась к музыке душа,
Но пальцы были, как лапша.
Играла Черни, Майкапара.
А в дневнике стояла «пара».
Так много страшных чёрных нот
Играла я из года в год
Давным-давно на Якиманке
Куда я шла с Большой Полянки.

И пальцы слушались едва
Под нудный счёт «и – раз, и – два»,
А музыка меня пленяла.
Учительница мне пеняла
За нерадивость. Как же быть?
Любить, конечно же, любить
Любовью пусть не разделённой,
Любить и умереть влюблённой.
2008

29 мая 2011 г.

Теперь часы живут, не тикая.
О, сила техники великая.
Когда бы ни пришла домой,
В углу Великий мой Немой.
Он ничего не комментирует,
Он просто молча нас третирует.
Он норовит у нас отнять
То семь минут, то шесть, то пять.
Взорвись, устрой ему истерику,
Сбеги в Австралию, в Америку,
В Саратов, к тётке, в глушь, в Эйлат –
Повсюду встретишь циферблат,
Где даже ночью цифры светятся,
Чтоб с ними легче было встретиться.
2011

28 мая 2011 г.

Я задела муравья. Прошептала: «Извини».
Столько живности вокруг в эти солнечные дни.
Столько всякого того, что так просто растоптать.
Чтоб не тронуть никого, лучше всё-таки летать.
Оторваться от земли ну хотя бы на вершок.
Помогает в этом мне вновь написанный стишок.
2010

27 мая 2011 г.

Хоть верится слабо в счастливый конец,
Но каждый в душе – желторотый птенец
И ждёт ни войны, ни болезни, ни шторма,

А чьей-то опеки и сладкого корма.

И даже поживший, усталый, седой
Он верит, что он под счастливой звездой
Родился и дальше не смертные муки,
А чьи-то большие и тёплые руки.
2007

24 мая 2011 г.

Творенье – разве это труд?
Синь неба, листьев изумруд,
Цветок, что на земле родился,
Да разве наш Господь трудился?
Вдохнул и выдохнул – и вот
Земная твердь, небесный свод.
2009

23 мая 2011 г.

Откуда всхлип и слабый вздох?
Из жизни, пойманной врасплох,
И смех оттуда,
И вешних птиц переполох,
И звон посуды,
И чей-то окрик: “Эй, Колян!”,
И сам Колян, который пьян
Зимой и летом,
И море тьмы и океан
Дневного света.
2000

21 мая 2011 г.

А живём мы всегда накануне.
Накануне каникул в июне,
Часа звёздного, чёрного дня,
Золотого сухого огня.
Накануне разлуки и встречи.
Обними меня крепче за плечи.
Мне не жить без тепла твоего
Накануне не знаю чего.
2007

Ждали света, ждали лета,
Ждали бурного расцвета
И благих метаморфоз,
Ждали ясного ответа
На мучительный вопрос.
Ждали сутки, ждали годы
То погоды, то свободы,
Ждали, веря в чудеса,
Что расступятся все воды
И дремучие леса...

А пока мы ждали рая,
Нас ждала земля сырая.

1995

17 мая 2011 г.

Я тебе про безумное время тлетворное,
Ну а ты мне вручаешь рецепт на снотворное.
Я тебе про темноты, которых не счесть,
Ну а ты мне советуешь на ночь не есть.
Я кричу тебе: «Жизнь, ты усеяна минами»,
Ну а ты мне в ответ про белки с витаминами.
2011

16 мая 2011 г.

И вроде творит Он спустя рукава,
Но как у Него зеленеет трава!
И вроде творит Он, что прежде творил,
Но как вешним солнцем Он всё озарил
И как убедил очарованных нас,
Что, мол, осенило Его лишь сейчас.
2011

13 мая 2011 г.

Я не сотрясала основ,
Но всё же устала порядком:
О сколько беспомощных слов
Рассыпала я по тетрадкам!
И, Господи, как не устать,

Коль эти, крючки, закорючки,
Как дети мешают мне спать
И просятся ночью на ручки.
2011

10 мая 2011 г.

Сегодня дерево казнили.
Пилу в живую плоть вонзили.
Оно лежит и в облака
Глядит, зелёное пока,
И птичка сказочной расцветки
Поёт, поёт на мёртвой ветке.
2009

9 мая 2011 г.

А тогда, на начальном этапе,
Рисовала я солнце на папе,
А вернее, на снимке его.
Я не знала о нем ничего.
Лишь одно: его мина убила.
И так сильно я папу любила,
Рисовала на нем без конца.
Вышло солнышко вместо лица.
2010

Я знаю тихий небосклон.
Войны не знаю. Так откуда
Вдруг чудится: ещё секунда —
И твой отходит эшелон!
И я на мирном полустанке,
Замолкнув, как перед концом,
Ловлю тесьму твоей ушанки,
Оборотясь к тебе лицом.
1965

8 мая 2011 г.

Столько нежности, Господи. Воздух, крыло.
Третий день снегопад. Даже ночью бело.
Столько нежности, Господи, маленьких крыл,
Будто Ты мне все тайны сегодня открыл.

Не словами, а прикосновеньем одним
К волосам и губам, и ресницам моим.
2008

2 мая 2011 г.

Жить в краю этом хмуром, в Евразии сумрачной трудно.
Всё же есть здесь и радости. И у меня их немало.
Например, здесь рябина пылала по осени чудно.
Например, я тебя, мой родной, поутру обнимала.
Сыновой напоила я чаем со сдобным печеньем.
А когда уходили, махала им вслед из окошка.
Нынче день отличался каким-то особым свеченьем.
Разве есть на земле неприметная мелкая сошка?
Что ни особь, то чудо и дар, и судьба, и явленье.
Разве может такое простой домовиной кончатся?
После жизни земной обязательно ждёт нас продленье,
Да и здесь на земле неземное способно случаться.
2006

1 мая 2011 г.

Неужели влюблён не в меня
Этот май, и не мной он болеет,
Когда, тратя себя, не жалеет
Своего заревого огня?

Неужели, страстями живя,
Он не мне адресует признание,
И напрасно теряю сознание,
Внемля жарким речам соловья?
2011

30 апреля 2011 г.

А сегодня в спектакле играет не первый состав.
Звёзды поумирали, состарились или устали.
Но спектакль пленителен даже и в этом составе.
И такой, как он есть – он земного небесного сплав.
Хоть и мельче душа, и грубей и настырнее плоть,
Всё равно ещё видно, что действие замыслил Господь.
2011

22 апреля 2011 г.

И с солнышком ложиться и с птичками вставать.
И ни к кому с вопросом «зачем?» не приставать,
Не упустить минуту летучую сию.

Ты ей отдашь всю душу – она отдаст свою.

2011

21 апреля 2011 г.

Уж как давно родились тьма и свет,
А всё живут, а всё им сносу нет.
И тьма – темнит, а свет – он ярко светит,
Он летом светлый праздник свой отметит –
Один из лучших праздников в году.

Коль пригласит, я с радостью приду.

2011

18 апреля 2011 г.

Облака, что живут в небесах, там же и умирают.

Умирают легко и шутя и как будто играют.

То плывут, то летают, то вдруг на закате алеют,

А потом исчезают, не мучаются, не болеют.

2010

17 апреля 2011 г.

Почему не уходишь, когда отпускают на волю?

Почему не летишь, коли отперты все ворота?

Почему не идешь по холмам и по чистому полю,

И с горы, что полога, и на гору, ту, что крута?

Почему не летишь? Пахнет ветром и мятой свобода.

Позолочен лучами небесного купола край.

Время воли пришло, время вольности, время исхода.

И любую тропу из лежащих у ног выбирай.

Отчего же ты медлишь, дверною щеколдой играя,

Отчего же ты гладишь постылый настенный узор,

И совсем не глядишь на сиянье небесного края,

На привольные дали, на цепи неведомых гор?

1972

И все же уговор жестокий –

Не оглянуться на истоки,
На тропку, смятую пятою,
На прошлое, на прожитое,
На прежний сад, на прежний дом,
На преданный огню Содом
Не поглядеть в немой печали,
Чтоб ангелы не осерчали,
Когда все те, что в вечность канут,
Вослед глядят и руки тянут,
С тоской по имени зовут...
И можно ли найти приют,
Покой, уйдя к иным просторам
И не простившись даже взором?
1971

10 апреля 2011 г.

*«...Можно ли так притеснять
Эти небесные пятна?»*
Владимир Соколов

Как хорошо, что всё необъяснимо,
Что облако плывет, другим теснимо,
Что уплывает талая вода.
Подумать только – ведь и мне туда,
И мне туда же по дороге с ними –
Друзьями бессловесными моими.
2011

И нет завершения. Ещё не конец.
И тайное что-то задумал Творец,
Ещё продолжается мысли паренье,
Ещё Он намерен продолжить творенье:
Нездешнее что-то в волнение слепить
И горькой любовью потом полюбить.
2003

8 апреля 2011 г.

Я не помню, как я родилась
И как я на земле оказалась.
Я за мамой сперва увязалась,
А теперь вот с тобою слилась.

Я совсем не умею одна.
Я тебе, как спасению, рада.
Вот бы знать, что такая награда
Мне на вечные веки дана.

2011

3 апреля 2011 г.

А мама собирается на бал.
И жемчуг бел, и цвет помады ал,
На стуле серебрится чернобурка –
Её не любит мамина дочурка.
Берет не любит, что с распялки снят,
И платье из панбархата до пят.
Ведь, значит, мама из дому уходит
И дочкин праздник из дому уводит.
Не надо было маму отпускать.
Ведь где, скажи, теперь ее искать?

2011

2 апреля 2011 г.

Я малолетка. Я в Клину.
Я у Чайковского в плену.
Я терблю промокший, мятый
Платочек. Плачу я над Пятой
Симфонией. Пластинку нам
Поставили. За дверью гам.
В музее людно. День воскресный.
А музыка с горы отвесной
Столкнула, снова вознесла.
Я плакала. Душа росла.

2011

1 апреля 2011 г.

Нет, послушай, когда я работала в школе,
Я стишок задала второкласснику Коле
И забыла спросить. Ну а он весь урок
Повторял про себя эти несколько строк.
Повторял про себя и шептал их соседу.
Но не вспомнила я ни во вторник, ни в среду.
А однажды пришла ко мне Колина мать

И, смущаясь, сказала: «Не может он спать.
То ночами зубрит, то проснётся с рассветом».
Не приди она, я б не узнала об этом.
Боже, сколько же их – тех неведомых Коль,
Кому я причинила нечаянно боль.
2011

На смерть Яши К.

Встань, Яшка, встань. Не умирай. Как можно!
Бесчеловечно это и безбожно,
Безжалостно ребенком умирать.
Открой глаза и погляди на мать.
Ты погляди, что с матерью наделал.
Она твое бесчувственное тело
Все гладит и не сводит глаз с лица.
И волосы седые у отца.
Он поправляет на тебе рубашку
И повторяет: "Яшка, сын мой, Яшка".
И повторяет: "Яшка, мой сынок".
Гора цветов. Венок. Еще венок.
... Пришел ко мне смешливым второклашкой.
Нос вытирал дырявой промокашкой.
И мы с тобой учили "I and You",
"I cry, I sing" - я плачу, я пою.
Как жить теперь на свете. Жить попробуй,
Когда вот-вот опустят крышку гроба,
В котором мальчик, давний ученик.
Его лицо исчезнет через миг.
И нет чудес. Но, Господи, покуда
Еще не выросла сырая грудка
Земли, не придавили снег и лед,
Приди, вели: "Пусть встанет. Пусть идет".
1979

Марк Азов

Ковчег «Ной»-2

ара стояла под 40 градусов, и солнце при этом не пробивалось сквозь завесу серой пыли. Хамсин. Все окна задраены, кондиционеры надрываются. На улице редкие прохожие в майках и шортах, девочки с голыми пузиками.

А тот, кто вырос в дверях, был упакован в черный шерстяной костюм, в рубашке с твердым воротничком и манжетами, при галстукке и застегнут на все пуговицы.

– Не узнаете? Я Коля.

И, правда, Коля – каскадер из киногруппы, с которой мы снимали в горах... В жизни бы не узнал его в этом, нестигаемом костюме.

– Коля, ты что, с Луны свалился? В такую жару и в таком виде!

– С Луны – не с Луны, но оттуда сверху. Я же разбился. Вам не говорили? Упал неудачно с лошади и разбился.

– Слава Богу, не до смерти.

– Какой там не до смерти? Похоронили, как миленького.

Что он несет?..

– Я же сказал, я к вам оттуда, – повторил он, – с того света. Не верите?

Мой взгляд упал на его обувь. Ноги в матерчатых белых тапочках. В костюме, при галстукке и в белых тапочках! Какие еще нужны доказательства?

– Когда направляли сюда к вам, вернули со склада весь прикид, в котором хоронили, – объяснил мне покойный Коля, – для конспирации: чтоб не отличался от живых.

– Твое счастье, что хоронили тебя там в Москве, а не у нас в Израиле, а то шел бы, завернутый в саван... Всех прохожих распугал.

– Значит вы мне верите?

– А что мне остается?

– Я по вашу душу пришел.

– Уже?

– Нет, вы меня неправильно поняли.

– Ладно. Не надо мне утешений. Я знал, что этим кончится. Все там будем.

– Кроме вас. Вам сделали исключение, скажите мне спасибо.

Я ничего не понял, кроме того, что мы стоим в дверях.

– Прости, Коля! Я как-то не сразу врубился: не каждый день у меня гости, с того света. Садись, Коля, к столу. Да сбрось ты свой маскарад. Вот тебе шорты, футболочка. У меня в холодильнике «Абсолют» завалился как раз к такому случаю. Маслины тебе какие открыты: зеленые без косточек или черные?

Как будем пить – не чокаясь?

– Через раз. Когда за ваше здоровье, чокнемся, а когда за мое... Хотя какое у меня здоровье может быть?.. Давайте сразу к делу. Там у нас в Небесной канцелярии приняли одно решение на высшем уровне: устроить Потоп, Второй Всемирный. Открыть вентиля, пустить воду и смыть человечество к едрене фене с лица Земли, – после чего меня направили лично к вам.

– А я причем? Я им кто, водопроводчик?

– Вы бы сначала спросили, зачем им, вообще, понадобился этот потоп?

– Ну и зачем?

– Прогресс тут у вас пошел в обратную сторону. Человечество возвращается к допотопному состоянию. Только-только на Западе люди пришли к выводу, что жизнь лучше смерти, как с Востока пошли в наступление любители смерти. У западных больше самолетов и ракет, но они гуманисты: бомбят и плачут. А восточные говорят: «мы любим смерть больше, чем вы жизнь». Потому им победа

обеспечена. Так что зря тянуть, кровь проливать, делать друг другу больно? Вот и решили прибегнуть к этой, как ее? Эвтаназии.

– Утопить нас всех, как котят, чтоб не мучились?

– Именно так. Вы все правильно поняли.

– Не все.

– А что еще?

– Все-таки причем здесь я? Почему именно ко мне тебя прислали?

– Я случайно оказался в кабинете во время летучки, когда ангелы слетаются... У меня должность такая: собирать со стола во время заседания пустую посуду. Собираю, а у них в это время выплывает наружу этот..., который всегда выплывает, еврейский вопрос. Главный вдруг вспомнил, что у него договор с евреями. Он в свое время поклялся вашему Аврааму, что евреи – его избранный народ. Ну и толкнул спич в защиту евреев. Он сказал, что за две тыщи лет после разрушения храма в Иерусалиме христиане и мусульмане только то и делали, что воевали, а евреи сидели тихо. Мусульмане истребляли неверных, христиане огнем и мечом обращали в свою веру, а евреи сидели тихо в ожидании погрома и никому не предлагали идти в евреи. Христиане провозглашали любовь к ближнему своему, евреи – «око за око и зуб за зуб», но христиане сжигали евреев на кострах инквизиции, а евреи...ну, в крайнем случае, окулисты и зубные врачи. Вот вам и око за око и зуб за зуб. Максимум и то и другое за деньги. Чтобы разозлить евреев и заставить взяться за оружие, понадобилось уморить в газовых камерах и расстрелять во рвах шесть миллионов еврейских детей, стариков и женщин.

– Значит, нас топить не будут?

– Будут, не беспокойтесь. Но есть один нюанс. Евреям разрешено построить ковчег, как при первом потопе, поместить туда несколько пар...

– Чистых и нечистых?

– Только чистых! С хорошей генетикой и способных к размножению. С тем, чтоб, когда вода спадет, вышли из ковчега и наплодили нам новых евреев. Тут и возникла ваша кандидатура.

– А других на земле нет праведников?

– Праведников вы сами найдете для ковчега. Но кто-то же должен этот ковчег построить.

– Да я гвоздя не могу забить, чтоб не попасть по пальцам! С чего это вдруг на меня пал выбор?

– Вы слушайте, не перебивайте. Второй потоп – не то, что первый. Всех так просто не утопишь, уже понастроили кораблей, всяких яхт и лодок, люди набьются, как сельди в бочки, и всплывут, как пробки. Поэтому особым совещанием принято техническое решение не просто налить воды, а устроить бурю. Чтобы вода неслась со скоростью, и суда разбивались вдребезги о вершины гор и небоскребов, которые специально оставляют торчать.

– А ковчег?

– Вот именно, а! Все так и сказали: а какой должен быть ковчег, чтоб выдержать все это безобразие?.. И тут я бросил собирать посуду, вмешался в дискуссию и говорю. «Может, это не мое дело, – говорю я, – но когда мы снимали фильм в горах, с нами был автор сценария. На кой, извините, хрен он там был нужен, я до сих пор не знаю, но он в своем сценарии написал, что мальчик и девочка – герои фильма сплавляются по горной речке на плоту. А горная речка там была такая, что только в гробу по ней можно сплавляться. Течение сумасшедшее, и камни торчат, как у акулы зубы. Стоит натолкнуться – и плот в щепки. А мы, между прочим, конные каскадеры Джигитовка, да, а в этом водном слаломе что мы можем понимать? Построили плот на берегу, посадили детей и укачиваем с двух сторон. Оператор снимает, режиссер матюгается, потому что получается заведомый брак, выброшенная пленка. И тут этот обесбашенный автор сценария, как ляпнет: «Плот должен быть круглый, тогда он будет непотопляемый и неразбиваемый» Мы обалдели – это ж только круглый дурак может придумать круглый плот. Но у нас была камера от трактора «Беларусь» – большая и толстая, когда надутая. И вот он предложил сплести в этом бублике днище из веревок и посадить туда оператора с кинокамерой. Камера крутится на воде, черт ее не перевернет, и все камни она мягонько объезжает, оператор вопит, но снимает. И вы бы видели, что

получилось на экране. Плот качается, дети смотрят, выпучив глаза, а берега вращаются чертовой каруселью. Обалденный экстрим. И никто не пострадал, только у оператора жопа мокрая.

Я уже начал догадываться, куда ведет меня Колин рассказ.

– И тебя послали ко мне, чтоб я строил круглый ковчег.

– Точно.

– Но он же неуправляемый.

– А у Ноя был управляемый? Лишь бы всплыл, не перевернулся и объезжал препятствия, как та камера от трактора «Беларусь». А, когда вода осядет – и круглый ковчег сядет, где Бог даст сесть. Понятно?

– А как его построить, круглый корабль?

– Ну, это уж пусть инженеры думают. А вы изобретатель, вам место в ковчеге обеспечено, а мне пора, – Коля тяжело вздохнул, сглотнул «на посошок» остатки «Абсолюта» – вы уж меня не подведите. Я Богу слово дал: «Ей богу, чтоб я сдох, если он не наберет настоящих праведников, самых порядочных людей, которые и корабль построят, и выдержат плаванье, и выведут новую популяцию евреев!»

Сказал и вознесся. Только белые тапочки мелькнули в окне. А окна у нас забраны решеткой. И решетка даже не дрогнула, что меня окончательно убедило – все это не глюки от перегрева, а Коля, таки да, являлся с того света

Но ему хорошо. Что с него взять, с покойника? А я, выходит, вызвался строить ковчег, на свою голову. Из чего их, вообще, строят, ковчег? Ной строил из дерева гофер. Что за дерево? Где оно растет? Может, уже и нет в природе такого дерева. Зато есть интернет. Полез и выяснил: акация. Растет во дворе, у меня под окном. Но как из нее сварганить круглый ковчег?.. Смотрю и думаю. А уже люди звонят по объявлению. Я же дал объявление, что ищу праведников на предмет спасения от Всемирного Потопа...

Сперва пошли безымянные звонки. Спрашивали, сколько я хочу за свои услуги? Я отвечал: праведникам бесплатно. Тогда они задавали вопрос: бесплатно, это

сколько? Я отвечал – нисколько. И тогда они спрашивали: можно ли это самое «нисколько» расписать на несколько платежей, чтоб не сразу? Я разозлился, сказал, что не верю в их праведность, потому что они задают такие вопросы. На что мне ответили: наоборот, это они не верят в мою праведность, потому и задают такие вопросы. Тогда я сказал, что телефон отключаю, и буду беседовать с праведниками лишь с глазу на глаз.

Пришли сразу трое... с бейсбольными битами. Сказали, что будут меня защищать от других таких же вооруженных праведников, только я должен делиться с ними бабками.

Пока я втолковывал мальчикам, что у меня бабок нет – здесь не дом престарелых, они мне оставили лишь обломки мебели и расколотый унитаз.

Следующий посетитель был больше похож на праведника: не вооруженный и, на первый взгляд, не опасный, но упорно домогался ответа, где взять справку о праведности: в муниципалитете или у психиатра? Интересовался льготами, положенными статусу праведника. Сколько праведник платит за воду, электричество и канализацию? Есть ли скидки по налогообложению? Полагается ли праведникам бесплатный проезд на городском транспорте?

Я мог ответить только на последний вопрос: если ковчег считать городским транспортом. Но делового праведника мой уклончивый ответ не устроил. Он заявил, что найдет себе ковчег понадежнее, на моем, слава богу, свет клином не сошелся, и ушел не прощаясь.

Третий стал расстегивать штаны. Я замахал на него руками, сказал, я и так верю, что вы еврей... Но, оказалось, ему нужен венеролог, он просто ошибся дверью.

Наконец, мне повезло, пришел настоящий праведник. Это сразу бросалось в глаза. Он был увешан детьми с ног до головы. Старший сидел верхом и пришпоривал папу. Двое поменьше размещались в локтевых сгибах обеих рук. А самые мелкие использовали его ноги как средство передвижения – переставляя ноги, он переставлял детей. Отца вообще было бы не видно, если бы

не нос, торчавший из грозди орущих головенек. Такой нос мог бы послужить моему ковчегу килем или, на худой конец, рулевым веслом.

Но он сходу смешал все мои технические соображения:

– Я пришел сообщить, чтобы вы на меня не рассчитывали! – прокричал он сквозь детский хор. – Есть люди, которые больше нуждаются. У Цили Ароновны, муж перенес инсульт. Вообще, это беспомощные старики: ему 85, ей 78.

– А как же они будут размножаться? Мне надо, чтобы праведники размножились.

– Жаль, хорошие люди. – Расстроился праведник и ушел.

После ухода многодетного праведника стало непривычно тихо в доме. Но не надолго. Приехали двое мужчин и одна девушка.

– На какие деньги вы собираетесь строить ковчег? – спросил первый.

– Учреждаем фонд, – сообщил второй, не дожидаясь ответа.

– Какой заказывать штамп? – поинтересовалась девушка.

– «Ковчег Н-2» – Ной второй.

Уехали и открыли. Нашли спонсоров, собрали круглую сумму, которая ушла на аренду помещения и зарплату президента, вице-президента и пресс-секретарши фонда, после чего меня пригласили в полицию. Я подумал, открылись их финансовые махинации, но, выяснилось, что я, оказывается, поди знай, пытался изнасиловать ту самую пресс-секретаршу. Пока они ищут следы моего ДНК на ее нарядах, с меня взяли подписку о невыезде и отпустили домой...

А там собрались кандидаты в праведники и митингуют в мое отсутствие

Я к ним с вопросом:

– Как теперь быть, если у меня подписка о невыезде?

А они – с ответом:

– Это как раз кстати! Мы себе нашли другого руководителя проекта. Он большой ученый, член перечлен различных академий, доктор-передоктор разнообразнейших наук профессор престижнейших университетов, лауреат снотсшибательных премий и прочая, и прочая...

– А он, извините, еврей?

– Какое это имеет значение?! – возмутился сам носитель всех этих титулов, который скромно присутствовал во главе угла. – Мы же не расисты. Я, допустим, еврей по происхождению, но гуманист по убеждениям, и я уверен, что в спасении от потопа в большей степени нуждаются палестинцы, страдающие под гнетом нашей еврейской оккупации.

Я пытался сопротивляться:

– Господь Бог поручил мне спасти по возможности генофонд еврейской нации... а не какой-либо другой!

Но он в диспутах не то, что я, – профи.

– Во-первых, существование Бога не доказано, – говорит, – во-вторых, Бог мог и не подозревать, что имеет дело с самозванцем, лжеученым и плагиатором.

– Это вы о ком?

– О вас, уважаемый! Вы не ослышались. Я привык говорить правду в глаза оппоненту. Вы присвоили чужую интеллектуальную собственность. Круглый ковчег уже сорок столетий тому назад был изобретен человеком по имени Атрахасис, который сплел его из тростника, о чем написано клинописью на глиняных табличках, найденных археологами.

Его эрудиция отправила меня в нокдаун. Поди знай, что не я один такой умный?

Воспользовавшись моим замешательством, многочлен академий, ввел в состав экспедиции пару обиженных палестинцев. Пара состояла из пяти человек: господин Касем аль-Касем и четыре его жены.

При этом известии в фонд «Ковчег Н-2» посыпались деньги из стран милосердной Европы и США, да и бедный Касем аль-Касем не остался в долгу – продал сеть своих супермаркетов и оливковые рощи. В результате, ковчег,

таки да, был построен. Громоздился посреди двора, похожий на огромный барабан.

Накрапывал дождь, небывалый в середине июля, он все усиливался, и уже струи ливня барабанили по палубе ковчега. Все еще не хотелось верить, что мир наш погружается в небытие и вместе с ним я и моя подписка о невыезде.

Сквозь залитое слезами окно, я смотрел, как на борт ковчега по длинющему трапу поднимались производители будущего человечества. Ученый многочлен-гуманист с молодой женой, две пары нечистых на руку основателей фонда «Ковчег Н-2» с подружками, недонасилованная пресс-секретарша с бой-френдом, угнетенный Касем аль-Касем с четырьмя женами и дама с собачкой. Дама наотрез отказывалась всплывать без собачки. Плакала, умоляла, предлагала высадить мужа из ковчега, а собачку взять на его место. Собачка была ростом выше дамы, если станет на задние лапы (собака, а не дама) Старый пес, глухой и одноглазый, который, казалось, разучился лаять, молча шел за дамой, путаясь в хвосте. Но из всех вышеперечисленных этот пес – единственное лицо, достойное занять место в ковчеге, потому что был заслуженным ветераном пограничных войск Израиля: на КПП вынюхивал взрывчатку. И многие из нас обязаны ему жизнью.

Ливень усилился, просторные шелковые платья жен Касем аль-Касема намокли, облепили фигуры, и я заметил подозрительное отсутствие талий. Наверно беременны, – подумал я поначалу. – Первыми дадут потомство, когда Земля обсохнет, и объявят ее своею, а евреев снова – оккупантами.

И тут залаяла собака... Впервые за много лет у отставного пса прорезался голос, он щедро облаивал жен Касема, и до меня, наконец, дошло, чем опоясаны талии восточных красавиц...

Продолжения не следует

Александр Каневский

Дед Мороз. Три рассказа

Храните свои годы

н еще раз перечитал это письмо-признание в любви. Честно говоря, пойти хотелось. Ниночка ему нравилась. Даже очень. Но с другой стороны... Три месяца ухаживаний, в лучшем случае. Затем, две или три недели подготовки к свадьбе, хождение по родственникам, свадебное путешествие... Потом – девять месяцев ожидания ребенка, стояние под окнами больницы, бегание по врачам, устройство в ясли, в детский садик, в школу... Дальше считать не хотелось.

Конечно, на свидание он не пошёл. Но утром следующего дня положил в банк сэкономленные – по самым предварительным подсчетам – семь лет жизни.

В субботу он был приглашён в свою бывшую школу, на традиционный вечер встречи выпускников. Его очень тянуло повидать бывших одноклассников, похлопать их по плечам, расспросить о жите-бытье, похвастать своими успехами. Но он прикинул, во что это обойдется: час на сборы, двадцать минут на автобусе, речь директора; вызовы к доске, которые снова придумает старик-математик... Часа полтора танцы в зале... Потом Валька Чашин опять потащит всех к себе на дачу – это, считай, ночь по боку, сплошные «А помнишь?»... В воскресенье Валька, конечно, никого не отпустит: купанье в озере, ловля рыбы, уха из консервов – словом, ещё один день коту под хвост...

Он не пошёл. Отправил приветственную телеграмму. Зато на его счету появились сбережённые сутки и восемь часов.

В понедельник, в обеденный перерыв, позвонила мама:

– Почему ты не приходишь? Я очень волнуюсь.

– Еще ведь не конец месяца!

Когда-то он бывал у нее каждую субботу. Они пили чай с вареньем из облепихи, и он жаловался маме на своё начальство. Мама рассказывала ему о пользе витаминов и перед уходом вручала баночку облепихи, которой ему хватало до следующей субботы.

Теперь он эти посещения отменил – и ежемесячно стал класть на книжку освободившиеся вечера. За год набегало пятьдесят два вечера, а в високосный год – пятьдесят три!.. В конце месяца, каждого тридцатого, он заезжал к маме и, не отпуская такси, интересовался её самочувствием. Мама провожала его до машины и вручала теперь уже четыре баночки варенья, которых ему хватало до следующего заезда. Конечно, такой визит забирал не меньше часа, но в конце концов, у каждого человека есть свои привязанности: он уже не мог пить чай без облепихи.

Дома над тахтой у него висел плакат: «Экономьте время! Храните свои годы в Сбербанке!». Он перестал ездить в санатории, в круизы, перестал ходить в гости, на юбилеи, на похороны... Завёл копилку, в которую бросал каждую сохраненную секунду. Секунды складывались в минуты, минуты – в часы, а часы оседали в банке, на счету, и превращались в дни, недели, месяцы...

– Зачем ты экономишь? Почему сейчас не живёшь? – спрашивали друзья.

– Ещё не имею права. Вот встану на ноги, будет имя, квартира, деньги – и тогда я все эти годы – ох как отгуляю!

И вот настал день, когда он сказал себе: всё!

Было звание, положение, благополучие. А на счету – накопленные десять лет, восемь месяцев и шесть с половиной дней. Все это огромное состояние теперь хотелось по-купчески растратить.

Он вышел на улицу, впервые за много лет просто так, без дела. Его ослепило летним солнцем, обрызгало теплым птичьим пением, ошеломило буйством цветущих каштанов. А навстречу шла Нина Петровна, та самая Ниночка, которая до сих пор почему-то не вышла замуж. Ниночка все еще была хороша, и у него сладко заныло

сердце. Он молил лишь об одном: только бы не прошла мимо! Десять минут постоять, поговорить!.. Ниночка улыбалась ему так же радостно и доверчиво, как когда-то. Он улыбнулся ей в ответ и хотел шагнуть навстречу, но вдруг почувствовал, что какая-то сила повернула его в другую сторону и повлекла, повлекла назад к знакомому сбербанку, где он тут же положил на счёт только что сэкономленные десять минут, приплюсовав их к сэкономленным ранее десяти годам, восьми месяцам и шести с половиной дням...

«На золотом крыльце сидели...»

Все любят вспоминать своё детство. А я наоборот: стараюсь его забыть. Только одна считалочка из памяти не идёт:

*На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной...
Кто ты такой?..*

Я всегда выбирала королевича, но мама учила, что надо выбирать сапожника, потому что в наше время сапожники живут лучше, чем короли.

За меня всё всегда решали родители.

Когда мне исполнилось пять лет, они захотели учить меня играть на дедушкиной скрипке.

– У ребёнка абсолютное отсутствие слуха, – определила учительница музыки, когда я ей прогнусавила «В лесу родилась ёлочка».

– Это ничего, – успокоила её мама. – Я вам хорошо заплачу, научите её слуху.

Видно, учительнице очень нужны были деньги – меня стали по вечерам к ней водить. До сих пор с ужасом вспоминаю эти уроки: я рыдала, скрипка визжала, а учительница лежала. Однажды усилием воли она поднялась, перевязала голову полотенцем и взмолилась:

– Я вам хорошо заплачу, только заберите ребёнка – у меня начинается менингит.

На этом музыка закончилась, но начались уроки иностранного языка, причём японского, чтобы всех друзей

переплюнуть. Нашли какого-то самурая из Одессы, который носил кимоно и гнал самогон из риса. Он потребовал такую плату, что мама в ужасе переспросила по-японски:

– Сикоко, сикоко?..

Пятиклассницей я пошла с подружками на ипподром. Меня посадили на длиннохвостого красавца. Замирая от страха и восторга, я проехала на нём по зелёному полю и на всю жизнь заболела лошадьми. По ночам мне снилось, что я летаю над городом на огненном скакуне. Я умоляла маму записать меня в конноспортивную школу, но и она, и папа, и дедушка, и бабушка хором запричитали:

– Упадёшь! Убьёшься! Сломаешь шею!..

– Даже если ты и выживешь, у тебя будут кривые ноги, – припугнул папа.

– А вот и нет! Все наездницы стройные!

– Это их гримируют. А на самом деле у них ноги, как два коромысла.

И папа процитировал мне куплет из старинной песни, в которой молодой казак приветствует свою невесту:

*Я возвернуся с дороги
И расседлаю коня...
«Здравствуй, моя кривоногая,
Ещё кривоногей, чем я».*

Спустя годы я узнала, что песню сочинил сам папа, в соавторстве с бабушкой. Но тогда этот куплет произвел на меня впечатление, и я перестала пробиваться на ипподром. Но ещё много лет меня нельзя было оторвать от телевизора, когда показывали конные соревнования.

Однажды, уже учась в институте, куда я поступила по настоянию папы и мамы, я случайно попала на какой-то эстрадный концерт. После музыкального вступления на сцену вышел молодой конферансье, и у меня запрыгало сердце: именно таким я представляла себе королевича из моей детской считалочки... Я сидела в первом ряду, он увидел меня и чуть не проглотил микрофон. Больше он уже ни на кого не смотрел, все свои шуточки адресовал только мне. Но я не смеялась. Я сидела оглушённая и счастливая и

только завидовала стойке микрофона, потому что он держал её за талию.

В антракте я выскочила на улицу, добежала до цветочного киоска, отдала все свои деньги за букет гвоздик и вернулась, когда все артисты пели прощальную песенку. Он тоже пел, но лицо у него было несчастное. Когда я протянула ему цветы, он схватил меня за руки и уже не отпустил до закрытия занавеса.

Мы провели вместе этот вечер и все другие вечера после его концертов. Мы сидели на скамейке и целовались, а я смеялась, сама не знаю почему. Он объяснил, что это до меня только сейчас дошли его шутки.

Когда я сообщила обо всём родителям, произошло что-то вроде ташкентского землетрясения. Папа затопал ногами и закричал:

– Кто?.. Конферансье?.. Пока я жив, оно к нам в дом не войдёт!

Мама пыталась сохранить дружеский тон:

– Доченька, поверь: вы не построите семью – артисты полжизни проводят на гастролях.

– Я буду ездить с ним и помогать ему в концертах.

Этого мама не выдержала и закричала:

– В эстрадных концертах?.. Ты?!.. Через мой труп! Через папин труп! Через трупы дедушки и бабушки!..

От такого количества трупов мне стало плохо. Родители заперли дверь и не выпускали меня. Я пыталась вылезти через окно – меня оттащили. Я молила, рыдала, кричала, потом впала в апатию и неделю пролежала в постели. И сдалась. Меня ведь не научили бороться, поэтому я покорила.

Прошёл ещё один год. Я стала девицей на выданье, и родители начали поспешно искать мне мужа. Однажды дед привёл в дом своего зубного техника, который принёс шампанское и о чём-то долго шептался с папой. После его ухода я узнала от деда, что техник хочет на мне жениться.

– Но он мне не нравится, – запротестовала я.

Дед рассердился и вытащил из стакана свою вставную челюсть.

– Не заговаривай мне дёсны! Посмотри, какая работа!

– У нас разные интересы, – пыталась я найти поддержку у мамы, – ему же целых сорок лет.

– Ну, и что? – удивилась мама. – У мужчин это переходный возраст: они переходят от жены к жене. Так что скорее выходи, а то уведут.

Я подумала: какая разница, этот или другой – и согласилась.

Свадьбу справляли пышно, в лучшем ресторане. Пришли все стоматологи нашего города и весь вечер пили за золотые руки моего мужа.

Живём мы мирно, спокойно. У нас большая квартира, гараж, дача, машина. Мама и папа счастливы, дедушка и бабушка тоже. Институт я бросила, сижу дома, смотрю за ребёнком. По вечерам помогаю мужу: кипячу инструменты, расфасовываю цемент, кладу зубы на полку. По субботам ходим к его родителям, по воскресеньям – к моим. Конноспортивные соревнования я больше не смотрю, на эстрадные концерты с тех пор ни разу не ходила... Вы спросите, зачем сюда пришла?.. Увидела его фотографию на афише, захотелось гвоздики подарить, как тогда... Нет, нет, не сама – я через билетёра передам...

Не люблю своё детство. Стараюсь его забыть. Почти забыла. Только одна считалочка из памяти не идёт:

На золотом крыльце сидели

Царь, царевич, король, королевич...

Папа вернулся...

Обычно это происходило в последний день декабря. Папа приходил с работы волевой и сосредоточенный.

– Я ухожу, – заявлял он.

– Куда? – спрашивала мама, перечитывая любимую Анну Каренину.

– Совсем. От тебя ухожу.

– Почему? – интересовалась мама, не отрывая глаз от книги.

– Ты меня не ценишь! Никто не ценит! Вам всем плевать на меня!

– Ты не прав, – бросала мама, переворачивая страницу.

– Сейчас не время выяснять отношения... Поздно! Ты меня проиграла!.. Не волнуйся, на квартиру претендовать не стану. Мебель оставляю тебе, ковёр тоже.

– Ты – благородный человек, – изрекала мама, продолжая чтение.

– Только не надо красивых фраз, не надо!.. Пути назад нет!

Папа раскрывал «дипломат», укладывал туда электробритву, пасту, зубную щётку и почему-то молоток, хотя он ни разу в жизни не забил ни одного гвоздя. Затем надевал пальто, шапку, подходил к дверям, оборачивался.

– Я ухожу. Кто идёт со мной? – вопрос был адресован нам, детям, но повисал в воздухе без ответа. – Папа уходит навсегда. Кто пойдёт с папой?

– Я не могу, мне задали сочинение, – сердито отвечала Ленка. Папа переводил взгляд на меня. Я начинал хныкать.

– Я не пойду, у нас в садике подарки давать будут.

Папа запрокидывал голову и трагически воздевал глаза к небу.

– Хорош итог: создал семью. Вырастил детей, всю жизнь работал на них, а теперь даже уйти не с кем!..

Голос его дрожал, в глазах появлялись слёзы.

– Я пойду с тобой, – говорила мама, откладывала книгу, предварительно заложив закладку между страницами, одевалась и они уходили. Возвращались поздно, весёлые, счастливые, с подарками. Так что нам, детям, даже нравилось, когда папа от мамы уходил.

Но однажды, тоже тридцать первого декабря, папа вернулся с работы раньше обычного. Мама только-только закончила готовить обед и проверяла принесенный Ленкой табель.

– Я ухожу от тебя, – объявил папа.

– Куда? – спросила мама, просматривая оценки.

– Совсем. От тебя ухожу.

Ответ был традиционен, но что-то в папином голосе насторожило маму. Она отложила табель и посмотрела папе прямо в глаза.

– Почему ты уходишь?

Папа отвернулся и молчал.

– Ты уходишь к ней? – тихо спросила мама.

Не поворачиваясь, папа утвердительно дрыгнул головой.

Я знал, кто такая она. Это была соседка с пятого этажа Эля Глотова, которая на афишах именовалась Эльвирой Глотье. Она работала акробаткой и ещё чем-то жонглировала. Зимой и летом ходила в обтягивающем свитере, из-под которого выпирали все её формы. Последнее время я часто видел папу, беседовавшего с Эльвирой: ему, художнику и шуплому, импонировали её сила и мощь. И вот теперь он...

– Что ты возьмёшь с собой? – спокойно спросила мама.

– Ничего. Мебель и ковёр я оставляю вам. Свои вещи тоже. Выходной костюм и свитера можешь продать – получишь деньги.

– В чём же ты будешь ходить?

– На работу в этом пиджаке и этих брюках, они после чистки, как новые. А дома... – Он запнулся и исправился – ...а у неё – в спортивном костюме, она мне отдаст свой старый.

Он уложил в «дипломат» весь свой джентльменский набор, закрыл его, дошёл до дверей, постоял, обернулся, посмотрел на меня и на Ленку.

– Вы проводите меня?

Я насупился и молчал.

– Тебе же недалеко, всего один этаж! – буркнула Ленка.

– Хорош итог: дети отказываются проводить отца в последний путь!

– Я провожу тебя, – предложила мама.

В папиных глазах блеснула радость. Секунду он колебался, потом хрипло выдал «не надо» и выскочил за дверь.

Мама молчала.

– Напиши его маме, брату, всем его родственникам,
– предложила Ленка. – Ему станет стыдно, и он вернётся.

Мама покачала головой.

– Это не поможет. Здесь уже никто не поможет.

– А дед Мороз? – спросил я.

Мама рассмеялась, притянула меня к себе и заплакала.

Мой детский садик находился во дворе, перед нашими окнами. Поэтому меня туда не провожали, я сам бегал. Только на утренники меня всегда сопровождала мама. На этот раз, увидев в зеркале свои заплаканные глаза, попросила:

– Пойди сам. Ты ведь уже большой.

К нам всегда приходил один и тот же дед Мороз, грузный, нескладный, с одышкой. Он обслуживал все детсады нашего района. Мой садик находился в конце его маршрута, он прибегал к нам всегда с опозданием, потный и растерзанный. Его посох цеплялся за бороду и болтался до тех пор, пока борода не отваливалась вместе с ним.

В день, когда папа насовсем ушёл от мамы, деду Морозу особенно не везло: это был седьмой, последний утренник, на улицах навалило много снега, ходить было тяжело, он несколько раз падал, зверски устал, еле передвигал ноги – поэтому танцевал сидя. Бороду где-то потерял, вместо неё ему подклеили кусочек кроличьего меха. Мех был серый, выделялся на фоне ватной шубы – всем сразу было видно, что с возрастом дедушка стал чернеть.

Снегурочка развязала мешок. Измочаленный дед нагнулся за подарками, но разогнуться уже не смог: его прихватил радикулит. Так он и просидел до конца утренника, согнувшись над мешком, из которого Снегурочка выдёргивала подарки и вручала их детям. Дед Мороз натужно улыбался каждому, посыпал его конфетти и виновато сообщал:

– Заболел ваш дедушка.

Когда праздник закончился и все разошлись, я, уже одетый, заглянул в зал и увидел такую картину: Снегурочка

упёрлась своему партнёру коленом в позвоночник и напряжённо тянула его за плечи. Дед Мороз со скрипом распрямился.

– Всё! Теперь добредёшь сам. А мне ещё за внуком ехать! – Она глянула на часы, потом чмокнула деда в кроличью бородку. – Счастливого Нового года! – И умчалась.

– Дедушка, пойдём к нам, – предложил я.

– Нет, мальчик, дедушка Мороз поедет к себе в лес и ляжет отдыхать в сугроб.

При этих словах он дёрнулся, и зубы его застучали – это он представил себя лежащим в сугробе.

– Пойдём, – настаивал я, – ты ведь должен всем помогать, а у меня мама плачет. – Дед Мороз, уняв зубную дрожь, внимательно посмотрел на меня. Чтобы его окончательно убедить, я добавил. – Мы рядом живём, во дворе. Чаем тебя напоим, с малиновым вареньем.

Этот дед Мороз обладал очень развитым воображением: я увидел, как он мысленно проглотил варёную малину, и как по его телу разлилось тепло от будущего чая. Он решительно взял меня за руку и сказал:

– Веди!

Мама не могла скрыть удивления.

– О, кто к нам пришёл!

– Извините... Я не сам... Это ваш мальчик.

– Очень хорошо, что пришли. Снимайте шубу.

– Нет, нет, нельзя! – он попытался незаметно кивнуть в мою сторону, давая понять, что не может разоблачить сказку: он по наивности думал, что я всё ещё верю в его лесное происхождение!

Выпив чаю с малиной, дед Мороз окончательно раскис. Глаза его слипались, он растягивал веки пальцами. Его знобило. Очевидно, ко всему он ещё и простыл.

– Я вас в таком состоянии не отпущу, – сказала мама. – Ложитесь и поспите, хотя бы часок.

Она бросила на тахту плед и подушку. Дед Мороз был не в состоянии сопротивляться. Бормоча слова благодарности, он повалился на тахту, как стоял, в шубе, в

шапке, и сразу захрапел. Мы с Ленкой стянули с его ног валенки и накрыли его пледом.

Прошло два часа. Дед спал глубоким сном ночного сторожа, не повернувшись, не пошевелившись.

И тут вошёл папа.

– Что это? – изумлённо спросил он, указывая на храпящего мужчину в шубе, в шапке, с кроличьей бородой. Мы молчали. Папа повторил свой вопрос. – Я могу узнать, кто это спит в моём доме?

– Это уже не твой дом, – тихо сказала мама.

Папа чуть растерялся.

– Допустим. Но мне обидно: стоит только выйти, как уже кто-то лежит! – Он подскочил к тахте и стал трясти деда за плечи. – Товарищ!.. Товарищ господин!.. Пора вставать!

Дед испуганно вскочил, не понимая, где он и что с ним. От испуга задекламовал:

– Я весёлый дед Мороз, я подарки вам принёс... – Потом посыпал папину голову конфетти и поздравил его. – С Новым годом!

Окончательно проснувшись, застеснялся и стал поспешно натягивать валенок.

– Это просто чёрт знает что! – возмутился папа. – На минутку выйдешь к соседям – в доме сразу появляются нахальные деды Морозы!..

– Я – не нахал, я – из фирмы «Радость» – оправдывался дедуля, натягивая второй валенок.

Мама протянула ему банку с вареньем.

– Это вам новогодний подарок. Придёте домой, попарьтесь в ванне, ложитесь под тёплое одеяло и пусть жена даст вам в постели выпить чай с малиной.

– У меня нет жены. А за подарок спасибо. – Дед Мороз взял баночку, поклонился маме и направился к дверям.

– Может, останетесь с нами встретить Новый год?

– Нет, нет, благодарю. Дед Мороз должен вернуться в свой лес и спать в сугробе. – Он улыбнулся мне, подмигнул и вышел.

– Он ещё и холостой! – продолжал возмущаться папа, вытряхивая из волос конфетти.

– Тебе что-то нужно? – спросила мама.

– Я забыл молоток.

Мама принесла ему любимый инструмент. Но папа не уходил. Он потоптался у двери, потом решительно вытащил из «дипломата» большую коробку конфет и протянул её маме.

– Я вспомнил, что не поздравил тебя с Новым годом. Это дорогие конфеты, девяносто рублей коробка, называются «Теремок».

– За эту цену они могли бы называться «Небоскрёб», – сказала мама, раскрывая коробку. – Угощайся.

– Спасибо. – Папа взял одну конфету и проглотил её не разжёвывая. – Я хочу погулять по улицам. Кто пойдёт со мной? – спросил он, отвернувшись от мамы, глядя в нашу сторону. Мы молчали. Папа не уходил. Молчание затянулось.

– Придется мне пойти с тобой, – сказала мама и начала одеваться.

Я подошёл к ней и тихонько прошептал:

– Видишь, дед Мороз всё-таки помог.

Мама притянула меня к себе и стала целовать, но уже не плакала, а смеялась.

Александр Матлин

По следам святого Наума

Утром 15 апреля 2056 года я, как обычно, включил компьютер и узнал, что сегодня мне исполнилось 120 лет. Я узнал это из электронного письма президента США, адресованного лично мне. Конечно, письмо было создано автоматически и так же автоматически послано компьютером Белого дома, но всё равно оно производило радостное впечатление. Президент обращался ко мне по имени, как к старому другу. Он в самых тёплых тонах, поздравлял меня с днём рождения и с подробностями, доступными только мощному правительственному компьютеру, перечислял мои заслуги перед государством. Далее президент напоминал, что я родился под счастливой звездой, потому что день моего рождения совпадает с самым прекрасным днём в году – днём отправки налоговых отчётов.

«У меня есть для вас ещё одна хорошая новость, – писал президент в заключение. – Как вам, наверное, известно, людям старше ста лет каждые десять лет отчисляется налоговый кредит в размере двух миллионов долларов. Это деньги вы можете тратить по своему усмотрению, и они не облагаются дальнейшими налогами. Ещё раз поздравляю с заслуженным столетием и желаю долгих лет жизни на благо нашего правительства и нашей единственной, самой демократической партии!»

Одновременно пришло электронное послание от федерального налогового управления. Это был мой налоговый отчёт. Он занимал одну неполную страницу. После общих сведений обо мне следовал мой доход за истёкший год. Далее он умножался на 0,9, и это составляло мой налог. В конце страницы помещались два квадратика.

Около одного из них было написано «Согласен», около другого – «Не согласен». Мне предлагалось «кликнуть» на один из квадратиков. Примечание, написанное мелким шрифтом, напоминало, что мне предоставляется свобода в выборе квадратика, но в случае, если я «кликну» на квадратик «Не согласен», я буду привлечён к уголовной ответственности за уклонение от платы налогов.

За окном благоухала глициния, галдели птички, и ласково сияло тёплое апрельское солнце. Я кликнул на квадратик «Согласен», и мой отчёт ушёл в налоговое управление. Одновременно на экране появилось сообщение о том, что на мой счёт в банке перечислен именной налоговый кредит в размере двух миллионов долларов. Это тоже было отрадно, как сияние весеннего солнца. Два миллиона не такие уж большие деньги, но вполне достаточные на полугаллонную банку мороженого.

Раздался звонок, и мой компьютер идентифицировал Зелика.

– Привет! – сказал я, кликнув мышкой.

На экране засветилось счастливое лицо Зелика.

– С днём рождения, старик! – закричал он. – Ты великолепно выглядишь! Прямо – словно мой ровесник! Как мы будем отмечать твой юбилей?

Зелик моложе меня, ему всего сто восемнадцать лет. Так что, это был приятный комплимент.

– Заходи, старик, – сказал я. – У меня есть бутылка лимонада. Разопьём на радостях. Ещё могу угостить мороженым; я сегодня получил налоговый кредит от дяди Сэма.

– Отлично! – сказал Зелик. – Значит, гульнём.

Он появился часа через два, радостный, розовощёкий, с коробкой, перевязанной голубой ленточкой. В коробке оказалась пара шерстяных носков. Это был роскошный подарок, как раз то, что мне было нужно. Конечно, до зимы было далеко, но в нашем возрасте время бежит быстро. Мы сели за стол, и я разлил лимонад по рюмкам.

– Будь здоров и весел! – сказал Зелик. – Я бы хотел в твоём возрасте выглядеть, как ты. Молодец!

Он залпом осушил рюмку и причмокнул от удовольствия. Это был лимонад Президентский, самый лучший, какой можно было найти в окрестных супермаркетах. После этого Зелик подмигнул и сказал фальшиво громким голосом:

– Прекрасная погода! Не хочешь ли прогуляться?

Это значило, что он хочет что-то сказать мне по секрету и, на всякий случай, остерегается говорить в помещении.

Было самое лучшее время года. Цвели азалии, магнолии и ещё что-то белое и сиреневое, источавшее аромат необыкновенного свойства. Мы прошли несколько кварталов по нашему ухоженному пригороду и вышли к парку, через который протекал ласково мурлыкающий ручей.

– Ну что, – сказал Зелик, – заплатил налоги?

– Разумеется. Так же, как и ты.

– И что осталось?

– То же, что у тебя. Шиш с маслом. Но я не жалуясь. На хлеб с маслом хватает.

– Теперь слушай, – сказал Зелик и оглянулся. – У меня есть идея, как не платить налоги. Понимаешь? Не уменьшить, а вообще не платить.

– Зелик, ты рехнулся! Не иначе, как в тюрьму захотел.

– Ты меня не понял, – сказал Зелик. – Моя идея – как не платить налоги на законном основании. Сейчас объясню. Государство не может заставить тебя делать то, что запрещает твоя религия. Например, баптистам религия запрещает брать в руки оружие, и поэтому их не призывают в армию. Понимаешь? А если религия запрещает платить налоги?

– Ты знаешь такую религию?

– Нет. Но мы её создадим.

Зелик посмотрел на меня счастливым взором. В его глазах сияло торжество победителя. Некоторое время мы молчали. Зелик ждал моей реакции, а я пытался понять то главное, чего до сих пор не понял, несмотря на девяносто лет знакомства с Зеликом: он идиот или просто гений?

– Не считай меня идиотом, – сказал Зелик. – Я всё продумал. Понимаешь, каждая религия – это ответвление от какой-то ранее существовавшей религии. Мормоны откололись от протестантов. Протестанты откололись от основного христианства. Христиане откололись от иудеев. А мы с тобой отколемся от евреев-реформистов. У всех есть свой святой. У мормонов, например, Джозеф Смит. А в нашей религии будет святой Наум Шапиро.

– Кто такой Наум Шапиро?

– Наш святой. Это я ему такое имя придумал. Он жил в двадцатом веке в штате Нью-Джерси. Подробности его биографии мы доработаем по ходу дела. Но самое главное я уже знаю. Однажды в Нью-Джерси что-то такое значительное громыхнуло, пошёл дым, и Наума Шапиро озарило. И он написал священную книгу, в которой излагаются законы нашей религии. По этим законам, самый большой грех – платить подоходный налог. Человек, который платит налоги, будет вечно гореть в аду. Я уверен, что у нас будут последователи.

Я подумал, что Зелик, пожалуй, скорее гений, чем идиот, и мы приступили к делу. Тут же в парке мы присели на скамейку и набросали оглавление священной книги Наума Шапиро и план начальных действий.

– погоди, – сказал я. – Тебе не кажется, что сначала надо придумать название нашей религии?

– Не надо, – сказал Зелик. – Я уже придумал: Шапирианство.

Мы продолжили. Нашей главной задачей была регистрация Шапирианства как официального религиозного направления в федеральном агентстве под названием ГИДРА – Государственный Институт по Делах Религий и Атеизма. В перспективе также намечались публикация священной книги, поиск и назначение главного священнослужителя, наместника Наума Шапиро на земле, и строительство кафедрального храма Святого Наума.

– Пока хватит, – сказал Зелик. – Я проголодался. Завтра продолжим.

На следующий день он появился у меня ни свет ни заря. Мы наспех выпили по чашке кофе, я сунул в карман

свёрнутый в трубку компьютер, и мы отправились в парк. Там мы нашли свободную скамейку – на всякий случай, подальше от той, на которой сидели вчера.

– Кстати, – сказал я. – Кто мы с тобой теперь? Шапирианцы? Шапириане? Шапирцы? Как будет называться человек, исповедующий нашу религию?

– Наш, – сказал Зелик. – Он будет называться НАШ.

– Не валяй дурака. Разумеется, он нам не чужой.

– Ты меня не понял, – сказал Зелик. – НАШ – это инициалы основателя нашей религии: Наум Аронович Шапиро.

Целый день мы сочиняли заявление в Гидру, следуя инструкции, которую нашли в интернете. Заявление получилось длинным, но зато оно исчерпывающе отвечало на все вопросы инструкции. Мы объяснили, что Шапирианство вмещает в себя нравственные устои всех религий, не накладывая при этом почти никаких запретов на своих верующих. Единственное, что Шапирианство считает аморальным и категорически запрещает, – платить подоходный налог.

С помощью компьютера мы нарисовали портрет Святого Наума. На шее у Наума висел могоновид, в ушах – крестики, а в носу – полумесяц. Это был коротко стриженный мужчина с правильными, слегка семитскими чертами лица, Украшения в ушах и в носу намекали на то, что ему не чужды альтернативные виды секса.

– погоди, – сказал Зелик. – Ты уверен, что он должен быть похожим на еврея? Ведь он откололся от еврейства.

– Ты прав, – сказал я, и мы поправили портрет Святого Наума, придав его лицу слегка антисемитские черты.

Мы совсем было, собрались отправить заявление, как вдруг меня, пронзила страшная мысль.

– Старик, – сказал я. – А ты подумал о женщинах?

Зелик оторопело посмотрел на меня. В его глазах замелькал испуг, смешанный с напряжением мысли.

– Молодец, – сказал он. – Смотришь в корень.

И с присущей ему гениальностью развил мысль:

– Значит так, Женщины играют первостепенную роль в идеологии Шапирианства. Вместе с Наумом Шапиро основательницей нашей религии была его жена, Нина Андреевна Шапиро-Андропова. Поэтому женщина, исповедующая Шапирианство, будет называться НАША – по её инициалам.

С помощью компьютера мы тут же изобразили портрет Нины Андреевны, сохранив крестики, могоновид и полумесяц, и заменив мужское лицо на женское. Оба портрета мы приложили к заявлению.

Ответ пришёл на следующее утро. В историю канули бюрократия и волокита. Все заявления граждан теперь рассматривал государственный компьютер. Он же принимал решения и немедленно извещал об этом граждан. Полученный нами ответ вежливо сообщал, что Гидра рассмотрела наше заявление, но зарегистрировать Шапирианство как официальную религию не может, поскольку для этого требуется, чтобы её исповедовали как минимум пятьсот тысяч человек. Нас пока было двое.

– Не горюй, – сказал Зелик. – НАШи не сдаются.

Мы пошли в парк, развернули компьютер и отправили электронное письмо двадцати друзьям и знакомым. В письме мы коротко объясняли основные принципы Шапирианства, самой прогрессивной религии, которая, не накладывала никаких обязательств, но освобождала от налогов. К вечеру нас было уже двадцать два. При этом каждый из двадцати неопитов-шапирианцев переслал наше письмо ещё двадцати друзьям и знакомым. На следующее утро к нам прибавилось ещё четыреста человек. Через три дня число наших последователей перевалило за пятьсот тысяч.

Мы снова послали в Гидру заявление о регистрации, на этот раз не сомневаясь в успехе. Как и в прошлый раз, ответ пришёл на следующее утро. Он извещал, что Гидра всё ещё не может зарегистрировать Шапирианство как официальную религию, поскольку для этого требуется, чтобы её исповедовали как минимум один миллион человек. Это новое правило, говорилось в письме, было вчера принято Конгрессом.

– Ну что, – сказал я, – переходим обратно в иудаизм или будем набирать миллион?

– Не поможет, – вздохнул Зелик. – Если мы наберём миллион, закон изменится на два миллиона. Это – как движущаяся мишень.

В конце письма Гидры было четыре квадратика с надписями: «Согласен», «Не согласен», «Протестую» и «Не протестую». Их можно было пометить в любом сочетании, например: «Не согласен, но не протестую» или, наоборот, «Согласен, но протестую». Мы кликнули на «Не согласен» и «Протестую», и стали ждать, что будет дальше. Вскоре на экране появился вопрос: хотите ли вы лично встретиться с представителем Гидры?

– Ага! – сказал Зелик. – Открываются новые возможности.

Мы кликнули «хотим», и на экране появился вопрос: на каком языке мы хотим разговаривать с представителем Гидры? Мы ответили: по-русски. Компьютер некоторое время задумчиво пощёлкивал, и, наконец, выдал уведомление. Встреча с представителем была назначена на завтра в полдень.

Мы тщательно подготовились к встрече: надели парадные костюмы и повязали галстуки патриотических цветов. Без десяти двенадцать мы включили компьютер. Ровно в полдень компьютер пискнул, и на экране появилась крупная негритянка с необъятным бюстом и толстой русской косой, переброшенной через плечо.

– Добро пожаловать в Государственный Институт по Делах Религий и Атеизма, – сказала негритянка по-русски красивым грудным голосом. – Меня зовут Наташа Охаповна. Чем я могу вам помочь?

– Здравствуйте, – сказал Зелик.

– Здравствуй, жопа новый год, – сказала Наташа Охаповна грудным голосом.

– Извините?

– Вы пришли в русский отдел, – сказала Наташа Охаповна. – Вот я и говорю по-русски. Чем я могу вам помочь?

– Ваше агентство отказало нам в регистрации Шапирианства как официальной религии, – вежливо сказал Зелик. – Мы желаем опротестовать это решение.

– Это правильно, – сказала Наташа Охаповна. – Наше агентство одобряет протесты. Как говорится, протестуй – не протестуй – всё равно получишь...

– Знаю, знаю, – перебил Зелик. – Но у нас есть основания. Видите ли, наша религия уже насчитывает два миллиона членов.

– А женщин? – спросила Наташа Охаповна.

– Столько же. В общей сложности, четыре миллиона. Это больше, чем у многих других официально зарегистрированных религий.

– Ишь ты, – сказала Наташа Охаповна. – Как говорится, прямо не в рот, а в глаз.

– Не в бровь, – поправил я.

– Ну, и не в бровь тоже, – согласилась Наташа Охаповна. – Я что, против?

– Не в бровь, а в глаз. Это такая поговорка, – сказал я.

Наташа Охаповна нахмурилась.

– Не в бровь, не в рот, какая разница? – сказала она с явным раздражением. – Главное – чтоб не в глаз.

– Вы совершенно правы – сказал Зелик, пнув меня ногой под столом. – Шапирианство тоже утверждает, что главное – это не в рот, а в глаз. Как насчёт регистрации?

– Эх, ребята, ребята, – вздохнула Наташа Охаповна. – Вас много, а я одна. Вы-то, вообще-то, откель будете?

– Это мы-то? – сказал Зелик, нажимая на «о», чтобы понравиться Наташе Охаповне. – Мы-то, вообще-то, Оклахомские.

– Ну, ладно, – согласилась Наташа Охаповна. – Как говорится, на безрыбье и вобла станет раком.

– Ну, ты, бля, даёшь, Охаповна! – сказал Зелик, чтобы понравиться ей ещё сильнее. – Ну, прям, бля, кладезь мудрости!

– А хули ж? – скромно потупившись, сказала Наташа Охаповна, явно польщённая комплиментом. – Ну ладно,

ребята. Религию вашу мы, пожалуй, зарегистрируем. Как она называется?

– Шапирианство, – хором сказал мы с Зеликом.

– Шапирианство, – повторила Наташа Охиповна. – Хорошее название. Надо записать, чтоб не забыть. Дня через три получите официальное уведомление. Спасибо, что посетили Институт по Делах Религий и Атеизма. Имейте хорошего вечера.

Экран погас, и мы с Зеликом бросились в объятия друг другу.

– Поздравляю, старик! – сказал Зелик, сияя от счастья. – Мы выиграли. Начинай копить деньги на поездку на Мачу Пичу.

Число последователей Святого Наума продолжало расти, и в течение следующих двух дней достигло пятидесяти миллионов, перегнав все остальные религии. В Шапирианство переходили все подряд – мормоны, евангелисты, ортодоксальные евреи и мусульманские фанатики. Особенной популярностью наша религия пользовалась среди воинствующих атеистов. Выступая на очередной сессии ООН, президент США гордо объявил:

– Америка всегда была, есть и остаётся страной Шапириан, а также прочих мелких культов!

Его слова были встречены бурными овациями. Члены ООН в экстазе вскакивали со своих мест и выкрикивали:

– Азохен акбар! Смерть Израилю!

На третий день, как было обещано, мы получили официальное уведомление. Оно гласило:

«Государственный Институт по Делах Религий и Атеизма сообщает, что отныне Шапирианство является официально зарегистрированной религией. В соответствии с нравственными устоями этой религии, люди, исповедующие её, освобождаются от подоходных налогов».

– Наливай! – сказал Зелик, задохнувшись от гордости.

Я полез в холодильник за бутылкой лимонада, но тут компьютер пискнул снова, и на экране появилось

правительственное сообщение о новом законе, принятом Конгрессом США. Закон гласил:

«В целях сохранения баланса государственного бюджета, зарплаты, пенсии и прочие доходы граждан, исповедующих Шапирианство, сокращаются на 90 %. Кроме того, учитывая высокую нравственность этой религии, все её последователи отныне обязаны делать добровольное пожертвование государству в размере двух процентов от своего дохода».

Экран погас. Я посмотрел на Зелика и испугался. Лицо его стало серым, как пыль, и на его фоне тускло дрожали побелевшие губы. Я сказал:

– Брось, старик, не расстраивайся. Как-нибудь проживём.

– Ты не понимаешь, – глухо сказал Зелик. – Теперь пятьдесят миллионов наших захотят нас убить.

– Может, подадимся в католики?

– Ничего не выйдет, – сказал Зелик. – Ты не дочитал до конца. По новому закону, религию можно менять не чаще одного раза в пять лет.

– Тогда бежим в Мексику.

– Исключено. Мексика уже давно не даёт визы американцам, а тех, кто пытается перейти границу, стреляют на поражение.

Я вспотел. Несколько минут мы молчали, пытаясь постичь непостижимый ужас ситуации. Компьютер опять пискнул и высветил два письма, адресованные нам обоим. Первое было приглашением в Белый дом на торжественный полдник, посвящённый вкладу Шапирианства в культуру и экономику Соединённых Штатов. Второе письмо извещало, что против нас возбуждено уголовное дело за противозаконную пропаганду не зарегистрированной религии.

– Бред какой-то, – сказал я. – Явная ошибка. Наша религия зарегистрирована. У нас есть официальное извещение от 25 апреля.

– Читай внимательнее, – сказал Зелик, ткнув пальцем в экран.

Я прочёл: «за противозаконную пропаганду не зарегистрированной религии в период с 15 по 25 апреля».

Далее нас ставили в известность о том, что дело против нас не только возбуждено, но уже и завершено. Мы приговорены к десяти годам тюремного заключения.

«По окончании торжественного полдника, – говорилось в письме, – вы будете перевезены из Белого дома в федеральную тюрьму округа Колумбия. Советуем взять с собой зубную щетку и пару тёплых носков».

– Поздравляю, старик, – сказал Зелик, повеселев. – На следующие десять лет нам обеспечена безопасная жизнь на полном государственном обеспечении. И мы будем освобождены от налогов. Старик, это победа!

Мы разлили лимонад по рюмкам и выпили за наше светлое будущее.

New Jersey
June 2010

Елена Матусевич

Лето в раю

Рассказы

Похороны Цветкова

ил Цветков. Был он не старый, не молодой. Помер. И было тогда очень жарко.

Процессия движется медленно, вязко. Впереди гроб с покойником, венки, хоть и лето, искусственные, с едко-сиреневыми цветами и толстыми пластмассовыми листьями. Жена Цветкова голосит страшно. Пыль по обочинам, все в пыли. У несущих гроб зятьев со лбов капает пот. Жарко. Вся деревня, кроме бабы Сани, растянулась за гробом. Баба Саня – горбунья, ей необязательно. Нам тоже не обязательно, мы — городские, ее постояльцы. До революции Баба Саня была Бусиной няней, прабабушка взяла горбунью из христианского милосердия. По выражению Буси, она «была нам многим обязана». Поэтому теперь Баба Саня взяла нас к себе «на воздух», правда за деньги. К тому же, скупаемая благодарностью, она изводила Бусю работой по хозяйству. Я помогать отказывалась, потому что меня не так воспитали, и у меня был чертов характер. Буся мучилась, но терпела ради воздуха для внучки.

В деревне у меня открылся редкий дар ловко вытаскивать клещей у деревенской живности. Ко мне целыми днями водили покрытых клещами собак, свиней и коз. Все животные стояли смиренно, тихо, замерев. Клещи не такая уж напасть, и приводили животных только тогда, когда кровопийцы явно докучали беднякам. Помню один случай собачьей благодарности. Это был коротколапый, мохнатый, запуганный песик Мальчик с хвостом

загогулиной. Помню имя его меня поразило, так в городе не называют. Клещей на нем было навешано, наверное, больше тридцати, и после своего избавления, когда оказалось, что у Мальчика два глаза, он везде бегал за мной, оставаясь на расстоянии, но неизменно неподалеку.

Моя жизнь приобрела высокий смысл борьбы с клещами, которые, до моего благотворного вмешательства, обнаглели так, что висели на несчастных песьих и овечьих носках и веках голубоватыми гирляндами. Мое искусство поражало деревенское воображение, а Буся уверяла, что мое бесстрашие с клещами было «в отца», что придавало мне еще прыти, так как это было первое не совсем плохое, что я о нем узнала. Я гордилась, ребенку же было бы за что уцепиться. До этого отец мне рисовался неким Бармалеем, который не мылся, не брился, был «на самом деле некрасивым», скрывал свой скошенный подбородок под несвежей бородой и ел грибы прямо с червяками. Потом я узнала, что еще он умел и любил ставить банки. Но эта черта не нашла во мне продолжения. Не все коту масленица.

Мои контакты с клещами и их жертвами обходились, в общем, без травм, чего нельзя сказать о людях. Только один раз меня клюнул в ногу неблагодарный петух и так больно и сильно, что след и ужас перед петухами остались у меня на всю жизнь. Зато моя репутация клещевыводительницы («Любого, б..., вытащит!») привела к моему более тесному общению с деревенскими жителями и особенно жительницами, которые делились со мной интереснейшими подробностями из взрослой жизни. После похорон, например, мне доверительно рассказывали, что из-за жары покойник-то совсем протух, и что нести его была сушая мука: последние шаги зятя почти бежали, несмотря на тяжесть. Когда, однако, гроб стали опускать в могилу, вдова, с воплями «кормилец ты мой!» и «пустите меня!» потребовала зарыть ее вместе с покойным, и упорно порывалась прыгнуть за гробом в могилу. Ее удерживали, но она, как с уважением повторяли очевидцы, «сильно билась». Когда я выразила изумление такой великой любовью, меня подняли на смех. «Кормилец» был жестоким пьяницей, а тетя Катя, жена его, нарадоваться не могла, что его, наконец,

Бог прибрал. Над могилой поставили красную звезду, потому что Цветков воевал.

Сразу после похорон Буся не выпускала меня из дому: в деревне справляли поминки. Эта мера не помогла, так как и в последующие дни деревня продолжала смаковать недавнее событие, извлекая из него все новые развлечения. К тому же дом покойного «весь провонял» и дух доносился даже со двора. У Цветкова была уже внучка, годика четыре. Главная потеха заключалась в том, чтобы по нескольку раз в день задавать ей один и тот же смешной вопрос: «А что твой дедушка в гробу делает?» Когда доведенный до слез ребенок отвечал «спит», спрашивающие радовались как дети и настойчиво требовали отнести дедушке покушать, стыдя девочку, что ей не жалко голодного дедушку. Первозданная свежесть народного юмора не притуплялась целую неделю, пока девочке не объяснили, что дедушка никак не может быть голодным, и его давно уже самого едят червяки. В отличие от меня, девочку это объяснение успокоило. Кто же в деревне боится червяков? А вот вечно голодный дедушка, от которого и при жизни не было житья...

От хозяйек моих пациентов я также узнала, что сын бабы Сани, «неизвестно с кем прижитой», сидел за пьяное убийство, а до того бил и ее, и жену; что в деревне Саню не любили за скупость, и что заставлять Бусю на себя работать, и при этом с нас еще и деньги драть, было «бесстыдно». Саню я возненавидела окончательно, и скандалы изводили Бусю хуже огорода. К тому же Саня истово ненавидела балет, ставший, по таинственному стечению исторических обстоятельств, излюбленным искусством рабоче-крестьянского режима. Она называла его срамотой, удивлялась, что такое показывают по телевизору, и когда «срамные мужики, которым больше делать нечего», начинали «скакать в телевизоре без порток», бросалась к экрану и закрывала скачущие срамные места ладонью. Буся, бывшая балерина, смеялась до слез. Я грубила.

С утра я убежала из дома, подальше от душевной низкой избы, с вездесущими тремя богатырями в вечном дозоре на Саниной стене (я до сих пор помню все детали сбруи их богатырских коней), и проводила целые дни на

скотном дворе в эскулапских трудах и в компании Мальчика. Вскоре Буся не выдержала свежего воздуха, и мы уехали много раньше, еще до середины августа. После приезда, уже в городе, обнаружилось, что в меня, в самую середину позвоночника, впился клещ. Никто не мог его вытащить. Оторвут тело, а головка останется, и все начинается сначала. Потом он сам отвалился, от обжорства.

Весенний день

У одной женщины умер сын. Был и нету. Что еще сказать? На похоронах и то не знали, что сказать, чего там. Ничем не интересовался, ни с кем особо не дружил, работать ему было лениво, учиться ему было никак. Учителя говорили, что не старался. Мозги мутные, глаза пустые, мало ли таких? В училище тянули, дотянули, вытянули. Контрольные за него написали, не чаяли, как отделаться. Отделались. А он, на тебе, с собой покончил. Сдуру, что ли?

Мать по справочнику церковь нашла, приехала. В черном, конечно. Плачет. На дороге нашли, на третий день. Понимаете? Пуля в голову. Девятнадцать лет. Понимаете? Священник молчит. Не понимает. Он обязан ее жалеть и у него на лице мука. Мука не ее, а его. Он не знает, что сказать, ему жарко в черной рясе, и он не дождетя, когда она уедет. Мы все не дождемся. Вокруг них пусто, будто круг очерчен.

Она поняла, уехала. Как все оживились.

– Вы слышали?

– Слышали.

– Совсем молодой!

– Ужас!

– С чего это он?

– Никто не знает.

– Сдуру?

Нет, не похоже. Если бы люди кончали с собой от глупости, то суицидов было бы гораздо больше, а дураков гораздо меньше, чего нет. Глупость – залог душевного здоровья и долголетия. А он вот так.

Жил бы себе, поживал, как все. Может, сел бы, может, спился, а может, и нет. Может, и ничего бы. Живут же люди. И не такие живут. А там, глядишь, лет через шестьдесят, и умер бы, как положено, от рака предстательной железы или там прямой кишки, милое дело. А он вот так, не стал дожидаться. В такую погоду.

Погода весенняя. Мальчик принес маме букет, да только самые головки оборвал. Что с него возьмешь? Маленький. Маме жалко цветочки, такие красивые. Как же их теперь в вазу поставить? Мама гладит цветы и сыночка.

– Лето, хорошо-то как!

– И не говорите.

Лето в раю

Многое говорят теперь про Эстонию. Эстонцы то, эстонцы это. Может быть. Не знаю. Нам там было хорошо. Как в сказке. Жили мы, я и Буся, в маленьком городке, почти поселке, Синди, недалеко от Пярну. Городок был полностью эстонский, русских семей, даже дачников, совсем мало. Это было мое первое столкновение с чужим языком, с тем фактом, что есть люди, моего языка не понимающие. Столкновение привело меня в восторг, в котором я нахожусь до сих пор: восторг от звуков чужой речи, которую можно и хочется освоить, и восторг от именно этого языка, эстонского. Кажется, ничего нельзя выдумать милее, мягче, и пленительней его тягучих, ласковых звуков. Когда, сравнительно недавно, мы с мужем ездили по местам моего детства, он, услышав в машине политические дебаты по эстонскому радио, решил, что это репетиция музыкального спектакля. Эстонский язык удлинняет и растягивает гласные даже у иностранных слов вроде keefir и šokolaad. Кое-какие слова еще остались в моей памяти, и я перебираю их как засушенные цветы, все еще издающие аромат при прикосновении: küülik (кролик), tule siia (иди сюда), aitüma (спасибо), tere (привет), ole lahke (пожалуйста), piim (молоко), tilluke (маленький), kohvik (кафе).

О, этот kohvik, который мы неправильно называли «кофиком»! Ты стал для нас окном в Европу. Не столовая с

липкими подносами, не закусовая с гнутыми тюремными ложками, не стоячая пельменная с алкашами по углам, а кафе — волшебное место со столиками, салфеточками, занавесками и цветочками на столах. Кассирша хрустела как наволочка из стирки. Полные сдержанного достоинства и холодной вежливости корректные официанты в **белом**, говорили тихо, почти шепотом. Впрочем, что они говорили, мы знать не могли, а по-эстонски все звучало для моего уха приветливо и утешительно. Тебе отвечают, что на завтрак остался только *vaagarim* (творог), а кажется, что тебе объясняются в любви. В *kohvik* мы ходили непростительно часто, не по средствам, но даже Буся, в Ленинграде принципиально не признававшая никакого общепита, даже ресторанов, слабела при виде заветного «кофика». Она, человек позапрошлого века, помнившая дореволюционные яства вроде загадочной визиги или стерляди, оттаивала и млела за крахмальными скатертями кофика, чувствуя там забытый, выбитый воздух добротной жизни. Чисто, вкусно, честно, вежливо, короче, немислимо. Здесь она отдыхала, здесь и больше нигде и никогда. Она была дама, леди. Тихое, природное достоинство ее выражалось во всем том, чему невозможно, к сожалению, научиться. В непреходящей грации жестов, безошибочно выбранном тоне, изысканной простоте речи и умении приятно, ненавязчиво молчать. Белая с головы до ног, от белых носочек и туфель до аккуратно уложенных белых химических кудряшек, Буся даже внешне походила на эстонку. И они, сдержанные жители Синди, не жаловавшие русских, оценили ее по достоинству. Как она любила говорить: «Относились к нам хорошо. Плохого не скажу». В Синди между ней и окружающей средой установилась гармония.

Даже на меня, с которой, по выражению маминой подруги, может гармонировать только извержение вулкана, Синди действовал целительно. Там и дети разговаривали друг с другом так тихо, что детские площадки выглядели как телевизор с приглушенным звуком. Собачьего лая, этого проклятия, тоже слышно не было. Собаки были иногда злые, но всегда воспитанные. Даже на животных никто не кричал. Голосом эстонцы пользовались в основном для пения хором.

На репетициях или на песенном фестивале, в своих, особенных для каждой деревеньки, костюмах. В общем, по словам мамы, после Эстонии со мной еще месяца три можно было иметь дело. Кроме того, воспоминание об Эстонии еще долго позволяло бороться с моими капризами: когда я не хотела что-то есть, меня уверяли, что это из Эстонии и обманутый ребенок, счастливый, готов был есть что угодно.

Мы снимали две комнаты на втором этаже в желто-коричневом игрушечном домике на улице Карья. На участке был садик, чистая насыпная дорожка. Позади дома, в глубине участка, были клетки и вольеры с кроликами. Домик утопал в цветах и напоминал мне, за отсутствием других ассоциаций, цветочный город из *Приключений Незнайки*. Хозяевами были пожилая пара Йохан и Эльза. Эльза говорила по-русски очень плохо, а Йохан, вроде бы, и совсем не говорил. Сказать что-либо с уверенностью было затруднительно, так как суровый эстонец почти не пользовался речью. Ходил он в серых штанах на подтяжках, в изношенной рубаше и огромных старых башмаках. Высокий, мрачный, угрюмый, он неприязненно смотрел на всех из-под бровей и проводил все свое время с кроликами за домом. К нему никогда никто не заходил. Иногда он пил, чисто по-эстонски, молча и одиноко. То есть запирался один с большой бутылкой самогонки. Потом ложился на тахту, и Эльза стаскивала с него башмаки. Поговаривали, что он воевал против советских, скрывался в лесах, был сослан в Сибирь. Русских он сильно не любил. Любил он, кажется, только кроликов. Эльза, добрая и сердечная, его боялась.

А я не боялась, теперь уж не помню почему. Целыми днями я пропадала с ним у кроличьих клеток, вертась под ногами, и наблюдая, как он меняет им подстилки и воду, чистит клетки, кормит, пересаживает. За лето я выучила достаточно эстонских слов, чтобы с ним объясниться, тем более что он никогда, ни трезвый, ни пьяный, не говорил более десятка слов в день. Первым словом было, конечно, küülik. «Кюлики» были от самых крошечных до огромных агрессивных самцов, которых и кормить-то надо было с осторожностью. Пятнистые, белые, рыжие, черные, серебристые, пушистые и не очень, особо длинноухие,

мордастые, изящные и приземистые. Я в них не чаяла души. Городской ребенок, лишенный даже кошки, я была заморожена лопухими существами, в большинстве своем кроткими и безропотными. Я брала их на руки, гладила, носила по саду. Йохан был недоволен, бурчал, но терпел. Моя преданность его любимцам делала свое дело, и постепенно Йохан стал разрешать мне менять зверушкам воду (vesi) и кормить (söötma). Я была горда, это была моя первая работа, в 8 лет! Втайне от всех я выяснила, что Йохан понимал и говорил по-русски. Тихо, сдавленным шепотом, давал он иногда необходимые указания и однажды сказал мне спасибо: спаасибоо. Он ни о чем не просил, но дети обожают тайны и доверие к себе, и я ни разу не обратилась к нему по-русски при других. В следующее лето доверие Йохана дошло до того, что однажды он оставил кроликов на мое попечение, а их были десятки, и смог, впервые за многие годы, куда-то поехать, кажется, к сыну. Эльза только руками разводила и качала головой. К кроликам ее муж в жизни никого не подпускал. Но факт остается: в девять лет я осталась за главную в кроличьем хозяйстве. Бусе, которой в моем возрасте, в гражданскую войну, пришлось пасти свиней и работать серпом в поле, даже в голову не приходило нервничать из-за моей странной дружбы со свирепым Йоханом, или моей ответственности за больше сотни кроликов у него в саду. А я, я была счастлива совершенно. Ответственность и самостоятельность опьяняли. Мне невыносимо зависеть от других и тягостно, когда зависят от меня, но уж лучше второе, чем первое. Степень свободы все же выше. Йохан знал, что мог на меня положиться.

Каждый день я совершала все те же манипуляции, что и он. Обходила вольеры, чтобы убедиться, что все кролики целы, мыла миски и меняла воду, кормила. Кормление было веселым. Кролики потешно шевелили усами мордочками и набивали толстые щеки, уминая траву или держа морковку передними лапками. Они меня давно уже узнавали и перестали забиваться в дальние углы, когда я открывала дверцу. Наоборот, теперь надо было следить, чтобы они не выпрыгнули. Самых любимых и

ласковых я брала из клетки и носила на руках. Теплые тельца прижимались к шее, нежные шелковые уши щекотали подбородок, круглые хвостишки жалостно дрожали под рукой. Я научилась справляться даже со злющим самцом чудовищных размеров. Чтобы он не успел укусить или разодрать руку задними ногами, его нужно было успеть молниеносно прихватить за уши и прижать к стенке одной рукой. Второй рукой надо было успеть кинуть ему еду и плеснуть воду. Следующий трюк заключался в умении выпустить его уши за полсекунды до закрытия дверцы. Когда операция была закончена, он всегда долго в бешенстве колотил о дверь лапами и грыз решетку. Йохан говорил, что он породистый. Хотя зачем собственно наш хозяин держал кроликов, мне и до сих пор неясно. Он их никогда не резал и не ел. В вольерах жило несколько старых самцов, с желтыми сношенными зубами, и Йохан кормил их натертой морковью.

Клетки, естественно, надо было периодически чистить от испражнений. Кроличьи какашки, черные блестящие шарики, не вызывали у меня никаких неприятных ощущений. Вообще, уход за животными, любимыми, даже свиньями, с которыми я столкнулась позже, никогда не вызывал у меня неприятных ощущений и не требовал усилий над собой. А вот когда мне пришлось ухаживать за больными в больнице, даже прикосновение к их коже вызывало тошноту. Вынос судна всегда требовал крайнего насилия над собой и заканчивался рвотой.

Но дело оказалось не в самих кроличьих какашках, а в том, что под ними образовывался теплый сопрелый слой, в котором тут же заводились черви. Я этого, конечно, не знала, и когда в первый раз откинула лопаткой черную горку и увидела под ней копошащуюся массу белых червей, я чуть не выронила кролика и убежала, не закрыв на щеколду дверцу клетки. К счастью, ни один кролик из нее тогда не выскочил. От отвращения меня всю трясло, по телу пошли судороги, подкашивались ноги и страшно мутило. Как всегда в такие моменты, мне казалось, что я вся покрыта червями, что они ползут по мне, шевелятся в ушах, на коже, в босоножках и в волосах. От этого я подсознательно

подпрыгивала и трясла головой. Человеку, не знакомому с такого рода фобиями, это трудно понять. Однажды мой одноклассник, на уборке школьной территории, в шутку сделал вид, что бросил в меня дождевым червем. Очнулась я только дома. Потом мне рассказали, что я бежала не разбирая дороги и чудом не попала под трамвай.

Не знаю, сколько я попрыгала и протряслась в саду, но оставить разворошенную горку кроличий какашек так было нельзя. Несчастливым лопухим пришлось бы сидеть и ходить прямо по живому белому ковру. И я пошла. Для них, для моих запуганных ушастых братьев, пошла я на немыслимую для меня и для всех, кто меня знает, поистине нечеловеческую жертву. Я вернулась и убрала вольер. Момент, когда я сгребла на лопатку и выбросила проклятую живую кучу, стал для меня тем, что называют моментом истины. Из сострадания и долга я сделала то, что не могу, то, что мне невозможно. Много лет спустя так было в больнице, где я вызвалась делать клизму брошенной старухе, погибавшей от многодневного запора. И старуха, и клизма, и таз, и больница, и рука медсестры в старухиной заднице, все это было мне омерзительно. Но старуху в спущенных поношенных чулках и заношенном платочке было жалче, и я стояла, сосредоточивая все силы, чтобы не стошнило прилюдно. Вопреки расхожему мнению, эти моменты никак не помогают в преодолении и даже в уменьшении степени испытываемого омерзения. Каждый раз надо начинать все сначала. Но тогда, в девять лет, я просто стала менять подстилку гораздо чаще, чем это делал Йохан, чтобы не доводить дело до червей.

Что запоминается ребенку? Мама уверяет, что приезжала к нам. Не помню. Почти не помню приезд отца. Если бы не фотографии, не помнила бы вовсе. Помню, что он катал меня на лодочке по речке Синди. Очень вяло помню приезд второй бабушки, громилы бабы Гали. Помню, что она храпом не давала нам спать, а также как она, следуя своему знаменитому «лучше в нас, чем в таз», при нас и остолбеневшей Эльзе съела совершенно тухлую, уже синюю куриную ногу. Ногу эту в трупных пятнах помню как сейчас. Буся не спала всю ночь, готовясь вызвать скорую, но

закаленный беспризорным детством желудок бабы Гали не среагировал. Помню, как баба Галя радовалась, что я ее дурой обозвала. Она увидела в этом ранний, но верный признак моей гениальности. Помню, как меня пчела укусила. Помню моих белоголовых друзей Лембидта и Калева, с которыми мы ходили купаться, и которые, наверное, превратились теперь в таких огромных дяденек. Помню, как на Ивана Купала весь городок рехнулся. Был огромный костер, дикие пляски, повальное пьянство, драки, поножовщина, и кто-то утонул. Но на следующий же день та же тишина, крахмальная кассирша, скатерти, белые официанты. А потом я пошла купаться в речку Синди и наступила на осколок разбитой на Ивана Купала бутылки и глубоко порезала палец на ноге. Какой-то мужчина нес меня в медпункт, а сзади тянулся кровавый след. Было совсем не больно, и мне нравилось ехать на закорках. Шрам остался до сих пор, я им дорожу. Шрам от лета, от Синди, от южной Эстонии. Скромная цена за первое счастье, подаренное нам маленьким вежливым народом, который всегда хотел и умел просто жить. Aitüma.

Елена Крюкова

Елена Тайчер-Минкина: жизнь прежде всего

то приятно удивляет в прозе Елены Тайчер-Минкиной – искрометная живость, ощущение прелести жизни. Одно из главных качеств настоящего писателя – своя, незаемная интонация. Этим искусством, почти музыкальным, виртуозно владеет Минкина: *Они встретились в Париже, почти год назад, сразу решили работать в две гитары, Таки к тому времени уже прилично владел басом. Но кого удивишь в Париже? Дороговизна жуткая, бродили полуголодные, снимали проходную комнату в черном квартале за Монмартром. И звука, честно говоря, сильно не хватало, требовался ударник, хоть самый простенький.*

Какие-то случайные знакомые посоветовали перебраться в Прагу, дай Бог здоровья этим хорошим людям! (“Michel, ma belle”).

Женщина, женственность, женское... К женскому началу в искусстве можно относиться по-разному, амплитуда критических и читательских пристрастий здесь слишком широка – от преклонения перед «Вечно Женственным» до презрения к «дамскому», к «альковно-кухонному». В текстах Елены Тайчер-Минкиной есть одно драгоценное свойство, которое позволяет воспринимать ее творчество как истинное искусство: ирония, улыбка, самоирония. Если человек весело и непредвзято относится к себе и к жизни – он и в искусстве выскажется столь же свободно, непринужденно, грациозно:

Нет, не хочу Рахели! Слишком грустно быть одной из жен, лежать без сна в холодной кровати, зная, что его

щека прижата к чужой щеке и сонная рука лежит на чужой груди...

Пусть лучше Лаура! Чудесная Лаура в белом платье и облаке кудрей, недоступная хохотушка и прелестница. Не спи ночами, умирай от восторга, всю жизнь мечтай коснуться моей руки...

Нет, что-то мне не хочется платонической любви на всю жизнь. Помрешь от скуки...

Тогда Кармен? Лара? Настасья Филипповна? Какие глупости!

Давай ты просто будешь спокойным и добрым...»
(«На заданную тему»).

Подметить точный жизненный поворот. Увидеть ярко и рельефно портрет. И, перенося его на холст, положить единственно верный штрих. Тайчер-Минкина – несомненный мастер словесного портрета, ей удастся изображение человека, под ее пером он обретает плоть и кровь, в то же самое время оставаясь «артефактом», предметом художественного, а значит, мифологического бытия:

А бабушка не разрешала лежать на подоконнике. Бабушка была похожа на королеву – большая, толстая, в прекрасных широких и длинных платьях. Ее все немного боялись, даже папа. Хотя папа был еще больше. И очки

большие, с толстыми претолстыми стеклами. Из-за этих очков папу забрали не на простой фронт, как, например, дядю Мишу, а на трудовой («Но в памяти моей»).

По сути, всякий художник запечатлевает жизнь, в какие бы фантастические обличья выдумки, жанра, условностей, символики она ни рядилась. У Елены Тайчер-Минкиной есть несомненное художественное достоинство, и хочется, чтобы она сохранила его в дальнейшей работе, в других своих книгах, – тех, что задуманы и еще не воплощены: его можно, наверное, назвать — почти по-актерски – ВЖИВАНИЕМ В ОБРАЗ. Автор искренне и даже страстно, увлеченно вживается в своих героев и героинь, автор всецело становится ими, наделяет их своими чувствами, переживаниями, мыслями; этот процесс обоюдоостр, вот уже и герои так воздействуют на автора, что выстраивают эмоциональный вектор рассказа или повести, направляют замысел.

Беспорная удача Минкиной – диалоги. Живую речь персонажей она воссоздает просто и безыскусно, и в этой естественности и гармоничности таится, на самом деле, достигнутое мастерство:

Мама, – спросил мой мальчик, – тебе нравится этот учитель?

– Даже сама не знаю, – вдруг ответила я, как говорила бы со своей подругой. – Может, нравится, а может, твой папа никогда не баловал меня вниманием. И страшно обидеть их обоих.

Ты знаешь, мама, – сказал мой мальчик, – мужчины народ крепкий, ничего с ними обоими не случится. Делай, как тебе лучше!» («Полания»).

У Тайчер-Минкиной, как сказали бы художники, богатая палитра. Она умеет не только рассказывать интересные истории (что, конечно, плюс для писателя). Не только веселиться. Не только окунаться в реку чистой лирики. Она еще может – и умеет – раздумывать о жизни и смерти, о времени, и делает это тонко, чутко, нежно прикасаясь к самому больному и сокровенному, что несет нам, людям, неумолимый ход времени: *Из-за открытой двери виднелась макушка Старика, как лег, так и лежал на диване лицом к стенке. Как-то слишком тихо лежал... Не дышит?!*

Отбросил стул, рванулся в комнату... Показалось! Старик дышал ровно, даже чуть похрапывал. Во сне складки на лбу разгладились, лицо казалось спокойным и довольным, как у человека, который достойно завершил все дела» («Старик»).

Быть может, можно придраться в иных фрагментах к изощренному многословию, в иных – к неясно проговоренным ситуациям. Понятно одно: автору нигде не изменяет чувство эстетики текста, его нравственного наполнения. А это уже, что ни говори, традиция именно русской литературы.

Итак, литературный мир обрел еще одного талантливого автора. Русский читатель – еще одного писателя, книги которого он будет открывать с интересом, с предвкушением открытия, с радостью встречи с прекрасным: с любовью, доверием, живой душой.

Нелли Портнова

Стихи и проза Константина Кикоина*

«...свобода это не состояние, а процесс: человек постоянно пребывает в состоянии несвободы, но если в нем заложено стремление к свободе, то он его пытается реализовать».

К. Кикоин. 15.05.2011

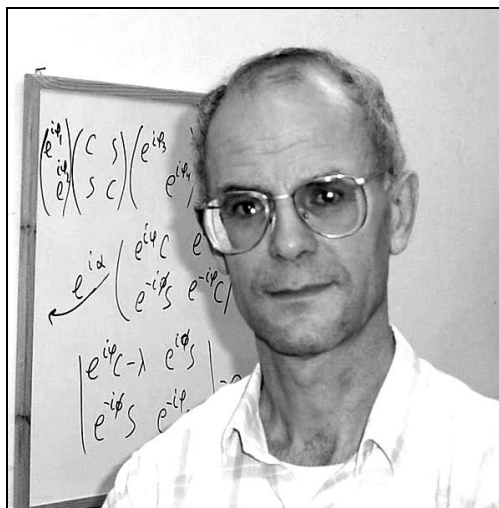
1.

не Константин Кикоин раскрывался постепенно. Сначала он предстал в качестве редактора тома серии М. Пархомовского, «Русские евреи в Германии и Австрии». Потом – поэта; один за другим, за 3 года, вышли в свет три сборника его стихов, написанных за сорок с лишним лет. Оказалось, он интересный поэт. На мой вопрос, как появляются стихи у профессора физики, «человека кампуса», не заинтересованного в литературной судьбе, он рассказал: «...как-то под утро был мне явлен сон. Будто бы я стою перед входом в помещение типа картофелехранилища... Я спускаюсь по гниловатой деревянной лесенке, вхожу в это хранилище и вижу уходящие в даль помосты, на которых уложены поддоны. А в поддонах вместо картофеля какие-то совершенно одинаковые коконы. И некий голос мне говорит: это все твои стихи. Тут сквозь пыльное окошко под потолком барака проникает какой то малиновый луч типа лазерного и

* Константин Кикоин. Другой глобус. Избранные стихи. Иерусалим. Филобиблон. 2007; Константин Кикоин. Детали картины. Вторая книга. Иерусалим. Филобиблон. 2008; Константин Кикоин. После битвы. Третья книга. Иерусалим. Филобиблон. 2009; Константин Кикоин. По обе стороны свободы. Эссе, очерки, воспоминания. Иерусалим. Филобиблон. 2011.

падает на один из коконов. В руках у меня оказывается нить, которую я начинаю выматывать из этого кокона, и нить эта есть первая строка стихотворения. «Лестница в небо, лестница в небо...» Сон прерывается, но строчка остается у меня в руке и я уже наяву досочиняю это стихотворение. Так мне было объяснено, что все, что я должен «сочинить», уже существует, и моя задача только не проглядеть появления луча и не порвать нить, которая попадает мне в руки. Я посмотрел на все сочиненное к тому моменту и понял, что все это – фрагменты одной и той же книги, уже разбитой на главы. И всю оставшуюся жизнь я эти главы (числом двенадцать) дописываю. Прибавилась только одна новая в тот год, когда я окончательно понял, что покидаю Россию. Она получила название «Место на глобусе». И ее я заполнял в основном уже здесь».

Константин Кикоин

Стало понятно, что для поэта К. Кикоина собственное «Я» – органическая часть мира, что творчество – глубоко частное дело. В каждом стихотворении – акт некоего путешествия, в котором записывается эпизод открытия собственного мира. То он оказывается в старом Петербурге («Стольный призрак»), то в древнем Риме («На

семи воображаемых холмах»). Одновременно происходит путешествие в культурные миры: в мир поэзии («Разрозненные рукописи») и русских народных и литературных сказок («Российские сказки»), в еврейские памятные места Европы («Место на карте») и т.д. Пространственно-временные и культурные трансформации происходят постоянно:

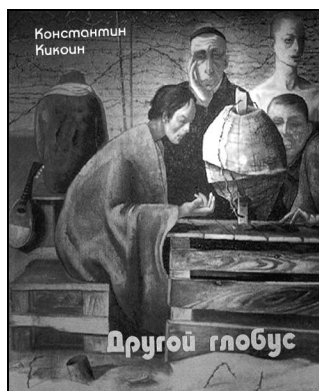
*Глубоководная речка Фонтанка
Пересекает наискосок,
То ли чухонка, то ли испанка
Днесь зазывает к себе на часок...
В точку стянулся потерянный мир,
В меридиан переходит аллея,
В миллениум – десятилетний пунктир.
Нет для изгнанника большей награды,
Чем эта мнимого времени ось,
Что на пленительную эспланату
Душу выводит, пронзая насквозь.
«Меридиан»*

Так оборудуется свой «глобус»; один сборник так и называется: «Другой глобус» (2007). Человек интеллектуального труда не обольщается разумом, знакомый с «ресурсосберегающими технологиями» искусства не удовлетворен точными науками, которые только приступили к изучению живой жизни. Искусство к ней ближе, и поэт старается использовать все его средства. Так, иноязычные слова и выражения, если их писать в оригинальной графике: *Неприметный отель в грязноватом проулке / под вывеской La Toison d'Or, / пищеблок, выходящий задней дверью на задний двор, / марокканец с мобилой, / скучающий в Reception...* («Переулоч аргонавтов») – вводят дополнительный смысл некоей документальности, совмещенный с авторской прихотливостью и образностью. А старинный жанр «inscriptions» (надписей), с его заданием увековечения, остановки времени дает возможность переосмыслить классиков в современном контексте. О В. Хлебникове:

Нет у поэта ни дома, ни лар, ни пенатов,
странны заботы его, переменчиво имя,
пара ботинок дырявых да крылья в заплатах,
тайные доски судьбы, бесконечной поэмы вода и полымя.
Вниз да по Волге, да в Персию черные струги уплыли,
вверх да повыше альтов разностройные струны запели,
брел человек по дороге, неясный, как облако пыли,
да и заснул невзначай на расстеленной степью постели.

Несколько мазков – и в ином освещении является
Ф. Достоевский:

Сертук сермяжный Достоевского.
Над книгописцем бдит луна.
Знарок террора досоветского
Жил в золотые времена,
Когда полуночные спорщики
Со злом мечтали кончить разом
И вербовали в заговорщики
Дворянских дочек сероглазых...

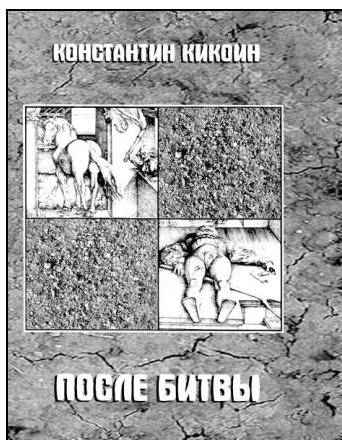
К. Кикоин всегда лаконичен; у него есть чувство меры и внутреннее спокойствие. «Alter мой его, небось, заплутал под соседней звездой. / Роцца подножьем служила чертогу богов, киммерийскому раю. / Кубки из бронзы звенят высоко над моей головой. / Роцца шагов. Что за статуи бродят по роцце? / Лица богов различаю лишь те, что поплоще».

Его стихи не просты, они напрягают. Вот герой отмечает себя в городском пространстве, детали которого впиваются в сознание; его принадлежность к сегодняшней реальности, как и любого горожанина, грубо-очевидна. Но зов культуры, в данном случае, пушкинская строка, обновляет ощущения: он уже не только в этом месте.

В городе на букву «М»
я не свой, но и не лишний,
Колу пью, чизбургер ем,
по соседству дети Кришны
говорят друг другу «Ом».
В чреве метрополитена
Грохот, мраморные стены.

.....

Нет, не весь я в нем умру,
И возникнет мой двойник
В Бибирево, в Теплом стане.

Множество ассоциаций и культурно-литературных реминисценций, очень органичных мышлению автора, сближают стихи Кикоина с традицией Мандельштама и Бродского. Понятно, что в стихах присутствует и еврейская тема, но не выделенная специально в его открытом и не ограниченном темами, временным и культурным статусом мире.

2.

И вот недавно в том же издательстве вышла книжка прозы К. Кикоина «По обе стороны свободы» (2011). При знакомстве с оглавлением сначала появилось некоторое замешательство: за исключением последней главки – о семье, – в книгу вошли уже опубликованные вещи. Кроме того, думалось, они разножанровые: эссе, воспоминания, очерки. Как при этом могут проявиться основные достоинства автора: спонтанность и цельность? Ведь Кикоин, чрезвычайно ценящий факт и деталь (одна из его стихотворных книг называется «Детали картины»), далек от лирической прозы...

Присматриваемся. Оказывается, что, как и стихи, возникающие у автора в разное время и по разным случаям, во время путешествий, деловых поездок и встреч, – прозаические тексты связаны одной экзистенциальной темой свободы. О близости к ней автор-путешественник говорит в предисловии: он любит Нидерланды, отвоевавшие у моря свободу голыми руками, Англию, с ее феноменом внутренней свободы, помнящую свою свободу Ирландию.

В книге две части: первая состоит из очерков, вторая – из семейных воспоминаний. «Сотворением островов» метафорически назвал автор самые разнообразные истории духовных подъемов, вспышек и гуманистических эпизодов. В главке «Войти в Телемскую обитель» – рассказ об одном общечеловеческом проекте. *В печальном списке гуманистических иллюзий, которые, как правило, не выдерживают испытания реальной прозой жизни, есть и такая: если собрать умных, веселых, красивых, талантливых и предприимчивых молодых людей в одном месте под руководством умудренных мужей и предоставить им ничем не стесняемые возможности для умственной и практической деятельности, то они создадут центр новой духовности, выработают правила общежития и укажут косному человеческому обществу путь в царство свободы.* От рассказа о Франсуа Рабле, первым подавшем эту идею, автор переходит к истории платоновской академии Лоренцо Великолепного, от него – к «просвещенному двору» герцога Карла-Августа Саксен-

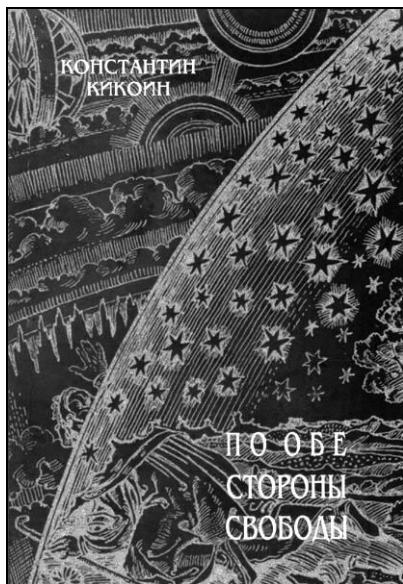
Веймарского, потом – к «фаланстеру для художников» папаши Буше на окраине Парижа, и, наконец, – к Новосибирскому Академгородку. Очерки энергичны и стремительны, как стихотворение, но подробны в своем своеобразии, но у каждой «обители» один и тот же финал – крах. Временный всплеск духовности в огороженном от испорченной среды «городке» возможен как воплощение присущего человеку желания свободы, но всплеск этот хрупок и неустойчив. Погруженность в жизнеустройство каждой обители, в ее бытовые детали и обстоятельства, «переселение» в них воображением – создают такую же сопричастность и доверие, как в лирике. Пишется о душевно близких и необходимых состояниях человечества.

На «вилле Медичи для бедных» не было ни газа, ни водопровода, ни электричества. Сквозь щели в высоких окнах задувал ледяной зимний ветер, и выжить в холодное время можно было, только натопив самодельную печку и натянув на себя весь скудный гардероб. Но если ты приехал в Париж с твердым намерением стать настоящим художником, и занимаешь треугольную студию по соседству с Шагалом и Модильяни, то эти мелочи не слишком тягощают твое существование. Легкомысленные обитатели «Улья» голодали, но не унывали.

Последний «проект» этого типа, известный нам (1960-е – первая половина 1970-х гг.) – Новосибирский Академгородок – вызывает узнавание перечислением имен и научных открытий, которые успели сделать замечательные ученые. «Академические выгородки» в условиях реального социализма кончили так же, как другие «обители», но их опыт не напрасен: *Я был странник на берегах Обского моря и никогда не живал подолгу в этом замечательном месте. Но я мгновенно опознаю сибирских телемитов в любой части света, потому что по-прежнему мысли у них поперек и слова поперек.* Кикоин осторожно присоединяет к этому списку и «сионистский проект», реализация которого оказалась «непохожей ни на один из первоначальных проектов», а финал открыт.

Дальше идут очерки о примерах индивидуальных рывков к свободе: пятеро венгерско-еврейских ученых,

физики Ю. Румер, А. Иоффе, Л. Рапкин, «святой апостол», спасший много жизней во время войны, поэт и переводчик М. Радноти. Оказывается, «обитель» не обязательна; дух индивидуален и может вознестись сам в условиях насилия. Невольно сравниваешь эти живые портреты с теми невероятными соцреалистическими апокрифами, из которых в советское время мы узнавали о жизни-подвиге ученых.

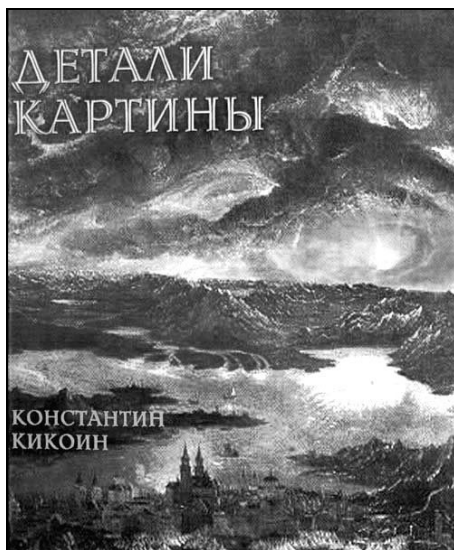
Следующая тема – свобода в искусстве («Искусство как утиная охота»); по мысли автора, искусство – игра, «когда перестают играть, попахивает распадом». Речь идет о Маяковском и Т. Манне. Можно поспорить о точности противопоставления понятий игры и охоты, ибо и в последней немало игры. Но если перейти от антитезы к сравнению, мысль понятна: охота за успехом и признанием – дорога к ограничению искусства.

Последняя часть книги, казалось бы, уместается в банальную родословную. Трое из семьи Кикоинов: знаменитые физики дядя Исаак и отец Абрам Кикоины, как и парижский художник Мишель Кикоин, не только талантливы, но удивительно пассионарны. На семи ветрах

они построили собственные обители свободы, временные, но чрезвычайно убедительные.

3.

Наконец-то срослось. Когда есть сверхзадача, когда есть умение видеть все уровни жизни сразу, а в разных странах ты, как свой, – неважно, каким способом выросла книга и каков жанр вошедших в нее сочинений. В красоте ассоциаций и образов, например: Пушкин *ходит по улицам израильских городов, разъезжает в автобусах «Эгеда», и везде ему встречаются тоненькие эфиопские мальчики в форме солдат ЦАХАЛа с неизменным М-16 через плечо... Тоненькие эфиопские мальчики с медалью вырезанными пушкинскими профилями...*, – авторское «Я» так же неповторимо как и стихах.

Сам Кикоин считает, что «на метафизическую поэзию спроса на Руси особенного никогда не было и в обозримом будущем его как-то не предвидится. И у Тютчева, и у Манделштама, и у Заболоцкого любители выковыривают в основном изюминки, а сам пирог остается нераспробованным». Не много текстов на эту тему написано в таком синтетическом жанре, как эссеистские очерки с философским заданием. Кикоин, кажется, не боится никаких

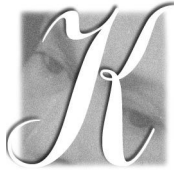
поворотов жизни, которая ухитряется запутать нас, и тогда мы застываем в ее гуще, как личинки. Но можем и освободиться. Правда, на время.

15-май-11

Михаил Юдсон

Окна Кикоина

Константин Кикоин – физик, профессор Тель-Авивского университета. И иная имеется ипостась – поэт, эссеист, автор трех стихотворных сборников-погодков: «Другой глобус» (2007), «Детали картины» (2008), «После битвы» (2009) и изысканно-прозаической книги «По обе стороны свободы» (2011).

Константин Кикоин

Его отец Абрам – известный ученый, автор классического школьного учебника физики (пост-Перышкина), а дядя Исаак – отец советской атомной бомбы. Константин пошел по стопам Авраама и Исаака – стал физиком, доктором наук. Но одновременно он получил и благотворное облучение своей мамы – Екатерины Ивановны Сосенковой, выпускницы филфака ЛГУ, выученицы Эйхенбаума, Жирмунского...

Из-за мельтешни и хаоса моего околотелитературного жужжания и кружения, я наткнулся на тексты Кикоина не так давно – и сразу встал, как взнуданный, перестав (ох, дряхлый одр!) крутить жернов однообразных страниц и начав вчитываться в фразу, радоваться звукам, смаковать смысл. Всем рекомендую – весьма необычный поэт и незаурядный прозаик Константин Кикоин. Стихи, кои он слагает сызмальства, сложились в триптих и обрели обложку уже в Иерусалиме, в издательстве «Филобиблон», а ныне там и свежий труд приспел – «В плену свободы» – эссе, очерки, воспоминания.

Кикоин поистине уникален несуетностью среди современной быстрописи. Изошренная, испещренная реминисценциями и насыщенная ассоциациями проза (в отличие от пещерного наскальства массовых простецов) просит у читателя соучастия и требует трудовых навыков верхних полушарий. Автор раз за разом – ну-с, ухнем! – вонзает свой компьютерный заступ в культурные пласты, карсты и палимпсесты, в узримое в музыке, услышанное от книг, уловленное на полотнах. Оознавательные знаки этой прозы – Набоков на воде, Мандельштам в птичьей гаме... Тесто текста замешано на знаменитых и магических дрожжах. И хотя в книге это частично стилизовано под электронные письмена-бересты, папирусную переписку с ученым соседом, кембриджским другом (так сказать – чо, сэр Чосер?), однако и ежу ясно: се – эссе, а не собака емелианская... Как Иозеф Кнехт-то гессе-бисерно писал: «Вселенная через решетку строк откроется ему в ужимках знаков». Читатцу стоит лишь взглядеться, наикоинившись слегка, и он кусит сладость стиховаренья в прозе.

А уж чистые стихи – особ статья. Книжки сии устроены не по старым извычаям, а сообразно натуре – рассудительно и с любопытством. Чая пользы, рассмотрим испытно. Константин Кикоин усердно выстраивает свой пиитический «Кон-Тики» и плывет на плоту кириллицы по морю-окияну мировой культуры (полным-полно всяких прочих шведов!), попутно ставя верши на вирши, питаюсь не попадающим в Сеть ширпотребом, а выращенным в старых добрых прудах, трудах и инкунабулах. И сам отнюдь не

плошает. Искони привыкли мы, прядая лопухами, размягченно стихи разглядывать, слушать, впитывать – глазами яблоками, ушными ракушками, спинными мурашками – а тут изволь шевелить извилинами! Сразу снег в голове идет, прозрения погромыхивают – словно розвальни пророка Илии скользят, или кто-то босыми бледными ногами (ой, закрой свои!..) бродит по нашей крыше, по закромам чердака – поза молитвенная, при чтении раскачивающаяся, по сусекам память скребушая...

У Кикоина – нажитое странствиями, начитанное жизнью, пропитанное собственным опытом, питерской осенью, израильской просинью, серьезной физикой, целью лирикой – пронзительно сплетается в озвученных значках стихов. Мелос его смело смешивает скороговорку невского дождя и тяжелое запыхавшееся дыхание негевской жары, подмигивающую чечетку первичного понимания и расчисленное марево авторского герметизма. Никаких констант – все дрожит и колыхается, течет и меняется. Окна Кикоина изредка распахнуты, временами прикрыты, а порой – зашторены наглухо. Что ж, участь читателя – достучаться в ставни...

1. Расскажите, пожалуйста, про свое житие на утлом советском плоту, до восхождения в Страну, и об обитании на плато обетованном.

Часть жизни, проведенная при советской власти и среди ее обломков, столь длинна, что ее можно измерять в столетиях – я прожил в Российской Федерации полвека и еще один год. Оглядываясь назад, могу сказать, что мне в той жизни везло больше, чем многим лицам некоренных национальностей. Во-первых, я прожил свою жизнь в том же социальном слое, где и был произведен на свет – по обеим линиям абсолютное большинство близких родственников в последних двух-трех поколениях составляли учителя и ученые. И сам я стал «человеком кампуса» – работал в научном заповеднике на краю Москвы, «Курчатовском институте». Институт был весьма режимным, в нем в свое время была спроектирована атомная бомба. Но к моему времени атом уже успел стать относительно мирным, и под

этой крышей можно было заниматься фундаментальной наукой в свое удовольствие среди братьев по разуму. Вторых, в Свердловске, где я провел детство и кончил университет, по каким-то причинам уровень антисемитизма был сильно ниже, чем в среднем по стране, и школьным комплексом еврея-очкарика меня не отяготили, несмотря на вызывающее отчество «Абрамыч». Да и во дворе у нас за очки не били, а уважали, как на зоне, если ты умел складно врать и пересказывать прочитанные книги. К тому же, лучшие взрослые, которых мне доводилось встречать в детстве, почему-то тоже были сплошь евреи, хотя никакого специального отбора не велось. Так что я с детства знал, что еврей – это хорошо, и последующий отрицательный опыт взрослой московской жизни это убеждение не поколебал.

2. Поделитесь сладким опытом – как слагалась ваша научная планида в Израиле? Помогли «гладиаторские навыки борьбы за морковки, которые выработала система Совка»?

Гладиатором в Московском цирке я себя не ощущал по указанным выше причинам. В нашем институте, основанном ленинградцами, учениками отца советской физики Абрама Федоровича Иоффе, советская власть и партийное руководство не сильно докучали ученым (конечно, если человек не пытался строить карьеру и выбиваться в начальники над кем- или чем-нибудь). Не имея иллюзий насчет «реального социализма», я с самого начала постановил для себя, что старший научный сотрудник и доктор наук – это тот потолок, пробивать который не нужно, и потому в тараканьих ристалищах не участвовал. В олимовский омут тоже нырнул не сразу, а сначала поездил сюда в командировки/рекогносцировки. В том, что эта страна – моя, убедился в первую же минуту пребывания на израильской земле, выйдя из самолета, глотнув местного воздуха и поглядев на стенку уютного первого терминала БГА, облицованную иерусалимским камнем, осененную жидкой пальмовой тенью и украшенную надписью «книса». Из всех возможных вариантов научной карьеры реализовался средний – профессию удалось сохранить, хотя вместо университетского «квюнта» пришлось

удовольствоваться позицией в рамках программе КАМЕА – тоже вроде бы профессорской, но при министерстве абсорбции. Без университетских бонусов, но зато и без обязанности заседать в комиссиях и комитетах.

3. Вы выпускаете все свои книги в Израиле, в изысканном издательстве Леонида Юниверга «Филобиблон». Не пробовали выстроить книгу в вавилонской метрополии, в питерской Московии?

Живя в советской Москве, я не пытался обрести статус профессионального поэта ровно по тем же причинам, что не строил научной карьеры. Зная цену, которую придется заплатить за журнальные публикации, не говоря уже об отдельной книжке, я решил, что оно того не стоит, и сам процесс сочинения стихов есть достаточная награда. Этой сладкой отравы я отведал в ту же осень, когда поступил на физфак – первые стихи случились в университетской читалке на первом курсе. Да и здесь в Израиле я не собирался предавать свои опусы тиснению – просто в силу почти сорокалетней привычки сочинять для себя. Но однажды все-таки поддался искушению поучаствовать в конкурсе, посвященном 300-летию любимого города-Питера, и, к своему изумлению, выиграл его. Стишок из конкурсного комплекта был напечатан в «Вестях», его прочла одна знакомая, чье имя хранится в моей внутренней редакции. Она же донесла этот текст до Лени Юниверга, и участь моя была решена. Мы с ним скорешились, тем более что тут же выяснилось, что мы одноклассники и оба провели лучшую часть жизни в «Ленинке» насупротив Кремлевской стены. И вот уже лет пять мы работаем вместе ко взаимному удовольствию. Полезных связей в нынешней литературной России я не имею никаких, если не считать стихии общедоступного сайта Stihi.ru, так что приходится обходиться без метрополии. Может, оно и к лучшему.

4. Вы серьезно занимаетесь физикой, ездите по миру на симпозиумы и всякие прочие конференции, умудряясь при этом регулярно выдавать на-гора (о, терриконы сионид!) поэтические сборники. Как системно сочетаются пшшт с

ученым – они сямны или разрывны? Каждому полушарию – по магдебургу его?

Ваша магдебургская метафора замечательно точно отражает ситуацию. Разномастные лошадки Аполлона тянут в разные стороны два полушария, сцепленные внутренней силой, но полушария эти продолжают существовать в виде единой черепной коробки. Конфликта между ними нет – надо только не путать методы. Логика, необходимая для научных упражнений, губительна для стихов, и наоборот, метафорические ходы, которые держат стихи на лету, абсолютно недопустимы при написании научных текстов. С другой стороны, дисциплина ума, выработанная научным теоретизированием, облегчает вычеркивание лишнего в стихах и вылавливание технических ошибок. Ведь поэтическая техника – это не филологическая брехня, а вполне реальный свод законов, которые сначала нужно научиться исполнять, и уже после этого нарушать с полным пониманием того, что делаешь. А новые научные идеи возникают не без участия научного воображения, природа которого та же, что и природа поэтического воображения – нужно уметь в решающие моменты обходиться без логических подпорок.

5. Ваши тексты часто требуют от читателя соучастия, усилия. Каким видится вам идеальный «человек читающий»? Вы встречались с таковым вживе?

Формула Боратынского «читателя найду в потомстве я» – не есть продукт поэтической гордыни, а вполне трезвое осознание того факта, что твой настоящий читатель – это тот же ты, только в другой телесной оболочке, alter ego. Я думаю, что каждый поэт представляет своего идеального читателя как своего двойника – поэтому в цитате читатель упомянут в единственном числе. Здесь мне опять повезло – такого читателя я встречал, и даже не в единственном числе, и даже среди представительниц прекрасного пола. В этом смысле я получил полное вознаграждение за свои труды, и никакие призы большего удовлетворения не доставят – это я знаю точно.

6. А сами вы чего ждете от книг, алчете при чтении: знания-поучения или, скорей, развлечения-забвения?

Ни знаний, ни поучений, а внезапного открытия новых горизонтов, за которые без вот этой книги я бы не заглянул. В молодости такие книги мне попадались часто, а теперь по естественным причинам почти не встречаются. Многие знания умножают печали. Пожалуй, последнее потрясение этого рода я испытал при чтении романа “The Magus” Джона Фаулза. Увы, лет уж 30 тому назад.

7. Как, по-вашему, «стихи не пишутся – случаются», то есть почкуются, чертополошат узаборно-одуванчиково, или все же ударно делаются, удачно выстраиваются, рачительно выращиваются? Вольность од или гольный труд, лебязья лебеда или скрипящая лебедака?

Ну конечно – случаются. Удивительной женщине Марине Цветаевой принадлежит формула:

«Первые две строчки Вам диктует Бог, остальные – дописывайте сами» (цитирую вольно, по памяти). Правда, она же сочинила оду письменному столу, столешница которого врезается ей в грудь. Это последнее, наверно, о прозе, не о стихах. «Вольность од» это, конечно, ерунда, оды пишутся на заказ, но свобода стихосложения для меня самоочевидная, почти тавтологическая истина. Лебеда должна лететь, а не скрипеть. Однако, закончив записывать, изволь остыть и придиричиво, а может даже вслух, перечитать каждую строку, проверить каждое слово на возможность замены и оставить только то, что ни вычеркнуть, ни заменить нельзя. Назовем это трудом.

8. Кто из пишущих повлиял на вашу манеру складывать слова, у кого учились книжной грамоте?

Это просто. Учителей у меня всего два, оба заоблачно-заочных. Первый из них – наш всеобщий учитель Александр Сергеевич Пушкин, второй – Осип Эмильевич Мандельштам. Писать «как АП» или «как ОМ» – не беспокойтесь, ребята, – у вас не получится, но то, что стихи это свобода («две придут сами, третью приведут»), я воспринял от Пушкина, а техникой концентрированного письма на сто процентов обязан Мандельштаму. ОМ меня научил, что каждое слово в стихе видит все остальные, что ставить его надо так, чтобы работали все или почти все его словарные значения, а также сходные смыслы, что живя в

настоящем времени, ты должен видеть всю историческую перспективу назад, весь созданный предшественниками контекст, в который твой стих попадает, короче – всю бергсоновскую «длительность». По этой части в русской поэзии Манделштама не превзошел никто. Уже на старости лет я узнал от Павла Поляна, что семейство Манделштам происходит из того же северолитовского местечка Жагоры, что и фамилия Кикоин, а где-то в XIX веке они даже породнились. Думаю, что это известие было последним и самым роскошным подарком судьбы в моей жизни.

9. *Назовите несколько интересных вам, важных, запасаемых на зиму («духовную пищу – в защечные мешки») нынешних литературных имен, таких зернистых колосков, могучих умельцев-текстопашцев.*

Работая в одиночку, я, тем не менее, всю жизнь выискивал возможных собеседников и в печати, и в самиздате, но, увы, почти не преуспел. То, что подросло после лесоповала, учиненного большевиками, никакого сравнения с уровнем, установленным поколением 1890-х, не выдерживало. Разве что Бродский. *Семь поэтов играли в серебряный мяч в начале века, // он один под тускнеющий шар подставил спину...*

Для меня истинно хороший поэт – это тот, кого я не могу и не смею спародировать, но чтение его вызывает импульс писать свое. Кроме Бродского я нашел в нашем поколении еще двоих – его же старшего товарища Льва Лосева и Алексея Цветкова, законного наследника Бориса Пастернака. Из здешних сильное впечатление произвел Генделев с его ливанскими военно-полевыми стихами (хотя парафраз на его мотивы я сочинил, не удержался).

10. *Признаюсь как на духу, что я, увы, буквально слепоглух – кропаю потихоньку, ощупывая бугорки букв, не смея выделить цветным, и слава Яхве! А для вас живопись, музыка – тоже лишь подпорки письменности, скромное подспорье, или сие сама фламарионова атмосфера, фасоль спектра, чаша жизни, питательный бульон?*

Радением родителей музыка и живопись открылись мне еще в подростковом возрасте, раньше, чем поэзия, до которой пришлось добираться самому. И по сей день для

меня музыка – прежде всего, а живопись – окно в материальный мир. Но сам я умею лишь то, чему учат в школе – читать, писать, считать и говорить, и потому мне остается только вторгаться со своими умениями в оба эти мира. В одном из трех томиков имеется раздел «Нечаянная музыка», где собраны попытки реализовать свое музыкальное несбывшееся, да и вообще многие из стихов приходят вместе с мелодией или хотя бы речитативом. Что до живописи, то еще в процессе обучения ремеслу я обнаружил, что пейзаж или портрет могут быть вызваны к жизни словесным заклинанием, и с той поры с удовольствием работаю в этом странном жанре.

11. *Очевидно, что мир наш малогармоничен и плохо оборудован – Хронос идет, а хаос не проходит. Вы как университет-лирофизик – нуждаетесь в гипотезе Бога?*

В гипотезе Бога я не нуждаюсь, потому что абсолютно уверен, что небеса не пусты. Знаю это как физик, занимающийся законами симметрии, из которой следуют все остальные законы (в том числе и законы, управляющие хаосом), и ощущаю каждодневно как лирик – см. вышеупомянутую формулу Цветаевой. Да и как 50-процентный еврей считаю себя состоящим с Ним в прямых договорных отношениях. Договор этот личный, поскольку по Ѓалахе я пунктом не вышел, несмотря на то, что родственники мои в конце лета 1945 года умудрились сыскать для меня моэля. Они это сделали в память о шести миллионах убиенных, в числе которых была моя бабушка (ב"ט).

12. *В вашей душевной космологии наша сторона, Израиль – пуп мира или край ойкумены? И сколько у этой частицы света степеней свободы? И куда ж мы летим, пульсируя, от этого желтого карлика, шестиконечной звезды?*

Это точка схождения мировых линий. С таким ощущением я появился здесь в первый раз, с ним же я каждый раз покидаю Израиль и возвращаюсь обратно. А поскольку число линий, сходящихся в эту точку, бесконечно, то и число степеней свободы в распоряжении насельников этой земли примерно таково же. Наверно, это

не единственная такая точка на нашем глобусе – есть Рим, Париж, «Большое яблоко», близлежащий Константинополь/Стамбул на худой конец – но для нас она одна, и сколько ни лети, от нее не улетишь.

Борис Э. Альтшулер

Поездка в рай

Часть первая. Отъезд

Вима в этом году случилась какая-то особенно тёмная. Жена часто слушала вальс Иоганна Штрауса-сына «Где цветут лимоны» и поэтому, когда температуры поднялись выше нуля, было принято решение удрать в по-настоящему гарантированный рай с солнцем и светом – на итальянскую и французскую Ривьеру. Идея не очень оригинальная, зато дающая определённую гарантию на удовольствие в начале апреля. Будучи молодыми, мы частенько наведывались туда с детьми. Дети повзростали, растут, слава Богу, внуки, поэтому самое время для нас ещё раз съездить по местам боевой славы давних отпусков нашей молодости.

Принципиально мы поклонники автомобильных путешествий, позволяющих лучше познакомиться со странами и людьми. Я пошёл в фирму проката автомобилей Sixt и договорился взять там легковушку VW Golf с сильным дизельным мотором, чтобы было возможно скромно, но резво проехаться по Европе, не вызывая аппетита у итальянских и французских взломщиков. Договорились мы в фирме железно, поэтому ваш покорный слуга был более чем удивлен, когда мне вручили ключи от лимузина Citroën, да к тому же ещё потребовали доплату за зимние шины. Другой машины с дизельным мотором у них в распоряжении не оказалось. Более того, выяснилось, что до 15 апреля проезд через Швейцарию и Австрию без таких шин официально запрещён.

На следующее утро мы поднялись в 6.00, выбрались где-то около 10.00 и покатали из Берлина по направлению к Мюнхену. На Нижненемецкой равнине было довольно

монотонно и знакомо, во Франконии стало интереснее. Совершенной во всех отношениях и обалденной по своей эффективности оказалась развязка автобана у Мюнхена – без пробок и без трёпки нервов. Появились Альпы с белоснежными кипами вершин и чисто баварскими ухоженными ландшафтами за окном машины. В плеер в предвкушении Италии был засунут диск с записью 4-й симфонии Феликса Мендельсона-Бартольди “Italienne”. Для Австрии пришлось покупать одноразовую виньетку за десять евро. Довольно быстро ландшафты Баварии сменили такие же невероятно выстиранные, вылизанные и накрахмаленные австрийские, высокогорные пейзажи. Мы комфортабельно катили до Инсбрука и поднимались всё выше к небу. Стало закладывать уши. С высоты увидели Северную Италию и даже море – и поехали вниз. Стемнело.

Переезд границы Австрии с Италией прошёл без всяких досмотров, пришлось лишь сбросить скорость. Официально разрешено мчаться до 110 км в час, да и итальянская автострада не чета немецкому автобану. Вспомнились строки Пушкина из «Путешествия Онегина», который грезил Италией, но никогда там не был. В строфе, где описывается разъезд из Итальянской оперы в Одессе, поэт пишет:

Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют напев игривый,
Его неволью затвердив,
А мы ревом речитатив.

Немецкие программы в радио сменили благочестивые итальянские, а мы всё неслись вниз и въехали, наконец, в Южный Тироль. Увидев на автостраде указатель Больцано-Боцен (итал. Bolzano, нем. Bozen), оплатили наш тикет автострады и въехали в красиво освещённый и чистый город. Больцанцы посоветовали нам отель в центре, и мы не пожалели. Чисто, уютно и приятно, кабельные ТВ-программы и хорошие прогнозы погоды.

Часть вторая. В рай

Рано утром вышли на улицу и обнаружили залитый солнцем южнотирольский немецкий город, окружённый

живописными горами. Завтрак в отеле, как и все завтраки в **Италии и Франции**, был очень легоньким: кофе, булочка, соки, а для любителей семян – мюсли. **Больцано и Мерано** были и остались излюбленными местами отдыха немецкоязычных туристов ещё с давних времён. Особенно популярными они становятся осенью во время сбора винограда. Эти города сохранили своеобразную архитектуру австрийского классицизма и дышат спокойствием.

Выехав на автостраду по направлению на юг, мы быстро ощутили следы прошедшей зимы: дефекты в асфальтовом покрытии отдавались в крестцах. Но это можно было забыть, потому что слева и справа неслись виды Доломитов. Вот и Каррара настойчиво приглашала заглянуть к себе на мраморные разработки, но такого количества времени у нас на этот раз не было: в погоне за солнцем мы неумоимо жрали километры автострады. В отличие от Германии, где полиция сидит в засаде и ждёт превышения скорости, чтобы потом засудить тебя штрафами, предъявляя довольно чёткие фотографии нарушителей, в Италии и Франции проблема лихачей сегодня решена оригинально и просто. При превышении скорости в 130 км в час где-то в навигаторе или в радио раздаётся сильный электрический сигнал внешнего темпомата полиции, так что поневоле скорость эффективно сбавляется. Светило солнце, цвели лимоны и вишни, а мы всё мчались дальше на юг. Поздно вечером въехали в город Чивитавеккия и быстро нашли там приличный отель.

Утром выяснилось, что мы уже в раю. Чивитавеккия (Civitavecchia) – чудесный портовый город провинции Рим региона Лациум. Основали его этруски. Отсюда в Тирренское море уходят паромы на Сардинию. Красивая приморская променада с пальмами и цветами, можно было бы и осесть, но нас тянет на юг Италии, которого мы ещё не видели. Поэтому снова помчались дальше во Флоренцию.

Исторический центр Флоренции был, по-моему, уже лет 20-30 назад переселён, но первое, что сегодня бросается в этом городе в глаза, – настоящий транспортный коллапс: тысячи мопедов, мотороллеров и мотоциклов. Наш

отель был обедневшим дворцом с гобеленами, портъерами и картинами, со старым телевизором с выцветшим экраном, душем стоя в ванной и приперченными ценами. Действительно ценной оказалась лишь стоянка для автомобиля в громадном дворе. Центр города – сегодня пешеходная зона, в которой трудно заблудиться. Кстати, особенно во всей Тоскане итальянцы предлагали нам и даже требовали от нас говорить только по-итальянски. Мы помчались к Старому мосту, прошли около и вокруг знакомого из прежних поездок собора. Везде довольно много объявлений на русском языке и много русских туристов. Цены в ресторанах и кафе о-го-го, а качество не особенное. Много полицейских. Вспомнилось стихотворение Саши Чёрного «Из Флоренции», написанное им в 1910 году.

В старинном городе чужом и странно близком
Успокоение мечтой пленило ум.
Не думая о временном и низком,
По узким улицам плетешься наобум...
В картинных галереях – в вялом теле
Проснулись все мелодии чудес
И у мадонн чужого Боттичелли,
Не веря, служишь столько тихих месс...
Перед Давидом Микеланджело так жутко
Следить, забыв века, в тревожной вере
За выраженьем сильного лица!
О, как привыкнуть вновь к туманным суткам,
К растлениям, самоубийствам и холере,
К болотному терпенью без конца?..»

На следующий день мы пошли к Старому Дворцу (Palazzo Vecchio), где расположена ратуша и музей. Прошлись по галереям музея, посмотрели бесчисленные картины, скульптуры и мебель. Там же, на специальной отдельной выставке был выставлен очередной выложенный бриллиантами череп работы Дамиана Хирста, очень напоминающий по своему дизайну усыпанные бриллиантами часы арабских шейхов где-то лет 30 назад. Сегодня так похоже выглядит дизайн крутых мобильных

кристаллами фирмы Сваровски. Европейский бомонд подобными украшениями и вкусом тогда ещё брезговал, но сегодня вроде ничего, привыкли. Сфотографировались в очередной раз под копией скульптуры Давида Микеланджело перед Старым Дворцом, поехали в пролетке...

Копия гигантской скульптуры Давида перед Старым дворцом

Наше такси пыталось лавировать и продвигаться вперёд в хаосе на улице. Это было довольно сложно, поскольку отовсюду выскакивали сотни велосипедов, мопедов, мотороллеров и мотоциклов. Один из них неожиданно дал газу и выскочил прямо под нашим носом. Водитель резко тормознул, и я ударился головой о приборную доску. Мотоцикл немедленно удрал. Я завыл от боли и попытался рукой сдерживать льющуюся из раны кровь. Приехала итальянская Ambulance, мне перевязали рану и повезли в больницу Ospedale Santa Maria Nuova Firenze, расположенную в старом, но хорошо переоборудованном здании католической больницы в центре. Санитар,

выгрузивший меня из амбуланса, сообщил, что медицинская помощь для туристов в Италии бесплатна. Симпатичная молодая менеджер приёмного покоя без особого интереса посмотрела на мой полис приватной страховки и очень оживилась, когда увидела карточку немецкой больничной кассы, на которой она обнаружила двенадцать звёзд Европейского Сообщества. Итальянцы вообще воспринимают ЕС очень серьёзно. Меня обследовали, сделали компьютерную томографию черепа для исключения вдавленного перелома, сделали прививку против тетануса. Маленькая, но очень энергичная *Dottora Monica Ciascheri*, командовавшая сменой в приёмном покое отделения травматологии и политравмы, провела первичную обработку раны на лбу и её зашила. Общее впечатление от уровня оказания помощи в Италии осталось хорошим. Единственный минус: врачи не хотели разговаривать ни на каком ином языке – только по-итальянски. Поэтому для меня стало неожиданностью, когда моя *Dottora*, несмотря на свой языковой национализм, вдруг напоследок, перед выпиской, заговорила на вполне приличном английском. Мы вышли из больницы под вечер и пошли гулять по Старому городу. Я немного пошатывался после пережитого и успокаивал супругу.

На следующий день после обеда поехали в город с семитским названием Сиена. По всей видимости оно было принесено на Аппенинский полуостров теми же этрусками и является по сути древним топонимом города Ассуан. Там, на острове Элефантина на Ниле, жили евреи – солдаты армии фараона, которые даже выстроили в египетской Сиене свой иудейский храм. Автострада из Флоренции на Сиену не только плоха, она просто безобразна. Масса выбоин и в довершение ко всему где-то посередине стоял полицейский заслон: недавно произошла автокатастрофа с погибшими. Над нами кружились вертолёты, а полиция уводила машины на просёлочную дорогу. В холмах Тосканы оба навигатора машины, включая взятый из дому собственный запасной, отказали. Промучившись в пробках не менее 3,5 часов, куда-то потом свильнули и неожиданно въехали на гору в Сиену. Стоянку для машины нашли как и все туристы у Стадиона,

взяли такси и поехали к собору, похожему из-за ещё более ярких чем во Флоренции полос порфира на белом мраморе, на гигантскую зебру. В Старом городе полным-полно магазинчиков и бутиков – и почти никакой зелени. Одна из улочек несёт имя коммуниста Антонио Грамши (Antonio Gramsci).

Сиена, Piazza del Campo

Сиена, вечный соперник Флоренции за первенство в регионе Тосканы сохранила особую историческую самобытность. В пределах старого города все осталось практически таким, как это было в XIII–XV веках, включая брусчатку. Именно здесь Франко Дзеффирелли снял свой самый итальянский фильм «Ромео и Джульетта». Piazza del Campo была создана в 1292 году, когда члены городского органа самоуправления, Совета Девяти, решили построить на месте пересечения главных улиц новую площадь, ставшую свидетельницей важнейших событий в истории города. Площадь была в 1349 году выложена красным кирпичом «в елочку», разделена полосами на девять частей, расходящихся веером, каждая из которых представляла одного из членов Совета Девяти и его кварталы. Так неровности рельефа были превращены в шедевр европейской архитектуры. Главным и самым красивым зданием на Piazza del Campo является Palazzo Pubblico (Общественный Дворец) с чудесной тосканской башней, где в средние века заседал Совет Девяти, а сегодня находится городской муниципалитет.

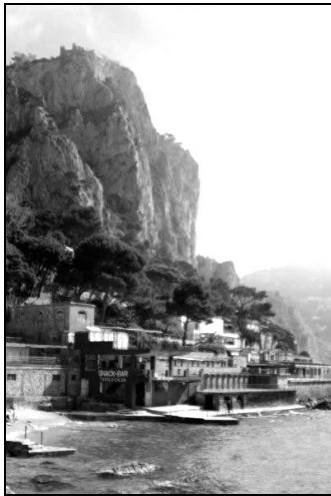
*В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни – свечи божества.
О, лукавая Сиена,
Вся – колчан упругих стрел!
Вероломство и измена.*

(Из стихотворения Александра Блока «Сиена», 1909 год)

Бродить по Сиене довольно тяжело – это не моя пологая Рига. Чудесная гора и холмы старого города больше подходят для альпинистов. Мы взяли такси и поехали на стоянку к Стадиону. Памятуя о том, что навигатор – плохая помощь в Сиене, договорились с водителем, что он выведет нас на своём такси через аллею кипарисов и пиний к выезду на автостраду. Расплатились и поехали на юг, а через метров 900 автострады вновь увидели полицейский кордон и гигантскую пробку. Мы удрали при первой возможности куда-то в сторону и поехали по совершенно незнакомым холмам через прихороженные тосканские деревушки. В отчаянии остановили приветливую пожилую, элегантную сеньору в продвинутом внедорожнике, которая, услышав наши стенания, дала спасительное направление – *Grosseto*. Мы неслись по ночной Тоскане несколько часов, выехали, наконец, на автостраду в Неаполь и нашли мотель.

Рано утром наша машина мчалась по обрамлённому цветущими вишнями, кипарисами и теми же пиниями шоссе. Стало теплее – +27°. У Неаполя автострада кончалась: мы расплатились, чтобы через несколько километров оказаться перед не охраняемым въездом на новую автостраду через город мафии, которая здесь зовётся *Ndrangheta*. У шлагбаума стоял какой-то бродяга, поджидавший водителей автомашин. Поскольку все тянули *тикет* из автомата и должны были опустить окно, бродяга пользовался этим обстоятельством и нагло забрасывал в машины какую-то дрянь, которую надо было у него купить. Итальянские водители побаивались что-то ему сказать и платили откат.

С автострады открывается чудесный вид на Неаполитанский залив, совершенно дикую живописную застройку города и горы мусора на улицах, лежащие там ещё с прошлого года. Об искусственном кризисе мафии из-за цен на уборку городского мусора сообщали газеты, но остатки отбросов всё ещё лежат на улицах и постоянно растут. Наконец, автострада кончилась, машина выехала на дорогу в Сорренто с ответвлениями на Везувий и Помпеи. Началась знаменитая горная гряда побережья Амальфи. По извилистой дороге доехали до Сорренто и без труда нашли там на главной улице отель. Купили после обеда поездку на остров Капри и погуляли по городу, в котором родился великий тенор Энрико Карузо. Главная улочка Сорренто, *Corso Italia*, выходит на мост через расселину в скалах, покрытую асфальтом и ставшую дорогой в маленький порт. Её можно увидеть с моста в центре, на *Piazza Tasso*. Поскольку Сорренто стоит на скалах, то рядом с этой *Mall* уютного и живописного города на склоне горы расположились узенькие боковые улочки, забитые магазинчиками и бутиками. Там приятно побродить и можно купить разные сувениры, в первую очередь итальянскую лимонную водку марки *Limetto*.

Наша маленькая марина на Капри

На следующее утро нас забрал микроавтобус, который объездил ещё с десятков других отелей, собирая экскурсантов. После этого всех посадили на баркас, и мы поплыли в сторону острова Капри, вблизи от Сорренто. Капри – живописный скалистый остров, расположенный в южной акватории по берегу Неаполитанского залива, в 36 км от Неаполя. Этот остров – шикарный курорт и излюбленное место отдыха знаменитостей со всего мира. При всём этом он аутентичен, без снобизма, а его пейзажи неповторимы. Сто лет назад здесь жил Максим Горький, приезжал отдохнуть Ленин и именитые русские революционеры. Вид на Неаполитанский залив с контурами вулкана Везувий напроsto поражает воображение. Поистине:

– Неаполь увидеть – и умереть!

Въезд в голубой грот на Капри

Наш баркас поплыл вокруг побережья и добрался до маленькой дыры – входа в скалу, сбоку которой поднималась куда-то наверх металлическая лестница. Капитан объявил, что мы находимся у легендарного голубого грота, посещение которого было обещано. Вокруг дыры нас ожидало множество шлюпок и небольшой понтон, на которых сидели итальянские пираты, собиравшие как, наверно, и тысячу лет назад отдельную мзду за посещение грота. Большинство пассажиров нашего баркаса спустились

по качающейся лестнице в качающиеся шлюпки. Никто не упал в воду, никто не утонул. Нам достался хорошо гребущий симпатичный мальчик. Он подплыл к входу в грот, на стенах которого висели цепи.

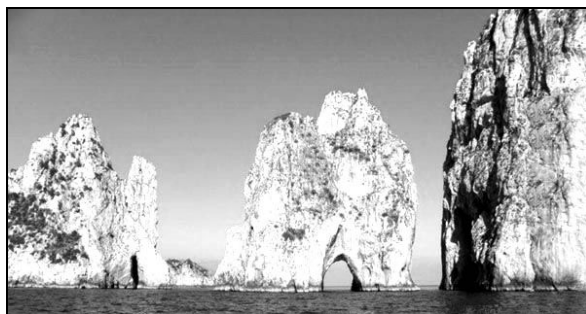

В голубом гроте на Капри

Перестав грести, попросил меня сесть на дно лодки и откинуться назад. После этого он предложил сделать то же самое моей жене и устроиться полулёжа у меня между ног. Неожиданно он сам лёг спиной на мою супругу, ухватился за цепи и направил лодку в грот. Мы въехали в кромешную тьму и пока там немного адаптировались, увидели источник света во входе и, наконец, голубизну грота. Долго любоваться этой красотой было невозможно, т.к. кавалькада лодок уже направилась к выходу. Наш гребец начал фальшиво петь *O sole mio* и тем же манером, по цепям, вывел лодку наружу. Подъезжая к баркасу, парень напомнил нам о своих чаевых и наврал, что он студент. Было красиво, но должен отметить, что гроты *Poiss'anicra* на израильской границе с Ливаном впечатлили меня намного сильнее.

Забрав экскурсантов, баркас поплыл дальше вокруг побережья, зашёл в смарагдовый грот и показал нам ещё много разных карстовых пещер. В конце концов мы причалили в маленькой бухте к маленькой марине под названием *Marina Piccolo*. Баркас оставил нас на острове до вечера. Одна из пассажирок, очень чёрная афроамериканка

из Лос Энджелеса, всё совместное путешествие на Капри непрерывно, не отрываясь, читала какую-то книгу. Я спросил ее, почему она не смотрит на достопримечательности Капри. На что получил неожиданный ответ: на сказочном Капри женщина скучала по Лос Энджелесу.

Три скалы у побережья Капри

Мы посидели в кафе марины, выпили капучино и покайфовали. Жёлтый автобус привёз нас в городок Капри на середине горы, где мы снова выпили кофе и потом спустились на фуникулёре в порт. Там вновь сели в жёлтый автобус и поехали по серпантину дороги в городок Анакапри, расположенный на скале ещё выше чем Капри, откуда открывается еще более сногшибательный вид на Неаполитанский залив и побережье острова. Владимир Маяковский писал Горькому в 1926 году

*Очень жаль мне, товарищ Горький,
что не видно
Вас
на стройке наших дней.
Думаете –
с Капри,
с горки
Вам видней*

Там действительно было видно намного лучше. И всё-таки Максим Горький поддался на уговоры, покинул рай и вернулся в Россию.

На верхней улице Анакапри шведский врач и писатель Аксель Мунте (*Axel Munthe*) построил в своё время шикарную виллу Сан-Микеле с громадным замечательным парком, названную так по имени святого из церкви, расположенной на одной из улочек пониже. Сегодня в этой вилле музей, она является собственностью шведского государства. Оттуда открывается совершенно потрясающий вид на побережье и Неаполитанский залив. В разное время на острове жили выдающиеся личности: императоры Октавиан Август и Тиберий, Уинстон Черчилль и Д.Д. Эйзенхауэр, В.И. Ленин и Анатолий Луначарский, Иван Тургенев и Максим Горький, Пётр Ильич Чайковский и Константин Станиславский, Генрих Манн и Томас Манн, Оскар Уайльд и Пабло Неруда, Амедео Модильяни и Альберто Моравиа, Фёдор Шаляпин, и, конечно же, Аксель Мунте – шведский врач и писатель, проведший в южной Европе практически большую часть жизни и написавший замечательные книги, – и многие другие известные люди. Самая лучшая из книг Мунте – *Легенда о Сан-Микеле* – была в своё время издана в СССР и очаровала читателей своей мемуарностью, фантазиями и байками из жизни знаменитостей. Мунте был долгие годы лейб-врачом шведской королевы Виктории, урождённой принцессы Баденской. В общей сложности он прожил на Капри с перерывами более 56 лет. С 1943 года и до самой смерти писатель жил в королевском дворце в Стокгольме на правах личного гостя короля Густава V.

Вид на побережье Капри из виллы Акселя Мунте

Выйдя из музея, мы не стали ожидать автобус в длинной очереди на стоянке, взяли такси и полетели по серпантину горы вниз к нашей маленькой марине, где экскурсантов ожидала скучающая на Капри чёрная коллега. Чтение своей книжки она уже почти закончила. В бухте причаливали и отчаливали катамараны с золотой молодёжью Европы. Подошёл баркас, мы продолжили наше буржуазное путешествие вдоль побережья, включая три знаменитые красочные скалы, через отверстие в одной из которых мы проплыли. Мотив этот в Европе очень известен. По-моему, в одном из голливудских фильмов там даже пролетел спортивный самолет.

Вечером сидели с женой в Сорренто в кафе, смотрели на соррентинцев и разговаривали на иврите. Неожиданно за нашими спинами послышалось *Шабат шалом!* Это была израильская пара, остановившаяся в 12 км от Сорренто в одном из *Ressorts*. Услышав, что номер в отеле «Эскот» стоил лишь 80 евро за ночь, они впали в депрессию. Израильская туристическая агентство продала им дорогие путёвки вдаль от Сорренто почти за 200 евро за ночь – и это на десять дней и в изоляции от центра города. Вообще на протяжении всего нашего путешествия мы видели довольно много израильтян, наслаждавшихся весенней Южной Европой. Наших новых знакомых в Сорренто мы попытались успокоить указанием, что там, в *Ressort*, очевидно, намного красивее и спокойнее, но те успокаиваться не хотели.

На улицах Сорренто мы увидели итальянский юг, *il Mezzogiorno*, прямо из фильмов неореалистов. Пожилые и одетые в чёрное южноитальянски крохотные черноволосые матроны в античных хлопчатобумажных чулках вышли на улицы из церкви. Такие чулки носили в Риге в 1960 годах консервативные дамы из провинции. А в отеле по углам толпились итальянские подростки в возрасте полового созревания, с шейными платками скаутов и зубными проволочными подтяжками стоматологов-ортопедов. Весь вечер они бегали друг за дружкой по коридору нашего этажа, зажимались и целовались в углах.

На следующий день такси повезло нас по побережью в город Амальфи, некогда один из четырёх знаменитых и богатых городов-республик средневековой Италии. С горы, на которой вырублена дорога, открывается изумительный вид на побережье. Я попросил жену быстрее фотографировать, на что она мне неожиданно ответила:

– Не могу. Я боюсь смотреть вниз...

На одной из смотровых площадок я решил лично проверить это утверждение. Должен сказать, что вид сверху, с громадного отвесного скалистого массива, вызывает очень нехорошие ощущения в области желудка. Совершенно изумителен странный город пресыщенных миллионеров Позитано (*Positano*), где оценочно с высоты, вокруг маленького пляжа на скале грузятся сотни шикарных вилл. Судя по местному юмору, число инфарктов в Позитано должно быть очень велико. Сообразно этим шуточкам, когда очередной миллионер в возрасте идёт в туалет новоприобретённой виллы, откуда он может наслаждаться уникальным видом из панорамного окна, как правило, в первый же день пребывания здесь у него от страха наступает сердечный приступ. Я не знаю деталей организации оказания медицинской помощи в этом удивительном городе, но эвакуация заболевших и пострадавших проходит очевидно на судах, которые заходят для этого в Позитано, или на вертолётах. Но к причалу на побережье ещё надо как-то добраться со скалы...

Позитано. Вид со смотровой площадки

Мы балдели ещё полчаса, глядя из окон мчащегося по горной дороге такси, и въехали, наконец, в город Амальфи, который мне напомнил некоторые мотивы картин раннего Сальвадора Дали. Шофёр нашёл себе стоянку в маленьком порту и остался охранять свой Мерседес, а мы ушли пить *latte macchiato* в кафе и глазеть по сторонам. По дороге назад в Сорренто остановились у кооператива народных промыслов, продающего итальянскую керамику с орнаментами и картинами за грандиозные деньги. Жена купила ожерелье из особых бусинок и ещё какие-то браслеты для себя и для нашей дочери. Дорога назад очень напомнила *Highway Nr. 1* в Калифорнии, – только была ещё краше.

Следующий день был днём отъезда, но мы решили рано утром ещё съездить на поезде в Помпеи. Поездка из Сорренто в Помпеи продолжалась где-то полчаса. У входа в археологический парк стояла громадная очередь, и многочисленные гиды предлагали свои частные услуги. Очередь удивительно быстро разошлась, а гидов, которые себя навязывали, мы по старой привычке брать не стали. Оставив в залог мое удостоверение личности, взяли наушники электронного гида. Этого оказалась вполне достаточно, мы не пожалели.

Археологический парк Помпеи

Извержение Везувия произошло в 79 году н. э. В считанные часы вулкан, считавшийся до этого потухшим, уничтожил несколько расположенных у его подножия городов, таких как Помпеи, Оплонтий, Геркуланум и Стабия. Об этом повествует письмо римского учёного Плиния младшего Тациту. Тысячи жителей погибли от отравлений вулканическими газами, выделяемыми во время и после извержения из кратера, из трещин, расположенных на склонах вулкана, из лавовых потоков и пирокластических пород. От удушья скончался Плиний Старший, дядя Плиния Младшего. Горячий пепел вулкана обволакивал тела погибших людей и животных, создавая причудливые скульптуры из окаменелых трупов, пережившие два тысячелетия. Вспомнилась знаменитая картина русского художника К. Брюллова *Последний день Помпеи* (1833). На самом деле в городах у подножья Везувия никто никуда не бежал, всё было намного страшнее: отравленные пирокластическими газами люди уже в начале извержения лежали без сознания, бездыханные, на горячей земле.

Падающая башня в Пизе после реконструкции

Несколько часов мы бродили по развалинам кварталов и храмов древнего города и восхищались его цивилизацией. В павильонах за стеклом выставлены археологические находки, включая останки людей и животных, ставших скульптурами. Помпеи – грандиозный археологический парк, в котором раскопана лишь малая часть города. Побродив, пообедав в ресторане и накупив книг и *DVD*, пошли к поезду. В лотках по дороге к станции также продавались альбомы и напитки. В одном из них торговала молодая пара из Ставрополя, которая уже успела пожить в Нью-Йорке, потом в Германии, а теперь зацепилась в Италии. В Нью-Йорке парень работал официантом в русском ресторане на Брайтон Бич и семь раз напрасно пытался выиграть в лотереее грин карту. У него ничего не вышло, – так он оказался в Европе. Хитом их торговли были искусствоведческие альбомы под интригующим названием *Запрещённые Помпеи*. Запрещённого там ничего не было, можно было лишь найти фотографии эротических художественных артефактов древних римлян. Один из альбомов мы купили. Вывод: 2 000 лет назад люди были скроены не иначе чем сегодня.

Вернувшись в Сорренто, съели по порции замечательного мороженого и, попробовав удивительное по вкусу пирожное, попрощались в отеле с портье, с сожалением оставили уютный город и поехали на север. У безлюдных домиков и шлагбаумов на автостраде в Неаполь уже торчал какой-то оборванец: не то цыган из Румынии, не то магрибинец-североафриканец. Когда мы подъехали к автомату забрать *тикет* и рассчитаться, для чего опустили стекло в окне, он начал гундосить:

– *No moneta, no moneta...*

Имея, очевидно, в виду, что платить надо только купюрами. Большого доверия его указание не вызвало, поэтому мы всё-таки швырнули в открытый ящичек требуемые два евро. Ящичек немедленно закрылся, шлагбаум поднялся, машина тронулась. Оборванец разочарованно выдал из себя:

– *Arrivederci...*

Машина мчались по автостраде на север в мой самый любимый итальянский город Пиза, родину Галилео Галилея, лежащий на реке Арно. Можно, кстати, исходить из того, что учёный был так назван в честь израильской Галилеи, поэтому его имя этимологизируется тогда как *Галилеянин из Галилеи*. С рекой связано становление Пизы в средневековой морской торговле, а после заиления – её упадок. Двадцать лет назад мы въехали в Пизу ночью, и прожекторы грандиозно высвечивали собор и Пизанскую башню. На этот раз мы прозаически крутились ночью по *Via Aurelia* и долго искали отель. Пиза выросла и где-то немного потеряла своё колдовство чудесного и сравнительно небольшого города. Но отель мы всё-таки нашли, а машину оставили на синих линиях уличной стоянки, где в 8.00 утра уже надо было кормить автомат монетами евро.

Встали в шесть утра, позавтракали воздушными булочками с мармеладом, накидали монет в парковку и отправились пешком через мост Арно к собору. Было большим удовольствием снова пройтись по знакомым улицам города, мимо здания гимназии, потрясающий фасад которой делает честь любому дворцу эпохи Возрождения. Что-то изменилось на площади у собора. Она стала, по моему, ещё меньше, так много там всего перестроили. Всегда, когда я приезжаю в Пизу, люблюсь этим ансамблем: красивой церковью, всемирно известной и удивительной по красоте «падающей» башней и баптистерием с его потрясающим круговым эхо. Прижмёшься к стене, повернешь голову направо и скажешь что-нибудь, а это «что-нибудь» примчится к тебе в левое ухо. На площади к прохожим приставали африканцы и говорящие басом африканки, многие из которых неплохо говорили по-немецки, предлагая фальшивые *Ролексы* за 30 евро. Значит, уже побывали в Германии и удрали оттуда в солнечную Италию. Походив и потолкавшись на площади, мы пошли обедать в ресторан *Il Toskana* в двух шагах от собора, где смогли насладиться традиционной тосканской кухней. Сто лет назад о Пизе хорошо писал Николай Гумилев.

Солнце жжёт высокие стены,

*Крыши, площади и базары.
О, янтарный мрамор Сиены
И молочно-белый Каррары!*

*Все спокойно под небом ясным;
Вот, окончив псалом последний,
Возвращаются дети в красном
По домам от поздней обедни.*

*Где ж они, суровые громы
Золотой тосканской равнины,
Ненасытная страсть Содомы
И голодный вопль Уголино?*

*Ах, и мукам счет и уладам
Не веками ведут – годами!
Гибеллины и гвельфы рядом
Задремали в гробах с гербами.*

*Все проходит, как тень, но время
Остается, как прежде, мстящим,
И бывшее, темное бремя
Продолжает жить в настоящем.*

*Сатана в нестерпимом блеске,
Оторвавшись от старой фрески,
Наклонился с тоской всегдашней
Над кривою Пизанской башней.*

Пиза (Солнце жжет высокие стены...), 1912 год

Такси подвёзло нас к стоянке машины. Мы ещё раз полюбовались набережной Арно, нашли знакомый чудесный мотив – белоснежную капеллу Санта-Мария-делла-Спина, сели в машину, выехали на автостраду и помчались вдоль Лигурийского моря к старой сопернице Пизы – Генуе, где в 40 км к востоку расположился курортный город Рапалло. В прошлом рыбацкий поселок, который благодаря природной красоте и мягкому климату превратился в элитное место отдыха. По популярности этот курорт уступает сегодня лишь очень близким соседям Портофино и Санта-Маргерита Лигуре, вместе с которыми образует совершенно

уникальную агломерацию плавно переходящих друг в друга городов-соседей вдоль чудесных романтических бухт Итальянской Ривьеры. Курорт Рапалло был в начале XX века местом важных международных конференций: в 1917 году здесь прошла конференция стран Антанты, постановившая создать Высший военный совет. Три года спустя, в 1920 году, Италия и Югославия урегулировали в Рапалло территориальные споры, возникшие вследствие распада Австро-Венгрии. А в 1922 году здесь установили дипломатические отношения и вышли из политической изоляции два тогдашних государства-изгоя: РСФСР и Веймарская республика (Германия). Рапалльский договор означал окончание международной дипломатической изоляции РСФСР. Со стороны России (РСФСР) этот договор подписан Георгием Чичериным, со стороны Германии (Веймарская республика) – Вальтером Ратенау. Знали ведь где встречаться...

Агломерация городов у Рапалло совершенно уникальна. Живописные скалистые бухты, покрытие пиниями и пальмами, светлая разноцветная, итальянская архитектура с пастельными фасадами времён *Belle Époque*, романтические марины, забитые яхтами всевозможных размеров, мягкий тёплый климат и удивительное спокойствие этого побережья, так хорошо отражённое в картинах и постерах американца Томаса Макнайта (*Thomas McNight*)...

Каток на пляже в Санта Маргерита Лигуре

Вдоль побережья и променад ведёт узковатая дорога, а между Портофино и Санта Маргерита даже провели на скалах пешеходную бетонную эстакаду, по которой миллионеры идут погулять или убегают от инфаркта. Рядом с пляжем Санта Маргериты стоит ледяной каток, на котором дети и взрослые могут покрутиться в жару на коньках. Сладкое загнивающее декадентство богатой Северной Италии, которое так приятно пахнет...

Портофино – это легенда. Чопорные англосаксы, особенно британцы, уже давно облюбовали живописную бухту. Одна из самых интересных улиц Лондона со многими магазинами по продаже предметов античности носит название *Portofino*. Британцев много и на самом курорте с полностью снятыми номерами отелей, несмотря на дикие цены. Полно полиции, охраняющей богачеев. И как следствие всего этого практически полное отсутствие парковки. Мы покрутились немного в легендарной бывшей рыбацкой деревушке с её крохотной *Plaza*, поглазели на прелести, с трудом развернулись и уехали назад в Санта Маргерита Лигуре, где остановились в отеле на набережной с прекрасным видом из окна на море, почти как на картинах импрессионистов. Погуляли по набережной, зашли в марину поглазеть на яхты, офисы лоцманов и агентов по продаже судов. Вернулись на набережную с пальмами, чтобы снова погулять и фотографировать. На Ривьере полно агентов и офисов по продаже недвижимости и яхт. Похоже, что это здесь непреходящий, вечный бизнес вне зависимости от состояния мировой экономики.

С утра мы вновь выбежали на набережную, чтобы насмотреться святой Маргеритой на весь год, погуляли-пообедали и со вздохом сожаления выбрались на автостраду к Генуе. С отрезком от Генуи до Канн (более 200 км) я был хорошо знаком из прошлых путешествий. Знал и об опасностях сравнительно короткого отрезка от Генуи до границы Италии – Вентимилья. Дело в том, что итальянцы большие любители пробивать туннели в скалах, и на этом отрезке их многие десятки. Несмотря на писк темпомата дорожной полиции, автомашины, в том числе и тяжёлые грузовики, обгоняли, подрезали и всюю сигналили. О

110 км в час, и даже о 130 км в час не было речи: все неслись намного быстрее по автостраде как ненормальные. Туннели и с ними связанное частое *нырк-нырк* в темноту достали меня у Сан Ремо – там мы начали спуск с высоченной горной гряды, на которой выбита эта автострада, вниз к городкам итальянского побережья. Съехали – и тут же пожалели: внизу было также полно серпантина горных дорог и, кроме того, на каждом перекрёстке полицейские, отлавливающие тунищцев, удравших из эмигрантских центров итальянских городов в сторону их мечты – Франции. Ещё вчера они были несчастными пассажирами барок, добравшихся до острова Лампедуза, а сегодня уже массово на итальянских дорогах, без гроша в кармане, зато с большим сокровищем во рту: знанием французского языка. Путешествие по забитым автомобилями итальянским городкам шло чрезвычайно медленно, и я пожалел, что спустился с горы. Поэтому мы снова начали восхождение на верхотуру автострады, занявшее в общей сложности более получаса. Снова *нырк-нырк* по туннелям пока как-то обыденно на скорости 110 км в час проехали вывеску *France*. Мы во Франции. Кончилась итальянская Ривьера, начался Лазурный берег Франции (*Côte d'Azur*).

Скоростное шоссе стало шире, грузовики держались правой стороны и не обгоняли, внешний темпомат французской полиции убедительно призывал к дисциплине на территории департамента *Alpes-Maritimes*. У указателя начали спуск с горы и поехали через город *Le Cannet*, практически пригород Канн, раскинувшийся на склоне горы, и где-то через минут двадцать оказались на Круазет (*Croisette*), всемирно известном приморском бульваре Канн. Свободных мест для стоянок на улице нет, но зато появились громадные дома для парковки. Мы оставили машину в одном из них, принадлежащем одноименному люксовому отелю *Palais Stéphanie* и вышли на бульвар Круазет. Прогулялись там в поисках приемлемого ресторана, но подавляющее большинство из них куда-то испарилось. Зато появились шикарные отели с не менее шикарными ресторанами и умопомрачительными ценами.

Наш маленький и уютный отель Le Fouquet's в двух шагах от набережной, где мы раньше обычно останавливались, оказался закрытым. Лет десять назад муж владелицы отеля, рассказывавший мне, что он больше не еврей, а просто европеец, разошёлся со своей французской женой и открыл киоск в районе порта, справа от марины. Пара развелась, но, по всей вероятности, как правильно делают дела с недвижимостью, разведённая жена моего героя тоже не знала. Поэтому мы сейчас стояли перед запертыми дверьми небольшого отеля. Fin!

Сегодня в Каннах можно повсюду найти следы того кровопролития, которое принёс с собой последний финансовый кризис. Многочисленные фирмы по сдаче в наём апартаментов делают это на срок не менее одной недели. Особенно хорошо это заметно по второй по значимости улице Канн, Rue de Antibes. Раньше здесь было много галерей-трендсеттеров, ресторанов и кафе. Кафе остались, а вот рестораны и галереи, которые делали улицу наряднее и интереснее, куда-то исчезли. Для ресторанов обеих главных улиц мэрия теперь определила место вблизи Старого города около холма Сюке, недалеко от марины и фестивального дворца. Движение транспорта на Rue de Antibes одностороннее, по бокам тротуаров установлены какие-то авангардистские металлические шары. В Каннах жили русский генерал Николай Юденич и писатель Проспер Мериме, Эдит Пиаф, французский писатель и министр иностранных дел Франции XIX века Алексис де Токвиль. Здесь похоронен сын Томаса Манна, – писатель Клаус Манн; в Каннах умер великий французский актер, режиссёр, скульптор, декоратор, художник, автор книг и прославленный каскадёр Жан Марэ.

Город был основан в I веке до н. э., а с X века известен как Кануа. Окситанская этимология топонима подозрительно семитская, т.к. ивритское кане – труба, палка или измерительная палка перешло в латынь и греческий из иврита и развилась там в Kanna и canna = труба, а также служит латинским обозначение тростника. Канны были рыбацкой деревушкой, пока после наполеоновских войн один английский лорд открыл для себя и для британской

знати эту бухту и выстроил там виллу. В конце XX века в Каннах появились русские: в 1879 году сюда прибыла супруга русского царя Александра II, императрица Мария Александровна в сопровождении сыновей Сергея и Павла. В 1888 году Ги де Мопассан писал о Каннах:

– Принцы, принцы, повсюду принцы.

Вход в легендарный отель Картлон в Каннах

Сегодня стало намного меньше арабов, зато много новых русских принцев – детей крупных, средних и мелких олигархов новой России. В относительно недорогом отеле Regine нашими соседями была очень приличная новорусская молодёжь. Особенностью Канн является, среди прочего, узкий песчаный пляж, поделенный между шикарными отелями. Муниципальный пляж находится сбоку. Песчаный пляж – большая редкость на итальянской и французской Ривьере. Каждый вечер песок пляжа бороздится маленьким трактором с плугом, сотрудники пляжных ресторанов ищут с миноискателями металл в песке, проводится дезинфекция и поливка. Короче, этим занимаются серьёзно, поэтому и цены за вход, пользование лежаком или шезлонгом, не говоря уже о замечательном меню и дорогих блюдах тут же,

в ресторанах на пляже, соответствующие. Большие отели активно используют свои пляжи вечерами, организуя там закрытые приёмы и пати. Для красивых старлеток и люксовых проституток дело чести раздеться и показать свои безукоризненные тела именно здесь, на причалах суперотелей Carlton или Majestic. А уж во время Фестиваля фильмов чарующие женские прелести показываются журналистам и продвинутой общественности просто так в надежде, что добрые дяди откроют их глубокие артистические таланты.

Вечером мы зашли в ресторан Асто (Astoux) у марины на Rue de Antibes, где ещё можно попробовать настоящую средиземноморскую уху – буайабез (Bouillabaisse). Рядом с нами обедала сегодняшняя денежная знать: китайцы и русские. Эти заказали самые дорогие блюда с выбором редких пород рыб и креветок. Недалеко от ресторана – аллея платанов с обрезанными кронами и большая площадь, где коренные истинные французы проводят время, играя в шары – петанк (Pétanque). В Северной Африке, в Турции и Великобритании эта игра зовётся боча. Французы могут весь день играть в петанк, что и пробуют делать крепкие здешние пенсионеры. Годы назад нам посчастливилось присутствовать в Каннах в августе на финальном представлении ежегодного международного пиротехнического фестиваля, который проводится здесь в конце августа. Это было незабываемое зрелище фейерверка с музыкой.

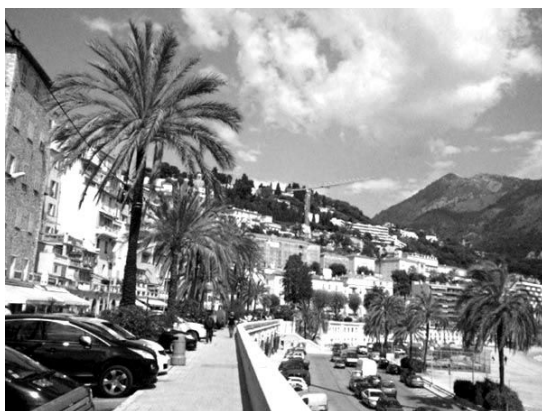
Французы играют в петанк. Канны

Наутро моросил дождик, молодые старухи дефилировали со своими Touboys или сидели с ними в кафе. Мы прогулялись вновь по Круазет, сфотографировали два острова залива Напуль: Sainte-Marguerite und Saint-Honorat. На каждый из них можно съездить на пароме, но для этого уже не оставалось времени. Пока жена любовалась сумочками Gucci в окнах еще закрытого фирменного магазина, я обратил внимание на куль, лежавший неподвижно около безумно дорогих сумок. Куль неожиданно зашевелился и разогнулся. Это была толстая арабка-уборщица в балахоне, прервавшая работу на время молитвы.

Мы рассчитались в отеле и сели в машину. Прощайте Канны! Даст Бог, увидимся ещё раз. Мы решили посмотреть ещё и на Лазурный берег и потихоньку поехали по просёлочной дороге в Ниццу, в город, где родился Джузеппе Гарибальди и похоронен Александр Герцен, где умер великий скрипач-виртуоз XIX века Никколо Паганини. Вообще-то Ницца знает много morbидных историй: в 1927 году на Английской набережной на виду известного отеля Negresco трагически погибла в автомобиле жена Сергея Есенина, танцовщица Айседора Дункан. Длинный газовый шарф запутался в колёсах автомобиля и задушил её. В середине XIX века город посетила русская императрица и в бухте Вильфранш была приобретена земля, построены дома для императорского дома. Сюда потянулась состоятельная русская знать. Перед Первой мировой войной там жило около 3 300 русских, а в 1930 году уже насчитывалось 5 312 человек, покинувших Россию во время и после революции. Во время Второй мировой войны многие из них, особенно люди с еврейскими корнями, эмигрировали в США. Здесь, на галечном берегу, случались несчастья: в 1969 году цунами неожиданно унёс жизни 23 жертв.

Мы ехали не торопясь, наслаждаясь грандиозными видами на умопомрачительные бухты, одна краше другой, пока добрались до Монако и спокойненько въехали в город Монте-Карло. Проехались шагом по городу миллиардеров. Что мне вам сказать? Старое Монте-Карло исчезло, мы ехали через ущелья шикарных небоскрёбов, перед входом в

каждый из которых стояли десятки местных и французских полицейских и жандармов, а также плечистых молодых людей в гражданском. Такого огромного количества накрученных тусовок я не видал даже в Нью-Йорке на Бродвее. Попытались заехать в марину, но там была такая дикая пробка, что я был рад оттуда удрать. Наконец добрались до границы герцогства, глубоко вздохнули и въехали в столицу лимонов и цветов, пограничный французский город Ментон.

Набережная в Ментоне

Тридцать лет назад мы останавливались здесь ещё в дешёвом отеле с туалетом в коридоре. Причём этот самый туалет был подвижным: он не стоял на одном месте, а передвигался на мокром ковре вместе с использовавшими его гостями. Эти воспоминания теперь принадлежат прошлому. Ментон сегодня – такой же шикарный курорт как и все остальные на Лазурном берегу, с прекрасной набережной и множеством симпатичных ресторанов и итальяно-французским населением. В один из таких ресторанов мы зашли пообедать – и не пожалели. Его владельцем оказался певец-баритон, который 17 лет назад гастролировал в *Deutsche Oper* в Берлине. Больше он уже не поёт, зато нашёл себя в ресторане и заботится о прекрасной средиземноморской кухне. Мы побалдели немного на берегу, сфотографировались, попрощались, отъехали и через

800 метров оказались в Вентимилья, в Италии. Снова подъём на автостраду на горе, снова *нырк-нырк* через итальянские туннели, пока мы не проехали Геную и направились на север в сторону Милана. Автострада поднималась всё выше, нам закладывало уши, стало холоднее. Рай остался позади.

Изгнание из ряя. Возвращение

Наш навигатор посоветовал наикратчайший путь на север через итальянский Варезе и швейцарскую Беллинцона, второй по значению город италоязычного кантона Тессин. В прошлом во время отпусков я нередко проезжал тут через Швейцарию в Германию. На этот раз трасса оказалась очень тяжёлой: жуткие пробки, ремонт дорог и связанное с этим ограничение скорости. Мы немного вздохнули, когда проехали Варезе, и направились к знакомому пограничному переезду. Там меня уже ждал громадный швейцарец в униформе и с автоматом наизготовку, который приказал свернуть направо. Маленькая таможенница потребовала купить виньету за 35 евро. Сдачу я получил швейцарскими франками. Слава Богу, меня из-за свежего рубца на лбу не приняли за члена Аль-Каиды, и мы продолжили наше путешествие до Лугано. После итальянской и французской Ривьеры чистенькая Швейцария воспринималась как-то очень уж прозаически и немного бледно.

Мы поверили навигатору и выбрали дорогу на Мюнхен через перевал Санкт-Бернардино. Это было нашей большой ошибкой. Стало темно, автобан сменился обычной асфальтированной дорогой без освещения, с редкими встречными машинами. Позже я вычитал, что высота перевала составляет 2 065 метров. Стало холодно, снаружи лежал снег, бортовой компьютер показал минус 4°C, а мы медленно поднимались и поднимались в гору до указателя выше 1 700 метров над уровнем моря. Здесь проходит водораздел Европы и языковая граница между итальянским и германскими языками. Наконец шоссе подровнялось и стало шире, а дорожные щиты показали направление Хур (*Chur*), столицу немецкоязычного кантона Граубюнден. Заехали ночью в Хур, долго искали отель и нашли один в центре, за номер в котором швейцарцы хотели громадные

деньги. Таксист по имени Мухаммед взялся привести нас в отель подешевле и получил за это пять евро. В отеле подешевле номер стоил 130 евро и у нас уже не было сил. Старый телевизор не работал, зато кровать была мягкой.

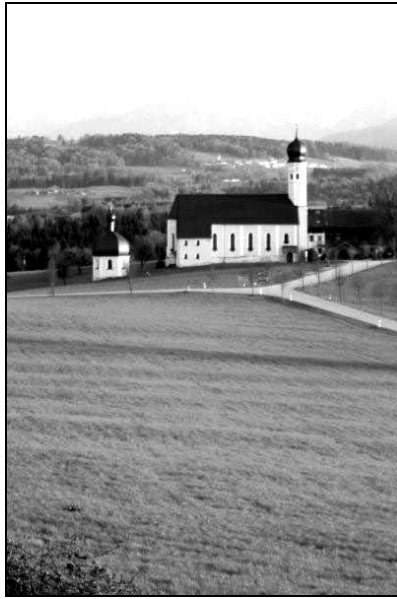

Вид на Хур из окна отеля

Утром мы встали попозже, долго наслаждались панорамой Альп из окна нашего апартаменты. Позавтракав, сели в автомобиль и покатали к границе Германии, теперь уже по нормальным швейцарским автобанам, которые сверкали тысячами кварцевых и сланцевых *бриллиантов*. Местность, по которой мы неслись, находится на стыке Германии, Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна. В Лихтенштейне, куда звали дорожные щиты, нам делать было нечего, хотя дорога вела во второй по значению городок герцогства с ивритским названием Шаан (*Schaan*). Проклятые навигаторы заводили нас несколько раз в Австрию, оттуда обратно, пока мы, наконец, переехали немецкую границу. Автобан в баварском Алгое (*Allgäu*) вёл нас в Вюрцбург, поэтому мы немного расслабились, но не надолго.

В прекрасной Германии в последние годы получил распространение опасный вид дорожного хулиганства: с мостов над автобанам на проезжающие автомобили бросали большие древесные блоки и камни. Даже были случаи смертельного исхода такого «баловства». Неожиданно где-то в 100 метрах впереди от нас опасно завилял и резко затормозил *Mercedes*, а за ним все

остальные машины. Пришлось и нам остановиться. Оказалось, что по мосту автобана проехал на поля баварец с громадной цистерной, в которой была собрана пульпа его коров и свиней для удобрения полей. Поскольку он, очевидно, был человеком очень остроумным, то сбросил немного своего дерьма на шикарные автомашины внизу на автобана и быстренько удрал. Женщина в обделанной автомашине исходилась криком и требовала вызвать полицию, но муж посадил её назад в кабину и поехал быстро искать мойку где-то поблизости. После этого мы уже с опаской проезжали под мостами скоростной дороги.

Баварский ландшафт

Дорога на Берлин была рутинной и вечером мы ехали по бульвару Кудамм недалеко от нашей квартиры. Стоял симпатичный апрельский, солнечный вечер. Мы вернулись домой из европейского рая, проделав 4 323 км за немногим более чем две недели. Теперь будем долго вспоминать эту поездку.

Послесловие

Через четыре дня я вытащил из почтового ящика письмо полиции земли Саксония-Ангальт с моими чёткими фотографиями в несущейся автомашине и с просьбой дать объяснение по поводу превышения скорости на автобане на 21 км в час.

Куда я засунул мою страховку для адвоката и судебных тяжб?

Михаил Зеликин

Путевые и непутевые заметки с атомной начинкой

то не мечтал о дальних странствиях? Ведь странствия предполагают неожиданности. Меня всегда удивляло настойчивое стремление людей лишиться дарованного нам счастливого неведения и предсказать свое будущее. Это стремление порождает все виды гадания, астрологию, хиромантию и прочую дребедень. Из страха перед будущим, пытаясь себя обезопасить, люди недооценивают радость неожиданного и прелесть непредсказуемости.

Я и мой коллега по кафедре Александр Сергеевич Демидов, или попросту Саша, не лишены некоторой авантюрной жилки. То, что нам удалось осуществить, год назад показалось бы мне несбыточным. За два месяца мы пересекли на автомобиле 15 независимых государств, преодолев в общей сложности 15 115 километров. Это означает, что наша крейсерская скорость была около 250 километров в сутки. При этом следует учесть, что в некоторых местах мы останавливались примерно на неделю, но зато в иные дни проезжали и по 1 000 километров. Мы ехали вдвоем; машину вел Саша. А наша машина – это всего лишь четверка (4-я модель «Жигулей») и все же Саша ухитрился держать на хороших дорогах до 140 км/час. Иногда скорость доходила даже до 160, но тут Саша пугался собственной храбрости и возвращался к 140, обгоняя подчас не слишком торопливые мерседесы.

Кстати о мерседесах. Для ускорения таможенных процедур мы взяли с собой бумагу от университета с просьбой оказывать содействие профессору и доценту МГУ, направляющимся в научную командировку. Бумага

оказалась волшебной, после ее прочтения все вопросы к нам сами собой отпадали. Правда, один из таможенников, читая эту бумагу, укоризненно покачал головой: «Профессор и доцент должны ездить на мерседесах».

Наша машина с российскими номерами вызывала живейшее любопытство у впечатлительных итальянцев и французов. Когда, например, мы остановились около русской церкви в Ницце, то из группы стоявших поодаль французов послышались восторженные возгласы: «Месье Путин!» Мне показалось, что возгласы относились скорее к машине, но Саша воспринял их на свой счет. В Сашиних чертах при должной фантазии действительно можно усмотреть некоторое портретное сходство с президентом. Скромно потупясь, он попытался несколько охладить восторг толпы: «Да нет, я всего лишь его кузен».

Вся авантюра была в некотором смысле результатом случая. Обстоятельства сложились так, что нам пришлось сразу несколько приглашений на лекции и на выполнение совместных научных работ в разные места и в очень близкие интервалы времени. Саша, который в это время находился в командировке во Франции, предложил мне объединить их в единый тур и взялся осуществить его за рулем своей машины.

Варианты тура, которые он предлагал, были раза в полтора длиннее и на порядок утопичнее того, что мы реализовали. Я слегка тормозил его разыгравшееся воображение. И мы выработали ориентировочный маршрут, связавшись с друзьями и коллегами, которые живут и работают по намеченному маршруту с тем, чтобы иметь возможность делать у них доклады о наших результатах. В конце концов остановились на следующем: последняя неделя сентября на конференцию в Крыму; десять дней в начале октября на доклады и совместные исследования в Международной Школе Высших Исследований (SISSA) в Триесте; далее Ницца-Гренобль-Лион-Дижон-Париж-Гавр-Руан-Страсбург-Хемниц-Герлиц-Минск-Москва с докладами и совместными работами практически в каждом из пунктов.

В Крыму – море, воздух, песни... Море самое чистое из всех известных мне черноморских мест. Место называется Батилиман, в переводе с греческого – Глубокая гавань. Воздух густой и смолистый; виновник – эндемичный древовидный можжевельник. Песни каждый вечер; сюда по традиции приезжает компания людей, которые любят и умеют петь. Неделя в Крыму пролетела как песня.

Когда мы выезжали из Москвы, нас пугали бандитами, которые, дескать, свирепствуют и грабят на Украине, в Польше и Белоруссии. Но к концу путешествия мы окончательно убедились, что бояться надо не бандитов, а чиновников, милицию и полицию, которые вроде бы призваны от этих бандитов защищать. Грабят именно они, и притом на «законном» основании. Вот мы приезжаем на украинский таможенный пункт. Сразу начинаются поборы. Проверка чистоты выхлопа машины: подсоединяют прибор, он показывает ноль вредных веществ. Оплатите проверку. Заплатите за дезинфекцию машины. Не хотите делать дезинфекцию, не надо. Но заплатить надо. Без квитанции об оплате вас не выпустят. Сколько раз и за что мы платили, не помню. Короче, ситуация как с Хаджой Насреддином при его въезде в Бухару. Стражник спрашивает: «Зачем едешь? По делам? Плати деловую пошлину. Родственники в Бухаре есть? Плати гостевую пошлину» и т. д. Наконец: «А у твоего осла есть родственники в Бухаре?» Не выдержав, Ходжа Насреддин отвечает: «У моего осла очень много родственников в Бухаре. Иначе наш эмир давно бы слетел с трона, а ты, любезный, за свою жадность угодил бы на кол!»

Вырвавшись из когтей таможенников, въезжаем на Украину. Не успели проехать и сотни километров, как нас останавливает отряд автоматчиков в камуфляжной форме. Представляются: «Экологический контроль». Мое зеленое сердце радуется: «Надо же, как заботятся об экологии!» Но радость недолгая. Они говорят, что проверяют выхлопы машин. Мы им объясняем, что наш выхлоп только что проверили и вредных веществ не обнаружили. Они настаивают. Подсоединяют свой прибор и он, разумеется, зашкаливает. Платите штраф! Возмущенный Саша геройски

пытается протестовать. Автоматчики весело шутят и приглашают поговорить с командиром. Командир сидит в машине как паук в центре паутины. Он Сашу увещевает: «Не волнуйтесь и оплатите. За это мы Вам дадим бумажку, что у Вас все в порядке, и больше Вас никто не тронет. Эта бумажка действительна до конца года на всей территории Украины». Подчиняемся. Ничего не напишешь, у них автоматы. Острый глаз Саши замечает, что «экологический контроль» останавливает машины только с российскими номерами.

По Молдавии мы проехали всего 800 метров. На таможне опять подати. Но совсем понемножку. Но зато их чуть ли не 20 штук. За каждую ставят печать. Прежде чем окончательно пропустить считают число печатей. «А у вас их всего 19. Одной не хватает». Бежим доплачивать. Спрашиваем девчушек, которые ставят печати: «Зачем вас тут столько сидит? Посадили бы одну; она бы и брала все деньги». Они извиняются: «Так велено. А другой работы нет».

Это наше рационализаторское предложение оказалось реализованным в Хорватии. Взяв в Москве в Югославском посольстве транзитную визу по Югославии, мы по наивности полагали, что она относится ко всей Югославии. Однако при въезде в Хорватию нас остановили: «Платите за транзитную визу по Хорватии 100 долларов. Ваше посольство в Москве относится только к Сербии. А мы независимое государство. Мы кандидаты в ЕЭС». Народ не промах. Они не мелочатся. Но других поборов не было.

Румыния произвела на нас странное впечатление. Помесь прогресса с патриархальным бытом. Скажем, маленькая нефтяная скважина качает нефть прямо посередине поля с овощами. Число лошадей примерно равно числу машин. Причем лошади отнюдь не для экзотики, как в странах западной Европы. На них везут всё: перец, кукурузу, лук, дрова... Один мудрый кучер использовал в качестве коновязи перила горбатого моста, но привязал к ним не лошадь, а телегу. Лошадь же, видимо, повел поить. Поразмыслив, соглашаюсь, что в этом есть некоторый резон: нельзя же, в самом деле, чтобы телега скатилась с этого

крутого, горбатого мостика. Объезжаем телегу и едем дальше.

Саша непременно хочет найти для фотографии кучера с висящими гуцульскими усами и трубкой. Гуцульских усов и трубки не нашли; пришлось удовольствоваться безусым, некурящим кучером. Кругом Карпаты. Выпросил у Саши остановку с тем, чтобы залезть хотя бы на небольшую горку.

В Сербии и Хорватии страшные, незаживающие следы войны. В Белграде у здания Парламента две симметричные, дикие скульптуры. Обе изображают лошадь, которая передними ногами навалилась на плечи человека. Как в русской байке: «Лошадь села в санки, а мужик повез», или аналогичный восточный вариант: «Ослик на дедушке едет верхом».

Италия – моя давняя мечта. Я люблю живопись, а где же еще смотреть живопись, как не в Италии? В середине 1990 годов меня приглашали в Ассизи на конференцию по уравнениям Риккати. Ассизи – место, связанное со святым Франциском Ассизским.

Я человек православный, но перед этим католическим святым я преклоняю колени. Да что «я», если такие гиганты, как Джотто и Данте завещали похоронить себя в простом Францисканском плаще. Многие черты личности Святого Франциска меня глубоко трогают. Его презрение к богатству, какая-то веселая отчаянность, которая проявляется в словах и поступках, а главное, такт и искреннее, глубочайшее уважение ко всему живому и неживому, иными словами, чисто экологическое отношение к окружающему. Точнее, все в мире он считал не только живым, но и разумным, и все было для него родным. Огонь и Солнце он называл своими братьями, Воду сестрой. Когда его проповеди мешало громкое пение птиц, он обратился к ним с просьбой: «Сестрички мои птички. Вы уже поговорили, дайте теперь и мне поговорить». И птицы смолкли. Он один, без оружия поехал в Африку, чтобы положить конец крестовым походам и убедить сарацин в истинности христианской веры. Добился свидания с

султаном. Можно верить или не верить легенде, сообщаемой агиографами, об испытании огнем, которое прошел Святой Франциск, но несомненно, что султан, жестоко казнивший всех пленных христиан, был чем-то так поражен, что отпустил его домой. Вернувшись, Святой Франциск увидел собор, который францисканцы построили за время его отсутствия. Обычно кроткий, он впервые разгневался: «С каких пор мою сестру Бедность оскорбляют пышными чертогами!»

Самое главное в Ассизи это фрески Джотто, которого я полюбил по репродукциям и мечтал увидеть в оригинале. Главная тема фресок – жизнеописание Святого Франциска. Написал в оргкомитет конференции, что приеду, и спросил, какими они располагают возможностями для финансовой поддержки. Расход предстоял немалый. Оргвзнос 500 долларов, гостиница не меньше, самолет, автобус... Они не ответили, и я не поехал. А на следующий год произошло землетрясение в Ассизи. Передали, что фрески Джотто осыпались и собор поврежден. Клянусь: надо было ехать! Ладно, думаю, когда-нибудь доберусь до Падуи, где есть собор, расписанный Джотто.

В прошлом году меня пригласили на конференцию в Триест в Международную Школу Высших Исследований с полной компенсацией расходов. Визу дали на 8 дней, четыре из которых я обязан активно участвовать в работе конференции (за это мне и платят). В Италии в Университете Салерно (под Неаполем) работает мой друг Саша Виноградов. Посылаю ему e-mail, он меня приглашает. Фрески Помпеи манят меня давно. Составил план. Венецию, которая рядом с Триестом, посмотрю в день приезда. А по окончании конференции поездом в Неаполь с остановкой в Риме (без Рима нельзя, а на остальное времени нет).

Когда я ехал в Италию, я представлял себе страну вечноглубого неба. Но в день моего прилета шел проливной дождь. Правда, потом, гуляя в солнечный день в парке Мирамаре, я понял, что Италия действительно страна вечноглубого неба.

Венеция произвела на меня странное впечатление. Не живой город, а музей. И даже не музей, а декорации.

Великолепные дворцы, в каждом соборе великая живопись: и Тициан, и Тинторетто, и Веронезе... Черные, полированные как концертные рояли гондолы, с коврами и золочеными украшениями. Но ведь это целый город! Такое ощущение, что весь этот шик не предназначен для обыкновенной жизни.

В музее живописи я сделал открытие нового для меня прекрасного художника – Паоло Венециано. До этого я его картин нигде не видел и о нем не читал, но его мадонны меня потрясли. Обычно Богоматерь изображают нежной и прекрасной, часто с великой печалью предчувствия страданий Ее Сына. А у Паоло Венециано огненный взгляд Богородицы как бы передает энергию младенцу Христу (что, может быть, не вполне канонично, но производит сильное впечатление). В русских версиях Одигитрии тоже есть несомненная крестьянская сила, но она не во взгляде, а, скорее, во всем Ее облике.

По окончании конференции сажусь в поезд. Стиснув зубы, проезжаю мимо Падуи и мимо Флоренции. В Рим приезжаю вечером и, кинув вещи в гостинице, отправляюсь гулять. Архитектуру, как известно, лучше смотреть в сумерки. Чтобы не заблудиться, сверяю по ходу названия улиц с картой Рима, которую взял с собой. Увлеченный красотой, забываю про карту и через часик, взглянув на карту, не нахожу на ней обозначенных на перекрестке названий улиц. Уже поздно, спросить не у кого. Поискав еще немного, вижу группу итальянцев, слегка навеселе. Обращаюсь к ним за помощью, но они не понимают ни английского, ни немецкого, ни французского. Вытряхиваю из памяти жалкие остатки латыни, которую я когда-то учил, и прошу указать на карте то место, где мы находимся. Итальянцы воспринимают мою просьбу с энтузиазмом. Расстелив мою карту на капоте машины под ближайшим фонарем, они с увлечением начинают читать знакомые названия, тыкая в них пальцем: «О! Пьяцца Испанья! А! Калоссео! О! Корсо Витторио Эммануэле!»... Я вижу, что дело не продвигается, и прошу рассказать, как пройти на улицу Венто Сеттембро, где расположена моя гостиница. Они наперебой рассказывают, как идти, поминутно споря

между собой, когда поворачивать «декстра» или «синистра» и сколько времени «деретто». Ничего не поняв, я благодарю. Они мне очень сочувствуют и хором проклинают «терибле Рома», в котором ничего не найдешь. Отойдя от них и собравшись с мыслями, наконец, понимаю, что я поставил перед моими милыми друзьями итальянцами задачу, превышающую их географические способности: меня унесло за пределы карты, которую я взял с собой, и того места, где я находился, на этой карте не было. Потому-то они и не смогли его там отыскать. Как только я это понял, найти дорогу назад было уже не так трудно.

Про собор Святого Петра и Ватикан, которые я посетил на следующий день, рассказывать не буду; слов все равно не хватит. Расскажу лучше про Помпеи. Впечатление, в некотором смысле противоположное тому, которое у меня осталось от Венеции. С одной стороны, серый, почти лунный пейзаж засыпанных пеплом домов с остатками стен под палящим солнцем. С другой, неизвестно откуда идущее чувство, что проведи сюда воду и посели сотню крепких мужиков и здоровых баб, и будет живой город. Ну и конечно главное, Вилла деи мистерия. Большая комната, лишенная одной стены, на месте которой протянута оградительная веревка. И на ее стенах волшебные фрески: на красном фоне золотистые человеческие фигуры, живущие таинственной, неизвестной жизнью. Смотрю зачарованный. И вдруг карабинер, охраняющий эту виллу, предлагает мне пройти за эту веревку, чтобы иметь возможность посмотреть на фрески поближе. Дважды просить меня не надо. Не успел вполне наглядеться, как он, увидев приближающегося человека, просит меня быстренько вернуться за ограждение (предлагая мне пройти за веревку, он нарушил свой долг, и теперь испугался, что у него могут быть неприятности).

Итальянцы – народ с врожденным эстетическим чутьем и невероятно общительный. Когда Саша Виноградов сажал меня на автобус, чтобы доехать до аэропорта в Неаполе, он попросил водителя предупредить меня, когда следует сойти, потому что: «Сеньор не говорит по-итальянски». Услышав его просьбу, весь автобус всю дорогу

(порядка часа) разговаривал со мной по-итальянски. Я понимал едва одну десятую из того, что мне говорили, но тем не менее храбро отвечал, я уж не помню на каком языке.

Я рассказал все эти истории для того, чтобы было понятно моё ощущение Италии и наш грандиозный план поездки.

И вот Триест! 10 дней работы в SISSA – доклады, обсуждения и заслуженный отдых в week-end. К положенным трем дням (вторая половина пятницы, суббота, воскресенье) выпрашиваю у Андрея Аграчева (руководителя нашей программы) еще и понедельник. Узнаю от Андрея, что храм в Падуе закрыт на ремонт. Сердце у меня падает. Однако, он же меня и воскрешает. Ассизи открыто, фрески там отреставрированы, а доехать туда можно только на автобусе или на машине. Но у нас есть машина! Намечаем маршрут: Триест, Равенна, Ассизи, Флоренция, Венеция, Триест. На всё это 4 дня.

В четверг вечером едем в Аквилею. Это местечко рядом с Триестом, где есть раннехристианский собор. Совсем недавно, вскрыв в нем пол, обнаружили на глубине одного метра христианские мозаики фантастической красоты. Их расчистили и настелили над ними на высоте в полметра прозрачный пластиковый пол, по которому можно ходить и смотреть под ноги на эти мозаики. Ощущение удивительное.

Мне сразу вспомнилась одна из моих старых поездок на конференцию в Воронеж. Стояла сухая, бесснежная, холодная, тихая осень и вдруг ударили морозы. Речушка замерзла, причем лед оказался ровным и абсолютно прозрачным. Мы с женой катались по этой речке на коньках, любуясь под ногами водорослями и рыбками. Ровно то же чувство я испытал в Аквилее. Под ногами морские животные и странные существа. За всем этим таинственная раннехристианская символика. К тому же нет туристских толп, т. к. место пока еще не слишком известное и неразрекламированное.

Равенна древнейший город. По свидетельству Дионисия Галикарнасского он был основан этрусками за семь поколений до Троянской войны. Этрусски странный и

таинственный народ. Саша Виноградов убеждал меня в справедливости интересной гипотезы, популярной по его словам в итальянских культурных кругах. Гипотеза гласит, что этруски являются живыми носителями всей итальянской культуры. И действительно, произведения искусства, приписываемые этрускам, производят очень сильное впечатление и традиционно датируются весьма отдаленным временем. После того как Рим достиг своего военного могущества, этруски вынуждены были в буквальном смысле слова уйти в подполье. Римляне убивали их мужчин, брали в рабство женщин, а этруски прятались от них в пещеры, но при этом хранили свои высокие интеллектуальные и эстетические традиции. Такое положение длилось вплоть до XII века, когда, наконец, гнет ослабел. И тогда этруски вышли из тени и создали то течение, которое сейчас именуют Возрождением. Родиной Возрождения является Тоскана, традиционное место обитания этрусков. Термин «Возрождение», в соответствии с этой гипотезой, в этимологическом смысле слова, возрождением не является, поскольку культура не умирала.

Во времена Рима усилиями Цезаря и Августа, которые обустроили и углубили гавань, Равенна превратилась в важнейший морской порт. В начале V века она стала столицей Западной империи, далее перешла под владычество остготов и была оплотом ариан, потом отошла к Византии и, наконец, вновь к Риму. Начиная с V века здесь строятся храмы, украшенные великими, всемирно известными мозаиками. Они то и были заветной целью нашего визита.

Равенна! Вспышка молнии при входе в мавзолей Галлы Плачиды! Агатовые окна, дающие золотистый свет; кругом в цветном полумраке индиго-синие с золотом мозаики, как Лиможские эмали, но только огромной величины. Удар грома при входе в базилику Сент Витале! Здесь мозаики зеленые с золотом на фоне чудной архитектуры сводов. А потом свежие, как чистое небо после грозы, весенние мозаики Сент Аполинера в Классе! Описать это невозможно и фотографии, конечно, ничего не передают.

Около Сент Аполинер в Класе – это название одного из предместий Равенны (по латыни classis означает флот) – гордый Саша здоровается за ногу со статуей императора Августа.

В Ассизи приезжаем рано утром. Древний, нетронутый, сказочно прекрасный город на крутом, горном, зеленом склоне с бежевыми зданиями из плинфы. Народа еще нет, тишина, благодать и живое ощущение присутствия Святого Франциска. И фрески Джотто, излучающие внутренний свет, который чувствуешь не глазами, а душой. Это чувство самое яркое из всего, что я испытал в нашем незабываемом путешествии.

В течение всей оставшейся поездки и долго после нее Саша пилит меня по поводу неувиденного Рима, который был относительно недалеко. Но времени нет. Обязаны вернуться ко вторнику, а ведь даже на самый беглый осмотр Рима и одного дня (которого у нас нет) было бы мало.

Во Флоренции мы опять появились рано утром и успели налюбоваться архитектурой до того, как нахлынули толпы туристов. Больше всего меня поразила башня Джотто. Казалось бы, простая прямоугольная форма, как труба какого-нибудь завода. Но для того, чтобы ухитриться придать ей неповторимое изящество, надо быть гением.

Единственный музей, который мы успели (но зато всласть!) осмотреть – это галерея Уффици. Расскажу только о главном впечатлении.

Огромный зал полный Боттичелли, волшебную грацию которого описать невозможно, хотя в хороших репродукциях она чуть-чуть сквозит. Ограничусь восклицаниями: Примавера! Рождение Венеры! Благовещение, когда у Девы Марии подгибаются колени от священного ужаса при известии, что Она должна родить Бога! И Архангел с такими же светящимися радужой крыльями, как на фресках Джотто! Умолкаю...

Ночуем в машине в окрестности Падуи. Саша почему-то просыпается в 2 часа ночи и, не разобравшись спросонья, двигает в Венецию. Приезжаем опять спозаранок. Избалованный Саша чуть ли не презрительно

фыркает на окружающие нас красоты. По-настоящему ему нравится только собор святого Марка. Когда мы шли по одному мостику, Саша мне указал на малюсенькую вывеску: Музей Византийской иконы. Господи Иисусе Христе, как он ее заметил?! Ведь в прошлый мой приезд в Венецию я тщетно разыскивал этот музей. Я прочел о нем в какой-то авиарекламке, но не нашел упоминаний о нем в путеводителях. И ни один из гидов в Венеции, которых я расспрашивал, не знал о его существовании. А ведь и мостик-то называется Греческий, и рядом православный греческий собор. Ну как я мог не зайти в этот музей?

Дело в том, что я очень люблю русскую икону, а византийские иконы источник русской иконописи. Среди искусствоведов до сих пор бытует стандартная точка зрения, что перспективу в живописи изобрели в эпоху Возрождения (начиная с Джотто), а до этого мол художники ее просто не знали. Византийские и русские иконы часто воспринимают, как наивные попытки неумелых художников, которые стараются, но не могут правильно изобразить пространство. Однако уже к концу XIX века многие поняли, что это не так. Об обратной перспективе писали и князь Евгений Трубецкой, и священник Павел Флоренский, а относительно недавно и академик Борис Викторович Раушенбах. Я перескажу здесь эти взгляды (с небольшими добавлениями), т. к. их нельзя, к сожалению, считать общеизвестными.

Сначала о философском смысле обратной перспективы. На иконах изображается не наш обычный физический мир, а духовная, умопостигаемая реальность. И законы изображения, соответственно, иные. Во-первых, духовная реальность это вечность, и на иконе, как на детских рисунках, часто одновременно изображены несколько событий, которые физически происходили в разное время. Во-вторых, тело изображаемых Святых это не обыкновенное человеческое тело, а то, что в православии называется «тело славы», т. е. искупленная и возрожденная, духовная плоть; она утончена, она как бы немного вытянута к небу; ее не следует изображать объемной и копирующей обычное человеческое тело. Когда, начиная с Симона Ушакова, тело Святых на иконах стали изображать

натуралистически, многие восприняли этот стиль как падение и осквернение духовных традиций иконописи. В-третьих, центр перспективы помещается не в бесконечно удаленную точку, а в глаза того, кто смотрит на икону. Молящийся становится как бы центром мироздания. Все, что происходит, происходит вокруг него, и все, что вокруг, он видит одновременно и почти на одном и том же расстоянии от себя. Поэтому все лица на иконах изображаются анфас. В профиль рисуют только великих грешников и злые силы.

Но как это можно достигнуть технически, не нарушая привычного для человека способа воспринимать увиденное? Начнем с вопроса о том, как же на самом деле человек воспринимает видимый мир.

Стандартная теория перспективы исходит из аксиомы, что размеры видимого предмета обратно пропорциональны расстоянию до него. Поэтому параллельные линии воспринимаются как сходящиеся в некоторой точке, которая условно называется бесконечно удаленной точкой. Для того чтобы изобразить трехмерное пространство на двумерном полотне картины, надо выбрать на ней образ этой бесконечно удаленной точки и провести через этот образ лучи, которые соответствуют параллельным прямым в исходном пространстве. Иными словами, надо совершить проективное преобразование, которое переводит бесконечно удаленную точку в ее образ на картине. Это и есть линейная перспектива. Дюрер, рисуя с натуры, ставил перед собой деревянную рамку-каркас с натянутыми на нее тонкими проволочками в виде прямоугольной сетки с равными расстояниями между этими проволочками. На свою будущую картину он наносил такую же прямоугольную сетку линий. Далее он прищуривал один глаз и в каждом квадратике картины рисовал то, что видел в соответствующем квадратике рамки. Это неплохая школа рисования, но рисунки, в которых точно выдержана линейная перспектива, производят впечатление скорее чертежей, чем живого пространства.

Хорошие художники, как правило, отступают от этой механистической схемы, сохраняя ее лишь в общих

чертах. Дело в том, что человек не прикрывает один глаз, как это делал Дюрер, а смотрит на мир двумя глазами. Когда человек переводит взгляд с одного предмета на другой, бесконечно удаленная точка смещается. Более того, глазное яблоко никогда не остается неподвижным; оно постоянно совершает множество микродвижений, как бы ощупывая рассматриваемый предмет. Далее, сетчатка в глазу человека расположена не на плоскости, а на вогнутой поверхности, на ней фиксируется не проективное, а нелинейное преобразование. Эти динамические нелинейные преобразования, полученные от обоих глаз, склеиваются в мозгу в единый зрительный образ, и работа мозга выступает здесь на первый план. Можно сказать, что человек учится видеть мир в линейной перспективе, и она вовсе не является заданной реальностью. Роль мыслительной работы в процессе зрения прекрасно демонстрируют известные психологические эксперименты, когда, например, на рисунке изображены два человеческих профиля, глядящие друг на друга. При психологической установке, что эти профили находятся не на первом плане, а составляют фон, человек перестает их видеть, а видит пространство между этими лицами, имеющее форму вазы, которая раньше воспринималась, как фон, и была невидима. Для того чтобы нечто увидеть, человек должен иметь теорию того, что собственно он должен увидеть. При виде чего-то нового и непривычного мы создаем и организуем зрительный образ. И только если созданный образ приходит в противоречие с ощущениями, мы его меняем. Когда Галилей направил построенную им зрительную трубу на Сатурн, он первый увидел кольцо Сатурна. Но, по-видимому, он не мог даже представить себе столь фантастический феномен, как кольцо вокруг планеты, и он записал о своем открытии: «Величайшую планету тройною наблюдал». Только позже, наблюдая Сатурн с помощью более мощных инструментов, люди вынуждены были признать его кольцо реальностью. Если человек окажется в пространстве с другой геометрией, то привычные зрительные образы станут дезориентирующими, и ему придется учиться видеть мир по-иному. Это и надо делать для правильного восприятия

иконописи. Борис Викторович Раушенбах проводил следующую серию экспериментов. Человека сажали в темную комнату и перед ним зажигались световые сигналы в разных частях комнаты. Он должен был определить расстояние до них. Эксперименты показали, что при отсутствии априорной информации, человек воспринимает окружающее пространство как нелинейное, и, в частности, видит близкие предметы в обратной перспективе.

Таким образом, отсутствие линейной перспективы на иконах это не результат неумения. Напротив, это глубоко продуманная и очень сложная техника изображения, позволяющая достигать замечательных, чисто эстетических эффектов, не говоря уже о целях религиозных. Например, икону Богородицы, когда Она и Ее Сын любят, глядя друг на друга, причем видны лица и глаза обоих, невозможно было бы изобразить в прямой перспективе. Мне даже кажется, что полосы на их шейках, так же как и разломы на иконных горках, с необходимостью возникли в исходных великих образцах из-за совмещения в одном изображении нескольких различных точек зрения; впоследствии они стали обязательной принадлежностью канона. На иконах Преображения изображены сразу три одновременных события: вот Христос с учениками поднимается на гору Фавор; вот ученики падают, ослепленные сиянием Фаворского света, бьющего от преобразенной фигуры Христа; вот они уже спускаются с горы.

Все эти события приобрели статус вечности, и их можно видеть одновременно. Поразителен канон Успения. Апостолы окружают ложе с телом Богородицы. Это реально чувствуется, хотя все они изображены анфас и с одной стороны от ложа. Мы явно ощущаем, что Христос, изображенный почти над ними, в двери, составленной из херувимов, присутствует среди них незримо. Он принимает душу Пресвятой Девы, имеющую вид спеленутого младенца. Она опочила в дольном мире и родилась в мире Горнем. В византийской версии этой иконы, находящейся в Эрмитаже, фигура Христа изображена наклонно. Создается впечатление, что Он как бы вторгается в наше пространство

из четвертого измерения. Вряд ли иконописец имел в те времена понятие о четвертом измерении, но, по-видимому, стремление к абстрагированию может проявляться и в образном мышлении.

Замечу, кстати, что русская иконопись периода расцвета (XII-XV вв.) гораздо более абстрактная (и, тем самым, более духовная), чем византийская. Это проявляется и в чудной стилизации складок одежды, и в таинственной символике движений рук, и в самих ликах, которые было строго воспрещено поновлять. Кроме того, ни с чем несравнимый колорит русских икон оставил далеко позади все самые лучшие греческие образцы.

Итак, музей византийской иконы в Венеции. Первое, что меня поразило, это необычайное портретное сходство всех изображений Богородицы на иконах, отвечающих совершенно различным канонам. У нас они часто совсем разные.

Самое сильное впечатление осталось от иконы “*Noli me tangere*”. Икона изображает один из главных моментов жизни Марии Магдалины, той, которая вылила все свое драгоценное, душистое масло на ноги Иисуса Христа, оросила их слезами и отерла своими волосами. Когда Жены Мироносицы, среди которых была и Мария Магдалина, пришли, чтобы (на сей раз не в виде приуготовления) помазать тело Господа, они не нашли тела Христа во гробе, где его оставили. Мария идет, плача, не различая почти ничего вокруг, и в отчаянии повторяет: «Унесли Господа моего и не знаю куда положили Его». Вдруг она встречает воскресшего Христа. Не веря глазам, она хочет коснуться Его, но Он не позволяет и произносит таинственную, мистическую фразу, об истинном значении которой нам остается только гадать: «Не прикасайся ко мне». А ведь несколько позже, явившись ученикам, Христос позволил Фоме не только прикоснуться, но даже вложить руку в рану от копья.

Иконописец удивительно трогательно передал трепетную, робкую тягу Марии Магдалины в страстном стремлении припасть к ногам Учителя, и, как бы уходящую головой в небо, но, тем не менее, совершенно

пропорциональную и земную, прекрасную фигуру Христа, который с нежной жалостью во взгляде останавливает Марию предостерегающим жестом: “Noli me tangere!”

Двигаем из Триеста по направлению к Франции. В Милане пытаемся найти отель для ночлега, но везде, где есть свободные места, цены астрономические. Ночуем, как Диоген в бочке, прямо в своей машине на одной из улиц Милана с киническим презрением к мнению окружающих. Наутро замок Сфорца, похожий на Московский Кремль, но только со стенами, увитыми плющом; великолепная архитектура центра Милана; грандиозный кафедральный собор и, наконец, галерея Брера с нежнейшим Пьетро Перуджино и «Обручением Мадонны» Рафаэля (Рафаэль в эпитетах не нуждается). В Милане я плачу горячими слезами. Для того чтобы взглянуть на Ultima Cena (Тайную Вечерю), лучшую фреску Леонардо, которая находится в церкви Санта Мария делла Грация, надо, оказывается, записываться за день до визита. Этого дня у нас нет. Саша надо мной подсмеивается: «Надо было готовиться как следует, и узнавать все заранее». Как говорил Ромео: «Над шрамом шутит тот, кто не был ранен». Едем дальше через Альпы. Саша меняет масло в машине, а я, как всегда, лезу в горы. Генуя остается слева, а наш путь в Ниццу, где мы должны обсудить совместные работы с Жаком Блумом.

По дороге Монте-Карло. Я, как специалист по теории игр, отношусь к этой забаве с презрением. Банкомет, в соответствии с теорией, всегда в выигрыше, а клиенты отдают оставшуюся долю собранных денег счастливым. Смотрел на игру в рулетку и удивлялся. Ничего не выражающие лица, ни радости, ни горя, ни азарта – как на работе. Не знаю, бушуют ли в их душах страсти, которые они тщательно маскируют под напускным безразличием, или они лишь тщетно пытаются разбудить в себе эти чувства.

В середине XVII столетия кавалер Де Мере, светский человек и страстный игрок, подошел к великому математику Блезу Паскалю и задал ему ряд вопросов о вычислениях, относящихся к азартным играм. Вопросы заинтересовали Паскаля, он долго размышлял над ними и поделился своими

мыслями с Пьером Ферма в своей знаменитой переписке с ним. Считается, что именно эта переписка положила начало теории вероятности. Так математика, подобно мифическому царю Мидасу, обращает в золото все, к чему она прикасается, даже такое малопочтенное занятие, как стремление обогатиться за счет другого. Однако, для самого Паскаля этот контакт с не совсем благородным делом не прошел безнаказанно. Наказание было обычное и довольно жестокое: искажение метафизического чутья.

Об этом искажении явно свидетельствует знаменитое «пари Паскаля». В этом пари Паскаль ставит вопрос о том, как выгоднее вести себя человеку, который не верит в существование Бога, но, тем не менее, не исключает некоторой вероятности того, что Бог все же существует. Вот решение Паскаля.

Предположим сначала, что Бог есть. Тогда, живя в соответствии с требованиями морали, мы теряем только жизнь на земле, имеющую конечную длительность, но зато выигрываем жизнь вечную. А пренебрегая моралью, мы выигрываем только нашу конечную жизнь, теряя вечную. Если же Бога нет, то при любом поведении мы выиграем или проиграем не больше, чем земную конечную жизнь. Следовательно, при жизни, соответствующей требованиям морали, математическое ожидание выигрыша равно бесконечности даже при сколь угодно малой вероятности существования Бога; нарушение же морали в любом случае приводит только к конечному математическому ожиданию выигрыша. Таким образом, моральное поведение выгоднее.

Рассуждение, вроде бы, очень убедительное, но неладное. Я уж не говорю о том, что аморальная жизнь полагается приобретением, а жизнь, соответствующая требованиям морали, потерей. Главный порок этого рассуждения заключается, по-моему, в торгашеском подходе к этическим вопросам. Ведь Всевышнему, хотя бы по лингвистическому смыслу этого имени, надо служить бескорыстно, а не в расчете даже на такую бесценную награду, как вечная жизнь. Ибо в противном случае сама эта «вечная жизнь» ставится в иерархии ценностей выше Того, кто ее дарует, т. е. ставится выше Всевышнего.

Перед отъездом из Монте-Карло Саша перед фотоаппаратом разыгрывает спектакль, как он играл в казино, выиграл мерседес и тут же его проиграл.

Жак Блум забронировал нам номера в недорогой, но очень хорошей гостинице какого-то католического заведения на самом берегу Лигурийского моря и, практически, за городом. Саша уверяет, что название этой гостиницы: "Maison du seminaire" было специально придумано в ожидании нашего визита. Погода прекрасная, вода теплая, тихая и прозрачная, гораздо прозрачнее, чем в Батилимане.купаемся каждое утро и обсуждаем с Жаком совместные работы. Университет находится в бывшей вилле какого-то русского министра (Жак не помнит, какого именно). Поднимаемся на холм с парком и видом на город и море.

Прощай, солнечная Ницца. Наш путь на север по дороге Наполеона в Гренобль, столицу Зимних Олимпийских Игр 68, где Жан Клод Килли, Сашин кумир, завоевал все золотые медали по горным лыжам и стал национальным героем Франции. Горы растут на глазах. Приезжаем в Гренобль, домой к Алеше Панчишкину. И тут я отомщен за Сашино ехидство по поводу неувиденного Леонардо. Алеша говорит, что у него есть горные лыжи для гостей, и можно съездить покататься в Высокие Альпы. Я впервые вижу Александра-свет-Сергеевича с выражением лица, как у кота, который с вожделием смотрит круглыми глазами на сметану и боится пошевелиться, чтобы не исчез сладостный мираж. «А это удобно?» – чуть слышно спрашивает он с замиранием сердца и с явной надеждой на то, что хозяева повторят приглашение. Я вполне удовлетворен уже тем, что имею приятную возможность с легким оттенком ласковой и снисходительной насмешки в душе, чуть свысока понаблюдать, как выражается его страстное желание покататься. Горячо поддерживаю его недовысказанную затаенную просьбу. Алеша с женой начинают звонить по всем горнолыжным курортам. Сначала никто не отзывается, и наконец, в начале одиннадцатого из Тиня отвечают, что подъемник работает до 14 часов. Увы, Сашины надежды рушатся, как торговый центр в

Манхеттене! До Тиня ехать по горной дороге не меньше трех часов, и на катание времени не останется. Зато вечером смотрим в Алешин телескоп на кольца Сатурна, которые Саша, как ни странно, видит впервые.

Рассказываю ребятам эпопею борьбы против закона о ввозе в Россию отработанного ядерного топлива.

Атомное отступление

Я не являюсь специалистом в области атомной энергетики, не бывал на ее объектах и никогда не имел допуска к секретным материалам. Но сама проблема меня остро волнует. Все сообщаемые здесь сведения взяты из официальных источников. Мы с моей покойной женой, Людмилой Филипповной Зеликиной, давно и подробно изучали соответствующую информацию, попадавшую в открытую печать. Она была одним из самых активных экологов и, в частности, сыграла выдающуюся роль в отмене решения о переброске северных и сибирских рек на юг. Многое из того, что я буду говорить почерпнуто также из сообщений Владимира Михайловича Кузнецова, который работал Начальником инспекции по надзору за ядерной и радиационной безопасностью объектов атомной энергетики Госатомнадзора России и был уволен за то, что закрыл ряд реакторов, работавших в опасном режиме.

Закон о ввозе отработанного ядерного топлива подразумевал, что в Россию будет ввезено на хранение 20 000 тонн этого топлива, из которых 16 000 тонн подлежит переработке, за что Россия получит 20 миллиардов долларов. Этот закон представляется мне очередным преступлением Минатома, которому удалось привлечь на свою сторону все основные ветви власти России. Объясню свою точку зрения.

Прежде всего, что представляет собой отработанное ядерное топливо; что реально означает его хранение и переработка? Побочные продукты переработки – жидкие радиоактивные отходы – самые опасные составляющие атомных технологий. Они получаются при переработке отработанного ядерного топлива с целью извлечения из него изотопов урана и плутония. На заре атомной эры именно производство оружейного плутония для атомных бомб и

было основной целью строительства атомных электростанций. Ведь в природе плутоний практически не встречается; он образуется в процессе ядерных превращений в тепловыделяющих элементах атомных реакторов. После завершения рабочего цикла эти тепловыделяющие элементы надо менять. Они и называются отработанным ядерным топливом.

Для извлечения из них плутония их подвергают радиохимическим реакциям, промывая в огромном количестве различных растворов, которые экстрагируют плутоний, а потом из этих растворов плутоний извлекается. Эта технология чрезвычайно сложная и дорогостоящая. В результате при обработке 1 тонны отработанного ядерного топлива образуется 2 000 тонн (!) жидких радиоактивных отходов. Проблема обращения с жидкими радиоактивными отходами одна из острейших в атомной энергетике.

Обработка отработанного ядерного топлива происходит, в основном, на трех предприятиях: Горнохимический комбинат (ГХК) в городе Железногорске, или так называемый Красноярск 26; Северный химический комбинат (СХК) в городе Северске, или так называемый Томск 7; Производственное Объединение МАЯК (ПО МАЯК) в городе Озерске, или так называемый Челябинск 65. В Красноярске 26 и в Томске 7 жидкие радиоактивные отходы уже почти 40 лет закачивают под землю в глубокие водоносные горизонты. Эти комбинаты до сих пор не имеют разрешения Госатомнадзора России на такое захоронение по причине полного отсутствия обоснования его безопасности. Ведь ни один ученый не может сказать, как связаны между собой различные водоносные горизонты и что происходит под землей при нарастании объема, занятого радиоактивной жидкостью.

На начальном этапе работ на ПО МАЯК в Челябинске 65 жидкие радиоактивные отходы сбрасывались прямо в реку Теча. Впоследствии на этой реке был построен каскад водоемов, и сброс производился в эти водоемы, а также в озера Карачай, Старое болото и др. Сейчас все эти водоемы переполнены сильнозагрязненной, радиоактивной жидкостью, которая вот-вот прорвется в сеть рек Теча-

Исеть-Тобол-Обь. Опасен также и ветровой разнос радиоактивности с этих открытых водоемов. Более того, под озером Карачай образовалась большая подземная линза зараженных вод. Хуже всего то, что она нестабильна, а движется в сторону реки Мишеляк, и с этим никто ничего не может поделать.

Многие думают, что хранение радиоактивных отходов дело несложное: замуровать эти отходы где-нибудь в пустынном месте в толщу горных пород и пусть себе лежат. Увы! На самом деле хранение – это сложное производство, требующее дорогостоящего, специального оборудования, квалифицированного персонала и мониторинга. Дело не только в опасности возникновения самоподдерживающейся цепной ядерной реакции. В радиоактивных материалах постоянно происходят атомные и химические реакции, сопровождающиеся выделением тепла. Это тепло следует отводить, охлаждая соответствующие емкости. В противном случае возникает опасность так называемого теплового взрыва. Именно такой взрыв произошел под Челябинском на Производственном Объединении МАЯК в 1957 году. Большая емкость с жидкими радиоактивными отходами (разумеется, герметически закрытая для защиты от радиации) начала разогреваться. Давление в ней резко возросло, и произошел взрыв, выбросивший большое количество радиоактивных веществ на огромные расстояния и оставивший печально известный Восточно-Уральский след, который тяжело ранил всю Челябинскую область. А ведь Челябинская область это жемчужина России. Великолепные леса в живописной гористой местности, чистейшие лесные озера, которые теперь стали радиоактивными в результате деятельности атомных предприятий.

Господи, прости нас грешных! Агитаторы Минатома пытаются внушить людям, будто бы Чернобыльская авария была уникальным явлением и, дескать, ее повторение маловероятно. Это отнюдь не так. С 1949 года на атомных предприятиях России было 250 достаточно серьезных аварий, из них 36 произошли за последние 8 лет. Особенно тщательно замалчивается авария в городе Северске на

Томске 7 в апреле 1993 года. В результате взрыва ядерных материалов образовалась зона загрязнения до 25 км длиной. 100 квадратных километров прекрасной девственной природы были заражены. К счастью ветер дул в восточном направлении, а если бы он дул в стороны Томска, то город пришлось бы эвакуировать. Но это было бы крайне трудно осуществить из-за отсутствия подъездных путей достаточной пропускной способности: всего один мост через реку Томь, однопутная железная дорога и т. д.

Наиболее прогрессивная технология обращения с жидкими радиоактивными отходами это их остекловывание. Радиоактивную жидкость выпаривают в специальных печах и добавляют вещества, которые при остывании превращают ее в стекловидную массу. Емкости со стеклом, включающим высокоактивные радионуклеиды, помещают в стальной пенал. Пеналы герметично заваривают и устанавливают во временное хранилище с регулируемым теплоотводом – в бассейн с дистиллированной водой. Контролируемый теплосъем необходимо вести в течение 20 и более лет перед их долговременным захоронением. С 1992 года на ПО МАЯК работали две электропечи для остекловывания. Но в 1997 году они уже вышли из строя, отработав два проектных ресурса. Сейчас предусмотрено строительство второй очереди цеха остекловывания с двумя печами, но пока он не войдет в строй жидкие отходы будут по-прежнему храниться в резервных железобетонных емкостях.

На переработку топливных элементов сейчас работает завод РТ-1 на ПО МАЯК. Его проектная производительность 400 тонн в год, однако, реально он перерабатывает 200-300 тонн в год. Он приспособлен, в основном, к переработке отработанного ядерного топлива, поступающего с реакторов типа ВВЭР и с транспортных реакторов. Сейчас намечается его модернизация, но она не может существенно увеличить пропускную способность. Переработка топлива, поступающего с иностранных реакторов потребует существенного изменения технологии и неизвестно, когда мы ее освоим.

В Красноярске 26 было законсервировано строительство еще одного завода, так называемого, РТ-2. По

тому технико-экономическому обоснованию, которое было представлено Минатомом при обсуждении закона о ввозе отработанного ядерного топлива, этот завод войдет в строй лишь через 20-25 лет.

Кстати, по поводу представленного технико-экономического обоснования. В процессе борьбы против поворота северных и сибирских рек на юг мы имели дело с большим количеством различных технико-экономических обоснований. Я привык к тому, что это серьезные, многотомные сочинения с подробным описанием технологических процессов, с вычислениями, обоснованиями и со сравнительными оценками экономической эффективности намечаемых мероприятий. Мне было смешно и горько смотреть на те несколько страничек, которые Минатом представил в качестве технико-экономического обоснования ввоза 20 000 тонн отработанного ядерного топлива. Грубо говоря, это всего лишь несколько колонок цифр, описывающих динамику поступления топлива, а также динамику поступления и динамику затрат денежных средств, причем почти невозможно было понять, на что предполагается тратить эти средства. Его нельзя назвать ни техническим, ни экономическим, ни обоснованием. За кого же почитали депутатов Государственной Думы, которым предлагалось принимать решение, руководствуясь подобной бумажкой!

Что касается хранения твердых радиоактивных отходов, то ситуация здесь следующая. Помещения, предназначенные для долговременного хранения отработанного ядерного топлива, в настоящее время заполнены процентов на 70. При дополнительном ввозе отходов из-за рубежа объем этих помещений будет исчерпан в течение полутора лет или даже года. Ввод новых хранилищ в ближайшее время (в течение 3-5 лет) нереален. Это означает, что то топливо, которое выгружается с действующих у нас атомных электростанций, придется слишком долго хранить на приреакторных площадках. Но приреакторные площадки предназначены для отстаивания только что выгруженного топлива; надо только немного выждать для некоторого снижения уровня его

радиоактивности, и затем отправлять на хранилища. Сейчас многие из этих площадок и без того перегружены. Дополнительный ввоз отработанного радиоактивного топлива создаст серьезную потенциальную опасность: в случае возникновения нештатной ситуации (проще говоря, не предусмотренной проектом аварии, которые часто случаются на АЭС) некуда будет выгружать ядерное топливо из реактора, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Подспудная цель, преследуемая Минатомом при проталкивании закона о ввозе отработанного ядерного топлива, состоит в получении дополнительных средств для форсированного развития атомной энергетики в России. Я поражаюсь, неужели неясно, что нельзя форсировано развивать атомную энергетику до решения проблемы радиоактивных отходов, ибо это безнравственно по отношению к будущим поколениям. Ведь на их плечи перекладывается вся забота по ликвидации будущего экологического кризиса, если его вообще удастся когда-либо ликвидировать. Пока что везде идет все растущее накопление радиоактивных отходов, и ни одной стране не удастся организовать замкнутый ядерный цикл. Это относится и к Германии, и к Японии, я уж не говорю о России, где такая задача по серьезному и не ставилась; дескать, страна большая, места для захоронения хватит.

Говорят, что наука нуждается в экспериментах, и чем шире будет идти развитие атомной энергетики, тем больше будет накопленный опыт. Я отнюдь не против экспериментов, но эксперимент потому и эксперимент, что его последствия, мягко выражаясь, не вполне предсказуемы. Поэтому при широкомасштабном экспериментировании не худо бы и честь знать.

Для расширения экспансии атомной энергетики изобретаются все новые и новые идеи. Одна из этих идей – плавучие атомные электростанции, предназначенные для решения проблемы энергообеспечения прибрежных регионов Севера и Востока России. Их предполагается строить на основе транспортных (ледокольных) реакторов

малой мощности; мощные реакторы в этих районах были бы излишеством.

Обсуждение недостатков этой программы увело бы нас далеко в сторону. Здесь я хотел бы только отметить, что в условиях Севера и Дальнего Востока было бы намного разумнее решать проблемы энергетического кризиса, скажем, с помощью использования ветровой энергии; ветра здесь постоянные и очень сильные. Сейчас уже созданы хорошие современные ветровые двигатели, а их малая мощность это как раз то, что нужно для небольших северных поселков.

Кстати, когда мы с Сашей ехали по Голландии, я с удовлетворением обратил внимание на большое количество современных ветровых электростанций, которые успешно работают, «конкурируя» с несколькими музейными ветряными мельницами.

Основной аргумент сторонников ввоза отработанного ядерного топлива состоит в том, что иначе негде взять денег для оздоровления экологической ситуации. Иначе говоря, предлагается эдакий своеобразный гомеопатический принцип лечения болезни: «Лечить подобное подобным». Чтобы вылечить страну от избытка ядерных отходов, ввезем другие отходы. Но, к сожалению, дозы этих самых ввозимых отходов отнюдь не гомеопатические, даже для такой огромной страны, как Россия – многие и многие тысячи тонн расщепляющихся материалов, что сравнимо с уже имеющимся в стране их количеством.

Нам за это заплатят и тогда, дескать, появятся деньги на экологию. Это как если бы доктор, требующий много денег за лечение, сказал пациенту: «У Вас нет такого количества денег? Тогда продайте какой-нибудь из органов Вашего тела!» Речь действительно идет о том, чтобы навеки похоронить какие-то земли России (период полураспада некоторых компонентов ядерных отходов, в том числе и плутония, составляет десятки тысяч лет!) Ведь мы их, по существу, и в самом деле продаем, но только на уничтожение. Да еще с опасностью для соседних регионов: ведь вечная изоляция чего бы то ни было на земле

невозможна. Ради сиюминутных тактических выгод мы жертвуем стратегическими интересами страны, здоровьем ее населения и благополучием потомков!

Да и выгоды-то никакой нет, точнее есть, но не для страны, а для тех, кто организует это мероприятие. По оценке ряда специалистов и при сравнении с аналогичными затратами в других странах, обработка и хранение 20 000 тонн отработанного ядерного топлива будет стоить в несколько раз дороже, чем обещанные 20 миллиардов долларов.

Достаточно сказать, что хранение одного грамма плутония обходится в 5-6 долларов в год. А ведь при переработке ввозимого в страну ядерного топлива будет извлечено около 200 тонн плутония, что примерно равно уже имеющимся у нас запасам плутония. В Соединенных Штатах Америки программа по утилизации радиоактивных отходов оценивается в 230 миллиардов долларов.

Приведу еще пример. В 1990 году в Японии спроектировали завод для обработки радиоактивных отходов типа планируемого у нас РТ-2, но меньшей мощности. Предполагалось построить его к 1995 году и затратить на это 1,5 миллиарда долларов. Впоследствии пришлось пересмотреть проект. По новому плану завод будет построен лишь к 2005 году и потрачено будет более 15 миллиардов долларов.

Защитники закона говорят, что у нас такое строительство обойдется намного дешевле по следующим причинам:

1. В Западных странах (к которым относится и Япония) в стоимость строительства включаются огромные страховые отчисления, а у нас нет.

2. Рабочая сила в России несравненно дешевле, чем у них.

В ответ на первый пункт заметим, что страховые отчисления берутся на случай возможной аварии. Это означает, что если на нашем заводе произойдет авария, то расходы по ликвидации ее последствий пойдут не из страховых отчислений, которые были бы отложены на этот случай, а из бюджета страны, т. е. с точки зрения

государства никакой экономии на страховых отчислениях нет. Экономит тут только Минатом.

Ответ на второй пункт еще страшнее. Да, наши люди от бедности и от лихости готовы за гроши лезть под самую жесткую радиацию. Но как это скажется на их здоровье и на их потомстве? Имеем ли мы право не учитывать этого в стратегических экономических расчетах, когда в России и так форсированным темпом идет депопуляция?

Другой стандартный аргумент в пользу закона: если не повысит зарплату работникам Минатома, то разбегутся ценные сотрудники и пострадает политика нераспространения атомного оружия. В частности, арабские страны, надеющиеся создать атомную бомбу, активно привлекают к работе наших специалистов, в результате чего возрастает опасность ядерного терроризма. Ответ на это простой. Кто хотел уехать, уехал. Те гроши, которые мы получим, не приведут к серьезному повышению зарплаты и к изменению ситуации. А политика нераспространения обречена. Надолго спрятать знание невозможно, и через пару десятилетий большинство стран будет обладать технологией производства ядерного оружия, несмотря ни на какие усилия.

Говорят еще, что если не принять закон, то Россия потеряет выгодное место на рынке передовых технологий. Это обман! Никакого рынка технологий очистки отработанного ядерного топлива не существует. Каждая страна рада избавиться от этой головной боли. Это не передовые, а «грязные» технологии. А для Запада будет только выгодно, если Россия, которая уже сейчас играет роль сырьевого придатка, займет в будущем международном разделении труда еще и незавидную экологическую нишу, связанную с использованием «грязных» технологий.

В Российской Академии наук есть Научный Совет по экологии и чрезвычайным ситуациям под руководством академика Николая Павловича Лаверова. Но вместо того, чтобы собрать этот Совет и обсудить проблему, Николай Павлович написал от себя лично и от академика Бориса Федоровича Мясоедова записку о том, что закон о ввозе отработанного ядерного топлива следует принять без всяких

поправок. Эту записку Минатом неправомерно выдавал за мнение Академии наук. Впоследствии еще несколько академиков присоединилось к этой точке зрения. В частности, ее активно поддерживал академик Роберт Искандрович Нигматулин, брат заместителя министра по атомной энергии. (Тимур Магомедович Энеев ругает меня за упоминание этого родства, но я ничего не могу с собой поделать и не в силах отделаться от мысли, что Роберт Искандрович является заинтересованным лицом.) Большая доля ответственности (я бы сказал: вины) за принятие закона о ввозе лежит на академике Жоресе Ивановиче Алферове. Его титул лауреата Нобелевской премии постоянно муссировался при агитации за этот закон. Евгений Павлович Велехов тоже, конечно, был за ввоз, но он предпочел остаться в тени и подписал всего лишь одно письмо в защиту закона. Это почти все сторонники закона в Академии наук, не считая тех членов Академии, которые напрямую связаны с Минатомом. Создается впечатление, что Минатом очень активно и далеко не столь успешно старался привлечь академические силы на свою сторону.

Зато лоббирование средств массовой информации и депутатов удастся на славу. Например, депутат от ЛДПР Митрофанов на заседании Государственной Думы при всем честном народе, не постыдившись собственной глупости, заявил (этот эпизод транслировали на всю страну по телевидению), что он берется объяснить каждой домохозяйке безопасность радиоактивных отходов настолько понятно, что эти самые домохозяйки встанут в очередь, чтобы купить для своей кухни пару килограммчиков отработанного ядерного топлива. Я ни капельки не преувеличиваю буквально сказанного!

Мне как-то позвонил Алексей Кандулуков, корреспондент канала TV-6, и попросил меня дать интервью для программы «Итоги», где бы я высказал свое мнение относительно ввоза отработанного ядерного топлива. Я согласился с условием, чтобы при подготовке передачи не было монтажа, искажающего смысл сказанного.

С этим интервью связана любопытная история. Незадолго перед этим я звонил академику Виктору

Павловичу Маслову с предложением подписать письмо против закона о ввозе. Он сразу согласился и пригласил меня к себе на дачу. Я ответил, что приеду, когда будет машина. Через несколько дней Борис Николаевич Голубов предложил меня отвести. Я звоню Виктору, а он отвечает: «Буду очень рад тебя видеть, но письмо я не подпишу. У меня есть друг, Николай Николаевич Пономарев-Степной, очень умный и порядочный человек. Когда мне нужны какое-нибудь сведения об атомных реакторах, я всегда обращаюсь к нему. Я с ним посоветовался, и он мне сказал, что закон необходимо принимать. Сейчас очень тяжелое положение на большинстве объектов атомной энергетики в связи с недостаточным финансированием. Если Минатому срочно не дать денег, то можно ждать серьезных неприятностей. Особенно тяжелое положение в Москве с исследовательскими реакторами и с хранилищами радиоактивных отходов. Москва сидит на пороховой бочке».

Что делать, не подпишет, так не подпишет. Вернемся к интервью с Кандулуковым. После записи он мне говорит, что едет в Курчатовский институт, чтобы взять интервью у тех, кто придерживается противоположной точки зрения. Я, разумеется, не возражаю. На следующий день смотрю телевизор. Мое условие об отсутствии монтажа Кандулуков выполнил, но интервью было сокращено на порядок: я говорил час или полтора, а в эфир пошло минут пять. Потом показывают Курчатовский институт. Сначала идет агитка о надежности транспортировки ядерных отходов. Показывают контейнер, который, якобы, выдерживает лобовое столкновение поездов, идущих со скоростью 60 километров в час. А я-то знаю от Владимира Михайловича Кузнецова, что реально возят не в таких контейнерах, а в тех, которые не удовлетворяют никаким существующим правилам (в Штатах за 10 лет было 108 аварий при транспортировке, а все наши транспортные аварии тщательно замалчиваются). Ладно. И вдруг слышу: интервью с академиком Николаем Николаевичем Пономаревым-Степным. Я насторожился. А Николай Николаевич говорит: «Многие считают хранение отработанного ядерного топлива опасным. Это непрофессиональная точка зрения. Моя квартира, например,

находится на территории института в 300 метрах от хранилища радиоактивных отходов, и я этим нисколько не обеспокоен. Тут живут моя жена, дети, и им ничто не угрожает». Вот тебе и здравствуйте! Виктору Павловичу он сказал, что мы на пороховой бочке, а телезрителям, что беспокоиться непрофессионально.

Я уже говорил, что в Академии наук вопрос не обсуждался, и мы пытались организовать это обсуждение. Я попробовал убедить в этом Президента Российской Академии наук Юрия Сергеевича Осипова. Он ответил, что не может поставить этот вопрос на Президиуме, т. к. там слишком много ученых, не имеющих представления об атомной энергетике. Я предложил собрать экспертную комиссию из профессионалов с привлечением независимых от Минатома ученых, и не только атомщиков, ведь проблема является комплексной. Юрий Сергеевич ответил, что боится разрушить Академию из-за имеющихся разногласий. А мне-то кажется, что Академия нужна отнюдь не для профессиональной деятельности ученых, а для решения именно такого рода вопросов. Я пока не теряю надежды его переубедить.

Наша небольшая компания решила обратиться к правительству, чтобы оно поручило Академии наук ответить на вопрос: целесообразно ли принятие закона. С этой целью мы подготовили ряд писем, к Президенту России Владимиру Владимировичу Путину и к Председателю Государственной Думы Геннадию Николаевичу Селезневу, с просьбой приостановить принятие закона до того времени, когда этот вопрос будет обсужден в Российской Академии наук. К тому времени ни одна из организаций РАН даже не поднимала вопроса об обсуждении поправок. После наших обращений дело ограничилось чисто формальной отпиской. На расширенном заседании секции «Радиационная безопасность» Научного Совета РАН по проблемам экологии и чрезвычайным ситуациям была рассмотрена проблема обеспечения безопасности при обращении с отработанным ядерным топливом. Хотя это заседание и носило название «расширенное», на него не был приглашен ни один из оппонентов идеи ввоза отработанного ядерного

топлива, там присутствовали только заинтересованные лица. Не были рассмотрены ни технические, ни экономические проблемы ввоза. А главное, это заседание было проведено всего за день до принятия поправок в третьем чтении в Государственной Думе РФ, и оно не могло сыграть никакой роли в уже по существу решенном вопросе о ввозе.

Нам надо было выяснить, много ли академиков считают закон о ввозе опасным? Выяснилось, что очень много, но только далеко не все согласны с этим мнением публично выступить. Безоговорочно и безоглядно подписали письмо к Путину с просьбой приостановить принятие закона такие академики как Игорь Ростиславович Шафаревич, Андрей Сергеевич Монин, Ольга Александровна Ладыженская... Письма против скоропалительного принятия закона подписали многие химики, которые прекрасно представляют себе, что такое обработка радиоактивных отходов. Это и академик Александр Евгеньевич Шилов, директор Института биохимфизики, который является дочерней организацией Института химической физики им Семенова – головного института, занимающегося атомными проблемами, и академик Александр Григорьевич Мержанов, директор Института структурной макрокинетики, один из создателей технологии очистки отработанного ядерного топлива. Из медиков протест поддержал директор медико-генетического научного центра Российской академии медицинских наук, академик В.И. Иванов. Из крупных физиков на нашей стороне выступил лауреат Нобелевской премии, создатель лазеров, Александр Михайлович Прохоров.

С другой стороны, возьмем даже такого отважного человека, как академик Валерий Иванович Субботин. Он является создателем реактора на быстрых нейтронах, использующего ядерное топливо с добавками плутония. Поскольку температура там очень высокая, охладителем в нем служит жидкий натрий, который бурно реагирует с водой и вспыхивает при соприкосновении с воздухом. Нигде в мире, кроме Белоярской АЭС реакторы на быстрых нейтронах не работают. Правда (замечу в скобках), на этом реакторе почти каждый год случаются пожары, но с ними

пока справляются. Еще добавлю, что стоимость получаемой там электроэнергии раза в полтора дороже, чем на обычных атомных реакторах, но это пока Минатом не волнует. Так вот, Валерий Иванович Субботин нашел в себе мужество выступить против закона о ввозе, будучи прямым сотрудником Минатома, но даже он оглядывался на мнение коллег академиков. Когда я звонил ему по поводу письма Путину, он спросил: «А кто еще подписывает это письмо?» Услышав ответ, он с удовлетворением заметил: «Ну что ж, в хорошей компании и выговор не стыдно получить, а в плохой – и орден зазорно». Фраза красивая и хлесткая, но лично я расставил бы акценты слегка по-другому: хорошее дело облагораживает любую компанию, но даже и очень хорошая компания не в силах облагородить неладное дело. Валерий Иванович выступал на семинаре Института Прикладной Математики им. Келдыша с докладом на тему: Можно ли использовать отработанное ядерное топливо в качестве источника энергии? Дело в том, что апологеты закона уверяют, будто бы это топливо является бесценным энергетическим сырьем. Валерий Иванович в своем докладе показал, что это не так. Как топливо, оно не годится ни для одного из существующих реакторов. Надо либо извлекать из этих отходов нужные изотопы, а это очень дорого и трудно, либо создавать совершенно новые типы реакторов.

В любом случае, это отработанное ядерное топливо настолько интенсивно «светит» (как выражаются специалисты, имеющие дело с радиацией), что для обращения с ним «перчаточной» технологии недостаточно; нужны специализированные роботы. По свидетельству ученых, связанных с робототехникой, которые присутствовали на докладе, на создание роботов подобного уровня уйдет несколько десятков лет. Таким образом, в ближайшее время отработанное ядерное топливо нельзя считать энергетическим сырьем, а что будет в отдаленном будущем, так это вопрос, относящийся к области научной фантастики. В аудитории, слушавшей доклад Субботина, было немало членов Академии. После доклада все сошлись на том, что закон о ввозе по меньшей мере преждевременен.

Я предложил принять соответствующую резолюцию, но руководители института от этого мягко уклонились.

Мы с Александром Абрамовичем Белавиным и Владимиром Михайловичем Кузнецовым разговаривали с академиком Андреем Викторовичем Гапоновым-Грековым в здании Президиума РАН, когда он приезжал из Нижнего Новгорода в Москву. Разговор длился часа полтора и оставил у меня очень приятное впечатление. Андрей Викторович предупредил нас, что он не является специалистом в этой области, но его реакция на те или иные положения, те вопросы, которые он задавал, показывали ясное понимания проблемы, ум и интуицию настоящего ученого. В конце разговора он признался: «Должен вам прямо сказать, что мой институт существует за счет средств Минатома, и если я выступлю против этого закона, институт может погибнуть. Но я изучу материалы, которые вы мне дали, и если я приду к твердому выводу, что закон опасен для страны, я вынужден буду выступить против него». Вопрос для Андрея Викторовича действительно стоит очень остро: ведь речь идет не о личной заинтересованности, а о судьбе института – дела всей его жизни.

Когда обсуждался закон о ввозе, то речь все время шла только о том, чтобы за 10 лет ввести в Россию 20 000 тонн отработанного ядерного топлива и получить за это 20 миллиардов долларов. Но, формально говоря, закон принципиально разрешает ввоз радиоактивных материалов, не оговаривая их количество. Если учесть, что Минатом и до принятия этого закона нелегально ввозил на территорию России расщепляющиеся материалы, то после его принятия контракты о ввозе будут заключаться направо и налево, причем заключаться келейно, не доводя их содержания до общественности. К сожалению, я почти уверен в том, что комитет во главе с Жоресом Ивановичем Алферовым, который должен быть организован по указу Путина (не знаю, подействовали ли на него наши письма), не будет серьезным препятствием на пути этих контрактов, и их пробивание Минатомом практически обеспечено. Поэтому факт принятия закона отнюдь не ставит точку на всей

проблеме; борьба должна продолжаться, и она продолжается.

Из Европы уже пришел первый эшелон, который привез 41 тонну отработанного ядерного топлива из Болгарии. Мне говорили, что рабочие Красноярска 26, которые по словам Минатома должны были бы быть материально заинтересованы в этом заказе, не пускали этот эшелон на свою территорию, и он долго стоял на подъездных путях. Сумма, которую Болгария должна выплатить России составляет 25,7 миллионов долларов. Она взята из расчета по 620 долларов за 1 кг отработанного ядерного топлива, т. е. на треть меньше, чем предполагавшиеся 1000 долларов за 1 кг. Уже проглядывается, что скорее всего в страну придет не более половины от обещанных 20 миллиардов долларов. История последнего десятилетия должна была бы научить нас и тому, что львиная доля этих денег будет использована «не по назначению», или, попросту говоря, разворована. Результатом всей акции явится резкое ухудшение экологической и радиационной ситуации и увеличение числа потенциально опасных объектов атомной энергетики, т. к. недостаток средств несомненно скажется на качестве строительства, а от максимального числа строек (как показывает весь предыдущий опыт) Минатом ни за что не откажется. Я далек от того, чтобы считать, что руководство Минатома преследует злонамеренные цели. Они несомненно полагают, что атомная энергетика это магистральный путь развития человечества, что они способствуют техническому прогрессу, что они помогают экономическому развитию России и увеличивают ее военную и ядерную мощь и т. д. Однако, ввоз в Россию отработанного ядерного топлива – это атомная бомба замедленного действия под всеми этими благими намерениями, коими, как известно, вымощена дорога в ад.

А вот еще одно серьезное предупреждение. За несколько дней до прохождения транспорта с отработанным ядерным топливом на Транссибирской железнодорожной магистрали произошла авария со сходом с рельс десяти

грузовых вагонов. Авария привела к повреждению железнодорожного полотна и подвижного состава.

После моего рассказа Алёша Панчишкин уговаривает меня позвонить Юрию Ивановичу Манину (он директор Института Макса Планка в Бонне) и попробовать с его помощью привлечь к этому делу международную общественность. Поддаюсь на его уговоры и звоню. Юра говорит, что попробует что-нибудь организовать и что мы созвонимся в самом конце октября. Он будет рад со мной поболтать, но по поводу отработанного ядерного топлива точка зрения у него простая: человечество обречено! Юра всегда умел завернуть что-нибудь нетрадиционное.

Наутро гуляем в Альпах, заходим в монастырь в Шартре, любуемся ребятами, которые прыгают с парашютом с обрыва глубиной с добрый километр. Монблан невидим только из-за дымки.

Наша очередная остановка в Лионе. Там у нас много важных дел и главное Российско-Французский грант по нелинейной гидродинамике, задачам со свободной границей и аттракторам. Останавливаемся у хороших Сашиных знакомых Петровых. Типичная французская семья среднего достатка. Пьер Петров (Петя) сын донского казака, эмигрировавшего с Белой армией во время революции. Родители умерли, когда Пьер был совсем маленький, и его взяла на воспитание другая русская семья, бежавшая во Францию. История этой семьи горькая. Было два брата. Один врач, приемный отец Пьера, служил в Белой армии и после поражения оказался в Лионе. Другой был мобилизован в Красную армию и после победы революции жил в России.

Эмигрировавший брат пытался с ним связаться и писал ему письма, не получая ответов. Наконец, пришел ответ с просьбой больше не писать (в те времена было крайне опасно иметь родственников за границей). В семье, приютившей Пьера, говорили по-русски, и Пьер неплохо владеет русским языком. Он женился на француженке, Полет, милой, тихой, деловой и очень умной женщине, которая ведет дом и блестяще готовит. Она ухаживала за нами, как за родными. У нас много коллег и соавторов в

Лионе. Нас непрерывно приглашали в гости, и у меня даже создалось впечатление, что они соревновались, кто нас красивее и вкуснее накормит и напоит. Ведь Лион и Дижон – это столицы французской кулинарной империи. Вина и сыры были потрясающими... Стоп. Мне следует обуздать разгул кулинарного воображения, иначе это, пожалуй, пойдет в ущерб описанию духовных ценностей.

Закончив дела в Лионе, едем в Дижон. В Дижоне семья еще одного нашего коллеги и соавтора Жан-Пьера Лоэка. Саша объяснял ему, что и как надо досчитать по их прежним совместным работам, а я давал предварительное задание на будущие совместные труды. Его дом настоящий музей. Жена с прекрасным оперным именем Жизель мечтала стать художником. Но впоследствии весь свой художественный вкус и талант постаралась воплотить в обстановке своего дома. Картины, гобелены, миниатюры, статуэтки, мебель Луи XIV, Луи XV и пр. и пр. Все вычищено, все блестит. Показывала свои девичьи работы: вышивки копий картин Вермеера. Копии очень хороши, ведь Вермеер великолепно передавал фактуру ткани, а тут сама ткань. Она водила нас в музей и по городу. Город прелестен: маленький, чистенький, с цветными черепичными крышами и прекрасными архитектурными ансамблями старинных соборов.

Наконец, Париж! По плану мы договаривались в конце октября навестить Вадима Малышева, который живет рядом с Версалем. Но он перепутал октябрь с сентябрем и, не дождавись нас, уехал в Москву. Поэтому мы остановились в пригороде Парижа в недорогом отеле Formula 1.

В Париже нас поджидал поляк по имени Ян, немножечко странный библиофил, которому мы везли книги от Сережи Довбыша. Они вдвоем Сашу, как теперь говорят, достали. Сначала Сережа назначил для передачи книг неудобное для Саши время и к тому же, опоздав, заставил его очень долго ждать. Потом примерно так же поступил и Ян. Бедный Сашенька, не умея отказывать, начал потихоньку заводиться. Точку поставила эпопея, когда мы везли эти книги к Яну в университет. Ян должен был

показывать дорогу, а Саша вел машину. Ян постоянно путался и, к тому же или давал противоречивые указания, или его команды: «Поворачиваем туда!» сопровождались жестом, который Саша не мог видеть, поскольку Ян сидел на заднем сидении. Мы пропускали нужный поворот, а это на авторуках чревато необходимостью проехать лишний десяток километров до очередной развязки. В результате у Саши выработалась устойчивая аллергия на Яна, и, когда тот предложил показать нам Париж, Саша наотрез отказался, сославшись на то, что ему надо завершить доказательство теоремы. Этим он и занимался в отеле все 4 дня, в то время как я с удовольствием пользовался любезным предложением Яна. Только в последний день Саша успел полюбоваться на Гранд Опера и на площадь Вандомской Колонны.

Ян живет в Париже и очень его любит. Он два дня показывал мне свои любимые уголки; читал (и неплохо читал) стихи Волошина о Париже и о Французской революции.

В Париже я опять плакал! Я ведь так надеялся увидеть Лувр, музей Орсе, музей Арт Модерн... Спланировал даже, что и в какой день смотреть в Лувре. А у них забастовка всех музейных работников Парижа до 8 ноября. Пришлось удовольствоваться архитектурой, но тут уж я отыгрался, проводя на улицах Парижа допоздна каждый день! Правда в предпоследний день Ян по моему настоянию разузнал о частных музеях, которые не затрагивала забастовка, и свозил меня в музей Мормотон, обладающий огромной коллекцией великолепных картин Клода Моне.

Гуляя по Парижу, я вспомнил известную геологическую песенку:

Здесь вам не Пляс Пегай
Весельем надо лгать
Тоской здесь никого не удивишь
Быстро здесь нет пока
Чай вместо коньяка
И, перестань, не надо про Париж.

Решил посмотреть, как выглядит Пляс Пегай. Приезжаю. С архитектурной точки зрения, вроде бы, ничего особенного. Иду вдоль бульвара Клиши. Странное дело, через каждый десяток шагов меня почему-то останавливают незнакомые месье и куда-то настойчиво приглашают, показывая фотографии обнаженных девиц. Оглядываюсь внимательнее, и в глазах у меня пестрит: “Sex shop”, “Sexual show” ... Ах вот о чем мечтал автор этой песенки! Смываюсь.

Глядел на Парижские витрины с прекрасной женской одеждой с чувством отчаянного сожаления: мне уж не купить ее для моей покойной Людочки!

Из Парижа наш путь лежит в Гавр к старинному Сашину другу Люку Жоливе, с которым он работал несколько лет в Алжире. Саша любит рассказывать о том, как он вновь отыскал Люка после отъезда из Алжира.

Он нашел его фамилию в телефонном справочнике, находясь во Франции. Звонит ему из автомата в Лионе по найденному телефону. Незнакомый голос отвечает: «Да, это я, Люк Жоливе. Да, я работал в Алжире. Да, у меня есть дочь Софии». Все, вроде бы, так, да не так. Работал, да не в те годы. Совсем не математик. Дочь Софи, но ее полное имя Анн-Софи. Ну что ты будешь делать, не тот Люк Жоливе! И вдруг Сашу трогает за плечо незнакомый француз, который случайно услышал разговор, и говорит: «Я знаю Вашего Люка Жоливе. Он такой худой, высокий и в очках». Саша в восторге восклицает: «Да! Это точно он!» Как сказал по этому поводу Люк: “Le monde est petit”, что соответствует нашему «Мир тесен». У Люка небольшой уютный домик в Гавре.

Кстати, Гавр во Франции произносится как Лёавр. Это чуть ли не единственный французский город, в названии которого используется определенный артикль. Дело в том, что французское слово *le havre* означает убежище, и употребление артикля призвано подчеркнуть это нарицательное значение названия города. И вправду обидно, когда, используя собственное имя, забывают его исходный, часто нетривиальный смысл.

Хорошие переводчики с китайского старались передать нарицательные значения китайских фамилий. Они много красивее, даже чем имена американских индейцев. Три коротких слога в китайской фамилии это зачастую целый поэтический образ: «Стоящий на краю обрыва», «Пушистое белое облачко», «Натянутая тетива лука»... У меня был стажер китаец, и я как-то в шутку сказал ему, что у меня китайская фамилия: Зе-Ли-Кин. Он улыбнулся и слегка меня поправил. Звука «З» в китайском нет, надо обязательно «Дзе». Поэтому правильное китайское звучание Дзе-Ли-Кин, что в переводе означает: «Идущий по опавшим листьям». Смешно, что я и в самом деле безумно люблю ходить по осеннему лесу. Услышав эту историю, Саша тоже разбил свою фамилию на три слога “De Mid’off”, и предложил перевод (правда не с китайского): человек «из МИД’а» (Министерства иностранных дел), намекая на свое сходство с Владимиром Владимировичем. Кстати, в Гавре мы прогулялись по “Rue Demidoff”.

Люк с Сашей погрузились в воспоминания об Алжире, а у меня в голове навязчивая идея: надо же все-таки искупаться в Атлантике, пусть даже всего лишь в Ла-Манше. Люк собрал приятную компанию, которая демонстрировала нам красоты и особенности Нормандии, начиная от меловых скал, музеев и кораблей и кончая морской пищей и нормандским сидром, вкусным как шампанское. Запомнился странный, старинный нормандский собор, где священник очень красиво пел грегорианские песнопения. День выдался пасмурный, ветреный, довольно прохладный; все в теплых куртках, уже почти ноябрь. Объявляю о своем намерении искупаться. Должного понимания не встречаю. Пытаюсь объяснить, что мое знакомство с Нормандией было бы неполным, если бы я манкировал купанием в Атлантике. Аргумент принимается, но с долей сомнения у одних и удивленным энтузиазмом у других. Для того чтобы смягчить шок от моего экстравагантного решения, рассказываю им историю своего купания во Вьетнаме. История эта следующая.

В конце 1980 годов я читал лекции в Ханойском университете. Дело было в декабре, и погода стояла райская:

20-25 градусов тепла, тихо, сухо, безветренно. Однажды в ректорате мне говорят: «У нас запланирована определенная сумма денег на Вашу экскурсию в week-end. Что бы Вы хотели посмотреть во Вьетнаме?» Обычно в таких случаях люди предпочитали экскурсию в Сайгон, чтобы посмотреть на малодоступный в то время капиталистический образ жизни бывшего Южного Вьетнама. Но моя просьба была проще: – Отвезите меня, пожалуйста, искупаться на берег океана. В ответ я услышал неожиданное «Низзя» (нельзя).

– Почему? – удивился я.

– Не сезон; холодная вода.

– Ну ребята, это для вас она холодная. А я купался и в Байкале, и в Белом море, и даже в проруби. И ваша вода в 20 градусов для меня как парное молоко.

– Низзя.

– Почему?

– Сейчас время штормов.

– Ну не каждый же день шторм. Если будет большая волна, я и сам не полезу. А если будет тихо, искупаюсь.

– Низзя.

– Почему?

– Может быть тайфун.

– Вы мне про метеорологию не рассказывайте; я и сам могу про неё рассказать. За сутки, может быть, и не узнаешь, придет ли тайфун. А вот часа за 4 заведомо будет штормовое предупреждение. Но здесь и ехать-то до океана не больше четырех часов, даже на велосипеде!

– Низзя.

– Почему?

– Мы за Вас отвечаем.

Тогда я выкладываю последний, решительный, как мне кажется, козырь, который меня и подвел: «Я читаю много лекций и у меня часто болит горло. Врачи рекомендовали дышать морским воздухом. Мы приедем, я погуляю и подышу».

Они отвечают:

«Надо посоветоваться с товарищами».

– А! Ну это святое дело посоветоваться с товарищами.

Вернувшись они мне заявляют:

«Мы с товарищами посоветовались и решили отвезти Вас на теплую речку».

Я понял, что вердикт товарищей обжалованию не подлежит, и подчинился. Впрочем, это было совсем неплохо. Меня отвезли в тропический сад гектаров в 20, расположенный за колючей проволокой; у входа часовой с винтом. По-видимому, место отдыха для партийных работников средней руки. В центре сада огромный крытый бассейн, в который проведена труба с горячей минеральной водой, бьющей прямо из горы. Они меня, видать, решили подлечить. Я с удовольствием искупался, но это был не Тихий океан! Впоследствии я тщетно пытался узнать причины их упорного отказа. Узнал только, что перед этим был случай пропажи одного из купальщиков. Во время отлива в океане течения бывают настолько сильные, что против них не выгребешь даже на лодке. Несчастного, верно, унесло, а там его и съели, или он утонул самостоятельно. Может быть, и то и другое вместе. А у начальства по этому поводу, скорее всего, были неприятности.

Правда, через пару лет на конференции во Владивостоке я всё же поплавал в Тихом океане.

Рассказ понравился, и я с блеском закрыл купальный сезон. Пока я плавал, выглянуло солнце, а вода оказалась совсем не холодная – градусов 16. Гольфстрим!

В Руане нас ждал мой милый друг Витек Респондек и, как всегда, наши лекции, на этот раз в INSA (Международный институт прикладной математики). Витек показывает нам кружевные готические соборы Руана и очень интересно рассказывает об истории Франции. Руан благодатная почва для такого рассказа. Вот собор Saint-Ouen, который рисовал Клод Моне.

Вот собор, где происходил суд над Жанной Д'Арк. На суде инквизиции Жанне Д'Арк удалось опровергнуть все выдвинутые против нее обвинения в колдовстве. Всю невероятность этого факта способен в полной мере оценить только тот, кто читал «Молот ведьм». Ведь судьи стояли на позициях, которые страшнее простой презумпции

виновности: считалось, что устами обвиняемой говорит дьявол, целью которого является любыми средствами уклониться от наказания, назначаемого для спасения души. И тогда судьи под давлением англичан прибегли к низкой хитрости. Чтобы наверняка исключить ее участие в будущих битвах, Жанну заставили поклясться, что она никогда больше не наденет мужскую одежду. А потом ее вызвали на допрос, похитив ее женское платье и подсунув мужское, которое она вынуждена была одеть. Только тогда и удалось обвинить ее, как клятвопреступницу.

Вот место, где Жанну Д'Арк сожгли. На этом месте сейчас стоит церковь в стиле модерн и притом (редчайший с моей точки зрения случай) церковь довольно гармоничная. Рядом собор, где её посмертно реабилитировали (стандартная ситуация в истории человечества), а потом причислили к Лику Святых.

Вот гробница великого крестоносца Ричарда Львиное Сердце, победителя Саладина, с которым он заключил мир. Ричард был совершенным и абсолютно бесстрашным рыцарем, полководцем и поэтом. Витек рассказывает нам о его матери Элеонор Аквитанской, одной из самых замечательных женщин Франции.

В 15 лет её выдали замуж за короля Людовика VII, который был на 2 года моложе ее. Несмотря на противодействие могучих политических сил и, в частности, всемогущего престолюдина-регента, аббата Сюзера, она в 30 лет развелась с королем и вышла замуж за девятнадцатилетнего Генриха Плантагенета, будущего короля Англии Генриха II. Элеонор родила ему несколько сыновей и дочерей, среди которых были Ричард Львиное Сердце, король Иоанн Безземельный, испанская королева Бланка Кастильская...

Элеонор была красавицей и покровительницей искусств. Легендарные трубадуры, менестрели и миннезингеры, такие как Бернар де Вентадур, слагали о ней песни. По подозрению в заговоре она была брошена в тюрьму своим мужем и с боем освобождена своим сыном, Ричардом Львиное Сердце. В 80 лет она едет в Испанию и делает Бланку Кастильскую королевой Франции.

По разному проявилось величие души у этих двух женщин, Жанны Д'Арк и Элеонор Аквитанской. У одной – в собственных поступках, у другой – в делах ее детей.

Звоню в Бонн Юре Манину. Он извиняется и говорит, что организовать визит не удалось. У нас возникает пара свободных дней перед запланированными лекциями в Страсбурге. Мы решаем использовать эти дни на Голландию. Голландии в наших планах не было, т. к. мне было страшно за Сашу – такая колоссальная нагрузка. Но интервал возник помимо нашей воли, и вывод напрашивался сам собой: Амстердам! Там и «Ночной дозор» Рембрандта и, самое главное для меня, музей Ван Гога. Забронировать недорогой отель в Бельгии или Нидерландах не удалось, и мы решили остановиться на полдороге, подле Лилля.

Утром направились в Амстердам. Слегка заблудившись в Лилле, к 14 часам доехали только до Антверпена. Заблудиться в чужом городе не проблема. Сколько раз один неверный поворот надолго уводил нас от намеченной цели, когда на магистрали уже долго нет пути назад, а главное, когда теряется Ариаднова нить дорожных указателей и остается только спрашивать дорогу у всех встречных и поперечных, которые посылают вас в противоположные стороны, а кто и ещё подальше... Ой, я перегибаю!

Нам часто встречались милые водители, которые на наш вопрос о дороге благородно предлагали: «Езжайте за мной, я вас выведу». Сколько раз при жутком дефиците времени перед неожиданной развилкой Саша страстно вопрошал: «Куда ехать?» А я тупо смотрел на эту развилку и, как Буриданов осел между двумя одинаковыми охапками сена, тщетно старался найти соломинку, которая дала бы хоть минимальный намек на правильный выбор. А Саша в гневном раздражении, которое он наивно пытался замаскировать с помощью заверений: «Я шучу, шучу...» ставил мне очередной «двойк» за штурманское ремесло.

В Антверпене Саша начал уламывать меня отложить Амстердам на завтра, а сегодня ограничиться осмотром Антверпена и Гента; последний по его воспоминаниям должен был быть особенно красивым. Но меня-то манят

музеи и, главное, Ван Гог. Саша убеждает меня, что завтра мы доедем до Амстердама гораздо раньше и у нас останется больше времени на музеи. Ладно, уговорил. Подчиняюсь. В результате Антверпен и Гент меня не вдохновили, хотя, наверное, не страдай я по Ван Гогу, впечатление было бы ярче. Саша, тоже почему-то не ощутивший особого восторга от экскурсии, отговаривается, что он спутал Гент с каким-то очень красивым французским городком. На следующий день выезжаем пораньше. И всё же доехали только в четвертом часу, а тут еще проблема найти стоянку для машины. Саша кружит по городу, причем одностороннее движение на узких улочках уводит все дальше и дальше от площади музеев. Я как на иголках, выхожу из себя и, боюсь, груб с Сашей.

Наконец, какая-то платная стоянка. В спешке отбиваем чек всего на час. Саша тоже на взводе. Говорит, что через час выйдет из музея и уладит вопрос. Бежим сначала в Rijksmuseum (Государственный музей); он закрывается в 17.30, а музей Ван Гога в 18 часов. Государственный музей невероятно богатый, но с очень запутанной системой коридоров. С трудом находим залы Рембрандта, видим прекрасное Отречение Петра и Автопортрет. Но Саше уже надо к машине, и мы договариваемся встретиться здесь же. После его ухода успокаиваюсь, нахожу Вермеера, два чудных полотна Ван Гога, и вот он, Ночной дозор. Это действительно лучшая картина Рембрандта. Совершенно потрясающая композиция и колорит; чудные, смешные, пестрые карлики в левом уголке картины... Из-за них офицеры, заказавшие Рембрандту свой групповой портрет, отказались выкупать картину, заявив, что эти карлики оскорбляют достоинство гвардии.

Саша возвращается. Показываю ему все самое главное и зову в музей Ван Гога. Он отказывается. Говорит, что хочет спокойно досмотреть этот музей и что мы встретимся у входа в музей Ван Гога. Бегу туда. И в третий раз за эту поездку плачу. На этот раз от восторга!

Я привык, что в самых лучших музеях от силы четыре Ван Гога. А здесь сотня! 5 залов, по залу на каждый

из периодов его жизни. Сначала, до 1886 года темные Нидерландские полотна. И вдруг, по приезде в Париж, когда ему исполнилось 33, лучезарные картины! За 4 года 4 периода: Париж, Арль, Сан-Реми, Овер. Как можно было за 4 года написать столько первоклассных картин? А ведь самых лучших Ван Гогов растащили все крупные музеи мира. Умер в 37 лет, как Пушкин. Застрелился. Решаю в каждом из залов выбрать по картине, которая нравится больше других. Получилось вот что. Светлая, как сама весна, картина «Огороды на Монмартре» в Парижском зале; в Арле – золотая с красными пятнышками крыш и невероятным голубым «Жатва»; в Сан-Реми – темно-зеленая со взрывами света «Трава под корнями деревьев»; и, наконец, траурная «Вороны над полем пшеницы». Я уж не говорю об автопортретах.

Мне всегда было очень любопытно сравнивать автопортреты разных художников. В музее несколько портретов Ван-Гога, сделанных очень хорошими художниками (его друзьями); на них Ван Гог выглядит по настоящему красивым. Но сам он рисовал себя совершенно беспощадно: неровная, рыжая щетина бороды, колючие зеленые глаза, резкие черты лица... Но почему от этих автопортретов исходит такая сила? Сила, конечно, есть и в автопортретах таких гениев, как Веласкес или Рубенс, однако видно, что они очень заботились о том, чтобы выглядеть красивыми. Я уж не говорю об автопортрете Гойя. Вот Рембрандт об этом не заботился. Я очень люблю его автопортрет в Дрезденской галерее, где он изобразил себя в зрелом возрасте. Одутловатые черты лица, далеко не гладкая, очень натуралистически написанная кожа, нос картошкой, одежда какая-то нелепая. Но взгляд! Внимательный, глубокий, острый – взгляд настоящего Художника. Его автопортрет в Амстердамском Государственном музее сделан уже в старости. Здесь взгляд полон какой-то чуть усталой мудростью.

Выхожу из музея на 15 минут раньше, надеясь закупить открыток. Но магазин уже закрыли и меня туда не пускают. Я не обижаюсь. Назавтра, полный Ван Гогом, гуляю около нашего отеля в окрестности Лилля. Кругом

авторуты и только рядом с отелем крохотный пяточок в несколько улочек с чистенькими домиками и аккуратно подстриженными, ухоженными садиками. Обращаю внимание на названия улочек. Ба! Ближайшая – rue Vinsent van-Gogh – с пояснением для невежд: «Нидерландский живописец». Мало того, рядом улицы Ренуара и Дега; без пояснений. Очевидно тот, кто готовил надписи, счел, что эти двое в пояснениях не нуждаются; их, дескать, и так все знают. Дальше площадь Карла Маркса с пояснением: «Немецкий социалист» и улица Робеспьера опять почему-то с пояснением: «Французский политический деятель» (хотя, мне казалось, что Робеспьер должен был бы быть более известен во Франции, нежели Ренуар и Дега). А сам наш отель стоит на “Rue du Grand But” – улице Великих Целей! Возвращаюсь в отель и вытаскиваю Сашу прогуляться и посмотреть на эти надписи. Он дрыгает ногами от хохота и бежит фотографировать названия улиц.

Наутро едем в Страсбург; здесь наши последние лекции во Франции. По дороге заезжаем в Люксембург, где красивый собор, но какие-то примитивные (чуть было не сказал уродливые) скульптурки, расставленные по улицам на каждом шагу.

В Страсбург нас пригласил Вилмос Коморник, прекрасный математик и очень милый, интеллигентный венгр, который учился в Петербурге. Я поведал ему мои впечатления от музея Ван Гога и мы вполне сошлись во вкусах. Узнал от него о недавних изысканиях, относящихся к биографии Ван Гога. Оказывается, Ван Гог не сам отрезал себе ухо. Это дело рук Гогена во время их ссоры, причиной которой была женщина. Не знаю почему, но эта версия (более живая) мне нравится больше, чем ходульные построения Сомерсета Моэма. Как, впрочем, и сам Ван Гог мне нравится несравненно больше Гогена.

Последний могучий аккорд красоты: кафедральный собор в Страсбурге и... прощай Франция.

В Германии мы почти ничего не смотрели: поджимало время. В Хемнице Саша всё время пытался накачать знаниями свою ученицу Зибиллу Хендрок, но у меня создалось впечатление, что эта его деятельность

серьезных плодов не принесла. Зато Саша пожинал обильные плоды в прямом смысле этого слова в процессе petit déjeuner (утреннего завтрака типа шведского стола), плата за который была включена в стоимость номера, снятого для нас университетом. Он блестяще демонстрировал немцам, которые и сами не промах плотно покушать, потрясающие возможности своего аппетита, оправдываясь тем, что ест про запас. Он даже грозился побить все рекорды Гиннеса в этой области. Фотографий не прилагаем, т. к. Сашенька, несмотря на всю мою моральную поддержку, слегка стеснялся.

В субботу утром уезжаем к моему бывшему аспиранту Ергу Шульце в Герлиц. Герлиц, оказывается, довольно милый городок, чудом сохранившийся во время войны, с изрядным количеством красивых зданий.

Решаем проскочить Польшу без ночевки. Для этого выезжаем в 11 ночи и добираемся до Минска к вечеру следующего дня. Магистраль оказывается сквозной, без единого поворота. Саша сидел за рулем без малого сутки с небольшим перерывом, когда на одной из остановок он пару часов поспал сидя.

Из Минска в Москву тоже, разумеется, без остановок.

Перелистываю в памяти страницы нашего путешествия и поражаюсь. Сколько же можно увидеть, почувствовать, узнать, продумать, понять и сделать всего за два месяца! Как будто бы я прожил не два месяца, а по крайней мере год. Странная вещь время. При интенсивной духовной работе и активном общении оно растягивается. Нас как бы поощряют, добавляя и удлиняя (не в физическом, а в каком-то ином смысле) этот чудеснейший Божий дар – время...

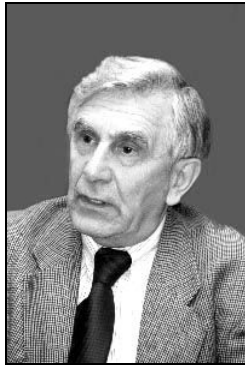
Февраль 2002 года

Об авторах

Василий Демидович – российский математик, доцент механико-математического факультета МГУ.

Габриэль Мерзон – российский физик, доктор физико-математических наук

Симон Шноль – советский и российский биофизик, историк науки, профессор кафедры биофизики физического факультета МГУ.

Андрей Масевич – преподаватель университета культуры и искусств и факультета социологии СПбГУ.

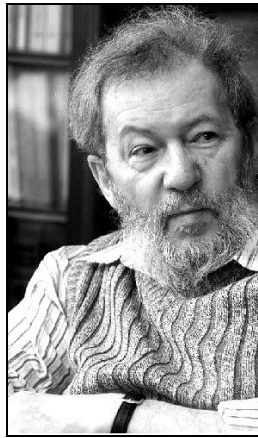
Эдуард Бормашенко – публицист, физик. Живет в Ариэле, Израиль.

Исанна Лихтенштейн – врач, литератор.

Игорь Фунт – редактор «Русской жизни», редактор изд-ва «Аэлита» («Уральский Следопыт»).

Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель.

Александр Зелинский – научный работник в области информационных технологий.

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

Илья Куксин – инженер гидролог, публицист. Живёт в Америке.

Виктор Юзефович – искусствовед, писатель.

Моисей Борода – композитор, писатель, поэт.

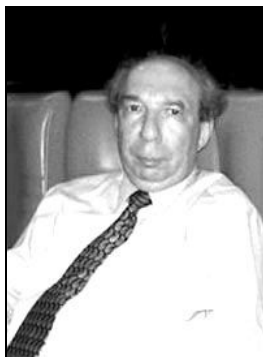
Василий Коголовский – историк, журналист.

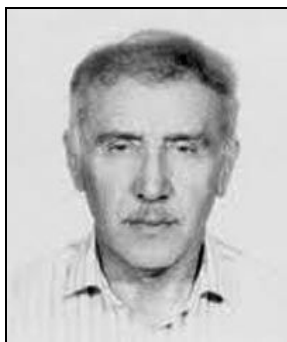
Анатолий Зак – старший научный сотрудник ПИ РАО, профессор кафедры педагогической психологии Московского городского психолого-педагогического университета.

Лев Мадорский – музыкант и учитель музыки, автор статей и книг на темы русскоязычной иммиграции.

Владимир Дембо – писатель, журналист, пианист, психолог, шахматный тренер.

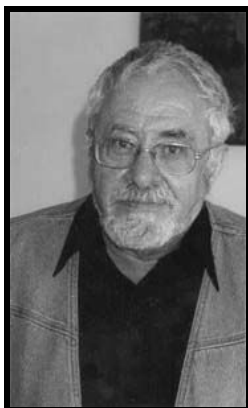
Соломон Воложин – читал доклады в Пушкинской комиссии. Несколько докладов, опубликованы.

Злата Зарецкая – доктор искусствоведения.

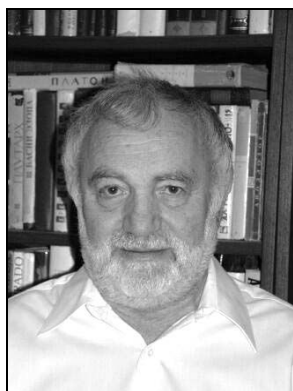
Лариса Миллер – поэт, прозаик, эссеист, член Союза Российских писателей и Русского ПЕН-центра.

Марк Азов – член союзов писателей России и Израиля, главный редактор журнала «Галилея»

Александр Каневский – писатель, сценарист, сатирик.

Александр Матлин – инженер-строитель, печатается в периодической прессе.

Елена Мазур-Матусевич – писатель, художник, профессор университета Аляски (США)

Елена Крюкова – Член Союза писателей России, директор культурного фонда «Fermata», США.

Михаил Юдсон – литератор.

Нелли Портнова – филолог, исследователь истории и культуры еврейства.

Борис Э. Альтшулер – врач-хирург, автор нескольких книг по лингвистике.

Михаил Зеликин – советский и российский математик, доктор физико-математических наук, профессор.

Журнал «Семь искусств», Июнь 2011
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2011, 621 стр. 24,5 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины